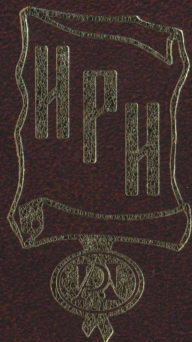

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

Выпуск

II

II

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

11

МОСКВА 2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, С.В. Журавлев (заместитель ответственного редактора),
А.П. Корелин, академик РАН Г.А. Куманев, В.А. Кучкин,
Н.М. Рогожин, Е.Н. Рудая (редактор-координатор), А.К. Соколов,
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов (заместитель
ответственного редактора)

Научно-техническая работа — И.А. Головань

Рецензенты:

д-р ист. наук В.М. Безотосный,
д-р ист. наук О.В. Хлевнюк

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук,
Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 11 / [отв. ред. Ю.А. Петров; ред.-координатор Е.Н. Рудая]. — 2013. — 487, [1] с. — ISBN 978-5-8055-0254-6.

Одиннадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» знакомит читателей с основными направлениями деятельности ИРИ РАН в контексте развития перспективных направлений исторической науки. Содержание материалов определяется, во-первых, приоритетными проблемами, которые получили освещение в докладах сотрудников и приглашенных ученых на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН. Второй группой публикуемых материалов являются статьи, отражающие научные дискуссии, связанные с празднованием в 2012 г. значимых исторических дат.

Выпуск отличается широтой хронологического охвата и разнообразием научной проблематики работ. Его структура состоит из семи блоков. Первые четыре из них приурочены к знаменательным датам отечественной истории: 1150-летию зарождения российской государственности, 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина, 70-летию Сталинградской битвы, 100-летию начала Первой мировой войны. Остальные три блока — «История России. XX век», «История внешней политики России и СССР» и «Региональная история и краеведение».

ISBN 978-5-8055-0254-6

© Институт российской истории РАН, 2013
© Российская академия наук, серия
«Труды Института российской истории»
(разработка, оформление), 1997 (год
основания), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

1150 ЛЕТ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

<i>В.А. Кучкин</i> Московские Рюриковичи за 335 лет.....	11
<i>П.С. Стефанович</i> Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в.	19
<i>О.В. Новохатко</i> Переславль-Залесский в XVII в.: управление городом.....	58

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.А. СТОЛЫПИНА

<i>А.П. Корелин</i> Реформы П.А. Столыпина: исторический опыт и уроки	88
--	----

70-ЛЕТИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

<i>Г.А. Куманев</i> Некоторые итоги, последствия и уроки Сталинградской битвы (К 70-летию выдающейся победы на Волге).....	116
<i>В.С. Христофоров</i> Бои под Сталинградом глазами американского генерала (28 ноября — 7 декабря 1942 г.)	135
<i>М.Ю. Мягков</i> Операция «Марс»: ее стратегическое и военно-политическое значение в ходе Сталинградской битвы.....	157

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>С.Н. Базанов</i> Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны	171
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ. XX ВЕК

<i>О.М. Вербицкая</i> Социальные последствия советской мобилизационной экономики 1930-х годов	185
---	-----

<i>Е.А. Осокина</i>	
Торгсин в советской экономической системе 1930-х годов	206
<i>А.Ю. Ермолов</i>	
Конверсия промышленности боеприпасов в 1945 г.	227
<i>В.Н. Земсков</i>	
Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944—1952 гг.	244
<i>Е.Ю. Зубкова</i>	
«Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940—1960-е годы.....	285
<i>Н.Ф. Бугай</i>	
Проблемы трудовой занятости российских цыган в постсоветский период.....	311

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И СССР

<i>М.Ю. Анисимов</i>	
Русская дипломатия в Константинополе в годы Семилетней войны 1756—1763 гг. в Европе.....	331
<i>Д.Б. Павлов</i>	
Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг.	365
<i>И.В. Быстрова</i>	
«Большая тройка» в 1941—1945 гг.: неформальные страницы военно-дипломатической истории	416
<i>В.П. Сафронов</i>	
Визит А. Гарримана к И.В. Сталину в Сочи и японский вопрос (октябрь 1945 г.).....	446

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>К.А. Аверьянов</i>	
Нёнокса — край северных солевиков	468
Сведения об авторах.....	484

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» продолжает пятнадцатилетнюю традицию издания материалов, которые знакомят читателей с основными направлениями деятельности ИРИ РАН в области изучения отечественной истории и развития перспективных направлений исторической науки.

Содержание материалов данного выпуска определяется, во-первых, приоритетными научными проблемами, которые получили освещение в докладах сотрудников и приглашенных ученых на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН (эти доклады были переработаны авторами и публикуются в виде статей). Второй группой публикуемых материалов являются статьи, отражающие научные дискуссии, связанные с празднованием в 2012 г. значимых исторических дат.

Выпуск отличается широтой хронологического охвата и разнообразием научной проблематики работ. Статьи посвящены истории государственного управления, военной и социальной истории России, истории внешней политики, исторической демографии, генеалогии и краеведения; от средних веков до современной истории России. Кроме того, ряд работ претендуют на концептуальное осмысление исторических процессов.

Структурно сборник состоит из семи блоков. Первые четыре из них приурочены к знаменательным датам отечественной истории: 1150-летию зарождения российской государственности, 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина, 70-летию Сталинградской битвы и «К 100-летию начала Первой мировой войны». Другие три блока сформированы по тематическому признаку: «История России. XX в.», «История внешней политики России и СССР» и «Региональная история и краеведение».

Юбилей российской государственности обусловил обращение авторов к сюжетам, связанным с властью и управлением в Древнерусском государстве и в России на рубеже Средневековья и Нового времени. Статья В.А. Кучкина «Московские Рюриковичи за 335 лет» представляет собой исследование, выполненное в русле исторической демографии. Изучение демографического развития многих стран, в том числе и России, затруднено из-за ограниченности дошедшей до нас источниковой базы. Стремясь решить эту проблему, автор обращается к материалам по генеалогии московских Рюри-

ковичей за период с 1263 по 1598 г., рассматривая эти сведения под оригинальным ракурсом. В центре его внимания — не просто состояние здоровья, но, по большому счету, способность управлять страной представителей правящей династии Московского государства.

П.С. Стефанович в своей статье «Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в.» стремится определить тех, кто составлял правящий слой Древнерусского государства в его ранний, дохристианский период. Для этого он обращается к дипломатическим материалам (в особенности — к русско-византийским договорам). На их основе автор реконструирует состав и структуру правящей верхушки Руси, выявляет динамику роста ее численности, прослеживает влияние сопредельных стран (Византия, скандинавские королевства).

Вопросы организации городского управления Средневековой Руси затронуты в статье О.В. Новохатко «Переславль-Залесский в XVII в.: управление городом». На примере типичного русского города той поры выясняется соотношение структур государственной власти и местного самоуправления, их взаимодействие, степень эффективности и др.

В 2012 г. широко отмечалось 150-летие со дня рождения выдающегося государственного деятеля Российской империи П.А. Столыпина. В публикуемой в «Трудах» статье А.П. Корелина «Реформы П.А. Столыпина: исторический опыт и уроки» автор дает в целом высокую оценку его реформаторским инициативам, отмечает, что его программа преобразований носила системный и долгосрочный характер. Тем не менее, А.П. Корелин не разделяет апологетическую оценку деятельности Столыпина, предлагая свою трактовку политической роли российского премьер-министра.

Грядущая знаменательная дата — 100-летие начала Первой мировой войны отмечена в «Трудах» исследованием С.Н. Базанова о представителях славянских народов, волею судеб сражавшихся против России и оказавшихся в российском плену. Обращаясь к феномену сотрудничества бывших подданных Центральных держав с российской властью, автор показывает, что только Российская империя могла привлекать бывших солдат противника на свою сторону, формируя из них боевые подразделения.

Тематически к проблематике статьи Базанова примыкают материалы из блока «История внешней политики России и СССР». Статья М.Ю. Анисимова «Русская дипломатия в Константинополе в годы Семилетней войны 1756—1763 гг. в Европе» показывает высокую эффективность действий российской дипломатии, что позволило достигать стратегических целей (в данном случае — недопущения

участия турок в военных действиях на стороне противника). Автор подробно пишет о том, как русская дипломатия стремилась обеспечить нейтралитет одного из ведущих игроков на международной арене того времени — Османской империи — в период военного конфликта между Россией, Австрией и Францией, с одной стороны, и Пруссией и Англией, с другой. Именно такой системный подход к исследованию истории международных отношений позволяет создать полнокровную историческую картину.

В масштабном компаративистском исследовании Д.Б. Павлова «Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг.» рассказывается об одном из аспектов противостояния двух стран в кризисный период их отношений. Автором охарактеризованы организация и методы работы пропагандистских аппаратов двух стран, содержательная составляющая их усилий. Особый интерес представляет сравнение степени эффективности пропагандистских машин России и Японии в борьбе за привлечение на свою сторону мирового общественного мнения.

70-летнему юбилею Сталинградской битвы посвящены статьи Г.А. Куманева, В.С. Христофорова и М.Ю. Мягкова. Академик Г.А. Куманев сосредоточился на осмыслении итогов, последствий и уроков битвы. Показывая героическую деятельность личного состава и руководства Вооруженных сил, Русской Православной Церкви и народа в целом, автор приходит к выводу о решающей роли общенационального единства в достижении Победы. Автор обращает внимание на необходимость более глубокого изучения опыта первых военных лет и в целом «всех слагаемых материального и духовного потенциала этой беспримерной победы».

В статье В.С. Христофорова «Бои под Сталинградом глазами американского генерала (28 ноября — 7 декабря 1942 г.)» битва раскрывается в неожиданном ракурсе — сквозь призму посетивших места боев представителей союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Статья написана на рассекреченных материалах советской контрразведки, которая анализировала, как оценивают ситуацию под Сталинградом и что именно сообщают своему руководству эти представители. Наличие подобной информации у советского руководства позволяло ему лучше выстраивать взаимоотношения с союзниками.

Статья М.Ю. Мягкова «Операция “Марс”: ее стратегическое и военно-политическое значение в ходе Сталинградской битвы» посвящена изучению одной из важнейших операций Сталинградской битвы. Речь идет о наступательной операции сил Западного и Калининского фронтов в конце 1942 г., вошедшей в историю под

названием второй Ржевско-Сычевской операции. Она долгое время считалась провальной, что, по мнению автора, не является справедливым. Критикуя многочисленные публицистические, зачастую идеологизированные книги о Сталинградской битве, автор призывает к строго научной, объективной оценке сражения на основе достоверных фактов.

К данному блоку примыкают публикации «Трудов» по истории России XX в., связанные с государственной политикой в период Великой Отечественной войны. В статье А.Ю. Ермолова «Конверсия промышленности боеприпасов в 1945 г.» на примере одной из важнейших, но до сих пор малоизученных отраслей военной промышленности СССР рассказывается о механизме принятия решений и их осуществлении в чрезвычайных условиях военного времени.

Важной, острой и малоизученной теме посвящена статья В.Н. Земскова «Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944—1952 гг.». Автор рассматривает различные аспекты противоречивого процесса возвращения на родину миллионов советских граждан, оказавшихся в плену или угнанных на принудительные работы в период Великой Отечественной войны. В.Н. Земсков основывает свою работу на архивных источниках, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Они позволяют во многом по-новому взглянуть на эту проблему, «обросшую» слухами и мифами.

Несколько статей «Трудов» посвящено внешней политике СССР военных лет. Исследование И.В. Быстровой «“Большая тройка” в 1941—1945 гг.: неформальные страницы военно-дипломатической истории». Статья отличается оригинальностью тематики, необычным ракурсом и тем, что в ней вводится в оборот массив малоизвестных источников, в том числе личного происхождения. Автором детально изучен вопрос о значении неформальных личных контактов, симпатий и антипатий, возникавших между руководителями СССР, США и Великобританией. В статье рассматривается широкий круг проблем политического, экономического, военно-технического сотрудничества союзников. Автор отмечает значительную роль неформальных связей лидеров трех стран в выработке единой стратегии, приведшей, в конечном счете, к победе во Второй мировой войне.

В статье В.П. Сафронова «Визит А. Гарримана к И.В. Сталину в Сочи и японский вопрос (октябрь 1945 г.)» впервые в отечественной историографии детально исследуется история одной встречи государственных лидеров. На примере данных переговоров автор прослеживает начальный этап охлаждения отношений между бывшими союзниками, что вскоре привело к началу «холодной войны».

Заметное место в «Трудах» занимает социальная и экономическая история советской и постсоветской России. Статьи посвящены в основном взаимоотношению государства и общества — теме, в последнее время находящейся на передовой научных дискуссий. Здесь читатель найдет немало оригинальных, малоизученных сюжетов. Среди них отметим работу Е.Ю. Зубковой «“Бедные” и “чужие”: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940—1960-е годы», посвященную изучению маргинальных слоев советского общества. Автор ставит проблему существования в Советском Союзе такого явления, как нищенство; предлагает концептуальный взгляд на него; рассматривает понятийный аппарат (как использовавшийся в советский период, так и современный), наконец, представляет и анализирует богатый фактический материал по теме, в значительной степени впервые вводимый в научный оборот. Автора интересуют мотивы нищенства, масштабы его распространения, социальный состав нищих, реакция центральной и местной власти на существование этой проблемы, государственная политика по отношению к нищим и бродягам.

Значительный интерес представляют публикации по экономике раннего сталинизма. Е.А. Осокина пишет о «Торгсине в советской экономической системе 1930-х годов». Через призму функционирования данного учреждения она изучает финансовую и социально-экономическую политику власти, ее цели и степень эффективности их достижения. Отмечена огромная роль Торгсина в получении средств, необходимых для проведения индустриализации СССР.

О.М. Вербицкая в статье «Социальные последствия советской мобилизационной экономики 1930-х годов» поднимает малоизученные вопросы периода коллективизации. Автор исследовал демографические показатели, которые позволяют оценить влияние создания колхозной системы на социально-экономические процессы в стране. Анализируя принимаемые решения, автор выделяет как негативные, разрушительные, так и эффективные шаги руководства страны.

Н.Ф. Бугай, посвятивший последние годы изучению истории наций и народностей России новейшего периода, публикует в «Трудах» статью «Проблемы трудовой занятости российских цыган в постсоветский период». В исследовании много внимания уделено государственной политике в сфере национальных и межнациональных отношений, становлению и развитию малых этнических общностей России в условиях 1990-х годов. Автор подробно анализирует вопросы социальной адаптации цыганского этноса, не скрывая наличие реальных трудностей и проблем. Автор обращает внимание и на изу-

чение роли самих этнических общностей в поиске их места в многонациональном российском обществе.

Замыкает данный выпуск «Трудов ИРИ РАН» публикация К.А. Аверьянова «Нёнокса — край северных солеваров». Она написана по итогам совместной конференции Института российской истории РАН, автономной некоммерческой организации «Пудожемское устье» и администрации села Нёнокса, посвященной истории этого старинного поморского села, имеющего богатые хозяйственные и культурные традиции. В данном исследовании освещены многие аспекты экономической, социальной, этнографической, культурной истории села и Поморья в целом.

В целом авторы очередного выпуска «Трудов Института российской истории» стремились расширить исследовательское поле за счет привлечения новых историографических сюжетов, новых комплексов архивных источников, за счет нового прочтения уже известных документов. Редколлегия «Трудов» надеется, что выпуск будет с интересом встречен читателем и поспособствует активизации научных дискуссий по отечественной истории.

Предыдущие выпуски: Доклады Института российской истории РАН, 1995—1996 гг. — М.: [ИРИ РАН], 1997. — [Вып. 1]. — 250 с.; Труды Института российской истории РАН, 1997—1998 гг. — М.: [ИРИ РАН], 2000. — Вып. 2. — 479 с.; Труды Института российской истории РАН, 1999—2000. — М.: [ИРИ РАН], 2002. — Вып. 3. — 323 с.; Труды Института российской истории [РАН]. — М.: Наука, 2004. — Вып. 4. — 311 с.; М.: Наука, 2005. — Вып. 5. — 350 с.; М.: Наука, 2006. — Вып. 6. — 329 с.; М.: Наука, 2008. — Вып. 7. — 428 с.; М.: Наука, 2009. — Вып. 8. — 383 с.; М.: [Гриф и К], 2010. — Вып. 9. — 524 с.; М.: [ИРИ РАН], 2012. — Вып. 10. — 493 с.

1150 ЛЕТ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В.А. Кучкин

МОСКОВСКИЕ РЮРИКОВИЧИ ЗА 335 ЛЕТ

В статье уточняется генеалогия московских Рюриковичей, правивших Московским княжеством и Русским государством с 1263 по 1598 г. За 335 лет сменилось 10 поколений московских Рюриковичей. Продолжительность их жизни в разных коленах была различной. В коленах I—IV — 41,75 года, в V—VIII — 43,5, в IX—X — 32,3. Менялся и брачный возраст: соответственно 17,25 года, 22,18 и 15,8. Сокращение возрастов в IX—X коленах объясняется репрессиями Ивана Грозного. Большинство браков (22 из 33) московские князья заключали с Рюриковнами из других княжеств. Близкородственные браки стали главной причиной вырождения московских Рюриковичей.

Ключевые слова: московские князья; генеалогия; демография; продолжительность жизни; изменение брачного возраста; степень родства брачующихся.

V.A. Kuchkin

The Moscow Rurik dynasty during 335 years

The article describes more precisely the genealogy of the Moscow dynasty from the House of Rurik. They ruled over Moscow Principality and then over Russian State from 1263 to 1598. Ten generations of the Moscow Rurik dynasty had changed during 335 years of their rule. Duration of their life varied throughout generations. It averaged 41,75 years for generations I—IV, 43,5 years for generations V—VIII, and 32,3 years for generations IX—X. The average age of marriage had also changed, from 17,25 years to 22,18 and 15,8 years respectively. Lower average duration of life for generations IX—X is explained by the repressions of Ivan the Terrible. The Moscow Princes married mostly (22 cases out of 33 verified) female descendants of the House of Rurik from the neighbouring Russian Principalities. These nearly related marriages were the major factor that brought about degradation and end of the Moscow House of Rurik.

Keywords: Moscow Princes; genealogy; demography; duration of life; age of marriage; blood relationship of married couples.

Когда после второй мировой войны во Франции стали появляться труды по исторической демографии¹, они сразу же привлекли к себе внимание не только демографов, занимавшихся изучением современного им населения, но и историков — специалистов по истории Древнего мира и Средних веков. Выяснилось, что исследования по демогра-

фии давних столетий способны дать ответы на такие сложные вопросы, как причины изменения соотношений различных социальных групп в обществах прошлого, степень зависимости численности населения от неурожая, падежа скота или цен на предметы первой необходимости, оценить деятельность правительств раннего времени в области брака и семьи и т. д. Поэтому во многих странах в 50—60-х годах XX в. стали появляться различные школы, центры и даже институты, начавшие пристальное изучение демографических процессов. Исследования эти касались преимущественно периода с середины XVII в., когда появились церковно-приходские книги, фиксировавшие рождения, браки и смерти прихожан, до середины XIX столетия, когда во многих странах мира начала организовываться государственная статистическая служба, собиравшая и обобщавшая самые различные данные о населении.

Что касается более отдаленного прошлого, например, периода западноевропейского развитого феодализма XI—XV вв., то успешное разрешение вопросов демографического развития государств указанного времени напрямую зависит от того, сохранились ли ранние исторические источники, содержащие такие сведения о народонаселении этих государств, которые могут быть подвергнуты статистической обработке. В Италии, Германии, Франции, Англии и Испании они есть, но во многих странах отсутствуют. К числу последних относится и Россия, где подобные материалы сохранились только с конца XV в. Поэтому мы не знаем, например, какова была численность населения русских княжеств в XIV в., и можно ли, скажем, политические успехи московских князей того времени объяснять бóльшим числом жителей Москвы и Московского княжества по сравнению с другими княжествами; не знаем, какова была средняя продолжительность жизни русского человека в средние века; сколько детей было в его семье, кто из них умирал в детстве, а кто достигал зрелого возраста, когда такие дети женились или выходили замуж и т.п. Чтобы попытаться хотя бы в какой-то мере охарактеризовать отмеченные моменты человеческой жизнедеятельности и исторического развития общества в целом, следует обратиться к свидетельствам, которые в наибольшей степени способны осветить такие вопросы. Свидетельства подобного рода заключены в генеалогических материалах. Из последних наиболее представительны материалы по генеалогии московских князей. Династия этих князей, став господствующей в Русском государстве последней четверти XV—XVI в., сберегла многие документы своего фамильного архива. Аналогичные же материалы иных потомков Всеволода Большое Гнездо не сохранились, а в ряде случаев, поступая в Москву от прежних владельцев, намеренно уничтожались крепнувшим московским единодержавием, чтобы избежать политических и владельческих притязаний со стороны наследников быв-

ших нижегородских, суздальских, тверских² и других князей Рюрикова дома. Сбереженные свидетельства о московских князьях и можно использовать в качестве определенных показателей, позволяющих составить примерное представление о демографических процессах, шедших в русских землях на протяжении XIII—XVI столетий.

Следует заметить, что по генеалогии московских Рюриковичей существует громадная литература, используя которую, можно, казалось бы, легко составить перечень всех московских князей и дать основные факты их биографий: когда родился, когда вступил в брак, сколько имел детей, когда скончался. Но эта громадная литература почти вся компилятивна, она не основана на изучении первоисточников. Поэтому предварительной задачей является уточнение генеалогии московских Рюриковичей на основе первичных материалов, часть которых была открыта или опубликована только в последнее время.

Всем известен Дмитрий Шемяка, ослепивший в феврале 1446 г. своего двоюродного брата великого князя Василия II. У Шемяки был старший брат Василий Косой и младший брат Дмитрий Красный. Все они названы в завещании их отца Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского. Считалось, что у Юрия и было всего три сына. Однако 20 лет назад Г.В. Семенченко показал, что у Юрия был еще один сын, причем старший, Иван, умерший весной 1432 г. в Галиче³. Юрий в то время находился в Орде. На Русь он вернулся лишь в конце июня 1432 г. Очевидно, что смерть старшего сына и заставила его написать свое завещание, в котором наследниками выступили только три младших сына. Само завещание было составлено в июле — августе 1432 г. (в завещании не упоминается Иван, но называется как принадлежащий Юрию город Дмитров, отобранный у него Василием II в августе 1432 г.).

В завещании Василия Темного конца 1461 — начала 1462 г. указаны пятеро его сыновей-наследников (Иван III — 1440, Юрий Дмитровский — 1441, Андрей Угличский — 1446, Борис Волоцкий — 1449, Андрей Вологодский — 1452). Однако в Родословной книге (родословные книги появляются в 40-х годах XVI в.), восходящей к Государеву родословцу 1555 г., приведены имена шести сыновей Василия II. А в Родословной книге редакции «43 главы с приписными» названы семь его сыновей. Именно эта цифра дана А.В. Экземплярским⁴ в его труде о князьях Северной Руси в татарский период и отсюда кочует из одного генеалогического справочника о Рюриковичах в другой. Однако в целом ряде летописных сводов конца XV в. указано восемь сыновей Василия Темного⁵. Так сколько же их было: пять, шесть, семь или восемь? Оказывается, все-таки восемь (обнаруживается летописная запись о рождении у Василия II 30 сентября 1454 г. сына Дмитрия)⁶.

После этих частных замечаний, уточняющих генеалогию московских князей, можно перейти к характеристикам более общего порядка.

Генеалогические материалы содержат данные преимущественно о мужских представителях рода московских Рюриковичей. До последней четверти XV в. источники крайне редко фиксируют рождение у московских князей дочерей. Но, несмотря на неполноту данных, определенные статистические подсчеты оказываются возможными, а полученные результаты могут быть использованы для выявления реальных процессов, шедших в семьях московских правителей и, возможно, не только в таких семьях.

Остановимся на некоторых общих показателях. Династия московских Рюриковичей просуществовала с момента образования Московского княжества в 1263 г. и до кончины царя Федора Ивановича в 1598 г., всего 335 лет. За это время сменилось 10 поколений московских Даниловичей. Средняя продолжительность жизни одного поколения составляла 33,5 года. За столетие сменялось три поколения. Изучение истории родов русского боярства в те же века, как показал С.Б. Веселовский, дает сходное соотношение: 6—7 поколений за 200 с лишним лет⁷. Если будет выяснено, что и у представителей других слоев русского средневекового общества поколения сменялись через 30 с небольшим лет, то станет очевидным, что в русском средневековье продолжительность жизни не зависела напрямую от материального обеспечения живущих.

Самую короткую жизнь из московских князей прожил сын Симеона Гордого от первого брака с литовской княжной Айгустой (в крещении Анастасией) Гедиминовной Константин — 1 день. Самую долгую жизнь — Иван III, проживший 65 лет и более 9 месяцев.

Что касается средней продолжительности княжеской жизни, то она менялась. В коленах I—IV (XIII — начало XV в.) она составляла 41,75 года. В коленах V—VIII (последняя треть XIV — первая треть XVI в.) средний возраст достигал 43,5 года. Поэтому имеющееся в научной литературе указание на среднюю продолжительность жизни князей в Руси XIV—XV вв. (35—40 лет) оказывается неверным⁸. В коленах IX—X (30-е годы XVI в. — конец XVI в.) князья и цари жили в среднем 32,3 года. Резкое уменьшение сроков жизни в последних двух коленах московских Рюриковичей объясняется репрессиями Ивана Грозного и общей деградацией рода.

По поколениям менялся и возраст брачующихся князей. Для колен I—IV он составлял в среднем 17,25 года. Для колен V—VIII эта цифра меняется на 22,18 года. В коленах IX—X средний возраст впервые вступающих в брак князей резко снижается, составляя всего 15,8 лет. Такое снижение определялось насильственными действиями Ивана IV по формированию семей своих ближайших родственников.

Что касается брачного возраста невест и продолжительности жизни княгинь, то они определяются гораздо хуже из-за отсутствия соответствующих данных. Можно только сказать, что в XIV — первой половине XV в. невесты выходили замуж в 13—15 лет, позднее — в 14—23 года. Жили московские Рюриковны в браках по-разному. Одни умирали в 19 лет, другие доживали почти до 80 лет.

Одиннадцать князей — потомков Даниила Московского — умерли холостяками. Другие Даниловичи создавали семьи. Всего с XIII в. по конец XVI в. московские князья заключили 60 браков. Дважды в брак вступали пять великих князей и шесть удельных. Один великий князь и один царевич женились трижды. Царь Иван IV играл свадьбы шесть раз. Поэтому число семей превышало число вступающих в брак князей.

Из 60 браков 16 были бесплодными. Бесплодие объясняется разными причинами: неспособностью супруга или супруги иметь детей (последний волоцкий князь Федор Борисович, Василий III и Соломония), ранней смертью супруга или супруги (сын Василия I Иван умер спустя полгода после свадьбы; третья жена Ивана IV Марфа Васильевна Собакина — через 13 дней после свадьбы), ранним разводом супружеской пары (два первых брака царевича Ивана Ивановича).

В остальных 44 семьях московских князей было рождено 137 детей. Это число складывается как из прямых указаний источников, так и из данных косвенных.

Из появившихся на свет 137 московских княжичей и княжон в младенческом, детском и отроческом возрасте (до вступления в брак, т. е. примерно до 16 лет) умер 51 ребенок. В результате этого 14 княжеских семей оказались бездетными. В целом, величина детской смертности у московских Рюриковичей равнялась 37,2% от общего числа рожденных детей. Это высокий показатель, свидетельствующий о слабом развитии и применении медицинских знаний в России того времени.

Детей, достигших зрелости, оказывается 86 человек. Такое число приходится на 30 семей московских князей, в среднем на такую семью приходилось по 2,87 ребенка, т. е. княжеская семья состояла из супружеской пары и двух—трех детей. Такой показатель соответствует среднему показателю численности семьи различных социальных групп в Западной Европе в XV в.⁹ Но если учитывать все семейные княжеские пары, то соответствующий коэффициент понизится вдвое — 1,43 ребенка на семью, свидетельствуя о постепенном вымирании рода московских Рюриковичей.

Важны и дифференцированные показатели. Взяв за критерий количество выросших детей, мы получаем следующую картину состава 30 московских княжеских семей: один ребенок — 11 семей, два ребенка — пять семей, три ребенка — семь семей, четыре ребенка — одна

семья, пять детей — одна семья, шесть детей — три семьи, восемь детей — одна семья, девять детей — одна семья. Наиболее многочисленной группой являются семьи, воспитавшие по одному ребенку (11 семей из 30). Подавляющее же большинство княжеских семей (23 из 30) доводило до зрелости от одного до трех детей. Самые многочисленные семьи были только у великих князей. Удельные князья, хотя и жили столь же долго, что и князья великие, явно уступали им по числу взрослых сыновей и дочерей. Судя по всему, это было результатом сознательного ограничения рождаемости в семьях удельных князей, что позволяло им меньше дробить свои владения, поддерживать их целостность и, благодаря этому, сохранять относительную экономическую и политическую независимость. Но в принципе существование удельных князей было predetermined, они должны были сойти с исторической сцены даже без вмешательства в их жизнь верховной власти.

Генеалогия московских Рюриковичей дает редкую возможность проанализировать происхождение их жен. В 13 браках из 60 происхождение княгинь неизвестно. В истории же остальных 47 браков ясно обнаруживается четкая граница. Это начало XVI в., когда московские верховные правители начинают жениться на дочерях своих подданных.

В коленах I—IV московские князья женились исключительно на дочерях суверенных властителей. В XV в. с V колена положение меняется. Московские князья начинают жениться на дочерях удельных князей и даже на боярышнях. Однако московские великие князья до начала XVI в. боярышень в жены никогда не брали. Отсутствовавшая в XIII—XIV вв. и редкая в XV в. (три случая) практика женитьбы московских Рюриковичей на дочерях служившей им нетитулованной знати в XVI в. получает большое распространение. Из 18 браков, заключенных представителями последних трех (VIII—X) колена московских Рюриковичей, 11 браков было заключено с представительницами нетитулованной знати.

Однако браков Даниловичей с титулованными особами было значительно больше — 33. В число таких особ входили жены московских князей как иноземного, так и русского происхождения. Шесть браков было заключено с литовскими князьями. Два брака — с боковой ветвью византийских Палеологов. По одному браку было заключено с представительницами Орды, Валахии (Молдавии) и Черкесии (Кабарды). Всего с иноземками (в двух случаях — Елена Глинская и Евфросиния Хованская — такое определение условно) было заключено 11 браков.

Наибольшее число браков — 22 — было заключено московскими Рюриковичами с русскими князьями. С представительницами тверского княжеского дома было заключено три брака, с мезецкими князьями — два, с серпуховскими — два, смоленскими — два,

ярославскими — два. По одному браку — с брянской, воротынской, Галича Мерского, нижегородской, новосильской, одоевской, палецкой, пронской, радонежской, ростовской и рязанской княжнами. При этом три брака было заключено с московскими по происхождению княжнами, девять браков было заключено с Рюриковнами из других княжеств Северо-Восточной Руси, а десять — с представительницами прилегавших к ним княжеств.

Породнение московских Рюриковичей с другими Рюриковичами, особенно из северо-восточных княжеств, с которыми у них был общий предок — Всеволод Большое Гнездо, представляло собой бракосочетания в одной родственной группе. А это приводило к биологической деградации потомства. Дети рождались и быстро умирали, как это было в семье Василия I, где из пяти сыновей выжил лишь один, росли слабыми и хилыми, не оставляли потомства (Федор Волоцкий, Василий III и Соломония), умирали холостяками (особенно часто в VII и VIII коленах).

Как известно, браки между родственниками нередко приводят к гемофилии — несвертываемости крови. Василий III, царевичи Иван Иванович и Дмитрий Угличский умерли от ран. Характерен эпизод гибели царевича Ивана Ивановича, заступившегося за свою третью жену, которую избивал его отец Иван Грозный. Русские летописи рассказывают, что при ссоре отец ударил сына «осном», т.е. острым наконечником трости (посоха), в тело или в ногу. Иностранцы говорят об ударе посохом в голову, «почти в висок». Именно такой момент запечатлен на известной картине И.Е. Репина, где Грозный оплакивает умирающего сына. Однако в 1903 г. Н.П. Лихачев путем тонкого анализа выяснил, что ссора произошла 9 ноября 1581 г. и что получивший ранение 27-летний Иван Иванович прежде, чем скончаться, проболел 10 дней¹⁰. Не свидетельствует ли этот эпизод, как и случаи с Василием III и царевичем Дмитрием, о том, что спасти их не удалось и по той причине, что они страдали гемофилией?

Физиологические отклонения сопровождалось умственными. Это отмечается уже в V колена московских Рюриковичей. Четвертый сын Дмитрия Донского Иван признается исследователями душевнобольным. В поведении представителей IX—X колена московских Рюриковичей: Ивана IV, его брата Юрия, царевича Дмитрия Угличского и царя Федора, психические отклонения обнаруживаются явно. Тяжелое впечатление оставлял у современников брат Ивана IV Юрий, который «быль безъ ума и безъ памяти и безсловесень, тако же аки дивь якои родился»¹¹. А вот описание поведения Ивана IV, составленное монахом Троице-Сергиева монастыря 14 месяцев спустя после гибели царевича Ивана Ивановича: приехав в Троицкий монастырь,

царь «призвал к себе келаря старца Еустафия да старца Варсунофия Якимова, да туто и духовник его стоял близко архимарит Феодосей — только трое их. И учал государь царь рыдати и плакати, и молити о том келарю старцу Еустафию и старцу Варсунофию Якимову втайне, а архимарита Ионы туто не призвал, чтоб его сыну государю царевичу Иванну учинили в особ поминати ... И о том поминание о царевиче Иванне плакал и рыдал, и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю челом положил со слезами и рыданием»¹².

Кажется поэтому неслучайным, что с V колена начинаются бракосочетания удельных московских Рюриковичей с нетитулованной знатью. А с VIII колена наступает время браков уже и великих князей с представительницами такой знати. Существовавшая долгие времена родственная группа Рюриковичей, внутри которой создавались княжеские семьи, распадается. Но было уже поздно. Московские Рюриковичи изживают себя.

¹ Начало было положено французским исследователем Жаном Мёвре, опубликовавшим в 1946 г. работу о населении Дижона во второй половине XVII — начале XVIII в. См.: Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. — М., 1984. — С. 22.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. — М.; Л., 1950. — С. 156. — № 52. (Договор 1448—1449 г. Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым содержал требование отдать в Москву все ордынские ярлыки, полученные нижегородскими князьями на Суздаль, Нижний Новгород и Городец). В XVI в. такие ярлыки тверским князьям, хранившиеся в Москве, пропали. См.: *Черепнин, Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л., 1948. — Ч. I. — С. 227.

³ *Семенченко, Г.В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1991. — [Т.] 22. — С. 188—193.

⁴ *Экземлярский, А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1889. — Т. I. — С. 187.

⁵ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1913. — Т. 18. — С. 24; Пг., 1921. — Т. 24. — С. 227; М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 298; М.; Л., 1963. — Т. 28. — С. 141.

⁶ *Там же.* — М., 1994. — Т. 39. — С. 147.

⁷ *Веселовский, С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 19.

⁸ *Мазуров, А.Б., Никандров, А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. — М., 2008. — С. 245.

⁹ Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. — С. 212, 220, 226, 232, 245.

¹⁰ *Лихачев, Н.П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. — СПб., 1903. — С. 56, 57.

¹¹ *Ерусалимский, К.Ю.* Сборник Курбского. — М., 2009. — Т. II. — С. 198 и вар. 4.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 29.

П.С. Стефанович

ПРАВЯЩАЯ ВЕРХУШКА РУСИ ПО РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИМ ДОГОВОРАМ X В.

---

*Автор исследует свидетельства русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг. о тех людях, которые официально выступали представителями Руси и в которых надо видеть ее правящий класс. Эти люди в сохранившихся церковнославянских копиях договоров обозначены словами «князья» и «бо(л)яре», а в греческом оригинале обозначались, видимо, одним словом «архонты» (ἄρχων). Большую роль в исследовании играет сопоставление данных договора 944 г. об этих людях с тем описанием приема княгини Ольги в Константинополе в 957 г., которое дает византийский император Константин Багрянородный в трактате *De Ceremoniis* и которое тоже, как выясняется, сообщает некоторые сведения об этих людях. Автор приходит к выводу, что правящий класс Руси в середине X в. составляли 25 знатных лиц («архонтов» или «архонтисс»), каждый из которых владел определенной территорией внутри «Русской земли», но которые признавали верховную власть киевского князя (или княгини). Эти люди представляли разные рода, причем род киевских князей был представлен несколькими лицами.*

Ключевые слова: история Древней Руси; древнерусское общество; знать; договоры Руси и Византии.

P.S. Stefanovich

The Ruling Class of Rus' according to the Treaties of Rus' with Byzantium of the 10th Century

The author explores the evidence of the treaties of Rus' with Byzantium of 911, 944 and 971 about the persons who officially represented Rus' and were in fact its ruling class. These persons are named as "kniaz'ya" and "bo(1)yare" in the Church-Slavonic translations of the treaties (preserved in the "Tale of By-gone Years"). In the Greek originals of the treaties they were probably indicated with one word "arhon". The author pays much attention to comparison of the evidence from the treaties with some data in the description of the embassy of Rus'ian princess Olga to Constantinople given by the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitis (the embassy took place in 957). This data also gives some information on the Rus'ian "arhons". The author comes to the conclusion that the ruling class of Rus' consisted of 25 noble persons ("arhon" or "arhontisses") each of whom ruled over some territory within Rus' but who recognized the supreme power of Kievan princes ("arhons"). These persons represented different clans but the clan of the Kievan "arhons" was represented by several persons.

Keywords: Early Russian history; society of Rus'; nobility; the treaties of Rus' with Byzantium.

В современной науке разброс мнений относительно того, что представляла собой правящая верхушка в государстве руси в начальный период его существования, чрезвычайно широкий. Данные источников скудны и разноречивы, а возможных моделей и интерпретаций предложено множество. Неопределенными остаются даже общие характеристики самого этого государства в X в. — какую территорию оно занимало, какие этносы и в каком качестве включало, какие принципы и механизмы объединяли подчиненное население и отдельные слои и группы и т.д.

Одна из главных трудностей в исследовании начальной истории Руси состоит в том, что мы обречены смотреть на эту историю через призму раннего летописания и, прежде всего, «Повести временных лет» (далее — *ПВЛ*). *ПВЛ* — единственный источник сравнительно древнего происхождения, который дает связное и довольно подробное изложение истории Руси с конца IX до начала XII в. Именно на информации *ПВЛ* и других летописей построено большинство бытующих в историографии концепций древнерусской государственности. Проблема, однако, в том, что древнерусские летописи донесли до нас тексты, которые были созданы значительно позднее описанных в них событий и претерпели редакторскую правку (иногда очень значительную) на разных этапах их бытования в древнерусской книжности вплоть до позднего средневековья. Можно ли доверять *ПВЛ*, созданной в начале XII в., в ее описании событий конца IX—X в., то есть отстоящих на полтора—два столетия?

Эта трудность была вполне осознана в историографии в конце XIX — начале XX в., особенно после того, как фундаментальные труды А.А. Шахматова показали, с одной стороны, тенденциозность древнерусского летописания, а с другой — его весьма сложную историю, в том числе и на древнейших этапах, предшествовавших составлению *ПВЛ*. Можно даже сказать, что в каком-то смысле Шахматов скомпрометировал летописи как источник для истории Руси до начала — середины XI в. Неслучайно, что уже непосредственный ученик Шахматова М.Д. Присёлков предпринял первую попытку опереться в изучении этой истории на источники независимые от летописи и по времени создания более близкие к засвидетельствованным в них фактам. Он прямо писал, что *ПВЛ* и «предшествующие ей летописные своды» в повествовании до начала XI в. — «источник искусственный и малонадежный», и ставил своей задачей «положить в основу изложения» источники «современные событиям», «проверяя факты и построение “Повести [временных лет]” их данными»¹.

Разумеется, невозможно и не нужно отказываться совершенно от летописи как источника по истории Руси в X—XI вв., но в определен-

ных случаях — прежде всего, тогда, когда нелетописные источники просто более подробны и ясны по сравнению с летописью — подход М.Д. Присёлкова оказывается вполне применим и оправдан². И в его русле написана и данная статья, в которой анализируются именно и только нелетописные источники. Этими источниками являются древнейшие международные договоры Руси — заключенные с Византией в 911, 944 и 971 гг.³ По данным, содержащимся в договорах, о тех людях, которые представляли Русь в договорном процессе, мы можем составить представление о составе ее правящей верхушки. Эти данные уже неоднократно исследовались (см. обзор истории вопроса ниже), однако, как представляется, в их интерпретацию можно внести дополнительные штрихи, которые заставляют во многом по-новому смотреть на древнейшую историю Руси и с меньшим доверием воспринимать сведения начального летописания.

В работе с договорами есть свои сложности, главным образом, источниковедческого плана. Но зато показания договора 944 г. — наиболее пространные и интересные в данном случае — можно сравнить с практически современными им свидетельствами о руси в произведениях византийского императора Константина Багрянородного, и получается, что источники независимые друг от друга и совершенно разного характера (актовые и нарративные) дают возможность «перекрестной» проверки их данных об одном и том же явлении.

Договоры руси с греками дошли до нас в составе *ПВЛ*. В разных летописных списках, отразивших *ПВЛ* в разных видах или редакциях, есть некоторые расхождения и в передаче текстов договоров. Однако эти расхождения касаются отдельных слов и выражений, иногда весьма существенных по смыслу и меняющих содержание той или иной фразы или отрывка, но все-таки не отрезков текста настолько больших, чтобы можно было говорить о разных редакциях и применительно к договорам. В Новгородской первой летописи младшего извода, в которой отразился свод, предшествовавший *ПВЛ* («Начальный свод»), договоров нет, и это значит, что договоры попали в летопись на этапе составления *ПВЛ* в начале XII в.

В настоящее время может считаться общепризнанным, что оригинал всех трех договоров существовал на греческом языке и тот славянский текст, который мы видим в *ПВЛ*, является переводом с греческого. Об этом свидетельствуют многочисленные «грецизмы» в лексике и в синтаксисе, выявленные, в частности, в недавних работах Я. Малингуди⁴.

Однако до сих пор открытым остается вопрос, когда были выполнены переводы, сохранившиеся в летописи. Упоминание в договорах

двух «харатей», на которых они писались, некоторые общие соображения и выводы наиболее серьезной лингвистической работы, посвященной их языку⁵, склоняют к тому, что славянский вариант договоров составлялся сразу в момент их заключения или, по крайней мере, восходит к X в. Высказывались мнения, что переводы были сделаны позже на Руси — возможно, в XI в. и даже непосредственно перед включением их в *ПВЛ* в начале XII в.⁶ Но с этой точкой зрения трудно согласовать сильные церковнославянские черты (при отсутствии очевидных «русизмов») в текстах договоров, различия в языке и стилистике, а также явные неловкости перевода, появление которых трудно ожидать при переводе всех документов за один раз и в то время, когда при дворе киевского князя (из чьей канцелярии, очевидно, договоры попали в летопись) работала сильная переводческая школа.

Нельзя считать решенным и вопрос о достоверности того текста, который в *ПВЛ* изложен в статье 6415 (907) г. в виде отдельного соглашения руси и греков (еще одного — получается, четвертого по счету). А.А. Шахматов убедительно продемонстрировал, что в основе этой статьи лежит летописный рассказ о походе Олега на Византию, читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода, но переделанный составителем *ПВЛ* в соответствии с его хронологическими выкладками и историческими представлениями. Серьезными доводами он обосновал тезис, что составитель *ПВЛ* сам составил текст соглашения руси и греков, то есть произвел искусственную реконструкцию, используя договор 911 г., а может быть, и договор 944 г.⁷ Однако существует мнение, что у летописца все же были какие-то данные о соглашении руси и греков в 907 г. Так, Я. Малингуди считает, что в 907 г. имел место первый этап договорного процесса (подтверждение под присягой некоего мирного соглашения общего характера), который завершился официальным заключением договора в 911 г. По ее мнению, тексты договоров попали в руки летописца в виде выписки из копийной книги византийской императорской канцелярии. А в такого рода копийных сборниках тексты документов могли сопровождаться историческими справками-«нотиями», сообщавшими об обстоятельствах возникновения этих документов. Из такой «нотии» летописец и узнал о предварительном мире, заключенном в 907 г.⁸

Вне зависимости от решения проблемы «договора 907 г.» не может подлежать сомнению вывод А.А. Шахматова, что составитель *ПВЛ* существенно переработал текст «Начального свода», включив в него договоры и снабдив их своими комментариями по поводу того, как и при каких обстоятельствах договоры были заключены. Современные исследователи согласны в том, что в любом случае нельзя

рассматривать летописные «обрамления» договоров как свидетельства эпохи, когда они заключались⁹.

Обращаясь к договорам 911, 944 и 971 гг. и оставляя в стороне «договор 907 г.» и летописный контекст, видим, что во всех случаях для описания людей со стороны руси, вступающей в официальные договорные отношения с Византией, используются слова «князья» и «бо(л)яре», которые, очевидно, указывают на некую социальную верхушку.

В первой фразе договора 911 г. перечисляются лица, заключающие договор со стороны руси. «Мы от рода русаго», — начинается фраза, затем перечисляются 15 имен, и фраза продолжается: «иже послани от Олга великаго князя русаго и от всех, иже суть под рукою его свѣтлыхъ [и великих кн(я)зь и ег(о) великих] боярь...» Далее в преамбуле договора об Олеге сказано «наша светлость», о подчиненных ему — «наши князья» (по Ипатьевской летописи — далее *ИнамЛ*) или «наши великие князья» (по Радзивилловской — далее *РадзЛ*) и все, «иже суть подъ рукою его сущих руси». И далее в первой из «глав» договора еще: «от сущих под рукою наших князь свѣтлыхъ», «къ княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего»¹⁰.

В преамбуле договора 944 г. тоже перечисляются те люди, которые представляют сторону руси, но список их здесь выглядит совсем иначе и, главное, значительно пространнее. Первая фраза выглядит похоже, но все-таки по-другому: «мы от рода русаго съи и гостье», то есть: мы, послы и купцы от «рода русаго»¹¹. Далее сразу начинается перечисление, и первым назван Ивор, посол князя Игоря: «Иворъ соль Игоревъ, великаго князя русаго». Затем следуют слова: «и обьчии сли», то есть «общие послы», и начинается перечисление имен. Сначала указаны 24 имени по форме «такой-то [посол] такого-то» — например, «Вуефастъ Святославль, сын[а] Игорев[а]», то есть «Вуефаст [посол] Святослава, сына Игоря». При этом во всех списках договора есть одна лакуна: пропущено имя пославшего при после по имени «Сфирка» (21-й посол в списке). В том, что здесь именно случайный механический пропуск, согласно большинство исследователей. После перечисления 24 послов сказано: «купецъ», то есть «купцов», и приведены еще от 25 до 29 имен (в зависимости от того, как понимать и/или реконструировать текст). Весь список «слов» и «гостей/купцов» заключает обобщающая фраза: «послании от Игоря, великаго князя русаго, и от всякоя князья и от всѣхъ люди Руския земля».

Далее в тексте следует статья с сообщением о клятвенном подтверждении договора. Начинается она со слов: «И великий князь наш Игорь [и князи. — по *РадзЛ*] и боляре его и людьє вси рустии

послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...»

В первом содержательном постановлении договора говорится о новой практике удостоверения полномочий послов и гостей (купцов), приходящих в Константинополь из Руси. Начинается оно так: «А великий князь руский и боляре его да посылають въ греки къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...» Далее в договоре об Игоре несколько раз сказано как о «князе руском», а в заключительной части он титулуется как «великий князь» или «великий князь руский». Здесь же в конце договора сообщается о клятве руси, и о них в двух случаях сказано с противопоставлением князей и людей: «от страны нашей ли князь, ли инь кто», и: «кто от князь или от людии руских», а в одном случае с упоминанием бояр: «от Игоря и от всехъ боляръ и от всех людии от страны руския».

Наконец, в договоре 971 г., который представляет собой собственно клятвенное обязательство Святослава прекратить военные действия против Византии, сторона руси представлена Святославом сначала так: «и иже суть подо мною русь, боляре и прочии», а затем так: «якоже кляхся ко ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ и со мною боляре и русь вся». В этом договоре не упоминаются никакие представители «князя руского», поскольку он составлен от его собственного имени, но в самом начале, вместе с датировкой документа, отмечается, что договор заключен «при С(вя)тославѣ велицѣмъ князи русѣмъ и при Свѣналдѣ»¹². Из *ПВЛ* следует как будто, что этот Свеналд был тем самым воеводой отца Святослава Игоря, а затем и сына Святослава Ярополка, который в летописи фигурирует под именами Свѣнел(ь)дѣ/Свѣндел(ь)дѣ/ Свѣнгельдѣ/Свинтелдѣ. Однако в достоверности тождества Свенальда договора и летописного персонажа есть серьезные основания сомневаться. Вопрос этот настолько сложный и запутанный, что автор недавней работы, приведя обзор соответствующей литературы, отнес его «к разряду неразрешимых»¹³.

Сопоставив все упоминания «князей» и «бо(л)яр» в договорах между собой и с упоминаниями других лиц и категорий со стороны руси в соответствующих контекстах, легко заметить два взаимосвязанных обстоятельства.

Во-первых, социально-политическая терминология и титулатура беспорядочны. Во всех трех договорах последовательно только обозначение того князя, который возглавляет русь, как «великого князя (руского)» — Олега, Игоря и Святослава. Однако в договоре 911 г. это обозначение прилагается и к неким князьям «под рукою»

Олега. В этом же договоре используется эпитет «светлый» — преимущественно по отношению к Олегу, но в варианте *РадзЛ*, как будто более полном, и к тем же «князьям». В варианте *ИнамЛ* к «боярам» прилагается эпитет «светлые», в варианте *РадзЛ* — «великие». В договорах 944 и 971 гг. князья и бояре, подчиненные «великому князю рустему», величаются без всяких титулов и эпитетов, но при этом ни разу (если не считать варианта *РадзЛ* в договоре 944 г. в первой статье о клятвенном заверении) они не фигурируют вместе в одной фразе или одном выражении — с «великим князем» упоминаются «(все) люди (рустии)» (=«русь вся»), а третьим элементом *либо* «князья», *либо* «бояре». Из последнего наблюдения следует вывод (и это во-вторых), что в реальности, видимо, титулы не имели большого значения, а сторона руси представлялась при заключении договоров тремя важнейшими элементами: 1) князь-глава руси, 2) некие особо выдающиеся лица (элита) — князья и/или бояре и 3) вообще «все люди». Такая трехчастность стороны руси соответствует трехчастности с греческой стороны, как она представлена в договоре 944 г.: «...створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...».

Об условности эпитетов и обозначений в договорах уже неоднократно писалось в специальной литературе. Для самих руси значения не имело, видимо, даже обозначение «великий князь» — его превращение в полновесный и содержательный титул относится к значительно более позднему времени (видимо, не ранее конца XII в.)¹⁴. И «великий», и «светлый» — это «грецизмы», то есть просто калька греческих слов (*μέγας*, *περιφάνης*, *λαμπρός* и т. п.), принятых в византийском этикете для титулования знатных лиц. Взаимозаменяемость и синонимичность слов «князи» и «бояре» в договорах 911 и 944 гг. объясняется, по всей видимости, тоже спецификой перевода. Н.А. Лавровский давно уже убедительно обосновал мнение, что оба славянских слова передавали одно греческое *ἄρχων*¹⁵. Это мнение было поддержано в литературе¹⁶, хотя с ним далеко не все исследователи считают, предпочитая разделять «князей» и «бояр» в договорах как два разных термина, за которыми стояли разные реалии¹⁷.

В пользу мнения Лавровского говорит то, что в целом ряде древних славянских — и древнеболгарских, и древнесербских, и древнерусских — текстов греческое *ἄρχων* передается совершенно равноправно обоими этими словами¹⁸. В самих греческих текстах X в., относящихся до руси, то есть главным образом в соответствующих пассажах произведений Константина Багрянородного, для обозначения элиты древнерусского общества используется только одно слово *ἄρχων*. Константин для описания «варварских» народов в окруже-

нии Византии использует вообще, в основном, одно это слово в самом общем значении «глава-правитель-вождь». В известном отрывке из рассказа об истории Далмации он противопоставляет архонтов и «старцев-жупанов» у славянских народов как «государственных» правителей и «родоплеменную» знать¹⁹. Разнобой в обозначении этой элиты в трех договорах соответствует языковой и стилистической гетерогенности этих текстов, о которой было замечено выше. Проще всего объяснить эту гетерогенность можно тем, что каждый из договоров переводился разными лицами, работавшими в той или иной степени в русле церковнославянской традиции перевода.

Таким образом, шла ли речь о «светлых и великих князьях и великих боярах» или о «всякой князии», или только о «боярах», которые оказываются между «великим князем» и «русью всей», мы должны думать, что на самом деле имелись в виду одни и те же лица — знать Древнерусского государства, которая в оригиналах греческих договоров описывалась одним, и притом довольно общим и неопределенным по содержанию, словом ἄρχων. Теперь встает вопрос, можно ли как-то более детально охарактеризовать этих лиц по данным договоров.

Меньше всего дополнительных данных можно извлечь из договора 971 г. Упоминание «бояр» там выглядит более или менее формально-этикетно. Хотя князь клянется от их имени, ясно, что при заключении договора вместе с ним присутствовали далеко не все представители знати Древнерусского государства — ведь договор подписывался в Болгарии в походных условиях, кто-то из них был в войске с князем, но многие наверняка находились на Руси. Князь клянется и вообще за «русь всю», но это не значит, что эта «вся русь» сидела рядом с ним при составлении договора.

Можно обратить внимание на определенную динамику в употреблении слов «бояре» и «князья» от договора 911 г. к договору 971 г.: в первом договоре говорилось в основном только о князьях, а бояре упоминались только однажды, в договоре 944 г. бояре и князья равноправно фигурируют, а в 971 г. упоминаются только бояре без князей. Но для этого «вытеснения» князей боярами можно подыскать разные объяснения. Возможно, это был результат стабилизации терминологии в самой Руси, где к 970-м годам звание князей закрепилось за членами правящей династии. Если, обращаясь к конкретным обстоятельствам заключения договора 971 г., предполагать, что в болгарском походе иные представители правящей династии, помимо Святослава, не участвовали (ни в летописи, ни у византийских хронистов о них не упоминается), можно объяснить и умолчание договора о «князьях». А может быть, дело здесь просто в усилении

того уподобления государственной структуры Руси византийской, о котором было выше замечено, — как применительно к грекам писали о «болярствии», так и о руси постепенно стали говорить только о «болярах». Эти объяснения можно иметь в виду, но надо признать, что они (и возможные иные) гадательны.

Из договора 911 г. складывается впечатление об известном равенстве между Олегом и «князьями»/«боярами». Во всяком случае, они находятся в равном положении в том отношении, что никто из них, включая Олега, не присутствует при заключении договора, но их вместе представляют 15 человек, «посланий» от их имени (причем *только* от их имени — в отличие от договора 944 г., где послы представляют и «всѣх людии Руския земля»). На различие в статусе между Олегом и остальными князьями-боярами намекает как будто то, что в первой фразе договора эти последние указываются «под рукою его». Однако, на основе одного этого указания делать далеко идущие выводы о некоей вассальной или какой бы то ни было другой зависимости было бы неосторожно²⁰. Слова «сушие под рукою» — такая же калька с греческого слова или устойчивого греческого выражения (ὕποχεῖροι, οἱ ὑπὸ χεῖρα), как и многие другие обороты в договорах²¹. Это выражение употребляется в этом же документе и в самом неопределенном смысле для обозначения вообще всех тех, кто признает власть Олега — «иже суть подъ рукою его суших руси». В другом случае «князья» даже и прямо как будто отделяются от тех, кто состоит «под рукою» Олега: «къ княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего». Но это разделение, конечно, настолько же условно, насколько условно вообще само греческое выражение применительно к руси X в. Последовательности и точности в использовании этого выражения нет, и содержание его, очевидно, самое общее и чисто символическое, — имеется в виду лишь признание власти или авторитета Олега. Не случайно, что в договорах 944 и 971 гг. оно не используется, хотя в последнем говорится похоже: «подо мною русь — боляре и прочии».

Значительно более информативен договор 944 г., прежде всего, благодаря подробному списку представителей «от рода рускаго», а главное, той части этого списка, где перечисляются имена тех, кто представил собственных послов. Этот список давно уже привлек внимание исследователей, во многом потому, что на его основе пытались судить об этническом составе древнерусского государства. В исследовательских интерпретациях большое значение имеет сопоставление данных договора с сообщениями о руси Константина Багрянородного, главным образом, его описанием приема княгини Ольги в Константинополе, где говорится о составе ее посольства.

Обобщая предложенные интерпретации, можно выделить два подхода в характеристике тех «князей» и «бояр», о которых в договоре 944 г. говорится в общих формулировках и которых исследователи так или иначе сопоставляют с людьми, представившими «слов» для заключения договора. Оба подхода были предложены еще в XIX в. Согласно первому, «всякая княжия» и «бояре» договора 944 г. — это некая знать или некие местные правители государства Руси, которые признают верховную власть киевского князя. Может быть, «племенные» князья, может быть, люди на службе или наместники-посадники киевского князя (в том числе и такие, кто находился с ним в каком-то родстве), может быть, и те, и другие. Некоторые ученые идентифицируют тех лиц, которые послали вместе с Игорем и его родственниками своих послов для заключения договора и чьи имена указаны в списке, и с «князьями», и с «боярами», упомянутыми в общих формулировках, другие — только с «князьями». Так толковали данные договора 944 г. Н.М. Карамзин, М.М. Погодин, В.О. Ключевский, М.С. Грушевский и другие ученые XIX — начала XX в.

Другой подход предложил С.М. Соловьев: все послы посланы членами правящей династии, то есть родственниками «великого князя» Игоря, и это их имена указаны в списке. По словам Соловьева, «всякая княжия» — это и есть представители «рода Игорева в разных степенях и линиях, мужской и женской»²². Но другие последователи этого взгляда необязательно следуют этому отождествлению, считая, что «князья» и «бояре», упомянутые в общих формулировках договора 944 г., могут и не иметь отношения к лицам, перечисленным поименно в начале. В таком случае понимание этих князей и бояр зависит уже в основном от общих представлений того или иного автора о том, что могла представлять собой элита Древнерусского государства, поскольку о князьях и боярах уже мало что конкретного можно сказать — ведь список послов и тех, кто их направил, оказывается с ними никак не связан.

Обосновывая свою точку зрения, Соловьев выдвинул два аргумента, которые потом преимущественно и использовались в литературе. Во-первых, в ее пользу говорят прямые указания на родственников Игоря в списке лиц, пославших «слов». Как уже отмечалось выше, после указания посла самого Игоря идет перечисление «обычных слов», и первым в этом перечислении указан Вуефаст, посол Святослава, сына Игоря. Вторым идет Искусеви, посол Ольги, жены Игоря. Третий — Слуды «Игоревъ, нети Игоревъ», то есть посол Игоря, племянника князя Игоря (нетии — племянник). Далее идут послы с простым указанием лиц, их пославших, без всяких пояснений. Причем пятый и шестой послы отправлены женщинами — неки-

ми Предславой и Сфандрой. Но десятым указан «Прастьнъ Акунъ, нети Игоревъ» — посол Акуна, племянника Игоря. О каком Игоре идет речь, не поясняется, но ясно, что Акун в любом случае оказывается родственником киевского князя, даже если он племянник не самого князя, а княжеского племянника с тем же именем (упомянутого выше третьим в списке). Далее до конца идут снова имена послов и их пославших без пояснений. Таким образом, из 24 «объчих» послов четверо были посланы, без сомнения, родственниками киевского князя, в том числе двумя ближайшими, о которых мы располагаем разнообразными сведениями, — его сыном Святославом и женой Ольгой. Естественно напрашивается мысль, что хотя лица, пославшие своих послов, указанные на местах с четвертого по девятое, прямо не названы родственниками киевского князя, но поскольку они находятся между княжескими родственниками (Игорем, племянником киевского князя, и Акуном), то и сами являются таковыми.

Во-вторых, Соловьев обратил внимание на то, что «между именами людей, от которых идут послы, мы не видим ни Свенельда, ни Асмуда». Между тем, об этих двух людях как о видных представителях киевской знати говорит летопись. Свенельд называется воеводой Игоря и Святослава, а также советником Ярополка, сына Святослава. Асмуд показан кормильцем Святослава в момент гибели Игоря у древлян. Если считать, что те, кто посылал послов, — это знать Киевского государства, то отсутствие Свенельда и Асмуда кажется нелогичным. Значит, делал вывод историк, это была не «дружина» правящего князя, а именно и только его родственный клан.

Оба довода в пользу «родовой» интерпретации списка лиц, направивших своих представителей для заключения договора 944 г., имеют значение, но далеко не абсолютное. Споры нет, четыре посла были посланы родичами Игоря, но ведь это только одна шестая часть от общего числа послов. Мысль о принадлежности к роду Игоря всех лиц, перечисленных до Акуна, А.Е. Пресняков называл «слишком смелой»²³, но даже и приняв ее, о происхождении прочих 14 человек можно только догадываться. Причины умолчания договора о Свенельде и Асмуде можно придумать разные, но главное состоит в том, что об их существовании в момент заключения договора мы знаем только от летописца, писавшего многие десятки лет после событий, в которых они, по его заверению, участвовали.

Все эти сомнения, и прежде всего скепсис, сильно возросший в науке к концу XIX в., в отношении летописного рассказа о древней истории Руси, привели к тому, что к середине XX в. возобладала интерпретация данных договора 944 г. скорее в русле первого подхода. Например, Б.Д. Греков, расценивая мнение С.М. Соловьева как отго-

лосок его теории «родового быта», высказался по поводу списка имен в договоре так: «Никаких “родовых” междукняжеских отношений мы здесь не видим». Люди, направившие своих послов, — «это ведь все знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры», писал далее историк, подразумевая ту землевладельческую знать, с которой связывал утверждение феодализма на Руси²⁴.

Не принимал подход С.М. Соловьева и М.Д. Присёлков, хотя он видел в князьях и боярах, от имени которых заключались договоры 911 и 944 гг., совсем не землевладельцев. По его мнению, это были скандинавские наемники («наемные ярлы») киевского князя. Киевский князь и «его дружинники (то есть начальники наемных отрядов)», более или менее постоянно имели в Византии своих представителей (послов и купцов), и их имена и перечислены в договоре 944 г. Таких «ярлов» Присёлков насчитывал 14, относя первые десять мест в списке «объчих слов» (до Акуна и его посла Прастена) к родственникам Игоря²⁵.

Утверждая скандинавское происхождение «князей» и «бояр», Присёлков опирался на тот факт, что подавляющее большинство имен, указанных в списке послов в договоре 911 г. и в списках послов, лиц, их направивших, и купцов в договоре 944 гг., имеет скандинавское происхождение. Этот факт был выяснен еще В. Томсеном в конце XIX в. В настоящее время в лингвистических интерпретациях Томсена признаются лишь отдельные спорные моменты, и в них вносятся сравнительно незначительные поправки²⁶. Действительно, в списке послов договора 911 г. из 15 имен 13 объясняются как скандинавские. Из 25 имен послов договора 944 г. разные исследователи насчитывают от 17 до 21 скандинавских имени. Из 24 имен лиц, направивших послов (одно имя, как говорилось выше, пропущено по ошибке), 17 достоверно скандинавских, три славянских (в том числе Святослав) и четыре имени, происхождение которых спорно или неясно, хотя вполне возможно, что тоже скандинавское. В списке купцов не более пяти нескандинавских имен.

Идею Присёлкова о скандинавских ярлах на службе киевского князя развил А.В. Соловьев, подробно разобрав все списки имен. Однако, если Присёлков считал, что ярлы — «главы отрядов наемников-варягов» на службе киевского князя базировались в основном в Киеве или окрестностях, а содержание и доходы получали от участия в полюдьях, то Соловьев ярлов определил как посадников киевского князя в локальных центрах Руси. Кроме того, родственниками Игоря в списке договора 944 г. он считал только тех четверых, кто прямо определен таковыми, и делал акцент на том, что посадниками-ярлами надо считать всех 24 лиц, пославших своих послов (включая Святослава и Ольгу)²⁷.

Такая «норманистская» интерпретация не могла, конечно, получить распространения в советской историографии. Советские историки либо в самом общем ключе говорили о «всякой княжии» и «боярах» как «племенных князьях» или «наместниках» киевского князя, обходя вопрос о скандинавских именах в договорах²⁸, либо указывали на работу Х. Ловмяньского, который развивал «родовую интерпретацию». Логика Ловмяньского строилась на строгом разделении лиц, указанных поименно в списке договора 944 г., и тех бояр и князей, которые фигурируют в общих формулировках как представители руси. Он признавал скандинавское происхождение большинства людей, пославших своих послов, но причислял их всех, как С.М. Соловьев, к княжескому роду. В таком случае этническая принадлежность «всякой княжии» и «бояр» оставалась неопределенной. Однако здесь Ловмяньский подключал соображения общего характера и определял их преимущественно славянами, приходя в итоге к выводу, что знать Киевского государства X в. была автохтонной, славянской по происхождению²⁹.

В последние десятилетия именно такая логика в оценке данных договора 944 г. — то есть не отождествление лиц, поименно перечисленных в начале, с позже упомянутыми «князьями» и «боярами», а наоборот, принципиальное их разделение — стала набирать все больше сторонников. Кто такие «князья» и «бояре», толкуется по-разному (здесь исследователи уже опираются не на договоры, а на другие источники и свои общие суждения), но по отношению к тем, кто послал послов, сохраняется старая двойственность подходов: часть исследователей видит в них некую знать, не связанную кровно с Рюриковичами, а часть — родственников Игоря. Первый подход отстаивают, например, С. Франкин и Д. Шепард, Н.Ф. Котляр, Г. Шрам и М.Б. Свердлов³⁰. Второй — А.В. Назаренко, А.П. и П.П. Толочко, А.А. Горский и Е.А. Шинаков³¹. Однако трудности, с которыми сталкиваются последователи того или другого подхода, остаются прежними и по-прежнему нерешенными. Так, приверженцы первого подхода фактически оставляют открытым вопрос об умолчании списков договора 944 г. о Свенельде и Асмуде, а вторая группа ученых ничего не может поделать с тем простым фактом, что сам договор говорит как о родственниках Игоря только о четырех лицах (Святославе, Ольге, Игоре-племяннике и Акуне).

А.В. Назаренко, поддержавший «родовую интерпретацию», связал ее с представлением о том, что первоначальная территория Киевского государства (поднепровская Русская земля) являлась «коллективной собственностью» всего княжеского рода Рюриковичей. В рассуждениях исследователя существенную роль играет

критика сопоставлений, которые предпринял Г.Г. Литаврин, между данными договора 944 г. и описанием константинопольского приема Ольги в трактате (обряднике) Константина Багрянородного «De Ceremoniis». Литаврин, предложив свой перевод того отрывка трактата, в котором рассказывается о приеме Ольги, сравнил указания о разных лицах в сопровождении Ольги, а также их численности и суммах денег, которые они получили от императора (эти цифры приводятся Константином), с именованным списком послов, людей, их пославших, и купцов договора 944 г. Такого рода сопоставления предпринимались и раньше, но они носили более или менее общих и иллюстративный характер, а Литаврин попытался с помощью детального анализа числовых соотношений установить дифференциацию в элите Киевского государства X в.³²

На мой взгляд, подсчеты Литаврина и его общие выводы не выглядят убедительно, и их критика со стороны Назаренко справедлива. Чтобы разобраться во всех деталях дискуссии, надо обратиться к самому источнику — рассказу Константина о приеме Ольги. Разбор этого текста тем более необходим, что после публикации перевода Литаврина были опубликованы еще два перевода этого отрывка — на английский и русский языки, но уже вместе с переводом всей главы трактата, внутри которой помещен этот отрывок (глава 15 книги II)³³. Английский перевод М. Физерстоуна учитывает также отрывки текста «De Ceremoniis» в недавно обнаруженных рукописях-палимпсестах и опирается на специальный текстологический и кодикологический анализ. В переводах и в комментариях переводчиков обнаруживаются некоторые расхождения, существенные для данного исследования³⁴.

Когда состоялся визит Ольги в Константинополь, описанный в «De Ceremoniis», неизвестно. В трактате Константина даты нет, но, исходя из деталей контекста, ученые относили визит к 957 г. Г.Г. Литаврин выступил против принятой датировки и предложил отнести визит к 946 г. Разразилась интересная дискуссия, в ходе которой выяснилось, что теоретически возможны обе датировки, но все-таки доводы в пользу традиционной датировки, которые выдвинули А.В. Назаренко и М. Физерстоун (у каждого из них своя аргументация), представляются убедительнее³⁵. В пользу датировки 957 г. говорят и общие соображения: борьба с древлянами после смерти Игоря, произошедшей никак не ранее самого конца 944 г. (а скорее даже и годом-двумя позже), должна была занять у Ольги некоторое время, а кроме того Святослав на момент смерти Игоря был малолетен (как говорит летопись), и вряд ли Ольга могла оставить его одного в 946 г.

Константин описывает два приема княгини в императорском дворце с аудиенцией у императора и торжественными трапезами —

9 сентября и 18 октября. В данном случае важны его указания о составе ее сопровождения.

В начале соответствующего отрывка Константин пишет, что на первый прием княгиня («архонтисса Росии» — ἀρχόντισσα Ῥωσίας) пришла не одна. О ее сопровождении в греческом оригинале сказано — μετὰ τῶν οἰκεῖων αὐτῆς συγγενῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προκριτοτέρων θεραιαλῶν. На русский язык Г.Г. Литаврин эти слова переводит «с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок», Н.Е. Новиков: «со своими близкими родственницами архонтиссами и самыми приближенными служанками». Перевод М. Физерстоуна: «with her noble [female] relations and the élite of her [female] attendants». Не так существенно, как определить служанок Ольги и оставлять ли без перевода слово ἀρχοντισσῶν или переводить его просто как nobles, — важнее понять, что за «архонтиссы» (или «знатные дамы») помимо Ольги появились в императорском дворце. Но это обстоятельство из текста трактата остается не совсем ясным. Дело в том, что хотя далее при описании аудиенции и пира во дворце эти архонтиссы еще несколько раз упоминаются, о них не сказано в конце при перечислении денежных подарков членам свиты Ольги. Эти перечисления я приведу чуть ниже. Сейчас отмечу явные неточности переводов Литаврина и Физерстоуна. Физерстоун забывает про слово οἰκεῖων («близкие»), а Литаврин ставит запятую между словами «близкими» и «родственницами», и у него получается, что с Ольгой, помимо служанок и архонтисс, были еще какие-то «близкие». На самом деле, больше ни о каких «близких» не говорится, и слово οἰκεῖων надо, конечно, относить к самим архонтиссам, как и предполагает его место между артиклем и словом ἀρχοντισσῶν, к которому артикль относится. Очевидно, подчеркивалось, что архонтиссы состояли не просто в родстве, а именно в тесной («домашней») связи с княгиней.

В тот же день вместе с Ольгой во дворец пришли и другие представители руси, но для них протокол предусматривал отдельный порядок приема и трапезы. План и замысел мероприятия предполагал (и это ни у кого из исследователей сомнений не вызывает), что с самой Ольгой должны были быть только женщины, а эту отдельную группу составляли мужчины. О них сказано так: οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάριοι καὶ πρᾶγματεῦταί. Литаврин переводит: «послы и купцы архонтов Росии», Новиков: «послы архонтов Росии и купцы». Физерстоун: «the apokrisiarioi and merchants of the princes of Rus'». Точнее перевод Литаврина и Физерстоуна, потому что артикль οἱ надо относить и к купцам тоже — это были вполне определенные люди, с определенным статусом, пришедшие с определенными целями, в определенном количестве и т.д., а не какие-то

забредшие во дворец торговцы. Из этого следует весьма существенный факт, что купцы прибыли не сами по себе, а их, как и послов, послали архонты.

Женская группа во главе с Ольгой пиновала в обществе венценосной семьи, а мужчины — в отдельном помещении. При сообщении о пире мужчин они называются так: πάντες οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταί. Все переводчики переводят практически одинаково: «все послы архонтов России, люди и родственники архонтиссы и купцы». Физерстоун здесь и далее передает οἱ ἄνθρωποι на английский как the retainers.

О денежных подарках, полученных русью в тот день, также говорится по отдельности. Сначала перечисляются суммы для мужской группы, очевидно, более или менее в иерархическом порядке:

— 30 милиарисиев получил некий племянник Ольги (ἀνεψιὸς αὐτῆς);

— по 20 милиарисиев получили восемь οἱ ἴδιοι αὐτῆς — дословно: «свои ее». Литаврин переводит: «ее люди»; Новиков: «ее приближенные»; Физерстоун: «her eight [male] relations»;

— по 12 милиарисиев — 20 послов;

— тоже по 12 милиарисиев — 43 купца;

— 8 милиарисиев — священник Григорий;

— по 12 милиарисиев — два переводчика;

— по 5 милиарисиев — «люди Святослава» (οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου)³⁶;

— по 3 милиарисия — шесть «людей послов» (οἱ ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισιάριων);

— 15 милиарисиев — переводчик архонтиссы.

Потом говорится и о женщинах:

— 500 милиарисиев и золотая чаша были выданы самой Ольге;

— по 20 милиарисиев выдано шести ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим ее»).

Литаврин переводит: «ее женщинам», Новиков так же, как и выше: «ее приближенным». У Физерстоуна: «her six [female] relations»;

— по 8 милиарисиев — 18 ее служанкам (θεραλαίνας αὐτῆς).

О приеме 18 октября говорится очень кратко, и указываются следующие суммы денежных подарков:

— 200 милиарисиев было выдано архонтиссе;

— 20 милиарисиев — ее племяннику;

— 8 милиарисиев — священнику Григорию;

— по 12 милиарисиев — 16 ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим ее»). Новиков переводит опять «ее приближенным», Литаврин: «ее женщинам», Физерстоун: «the sixteen [female] relations of the princess».

- по 6 миллиарисиев — 18 ее рабыням (ταῖς δούλαις αὐτῆς);
- по 12 миллиарисиев — 22 послам;
- по 6 миллиарисиев — 44 купцам;
- по 12 миллиарисиев — двоим переводчикам.

Из всех этих данных, в общем, вырисовывается довольно стройная и последовательная «микроструктура» посольства Ольги, которая, по выражению Литаврина, «в известной мере отражала социально-политическую макроструктуру русского общества в середине X в.»³⁷.

По большому счету затруднение вызывает лишь тот (обозначенный уже выше) факт, что в рассказе о приеме 9 сентября Константин упоминает неких архонтисс в сопровождении Ольги, а в реестре денежных выдач о них не говорится. Литаврин, на мой взгляд, совершенно верно наметил путь решения этого вопроса, хотя не прошел этот путь до логического конца. Он сделал вывод, что указанию Константина о присутствии на приеме с Ольгой архонтисс и служанок соответствует указание о выдаче подарков двум категориям людей в «женской группе»: «своим» (шести женщинам по 20 миллиарисиев) и служанкам (восемнадцати женщинам по 8 миллиарисиев). Те родственницы-архонтиссы, о которых упомянул Константин, в реестре указаны как «свои». Объясняется это разногласие в обозначениях, возможно, тем, что основной текст трактата писал один автор (сам Константин или редактор трактата, как считает М. Физерстоун, — в данном случае это не важно), а реестр с точными цифрами был вставлен (очевидно, чисто механически, без мысли о соответствии отдельных терминов) из дворцовых протоколов³⁸.

Однако какие-то «свои» люди Ольги упомянуты и в реестре выдач «мужской группе» делегации руси на приеме 9 сентября, и в реестре подарков 18 октября (но здесь с женским артиклем — то есть как женщины). Литаврин почему-то зачисляет восьмерых «своих» в «мужской группе» 9 сентября уже совсем не в родственники княгини (как «своих» в «женской группе»), а в категорию, подобную «людям (ἄνθρωποι) Святослава». В реестре же 18 октября он считает шестнадцать «своих» женщин опять-таки уже не родственницами Ольги и не архонтиссами (как тех шестерых на приеме 9 сентября), а какими-то «знатными дамами», может быть, «боярынями». Опираясь на эти выкладки, историк выдвигает ряд предположений о существовании неких «доверенных людей» из «представителей высшей киевской знати», которые составляли при Ольге «совет во время пребывания в Константинополе», неких шести архонтов-князей (мужей архонтисс), которые возглавляли «6 крупнейших центров» Русской земли, каких-то «15—16 высших бояр других городов русских земель» и т.д. Это ведет его далее к рассуждениям о различиях в составе свиты на

первом и втором приемах, а также выводу, что к 18 октября «добрая половина посольства (включая большинство знатных персон) уже покинула Константинополь»³⁹. Эти-то вычисления и построения, опору которым Г.Г. Литаврин пытается найти и в данных договора 944 г., вызвали справедливые возражения А.В. Назаренко.

Между тем, нужды в сложных конструкциях и теориях нет. Как в начале своих рассуждений справедливо сделал вывод Литаврин, шесть «своих» женщин, упомянутых в реестре 9 сентября, — это родственницы Ольги. Константин называет их «архонтиссами» и отмечает близкие родственные отношения с самой княгиней. По всей видимости, как раз близкое родство позволило им сопровождать Ольгу на приеме, где женская и мужская части посольства принимались по разному протоколу. Близкое родство и объясняет, почему Константин называет их «архонтиссами». Конечно, он не вкладывает никакого особенного официального содержания в это обозначение. Физерстоун, выбрав нейтральное слово *noble*, совершенно справедливо подчеркнул тем самым, что это совсем не титул (как и слово *ἄρχων* в договорах руси с греками). Реальный статус этих родственниц был явно несоизмерим со статусом Ольги: они получили только по 20 милиарисиев (Ольга — 500 и чашу). Это меньше, чем получил ее племянник, который, очевидно, возглавлял «мужскую группу» на приеме 9 сентября и был вторым лицом после Ольги в свите на приеме 18 октября. Нет никаких оснований думать, что эти родственницы Ольги имели в качестве мужей каких-то могущественных «архонтов» (оставшихся при этом почему-то на Руси — обстоятельство, вытекающее из построений Литаврина, которое вызвало вполне обоснованный сарказм Назаренко).

Далее нет никаких препятствий считать и восемь человек «своих» в «мужской группе» на приеме 9 сентября тоже родственниками Ольги. Физерстоун, выбирая именно слово *relations* и вставляя в скобках пояснение *male*, здесь снова совершенно прав. Это были родственники мужского пола — вполне вероятно, что какая-то часть просто мужи тех шести женщин, которые сопровождали княгиню. Они и получают те же 20 милиарисиев, что и «свои» родственницы-«архонтиссы». О том, что появления каких-то родственников Ольги нам надо ожидать в реестре выдач «мужской группе», прямо говорят слова Константина о пире мужчин: он ведь упоминает, что среди пирующих были, кроме послов и купцов, «люди и родственники архонтиссы». Между тем, кроме одного племянника, в реестре никаких родственников Ольги не указывается — значит, их надо искать под другими обозначениями, а среди этих обозначений и подходят только «свои».

Развивая этот вывод, надо видеть и в «своих», упомянутых в реестре 18 октября, тех же самых лиц — родственников Ольги. Правда, в этом реестре эти «свои» фигурируют в существенно большем количестве — 16 человек, а главное, они указаны с артиклем женского рода, то есть предполагается, что все они были женщины. Получается явная несостыковка: на приеме 9 сентября присутствовали Ольгины «свои» шесть женщин и восемь мужчин, а на приеме 18 октября — только женщины числом 16 человек. Некоторые ученые заметили это несоответствие, и выдвигалась мысль о палеографической ошибке. Дело в том, что в Византии (как и потом на Руси) цифры обозначали буквами (ставя над ними или рядом с ними титло — надстрочный знак в виде черты), и цифра 6 передавалась буквой «дзета» (ζ), а 16 — «йотой» (указание на десяток) и той же «дзетой» (ιζ). А. Поппэ допускает, что буква «йот» во втором случае относилась к предыдущему слову или просто попала по ошибке какого-то переписчика, а изначально цифра обозначалась одной буквой «дзета» ζ — то есть была та же шестерка⁴⁰. Это значит, что в оригинале реестра к приему 18 октября стояло число не 16, а 6, и им обозначались те же шесть «своих» женщин, что фигурировали в реестре 9 сентября. Однако, хотя теоретически такой ход рассуждений возможен, проблемы он не решает. Ведь та же логика вполне допускает другой выбор из двух возможных ошибок в цифровых обозначениях — ничто не мешает предположить ошибочность не числа 16 в реестре ко второму приему, а цифры 6 в первом реестре (и тогда «своих» женщин Ольги было не шесть, а шестнадцать). Но главное даже не в этом, а в том, что предположение о палеографической ошибке оставляет без ответа вопрос, почему в реестре к приему 18 октября не упоминаются восемь «своих» мужчин, которые были на приеме 9 сентября.

Очевидно, искать объяснение для этого несоответствия в указаниях о присутствии «своих» людей Ольги на двух приемах надо в чем-то другом. На мой взгляд, решение проблемы возможно при допущении, что в реестре к приему 18 октября произошла ошибка или недоразумение другого рода — не в цифре, а в артикле. Дело в том, что этот реестр составлен не отдельно для мужской и женской групп посольства руси, как реестр к первому приему 9 сентября, а только с учетом тех категорий, на которые делились члены посольства в зависимости от величины денежных подарков, им причитающихся. И эта логика составления списка привела к тому, что, хотя 18 октября тоже были два пира для женщин и мужчин по отдельности, в реестре денежных выдач люди оказались зачислены в одну «статусную» группу, то есть в категорию под обозначением «свои», без учета их пола — и мужчины, и женщины вместе. Вообще-то по

грамматическим правилам греческого языка для обозначения некоего множества людей разного пола используется артикль множественного числа мужского рода. В тексте же *De Ceremoniis* стоит артикль женского рода, а не мужского (ταῖς, а не τοῖς). И на этом основании переводчики считают, что в категории «свои» в этом случае подразумеваются только женщины (ср. выше переводы). Формально они правы, но в обозначении артикля можно, во-первых, тоже (как и с цифрами) подозревать ошибку в написании одной буквы (*a* вместо *o*), а во-вторых, думать и о нарушении грамматических правил просто в силу каких-то более или менее случайных обстоятельств: например, вследствие сведения составителем реестра к приему 18 октября выплат женской и мужской группам в один список или просто потому, что среди «своих» Ольги (то есть ее родственников, по моей интерпретации) женщины выступали впереди мужчин, поскольку сопровождали саму Ольгу на приемах.

Такая интерпретация данных второго реестра лучше, на мой взгляд, объясняет число 16, приведенное в нем. «Своих» 18 октября было 16 человек — это только на два лица больше, чем получается, если сложить вместе численность «своих» мужчин и женщин, бывших во дворце 9 сентября ($8+6=14$). Близость этих двух чисел — 14 и 16 — вполне понятна, как раз если предположить, что во втором реестре под отметкой «свои» были просто сведены вместе те мужчины и женщины, которые в рассказе о приеме 9 сентября были указаны по отдельности в «мужском» и «женском» списках. В этом увеличении числа «своих» от первого приема ко второму нет ничего странного — ведь численность послов и купцов тоже выросла, причем тоже на 1—2 человека.

Не претендуя на правильность предложенной интерпретации указания о «своих» в реестре к приему 18 октября и не настаивая на каких-либо цифровых соотношениях, я хотел бы в данном случае только подчеркнуть саму мысль о том, что под обозначением «свои» в реестрах выдачи подарков скрывались родственники Ольги. Только в том случае, если понимать под «своими» именно родственников Ольги (сколько бы точно ни насчитывалось их вместе и мужчин и женщин по раздельности), можно наиболее простым и убедительным образом объяснить логику в обозначении разных категорий лиц в посольстве руси в Константиновом описании двух приемов Ольги. За этой логикой, как уже говорилось, стояла «микроструктура» посольства, отражавшая «макроструктуру» общества руси. Придерживаясь этой логики и опираясь на новые интерпретации списков денежных подарков, можно выстроить иерархию и численность посольства Ольги следующим образом⁴¹:

- во главе посольства стояла сама княгиня;
- вторым лицом в посольстве был ее племянник;

- далее шли родственники княгини (συγγενεῖς, οἱ ἴδιοι αὐτῆς), мужчины и женщины, всего 16 человек (если учитывать по большому числу на приеме 18 октября);
- послы — 22 человека (по числу на приеме 18 октября);
- купцы — 44 человека (по числу на приеме 18 октября);
- «служанки» или «рабыни» Ольги (θεραπαίνας или δούλας αὐτῆς) — 18 человек;
- «люди Святослава» — 10 (?) человек;
- «люди послов» — 6 человек.

В порядке и размерах денежных выдач на первом и втором приеме наблюдаются некоторые различия. Во-первых, на втором приеме не упоминаются две последние категории людей. Это обстоятельство вместе с тем фактом, что размер подарков был на втором приеме понижен по сравнению с суммами, выданными на первом приеме, говорит о том, что во второй раз греки существенно сэкономили на этих расходах⁴². Во-вторых, на первом приеме купцы по статусу оказываются равны послам, а на втором — ниже их и получают столько же, сколько служанки Ольги. Зато послам на втором приеме были выданы такие же суммы, какие получили и родственники княгини. Это значит, что статус послов был довольно высок — выше, чем у купцов, и приближался к статусу родственников княгини. Вне зависимости от того, сообщало ли им этот высокий статус положение тех, кто их послал, или что-то другое, сами они были люди видные и состоятельные — у некоторых из них были свои слуги, удостоившиеся подарков от императора на первом приеме.

В сравнении данных трактата византийского императора с договором 944 г., прежде всего, бросается в глаза особое выделение главы государства руси в обоих документах. Этот факт важен ввиду того, что Олег, как было выше замечено, специально в договоре 911 г. никак не выделялся. Однако причины этого факта можно предполагать разные. В частности, если Ольга приняла крещение именно во время описанного в «De Ceremoniis» визита, то, конечно, ей греки должны были оказать особое внимание.

Не менее выразительным является наличие в свите Ольги тех же самых двух категорий людей, которые отмечаются в договоре 944 г., — послов и купцов. Очевидно, присутствие и эксплицитное указание обеих этих категорий и при заключении союза в 944 г., и в посольстве Ольги не случайно и должно объясняться каким-то их особым значением. В данном случае это обстоятельство для меня представляет наибольший интерес, и на нем я сконцентрирую внимание. И самое главное заключается в том, что данные Константина дают определенный материал для решения того принципиального

вопроса, который разделил современных ученых, — были ли лица, перечисленные в договоре 944 г. как отправители своих «слов», родственным кланом Рюриковичей или же группой, образованной вследствие их значения в социально-политическом отношении. Такой материал можно, на мой взгляд, найти в ряде дальнейших соответствий между описанием Константина и договором 944 г.

В договоре люди, перечисленные в начале поименно, обозначаются как «послания от Игоря, великого князя рускаго, и от всякаго князя и от всѣхъ людии Руския земля». В «De Ceremoniis» Константин о них говорит как о «послах и купцах архонтов Росии». Если оставить в стороне малосодержательное упоминание «всех людей Руской земли», то оба обозначения вполне соответствуют друг другу и имеют в виду, что послы и купцы были посланы некими вождями, правителями или, как выражаются современные ученые, «правлящей элитой» Руси. В договоре 944 г. эта «элита» обозначается словами «князья» или «боляре», но за ними, как указывалось выше, надо предполагать одно греческое слово — ἄρχων/ἀρχόντισσα/ἀρχόντες. Константин его и использует. Во главе этой группы людей стоит киевский правитель — Игорь и Ольга в том или другом случае, соответственно. В 944 г. Игорь не присутствовал лично при заключении договора, и его интересы представлял его собственный «сол» (выделенный особо впереди всех «объчих слов»), а Ольга прибыла в Константинополь лично, и от нее представитель не требовался. Очевидно, купцы представляли коммерческие интересы «архонтов» во главе с киевским князем, а послы — политические.

Таким образом, внимательное прочтение обрядника Константина приводит к выводу, что трехчастная формула договора 944 г., указывающая на Игоря, князей/бояр и всех людей как главные элементы общества руси, этикетной является только в одной своей части — третьей, то есть упоминании «всех людей». Неслучайно, видимо, в договоре 911 г. о них не вспомнили. К такому восприятию этой формулы подталкивает и соответствующее трехчастное описание византийского государства — помимо цесарей и «всего боярства», «все люди греческие». Понятно, что «боярство» (то есть высшая чиновная знать) в Византии имело реальные рычаги власти и участвовало в принятии политических решений, а «все люди» присутствовали лишь эфемерно, на словах. Итак, «князья»/«бояре» («архонты») договора 944 г. — это не некая знать, верхушка, элита, дружина и т.д. древнерусского общества, упоминание которой чисто формально и о которой нельзя сказать ничего конкретного, а это именно те лица, которые перечислены в начале документа каждый в паре со своим послом.

Понять, кто были эти лица, помогает другое соответствие императорского обрядника и договора 944 г., а именно — поразительное совпадение численности послов. В списках денежных подарков, которые приводит Константин, указаны в первом случае (прием 9 сентября) 20 послов, во втором (прием 18 октября) — 22. Однако надо учитывать, что Ольга и ее племянник, статус которого был явно выше всех остальных ее родственников и которого вполне можно зачислить в ряд «князей»/«бояр» («архонтов»), не нуждались в представителях, поскольку присутствовали лично. По всей видимости, Святослава представляли его собственные «люди», указанные в первом реестре подарков. Размер денежных подарков этим «людям Святослава» был ниже, чем послам и даже купцам, но надо учесть, что их было несколько человек (возможно, даже десять) и общая сумма, потраченная на них, была явно выше (скорее всего, даже существенно выше) выплаты одному послу. В реестре подарков ко второму приему они не упоминаются, и, возможно, они уже покинули Константинополь. Так или иначе, в случае если бы Ольга и ее племянник не присутствовали бы лично при официальной встрече с византийской стороной, то к 22 послам, которые представляли «архонтов», надо было бы, как подсказывает список договора 944 г., прибавить по одному послу от Ольги и ее племянника. Кроме того, должны были быть представлены интересы Святослава — в договоре от его лица действовал один посол, с посольством Ольги прибыли от него несколько человек, но они рассматривались, очевидно, как одна «структурная единица». Условно примем: от Святослава тоже один представитель. Всего, таким образом, получаем: $22+2+1=25$ человек. В договоре же 944 г. фигурируют посол Игоря и 24 «объчих сла», которые представляют, соответственно, всего 25 «князей»/«бояр» («архонтов»). Цифры совпадают в точности.

Такого рода совпадения не могут быть случайными. Очевидно, за одинаковыми цифрами стоит один порядок представительства интересов «правлящей элиты» государства руси, который нашел соответствующее отражение в договоре 944 г. и в описании приема Ольги в «De Ceremoniis». Эта логика предполагает, что 22 посла, прибывшие с Ольгой в Константинополь, тоже, как и при заключении соглашения в 944 г., представляли каждый одного «архонта». Та последовательность групп лиц в составе посольства Ольги, которая выстраивается в реестре денежных подарков в обряднике, свидетельствует о реальной социально-политической иерархии, в которой послы «архонтов» занимают место, причитающееся самим этим «архонтам» (то есть как бы замещают их по принципу «один в один»). В большем числе купцов в «De Ceremoniis» по сравнению с догово-

ром 944 г. нет ничего удивительного: численность этой группы лиц не зависела прямо от политической организации (в отличие от послов архонтов) и, естественно, могла колебаться, в тот или иной момент быть больше или меньше в зависимости от сезона, интенсивности торговых операций и т. д.

Могли ли эти «архонты» представлять один родственный клан? Анализ императорского обрядника склоняет к отрицательному ответу на этот вопрос. Прежде всего, как выясняется, родственники Ольги составляли отдельную группу в ее посольстве, никак не связанную ни с «архонтами», ни с их послами. Этих родственников (обозначенных в реестре денежных подарков как «свои» — οἱ ἴδιοι ἀδελφεῖς) было 14 человек на первом приеме, а на втором — 16. Численность вполне достаточная для родственного клана даже по меркам архаического общества, если к тому же учесть, что несовершеннолетние и старики, вероятно, остались на Руси и в это число не попали. Другое дело, что помимо этих «своих» у Ольги были родственники, упоминание которых в обряднике указывает на их особый статус, — это ее сын Святослав и некий не названный по имени племянник. Ничто не мешает этих двух причислить к «архонтам», тем более что и в договоре 944 г. помимо Игоря своих послов представили несколько его ближайших родственников, в том числе тот же Святослав. Не исключено, кстати, что кто-то из двух «нетиев», указанных в договоре 944 г., и был обозначен как ἀνεψιός (племянник) Ольги в «De Ceremoniis».

Против «родовой интерпретации» списка договора 944 г. говорит и само совпадение численности послов и «архонтов» в договоре и обряднике. Трудно представить себе, что между 944 г. и визитом Ольги в Константинополь, когда бы он не состоялся (а особенно если принимать как более вероятную позднейшую дату 957 г.), число родственников киевского правителя оставалось тем же самым — те же 24 человека. Ведь помимо гибели Игоря надо предполагать и другие изменения в их составе, учитывая бурную военную деятельность руси, о которой как раз применительно к 940-м годам мы располагаем известиями (борьба с древлянами, каспийские походы). Можно допустить, что эти архонты-родственники сидели по локальным центрам, и их число определялось именно количеством центров. Но из этого тогда следует, что на самом деле родственный клан составлял значительно больше, чем 24—25 человек, потому что схема должна была бы быть такой: как только кто-то из «архонтов» умирал, на его место главы того или иного центра становился другой из очереди родственников, ожидавших своей доли. Такое допущение заставляет увеличивать этот клан до каких-то уж совсем мало-

правдоподобных размеров и сильно усложняет и без того шаткую конструкцию.

Как было уже отмечено выше, одной теории, альтернативной «родовой интерпретации», в науке нет. Разные ученые предлагают разные варианты объяснения того, кем были лица, направившие своих послов для заключения договора 944 г. Однако все они так или иначе сталкиваются с проблемой, которую обозначил еще С.М. Соловьев, — умолчание договора о Свенельде и Асмуде, которых летопись рисует первейшими сподвижниками Игоря и Ольги в 940-е годы. Такое умолчание выглядит особенно странно, если предполагать, что отправители послов (все или частично, не так важно) были «дружинниками» или «служилыми людьми» киевского князя. К этому надо прибавить и тот факт, что имена обоих летописных героев без сомнения скандинавские. Но преимущественно скандинавской является и антропонимика именных списков договора — значит, и с «этнической» точки зрения в этом ряду логично было бы ожидать появление Свенельда и Асмуда или хотя бы одного из них.

На эти проблемы указал А.В. Назаренко. Он справедливо отметил, что в любом случае не может быть принята точка зрения, которая предполагает в отправителях послов княжеских «дружинников», потому что среди них мы видим женщин — Передславу и Сфандру, а также, возможно, указанную в конце Уту⁴³. Женщины не могли быть княжескими агентами, и статус «архонтов»/«архонтиссы», то есть независимых политических фигур (правителей), они могли получить только по родовому праву наследства (как Ольга стала княгиней после смерти мужа). Выход из тупика историк нашел в «родовой интерпретации» С.М. Соловьева⁴⁴. Однако, решение проблемы можно искать и на иных путях, и подсказку снова дает описание приема Ольги в «De Ceremoniis».

Выше обращалось внимание на то, что послы «архонтов» руси были, судя по их статусу и по упоминанию их «людей» в реестре денежных подарков, люди сами по себе значительные. Но с политической точки зрения они были все-таки не самостоятельными фигурами, представляя не собственные, а чужие интересы. Каждый из них выступал как бы заместителем или alter ego «архонта» (или «архонтиссы»), пославшего его. Такое положение послов полностью соответствует тому, как в летописи описываются те же Свенельд и Асмуд и прочие соратники и сподвижники князей: они имеют высокий социальный статус, влиятельны, богаты, могут иметь своих собственных слуг (у Свенельда упоминаются свои отроки), но состоят на княжеской службе. Постольку, поскольку эти люди представляют (или должны представлять) княжеские интересы, они счи-

таются «мужами» князя. Именно так, по летописи, представился один из этих летописных героев — некий «Прѣтичь», который выступил во главе «людей оной страны Днѣпра» в защиту Киева, осажденного печенегами, когда Святослав был в болгарском походе. Когда «князь печенѣжский» спросил его: «а ты князь ли еси?», Претичь ответил: «азь есмь мужь его и пришель есмь въ сторожѣх, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ...». После этого диалога летописец описывает заключение мира между печенежским «князем» и Претичем с рукобительем и обменом дарами⁴⁵. Претичь выступает в сущности таким же «словом», каких мы видим в списке договора 944 г. Представляя-замещаая князя, он выступает от его имени и защищает его интересы. Претичь — «муж» Святослава, но вместе с тем он и в известной мере самостоятелен и значителен, ибо возглавляет некую группу местного населения и обладает достаточным статусом и достатком, чтобы заключать договор с вождем печенегов и одаривать его.

Таким образом, если ожидать появления Свенельда и Асмуда в договоре 944 г., то их место было бы среди послов, а не тех лиц, которые этих послов направили от своего имени. То, что оба там на самом деле не появляются, вполне объяснимо. Ведь у киевского князя на службе состояли не один и не два человека, а многие, и наверняка их обязанности были каким-то образом распределены и специализированы. «Иворь соль Игоревъ, великаго князя рускаго», представлял в 944 г. интересы Игоря в Византии. Значит, Свенельд и Асмуд защищали его интересы где-то еще. Так, собственно, и следует из летописи: Свенельд занят борьбой с древлянами, а задачей Асмуда была забота о молодом Святославе (и именно постольку, поскольку он, «кормилец» княжича, был занят попечением о ребенке, он и не мог отправиться в Византию — интересы Святослава там представляет другой «княжий муж», некий Вуефаст). Нет ничего странного, что ни тот, ни другой не упоминаются в договоре 944 г. С этой точки зрения не требует особых разъяснений и упоминание «Свѣнальда» в договоре 971 г. Был ли этот Свѣнальд тождественен Свенельду, состоявшему на службе Игоря, или нет, в любом случае, очевидно, он состоял на службе Святослава и выступал гарантом-поручителем заключенного соглашения со стороны руси (как Феофил, «синкел» при василевсе Иоанне Цимисхии, упомянутый с греческой стороны). В военно-полевых условиях, в каких оказался князь в Доростоле, Свѣнальд был просто его ближайшим доверенным лицом и одним из предводителей войска, поэтому и был упомянут в договоре с греками.

Если отправители послов («архонты»/«князья»/«бояре») не были ни родственниками киевского князя, ни его «мужами»-«дружинниками», могли ли они быть «племенными князьями», под-

чиненными киевскому правителю? Едва ли. Если оставить весьма сомнительные данные *ПВЛ*, то все «племена», которые мы можем подвести «под руку» Игорю и Ольге, — это те, которые упоминает Константин Багрянородный в другом трактате — «*De administrando imperio*» («Об управлении империей»). В одном месте он говорит как о «пактиотах» руси о «кривитеинах, лендзанинах и прочих славиниях» (то есть кривичах, лендзянах и других славянских народах), в другом он упоминает «славинии вервианов (возможно, древляне), другувитов (дреговичи), кривитов (кривичи), севериев (северяне) и прочих славян, которые являются пактиотами росов», наконец, в третьем пишет как о «подплатёжных» руси об «ульгинах, дервленинах, лензанинах (уличах, древлянах и лендзянах) и прочих славянах»⁴⁶. Все это — славянские народы-«племена». Однако в списке отправителей послов договора 944 г. преобладают имена скандинавские. Если говорить о «племенных князьях», то упоминание только трех славянских имен в этом списке оказывается в совершенном диссонансе с данными Константина, в которых, между тем, нет никакого повода сомневаться.

Облик этих «архонтов» получается довольно загадочным, и вопрос о том, кто они были такие, встает теперь даже с большей силой, чем ранее. Один из вариантов ответа на этот вопрос был обозначен еще М.С. Грушевским, и путь решения, им намеченный, представляется наиболее корректным. Грушевский, обратив внимание на соответствие численности «князей»/«бояр» договора 944 г. и «архонтов» в описании приема Ольги у Константина, делал вывод, что эти «архонты» представляли собой «провинциальных князей» руси под верховенством киевского князя⁴⁷. Его рассуждения, не вполне последовательные и верные (во многом вследствие его особенного взгляда на происхождение руси), не получили в науке распространения⁴⁸. Между тем, на мой взгляд, это совпадение численности является ключевым, и оно о многом говорит. Раз численность в разные моменты совпадает, значит, она была устойчивой. Объяснить такую устойчивость может наиболее естественным образом мысль, что люди, оказывающиеся в разное время в одинаковом числе, представляли некие территории или центры. Количество административно-территориальных единиц внутри одного политического образования значительно более стабильно и не меняется так быстро и сильно, как количество людей, составляющих те или иные социальные, родственные, профессиональные и прочие группы. Таким образом, *эти 25 «князей»/«бояр» («архонтов») представляются некими относительно самостоятельными правителями неких отдельных территорий, которые были, однако, объединены понятием Русь/Русская земля и верховной властью одного из этих «архонтов» — киевского.*

Такой вывод вступает как будто в противоречие с той картиной киевского «единодержавия», которую рисует летопись. Летописное повествование сфокусировано на истории одной династии Рюриковичей и альтернативу ей не предполагает. О существовании каких-то князей или бояр, которые управляли где-то на территории Руси локальными центрами по родовому наследственному праву, летопись не упоминает. Тем не менее, в литературе уже неоднократно высказывались подозрения, что в этом отношении летописцам XI—XII вв. доверять нельзя — для них никакой другой легитимной власти кроме власти Рюриковичей уже, конечно, не могло быть, но реальная политическая ситуация в более раннее время вполне могла выглядеть более «полицентрично». И в самом деле, намеки на власть, параллельную власти киевских князей, можно разглядеть в случайных летописных замечаниях о каких-то правителях, независимых или полузависимых от киевской династии (Рогволод в Полоцке, некий Туры, от которого якобы пошло название города Туры и др.). Я не буду обсуждать в данном случае летописные тексты и их соотношение с наблюдениями, полученными в результате анализа не-летописных источников. Оставаясь в рамках подхода, обозначенного в начале настоящей статьи, я оценю эти наблюдения лишь с самой общей точки зрения и проверю, не противоречат ли они тем источникам, на которых и были сделаны — то есть договорам и свидетельствам Константина.

Первый вопрос, который возникает, если признать тезис о 25 «архонтах» и «архонтиссах» Руси: что за территории они представляли? К сожалению, ответ на этот вопрос не может быть точным по той простой причине, что мы весьма приблизительно представляем себе территорию и размеры самой Руси в X в., внутри которой должны были находиться эти «архонты», признававшие верховный авторитет киевского князя.

«Руская земля» и «страна Руская» несколько раз упоминаются в договоре 944 г. и, как минимум, однажды слово «русь» употребляется для обозначения определенной территории («да идути в домы своя в Русь»⁴⁹). «Руская земля» известна и договору 911 г., а «русь» как обозначение территории — тому тексту в статье *ПВЛ* 6415 г., который можно теоретически возводить к «договору 907 г.».

Составитель *ПВЛ* приводит список «русских городов» в статье 6415 (907) г. в составе «договора 907 г.». Олег якобы добился от греков согласия «даяти у[к]лады на руские города: пѣрвое на Киевѣ, таже и на Черниговѣ, и на Переяславѣ, и на Польтескѣ, и на Ростовѣ, и на Любечѣ и на прочая города, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подь Ольгом суще»⁵⁰. Но А.А. Шахматов показал, что этот список является чистой реконструкцией летописца⁵¹. О какой-то достоверности мо-

жет идти речь лишь относительно первых трех городов в этом списке — Киеве, Чернигове и Переяславле, которые указаны в договоре 944 г. в статье о выдаче корма послам и купцам руси, останавливающимся в Константинополе: «и тогда возмут мѣсячное свое, пѣрвое от города Киева, паки ис Чернигова, и Переяславля и прочии городаы». Но в литературе было указано, что и список трех городов в договоре 944 г. не может восприниматься как аутентичный, так как Переяславль возник только в конце X в. — ни в 944 г., ни тем более в 907 г. этот город просто еще не существовал (об основании Переяславля в конце X в. рассказывает сама *ПВЛ*, а археологи древнейшие слои Переяславля относят ко времени не ранее конца X в.)⁵².

Кроме упоминания городов, в договоре 944 г. единственным намеком о местоположении Руси являются упоминания Днепра и «Корсунской страны», с людьми которой русь, видимо, часто сталкивалась. В договорах 911 и 970 гг. «зацепиться» и вовсе не за что, и для определения того, где находилась «страна Руская» договоров, историкам приходится обращаться к другим источникам. В суждениях, к которым в итоге они приходят, нет единства, но все-таки наиболее убедительной и признанной в науке может на сегодняшний день считаться локализация Руси X в. в среднем Поднепровье. Наиболее подробно и обстоятельно ее обосновал А.Н. Насонов, выделивший в летописании XI—XIII вв. целый ряд указаний на некую территорию в этой области, которая называлась «Русь» и «Русская земля», но отличалась при этом от «Русской земли», обнимавшей всю территорию, подвластную князьям-Рюриковичам⁵³. Образование этой «Русской земли в узком смысле» Насонов возводил к весьма древним временам (вплоть до IX в.), указывая на различие русина и словенина в Древнейшей Русской Правде и на другие данные. На этой территории, границы которой позднее уточнил В.А. Кучкин, располагался целый ряд городов, насчитывающих, по летописным упоминаниям XI—XIII вв. не менее двух десятков⁵⁴. Последнее обстоятельство заставляет вспомнить число «архонтов» по договору 944 г. и описанию приема Ольги Константином, хотя надо признать, что большинство этих городов, известных по летописным упоминаниям, возникло все-таки позднее середины X в.

Большое значение для определения территории, подчиненной киевскому князю и освоенной русью, имеет рассказ Константина Багрянородного о руси в 9-й главе «De administrando imperio». Интерпретация этого текста, явно неоднородного и склеенного из отрывков разного происхождения, связана с целым комплексом разнообразных и весьма непростых вопросов. Не вникая во все детали и элементы этого комплекса, я обращаю внимание только на два аспек-

та, важных для целей данного исследования. Во-первых, из рассказа Константина однозначно и несомненно следует, что он считал столичным центром Руси Киев, но в то же время связывал с русью еще целый ряд пунктов в Поднепровье (в составе «Русской земли в узком смысле слова» — Чернигов, Вышгород, Витичев и Любеч, плюс Смоленск в верхнем Поднепровье) и Новгород на Волхове⁵⁵.

Во-вторых, знаменитое описание «зимнего и сурового образа жизни росов», приведенное в этой главе «De administrando imperio», содержит информацию, которая как будто, на первый взгляд, противоречит тезису об «архонтах» руси как главах локальных центров. Рассказывая о прокормлении «росов» зимой в полюдь, Константин пишет, что все они отправлялись в полюдь именно из Киева и туда же возвращались. Так выглядит этот рассказ: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в славинии вервианов, другувитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»⁵⁶.

В этом пассаже Константин снова упоминает «архонтов» «росов». Он говорит о них во множественном числе, и это соответствует тому, что мы видели в «De segetoniiis» и в договорах 911 и 944 гг. Разумеется, ничто не обязывает воспринимать нас буквально слова императора, что «архонты» выходят из Киева именно «со всеми росами» (μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς). Е.А. Мельникова, опираясь на замечания А.Я. Гуревича, совершенно справедливо написала в комментариях к этому месту трактата, что «отождествление названия племенного союза (позднее — народности) с наименованием его правящей верхушки представляет типичное для раннего средневековья явление». Такое отождествление происходит по хорошо известному принципу (и употребительному далеко не только в раннее средневековье) «приравнивания части и целого как взаимозаменяемых единиц» — *pars pro toto*⁵⁷. Именно так средневековые книжники, когда в описании сражений, переговоров и т.д. писали о «всей Русской земле», о «всех данах», «всех франках», «всех мужах Чешской земли» и т.д., имели в виду, конечно, не буквально всех представителей того или иного народа, а лишь его «лучшую», наиболее выдающуюся и влиятельную (прежде всего, политически) часть — то есть элиту, верхушку.

Однако возникает вопрос, как же эти «архонты» могли представлять иные пункты и территории «Руской земли», если из сообщения

Константина выходит, что если не «все росы» буквально, то некоторая их «лучшая» часть во главе с «архонтами» имела местом жительства именно и только Киев. На это замечание возразить было бы нечего, если бы можно было признать это заключение из чтения трактата справедливым. Однако если поставить сообщение императора в контекст прочих сведений о полюдье и трезво оценить его, то доверие ему сильно поубавится.

Из рассказа Константина, а еще лучше из других источников известно, что в полюдье ходило сравнительно много людей — целью было именно прокормить целый большой класс людей, а не только узкий элитарный слой. Неужели весь этот класс проживал или базировался только в одной столице? Кроме того, император пишет, что из Киева «росы» отправляются в полюдья к славянским народам, которые, как мы знаем и от самого Константина, и из летописи, проживали на территориях весьма обширных и лежащих довольно далеко от Киева. Здравый смысл и элементарные подсчеты расстояния и времени подсказывают, что одной толпой объехать за одну зиму все эти территории не было никакой возможности. Попытки некоторых историков представить дело как «централизованный» объезд из Киева в силу некоего «монопольного права» киевского князя на полюдье оказались неудачны и неубедительны⁵⁸. Гораздо более вероятной представляется схема, подразумевающая, что объезды по полюдьям совершались не одной, а разными группами по отдельности. Эти «кружения» происходили не из одного центра, а из многих — группы выходили каждая из своего центра и разъезжались каждая в определенный регион, вероятно, ближайший к этому центру⁵⁹. Напрашивается мысль, что во главе этих групп и стояли как раз те самые «архонты», которые все-таки должны были находиться в локальных центрах Руси, а не сидеть все вместе в столице.

Таким образом, подразумеваемый текстом Константина порядок, что в полюдье выходили из одного только Киева, представляется ошибочным. Конечно, «все росы» не могли располагаться в одном только Киеве, но не мог там сидеть и весь военно-торговый класс руси, который ходил в полюдья, а затем собирал моносилы в Византию. За теми сведениями и взглядами, которые отразил трактат василевса, стоит, очевидно, определенный «киевцентризм», вследствие которого общая картина «зимнего и сурового образа жизни» руси при всей ее реалистичности и достоверности оказалась несколько искаженной или смещенной. Этот «киевцентризм» 9-й главы «*De administrando imperio*» справедливо отмечает А.В. Назаренко и заключает, что Константин, выделяя некую «внешнюю Русь», фактически относил к ней все земли и города «росов», кро-

ме самого Киева⁶⁰. Историк склонен видеть в таком взгляде автора трактата отражение некоего реального особого политического и правового статуса Киева. Конечно, этот город выделялся в ряду прочих хотя бы как резиденция «главного» среди всех «архонтов» руси. Но все-таки, учитывая другие данные, приведенные выше, акцент Константина на роли Киева представляется явно преувеличенным. На мой взгляд, этот акцент надо связывать не столько с какими-то реалиями, сколько с тем источником, откуда собственно происходит информация, донесенная до нас Константином. Некоторые черты рассказа о полюдье в 9-й главе (в первую очередь, сама передача древнерусского слова «полюдье») выдают, что источником информации был человек, сам побывавший на Руси и знакомый с древнерусским языком. Обычно предполагают, что это должен был быть какой-то византийский посланец, побывавший на Руси по приглашению и под покровительством киевского князя. Конечно, он был именно в Киеве и имел дело с киевлянами. Вполне естественно было бы, что этот человек, рассказывая затем императору или кому-то из греков, кто записал его рассказ для императора, об «образе жизни» руси, сообщал сведения в определенном преломлении — то есть со специфической *киевской* точки зрения.

Такое понимание текста «De administrando imperio» позволяет удержать предложенный выше тезис, что те люди, которые в сочинениях Константина выступают как «архонты» «росов», а в договорах 911 и 944 гг. как «князья»/«бояре» руси, были в реальности главами отдельных центров «Руской земли». В то же время и сообщение Константина, и позднейшие летописные данные свидетельствуют о том, что на Руси эпохи Игоря и Ольги, «ядро» которой локализуется в среднем Поднепровье, было вполне достаточно локальных центров (городов), где могли бы разместиться и главами которых могли считаться «архонты» договора 944 г. и описания приема Ольги.

Этот последний вывод выглядит вполне правдоподобным и в свете археологических данных. В среднем Поднепровье открыт ряд относительно крупных населенных пунктов, в том числе укрепленных и с явными следами военно-торговой элиты, расцвет которых приходится как раз на X в. Так, например, раскопаны городища по Десне, от Днепра до Чернигова и в районе Чернигова, самое известное из которых — городище у села Шестовицы, где открыты богатые захоронения с многочисленными элементами скандинавского облика. Только в этом районе таких городищ насчитывается не менее 7—8⁶¹.

Богатые захоронения элитарного характера с элементами скандинавской культуры зафиксированы как в среднем Поднепровье, так и вообще в бассейне Днепра и его притоков. Наиболее яркие из

них — это курганы в Чернигове, которые историки давно уже окрестили «княжескими» (Черная Могила, Гульбище и др.). Выдающиеся черты этих погребений подталкивали ученых к предположениям о наличии в Чернигове каких-то особых правителей, княжеской династии и т.п. Разумнее, на мой взгляд, не пускаться здесь в гадания, а вспомнить как раз об этих «архонтах» руси. Раскапываются ли «княжеские» «могилы» в Чернигове или где-то еще, — в данном случае важно, что далеко не только в Киеве. Этот факт говорит против «киевоцентричного» понимания структуры государства руси в X в., которое может сложиться, если слишком прямолинейно воспринять данные Константина и договоров.

* * *

Итак, анализ данных договоров руси с греками и сообщений Константина Багрянородного приводит к следующим выводам. По этим источникам правящую верхушку государства руси X в. представляли люди, которых греки называли «архонтами» (ἀρχόντες). В славянском переводе договоров они фигурируют как «князья» или «(бо)ляре», и оба эти обозначения передают одно и то же греческое слово. В 40—50-е годы X в. численность «архонтов» руси составляла 25 человек. Судя по количеству послов, отправленных Олегом и прочими «князьями» руси для заключения мирного соглашения с греками в 911 г., тогда их насчитывалось меньше — только 15. Если, как предлагается в настоящей работе, считать этих «архонтов» главами отдельных (городских) центров «Русской земли» как определенной области в среднем Поднепровье, то увеличение их числа с 911 до 944 г. надо объяснять ростом государства и основанием новых городов. Поскольку и сами «архонты», и их представители, которые направлялись в Византию, носили в основном скандинавские имена, рост государства можно связывать с присутствием древностей скандинавского происхождения, которое археологически засвидетельствовано на этой территории как раз в рамках X в.

Какие именно города представляли «архонты», неясно. Логично предположить, что «архонты» представляли преимущественно города именно «Русской земли в узком смысле слова», хотя нельзя исключать и представительство отдельными «архонтами» каких-то «экс-клавов». Некоторую пищу для размышлений дают данные о связи членов семьи князя Игоря, которые тоже представили своих послов в 944 г. и тоже имели статус «архонтов», — Ольги и Святослава — с определенными городами. О Святославе Константин сообщает в 9-й главе «De administrando imperii», что тот «сидел» (ἐκοθέζετο) — то есть, видимо, правил — в городе, который он передает по-гречески как

Νεπογυρδός. Трудно понять, к какому именно времени надо относить это «сидение» Святослава, но ученые согласны в том, что имеется в виду Новгород на Волхове. Об Ольге говорит летопись в рассказе о покорении древлян, что треть дани, причитавшейся с них, она направила в Вышгород, «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ»⁶². Трудно тоже понять, что имел в виду автор этого указания, писавший не ранее начала—середины XI в., но все-таки здесь можно увидеть намек на то, что Ольга имела особую власть над Вышгородом (который не только относится к «Русской земле в узком смысле слова», но и является ближайшим укрепленным пунктом к Киеву). Вероятно, как «архонтисса» договора 944 г., она выступала главой Вышгорода.

Так или иначе, вне зависимости от связи с «архонтами» с локальными центрами Руси, их группа в два с лишним десятка человек не могла быть «дружинниками» киевского князя и не могла составлять один род Рюриковичей, как толкуют историки. «Мужи» на службе киевского князя и других «архонтов» представлены в договорах, но не в списке тех, кто посылал послов и купцов, а в списке самих послов. Род Рюриковичей состоял, конечно, далеко не только из тех фигур, о которых нам известно из летописи (при Ольге в Константинополе мы видим полтора десятка родственников), но статус полноценных «архонтов» имели, видимо, только избранные его представители. Если предполагать, что в списке отправителей своих послов в договоре 944 г. помимо четырех родственников Игоря остальные люди представляют разные рода (а родственные связи между ними не указываются и не подразумеваются), но что, с другой стороны, каждый из отправителей послов был владельцем главой того или центра или территории, то род киевского князя получает явный перевес — получается, что представители этого рода владеют большим количеством городов/территорий, чем остальные «архонты».

Киевский князь (со своим родом), вероятно, имел и другие преимущества по сравнению с прочими «архонтами» (об этом здесь нет места распространяться), но все-таки они были относительно независимыми политическими вождями руси. Об этом говорит и то, что они так же, как и киевский князь, считают ниже своего достоинства сами ездить в Византию для заключения договоров (и даже с Ольгой никто из них, кроме ее «племянника», не поехал туда) и посылают вместо себя своих «мужей»-послов и купцов.

В литературе уже высказывались мнения, что политическую организацию руси не стоит понимать как строго «монархическую» и централизованную и даже что, может быть, лучше говорить о нескольких государствах руси на территории Восточной Европы в IX—X вв. Не вдаваясь в обсуждение этих мнений, замечу только, что

то политическое образование в среднем Поднепровье, о котором говорят данные договоров руси с греками и сочинений Константина (несравненно более надежные и подробные, чем другие данные, которыми мы располагаем по истории Руси до конца X в.), в самом деле выступает скорее объединением «ярлов» «под рукою» киевского «конунга», как писали М.Д. Присёлков и А.В. Соловьев, или союзом «различных харизматических кланов», как выражался О. Прицак⁶³ (хотя авторы имели в виду далеко не только Поднепровье). Отсылки к Скандинавии здесь, конечно, неслучайны — именно в этом регионе, как известно, едва ли не дольше всего в Европе (вплоть до XI—XII в.) сохранялась множественность политических центров и политических предводителей, относительная децентрализация и могущество родовой и местной знати (хевдингов и «могучих бондов»)⁶⁴.

В то же время, разумеется, нельзя представлять себе Русь середины X в. простым слепком скандинавского общества. Такого не могло быть просто потому, что в это политическое образование вошли массы местного славянского населения со своим социально-политическим укладом. Немаловажный фактор представляло влияние Византии — например, по данным тех же договоров видно, что статус «великого князя» киевского поднимался во многом в результате контактов с греками и воздействия византийских политических воззрений и практики. Эти и другие факторы — внутренний и внешний рост государства руси в течение X в., приведший к включению разных этнических и культурных элементов; ширококомасштабные военные мероприятия; спад скандинавской колонизации; определенные экономические процессы и др. — привели к тому, что к началу XI в. социально-политическая структура этого государства изменилась. И одним из важнейших изменений (а может быть, и важнейшим) было исчезновение той группы местных предводителей руси, которых греки называли «архонтами», но которых, к сожалению, мы уже, видимо, никогда не сможем назвать их аутентичным именем (о нем можно только гадать — князья, конунги, бояре, ярлы, хевдинги и т. д.). В летописных текстах XI—XII вв. никаких следов от них уже не обнаруживается, и эти тексты рисуют состав социальной верхушки древнерусского государства иначе.

¹ *Присёлков, М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки / ЛГУ. Сер. ист. наук. — Л., 1941. — Вып. 8. — С. 215, 216.

² Подход имеет сторонников в современной историографии, в том числе и весьма радикальных, которые сознательно почти полностью абстрагируются от летописей в изложении древнейшей истории Руси, см.: *Франклин, С., Шенард, Дж.* Начало Руси, 750—1200 / пер. Д.М. Буланина, Н.Л. Лужецкой. — СПб., 2009.

³ О датировке договоров см.: *Кашианов, С.М.* Из истории русского средневекового источника: акты X—XVI вв. — М., 1996. — С. 54—57.

⁴ См., прежде всего: *Малингуди, Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики // *Византийский временник.* — М., 1996. — Т. 56 (81). — С. 68—91; *Ее же.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Там же. — М., 1997. — Т. 57 (82). — С. 58—87. Работы Я. Малингуди представляют собой важнейший вклад в изучение договоров за последние десятилетия, хотя далеко не все ее идеи находят поддержку.

⁵ *Обнорский, С.П.* Язык договоров русских с греками // *Обнорский, С.П.* Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 99—120.

⁶ См. в одной из последних работ с указанием литературы: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. — СПб., 2003. — С. 147.

⁷ *Шахматов, А.А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // *Записки / Нефилологическое общество при имп. Петроградском университете.* — Пг., 1915. — Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф.А. Брауна. — С. 387 и след.

⁸ *Малингуди, Я.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики. — С. 78 и след.

⁹ *Горский, А.А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // *Ad fontem = У источника: сб. ст. в честь С.М. Каштанова.* — М., 2005. — С. 152.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. — Т. 2. — Стб. 23, 24. В этом месте листы в древнейшем списке Лаврентьевской летописи (далее — *ЛаврЛ*) утеряны, и текст договора 911 г. приводится по *ИнамЛ* с дополнениями и вариантами по *РадзЛ*. Ср. также издание с учетом списков *ПВЛ* по другим летописям, с переводом и комментарием: *Памятники русского права.* — М., 1952. — Вып. 1: *Памятники права Киевского государства X—XII вв.* / сост. А.А. Зимин.

¹¹ Далее текст приводится по *ЛаврЛ* с вариантами и дополнениями по *ИнамЛ* и *РадзЛ*: ПСРЛ. — Л., 1926. — Т. 1. — Стб. 46—48, 53; СПб., 1908. — Т. 2. — Стб. 35—37, 41.

¹² Там же. — Т. 1. — Стб. 72, 73; Т. 2. — Стб. 60, 61.

¹³ *Королев, А.С.* Святослав. — М., 2011. — С. 247. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1284).

¹⁴ *Roppe, A.* Words that serve the Authority: On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ // *Acta Poloniae Historica.* — Wrocław etc., 1989. — Vol. 60. — P. 179—184.

¹⁵ *Лавровский, Н.[А.]* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. — СПб., 1853. — С. 107.

¹⁶ Ср., например: *Малингуди, Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики. — С. 87; *Ее же.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики. — С. 64; *Назаренко, А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Междунар. конф., состоявшейся 14—18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже.* — СПб., 2009. — С. 414, 415. — (Труды Государственного Эрмитажа; т. XLIX).

¹⁷ См., например: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 148 и след.

¹⁸ А.В. Соловьев, разбирая договоры, уже отмечал, что в болгарской и сербской Кормчих *ѡрхов* передается равноправно как «(бо)лярин», «князь» и «властель» (*Soloviev, A.V.* L’organisation de l’État russe au Xe siècle // *L’Europe aux IXe—XIe siècles: Aux origines des États nationaux / sous la direction de T. Manteuffel, A. Gieysztor.* — Varsovie, 1968. — P. 253). Ср. в «Хронике Георгия Амартола», где *ѡрхов* передается как «болярин», «князь», «властель» и «старейшина» (*Истрин, В.М.*

Книги временныаѣ и образныаѣ Георгиаѣ Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. — Л., 1930. — Т. III: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. — С. 33).

¹⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М., 1991. — Гл. 29. — С. 112, 113; ср. комментарий о византийском термине «архонт» на с. 291, 364.

²⁰ Ср. интерпретации в таком ключе: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 159, 160.

²¹ Ср.: *Лавровский, Н.[А.]*. О византийском элементе ... — С. 64, 97—100.

²² *Соловьев, С.М.* Сочинения. — М., 1988. — Кн. 1: История России с древнейших времен, т. 1—2. — С. 139, 298, 299, примеч. 193.

²³ *Пресняков, А.Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X—XII столетий // *Пресняков, А.Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X—XII столетий; Лекции по русской истории: Киевская Русь / подготовка текста, ст. и примеч. М.Б. Свердлова. — М., 1993. — С. 28.

²⁴ *Греков, Б.Д.* Киевская Русь / отв. ред. Л.В. Черепнин. — [6-е изд.] — М., 1953. — С. 298, 299.

²⁵ *Приселков, М.Д.* Киевское государство. — С. 232—242.

²⁶ См.: *Strumiński, B.* Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). — Roma 1996. — P. 162 et seq.; *Melnikova, E.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica Scandinavica: Tidskrift för nordisk personnamnsforskning.* — Uppsala, 2004. — Vol. 22. — P. 5—27.

²⁷ *Soloviev, A.V.* L'organisation de l'État russe ... — P. 250—255, 266, 267.

²⁸ См., например: *Сахаров, А.Н.* Дипломатия Древней Руси. — М., 1980. — С. 237, 238; *Свердлов, М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л., 1983. — С. 32, 33.

²⁹ *Ловмянский, Х.* Русь и норманны / пер. М.Е. Бычковой; общ. ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. — М., 1985. — С. 220—224.

³⁰ *Франклин, С., Шепард, Дж.* Начало Руси ... — С. 193, 194; *Котляр, Н.Ф.* Древнерусская государственность, — СПб., 1998. — С. 39, 40; *Schramm, G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. — Freiburg im Breisgau, 2002. — S. 415—423; *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 162, 175. Правда, представления каждого из указанных авторов о том, что именно представляла собой эта знать, очень разные. С. Франклин и Д. Шепард говорят туманно о неких «людях высокопоставленных». Н.Ф. Котляр видит в лицах, пославших своих послов в 944 г., «правителей» или «вождей племенных княжений». Г. Шрамм говорит о некоей высшей прослойке знати Киевского государства — князьях не Рюрика рода, проживавших в Киеве и признававших верховную власть Игоря. М.Б. Свердлов признает в этих лицах «княжих мужей».

³¹ *Назаренко, А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси. — Passim; *Толочко, О.П., Толочко, П.П.* Київська Русь. — Київ, 1998. — С. 69—71; *Горский, А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. — М., 2004. — С. 66; *Шинаков, Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. — М., 2009. — С. 186—189.

³² Г.Г. Литаврин опубликовал свой перевод первоначально в статье: *Литаврин, Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // *Византийский временник.* — М., 1981. — Т. 42. — С. 42—45. Позднее перевод и статья, построенная на комментариях к нему, были переизданы в составе книги: *Его же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — СПб., 2000. — С. 190—204, 360—364. Перевод в 2000 г. Литаврин переиздал без

изменений, а статья была существенно переработана и дополнена, в том числе и ответами на критику Назаренко, высказанную в работе: *Назаренко, А.В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // *Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. Чтения памяти В.Т. Пашуто*, Москва, 17—19 апр. 1996 г.: тез. докл. — М., 1996. — С. 58—63.

³³ Русский перевод: *Новиков, Н.Е.* Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // *KANISKION: юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова / отв. ред. М.В. Грацианский, П.В. Кузнецов.* — М., 2006. — С. 343—346. Английский перевод М. Физерстоуна: *Featherstone, J.M.* DI' ENDEIXIN: Display in Court Ceremonial (*De Cerimoniis* II, 15) // *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of J.M. Spieser / ed. A. Cutler, A. Papaconstantinou.* — Leiden, 2008. — P. 75—112.

³⁴ Греческий оригинал см.: *Constantinus Porphirogenitus. Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / E. rec. J.J. Reiske.* — Bonnae, 1829. — Vol. I. — P. 594—598.

³⁵ Обзор дискуссии см.: *Tinnefeld, F.* Zum Stand der Olga-Diskussion // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / hrsg. von L. Hoffmann.* — Wiesbaden, 2005. — S. 531—567.

³⁶ В основных рукописях «De Cerimoniis» число «людей Святослава» пропущено явно из-за механической ошибки, однако, как указывает М. Физерстоун, в палимпсесте Ватопедийской рукописи стоит число 10 (*Featherstone, J.M.* DI' ENDEIXIN. — P. 110). Литаврин, не зная об этой рукописи, пытался вычислить их количество по косвенным данным и получил число 5 (*Литаврин, Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. — С. 191).

³⁷ Там же. — С. 190.

³⁸ Там же. — С. 168, 191.

³⁹ Там же. — С. 193—201.

⁴⁰ *Poppe, A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // *Österreichische Osthefte.* — Jahrgang 30. — Wien, 1988. — S. 493.

⁴¹ Священника Григория (видимо, духовник княгини) и переводчиков (статус которых в данной ситуации был особенным из-за их профессионального мастерства) я не учитываю.

⁴² В этом некоторые исследователи предполагают политические причины: *Литаврин, Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь ... — С. 202 и след.

⁴³ *Назаренко, А.В.* Некоторые соображения о договоре Руси ... — С. 60.

⁴⁴ Ср.: *Его же.* Территориально-политическая структура Древней Руси ... — С. 417, 418.

⁴⁵ ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 65—67.

⁴⁶ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 45, 51, 157 (главы 9 и 37).

⁴⁷ *Грушевський, М.С.* Історія України-Руси. — [Репринт 3-го, испр. и доп. изд.: Київ, 1913]. — Київ, 1991. — Т. 1. — С. 424.

⁴⁸ Лишь А.С. Королев высказывает близкие суждения: *Королев, А.С.* Святослав. — С. 42—44, 177.

⁴⁹ ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 51.

⁵⁰ Там же. — Т. 2. — Стб. 22.

⁵¹ *Шахматов, А.А.* Несколько замечаний о договорах ... — С. 395, 396.

⁵² *Lind, J.H.* The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // *Slavonic and East European Review.* — 1984, July. — Vol. 62, No. 3. — P. 362—370.

⁵³ *Насонов, А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование // *Насонов, А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование; Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. — СПб., 2002. — С. 27 и след.

⁵⁴ *Кучкин, В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования, 1992—1993 гг. — М., 1995. — С. 95.

⁵⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 45; ср. комментарии к списку городов: с. 310—314.

⁵⁶ Там же. — С. 50, 51.

⁵⁷ Там же. — С. 307.

⁵⁸ Такие попытки предпринимал Б.А. Рыбаков: *Рыбаков, Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982. — С. 316 и след. Ср. критику: *Фроянов, И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). — СПб., 1996. — С. 460, 461.

⁵⁹ Именно так рассуждал в свое время М.С. Грушевский: *Грушевский, М.С.* История Украины-Руси. — Т. 1. — С. 425, 426. Именно так представляют дело сегодня М.Б. Свердлов (*Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 167, 168) и А.А. Горский (*Горский, А.А.* Древнерусская дружина. — М., 1989. — С. 31).

⁶⁰ *Назаренко, А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси ... — С. 418—422.

⁶¹ См.: *Коваленко, В.П.* Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто (Москва, 19—21 апр. 2011 г.): материалы конф. — М., 2011. — С. 114—119. В.П. Коваленко, правда, настаивает, что эти городища представляли собой «дружинные лагеря». Что такое эти «дружинные лагеря», автор не разъясняет, а сами по себе археологические материалы ни в этом, ни в других случаях на самом деле прямых и непосредственных данных для заключений о «дружинах» и «лагерях» не дают.

⁶² ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 60.

⁶³ *Прицак, О.* Время завоевания Киева русью // *Голб, Н., Прицак, О.* Хазарско-еврейские документы X века / пер. В.Л. Вихновича, ред., послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. — Иерусалим; М., 2003. — С. 92.

⁶⁴ См., например: *Гуревич, А.Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье // *Гуревич, А.Я.* Избранные труды. Норвежское общество. — М., 2009. — С. 289—322.

О.В. Новохатко

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ В XVII В.: УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ

В статье проанализирована система управления в одном из типичных русских городов XVII в. — Переславле-Залесском. Автор исследует административные функции управленцев как государственных (воеводы, аппарата городской приказной избы, городских голов стрелецкого, пушкарского, осадного и т.п.), так и местных выборных (губного и земского старост и сотрудников губной и земской изб). Рассмотрены механизмы взаимодействия между представителями центральной власти и органами самоуправления, являвшимися элементами единой государственной административной системы.

Ключевые слова: государство; управление; власть; общество.

O. V. Novokhatko

Pereslavl-Zalesky in the XVII century: city management

Management system in a typical Russian city XVII century — Pereslavl-Zalesky — is analysed in the article. The author investigates the administrative functions as managers of state (governor, apparatus of city writ hut, city mayors of musketeers, pushkars, siege etc.) as well as local elected (gubnoy and zemsky wardens and staff of gubnaya and zemskaya huts). The mechanisms of interaction between the central government and local authorities, involved in the common state administration, are considered in the article.

Keywords: Control theory; history of public administration; writ (prikaznaia) system; source studies; archeology; paleography; the history of the armed forces; the history of social communications; the history of architecture.

Пожалуй, больше всего о государстве, его характере, наряду с культурой и экономикой, говорит его система управления и, в частности, проявление свойств этой системы и в столице, и в провинции. На периферии находит отражение все, что происходит в центре и исходит из него, при этом в разные эпохи по-разному — то стремительно, то с большим запозданием. XVII в. в России характеризовался в этом отношении редким равновесием, единством столичной и провинциальной жизни — в том числе, в стиле государственного управления, что, среди других причин, объяснялось и характером стохастической миграции служилых людей разных категорий, а это обычно мало учитывается.

Посмотрим, как строилась система управления в одном из типичных среднерусских городов XVII в. — Переславле-Залесском.

Все военные, административные, судебные функции управления городами в XVII в. были сосредоточены в руках воевод, но главным все же оставалось военное руководство городом (татарские набеги на Россию продолжались до начала XVIII в., война с Польшей закончилась неустойчивым миром в 1667 г., дальше были войны с Турцией и Европой), а потому назначение городского руководителя производилось из тогдашнего «министерства обороны» — Разрядного приказа. Инициатива этого назначения за редким исключением исходила от самого кандидата на должность городского воеводы. Он подавал прошение — челобитную — в Разрядный приказ с просьбой определить его воеводой выбранного им же города. Руководитель Разряда представлял челобитье на рассмотрение царя и Думы.

Челобитные из Разряда «вносились» руководителем Разрядного приказа (на протяжении почти всей истории этого учреждения это были думные дьяки — высший дьяческий чин, дававший право принимать участие в заседании Боярской думы), как тогда говорили, «в верх» — на рассмотрение царя и Думы. Таким образом, глава государства лично формировал местную администрацию и отвечал за ее назначение. «Вверху» челобитная получала или отказ и тогда оставалась без последствий, или «указ», т.е. положительное решение, которое и помечалось думным дьяком на обороте самой челобитной. Решение принималось на основании сведений о бывших военных и административных службах кандидата, степени его знатности и родовитости (в крупные, значимые города направлялись и более знатные и с более высокими чинами служилые люди), а также о вакантности искомого места. Если же решение царя и Думы не было однозначно положительным и у них возникали какие-либо сомнения или вопросы относительно кандидата на воеводство, то Разрядному приказу поручалось провести расследование и составить «докладную выписку» — записку, составленную на основании хранившихся в Разряде документов по этому делу или относящихся к службе соискателя. Выписку затем представлял царю и Думе только глава военного ведомства (в течение XVII в., за небольшими исключениями, это был разрядный думный дьяк). После окончательного решения царем и Думой челобитную с соответствующей пометой о решении дела возвращали в Разрядный приказ, где устанавливали уже конкретные сроки вступления в должность воеводы и заготавливали необходимые сопроводительные документы.

Прежде всего, это был наказ новоназначенному воеводе, в котором подробнейшим образом определялись его обязанности по управ-

лению городом. Вторым по важности документом была «рописная грамота» — предписание сменяемому воеводе сдать город своему преемнику и провести вместе с ним осмотр городских укреплений, казенных строений, служилых и ратных людей, пересчитать вооружение и боеприпасы, а также хлебные, соляные и прочие осадные запасы города, его денежную казну и городской архив, чтобы новый воевода мог «рописаться» в приеме городского хозяйства. Так, «204-го (1697 г. — *О.Н.*) марта в 2 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамоте из Разряда за приписью дьяка Федора Замятина столникъ и воевода Яков Андреевич Дохтуров принял у прежнего воеводы у Семена Тургенева город Переславль и ключи городовые и великого государя в казне наряд, зелье и пушечные всякие припасы, и денги неокладных доходов, что есть в зборе, и книги приходные и расходные денгам и зелью и списки переславлюм отставным городовым дворяном и детем боярским и подьячим и розсыльщиками и приставов и посацких и всяких жилецких людей и всякие великого государя и челобитчиковы судные вершеные и невершеные дела за ево рукою принял же и во всемъ с нимъ рописался»¹.

Наказ и «рописная грамота» выдавались в Разряде на руки новоназначенному воеводе. В наказ вносились и распоряжения относительно прежнего воеводы: если он принадлежал к московским чинам (боярин, окольныйчий, думный дворянин, стольник, стряпчий, жилец), ему предписывалось явиться в Москву за новым служебным распоряжением, если же это был городской служилый человек (городовой дворянин или сын боярский), ему повелевалось вернуться в свой город. Рописной же список — отчет о приеме города новым воеводой у прежнего — отсылал в Разряд новый воевода сразу же по вступлении в должность.

Важным моментом вступления в должность городского воеводы было «крестоцелование» новоназначенного градоначальника. Чаще всего это происходило в городском соборе в присутствии всех городских служилых людей, которых, после того, как сам принес присягу, воевода также «приводил к целованью». В Переславле-Залесском таким собором был, естественно, Спасо-Преображенский на Красной площади — один из древнейших в России (и единственный из пяти первых белокаменных храмов Северо-Восточной Руси, дошедший до нас в почти полной сохранности), заложенный Юрием Долгоруким в 1152 г. и достроенный в 1157 г. Андреем Боголюбским.

К середине XVII в. сложилась практика, при которой многие служилые люди подавали челобитье о воеводстве в течение первого же года после назначения последнего воеводы и, получив искомое

назначение, ждали, таким образом, своей очереди два года и больше. При этом бывало и так, что наказ и грамота о расписке выдавались «очереднику» сразу вслед за назначением, то есть за два года до того, как эти документы должны были реально «вступить в дело». Такой большой срок от назначения нового воеводы до действительного вступления его в должность открывал возможности для перерешения дела, а следовательно, для злоупотреблений. Кроме того, ситуация в городе могла измениться, что должно было отразиться в наказе. Поэтому в 1676 г. царь Федор Алексеевич издал указ, по которому челобитные с пометами о положительном решении по занятию должности воеводы должны были приниматься Разрядным приказом за полгода до срока вступления в должность, а наказы по ним выдаваться за месяц до этого срока. Челобитные, приносимые более чем за полгода до срока, Разряд не должен был принимать.

Понятно, что служилые люди просились на городское воеводство, чтобы поправить свое имущественное положение. Воевода получал из казны денежное жалованье, но значительную часть содержания градоначальника составляли подношения на именины и праздники (и не только самому воеводе, но и его семье и приближенным), для чего посадское общество выделяло особые средства. Тем не менее, в этом положении были и свои плюсы — люди точно знали, во что им обходится местное управление, «прейскурант» услуг и даров был утвержден если не письменно, то давней прочной традицией, и если воевода «перебирал», на него тут же писали жалобу-челобитную с требованием заменить на менее жадного, что, как это ни покажется нам теперь странным, почти всегда удовлетворялось центральной властью.

С другой стороны, и у правительства была своя политика в отношении замещения воеводских вакансий. В мае 1661 г., в разгар тяжелой войны России с Польшей, царь Алексей Михайлович в целях поощрения и материальной поддержки раненых и вышедших из плена служилых людей, а также для того, чтобы годные к полковой службе не отсиживались в тылу, «указал в города и в пригородки, которые ведомы в Розряде, отпустить в воеводы и в приказные люди раненых и пленников (вышедших из плена. — *О.Н.*) за полное терпенье, которые пожалованы в которые города по подписным челобитным. А вдругоряд на два приказы (т.е. на второй срок. — *О.Н.*) и раненых и полонянников никого не отпущать, а которые отпущены в воеводы и приказные люди нераненые, и тех переменить раненым же, кто в которые города пожалованы по подписным челобитным; а велеть нераненым, росписався, ехать к Москве со всею полною службою и з запасы и явица им в Розряде для полковые (т.е.

фронтной. — *О.Н.*) службы. И впредь нераненых в воеводы и в приказные люди великий государь отпускать не велел до своего государева указу»². Так, в одном из документов Разрядного приказа записано, что «в Переславле Залесском из дворян Степан Яковлев сын Опочинин отпушон (т.е. направлен в Переславль. — *О.Н.*) февраля 9 числа 192 году (1685. — *О.Н.*) по челобитной за пометою думного дьяка Емельяна Украинцова за службы и за полонное терпенье и за побитых родственников. А прежняго Василья Санина велено переменить бессрочно»³. Надо сказать, что, по крайней мере, через полтора десятка лет этот указ еще продолжал действовать⁴.

Обычно назначение воеводы в провинциальный город производилось, как это описано выше: претендент на воеводское место подавал челобитную в главное военное ведомство страны, Разрядный приказ, далее шло утверждение кандидатуры царем и Думой. Но из этого общего правила были исключения. Одно из таких исключений и составляла ситуация с Переславлем-Залесским. Переславль входил в число так называемых замосковных городов, главным, «старшим» из которых считался Ярославль, в результате чего выстроилась некоторая соподчиненная система городов. Так, замосковные города Ростов, Переславль и Пошехонье оказались подведомственны не прямо Москве, а Ярославлю, причем ярославский воевода получал право назначать воевод в эти города. Например, 6 января 1694 г. цари Иван и Петр Алексеевичи «указали к Ярославлю ведать город Пошехонье ближнему стольнику и воеводе Василью Алексею сыну Соковнину, так же, как ведают города Ростов и Переславль. И в Пошехонье на Степаново место Кошелева послать из Ярославля ему, стольнику и воеводе, кого пригоже...»⁵. Ярославский воевода назначал в Переславль-Залесский не только городского воеводу, но и других представителей высшего руководства: «В Переславле по отпуску (т.е. назначению. — *О.Н.*) из Ярославля переславец губной староста Игнатей Семенов сын Чекин сентября с 15-го числа 201 году (1693/4 гг. — *О.Н.*)»⁶.

Полномочия ярославских властей распространялись и на другие уровни местной администрации: в частности, ярославский воевода мог определять штаты местной приказной и губной изб. В 1696 г. Ивану Гарасимову «по указу великих государей за приписью дьяка Ивана Верещагина и по приказу их великих государей отчины из Ярославля ближнего столника и воеводы Василья Алексеевича Соковнина с товарищи велено ему быть в Переславле Залесском в приказной избе в подьячих умершего подьячего на Григорьево место Попцова. Да губных подьячих три человека переведены из губные избы в приказную избу по приказу ближнего столника и воеводы Василья Алексеевича Соковнина с товарищи Иван да Василей Фадеевы, Федор Гарасимов,

оклады им великого государя жалованье по шти рублев человеку дают ис подъемных денег»⁷ (подъемные деньги — государственная пошлина за подъем, т.е. перенос или перевозку, товара).

Обычный установленный срок воеводства составлял два года. Однако в некоторых случаях срок мог быть увеличен или сокращен, что чаще всего происходило по инициативе горожан. Горожане могли составить коллективную петицию царю с жалобой на воеводу, и, что представляется нам теперь удивительным, в подавляющем большинстве случаев царь соглашался с требованием людей, и неугодно-го начальника убирали и заменяли новым.

Один из таких случаев противостояния, правда, не горожан, а монастырских властей, с воеводой В.А. Кротким произошел в 1676/77 г. Как известно, Троице-Сергиев монастырь владел немалым числом сел в Переславском уезде и осадными дворами в самом городе. В данном случае власти монастыря обвинили воеводу в притеснении монастырских крестьян и просили снять его с воеводства. Жалоба была направлена в Разрядный приказ, поскольку воевода был подведомствен этому приказу. В ответ на челобитную троицких властей государь указал переменить воеводу и назначил ему замену в лице нового воеводы П. Полтева. Однако В.А. Кроткий решил не сдаваться без боя и, воспользовавшись пребыванием государя Федора Алексеевича в Переславле, лично подал царю свое челобитье об оставлении его на воеводстве на третий год, которое тоже было удовлетворено. При этом в Разрядном приказе уже была составлена грамота В.А. Кроткому о замене его новым воеводой П. Полтевым, об их росписке, высылке росписного списка П. Полтевым в Разряд и о явке в Разряд В.А. Кроткого. Этот документ был написан чуть больше чем через месяц после указа государя по челобитной Троице-Сергиева монастыря. Однако грамота — беловая, готовая к отправлению, — так и не была выслана и осталась в архиве Разряда. Вероятно, В.А. Кроткий нашел «ход» к царю через влиятельных знакомых при дворе. Но и власти монастыря не оставили дело и снова били челом царю об управе на воеводу, притеснявшего их крестьян. В этой челобитной власти жаловались, что 6 октября 1676 г. уже был дан указ о перемене В.А. Кроткого, но по «встречному» челобитью воеводы он был оставлен в городе. Резолюция по решению государя на второй челобитной Троицкого монастыря предписывала вернуться к первому решению по делу, т. е. переменить В.А. Кроткого с воеводства в Переславле-Залесском. Грамота В.А. Кроткому о бессрочной его перемене П. Полтевым по челобитным московских и переславских монастырских властей «для твоих налог и обид» была написана 9 января 1677 г. и отправлена в Переславль⁸.

В других случаях воевода столь положительно проявлял себя на административном поприще, что благодарные жители города просили царя оставить его еще на год; иногда срок воеводства доходил таким образом до 5 лет. Вообще же двухлетний срок воеводства сохранился как правило для всех городов до конца XVII в. Исключение было сделано только в самом конце века, в 1695 г. для сибирских городов в связи с их удаленностью от центра. Там воеводам было разрешено «быть безпеременно против прежних лет по четыре и по пяти и по шести лет и больше, смотря по человеку, буде которой учнет их, великих государей, дела делать и доходы собирать радетьельно сполна»⁹.

Смена городских воевод была не просто ротацией административного корпуса. Прежде всего, это был весьма действенный механизм контроля центра над местным управлением. Новый воевода по необходимости становился самым строгим ревизором для прежнего градоначальника: все недочеты, ошибки в управлении, убытки для казны перекладывались на вступавшего в должность, поступали под его ответственность. Естественно, что новый воевода был в высшей степени заинтересован в том, чтобы малейшие отклонения от установленных порядков были зафиксированы в росписном списке и отправлены в центр. При такой системе смены глав местной администрации специальные постоянно действующие органы надзора не требовались.

Кроме того, перемещаясь на воеводство из города в город, представители служилого сословия узнавали местные особенности различных регионов страны, расширяя кругозор и получая опыт управления, необходимый и в провинции, и в центральных административных органах. Обязательная служба в действующей армии на границах государства выстраивала четкую иерархию приоритетов для городского воеводы — оборона страны, интересы казны, эффективность гражданского управления, суд. Этой иерархией ценностей служилый человек руководствовался и в административной деятельности в должности городского воеводы.

В представлении обывателя сложилось твердое мнение, что воевода был жадным, глуповатым и совершенно несамостоятельным человеком, который только и знал, что обирал горожан да по каждому малейшему вопросу обращался за разрешением и разъяснениями в Москву. Были, конечно, и такие (а когда и где таких не было и нет?). Но в целом воеводский корпус составляли люди, с молодости (призывной возраст в XVII в. — 15 лет) приученные во-первых, к войне, а значит, к дисциплине. Во-вторых, представители служилых людей по отечеству с ранних лет привлекались к исполнению самых разных государственных поручений, где приобретали умение управлять, проявлять инициативу и отвечать за принятые решения. Об

эффективной деятельности городских воевод неопровержимо свидетельствует масса исторических источников. Представление же об их несамостоятельности в городских делах вызваны непониманием специфики управленческих процессов, взаимоотношений власти и общества XVII в., ситуации с подчинением различных сфер городского управления разным инстанциям.

В XVII в. в административном подчинении провинциальных городов была своя система. Так, все города по границам государства, особенно южные, постоянно угрожаемые, или новозавоеванные, как города «смоленского взятия» после русско-польской войны 1654—1667 гг., находились, что вполне естественно, в полном ведении военного приказа — Разрядного — и в делах судебных, и военных, и поместных, и по сыску беглых крестьян и проч. В других же городах сферы влияния были разделены между разными приказами: одни собирали налоги, другие ведали судом определенных категорий людей или отраслями хозяйства (например, Ямской приказ в любом городе ведал «ямской гоньбой»), третьи контролировали разные стороны военной и административной жизни города (что, впрочем, наблюдается и теперь — электричество, газ, дороги, образование, здравоохранение, военные части, внутренние дела и международные, и многое, многое другое тоже находится в ведении соответствующих государственных учреждений). Разрядный приказ, назначавший воевод в «замосковные города», к которым принадлежал и Переславль-Залесский, ведал их только «службой», т.е. военными городскими корпорациями служилых людей по отечеству (городскими дворянами) и состоянием этих городов в военном отношении. В прочих же отношениях (суд некоторых категорий служилых людей, сбор определенных налогов, содержание ряда казенных объектов и проч.) город ведался в других приказах. В наказе основные обязанности воеводы определялись как «ведати губные и татинные и всякие государевы дела, и четвертные доходы сбирати, и пасадцких людей судить»¹⁰.

Ведаая Переславль «службой», переславский воевода был обязан призывать на военную службу городских дворян и детей боярских, периодически проводить их смотры и высылать в полки (на границы) по требованию Разрядного приказа. Канцелярия воеводы (приказная изба) вела списки городских служилых людей по отечеству, фиксируя возраст, поместный и денежный оклады, все службы, военные и гражданские, каждого лица.

При этом город, а значит и воевода, находился в подчинении сразу нескольких приказов: администрация города — воевода и подьячие приказной избы — назначались (или утверждались) Разрядом, в прочих же отношениях (суд, сбор налогов и т.д.) Переславль

ведался в других центральных учреждениях (главным образом, в Костромской чети). Даже обороноспособность города не была целиком в ведении Разрядного приказа, а значит, переславского воеводы. Хотя на месте надзор за городскими укреплениями и административными строениями и ответственность за их состояние лежали на воеводе, часть сооружений по своему назначению была подведомственна Пушкарскому и Разбойному приказам. Первый ведал почти на всей территории государства (а в замосковных городах полностью) боеприпасами и всем, что с ними было связано, в том числе и местами их хранения (артиллерийскими погребами, тынами и проч.), второй — тюрьмами. Этим же приказам подчинялись специалисты, обслуживавшие указанные объекты, — пушкари, воротники, затинщики, тюремные сторожа. Эти люди принадлежали к сословию так называемых служилых людей «по прибору», т.е. занимали эти должности не по наследству, а по найму, призыву. Как правило, служилые «по прибору», состоя на государственной службе, получали государственное жалованье. Но бывало, что горожане, выбирая таких защитников крепости из своей среды, содержали их на свой счет. Например, в Переславле-Залесском в 1654 г. двое воротников из посадских людей, Афанасий Щурово и Артамон Тороканов, «наймутся у посадских и уездных людей»¹¹.

Иногда городской гарнизон усиливался присланными частями — стрелецкими полками, которые тоже подчинялись своему, Стрелецкому приказу, хотя общий контроль в городе оставался за воеводой.

Таким образом, воевода должен был постоянно взаимодействовать с несколькими центральными учреждениями. Тем не менее, ответственность за городские укрепления в целом лежала только на воеводе, и именно он, например, принимал работу городских специалистов, ремонтировавших или строивших заново крепостные сооружения, что и отмечалось в соответствующих документах, к примеру, в так называемой «рописной отдаточной росписи», «как отдали по государеву указу столнику и воеводе князю Семену Елецкому горододелец Осипь Хлопов да подьячей Иван Васильевъ, город Переславль зделав новой 140-го году (1632 г. — *О.Н.*)»¹². Такова была субординация административных лиц и государственных учреждений XVII в.

В управлении городом воевода опирался на персонал съезжей, или приказной избы. Если город был крупный и значимый, являлся центром большой области, то воеводскую канцелярию возглавлял дьяк, посланный из Москвы. Переславль, хоть и многонаселенный, таковым не являлся, поэтому помощниками воеводы в управлении были подьячие. Надо сказать, что подьячие съезжей избы были довольно заметными и влиятельными фигурами в жизни провинци-

ального города. Воевода, безусловно, осуществлял общее, так сказать, стратегическое управление городом, но все нити управления, рычаги влияния при решении дел как на горожан, так и на воеводу, сошлись в руках подьячих.

Количество подьячих, которые должны были обслуживать административные нужды города, т.е. «штатное расписание», в XVII в. для каждого города специально не определялось. Центральный орган, ведавший всеми подьячими государства (это был также Разрядный приказ), назначал только так называемое «окладное число», т.е. сумму, которая должна быть потрачена на жалованье всем подьячим приказной избы. Поэтому количество подьячих в приказной избе определялось гибко: с одной стороны, положенным ей окладным числом, с другой — объемом работы, которую служащие этого учреждения должны были выполнять.

Соответственно, в разные годы в приказной избе Переславля было разное число подьячих. Так, в 1654/5 г. в переславской съезжей избе были подьячие: Никита Ведерницын с окладом 18 руб., Фрол Кузмин с окладом 15 руб., Антон Семенов с окладом 6 руб. (это оклады годовые), причем реально денег они не получали. Никита Ведерницын стал служить в переславской съезжей избе в 1650 (по другим сведениям, в 1645/46) г. по грамоте из Костромской чети; ему был пожалован оклад 6 руб. В 1654 г. он заступил на место своего умершего в моровое поветрие дяди, подьячего Первого Ведерницына (который сидел в приказной избе Переславля-Залесского еще в 1644 г.), получив его оклад. Тогда же, в моровое поветрие лета 1654 г. скончался еще один представитель этой династии — Давид Иванович Ведерницын, подьячий переславской приказной избы¹³.

Судя по окладам, Никита Ведерницын стал «старым» подьячим, Фрол Кузмин — подьячим «средней статьи» (или «средней руки»), а Антон Семенов — молодым. Через десять лет, в 1664/5 г. штат съезжей избы Переславля по-прежнему включал тех же трех подьячих с теми же окладами и с тем же финансовым положением: «И тем подьячимъ Никитке Ведерницыну, Флорку Козмину, Онтонку Семенову, как им у государевых дел в съезжей избе быть указано, государева жалованья ничево не дано ни на один год»¹⁴. Еще через 12 лет картина оставалась прежней. В съезжей избе служили те же три подьячие, но роспись 1677 г. более полно раскрывает их имена: Никита Максимов сын Ведерницын, Фрол Козмин сын Вальков и Антон Семенов сын Грачев¹⁵.

Прошло еще 14 лет, и ситуация меняется. В 1689 г. умер бессменный глава приказной избы Никита Ведерницын, прослужив на этом посту не менее 40 лет, и его место занял его сын Афанасий Ведерницын, естественно, с окладом отца (любопытно и как-то печально,

что в приказных документах, фиксировавших информацию о городских подьячих, против имени Афанасия Ведерницына было помечено, что он ждет убылого оклада, т.е. освобождения места)¹⁶. К этому времени Афанасий Ведерницын уже служил подьячим съезжей избы с окладом 6 руб., а потому на освобожденное им место был взят новый подьячий — сын Афанасия, Иван. Через год после Никиты Ведерницына скончался второй из «столпов» местной администрации, его помощник Антон Семенов сын Грачев. О судьбе Флора Козмина ничего не известно. В 1684 г. приказная изба пополнилась подьячим Козьмой Шапиным, а в 1689 г. — Григорием Попцовым. По каким-то причинам отец и сын Ведерницыны, Афанасий и Иван, из приказной избы были уволены, и, таким образом, на 1691 г. местное управление сильно оскудело — в избе осталось двое подьячих, Козьма Шапин и Григорий Попцов, причем обоим оклада положено не было (по всей видимости, настали нелегкие петровские времена и финансирование местного управления было урезано). Но работы в приказной избе не убавилось, а потому в том же 1691 или следующем году руководству пришлось нанять еще одного подьячего, тоже из подьяческой династии — Семена Попцова¹⁷.

Прошедшие к 1696 г. пять лет принесли определенность с окладами — Козма Шапин был поверстан окладом в 8 руб., Семен Попцов — в 4 руб. Григорий Попцов к этому времени умер, и ему на замену в приказную избы был взят Иван Герасимов. Как водится, денег подьячие на руки не получали¹⁸. 1696 г. ознаменовался вторым Азовским походом Петра I, который потребовал прямого и косвенного участия в предприятии огромного числа людей, исполнявших по всей стране распоряжения царя по организации воронежского флота и беспрецедентного увеличения численности сухопутной армии. Естественно, это не могло не отразиться на объеме задач, которые выполняли местные власти. Обычное для переславской съезжей избы число подьячих — три человека — было увеличено до шести за счет переведенных в приказную избы из губной избы подьячих с окладами по 6 руб. — Ивана и Василия Фадеевых и Федора Герасимова. При этом, в отличие от старых приказных подьячих, бывшим губным деньги выдавали (из подъемных денег)¹⁹.

Надо сказать, что оклады переславских подьячих были немаленькими. Годовой оклад в 10—18 руб. был у столичных подьячих (например, того же Разрядного, одного из самых главных центральных государственных учреждений), которые принадлежали к статьям старшей и средней и занимали должности руководителей столов или повытий, т.е., переводя на более современный язык, департаментов или крупных отделов министерства. Московские подьячие с окла-

дом в 15 руб. принадлежали также к «старыми» или к средней статье. Годовой оклад в 7 руб. имели подьячие молодые, и это был высший размер оклада подьячего такой категории. По большей части они или вообще не были поверстаны денежным окладом, или оклад составлял 1 руб. Однако в некоторых специальных случаях подьячие могли получить деньги на определенные нужды — лечение, покупку одежды, обуви, восстановление дома после пожара, на похороны родственника; подьячие получали также так называемые праздничные дачи — некрупные суммы денег к большим церковным праздникам.

Разумеется, встает вопрос, как можно оценить величину годовых окладов переславских подьячих? Прожиточный минимум во второй половине XVII века в Москве составлял от 6 до 7,5 руб. в год, в Соликамске — около 4 руб. в год²⁰. Очевидно, что оклады переславских подьячих были вполне достойными, если не сказать высокими. Однако, как это видно по документам, это была лишь возможность, но далеко не реальность. Для чего же все-таки переславских подьячих верстали денежным окладом? Во-первых, поверстание денежным (а иногда и поместным) окладом прежде всего означало повышение статуса для члена корпорации приказных служащих (будь то в московском приказе или в переславской съезжей избе), стремившихся влиться в привилегированную категорию служилых людей по отечеству. Во-вторых, небольшие оклады подьячих или их полное отсутствие компенсировались подношениями просителей в благодарность за выполненную работу (речь в данном случае не идет о «посулах» (взятках) — плате за неправое решенное дело, или, например, за то, чтобы делу не был дан ход). Такие подношения назывались «почестями», если давались до начала дела, и «поминками» (после завершения дела). Понятно, что нарушение закона и оплачивалось выше, чем плата за работу, — посулы были крупнее и почестей, и поминок. Получение взяток весьма жестоко каралось — взяточника приговаривали к сечению кнутом, причем независимо от его социального положения (кроме думных чинов).

Управленческая система XVII в., таким образом, изначально предполагала побочные источники дохода для подьячих — «кормление от дел». В случае переславских городских подьячих их «кормило» провинциальное общество — от служилых по отечеству и монастырских властей до посадских людей. И дело было не только в недостатке денег в государственной казне (из-за общей ограниченности денежной массы в государстве), чтобы высылать из Москвы или брать из местных налогов средства для выплаты жалованья — хотя и это было так.

Жалованье городским подьячим со второй половины XVII в. выплачивалось из местных неокладных доходов — пенных (штрафные

с воевод и городских приказных людей, дьяков и подьячих) и прогонных денег, «рублевых» (возмещение неучастия в боевых действиях, по уважительным причинам, служилых людей по отечеству), пошлинных и поворотных денег с судебных дел и т.п., а эти доходы были, понятно, нестабильны. Например, в 1691 г. в переславской приказной избе было «неокладных денежных доходов с приставных памятей и с мировых челобитен и с купчих и приводных по нынешний по 200 год (1692 г. — *О.Н.*) в приходе 14 руб. 26 алт. 2 ден.»²¹, из которых было «дано великих государей жалованья годового приказные избы сторожу Гришке Кулемесину на 199 год 4 руб.»²². Из этих же денег переславская приказная изба черпала средства для своего функционирования: «в приказную избу куплено бумаги и свеч и чернил и дров и на подводы и прогонов и на всякие приказные расходы изсозано по 200 год 11 руб. 25 алт. 4 ден.»²³.

Содержание обществом профессиональных управленцев государственного аппарата напрямую, а не путем перераспределения средств через налоги, устанавливало зависимость не только общества от чиновников, но и чиновников от общества, что осознавалось каждой стороной вполне отчетливо. Подьячие открыто мотивировали свои просьбы перейти в другой приказ или в другой город (что, кстати, происходило гораздо реже) невозможностью прокормиться на старом месте. «Пользователи» же приказами и приказными избами, хотя негодовали по поводу непомерных поборов подьячих, знали при этом точно, сколько, кому и за что было заплачено; общество видело, во что ему обходится администрация.

Представления современного человека рисуют подьячего исключительно как писаря, без конца записывающего за воеводой умные (или глупые) указы, по сто раз переписывающего их, в лучшем случае — канцеляриста, выписывающего людям нужные им бумажки (примерно, как в современных ЖЭКах) и берущего за это огромные взятки. Сказать, что этот образ далек от реальности, будет слишком слабо.

«Старые» подьячие по-существу занимали промежуточное положение между дьяками и подьячими. Дьяк же в приказной системе назначался на высшие должности — от руководителя приказа (министерства) до руководителя стола (департамента). «Старые» подьячие были причастны непосредственно к управленческой деятельности приказа или, особенно, приказной избы. Свою деятельность они осуществляли или самостоятельно, или под руководством непосредственного начальника (в данном случае — воеводы). Это могли быть сыск беглых по челобитным служилых людей или распоряжению из Москвы, мобилизация служилых людей города и уезда на военные действия, организация устройства военных укреплений в городе и

уезде (например, возведение или починка засечных черт, крепостей, строительство казенных погребов и т.п.), прием или выдача денежных средств из казны приказной избы, руководство медицинским освидетельствованием служилого человека, желавшего получить отставку от полковой службы по старости или увечью и т.д. Кроме того, подьячие такой, высшей категории на основании распоряжений воеводы руководили подготовкой внутренних справочных (выписки и т.п.) или исходящих документов (отписок воеводы в Москву, грамот воеводам других городов, росписных и сметных списков) и лично отвечали за эти документы, «приписывая» их (подписывая) или «справливая» (редактируя и заверяя правильность документа). Обязанностью этой категории подьячих было ведение дел по наиболее важным челобитным, причем целиком, от справок (выписок) до соответствующего исходящего от имени воеводы документа. «Старые» подьячие организовывали делопроизводственную работу всей приказной избы — составляли образец документа, распределяли работу по его написанию между подьячими низших категорий.

Кроме того, именно «старые» городовые (в отличие от московских приказных, которые почти никогда не выезжали из столицы) подьячие были тем ресурсом, из которого Разрядный приказ черпал кадры для полковых канцелярий — разрядных шатров — во время ведения боевых действий. Очевидно, что в экстремальных ситуациях «министерству обороны» — Разрядному приказу — требовались наиболее квалифицированные кадры. Впрочем, в некоторых случаях выбор «министра обороны» — разрядного дьяка (а он лично осуществлял его) — падал и на подьячих средней статьи и даже молодых²⁴.

Подьячие «средней руки» были специалистами самого широкого профиля и непосредственно осуществляли всю текущую работу съезжей избы. На плечах подьячих этой категории лежал весь объем каждодневной работы приказной избы в исполнительной ее части. По распоряжениям воеводы или «старого» подьячего они готовили всю документацию избы по текущим делам: лично писали и руководили составлением внутренних справочных (выписок) и исходящих (отписки, памяти, сметные списки) документов, регистрировали отправку последних и получение входящих (царских указов, отписок других воевод, челобитных служилых и прочих чинов людей) документов, а также лично вели всю документацию приказной избы по учету населения и материальной части города и уезда, что и отражалось в сметных списках. Подьячие «средней руки», как и, отчасти, «старые», всегда участвовали в мероприятиях, организованных столичными властями, например, для помощи разборщикам в разборе служилых людей, межевым судьям при межевании, писцам — для

ведения писцового дела (т.е. описи земель какого-либо уезда или группы уездов), эмиссарам из Москвы, посланным с «сыском» — расследованием каких-либо правонарушений в провинции, — в качестве их помощников или в составе местной разыскной или «ревизионной» «комиссии». В их же компетенции было ведение документов по судным делам, которые решались в приказной избе, и понятно, что от того, как будет изложено дело, в значительной степени зависело его решение воеводой.

Молодые подьячие были главными исполнителями делопроизводственных — но отнюдь не просто технических — работ в приказной избе. Под руководством старших подьячих они писали черновики всех внутренних и исходящих документов по текущим делам управления городом и уездом, собирали и обрабатывали информацию (например, о поместных и денежных окладах городских служилых людей, о числе «нетчиков» (избегавших службы в полках) в уезде, о наличии осадных запасов и боеприпасов, о количестве жилых и выморочных (пустых) дворов в городе), которую запрашивали у переславского воеводы московские приказы или ярославский воевода. Молодые подьячие были наиболее мобильны — их отправляли с поручениями в другие города или в Москву, они сопровождали московских уполномоченных в их деловых разъездах по уезду, ездили по поместьям служилых людей в поисках «нетчиков» или бежавших из полка, собирали налоги, непосредственно руководили работами по починке городских укреплений и т.д.

Наконец, если город оказывался в прифронтовой полосе, а полковую походную канцелярию не успевали сформировать, ее функции брала на себя городская приказная изба.

Стоит отметить, что подьячие приказной избы также считались военнообязанными и в случае опасности включались в городской гарнизон. Поэтому в сметной росписи 1654 г., в числе прочих горожан, Разрядный приказ требует указать, и «с какими бои и кто имяны в Переславле в съзжей избе для письма подьячие»²⁵.

Таким образом, учитывая общую приказную традицию и, тем более, весьма небольшой штат переславской приказной избы, следует сказать, что подьячие любой статьи (и чем более высокой, тем в большей степени) были универсальными управленцами, сведущими и в военных, и в хозяйственных, и в административных, и в судебных делах.

Из приведенных сведений о переславских подьячих видно, что среди них преобладали выходцы из местного населения, хотя подьячих в провинциальные приказные избы отправляли также из московских приказов. По большей же части ресурсом для пополнения

штата приказной избы были как семьи городских приказных подьячих, так и — в очень большой степени — городские площадные подьячие. О династии городских приказных подьячих — Ведерничных — уже упоминалось. Что касается площадных подьячих, то это были выходцы из посада, грамотные люди, знающие толк в составлении различных документов — челобитных, купчих, договорных и прочих грамот, т.е. документации частнопроводного характера. В исторической литературе их часто сравнивают с позднейшими нотариусами, да, собственно, такова и была их функция. Может показаться, что площадные подьячие обслуживали только «простой» люд, посадских и слободских жителей. Однако и представители служилых людей по отчеству точно так же обращались за составлением необходимых документов к площадным подьячим. Например, 12 августа 1659 г. площадной подьячий Тимофей Федоров составил поручную запись переславцев по «нетчике» (отказке от службы) А.Т. Онаньине в том, чтобы он немедленно выехал в полк: «Се аз Переславля Залеского Ондрей Богданов сынъ Гринков, да яз Степан Евсегнеевъ сынъ Путятин переславской губной староста, да яз Алексей Иванов сынъ Ильинской да яз Онофрей Иванов переславской съезжей избы недельшики, да яз Яков Оксенов сынъ переславской россыльщик, да из Переславского уезду Залеского села Бренболы Большой Ондрея Третьякова сына Онаньина крестьяне Карпунка Труфанов, Митька Степанов, Еремька Степанов поручилися есмь по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу переславскому россыльщику Богдану Степурину Переславля Залеского по нетчике по Ондрее Третьякове сыне Онаньине в том, ехати ему Ондрею за нашею порукою великого государя на службу в полки к боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищи тот час не мешкая нынешняго сто шездесят седмаго году и с государевы службы до отпуску ис полков не збежать. А будет не пойдет онъ Ондрей за нашею порукою великого государя на службу в полки тот часъ или в полках боярину князь Алексею Никитичю Трубецкому с товарищи не явитца или з государевы службы до отпуску збежит, и на насъ на порущиков пеня великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, а пеню — что великий государь укажетъ. А кои насъ порущиков будет в лицах (т.е., кто из порутчиков будет находиться в Переславле. — *О.Н.*), на томъ великого государя пеня и порука. А на то послуши (свидетели, понятые. — *О.Н.*) Богданъ Иванов сынъ Обалаевъ, а запись писалъ Тимошка Федоров лета 7167-го августа в 12 день. К сеи поручной записи Степан Путятин и вместо Андрее Гринкова ручали

Ондreja Онаньина, что стати ему в полку у боярина у князь Алексея Микитича Трубетцково, по ево Ондрееву челобитью руку приложил. К сей поручной записи переславской недельщик Алешка Ильинской вместо порушиков Онофрея Иванова да Якова Оксенова ручали в том, что стати ему в полку у боярина у князя Алексея Никитича Трубетцкова, по их веленью руку приложил. К сей поручной записи место Ондреевых крестьян Онаньина Переславского уезду Залеского села Бренболы Большой Карпа Труфанова, Никиты Стефанова, Еремея Стефанова Переславского ж уезду Залеского села Олферьева никольской поп Иван Гавриловъ по их челобитью руку приложил. Послух Богдашко руку приложил»²⁶. Стоит обратить внимание, что в XVII в. поручниками, т.е. гарантами выезда на службу городского дворянина, были наравне со служилыми по отечеству и его крепостные крестьяне — в этом случае, как и во многих других, их социальный и правовой статус был относительно высок и резко отличался от того, представление о котором мы получили и получаем из учебников истории и «исторических» художественных фильмов.

Площадные подьячие не были разрозненными дельцами-единоличниками, а составляли свою корпорацию во главе со старостой и, хотя не состояли в штате воеводской канцелярии, все же входили своего рода промежуточным звеном в общую государственную систему управления. Об этом свидетельствует, что имена площадных подьячих всех русских городов, где они были, фиксировались, наравне с именами и окладами городских приказных подьячих, в Москве, в специальных подьяческих списках Разрядного приказа, и, при необходимости, площадных подьячих командировали в районы боевых действий, в полковые канцелярии (разрядные шатры). Свое название площадные подьячие получили, что очевидно, от места своей деятельности: они сидели на площади, чаще всего рядом с местным административным учреждением (приказной избой или воеводским домом) и обслуживали местное население.

По переписной книге 1677 г. в Переславле значатся трое площадных подьячих: «Гараска Иванов, у Гараски сын Ганка 5 лет», «Тимошка Федоров (таким образом, этот площадной подьячий служил городу около 20 лет. — *О.Н.*), у Тимошки дети: Офонка 13 лет, Петрушка 3 лет, Ивашко 2 лет»²⁷, «Кондрашка Андроников, у Кондрашки сын Пронка 12 лет»²⁸. В 1691 г. в Переславле было уже восемь площадных подьячих, или дьячков, как они значатся в росписи: «Гараска Иванов, Максимко Захаров, Алешка Листьянов, Мишка Попов, Ганька Гарасимов, Коземка Попцов, Ивашко Герасимов, Бориско Штиперстов»²⁹. Через 5 лет их уже шестеро: «Максимко Захаровъ, Ганка Герасимов, Козмка Попцов, Бориско Штиперстовъ,

Савка Попцов, Ивашко Иванов»³⁰. Как видно из списка, по крайней мере двое из них — Козьма и Савва Попцовы — принадлежали к переславской подьяческой династии.

И в случае назначения московского подьячего, и в случае замещения вакансии в приказной избе местными кадрами, взаимоотношения воеводы с подчиненными могли быть очень разными. Так, воевода и вновь назначенный московский подьячий могли «перенести» старую вражду друг с другом из столицы в провинцию. Подобных случаев в Переславле источники не оставили, однако в качестве примера можно привести слезную просьбу разрядного подьячего Ивана Оловенникова, отправленного подьячим «с приписью» (весьма высокая должность для подьячего, дающая ему право быть начальником провинциальной канцелярии) в Орел. Просьба обращена к стольнику А.И. Безобразову, влиятельному московскому знакомому И. Оловенникова. Подьячий просит стольника походатайствовать за него перед орловским воеводой, который принял его неласково, и подьячий справедливо опасается, что работать в такой обстановке недоброжелательства будет очень трудно. «И как я приехал на Орел, — пишет И. Оловенников, — и орловский воевода, не любя, писал советную грамотку к Москве, чтоб мне не быть. Как, государь, увидишь, очи Василия Григорьевича (Семенова, руководителя Разрядного приказа. — *О.Н.*), пожалуй, по прежнему своему жалованью подай мне помочи, надеясь на твою милость дерзнул писать» (1677 г.)³¹.

С другой стороны, воеводы очень высоко ценили своих помощников, понимая, что без них дела в городе и уезде просто остановятся, что заставляло воевод, например, не отпускать подьячих по требованию Разрядного приказа даже в такие важные «командировки», как в полки, в полковые канцелярии. Городовые воеводы доносили в Москву, что подьячих в приказной избе остается так мало, что «государевых дель делать некому, а (в городе таком-то), государь, твои великого государя дела многие, и за темь их, подьячих, малолюдством твоим великого государя всяким делам чинитца мотчания»³².

Были случаи, когда возвращаясь с воеводства в Москву, в приказ, или воеводой в другой город, воевода нередко забирал с собой подьячего, с которым он особенно хорошо сработался, — такая практика также отмечена в источниках. Таким образом происходил «круговорот» мелких управленцев в объеме всего государства, подьячие становились весьма информированными в делах как местного управления, так и центрального, что безусловно чрезвычайно расширяло их кругозор, понимание того дела, которым они занимались в любом месте, избавляло как от провинциальной узколобости, так и от столичного снобизма.

Как отмечалось выше, в подавляющем большинстве случаев вакансии в местном органе управления — приказной избе — замещались выходцами из этого же города или уезда. Очевидно, что начав карьеру площадным подьячим или молодым подьячим в приказной избе, местные служащие получали не только богатый делопроизводственный и управленческий опыт, но и преимущество, которому ничего нельзя было противопоставить — даже столичную искусенность в делах. Таким преимуществом было глубочайшее знание местных обычаев, особенностей жизни, связей разных людей между собой и, разумеется, связей самого подьячего с местными «сильными» людьми. Это ставило местного подьячего в выгодное положение в отношении воеводы, не знавшего местных жизненных обстоятельств, и давало подьячему в руки сильные рычаги в делах местного управления и суда. При этом, если московский подьячий назначался сверху, то местный выбирался местным же обществом, был его эмиссаром во властных структурах. Бывало, что во время таких выборов разыгрывались целые баталии двух лагерей — сторонников разных кандидатов на место городского подьячего. Они приходили к воеводе, писали челобитные воеводе и в Москву, всячески очерняя противника и превознося своего ставленника.

Низший уровень городской администрации составляли недельщики и приставы (выбиравшиеся на определенный срок в помощники к воеводе из отставных или бедных, не могущих нести «дальнюю» службу служилых людей), на которых ложились практические исполнения распоряжений воеводы. Таких людей в Переславле 1661 г. было двое (оба приставы)³³, в 1664 г. — пять человек (недельщик и четыре пристава)³⁴, в 1691 г. — восемь (все приставы)³⁵. В обязанности недельщика входили вызов в суд сторон, расследование дела, арест и допрос (даже с пыткой) обвиняемого, организация повального обыска (всеобщего опроса жителей города и уезда по уголовному делу) и передача в суд дел о воровстве, исполнение решения суда по делу. Наименование, что понятно, происходит от сменной службы недельщиков — по неделям. Обязанности приставов практически не отличались от обязанностей недельщиков, собственно, недельщик и был приставом, служившим по неделям. Однако разница, по всей видимости, все же была (поскольку недельщики и приставы в источниках всегда различаются). Заклучалась эта разница, очевидно, в несколько более высоком положении недельщика; возможно, он руководил приставами.

Из таких же местных городских служилых людей, практически всегда бедных, назначались рассыльщики — должностные лица с меньшими полномочиями, чем недельщики и приставы. Фактически

их можно назвать курьерами: они были обязаны собрать на сход жителей, разослать сидевшим в деревнях дворянам распоряжения воеводы, конвоировать осужденных, а также доставлять важные документы из приказной избы в московские приказы (например, рассыльщик Иван Поярков привез в Разряд сметную роспись Переславля за 1654 г.³⁶). Таких рассыльщиков в 1661 г. в Переславле Залесском было 10 человек³⁷, в 1664 г. — 13³⁸, в 1677 г. — 5 человек³⁹, в 1691 г. — 9⁴⁰, в 1696 г. — 7⁴¹. Денежного жалованья они не получали, а кормились с поместий — специальных «розсыльщицких дач», которые составляли для 9 человек «200 чети в поле, а в дву по тому ж». Рассыльщицья служба нередко передавалась по наследству вместе с поместьем. Так, упомянутый Иван Поярков получил должность вместо умершего отца Афанасия Пояркова. В том же 1691 г. продолжились еще две «розсыльщицьи» династии: «Розсыльщик ... Богдашко Степурин за старостью от розсылочной службы отставлен и вместо его Богдашки служит розсылочную службу сын его Дмитришка»; вместо отца Якова Аксенова стал служить «розсылочную службу сын его Данилко»⁴².

Еще одной категорией служащих приказной избы были сторожа (в 1691 г., к примеру, это был Григорий Кулемесин с жалованьем 4 руб.)⁴³. Сторожа приказной избы нанимали местные жители, давая по нему поручную запись — своего рода гарантийное обязательство его беспорочной службы (в приказной избе хранилась, например, «поручная запись съезжие избы по стороже по Левке Горбунове» 1661 г.⁴⁴

Сторож, как следует из самого определения, днем и ночью нес охрану помещений приказной избы и находящегося в ней приказного архива. Но кроме этого, в его обязанности входило приобретать канцелярские принадлежности для воеводы и служащих приказной избы (покупать их в торговых рядах или заказывать у ремесленников-специалистов) — чернила, перья, песок для промокания документов и песочницы, куда песок насыпали, караксы (специальные приспособления для разметки строк на листе бумаги), ножницы, клей. У сторожей обычно хранился казенный воск для запечатывания документов, исходящих из приказной избы. Сторож приказной избы был также своего рода заведующим по хозяйственной части, обеспечивая жизнедеятельность учреждения. Помимо покупки канцелярских принадлежностей, в обязанности сторожа входило приобретение свечей (перед иконами и для освещения рабочих мест воеводы и подъячих), «шанданов» (шандалов — железных подсвечников) и деревянных подсвечников (подсвечники были подвесными, настенными и настольными), дров для отопления помещений, метел для подметания полов и птичьих «крыл, чем с образов пыль обметать», щипцов для снятия нагара, коробьев и ящиков для хранения докумен-

тов, различного вида замков для запора этих ящиков и дверей избы. Сторож обязан был следить за чистотой в комнатах и комфортом служащих приказной избы. Старым подьячим могли полагаться «тюшаки» — небольшие продолговатые матрасики, набитые шерстью, чтобы класть на лавки. В избы приобретались ручные полотенца — известно, что в приказах и приказных избах были умывальники. Повидимому, в обязанности сторожа входил также если не сам ремонт приказной мебели (столов и лавок), то его организация.

Кроме аппарата приказной избы, в подчинении воеводы состояли должностные лица с особой специализацией, которые помогали ему управлять отдельными сферами городского хозяйства. Это были осадный, стрелецкий, пушкарский головы, ямской приказчик, руководившие соответствующими военными и гражданскими корпорациями. Все они были местными жителями, но состояли на государственной службе и не избирались, а назначались из центра, соответствующими приказами.

Так, на осадном голове (назначался из служилых по отечеству) лежала обязанность непосредственно организовать защиту города при нападении на него и поддерживать в боевом состоянии городских осадных людей — служилых по прибору (солдат, драгун и проч.) и дворян и детей боярских, которые за старостью, увечьем или из-за бедности были отставлены от полковой службы и направлены в ближнюю осадную службу. В распоряжении осадного головы для различных посылок находились денщики, дежурившие по очереди. Стрелецкий голова был высшим чином стрелецкого войска, а потому принадлежал к сословию служилых по отечеству, хотя и не высших чинов — был из дворян или детей боярских. Он был начальником пяти сотен стрельцов и назначался Стрелецким приказом. Стрелецкий голова со стрельцами находились, в целом, в распоряжении воеводы, но последний не имел полномочий вмешиваться во внутренние дела стрелецкого полка. Пушкарский голова, что очевидно, был руководителем городской артиллерии; назначался Пушкарским приказом из той же среды служилых людей, что и стрелецкий голова, но, как и последний, находился в распоряжении городского воеводы. Наконец, ямской голова осуществлял надзор за исправлением ямской повинности ямщиками. Поскольку рядом с Переславлем-Залесским существовала довольно большая ямская слобода, естественно, что она управлялась собственным руководителем. Названия должностей, которые занимали начальники переславской Ямской слободы в течение века менялись — в 1664 г. это был приказчик Ларион Соколов⁴⁵, в 1691 г. — староста Алексей Шаныгин⁴⁶. По всей вероятности, эти перемены означали дви-

жение от преимущественно государственного управления слободой (приказчик был назначаемым государственным служащим, нередко назначал его городской воевода) к более самостоятельному (выборный староста). Тем не менее, Ямская слобода все же находилась под общим контролем воеводы, почему в 1661 г. в документах приказной избы и оказалась «роспись переславского яму пригонному ямскому двору — с каких сохъ тот двор зделан, за воевоцкою Ивановою рукою Селунского 131-го да 132-го году (1623 и 1624 гг. — *О.Н.*)»⁴⁷.

Для сборов налогов местное население выбирало, за небольшими исключениями, из местных посадских и уездных людей специальных администраторов — таможенных и кабацких голов (обычно это было одно лицо) и их помощников — ларечных и рядовых целовальников. Все они приносили присягу (целовали крест) в приказной избе в присутствии воеводы (в редких случаях таможенного и кабацкого голов присылали из Москвы или выбирали в другом городе). Все документы, относящиеся к назначению таможенных и кабацких голов и их помощников, соответственно хранились у воеводы, в приказной избе, например, «четыре записи по выборных сошных целовальниках Горицкого монастыря по крестьянех по Ивашке Тыркосе да по Серешке Клубучкове да по Леонтьеве крестьянине Борисова сына Полтева по Никите Семенове в зборе ямскихъ и стрелецких денегъ»⁴⁸. Таможня располагалась на Торговой площади, более точное местое ее нахождения в XVII в. не известно. Разумеется, на должности таможенных голов и целовальников выбирались люди, как обычно, «добрые», «душою прямы и животом прожиточны», т.е. состоятельные, но и со спецификой занимаемого места — «не воры и не бражники». Таможенные головы и целовальники осматривали и оценивали привезенные товары, следили, чтобы не была провезена контрабанда, собирали ввозные пошлины, устраивали заставы, учреждали таможни на вновь появившихся торгах и ярмарках.

Кабацкие же головы и целовальники организовывали строительство и починку кружечных дворов, изготовление казенных вина, пива и меда, их хранение и продажу. За все недоборы соответствующих налогов и пошлин головы и целовальники, а также выбравшие их люди несли ответственность личным имуществом. По всей вероятности, в течение XVII в. переславский кабак (кружечный двор) не раз менял свое местоположение. Так, в 1693 г. игумен Никитского монастыря Феодосий по «указу великого господина с(вя)теишаго кирь Адриана архиепископа Московского и всеа Росии и всехъ северныхъ странъ патриарха и по грамоте из ево святеишаго патриарха Казенного приказу» получил на посаде землю, «что бывал на том месте преж сего кабакъ», чтобы построить там «холодную церковь Пресвятые

Бгородицы Казанския». Описные книги указывают место бывшего кабака: «от Московские болшие дороги по описи и мере Никицкого монастыря игумена Феодосия отмеряно того церковного места в длину девять сажень, а поперег отмерено от Юрьевские дороги пять сажень, а смежна та церковная земля по стороны через Юрьевскую ж дорогу от церкви Сергия Чюдотворца, что на берегу реки Трубежа, а по другую сторону от посадцкие земли от дворов до той церковной земли мерою пять сажень, а с четверную сторону от посадцкой же земли от анбаровъ»⁴⁹. Московская дорога — ныне Ростовская улица, Юрьевская дорога — это, скорее всего, изменившая свои начало и направление Кошелёвка, или, возможно, исчезнувшая ныне Воздвиженка, что шла правее старой трассировки улицы Кошелёвки (обе дороги вели из Переславля в Юрьев-Польский); церковь Сергия Радонежского стояла на самом берегу Трубежа, на продолжении в сторону реки нынешней улицы Пролетарской, — т.е. старый кабак располагался в самом центре тогдашнего переславского торгового центра. На плане 30-х годов XVIII в.⁵⁰ «петейной домъ» находился в самом городе, внутри валов и примыкал к кварталу севернее бывшего Богородского девичья монастыря (ныне здесь храмы Владимирской Богородицы и Благоверного князя Александра Невского) и находился напротив садового участка Ф.Ф. Угрюмова (примерно на этом месте теперь находится неизменно посещаемая всеми туристами «Блинная»).

Собранные кабацкими и таможенными головами деньги поступали в приказную избу и хранились в специальной комнате или выгородке, в особом сундуке, вплоть до отправки в Москву. Разумеется, профессиональных инкассаторов в российской государственной системе XVII в. не было, однако некоторые, сложившиеся естественным образом правила перемещения финансов существовали. Самые крупные платежи из провинции складывались из окладных доходов. В свою очередь, самыми большими из них были сборы с таможен, кабаков и кружечных дворов. Такие сборы во второй половине XVII в. чаще всего отдавались государством на откуп — система, при которой откупщик обязывался выплатить государству установленную сумму, гарантируя это своим имуществом и свободой; в то же время, все сборы, превысившие оклад, предоставлялись откупщику. Откупные деньги везли из провинциальных городов в московские приказы практически всегда сами откупщики. Если же кабацкие и таможенные деньги собирали головы и целовальники, то «инкассаторами» могли быть любые доверенные люди. Вообще, крупные суммы из провинции предпочитали отправлять в Москву ответственными людьми, прежде всего, представителями центральной или местной администрации разного уровня. Это могли быть,

например, столичные подьячие, командированные в город с каким-либо заданием из приказа и забиравшие деньги с оказией. Чаще же всего это были местные таможенные или кабацкие головы, в более редких случаях — представители меньших городских чинов (городовые дети боярские, городовые казаки, пушкари).

Следует отметить одну бюрократическую особенность доставки собранных сумм разными лицами: если деньги привозил сам сборщик налогов (откупщик или голова), он не представлял в приказ никакого сопроводительного документа от местного начальства; то же правило действовало и в том случае, если деньги доставлял подьячий — московский или городской. Предполагалось, что такие люди по самому своему положению в государственной служебной иерархии должны самостоятельно нести ответственность за порученное дело. В остальных случаях «курьер» вез с собой сопроводительную отписку (донесение) городского воеводы⁵¹.

Городовой воевода, таким образом, был эмиссаром центрального правительства в провинцию, выбранный и назначенный этим правительством; подьячие приказной избы, городские головы могли быть как направлены из Москвы или других городов, так и избраны местным обществом, представляя собой некий мост, связующее звено между центральной властью и местной. Но в городе были и другие органы власти и их представители, которые избирались только местными жителями. Это прежде всего губные старосты и подьячие губной избы.

О происхождении термина «губа» ученые спорят до сих пор. Применительно к управлению это означало некую определенную административную единицу, округ, примерно в границах волости. Население этого округа из всех сословий (и служилых, и тяглых, но лично свободных) избирали человека «доброего», «прямого душой и животом прожиточного» и обязательно грамотного, поскольку к нему приходила корреспонденция из центра, а он сам должен был документировать свою деятельность. Несмотря на всесословность электората, кандидатом на должность губного старосты мог быть только представитель служилого сословия — городской дворянин или сын боярский. В XVII в. срок службы губного старосты, в отличие от воеводы, определен не был, а продолжался столько, сколько выборный устраивал свой округ и центральное правительственное учреждение, которому, в границах своей компетенции, непосредственно подчинялся и перед которым отчитывался, — Разбойный приказ (мы увидим ниже, что губные власти Переславля могли «пересидеть» по крайней мере трех воевод). Но отвечал за свою службу губной староста не только перед центральным ведомством — в той

же мере за правильное, справедливое исполнение своих обязанностей он нес ответственность и перед выбравшими его людьми — и староста, и выборщики ручались за исправную службу губного старосты своими «животами», т.е. имуществом. Поэтому губной староста в любой момент мог быть отставлен от должности — как по своей просьбе (по старости или болезни), так и в связи с претензиями жителей своего округа. Для вхождения в должность избранный кандидат должен был явиться в Москву, в Разбойный приказ, лично представиться и предьявить собственноручно заверенные избирателями и городовым воеводой выборные списки, после чего здесь же, в приказе, утверждался, приводился к присяге и получал, как и воевода, наказ, где объявлялись и разъяснялись его полномочия, обязанности и ответственность за их исполнение.

Из названия головного ведомства ясно, какого рода деятельность входила в компетенцию губного старосты. Это были сыск и расправа с «ведомыми разбойниками», под которыми понимались не только обычные уголовники, но и участники антиправительственных выступлений. Но, разумеется, чаще всего это были «бытовые» преступления — убийства, воровство, грабеж, поджоги, драки с увечьями и т.п. Исключение составляли политические дела, проходившие по категории «слова и дела государевых», которые находились в компетенции только воеводы, да и то чаще всего такие дела передавались в Москву, в соответствующий приказ, например, «по государеве грамоте скаски и обыски свеиские земли про перебешиков про корелян». Любопытна, в связи с этим, еще одна полученная переславским воеводой указная грамота царя Алексея Михайловича, «какова прислана во 157-м (1649-м. — *О.Н.*) году ис Костромские чети за приписью диака Богдана Силина, велено заказ учинить, чтоб никакова безчинства во всяких людех, что супротивно крестьянскому (христианскому. — *О.Н.*) закону, не было»⁵². Речь идет об опасениях правительства относительно возможных народных волнений в связи с принятием Соборного Уложения.

В конце XVI — начале XVII в. полномочия губных старост включали в себя также контроль за распределением земельных пожалований и сбором государственных налогов. Именно поэтому среди документов переславской приказной избы оказались свидетельства былых полномочий губных старост. Это, например, списки с платежных книг, изъятые у переславского губного старосты Осипа Дахина в 1610-м г., «после приходу литовских людеи». Книги оказались «драны, многих листов в них нет», поэтому в 1653 г. с них и сделали списки, «а подлинные платежные книги по государеве грамоте посланы к Москве в Помесной приказъ»⁵³.

Со временем губные старосты, продолжая оставаться выборными местными администраторами, стали восприниматься и обществом, и правительством как часть государственной машины. По всей видимости, движение это было встречным. Губные старосты, получив власть, хоть и из рук избирателей, все равно чувствовали себя выше последних (особенно после посещения Москвы и получения «благословления» от центрального ведомства) и ближе к государственной администрации. Правительство же начинало все более широко использовать этот управленческий ресурс (при всегдашней его нехватке в России XVII в.) для исполнения своих поручений. По Уложению 1649 г. губной староста мог уже официально заменять воеводу, если по каким-то причинам его не было в городе вовсе или он временно отсутствовал. Правда, были периоды (1669—1679, 1683—1684), когда на 15 лет институт губного управления был приостановлен, их дела возложены сначала на специальных «сыщиков», затем на воевод, но с 1684 г. он был вновь возобновлен и просуществовал до полного уничтожения Петром I в 1702 г. Следует обратить внимание, что периоды ограничения губного управления были связаны с так называемыми «большими сысками», связанными с напряженной социальной ситуацией в стране (походы Степана Разина, стрелецкое восстание 1682 г.).

Естественно, что такой круг обязанностей, которые были возложены на губного старосту, не предполагал, что он справится с ними в одиночку. Губному старосте, как и воеводе, полагался аппарат в виде губной избы, которая была несколько малочисленнее приказной. Если город был большим, делопроизводством губной избы ведал дьяк (чаще его называли губным дьячком), если меньше — подьячий. И тот, и другой, понятно, избирались местным населением и, так же, как глава губной избы, приносили присягу.

В Переяславле-Залесском в 1664 г. всю губную «администрацию» составляли «губной староста Степан Евсегниев с(ы)нь Пуятинь да губной дьячекъ Иван Онан(ь)инь с(ы)нь Попцов»⁵⁴; через семь лет, в 1670/1 г. представителями губной власти значатся они же («В Переяславле Залесскомъ губной староста Степан Евсегнеевъ с(ы)н Пуятинь да губной дьячикъ Иван Онан(ь)инь сын Попцов»⁵⁵); в переписной книге 1677 г. вновь упомянут представитель переславской подьяческой династии Попцовых — губной подьячий Иван Попцов⁵⁶. К 1691 г. штат губной избы вырос: губному старосте Игнатию Семенову сыну Чекину помогали подьячие Иван Фаддеев, Федор Герасимов и Василий Фаддеев⁵⁷.

Помощником и подчиненным губного старосты был также губной целовальник (целовал крест перед воеводой, принимая присягу).

Губной целовальник также был выборным администратором, но избирался исключительно тяглыми людьми — посадскими и уездными (черносошными, лично свободными, крестьянами), без всякого участия служилых людей по отечеству. Критерием избрания было, чтобы человек был «добрый и животом прожиточный, которых бы с такое дело стало», т.е. уже проявивший себя в управлении, зато в данном случае грамотность не являлась непременным условием занятия должности. Сроки пребывания в должности, как и число губных целовальников, законом не ограничивались, определяясь обстоятельствами городской жизни и насущной необходимостью. Целовальники, в свою очередь, опирались на избираемых в волостях, станах, сельских и посадских округах сотников, пятидесятников и десятников, составляя вместе с ними местную «полицейскую организацию».

Содержались губные целовальники, как и весь губной аппарат, за счет избирателей, «по их договору». Так, упомянутым выше трем подьячим губной избы в 1691 г. был «оклад им великих государей жалованья по 6 руб. человеку, дают из подъемных денег»⁵⁸.

Еще одним участником административной деятельности в Переславле был земский староста. В отличие от губного, его «электоратом» были черносошные крестьяне и посадское население. В компетенцию земских органов входило решение дел, в современной терминологии, судебных гражданских и тех уголовных, которые могли рассматриваться в так называемом состязательном процессе (т.е. драки, побои, кражи, ябедничество, подделка документов и т.п.). Более тяжкие дела, такие, как поджог, убийство, разбойное нападение, земские старосты чаще всего рассматривали совместно с губными. Важной обязанностью земских старост, которая постепенно вытеснила судебную, был сбор окладных налогов (с твердо установленной суммой платежей на определенные государственные нужды) и средств на содержание воеводской администрации. Кроме этого, земские старосты были обязаны по распоряжению воеводы организовать обследование города (главным образом, с фискальными целями), составить по результатам обследования документацию и заверить ее не только своими подписями, но и подписями представителей посада. Такие функции земских властей отражают, например, «сказки» (донесения) 1655 г. «земского старосты Емельки Трофимова и всех посадских людей за руками о жилых и выморных дворах посадских же людей»⁵⁹ и 1666 г. «земского старосты Карпунки Мартьянова и земских целовальников и всех посадских людей за руками о жилых и выморных дворах посадских же людей и дозорные книги»⁶⁰.

У земского старосты, как и у губного, был свой «аппарат», с помощью которого староста осуществлял свои полномочия. Это были

земский дьяк или земские подьячие и земские целовальники. Все эти должностные лица избирались из числа «лучших людей» — зажиточных черносошных крестьян и состоятельных посадских людей. В своей деятельности земские выборные «чиновники», как и губные, опирались на низших представителей этой выборной, в своем роде демократической системы — сотских, пятидесятских и десятских, выставляемых крестьянской общиной.

Суммируя изложенное, можно сказать, что система управления Переславлем-Залесским представляется на первый взгляд одновременно и слишком сложной (со взаимно перекрещивающимися полномочиями разных групп администрации, с дублированием некоторых их функций, с подчинением города и его отдельных частей разным центральным учреждениям), и слишком простой, поскольку состояла всего из трех главных уровней управления — воевода, губная изба, земская изба.

Городовой воевода исполнял в городе роль своего рода главного диспетчера, приводя к единому знаменателю (целостность и процветание города) действия всех управленческих векторов и движений людей, исходящих как из центра, так и из провинции.

Подьячие приказной избы, направленные из Москвы или избранные местным обществом, как и назначенные Москвой главы специальных корпораций, представляли собой некий мост, связующее звено между центральной властью и провинцией.

Даже простое перечисление выборных местных администраторов (губные подьячие, земские старосты и земские дьячки, губные и земские целовальники, сотские, пятидесятские, десятские, кабацкие и таможенные головы и др.), пусть и самого низшего звена, демонстрирует весомость самоуправления в жизни местного общества. Присутствие в системе местной администрации такой значительной доли самоуправления, при всех известных ее ограничениях, проистекало и из многовековых традиций «мирской», общинной жизни, и из обширности территорий государства и малочисленности тогдашнего чиновничества (на одного управленца в конце XVII в. приходилось чуть меньше 3,5 тысяч человек; в современной России это соотношение — 1: 3). Еще одним немаловажным фактором такого устройства управления стал опыт власти в собирании и восстановлении государства после Смуты, когда пришло понимание: без помощи «земли» не обойтись, а чрезмерно натягивая бразды правления, можно совсем загубить под седоком «лошадку» и опять остаться ни с чем.

Сюда же можно отнести и другую характерную черту русского государственного устройства — челобитные. Система (именно система) челобитных была одной из важнейших в строении государствен-

ного менеджмента XVII в. Челобитные, при всех своих очевидных и кажущихся минусах, были надежной системой обратной связи, давали возможность центральной власти учитывать и защищать (в том числе и в судебном порядке) интересы всех слоев населения, а также, что имеет столь же важное значение, давали народу надежду, пусть нередко иллюзорную, на защиту и разумный порядок жизни, поддерживаемый властью.

Именно такая форма управления (даже принимая во внимание все ее недостатки) благодаря системе противовесов, баланса между централизующей ролью верховной власти, государства и самоуправления на местах была гибкой, адаптивной, способной быстро реагировать на постоянно меняющиеся обстоятельства городской и уездной жизни, и позволяла на разных уровнях решать маленькие и большие задачи каждого дня.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 19. — № 25. — Л. 2.

² Там же. — Оп. 6-а. — Д. 11. — Л. 177—177 об.

³ Там же. — Д. 22. — Л. 21.

⁴ *Новохатко, О.В.* Записные разрядные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. — М., 2001. — С. 76.

⁵ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 6-а. — Д. 26. — Л. 132 об. — 133.

⁶ Там же. — Л. 19 об. — 20.

⁷ Там же. — Оп. 8. — Вязка 19. — № 25. — Л. 4.

⁸ *Новохатко, О.В.* Разряд в 185 году. — М., 2007. — С. 393, 394.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. — СПб., 1830. — Т. 3. — № 1511. Апр. 24. 1695 г.

¹⁰ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 6-а. — Д. 1. — Л. 196 об.

¹¹ Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / [публикатор Найденов Н.А.]. — М., 1884. — С. 3.

¹² РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 7 об.

¹³ Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 4.

¹⁴ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 2. — № 22. — Л. 28.

¹⁵ Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 14, 16, 17.

¹⁶ *Демидова, Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): биогр. справочник. — М., 2011. — С. 108.

¹⁷ Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 5, 6.

¹⁸ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 19. — № 25. — Л. 3 об.

¹⁹ Там же. — Л. 4.

²⁰ *Новохатко, О.В.* Разряд в 185 году. — С. 539, 540.

²¹ Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 6.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Новохатко, О.В.* Разряд в 185 году. — С. 158—195.

²⁵ Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 1.

²⁶ Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. — М., 1984. — С. 238, 239.

- 27 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 14.
28 Там же. — С. 17.
29 Там же. — С. 6.
30 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 19. — № 25. — Л. 7об.
31 *Новохатко, О.В.* Разряд в 185 году. — С. 572, 573.
32 Там же. — С. 189.
33 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 9 об.
34 Там же. — Ч. 2. — № 22. — Л. 3об. — 4.
35 Там же. — Вязка 19. — № 25. — Л. 8.
36 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 1.
37 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 9 об.
38 Там же. — Ч. 2. — № 22. — Л. 3 об.
39 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 14.
40 Там же. — С. 6.
41 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 19. — № 25. — Л. 7 об.
42 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 6.
43 Там же.
44 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 12.
45 Там же. — Ч. 2. — № 22. — Л. 19.
46 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 11.
47 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 7.
48 Там же. — Л. 10—10 об.
49 Там же. — Ф. 235. — Оп. 3. — № 154. — Л. 3—5.
50 Там же. — Ф. 1356. — Оп. 1. — № 290.
51 *Новохатко, О.В.* Разряд в 185 году. — С. 418—420.
52 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 8 об.
53 Там же. — Л. 6 об.
54 Там же. — Ч. 2. — № 22. — Л. 3.
55 Там же. — Вязка 4. — № 44. — Л. 3об.
56 Переславль-Залесский. Материалы ... — С. 14.
57 Там же. — С. 6.
58 Там же.
59 РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 8. — Вязка 2. — Ч. 1. — № 7. — Л. 11.
60 Там же.

А.П. Корелин

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ

В статье исследуются основные блоки правительственной программы П.А. Столыпина, ее экономические, политические, социокультурные компоненты, анализируются попытки их реализации и дается авторская оценка места и роли столыпинских реформ в судьбах Российской империи. Автор считает, что по своему характеру эта программа представляла собой комплекс системных преобразований, рассчитанных на переходный период от самодержавного к представительному правлению, правовому государству. Однако в силу ряда депрессивных факторов усилия премьера не только не увенчались успехом, но и в значительной мере стали причиной обострения политической ситуации в стране.

Ключевые слова: реформы; модернизация; самодержавие; властная вертикаль; правовое государство; самоуправление; земства; крестьянство; община; рабочий вопрос.

A.P. Korelin

Stolypin's reforms: historical experience and lessons

In this article are explored main blocks of governmental program of P.A. Stolypin, its economical, political, social-cultural components, are analyzed the attempts of their realization and its provided an evaluation of the role of Stolypin's reforms in fate of Russian Empire. Author considers, that this program corresponds to complex of systematical reformations for transitional period from Autocracy to representative government, constitutional state. Though, due to chain of depressive factors, efforts of Premier not only didn't succeed, but also in significant part became a reason of aggravation of political situation in country.

Keywords: reforms; modernization; autocracy; constitutional state; self-administration; zemstvo; agrarian polisy; peasantry; commun; labor question.

В наши дни имя Петра Аркадьевича Столыпина приобрело популярность, едва ли не превышавшую, как теперь принято говорить, его рейтинг при жизни. О нем написаны многочисленные статьи, брошюры, книги¹, упоминания о нем то и дело мелькают в прессе, его фамилия звучит по радио и телевидению и даже с трибун выс-

ших органов власти. В связи со 150-летней годовщиной со дня его рождения и столетием со дня гибели прошел ряд научных и научно-практических конференций, планируется сооружение памятников и памятных знаков. Чем обусловлен этот интерес? Во-первых, фактически, с именем Столыпина связана последняя попытка правящих кругов Российской империи вывести страну на путь эволюционного развития, избежать нового революционного взрыва, что само по себе представляет несомненный интерес для исследователей отечественной истории. Во-вторых, именно данное обстоятельство придает этой теме особую актуальность и практически-политическую значимость. В наше переломное время фигура последнего российского реформатора и особенно его деятельность в качестве главы правительства в сложную переходную эпоху, его попытки найти выход из кризисной ситуации, в которой оказалась страна в результате революции 1905—1907 гг., привлекают внимание и ученых, и политических деятелей, и представителей властных структур. И, наконец, немаловажно, что имя и политическое наследие Столыпина были и остаются «разменной картой» в политической борьбе. Неоднозначность личности премьера, определенная противоречивость его взглядов, многосторонность деятельности дают возможность так или иначе использовать его программу и практический опыт представителям различных, порой полярных политических направлений. В связи с этим необходимо отметить, что вышедшая за последние 10—15 лет литература базируется, в основном, на известном круге уже введенных в научный оборот материалов, но трактовка их даже серьезными исследователями весьма различна — от безудержной апологетики столыпинской программы и методов ее реализации до фактически полного неприятия всей деятельности его кабинета.

Как складывалась столыпинская программа и каковы были основные ее положения? Следует отметить, что, несмотря на сравнительную по тем временам молодость (к моменту назначения министром внутренних дел, а затем и председателем Совета министров ему было 44 года), премьер уже зарекомендовал себя как опытный, волевой и вместе с тем гибкий администратор, сочетавший в себе и знатность происхождения (Столыпина числили среди древнейших дворянских родов империи), и университетское образование, и практику ведения рационального хозяйства в собственных имениях (семья владела несколькими имениями общей площадью около 7,5 тыс. десятин), и достаточно богатый служебный опыт, который Петр Аркадьевич приобрел на постах ковенского уездного и гродненского губернского предводителя дворянства, гродненского, а затем саратовского губернатора. Еще до своего карьерного взлета

он принимал участие в различных комиссиях и совещаниях, высказывал свои соображения по важнейшим вопросам внутренней жизни страны, касавшихся проблем модернизации сельского хозяйства, народного образования, страхования рабочих и т.д. Однако тогда его взгляды еще не сложились в программу, а предложения, в частности по аграрному вопросу, были достаточно умеренными, не выходя за рамки известного манифеста от 26 февраля 1903 г., предоставлявшего состоятельным крестьянам весьма ограниченное право выхода из общины при неременном сохранении в целом общинного строя.

События 1905 г. во многом ускорили формирование его политических позиций. С одной стороны, еще будучи саратовским губернатором, он был вынужден реагировать на крестьянские выступления, поджоги помещичьих усадеб, применяя в том числе и воинскую силу, за что неоднократно получал благодарность от самого императора. Вначале доставляла мучения сама мысль оказаться замешанным в «крови», о чем он писал своей жене. В условиях нарастания осенью 1905 г. крестьянского движения, становившегося все более массовым, он надеялся, что приезд в губернию с карательными функциями генерал-лейтенанта В.В. Сахарова снимет с него «ответственность за пролитие крови». Однако генерал был убит террористами, и Столыпину пришлось самому посылать войска для подавления «беспорядков»². С другой стороны, усугубление ситуации все более укрепляло его в убеждении, что одними репрессиями проблемы не решить. Уже в служебной записке от 11 января 1906 г. он высказал мысль, что бороться с революцией одними репрессиями невозможно, что главная причина массового крестьянского движения — отнюдь не революционная пропаганда, а нищета деревни. При этом нищета, по его мнению, не была следствием малоземелья, а последнее не являлось главной причиной крестьянских волнений. Главной причиной нестабильности в деревне, считал он, было сохранение общины, тормозившей производительность сельского хозяйства и препятствовавшей формированию у крестьян частнособственнического менталитета. Свою позицию он обосновывал и на совещании губернаторов, состоявшемся в конце января того же года. А так как большинство губернаторов, как и некоторые современные политологи, главную причину революционного движения видели в агитации интеллигенции и требовали усиления репрессий, то Столыпин вынужден был подать особое мнение, настаивая на проведении, наряду с карательными мерами, и ряда достаточно радикальных реформ. Император ознакомился с его мнением не позже 4 февраля 1906 г., что, видимо, не могло не сказаться впоследствии при выборе им кандидатуры на замещение важных правительственных постов³.

Однако вплоть до вхождения в высшие правящие сферы сначала в качестве министра внутренних дел (26 апреля 1906 г.), а затем и председателя Совета министров (8 июня) его взгляды не составляли цельной программы. Ближайшие сотрудники премьера — С.Е. Крыжановский, В.И. Гурко, В.Н. Коковцов — свидетельствовали, что в правительство Столыпин пришел без четкой конкретной программы действий. Как писал впоследствии в своих воспоминаниях Крыжановский, автор многих законодательных проектов столыпинского кабинета, не было и особой надобности в срочной ее разработке, так как в основных чертах она была подготовлена кабинетом Витте к открытию Государственной Думы⁴. Ознакомившись с ней, а также с материалами многочисленных комиссий и совещаний, премьер смог постепенно составить свое представление о предстоящей программе действий. В сжатом виде эта программа была впервые опубликована в «Правительственном вестнике» 24 августа 1906 г. Наряду с угрозами ужесточения карательных действий в отношении революции в правительственной декларации провозглашался и курс на реформы. «Путь правительства — успокоение, порядок и реформы, — возвещал премьер. — Правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Таким образом, предполагалось решать одновременно две задачи (успокоение и реформы) и даже с некоторым смещением центра тяжести на преобразования. Несколько позднее эта установка получила даже нечто вроде исторического обоснования. В одной из собственноручных заметок Столыпина, относящихся к началу 1907 г., есть такой пассаж: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину... К тому же этот путь торжественно возвещен, создана Государственная Дума и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой — там, где правительства победили революцию (Пруссия, Австрия), они успевали не исключительно физической силою, а тем, что, опираясь на силу, сами становились во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»⁵.

В развернутом виде правительственная программа была изложена премьером в его первом выступлении перед II Государственной Думой 6 марта 1907 г. Это и другие его выступления в Думе и Государственном Совете, а также собрание законопроектов, вводимых в научный оборот составителями весьма ценного документального

сборника «П.А.Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы» (М.: РОССПЭН, 2002—2003. 2 т.), дают достаточно полное представление о задуманных преобразованиях, а отчасти и об их судьбе. Главной задачей провозглашалось построение правового государства. «Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое», — так определялась главой правительства конечная цель преобразований. Правда, толкование им этого понятия, как мы увидим, было довольно своеобразным. Но важно, что Столыпин безоговорочно признал важнейшие государственно-политические реалии, связанные с новой редакцией Основных законов, с учреждением Государственной Думы, реформированием Государственного Совета, на усмотрение и одобрение которых и предлагалась правительственная программа реформ. Первоочередной задачей была признана разработка правовых норм для реализации гражданских и политических свобод, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г. — свобода слова, собраний, печати, союзов, вероисповеданий, неприкосновенность личности и жилища, тайна корреспонденции и т.п. Этот комплекс законов, определявших права и обязанности граждан, должен был составить правовую базу общества.

Другой комплекс должны были составить законопроекты по реорганизации и усовершенствованию системы органов местного управления, суда и самоуправления. В сфере местного управления предполагалось прежде всего укрепить губернское и уездное административное звено — расширить полномочия губернаторов, заменить уездных предводителей дворянства, фактически возглавлявших уездную администрацию, коронными начальниками уездов, ликвидировать окончательно скомпромитировавший себя институт земских начальников и заменить их участковыми комиссарами, лишив их судебных функций. Последние меры были рассчитаны не только на укрепление «властной вертикали», но и на полное упразднение архаичных остатков сословности в местном управлении и восстановление разделения административной и судебной властей на местах. Новый полицейский устав должен был ограничить деятельность охранного ведомства законными рамками. Реформы местной судебной системы предполагали восстановление института выборных мировых судей, реорганизацию сословно-крестьянских волостных судов, введение в судебные уставы ряда новых статей, заимствованных из практики западноевропейских стран (допущение защиты на стадии предварительного следствия, введение условного осуждения и досрочного освобождения из мест заключения и т.п.), а также введение в полном объеме нового «Уложения о наказаниях» и ряда законов в области гражданского права, особенно касающихся сферы земельной собственности.

В области местного самоуправления намечалось введение земств в Прибалтике, Западном крае, Польше, Сибири, некоторое расширение компетенции земских управ при одновременном усилении административного надзора, а также создание в качестве низшего административно-общественного звена всесословной волости, поселкового и сельского управлений. Замыслы Столыпина в этом плане были значительно обширнее — вплоть до введения в местное управление и самоуправление некоторого подобия федерализма. Умеренно-либеральные позиции занимал Столыпин и в национальном вопросе. Он попытался ослабить остроту еврейского вопроса, провести ряд мер по упорядочению политико-административной автономии Польши, особого статуса Финляндии.

Особый пакет составляли законопроекты социального характера, носившие вместе с тем отчетливо выраженную политическую направленность. Здесь, несомненно, центральное место занимали указы от 5 октября и 9 ноября 1906 г.: первый сближал в правовом отношении крестьян с остальным населением империи, а второй предоставлял им право свободного выхода из общины и закрепление за ними наделенных земель в личную собственность. Новый курс аграрной политики имел далеко идущие цели. Постепенная ликвидация общины должна была, во-первых, поднять производительность аграрного сектора экономики, ликвидировать разбалансированность народнохозяйственной системы, усилившейся в результате виттевской индустриализации; во-вторых, создать из мелких зажиточных крестьян-собственников консервативный «средний класс», который, как это следовало из опыта европейских стран, составил бы новую социальную опору власти и тем укрепил на несколько подновленной основе политический режим; в-третьих, снять социальную напряженность в деревне, отвлечь крестьян от помещичьих земель. Наконец, аграрная реформа, завершая затянувшийся более чем на полвека процесс освобождения крестьян, должна была подвести экономическую базу под обретение ими гражданских и политических прав. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает лично земельной собственностью, — справедливо утверждал Столыпин, — он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»⁶. Вместе с тем, представляя указ 9 ноября на утверждение Думы, а затем и Государственного Совета, премьер вновь и вновь подчеркивал, что насаждение «крепкого личного собственника» в деревне необходимо «для переустройства нашего Царства, переустройства его на крепких монархических устоях», для создания преграды развитию в стране революционного движения⁷.

Особое внимание правительства привлек и рабочий вопрос. Предполагалось коренное изменение отношения властей к рабочему

движению. Экономические забастовки теперь предлагалось рассматривать как «естественное стремление рабочих к улучшению своего положения», и, соответственно, рабочему движению предоставлялась возможность «естественного выхода, если оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Предлагалось узаконить указ от 2 декабря 1905 г., которым отменялась статья «Уложения о наказаниях», предусматривавшая уголовное преследование участников экономических стачек. Реформу рабочего законодательства предполагалось вести в двух направлениях: с одной стороны, оказание помощи рабочим в виде страхового законодательства, организации врачебной помощи, пересмотра нормирования труда подростков и женщин; с другой стороны, планировалось постепенное ограничение вмешательства властей в отношения труда и капитала и предоставление рабочим определенной свободы действий через посредство профсоюзных организаций, примирительных камер.

Сознавая тесную зависимость экономического развития страны от уровня просвещения и профессиональной подготовки населения, правительство предлагало провести совместную с общественными учреждениями (земствами, городскими управами), на паритетных началах, реформу образования на всех его ступенях, имея в виду прежде всего доступность, а затем и введение обязательности начального образования при непрерывной связи низшей школы со средней и высшей, с «законченным кругом знаний» на каждой ступени образования, при создании широкой сети разнообразных типов профессиональных учебных заведений, дающих вместе с тем необходимый минимум общего образования.

И наконец, большое внимание в программе уделялось возрождению и модернизации боевой мощи российской армии и флота, подорванной в ходе русско-японской войны. Однако в целом Столыпин был последовательным сторонником неввязывания России в какие-либо международные конфликты. Он считал, что для реализации его программы стране необходимы как минимум 20 лет покоя — внешнего и внутреннего. Но в то же время он всецело был за сохранение Россией статуса великой державы.

Для обеспечения государственной казны необходимыми средствами правительство предлагало ввести новые принципы налогообложения и преобразование его старых форм с целью «достижения возможной равномерности обложения и возможного освобождения широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени». Предполагалось ввести прогрессивный подоходный налог, проекты которого разрабатывались в недрах Министерства финансов едва ли не два десятка лет. Полученные суммы правительство

рассчитывало не только использовать для финансирования реформ, но и передать часть их в распоряжение земств и городских управ.

Такова была в общих чертах программа столыпинского кабинета — достаточно обширная, с претензией на весьма существенные структурные и даже системные преобразования и в целом, несомненно, прогрессивная, несмотря на некоторую ограниченность и противоречивость. Ее характер отражал соотношение сил, которое сложилось в тот момент между властью и обществом. В ней нашли отражение прежде всего умеренные пожелания и требования либеральной оппозиции, уже давно выдвигавшиеся ею перед властью. Большая часть проектов давно, порой десятилетиями, разрабатывалась ведомствами, и лишь революция заставила власть активизироваться. Как уже отмечалось, основные законодательные пакеты готовились кабинетом С.Ю. Витте к открытию Государственной Думы, рассчитывавшим таким образом ограничить законотворческую инициативу народного представительства. Но П.А. Столыпин действительно впервые представил правительственную программу в обобщенном виде и предложил ее законодательным палатам, при участии которых и предполагалась ее реализация.

Исходя из традиционного для правящих кругов России представления, что любые преобразования в стране могут быть инициированы и проведены только «сверху» и только при условии сохранения сильной монархической власти, Столыпин рядом чрезвычайно жестких мер сумел подавить революционное движение. Позицию премьера отчетливо характеризует его выступление в Думе 13 марта 1907 г. по вопросу о военно-полевых судах. Признав, что власти при применении этой меры допустили много «неправильностей», приведших к напрасным жертвам, он в то же время оправдывал ее государственной необходимостью. «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада, — заявил он в ответ на критику левых депутатов. — Это было, есть и будет всегда и неизменно... Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочий приостанавливать все нормы права»⁸. Это «состояние необходимой обороны», по его мнению, не только оправдывает применение репрессий, но в крайних случаях может привести и к установлению диктатуры. Здесь этатизм премьера достигает абсолюта: государство — превыше всего. Естественно, что отношение к подобным силовым методам правления — и тогда и сейчас — самые разные, зависящие от политико-правовых воззрений сторонников и

противников режима. Сохранение государственности, действительно, необходимо. Вопрос лишь в том, какова должна быть форма этой государственности и ее легитимность. В конце концов, «нестроение» страны, признававшееся самим Столыпиным и приведшее к революционному взрыву, было во многом результатом деятельности именно «правлящих верхов», а американская конституция, например, имеет статью, согласно которой народ имеет право свергнуть правительство, не отвечающее его интересам, узурпировавшее власть.

Весьма непросто складывались отношения Столыпина и с народным представительством. Его позиция в этих вопросах была весьма противоречива. С одной стороны, целью правительства провозглашалось создание «правового государства», сохранив «те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II»⁹. В связи с этим признавалось целесообразным и даже неизбежным существование высших представительных учреждений — Государственной Думы и реформированного, теперь наполовину избиравшегося Государственного Совета, формально наделенных законодательными функциями. Но, с другой стороны, он, пользуясь противоречивостью формулировок новой редакции Основных законов, постоянно подчеркивал фактически неограниченную полноту власти российского монарха, волею которого и было создано народное представительство. Последнее, по его твердому убеждению, должно быть лишь помощником царя в управлении страной. Только самодержавная власть, считал он, является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой силу и цельность России, оберегая ее от распада. И главная задача правительства должна состоять в том, чтобы «хранить исторические заветы России». Расшифровывая эту формулу, он открыто заявлял, что «историческая Самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности...». Правительство же, назначенное волею императора, не только не подотчетно Думе, но ей не дано даже право выражать ему «неодобрение, порицание и недоверие». Поэтому, считал он, «нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок», явно имея в виду западноевропейский парламентаризм¹⁰. Фактически важнейшим шагом к строительству правового государства должно было стать принятие законодательных норм, которые бы не только определяли права и обязанности граждан, но прежде всего ограничивали своеволие и административный беспредел российской бюрократии, особенно ее местного звена.

Вскоре Столыпин на деле показал, каково место народного представительства во внешне обновленной политической системе. Как

известно, он дважды пошел на роспуск Думы, продемонстрировавшей свою оппозиционность режиму, и даже изменил избирательный закон, пойдя фактически на нарушение Основных законов империи. Этому предшествовали попытки установить контакты с либеральной оппозицией (председателем I Государственной Думы С.А. Муромцевым, лидерами кадетов П.Н. Милоковым и умеренных либералов Д.Н. Шиповым) и, наряду с этим, заручиться содействием возникшей в мае 1906 г. правоконсервативной дворянской организации Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ (Объединенное дворянство). Прощупав, видимо, позиции тех и других и учитывая спад массового движения, Столыпин, в конце концов, инициировал обнародование 3 июня 1907 г. нового избирательного закона («бесстыжего» — по характеристике самого Николая II), который существенно изменил состав Думы. Это событие вошло в историю под названием третьеинского государственного переворота, ознаменовавшего поражение революции.

Новая, III Дума, открывшаяся в начале ноября 1907 г., по своему составу существенно отличалась от предшествовавших. Наряду с уменьшением общего числа депутатских мест (с 524 до 442), она вместо крестьянской стала дворянской. После провала надежд властей на крестьянство как на массовую социальную опору режима политика цезаризма была отброшена. Представители высшего сословия составили более 40% депутатского корпуса, лица так называемых «свободных профессий» — 19%, духовенство — 10%, промышленники и торговцы — 8%, депутаты от крестьян-земледельцев — около 15%, от рабочих и ремесленников — немногим более 2%. Соответственно в политическом отношении Дума значительно поправила. Наиболее многочисленной фракцией стал праволиберальный «Союз 17 октября». Октябристам фактически была уготована роль проправительственной партии, с помощью которой Столыпин намеревался проводить в Думе свою политику. Таким образом, новый избирательный закон, как считал Крыжановский, «дал правительству послушное и гибкое орудие для отбора того, что было лучшего в русском обществе, наиболее государственного» (конечно, по мнению инициаторов переворота)¹¹. В Государственном Совете среди «назначенцев», а в значительной части и среди выборных членов преобладали правые.

Но и получив в Думе необходимое, как ему казалось, соотношение сил для проведения реформ, премьер весьма настороженно относился к законодательным палатам. Во-первых, стремясь перехватить законодательную инициативу, важнейшие законопроекты он старался проводить в чрезвычайном указном порядке по статье 87 Основных законов, ставя Думу и Государственный Совет перед свершившимся фактом и

ссылась при этом на высочайшую волю. Во-вторых, под предлогом необходимости накопления молодым народным представительством опыта законодательной работы он вносил на его рассмотрение массу третестепенных дел, так называемой «думской вермишели» или «законодательной жвачки», как откровенно признавался премьер в своем кругу, призванной занять умы и языки политиков. Такая политика вполне отвечала настроениям Николая II, который никак не мог примириться с «дарованной» им же самим Думой, и мысль о ее окончательном роспуске или преобразовании в законосовещательный орган при монархе никогда не покидала его. Сам Столыпин, будучи воспитанным в духе самодержавного культа, выступал то в роли буфера между императором и народным представительством, принимая на себя все критические стрелы в адрес верховной власти, то орудием монарха. При этом он опирался на противоречивость положений Основных законов, дававших возможность трактовать их в зависимости от того или иного понимания характера установившегося государственного строя и в зависимости от складывавшейся конкретной ситуации.

Эти действия премьера, а также некоторые черты его характера (высокомерие, барство, надменность, бросавшиеся в глаза его сотрудникам по кабинету, расценивавшиеся порой в обществе только как твердость) вызвали нарастающее недовольство со стороны все большей части думских депутатов и даже членов Государственного Совета¹². Демонстрируя силу, твердость и решительность власти, он без колебаний шел на конфронтацию с депутатами, употребляя в своих выступлениях резкие высказывания — «Не запугаете!», «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» и т.п. Не только либералы и левые радикалы, но и правые все чаще обвиняли правительство в установлении режима восточной деспотии, в государственном перевороте, в усилении полицейского произвола. Дело в том, что со временем в существовании представительства оказались заинтересованными почти все, за исключением крайне правых, политически активные силы, так или иначе пытавшиеся использовать его в своих интересах. В скором времени столыпинская программа привела к обострению противоречий не только между правительством и обществом, но и в самих правящих сферах. Реализация столыпинского курса не могла удовлетворить политические силы, стоявшие на диаметрально противоположных позициях по важнейшим вопросам внутренней политики. Она не устраивала правоконсервативные круги, поскольку реформы или непосредственно затрагивали и ущемляли их интересы, или грозили непредсказуемыми последствиями. Леворадикальные силы видели в них опасность для своих целей, ибо успешные реформы суживали возможность для революционного выбора. Не удовлетворяла политика

Столыпина и либералов, а со временем и проправительственный октябристский центр, так как премьер по мере нарастания сопротивления реформам стал все чаще «оглядываться назад». Либералы видели ущербность столыпинского курса прежде всего в попытках совместить самодержавие с представительным строем, что неизбежно вело к нарушению законности, пренебрежению завоеванными демократическими свободами, все чаще раздавалась критика премьера за практику строительства «правового государства» неправовыми методами.

О настроениях в обществе свидетельствуют перлюстрированные полицией письма. В начале 1908 г. неизвестный корреспондент, близкий к высшим сферам, писал князю А.М. Горчакову: «Теперь времена хуже, чем при покойном Плеве, и все это потому, что, перешагнув через грань законности, администрация не знает больше удержу и даже не может понять, что революционный угар миновал и надо вступать на почву законности... Правы были те, кто скептически относился к манифесту свободы, — данные обещания не исполняются». Д.Н. Шипов, умереннейший либерал-монархист, подытоживая в конце того же года сложившуюся ситуацию, с горечью констатировал: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя... В действиях государственной власти нет необходимой искренности, и все мероприятия имеют целью по внешней форме дать одно, а в сущности установить совершенно противное. От представительного строя по форме не отказываются, но в сущности с представительством не считаются и сводят его на нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо прежде. Политические свободы включены в наши основные законы, но где они? Все это ведет к тому, что пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет и в населении воспитывается чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит, или, скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее»¹³.

Крен правящих кругов вправо отчетливо обнаружился вскоре после подавления революции, и этот фактор сыграл решающую роль в свертывании программы преобразований. Выступая 16 ноября 1907 г. перед III Думой, Столыпин уже заметно ограничил круг планировавших реформ. Прежде всего в ходе их реализации оказался свернут весь пакет законопроектов, связанных с политическими и гражданскими свободами, которые были признаны несвоевременными, не был реализован и комплекс административно-судебных реформ. Уступая мощному давлению дворянско-помещичьего лобби, заручившегося поддержкой императора, Столыпин был вынужден отказаться от реорганизации местных административных струк-

тур. Удалось лишь восстановить институт мировых судей, который, однако, так и не был введен повсеместно. Сохранение же крестьянских сословных волостных судов фактически означало полное отрицание той идеи, которая первоначально была положена в основу этого пакета законопроектов. Ценою длительных жестких столкновений Столыпина с Думой и особенно с Государственным Советом были введены земства в шести западных губерниях. При проведении этого законопроекта премьер, уже с 1909 г. сделавший поворот к открытому национализму, попытался рядом мер ослабить в проектируемых земствах позиции польских помещиков, рассчитывая опереться на крестьянство, среди которого преобладали украинцы и белоруссы. Это не могло не насторожить поместное дворянство внутренних губерний, увидевшего в этом угрозу собственному представительству в земствах. Столыпину пришлось пойти на открытый конфликт и с императором, которому в очередной раз пригрозил своей отставкой, и с лидерами правых в Думе и Государственном Совете. Таким образом, он добился принятия 14 марта 1911 г. законопроекта в чрезвычайном порядке, лишь вынудив царя дать согласие на роспуск на три дня высших законодательных учреждений. Это была «пиррова победа». Теперь и правые заговорили о «незаконмерности» действий столыпинского кабинета, а Николай II прониклся все большей неприязнью, в немалой степени искусно подогреваемой камарильей, к недавнему протезе.

Наиболее продвинутой в пакете социально-политических преобразований оказалась аграрно-крестьянская реформа. Начало ей положил указ от 9 ноября 1906 г., принятый в чрезвычайном порядке и носивший скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Формально указ лишь конкретизировал и вводил в действие статью 12 общего «Положения о крестьянах» и статью 165 «Положения о выкупе» 1861 г. Как известно, по замыслу авторов этих актов крестьянин после выкупа надела становился полным его собственником и мог выйти из общины. Однако власти, сделавшие ее орудием своей административно-полицейской, фискальной и социальной политики в деревне, всячески стремились оттянуть этот момент: за 45 пореформенных лет из общины смогли выйти лишь 145 тыс. хозяев. Контрреформы 80-х — начала 90-х годов сделали этот выход практически невозможным. И хотя к идее завершения крестьянской реформы постоянно возвращались и в правительственных, и в общественных кругах, понадобилась революция, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки и были сделаны практические шаги в данном направлении.

Пересмотр курса аграрной политики стал неизбежным с изданием Манифеста 3 ноября 1905 г., которым предусматривались полная отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей и расширение операций Крестьянского банка по скупке частновладельческих земель и перепродаже их крестьянам. Затем был принят ряд частных мер: указом 4 марта 1906 г. учреждались Комитет по землеустроительным делам, губернские и уездные землеустроительные комиссии, задачей которых было прежде всего разграничение крестьянских и помещичьих земель, Крестьянскому банку актами 12, 27 августа и 19 сентября того же года передавались для продажи крестьянам участки казенной, удельной и кабинетской земли. Столыпин первое время шел по уже проложенному пути. Его попытки убедить I и II Думу отказаться от революционного вмешательства в земельные отношения оказались безуспешными. Став премьером, он сделал аграрно-крестьянскую реформу фактически осью всей своей внутренней политики, рассчитанной, как уже отмечалось, на модернизацию социально-экономического, а отчасти и политического строя империи. Но даже получив законопослушную III Думу, он не решился сразу внести аграрный законопроект на ее обсуждение, проведя его чрезвычайным порядком по статье 87 Основных законов. Указ стал законом только 14 июня 1910 г.

Основным назначением этого акта было пробудить у крестьянина частнособственнический инстинкт, дать толчок постепенному разрушению общины. Формально заявление о выходе должно было утверждаться большинством сельского схода. Но если сход в течение месяца не принимал решения, то дело передавалось на усмотрение земских начальников и их съездов, которые, выполняя установку правительства, обычно решали его в пользу заявителя. В сельских обществах, где переделов не было с момента наделения крестьян землей, все члены общины автоматически объявлялись владельцами своих наделов. Но это был лишь первый этап реализации нового аграрного курса. В хозяйственном отношении простое объявление наделов личной собственностью не устраняло всех неудобств, связанных с раздробленностью, чересполосицей, с принудительным севооборотом, совместным пользованием угодьями, характерных для общинного землепользования. Вторым шагом в направлении наступления на общину были «Временные правила» 19 марта 1909 г., предусматривавшие разверстания на хутора и отруба целых селений, что было закреплено законом от 29 мая 1911 г., которым центр тяжести реформы переносился на землеустройство. Теперь сам акт землеустройства считался основанием для признания надела личным владением, что на практике усиливало «административный ресурс» в проведении реформы. Основной упор был сделан на образование

хуторских (с перенесением усадьбы на свой участок) и отрубных (с оставлением усадьбы в деревне) участковых хозяйств¹⁴.

С принятием этих актов преобразования в аграрной сфере приняли определенную логичность и комплексность. В частности, главной цели реформы — насаждению крестьян-собственников — оказались подчинены и операции Крестьянского банка, получившего возможность не только содействовать приобретению крестьянами земли, но и выдавать ссуды для хозяйственных целей под залог наделов (указ от 15 ноября 1906 г.), и вся деятельность Переселенческого управления, способствовавшего переселению малоземельных крестьян на свободные земли в юго-восточном Поволжье, Сибири, Средней Азии. В этом плане сыграл свою роль и известный указ от 5 октября 1906 г. С одной стороны, он способствовал выходу из общины и разрыву с землей тех групп крестьян, которые фактически уже порвали связь с деревней; с другой стороны, он укреплял позиции зажиточных слоев, их правовой и имущественный статус, предоставляя им возможность принимать активное участие в органах земского самоуправления, ликвидировал архаичные функции общины. Правда, в Думу он был внесен лишь в июне 1916 г.

Эти направления в реализации реформы, их количественные и качественные параметры обычно и рассматриваются исследователями как аргумент в пользу ее успешности или неудачи. Стольпину не суждено было дожидаться плодов реализации своего дела. Но, видимо, есть смысл попытаться подвести хотя бы краткие итоги за все время действия реформы (в мае 1915 г. в связи с начавшейся войной она была приостановлена, а 28 июня 1917 г. — постановлением Временного правительства прекращена). И опять-таки, при наличии статистических данных о ходе реформы земского отдела МВД и землеустроительных комиссий Главного управления землеустройства и земледелия¹⁵, подсчеты исследователей о количестве вышедших из общины хозяев заметно разнятся — от 1/3 до 60% и даже более¹⁶. Причина расхождений — в различных оценках имеющихся материалов. Представляется, что более приемлемыми являются расчеты, согласно которым из общины к 1915 г. вышло более 3 млн всех домохозяев, т.е. несколько более 1/3 всех крестьянских хозяйств. Приводимые некоторыми авторами более высокие показатели представляются завышенными как за счет отнесения к выделившимся из общины всех членов беспередельных общин, так и за счет зачисления в собственники всех подавших заявления о выделе и землеустройстве, а также, видимо, за счет двойного учета «укрепленцев» среди землеустроенных крестьян. Между тем, из 3,5 млн членов беспередельных общин только 470 тыс. взяли укрепительные

документы, а из 5,8 млн ходатайств о землеустройстве удовлетворено было менее трети. На наделных землях было образовано, опять-таки по разным подсчетам, от 1,6 млн до 2 млн хуторских и отрубных хозяйств (300—500 тыс. хуторов и 1300—1500 отрубов), площадь которых составляла около 11—12% всех наделных земель, а вместе с подворниками — около 28—30%. Остальные «укрепленцы» продолжали хозяйствовать чересполосно, что еще более запутывало земельные отношения в деревне. К тому же необходимые для крестьянских хозяйств угодья (луга, пастбища, водоемы, леса и т.п.) в значительной мере оставались в общественном пользовании.

Заметную роль в землеустройстве крестьянских хозяйств сыграл Крестьянский банк. Если ранее в его операциях преобладали коллективные покупки земли товариществами и обществами, то теперь 90% его клиентуры составляли индивидуальные хозяева. За 1907—1915 гг. крестьяне приобрели у банка или купили с его помощью 9,8 млн дес., получив ссуды на 929 млн руб. Причем главной задачей банка было создание образцовых хуторских хозяйств, каковых и было создано на банковских землях около 270 тыс. Но предоставляя кредит до 90% и даже до 100% стоимости земли, банк устанавливал ставки, до трети превышавшие цены свободного рынка. В результате задолженность банку ложилась тяжелым бременем на его клиентов, затрудняя модернизацию хозяйств. За неуплату процентов банк отобрал у задолжников более 600 тыс. дес.

В годы реализации реформы особый размах получило переселение крестьян на свободные земли в Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально оно было рассчитано прежде всего на маломощные, разоряющиеся хозяйства, которым предоставлялись пособия и всякого рода льготы. За 1907—1914 гг. всего за Урал проехало около 3,8 млн переселенцев и ехавших на разведку «ходовков». Из них на новом месте осталось 2,7 млн, вернулось около 1 млн человек, в том числе около 0,5 млн переселенцев, уже продавших на родине свои земли и пополнивших пауперизированные слои города и деревни. Посетив в 1910 г. Сибирь и Поволжье, Столыпин понял ошибочность первоначальных расчетов на переселение прежде всего мало-земельных крестьян, которые и на новом месте не в состоянии были обзавестись крепким хозяйством. Теперь упор был сделан на переселение действительно крепких хозяев, которые могли бы эффективно воспользоваться казенной помощью. К тому же было отмечено, что переселенцы переносили и на новые земли старую общинную организацию, что потребовало более активной работы по землеустройству. И, наконец, более полно и отчетливо была сформулирована и цель переселения — освоение колониальных окраин импе-

рии, укрепление ее границ и ассимиляция коренного населения, т.е. более отчетливо зазвучали политические мотивы и были несколько приглушены социально-хозяйственные. Далеко не все оставшиеся в Сибири переселенцы смогли оправдать возлагавшиеся на них надежды и стать крепкими хозяевами. Но тем не менее, они заметно пополнили население Сибири, дав около половины его прироста, что, с одной стороны, несомненно, ускорило процесс хозяйственного освоения ее обширнейшей территории, но с другой — обострило конфликты переселенцев со «старожильческим» крестьянством и местным «инородческим» населением.

Рассматривая экономическое состояние российской деревни в предвоенное десятилетие, исследователи единодушно отмечают, что в эти годы были достигнуты определенные успехи: продолжали расти валовые сборы, урожайность, налицо были достижения в специализации и интенсификации крестьянских хозяйств, в использовании минеральных удобрений, машин, росло благосостояние деревни и т.д. Некоторые авторы приписывают все эти достижения успешной реализации столыпинской реформы. Другие склонны объяснять эти сдвиги прежде всего благоприятными условиями объективного порядка, «попутными ветрами» — рядом урожайных лет, освоением новых земель, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию и т.п. Действительно, влияние благоприятных условий отрицать нельзя, как и определенный вклад в эти сдвиги землеустроительных крестьянских хозяйств. Но главное, видимо, заключается в том, что государство и общество впервые повернулись лицом к деревне, оказывая ей финансовую, материальную, агрикультурную помощь. Ассигнования из казны на эти цели за 1908—1912 гг., помимо ссуд Крестьянского банка, возросли с 5,7 млн до 21,9 млн руб., в 1913 г. они составляли уже более 29 млн руб. Расходы земств за 1911—1913 гг. соответственно возросли с 11,4 млн руб. до 18,1 млн руб.¹⁷ Значительные средства и сельскохозяйственная техника во все большем объеме поступали в деревню через бурно развивавшуюся кредитную, потребительскую, закупочно-сбытовую кооперацию. Общее число кооперативных учреждений за предвоенное десятилетие возросло с 4 тыс. до 30 тыс. Только кредитные кооперативы за 5 предвоенных лет выдали своим членам ссуд почти на 3 млрд руб. За последние предвоенные годы было открыто свыше 300 новых сельскохозяйственных учебных заведений, более 1000 курсов, проведено более 20 тыс. чтений, лекций, бесед на агрономические темы, почти во всех губерниях Европейской России организована система опытных полей, участков. Земства ввели институт участковых агрономов, через земские склады в деревню шли усовершенствованные сельскохозяйственные машины

и орудия, семена, удобрение, открывались прокатные пункты для предоставления производителям сложной техники, строились элеваторы, склады и т.п. Некоторые исследователи не без основания считают, что именно техническая и технологическая помощь деревне, поддержка кооперативного движения и должны были стать главным направлением в постепенной модернизации деревни, которая со временем могла бы привести и к социальным последствиям¹⁸. Это ли не путь для подъема сельского хозяйства и в наши дни?

Вместе с тем, следует отметить, что реформа по ряду обстоятельств была не лишена недостатков, заложенных в нее первоначально или обнаружившихся в ходе ее реализации. Во-первых, несмотря на высокие темпы землеустройства, все же общая численность участковых хозяйств и их удельный вес в общей массе крестьянского землевладения были невелики. Во-вторых, размещены они были крайне неравномерно: основная масса их приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии, где община и ранее не имела глубоких корней, а земледельческий центр, требовавший по первоначальным замыслам Столыпина особого внимания, оказался менее всего затронутым реформой. В-третьих, большинство таких хозяйств по-прежнему страдало от малоземелья. По расчетам дореволюционных экономистов, необходимый минимум для ведения товарного производства составлял, в зависимости от районов, от 8 до 15 дес. Средний размер хуторов и отрубов в России равнялся 9,8 дес., что было несколько больше, чем у общинников (9,1 дес.), но в целом явно тяготел к минимуму. Причем около половины таких хозяйств располагали площадью менее 8 дес., т.е. меньше потребительской нормы. Реформа не устраняла и сословности крестьянского землевладения. Опасаясь массовой пауперизации деревни, власти приняли меры по предотвращению быстрой мобилизации надельных земель: отчуждение их допускалось только в крестьянские руки, приобретение ограничивалось 6 душевыми наделами. Все это не могло не сказаться отрицательно на планах социально-политических преобразований, прежде всего в сфере местного управления и самоуправления. Несмотря на массивное административное давление, а может быть отчасти и в результате его, значительные массы крестьян выступили против насильственного разрушения общины. Открытых выступлений было не так много (за предвоенные годы их насчитывается около 1,6 тыс.), но недовольство крестьян проявилось в том, что почти $\frac{3}{4}$ вышедших из общины не получили согласия сходов. Потребовалось вмешательство властей, что лишь подогрело социальную напряженность в деревне. Наконец, община обнаружила удивительную живучесть.

С одной стороны, сказалось влияние традиций, которые сохранились в условиях низкого социально-экономического развития деревни, аграрной перенаселенности и слабого оттока населения в неземледельческие сферы, что способствовало сохранению общины как института социальной защиты. С другой стороны, община сумела в какой-то мере приспособиться к новым условиям и даже обеспечить определенный хозяйственный и агрикультурный прогресс, что отметил немецкий профессор Аухаген, посетивший с целью изучения хода реформы ряд губерний в 1911—1913 гг.¹⁹ Наряду с ростом кооперативов в предвоенное десятилетие наблюдалось и увеличение численности сословно-общественных крестьянских заведений мелкого кредита (мирских капиталов, вспомогательно-сберегательных касс, сельских банков и т.п.) — с 5045 до 5755, оборотный капитал их вырос за это время с 51,9 млн до 115 млн руб., число заемщиков — с 1,7 млн до 2,4 млн, причем размер вкладов увеличился в 3 раза, а общая сумма выданных ссуд — в 2,2 раза²⁰.

Важно отметить, что по мере реализации реформы нарастало недовольство ею со стороны помещичьих кругов и даже недавних соратников премьера. С энтузиазмом встретив заявление правительства о наступлении на общину, Всероссийский союз землевладельцев и Объединенное дворянство затем выступили против «прокрестьянской» линии нового курса аграрной политики правительства, обвиняя его, в частности, в пособничестве ускоренной распродаже дворянских имений. Выступивший на одном из съездов Объединенного дворянства В.И. Гурко, бывший товарищ Столыпина по Министерству внутренних дел и соавтор указа от 9 ноября 1906 г., обвинил премьера в извращении сути задуманных преобразований. В частности, он считал, что в результате форсированной реализации реформы, во-первых, искусственно усиливается процесс обезземеливания помещиков, земли которых скупаются Крестьянским банком, что ведет к исчезновению важного культурного слоя в сельской местности; во-вторых, ускоряется пролетаризация деревни и остановить этот процесс не могут ни переселения, ни перепродажа банком помещичьих земель крестьянам. По его мнению, для развития сельского хозяйства следует сосредоточить усилия на создании трех типов хозяйств — крупных культурных «рентных» имений, дающих заработки сельскому населению; зажиточных фермерских хозяйств, площадь которых должна составлять не менее 30—50 дес., и мелких трудовых крестьянских хозяйств. К тому же он считал, что решить аграрные проблемы нельзя без одновременного развития промышленности, чему Столыпин, по его мнению, не уделял должного внимания²¹. Действительно, все предпринимавшиеся меры не сняли проблему

нараставшего аграрного перенаселения, финансовая и агротехническая помощь правительства, особенно на фоне громадных ассигнований на реализацию военно-морских программ, составивших более 4,3 млрд руб., была явно недостаточна. Процесс землеустройства, особенно в части размежевания крестьянских и помещичьих земель, был далек от завершения, что сохраняло предпосылки для социальных конфликтов в деревне. И, наконец, охранительное ведомство во главе с самим Столыпиным со все большей подозрительностью относилось к кооперативному движению, всячески ограничивая его самостоятельность и тем вызывая политизацию его руководства²².

Все это в той или иной мере тормозило процесс преобразований российской деревни. Но самый тяжелый удар реформе нанесла разразившаяся мировая война. Мобилизации, оторвавшие от хозяйств самые трудоспособные мужские руки, многочисленные реквизиции лошадей, скота и другие трудности военного времени оживили прообщинные настроения в деревне, усиливалось недовольство властями, подогреваемое деятельностью леворадикальных сил. В результате событий 1917 г. община «взяла реванш», практически поглотив не успевшие укорениться хутора и отруба. Успех преобразований в конечном итоге, видимо, можно определить одним интегральным показателем — их необратимостью. Община же, по крайней мере в количественном отношении, не утратила своих позиций: если в 1905 г. в Европейской России насчитывалось около 135 тыс. общин, то в 1917 г. их было, в пределах современной территории России, не менее 110 тыс.²³

В результате сопротивления предпринимателей и охранительного ведомства, возглавляемого премьером, оказался свернут и весь комплекс законопроектов по рабочему вопросу. В ходе их обсуждения основной удар был направлен против проектов, предусматривавших свободу стачек, против рабочих организаций, особенно профсоюзов. Столыпин, ставший на путь компромиссов, сдал свои позиции довольно скоро. В своем выступлении перед III Думой 16 ноября 1907 г. из пунктов прежней программы он глухо упомянул лишь о разработке мер по страхованию рабочих и оказанию им врачебной помощи. Проекты, внесенные в Думу в начале 1908 г., затем надолго исчезли в бюрократической машине. В конце концов, они были приняты только после бурной вспышки протестов, последовавших после известного Ленского расстрела, и утверждены 23 июня 1912 г. Не был принят и законопроект о введении прогрессивного налога, вместо этого власти пошли на традиционное увеличение косвенного обложения.

Из успешных преобразовательных мер можно отметить реализацию культурно-образовательной программы, среди пунктов которой одним из важнейших было введение всеобщего начального образова-

ния. Проект закона разрабатывался Министерством народного просвещения еще с начала 900-х годов. Проблема низкого культурного и образовательного уровня народных масс, особенно деревни, была столь остра, что уже I Дума посчитала «своим долгом употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озабочиться выработкой закона о всеобщем обучении». Но и этот проект фактически поступил на обсуждение только весной 1909 г. Не дожидаясь его окончательного принятия, Совет министров своим постановлением от 13 июля 1907 г. отпустил для нужд народного образования около 2 млн руб. Затем Дума и Государственный Совет 8 мая 1908 г. приняли закон об ежегодном отпуске средств на эти цели, общая сумма которых к 1910 г. составила 35,9 млн. руб. В 1909 г. создан был специальный школьно-строительный фонд, из которого выдавался льготный кредит для сооружения школ. Уже к середине 1910 г. почти все земские управы заявили о своих претензиях на министерские пособия и более половины, получив их, приступили к введению всеобщего начального образования, срок осуществления которого рассчитан был на 10—25 лет. В ходе реализации министерского проекта, так и не ставшего законом, вскоре обнаружились острые разногласия между ведомством и земствами. Проект предусматривал подчинение начальных школ училищным советам, во главе которых оставались предводители дворянства, хотя почти все земства высказывались за выборность этого поста. Министерство отказалось и от провозглашенного в правительственной декларации принципа единства школы, оставив церковно-приходские училища в ведении Синода. Долгие годы дебатировался и вопрос о преподавании в школах на родном языке, что весьма важно было для национальных регионов.

Однако все компромиссы, столь характерные для попыток кабинета и его главы реализовать программу преобразований, уже не могли спасти Столыпина. Отставка его была предрешена. К тому же стало сдавать здоровье. «Пять лет тяжелого труда подорвали его здоровье, и под цветущей, казалось, внешностью он в физическом отношении был уже почти развалиной, — вспоминал Крыжановский. — Ослабление сердца и Брайтова болезнь, быстро развиваясь, делали свое губительное дело, и если не дни, то годы его были сочтены. Он тщательно скрывал свое состояние от семьи, но сам не сомневался в близости конца. Наконец, в политике своей Столыпин зашел в тупик и в последнее время стал выдыхаться»²⁴. Доведенный до крайности позицией помещного дворянства премьер в январе 1911 г., в ходе частной беседы, по свидетельству присутствовавшего при этом пензенского вице-губернатора А.В. Цеклинского, весьма критически отозвался о крестьянской реформе 1861 г. и всей последующей поли-

тике по ее реализации. Заметив, что «земля, сосредоточенная в руках помещиков-тунеядцев, эксплуатирующих крестьян-арендаторов» является «крупным козырем в руках социалистов для подкапывания под государственность», он даже высказался за возможность принудительного отчуждения помещичьей земли. «Что меня ждет в последнем случае... — передает слова Столыпина участник беседы. — Политическая эмиграция за границей за земельную реформу назвала меня революционером»²⁵. Однако премьер еще не сдавался. В мае 1911 г. он, по свидетельству своего сотрудника А.В. Зенковского, диктовал обширную записку по реорганизации центральных исполнительных структур, по-видимому, веря в преобразующую силу бюрократии. Однако 1 сентября того же года в Киеве во время торжеств по поводу открытия памятника Александру II, в оперном театре, в присутствии самого императора, он был смертельно ранен провокатором Д.Г. Богровым и 5 сентября скончался. Был ли его убийца революционером или агентом охранки, о чем до сих пор спорят историки, не столь важно. Как бы то ни было, в данном случае Столыпин пал жертвой собственной системы полицейского сыска, провокаций и репрессий, использовавшейся им для борьбы с революцией.

* * *

Итак, правительственная программа Столыпина в самых основных своих положениях фактически осталась невыполненной — не хватило ни времени, ни средств, ни политической воли и мудрости правящих кругов, ни поддержки общества. Реализация ее — своевременная, разумная, без административного нажима — вполне возможно могла бы снять проблему революции. Россия после финансово-экономического кризиса начала 900-х годов и последовавшей затем длительной депрессии, после разрушительных последствий событий 1905—1907 гг., казалось, могла выйти на путь экономического оздоровления. Однако эволюционный путь развития страны в значительной мере зависит не только от объективных обстоятельств, но и от субъективного предрасположения к реформам правящих кругов, их готовности отказаться от старого и стать на путь преобразований, а также от степени готовности общества принять нововведения.

В современной историографии утвердилось мнение, что российское самодержавие в свое время сыграло важную роль в становлении и укреплении государственности, в экономическом развитии страны, в процессе ее модернизации. Однако существуют расхождения в определении роли этого фактора на рубеже XIX—XX вв. Ссылаясь на фигуры виднейших реформаторов (Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин), призванных именно верховной

властью, некоторые из историков придерживаются мнения, что традиционная форма правления, к тому же несколько подновленная, еще не исчерпала своей эффективности. Но большинство историков все же склонны считать, что преобразовательный потенциал самодержавно-монархической формы правления в условиях усложнения социально-экономической, политической и культурной жизни страны себя исчерпал. Действительно, те же примеры с реформаторами свидетельствуют, что в своей деятельности они были весьма жестко ограничены и вынуждены были покинуть свои посты, не реализовав в сколько-нибудь полном виде свои программы. Именно по этой причине ряд важнейших, судьбоносных для страны реформ катастрофически запоздал. В частности, на рубеже 70—80-х годов XIX в. Россия «проскочила», может быть, один из важнейших в своей истории поворотов, когда было возможно ввести в управлении на высшем уровне, хотя и в весьма ограниченном виде представительские начала, перейти, с окончанием срока временнообязанного состояния крестьян, к постепенной ликвидации общины. Это были как раз те 20—25 лет, когда можно было снять или ослабить те «неустройства», приведшие, как считал сам Столыпин, к революции, и которые могли бы дать тот запас времени, которого ему не хватило.

Процесс формирования правового государства и гражданского общества в России протекал медленно и весьма сложно; сделав заметный сдвиг в результате «великих» реформ 60—70 годов, затем на десятилетия фактически замер, и лишь революционный кризис вновь подтолкнул его. Предложенные кабинетами С.Ю. Витте и П.А. Столыпина программы предусматривали дальнейшее эволюционное развитие страны, в том числе и меры по насаждению и развитию элементов гражданского общества. Составной частью последних было укрепление института частной собственности, формирование на этой основе рыночной экономики и переход от традиционного сословного к буржуазному бессословному обществу, постепенное уравнивание всех «верноподданных» в гражданских и политических правах и превращение их в граждан, сотрудничество с законодательным народным представительством, общественными организациями и политическими партиями, расширение географии и компетенции местного самоуправления и т.д. Казалось, были созданы или находились в процессе формирования основные институты, позволявшие установить взаимодействие власти и общества. Вместе с тем, создававшуюся систему нельзя еще назвать функционирующим гражданским обществом. Провозглашенные права и свободы граждан оставались декларативными. Власть продолжала с подозрением относиться к Думе, хотя она фактически так и не

воспользовалась правом законодательной инициативы. Более того, в канун войны, в связи с очередным витком роста социальной напряженности, правящие круги вновь вынашивали планы роспуска народного представительства. Наметилось, правда, сотрудничество властей, в основном в хозяйственно-экономической сфере, с земским и городским самоуправлением. Но в замыслах П.А. Столыпина было установление над ним жесткого административного контроля. Политические партии и организации продолжали существовать в рамках «Временных правил об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. В 1908 г. был разогнан Первый Всероссийский кооперативный съезд, высказавшийся за принятие общекрестьянского закона, была запрещена кадетская партия. К 1910 г. из 652 профсоюзных объединений, возникших в годы революции, 457 были ликвидированы. Значительная часть губерний продолжала находиться на положении военной или чрезвычайной охраны со всеми вытекающими из этого последствиями.

«Ген самодержавности», определявший природу верховной власти, стал важнейшей из причин нарастающей инертности государственных структур в управлении страной, наиболее отчетливо проявившейся во взаимоотношениях Николая II и народного представительства. Не спадавшая социально-политическая напряженность усугублялась состоянием российского общества. Сословный эгоизм и консерватизм дворянства, социально-политическая недалекость буржуазии и недостаточно высокий общий культурный и политический уровень развития основной массы населения слились в мощный депрессивный фактор, тормозивший буржуазную модернизацию страны. О неготовности к преобразованиям российского общества, особенно широких народных масс, в правящих верхах говорилось едва ли не 200 лет тому назад, такие утверждения в ходу и сейчас. Но дело ведь не только в недостаточно высоком уровне просвещения и культуры, сравнительно низком материальном обеспечении основной массы населения. Политическую зрелость общество приобретает только в процессе политической практики и по мере вовлеченности в нее, а это входило в противоречие с традиционной ставкой власти на всемерное подавление любой общественной самостоятельности. Ситуация не изменилась и в послереволюционные годы. Наиболее политически дальновидные лидеры Совета съездов представителей промышленности и торговли на проходившем в 1910 г. форуме отмечали, что «в XX столетие Россия входит с непомерно выросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым земледелием и с умерщвленной самостоятельностью широких народных масс»²⁶. Столыпин, ограниченный жесткими рамками

существующей системы, в процессе реализации своей программы, предусматривавшей, наряду со строительством «властной вертикали», и насаждение элементов демократии, принужден был или свернуть, или отложить на неопределенное будущее ее политическую часть, сделав ставку на социально-экономические преобразования, не требовавшие особой гражданской активности населения.

Опыт разработки и реализации столыпинских реформ показывает, что самодержавие, даже попадая в кризисную ситуацию, постоянно запаздывало с реформами, а решившись на них, всегда готово было от них отказаться. Каждый шаг вперед был, как правило, вынужденным, делался под давлением чрезвычайных обстоятельств и имел целью прежде всего стабилизацию политического режима. Правительство долгое время не имело стратегической линии в модернизации страны, предпринимавшиеся отдельные меры носили, образно говоря, тактический характер, были непоследовательны, а то и прямо противоречили друг другу. В частности, эволюционное развитие деревни после 1861 г. было заторможено и деформировано аграрной политикой правительства. В результате было потеряно несколько десятилетий, которых, например, хватило Пруссии, на опыт которой во многом ориентировался премьер, чтобы землеустроить крестьян и придать капиталистический импульс развитию сельского хозяйства. Все основные проекты, составлявшие столыпинскую программу, отражали давно назревшие потребности развития российского общества, большая часть их десятилетиями разрабатывалась в недрах ведомств. Тем временем на старые проблемы наслаивались новые, крайне затрудняя их решение и нагнетая ситуацию в стране. В этих условиях структурные и системные преобразования приобретали характер революции «сверху», обостряя противоречия в и без того социально расколотом и политически поляризованном обществе.

Все это тормозило столыпинские попытки преобразований, суживало возможности для маневра правительства, усиливало бюрократический характер методов осуществления реформ. В актив премьера можно отнести создание условий для реформаторской деятельности властей; начало реализации аграрных преобразований, которые даже в незавершенном виде дали ценнейший материал для решения аграрного вопроса в условиях рыночной экономики; разработку страхового законодательства для рабочих; введение всеобщего начального образования; некоторую либерализацию религиозных норм. В его взглядах и государственной деятельности причудливо переплетались самодержавно-монархические и либерально-консервативные убеждения, стремление модернизировать российские экономические и социально-политические структуры, попытки придать им европейский бур-

жуазно-конституционный облик и в то же время сохранить властные prerogatives монарха. Последнее обуславливалось не только давлением оппозиции и справа, и слева, но и тем обстоятельством, что сам он был продуктом традиционной государственно-политической системы. Этим отчасти объясняется его склонность к внедрению преобразований незаконными, чрезвычайными методами, его стремление не просто перехватить инициативу у представительных учреждений, но и ограничить их компетенцию. В условиях послереволюционного российского общества, крайне политизированного, ждавшего или немедленного законодательного закрепления вырванных у режима уступок или отказа от них, это оказалось ошибкой, вызвавшей нарастание новой волны недовольства. Манифестом 17 октября 1905 г. было обещано много больше того, на что власть потом смогла пойти. Столыпин оказался в положении «между молотом и наковальней». Постепенно недовольство становилось всеобщим, и премьер, в конце концов, оказался в изоляции. Ему так и не удалось создать для реализации своих планов массовую социальную опору, опереться на сильную проправительственную партию. Постепенно он терял и расположение монарха, который, как и в случае с Витте, начал опасаться, что премьер «заслоняет» его фигуру. Немалую роль в охлаждении их отношений сыграло отношение Столыпина к «старцу», Григорию Распутину, которого по его указанию выслали из Петербурга. Премьер, добиваясь своих целей, нередко ставил монарха перед выбором, дважды подавая прошение об отставке. Царь ее не принял, но недовольство напористостью сановника росло. Весной 1911 г., после «министерского кризиса» состоялась беседа с императором, и уже сам Столыпин, видимо, начал разочаровываться в Николае II, который, как он отмечал, «верит мистицизму, слушает предсказания, думает опереться на правых». В заключение премьер, судя по его собственноручной записи о ходе беседы, провидчески предупредил царя, что «за пять лет изучил революцию» и знает, «что она теперь разбита, и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться...», и что дальнейшее «зависит от этих пяти лет»²⁷. Утратив поддержку монарха, Столыпин очутился в политическом «вакууме», отторгнутый режимом, сохранению и частичному обновлению которого посвятил свою жизнь. За отпущенное историей время переходная постреволюционная политическая система оказалась не способна что-либо предпринять для своего самосохранения.

¹ Литература, посвященная личности и деятельности П.А. Столыпина, к настоящему времени насчитывает более тысячи наименований. Эту «стольпиниану» составляют и серьезные исследовательские монографии, и документальные пуб-

ликации, и мемуары, и публицистика, написанная на злобу дня. Среди серьезных исследований на эту тему можно назвать работы: *Аврех, А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. — М., 1991; *Анфимов, А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. — М., 2002; *Дякин, В.С.* Был ли шанс у Столыпина? — СПб., 2002; *Зырянов, П.Н.* Крестьянская община европейской России, 1907—1914 гг. — М., 1992; *Его же.* Петр Столыпин. Политический портрет. — М., 1992; *Кабытов, П.С.* П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. — М., 2007; *Разгон, В.Н., Храмов, А.А., Пожарская, К.А.* Столыпинская аграрная реформа и Алтай. — Барнаул, 2010; *Тюкавкин, В.Г.* Великокорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. — М., 2001; *Пожигайло, П.А., Шелохаев, В.В.* Петр Аркадьевич Столыпин: интеллект и воля. — М., 2005; *Ascher, A. P.A.* Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. — Stanford, California, 2001; *Маузузато, К.* Столыпинская реформа и русский агротехнологический переворот // Acta Slavica Iaponica. — 1992. — № 10. — Р. 33—42; *Macey, D.A.J.* Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms // New Perspectives in Modern Russian History. — London, 1992. — Р. 133—173; *Мэйси, Д.* Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская, XIX — начало XX века. — М., 2004. — С. 251—275; и др.

² См.: *Кабытов, П.С.* П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. — С. 127, 128.

³ *Ascher, A. P.A.* Stolypin. The Search for Stability ... — Р. 85, 86.

⁴ *Крыжановский, С.Е.* Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего гос. секретаря Российской империи. — [Берлин]: Петрополис, [1938]. — С. 214, 215.

⁵ *Дякин, В.С.* Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дюктябрьский период. — Л., 1972. — С. 253, 254.

⁶ *Столыпин, П.А.* Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906—1911 гг. — М., 1991. — С. 105.

⁷ Там же. — С. 179.

⁸ Там же. — С. 74.

⁹ Там же. — С. 63, 64.

¹⁰ Там же. — С. 63, 102, 106—107.

¹¹ *Крыжановский, С.Е.* Воспоминания. — С. 115.

¹² *Тхоржевский, И.И.* Последний Петербург: воспоминания камергера. — СПб., 1999. — С. 158.

¹³ Из отчета о перлюстрации деп. полиции за 1908 г. // Красный архив. — 1928. — № 2. — С. 141, 142, 144, 145, 148.

¹⁴ См.: *Корелин, А.П.* Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. — М., 2002. — С. 274—282.

¹⁵ Россия. Департамент гос. земельных имуществ. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 года. — Пг., 1916. — С. 2, 3; Статистический ежегодник России. Г. 12. — Пг., 1916. — 1915 г. — Отд. 1. — С. 1.

¹⁶ *Тюкавкин, В.Г.* Великокорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. — С. 193—211.

¹⁷ Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 59, 60.

¹⁸ См.: *Ефременко, А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; *Маузузато, К.* Столыпинская реформа и русский агротехнологический переворот.

- ¹⁹ *Аухаген, Г.* Критика русской земельной реформы. — [Пг.], 1914. — С. 21.
- ²⁰ *Корелин, А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. — М., 1988. — С. 121—123.
- ²¹ *Гурко, В.И.* Наше народное и государственное хозяйство и меры, могущие содействовать нашему экономическому преуспеваю: [доклад, представленный V Съезду уполномоченных объединенных дворянских обществ, февр. 1909 г.]. — СПб., 1909. — С. 79.
- ²² *Корелин, А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860—1917 гг. — М., 2009. — С. 135—171.
- ²³ *Данилов, В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М., 1977. — С. 97.
- ²⁴ *Крыжановский, С.Е.* Воспоминания — С. 212—214.
- ²⁵ П.А. Столыпин глазами современников. — М., 2008. — С. 48, 49.
- ²⁶ Цит. по: Россия в условиях трансформации. — М., 2002. — Вып. 25. — С. 54.
- ²⁷ П.А. Столыпин. Грани таланта политика: [сб. док. и материалов]. — М., 2006. — С. 491, 492.

70-ЛЕТИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Г.А. Куманев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (К 70-летию выдающейся победы на Волге)

В статье проводится анализ обоих периодов (оборонительного и наступательного) Сталинградской битвы, а также трагических событий весны — лета 1942 г., ставших причиной немецко-фашистских войск к Волге. Особое внимание уделяется реакции мировой общественности на выдающуюся победу советского народа в Сталинградской битве. Статья содержит фрагменты выступлений первых лиц союзных государств, деятелей искусства, дневниковые записи немецких офицеров, выдержки из директив, докладов и прочих документов. Автор использует архивные материалы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сталинградская битва; советские войска; немецко-фашистские войка; Г.К. Жуков; Ф. Паулюс; И. Сталин; А. Гитлер.

G.A. Kumanev

SOME RESULTS, CONSEQUENCES AND LESSONS OF THE BATTLE OF STALINGRAD (To the 70 anniversary of the outstanding victory on Volga)

In article is devoted to the analysis of both periods (defensive and offensive) of the Battle of Stalingrad, and also tragic events of spring — summer of 1942, which were the reason of the successful advance of fascist armies to Volga. The special attention is paid to reaction of world community to an outstanding victory of the Soviet people in the Battle of Stalingrad. Article contains fragments of speeches of the top officials of Union States, art workers, diary records of the German officers, endurance from directives, reports and other documents. The author uses archival materials.

Keywords: Great Patriotic War; Battle of Stalingrad; Soviet armies; fascist armies; G.K. Zhukov; F. Paulyus; I. Stalin; A. Hitler.

Выкованная советским народом выдающаяся победа на берегах Волги положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны.

Сталинградская битва завершилась полным триумфом советского военного искусства и знаменовала собой сокрушительный провал военной доктрины немецко-фашистской армии — самой мощной и агрессивной армии зарубежного мира.

В многовековой истории нашего великого, многонационального Отечества, хотя и редко, но бывали времена отчаяния, потрясений и даже жестоких поражений. Но, пожалуй, не считая второй половины сорок первого года, никогда не было ничего подобного тому страшному периоду лета и осени сорок второго года, когда не только некоторым нашим соотечественникам, но и многим зарубежным друзьям казалось, что конец великого Российского государства близок и неизбежен, что полчища кровавой фашистской империи никому уже не остановить и гибель всего цивилизованного мира вместе с Советским Союзом предопределена... Даже веры в какое-то библейское спасение почти не оставалось. Но чудо все-таки произошло. И главным творцом этого чуда явился героический советский воин от солдата до маршала. Отступив в силу многих причин на сотни километров от своих западных приграничных рубежей, он хорошо понял, что Сталинград — это его последний рубеж. А поняв это, мобилизовал всю свою волю, знания, мужество, стойкость, жертвуя на алтарь Отечества, свое самое дорогое — жизнь. Своим могучим победным оружием, которое вручили ему доблестные труженики тыла, защитники Сталинграда испепелили лучшие танковые дивизии обнаглевшего врага.

За ходом Сталинградского сражения, где решалась судьба всей мировой цивилизации, с напряженным вниманием, буквально, по словам У. Черчилля, «затаив дыхание», следили миллионы людей на всех континентах земли. Надежды всего цивилизованного мира оправдались. На берегах Волги армии фашистского блока понесли сокрушительное поражение.

Общие потери противника только за время наступления советских войск с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. на сталинградском направлении составили свыше 800 тыс. человек, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, до 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. Гитлеровский вермахт полностью лишился 32 дивизий и 3 бригад, а 16 других дивизий потеряли от 50% до 75% личного состава.

Всего же за период гигантской битвы под Сталинградом, длившейся 200 дней и ночей, немецко-фашистские армии потеряли около 1,5 млн. солдат и офицеров — четвертую часть всех войск Третьего рейха, действовавших тогда на советско-германском фронте. За время проведения операции «Уран» сокрушительному удару подверглись 4-я немецкая танковая, 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская армии и несколько оперативных групп, а 6-я немецкая полевая армия вообще прекратила свое существование. Это был невиданный разгром ударных сил агрессивного фашистского блока, не имевший аналогов в мировой военной истории и создавший условия для раз-

вертывания общего наступления Красной Армии, массового изгнания гитлеровских оккупантов с захваченных ими территорий.

Количество пленных, взятых советскими войсками за период битвы, по данным учета Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, превысило 154 тыс. человек.

После ликвидации окруженной группировки на поле сражений было подобрано и похоронено 147 200 трупов. Советские войска пленили в «котле» свыше 91 тыс. человек, в том числе более 2,5 тыс. офицеров и 24 генерала во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом. Среди пленных оказалось немало раненых, больных и обмороженных. И советские врачи самоотверженно боролись за их жизнь. Позднее Паулюс по этому поводу заметит: «Врачи и командование Красной Армии делали все, что было в человеческих возможностях, чтобы сохранить жизнь пленных». Это отметил в своих воспоминаниях и командир 295-й немецкой пехотной дивизии генерал О. Корфес, который писал, что в борьбе за спасение немецких военнопленных умерли от инфекционных болезней 2 советских доктора и 14 медицинских сестер.

Выдающийся подвиг героев Сталинграда высоко оценило Советское государство. Сорока четырем соединениям и частям, особо отличившимся в битве на Волге, были присвоены почетные наименования Сталинградских, Абганеровских, Донских, Басаргинских, Воропоновских, Зимовниковских, Кантемировских, Котельниковских, Среднедонских, Тацинских. 183 части, соединения и объединения были преобразованы в гвардейские (среди них 6 общевойсковых армий: 21-я, 24-я, 62-я, 63-я, 64-я и 66-я, а также 9 отдельных корпусов и 35 стрелковых дивизий). 55 соединений и частей были награждены орденами. Десятки тысяч бойцов и командиров удостоились государственных наград. 126 наиболее отличившихся воинов стали тогда Героями Советского Союза. В послевоенные годы за подвиги, совершенные в период Сталинградской битвы, дополнительно звание Героя Советского Союза было присвоено шести воинам (из них пяти — посмертно) и звание Героя Российской Федерации — четырем воинам (всем посмертно).

Говоря о значении победы под Сталинградом, следует особо подчеркнуть тот факт, что в битве на Волге проявились новые черты стратегического, оперативного и тактического искусства советских войск. С наибольшей силой его неоспоримые преимущества сказались при осуществлении контрнаступления — первого в истории войны по своему масштабу и результатам. Оно обогатилось и классическим опытом полного окружения и уничтожения крупных сил противника, а также умелого накапливания и использования стратегических и оперативных резервов. Кроме того, с самого начала проведения стратегического

контрнаступления по окружению, а затем и ликвидации 6-й немецкой армии советское командование продемонстрировало возросшее искусство массирования сил и средств на направлении главного удара.

Необходимо отметить и такие важные моменты.

Во-первых, решение немедленно приступить к разработке плана контрнаступления было принято в Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) 13 сентября 1942 г. На подготовку такой огромной по масштабам операции ушло менее двух месяцев.

Во-вторых, соотношение сил Красной Армии и противника (по личному составу 1,1: 1, по боевым самолетам 1,1: 1, орудиям и минометам 1,5: 1, по танкам и штурмовым орудиям 2,2: 1) не отвечало «классическим» нормативам для нанесения глубокого удара и последующих наступательных действий. При таком соотношении сил лишь высокий уровень искусства советских войск мог обеспечить успех грандиозной военной акции по окружению крупной вражеской группировки.

В-третьих, при самом проведении контрнаступления решающую роль играл фактор времени. Окружение 6-й полевой и 4-й танковой армий противника планировалось осуществить в течение трех суток, до похода тех сил, которые Гитлер мог перебросить сюда с других участков фронта. Ведение боевых действий в высоких темпах и в сжатые сроки — характерная черта операции.

В-четвертых, неблагоприятная метеорологическая обстановка накануне и в начале наступления (исключавшая действия авиации и поддержку войск с воздуха) не повлекла за собой отмены оперативных планов.

В-пятых, после создания гитлеровской ставкой группы армий «Дон» во главе с Манштейном для деблокады армии Паулюса (когда у противника на отдельных участках превосходство по танкам стало шестикратным, а по пехоте и артиллерии — двукратным), советское командование сумело сразу же внести коррективы в первоначальные планы, перегруппировать силы и сорвать опасный контрудар. Попытки немецко-фашистского руководства организовать «воздушный мост» для снабжения окруженной группировки закончились потерей для него 1100 боевых и транспортных самолетов.

Как отмечал в своих мемуарах Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, Ставка ВГК и Генштаб на этот раз «оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершения».

Нам представляется, что эти и другие уроки воинского искусства при решении крупнейшей стратегической задачи Второй мировой войны были весьма поучительными в сравнении с действиями на других театрах войны.

* * *

Среди многих факторов, ставших фундаментальной основой выдающейся победы Красной Армии под Сталинградом, следует особо сказать о духовном факторе, который во многом обеспечил перелом в войне, а затем и сокрушительный разгром армий фашистского блока. Ведь Великая Отечественная война чрезвычайно рельефно обнажила сложное многообразие чувств и верований, взглядов и убеждений, которые отличают нравственные устои патриота.

В целом высокий моральный дух защитников волжской твердыни, поднявшийся в каждом солдате после крупных неудач, поражений и отступлений, не образовался сам собой, а принял вполне осознанный характер. Воин Сталинграда в результате огромной партийно-политической, воспитательной и патриотической работы хорошо понял, что любимая Родина оказалась в страшной беде и город на Волге — это его рубеж уже на краю пропасти. Известный русский философ И. Ильин в свое время справедливо подчеркивал, что «патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле что-то священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного — узнала его в святынях своего народа».

С началом фашистской агрессии и до конца борьбы с нацистскими полчищами свое глубоко призывное, патриотическое слово сказал Русская Православная Церковь (РПЦ).

Словом, в тяжелейшие годы военного лихолетья, включая и период Сталинградского сражения, Русская Православная Церковь (как и другие конфессии страны), сыграла важную роль в том, чтобы подчинить материальную и духовную жизнь общества выполнению главной задачи — не только остановить врага, но и обеспечить полный, сокрушительный разгром немецко-фашистских захватчиков.

В докладе на поместном соборе Русской Православной Церкви «О патриотической деятельности церкви за период войны» (1945) Предстоятель РПЦ митрополит Алексей I с удовлетворением отмечал:

«Патриотическая деятельность церкви выразилась и выражается не в одних вещественных жертвах. Это, быть может, самая малая доля в общем деле помощи, какую оказывала и оказывает церковь в годину военного испытания. Забота о нашей несравненной, доблестной, великой Красной Армии проявляется главнейшим образом в непрестающей молитве не только отдельных лиц, но и церкви в целом о даровании нашим защитникам от Господа сил и Победы над врагом».

* * *

В результате Сталинградской победы Вооруженные Силы СССР вырвали у врага стратегическую инициативу и в целом удерживали ее до конца войны. Эта выдающаяся победа Красной Армии высоко подняла международный авторитет Советского Союза и существенно поколебала внешнеполитические позиции фашистского рейха. В изменившейся обстановке милитаристская Япония была вынуждена окончательно отказаться от плана агрессии против СССР. Решила воздержаться от вступления в войну против Советского Союза и Турция, занимавшая прогерманскую позицию.

В ставке Гитлера его сподручные несколько дней ломали головы, как преподнести немецкому народу и населению стран-сателлитов известие о сталинградской катастрофе и капитуляции 6-й немецкой армии. И вот, наконец, Верховное командование (ОКВ) опубликовало следующее специальное коммюнике:

«Сталинградское сражение завершилось. Верные своей клятве сражаться до последнего вздоха, войска 6-й армии под образцовым командованием фельдмаршала Паулюса были побеждены превосходящими силами противника и неблагоприятными для наших войск обстоятельствами».

Чтению этого коммюнике по немецкому радио предшествовала приглушенная барабанная дробь и вторая часть 5-й симфонии Бетховена. Гитлер объявил по всей стране трехдневный национальный траур. На это время были закрыты все театры, кино, варьете, прекращены различные зрелищные и увеселительные мероприятия. В ходе и после Сталинградской катастрофы фашистский диктатор снял со своих постов 188 генералов, в том числе начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера.

Погребальный колокольный звон общегерманского траура отрезвляюще подействовал на умы многих людей, одурманенных нацистской пропагандой. «Последние несколько недель, — записал тогда в своем дневнике один из фашистских дипломатов У. Хассель, — характеризуются самым серьезным кризисом, какой мы еще не испытывали в войне. Этот кризис, к сожалению, поразил не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом — “Сталинград”».

Примерно в том же духе оценили после войны последствия поражения немецко-фашистских войск многие генералы и офицеры гитлеровского вермахта.

По мнению генерал-лейтенанта З. Вестфалья, «поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его ар-

мию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

Другой немецкий генерал Э. Буглар с большим огорчением заметил, что «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительным отрицательно повлиять на весь ход войны...».

Приведем оценку еще одного прозревшего гитлеровского военачальника — генерала Г. Дёрра — непосредственного участника сражений на Волге. «Для Германии, — писал он, — битва под Сталинградом была тяжчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав».

В те дни всеобщего подъема и ликования, когда весь прогрессивный мир узнал о сокрушительном поражении гитлеровских войск под Сталинградом, многие государственные и политические деятели высоко оценили эту выдающуюся победу Советских Вооруженных Сил.

5 февраля 1943 г. президент США Ф. Рузвельт писал Сталину:

«В качестве Главнокомандующего Вооруженными Силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим Верховным командованием... Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживают их, работая на заводах и полях, объединились не только для того чтобы покрыть славою оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером взывать среди всех Объединенных наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага».

Позднее Ф. Рузвельт прислал Сталинграду грамоту, в которой подчеркивал «восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады... будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа, — указывал американский президент, — остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

В телеграмме короля Великобритании Георга VI на имя М.И. Калинина 21 февраля 1943 г. говорилось, что «...упорное сопротивление Сталинграда повернуло события и послужило предвестником сокрушительных ударов, которые посеяли смятение среди врагов цивилизации и свободы. Для того чтобы отметить глубокое восхищение,

испытываемое мной и народами Британской империи, я отдал приказ об изготовлении Почетного меча, который я буду иметь удовольствием преподнести городу Сталинграду...».

Находясь под впечатлением разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, генерал Д. Макартнер — командующий союзными силами в юго-западной части Тихого океана — дал такую оценку нашим войскам:

«Красная Армия воплощает в себе то, что волнует, что движет всеми воинами: храбрость, готовность отдать жизнь за Родину, стойкость в испытаниях и тот неугасимый огонь решимости, который разгорается ярче и ярче, когда человек попадает казалось бы, в безысходное положение. Это — основополагающие военные достоинства, которые составляют величие и порождают бессмертие».

В приветствии к 25-й годовщине Красной Армии в феврале 1943 г. большой друг Советского Союза великий актер и прекрасный композитор Чарли Чаплин написал такие проникновенные слова:

«Красная Армия и Сталинград — эти слова прозвучали по всему миру, они отдадутся эхом через всю историю человечества. Эти слова навсегда наполнят сердца каждого русского человека гордостью и уверенностью. Эти слова являются доказательством того, что враг никогда больше не попытается напасть на вашу Родину, так как эти слова вселили ужас в сердца ваших врагов. Эти враги спрашивают, что это за волшебство, которым вы обладаете, не врожденные ли вы дьяволы? Но ответ один — ваш боевой дух, ваша непоколебимая вера и уверенность в будущем вашей великой державы стали символом надежды всех демократически настроенных людей, которые верят в братство, которые верят в великое будущее».

Россия, ты завоевала восхищение всего мира. Твои герои погибли даром. В грядущие мирные дни из слез и крови вашей вырастет будущая слава великого вашего государства, так как эта слава — результат этой же решимости и боевого духа, которые вы сейчас проявляете. Ничто не может остановить ваше наступление.

Русские, будущее — ваше».

Сталинградская победа всколыхнула народы Европы на активную борьбу против гитлеровских оккупантов. Она явилась прологом новых наступательных операций советских войск, которые привели к окончательной Победе над врагом.

Но, как известно, путь к долгожданной Победе не был усыпан розами и не являлся для воинов Красной Армии какой-то «легкой прогулкой». Недаром Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин в приказе № 95 по случаю дня рождения Красной Армии от 23 февраля 1943 г. предостерегал всех защитников Родины от иллюзий, что

с гитлеровской армией уже покончено. «Борьба с немецкими захватчиками еще не кончена, — говорилось в приказе, — она только раз-вертывается и разгорается».

Хотя в ходе Сталинградской битвы советские войска накопили большой положительный опыт, опираясь на который они могли более эффективно совершенствовать боевую выучку, организованность, повышать свое воинское мастерство, враг был еще достаточно силен. Он бешено сопротивлялся, добиваясь порой и некоторых, пусть частных и временных, но успехов.

Как справедливо отметил в своем предисловии к одной из моих книг прославленный полководец Великой Отечественной дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, среди свыше 1400 военных дней и ночей не было «ни одного “легкого” дня, даже самый последний день в войне с фашистской Германией был бесконечно опасным, безмерно трудным. Я помню этот день, — подчеркивал маршал, — он прошел на фронте, которым мне довелось командовать, под грохот орудий и треск автоматных очередей; в День Победы, когда во всей стране царило ликование, мы еще вели бои с прижатыми к морю недобитыми гитлеровцами».

Требовалось также от всех звеньев Советских Вооруженных Сил еще в ходе войны творчески и основательно изучать и учитывать не только факторы блистательных побед, но и все основные причины неудач и поражений, допущенные советскими войсками.

Именно поэтому необходимо вкратце остановиться и на некоторых поучительных уроках негативного характера, проявившихся в боевой деятельности Красной Армии и ее командования в период Сталинградской битвы.

1. Прежде всего следует подчеркнуть, что, как и летом 1941 г., Советское Верховное Главнокомандование допустило грубый просчет при планировании военных действий на лето 1942 г., неверно определив направление главного удара гитлеровских войск в предстоящей кампании, а также недооценив способность фашистского блока оперативно восстановить свои силы и переоценив состояние и возможности собственных сил.

На совместном заседании Ставки и ГКО 28 марта 1942 г. был рассмотрен, а затем утвержден план предстоящих действий Красной Армии на весну и лето 1942 г. Вместо перехода к стратегической обороне, что предлагали начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников и член Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков, фактически было принято «гибридное» решение: одновременно с переходом к активной обороне осуществить целую серию частных наступательных операций от Мурманска до Севастополя. Причем ряд этих операций (например, в

Крыму или широкомасштабную операцию на харьковском направлении) только с большой натяжкой можно было назвать «частными».

На поступившие возражения и сомнения Г.К. Жукова (его поддержали Б.М. Шапошников и заместитель председателя СНК СССР Н.А. Вознесенский), предлагавшего из-за скудности резервов и острой нехватки боеприпасов осуществить действительно частные наступательные действия и только в полосе Западного фронта, И.В. Сталин заявил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки, не ждать, пока немцы не нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера».

Отклоняя взвешенное, разумное предложение Жукова, Верховный Главнокомандующий все еще считал, что «немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой» и что «инициатива теперь в наших руках и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержат напор Красной Армии».

Итак, на указанном заседании в ГКО и Ставке, было принято решение, смысл которого заключался в формуле — обороняясь, наступать. Тем самым, писал позднее маршал Г.К. Жуков, «в этом решении был допущен чрезвычайно большой просчет Ставки». Его весьма отрицательные последствия не замедлили сказаться.

Крупным поражением, например, ознаменовалось уже в мае 1942 г. тоже «частное» наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов на харьковском направлении под командованием главных пропагандистов этой операции маршала С.К. Тимошенко и члена Военного совета Н.С. Хрущева. Причем, когда стало ясно, что наступавшие в районе Барвенково соединения Красной Армии оказались под угрозой окружения, Сталин не дал согласия на прекращение наступления. В результате значительная часть сил юго-западного направления попала в окружение, и многие воины не смогли вырваться из вражеского кольца, сражаясь до последнего патрона. Общие потери Юго-Западного и Южного фронтов составили около 230 тыс. человек, 775 танков, более 5 тыс. орудий и минометов и других видов вооружения.

Потерпели серьезные неудачи и другие «частные» операции Красной Армии в Крыму, под Харьковом, а также в Донбассе, под Воронежем, Ржевом, Ленинградом и в районе Демянска. Они привели только к распылению и без того скудных резервов, и противник начал быстрое продвижение к Волге и в направлении Кавказа. Начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Ф. Гальдер с удовлетворением записал в своем дневнике: «Инициатива повсюду начинает переходить в наши руки».

2. Роковую роль сыграло неверное определение Ставкой и прежде всего ее председателем, главного направления нового наступления армий фашистского блока в весенне-летней кампании 1942 г. Таким главным направлением, куда будут нацелены основные силы врага, Сталин считал Москву, московское направление. Ведь не случайно в 150 км от советской столицы находилась самая мощная группировка вермахта в составе 70 отборных дивизий.

Между тем еще 18 февраля 1942 г. органы советской разведки сообщили в Генеральный штаб, что «Германия готовится к решительному наступлению на Восточном фронте, которое развернется *вначале на южном секторе* (курсив наш. — Г.К.) и распространится в последующем к северу...».

Об этом же спустя немногим более одного месяца органы госбезопасности доложили в ГКО: «*Главный удар будет нанесен на южном участке* (курсив наш. — Г.К.) с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и Северному Кавказу, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти».

Однако Сталин упрямо проигнорировал эти важные сообщения разведки, считая, что нахождение на центральном участке советско-германского фронта такой сильной группировки убедительно свидетельствует, откуда и в каком направлении будет нанесен главный удар противника в предстоящей военной кампании.

Именно поэтому, вновь ожидая на московском направлении новый вражеский удар, он приказал в максимальной степени сконцентрировать наличные войска и резервы, прикрывающие столицу. Причем это было сделано и за счет юго-западного фланга советско-германского фронта. Этот фланг, как показали события лета 1942 г., оказался весьма оголенным и уязвимым местом советской обороны.

Получив информацию, что советское командование всемерно усиливает стратегическими резервами оборону вокруг Москвы, гитлеровской группой армии «Центр» и Отделом иностранных армий Востока генштаба сухопутных войск была спланирована и довольно успешно осуществлена серия дезинформационных мероприятий под кодовым названием «Кремль». Во всяком случае даже в начале ноября 1942 г. Сталин почему-то продолжал упорно верить в некоторые источники, содержавшие утверждения, что главная цель Гитлера — обойти центр СССР с востока, отвлечь таким образом советские резервы и овладеть Москвой.

Содержание одной из таких фальшивок в виде карты попавшего в плен немецкого офицера генштаба Председатель ГКО счел необходимым даже включить в свой доклад 6 ноября 1942 г., посвященный 25-й годовщине Великого Октября. По словам докладчика,

«этот документ полностью подтверждает наши данные о том, что главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве...» (курсив наш. — Г.К.).

Возможно причина такого настойчивого заявления докладчика состояла в том, чтобы снять с себя большую ответственность перед народом за очередной серьезный промах — на этот раз в оценке главного направления наступления и главного удара немецко-фашистского вермахта в летней кампании 1942 г., что привело Советский Союз в вооруженной борьбе к краю пропасти, к новым огромным жертвам и поражениям.

3. В отечественной историографии Сталинградской битвы авторы многих работ при освещении неудач и поражений Красной Армии, особенно в оборонительный период, обычно объясняют их причины превосходством (или даже подавляющим превосходством) немецко-фашистских войск в живой силе и технике.

Невольно складывается впечатление, что у гитлеровской Германии даже после катастрофы в Московской битве имелись какие-то неисчерпаемые людские и материальные ресурсы. Между тем в большинстве случаев это превосходство противника было связано с тем, что германское командование обладало умением оперативно массировать свои силы и средства, особенно танки и авиацию на направлении главного удара за счет ослабления второстепенных направлений и участков, добиваясь в итоге двух—трех- и болеекратно превосходства над войсками Красной Армии.

Такого умения как раз тогда не хватало некоторым представителям высшего звена советского командования, которые к тому же нередко предпочитали не заниматься массированием своих сил, а поспешно посылать в бой неподготовленные, недостаточно обученные и неорганизованные войска из резерва и прибывшего пополнения, без тщательной разведки вражеских позиций и даже без артиллерийской и авиационной поддержки.

Примером подобных непрофессиональных действий могут служить меры, предпринятые к 5 июля 1942 г. командующим Брянским фронтом генералом Ф.И. Голиковым, по разработке очередной наступательной операции совместно с войсками Западного фронта. Дело в том, что по его инициативе, одобренной Верховным, к указанной дате стала готовиться операция по освобождению Орла. К трем часам утра 28 июня план был уже готов. Однако утренний полет советского самолета-разведчика принес ошеломляющие новости: на стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта обнаружена громадная концентрация немецких войск! Ровно в 10 часов утра противник открыл мощный артиллерийский огонь и нанес авиационные воздушные удары, при-

ступив к осуществлению операции «Блау». К середине того же дня положение войск Брянского фронта было незавидным: они находились на пути главного удара вермахта. Оказалось, что в прорыве на линии этого фронта участвовало не менее десяти германских дивизий, из них две или три — танковые. Между тем комфронта Голиков вместо концентрации всех имеющихся у него танковых корпусов в единый стальной кулак разбросал их по всей округе...

В ночь на 30 июня с генералом Голиковым связался по телефону Сталин и приказал ему нанести контрудар танковыми корпусами во фланг прорвавшимся на восток вражеским войскам. Причем он потребовал направить танки навстречу наступающим немецким войскам.

Сталин сказал Голикову:

«Запомните хорошенько. У Вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника нет и 500 танков.

Это первое, и второе: в полосе действия трех танковых дивизий противника у Вас собралось более 500 танков, а у противника 300—350 танков, самое большее.

Все зависит теперь от Вашего умения использовать эти силы и управлять ими по-человечески. Поняли?»

Понять-то Филипп Иванович наверное, что-то и понял, но что кардинального он мог сделать, когда уже «наломал столько дров», да и необходимого умения не хватало?

1 июля генерал-полковник А.М. Василевский, заменивший накануне на посту начальника Генштаба маршала Б.М. Шапошникова (по состоянию здоровья), счел неотложным телеграфировать Ф.И. Голикову:

«Ставка недовольна тем, что на Вашем фронте танковые корпуса перестали быть танковыми частями и действуют пехотными методами — вот Вам пример: Катюков вместо уничтожения вражеской пехоты провел день за окружением двух полков, и Вы, очевидно, потекаете этому. А где эти танки? Должны ли они действовать подобным образом? Вы должны строго контролировать их всех, давать им конкретные задания, которые должны выполнять именно танки».

Войскам Брянского фронта под командованием Голикова выполнить тогда свою задачу не удалось.

Приведем еще два подобных примера. 23 июля 1942 г. командующим войсками Сталинградского фронта был назначен генерал В.Н. Гордов. И уже вечером 24 июля в срочном порядке он принял решение — нанести по северной группировке противника фронтовой контрудар силами двух танковых армий, которые еще только начали формироваться за счет прибывавших из резерва танковых бригад. (При этом документы свидетельствуют, что обученность тан-

ковых экипажей была недостаточной.) С утра следующего дня в наступление переходила 1-я танковая армия, вслед за ней — 4-я танковая и, наконец, 21-я, 62-я и 64-я армии. Штабу Сталинградского фронта пришлось лихорадочно разрабатывать план контрудара.

Каков же был итог этой «смелой затеи», озарившей полководческий ум генерала Гордова? В ходе контрудара советские войска потеряли 450 танков, в том числе обе танковые армии — 300, а Сталинградский фронт в столь решающее время значительно ослабил свою бронированную мощь, которая уже тогда позволяла существенно изменить военную обстановку на сталинградском направлении.

В телефонограмме командованию Сталинградским фронтом, подписанной Сталиным и Василевским 26 июля, говорилось: «Действия командования Сталинградского фронта вызывают у Ставки *возмущение* (здесь и далее курсив наш. — Г.К.). У фронта перевес в танках второе, абсолютное преобладание в авиации. При *желании и умении* можно было вдребезги разбить противника. Ставка требует, чтобы в ближайшие дни рубеж обороны от Клетской до Калмыкова был бы безусловно восстановлен, чтобы противник был отеснен за линию р. Чир. Если Военный совет Сталинградского фронта не способен на это дело, пусть заявит об этом прямо и честно».

Однако генерал Гордов данное поручение Ставки ВГК выполнить не смог.

Следующий документ связан с полководческой деятельностью генерала А.И. Еременко, который 13 августа 1942 г. сменил генерала В.Н. Гордова на посту командующего войсками Сталинградского фронта. Более того, до 30 сентября он по совместительству возглавлял и Юго-Восточный фронт, хотя этот эксперимент Верховного оказался далеко не удачным.

5 октября 1942 г. И.В. Сталин направил А.И. Еременко (тот к этому времени — с 30 сентября возглавлял только Сталинградский фронт — 2-е формирование) директиву за № 17634 следующего содержания:

«Я думаю, что Вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен отобрать у Вас переправы, окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить южную группу ваших войск 64-й и др. армии и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре, и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо отеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у вас.

Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, Вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. *Это говорит о Вашей плохой работе* (курсив наш. — Г.К.). Сил у Вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, и, несмотря на это, противник продолжает теснить вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

И. Сталин.

Продиктовано по телефону,
Василевский».

А ведь еще совсем недавно, как «лицо особо доверенное» у Верховного, А.И. Еременко получил исключительно ответственное задание — командовать войсками сразу двух фронтов (Юго-Восточного и Сталинградского) и обеспечить защиту Сталинграда. Очевидно, двойная нагрузка оказалась для Андрея Ивановича не по силам. От командования двумя фронтами через полтора месяца он был освобожден и 28 сентября назначен, а 30 сентября вступил в должность командующего Сталинградским фронтом (2-е формирование).

Возвращаясь к содержанию указанной директивы Сталина от 5 октября 1942 г., отметим ее хотя и довольной строгий, но в целом обоснованный характер. Достаточно внимательно ознакомиться с боевыми приказами, распоряжениями и донесениями в Ставку ВГК генерала Еременко (хотя бы за сентябрь — начало октября), чтобы убедиться в справедливости замечаний и оценок председателя Ставки. Большая часть этих документов обоих фронтов, возглавлявшихся Еременко, а затем и одного фронта, отличались неконкретностью их постановляющей части в отличие, например, от подобных документов командования Донского и Юго-Западного фронтов¹.

А в докладе от 6 октября 1942 г. командующего войсками Сталинградского фронта Верховному Главнокомандующему А.И. Еременко попытался даже объяснить свою «плохую работу» и сдачу «противнику квартал за кварталом» Сталинграда, «благодаря тому, — как говорилось в его докладе, — что мы возлагали большую надежду на помощь с севера, в которой безусловно были уверены и рассчитывали, что она придет через 3—5 дней, а поэтому и не усилили своевременно войска, дерущиеся за Сталинград.

В результате получилось, помощь с севера не пришла, а войска, защищающие Сталинград, понесли большие потери, помощь же по усилению их опоздала, — заявил Андрей Иванович. — Это и привело

к тому, что противник подошел к стенам Сталинграда², а на отдельных участках³ вклинился в город».

Все приведенные выше документы лишний раз подтверждают отсутствие в тот период у ряда представителей советского высшего военного звена необходимых знаний и умения руководить вооруженной борьбой, массировать свои силы на направлении главного удара и искусно маневрировать ими, а также рационально использовать все возраставшее количество боевых средств в оборонительных и наступательных операциях Сталинградской битвы.

4. Разумеется, не только названные причины отрицательно влияли на исход сражений лета 1942 г. Следует добавить и другое: тогда после крупных неудач и отступлений в сознании многих бойцов и командиров Красной Армии, вновь, как и в 1941 г., отложился синдром неуверенности, боязни, окружения, танкобоязни, преувеличения мощи противника, серьезно снизилась в войсках дисциплина⁴, и весьма нелегко было преодолеть в рядах защитников Родины такой психологический надлом. Поэтому потребовалось издание беспрецедентного секретного приказа наркома обороны № 227, вошедшего в историю как приказ «Ни шагу назад!».

При всех его противоречиях и даже элементах жестокости он сохранил горькую и страшную правду о той пропасти, на краю которой оказалась Красная Армия. Бесспорно, этот суровый документ все же явился причиной возросшего сопротивления советских войск и укрепил их веру в неминуемый перелом в ходе вооруженной борьбы.

5. В числе главных причин неудач и поражений советских войск в оборонительный период Сталинградской битвы необходимо назвать и подавляющий перевес наступательной доктрины над оборонительной. Недопонимание значения обороны весьма глубоко укоренилось в сознании советского командования, ее предпочитали очень сдержанно упоминать, как нечто недостойное для Красной Армии, и она применялась в довольно редких случаях. А ведь, как известно, ни один вид военных действий нельзя превращать в самоцель, и умелое сочетание наступления и обороны в соответствующей обстановке является объективной закономерностью.

Какой способ боевых действий следует использовать — это ведь зависит от всесторонней оценки многих факторов. Однако во время трагических весенне-летних и осенних месяцев 1942 г. вместо тщательного анализа обстановки и принятия взвешенных решений на оборону десятки и сотни раз, как и в 1941 г., отдавались гневные и поспешные приказы: или любой ценой, не считаясь с потерями, немедленно вернуть такую-то высоту, или любой ценой немедленно контрударом отбить такой-то рубеж, даже небольшой населенный

пункт (причем, когда это было уже явно невозможно). Чтобы выполнить подобный приказ, предпринимались иной раз слабыми силами и плохо подготовленные контратаки и наносились контрудары, что приводило к значительным и далеко не всегда оправданным жертвам и потерям.

Не всегда отличались в этом плане в качестве поучительного примера и приказы Ставки Верховного Главнокомандования, когда перед исполнителями ставились заведомо нереальные задачи и сроки выполнения без учета минимально необходимого времени. Вот одно из таких многочисленных распоряжений Ставки — телеграмма ее представителю от 3 сентября 1942 г. в связи с критическим положением в полосе Сталинградского фронта:

«Потребуйте от командующего войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам...

Сталин».

Но как могут войска даже без малейшей подготовки «немедленно ударить» и перейти в наступление?

Когда резервные соединения и поступающие пополнения нередко с ходу отправлялись в пекло боя, они, как правило, становились легкой добычей противника, получавшего возможность подвергнуть их разгрому по частям.

6. В одном из своих научных докладов участник Сталинградской битвы, президент Академии военных наук РФ, генерал армии М.А. Гареев справедливо заметил, какие отрицательные последствия в ходе оборонительных сражений на подступах к Сталинграду имела несовершенная организация противовоздушной и противотанковой обороны, частая смена лиц, возглавлявших фронты и армии, а также случаи безответственности со стороны высшего военного звена, хотя эти ошибки зачастую не играли «столь решающего значения, как просчеты, допущенные Ставкой ВГК».

По его мнению, на состояние обороны отрицательно влияла и боязнь окружения. «Пагубную роль в этом отношении сыграли политическое недоверие и репрессии против военнослужащих, которые во время отступлений в 1941-м и весной 1942 г. попадали в окружение. Еще и после войны офицеров, бывших в окружении, не принимали на учебу в академии. Военно-политическим органам и заправилам НКВД казалось, что таким отношением к «окруженцам» можно повысить стойкость войск. Но все происходило наоборот — боязнь окружения только снижала упорство войск в обороне. При этом не учитывалось, что в окружение попадали, как правило, наиболее стойко оборонявшиеся части, часто в результате отступления

соседей. Именно эта наиболее самоотверженная часть военнослужащих подвергалась гонениям. И никто за эту дикую и преступную некомпетентность не понес ответственности».

7. По воле Ставки ВГК весьма продолжительное время начальник Генерального штаба генерал А.М. Василевский находился на фронте, в том числе под Сталинградом, где занимался организацией и проведением контрударов и другими вопросами, тем самым зачастую подменяя командующего войсками фронта. Однако его длительное отсутствие в Генштабе⁵ не могло не сказаться отрицательно на советско-германском фронте, включая и сталинградское направление. Во многих отечественных изданиях этот факт представлен как удачное решение указанного военного органа страны. Но наличие большого количества фронтов требовало повседневного и весьма компетентного внимания к ним, а замещавший А.М. Василевского политработник Ф.И. Боков совершенно не соответствовал столь ответственной должности.

Повторялись ошибки 1941 г., когда начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков занимался тем же самым на Юго-Западном фронте.

8. Опыт сражений, развернувшихся в результате весенне-летнего наступления гитлеровского вермахта, выявил одну из важных причин неудач и поражений Красной Армии — недопустимо низкий уровень управления войсками. Оно осуществлялось в основном через проводную связь. Факты и документы свидетельствовали, что как только эта связь нарушалась, управление войсками сразу же прерывалась и в конечном счете части и соединения Красной Армии, оставались без управления, терпели поражения.

Что касается радиосредств, то большинство командиров Вооруженных Сил СССР пользовалось ими неохотно и уделяло недостаточно внимания подготовке радистов.

24 июля 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования за подписью А.М. Василевского направила командующим фронтами и 7-й отдельной армией директиву, в которой обратила их внимание на отмеченные выше недостатки. «Потери связи, — говорилось в документе, — есть потеря управления, а потеря управления войсками в бою ведет неизбежно к поражению. Дальше такое положение не может быть терпимо...»

Ставка приказала «под личную ответственность командиров и комиссаров всех степеней в кратчайший срок устранить недооценку радиосредств связи в штабах, частях связи и у командно-политического состава частей и подразделений. При организации связи с войсками считать связь надежной только в том случае, если имеется хорошо налаженная радиосвязь...».

Хотя в директиве Ставки был определен «кратчайший срок» по устранению отмеченных недостатков, он растянулся на несколько месяцев. Тем не менее к началу перехода Красной Армии к осуществлению стратегического контрнаступления под Сталинградом в советских войсках уже произошли серьезные изменения по эффективному использованию радиосредств связи.

* * *

Богатейший опыт ожесточенного противоборства Советских Вооруженных Сил и армий фашистского блока (как положительный, так и негативный), накопленный в период Сталинградской битвы, был рационально использован советским командованием на всех последующих этапах Великой Отечественной войны.

И в наши дни требуется глубокое освоение всех слагаемых материального и духовного потенциала этой беспримерной победы, который был и остается одним из важнейших направлений подготовки мужественных, умелых и достойных защитников Российского Отечества.

¹ Вот некоторые выписки из решений генерала Еременко:

3.09.42 г.: «3. Решил: 1) Продолжать упорную оборону г. Сталинград».

6.09.42 г.: «3. Решил: 1) Продолжать уничтожать силы и средства противника на подступах к Сталинграду».

8.09.42 г.: «3. Решил: 1) Продолжать оборону города».

10.09.42 г.: «3. Решил: 1) В боях за город продолжать уничтожать противника».

16.09.42 г.: «3. Решил: 1) Удерживая занимаемые рубежи, очистить от противника г. Сталинград».

18.09.42 г.: «2. Приказываю: в) Всем войскам активными действиями очистить город Сталинград от противника».

5.09.42 г.: «3. Решил: 1) Укрепляя оборонительные рубежи, продолжать истреблять противника, атакующего гор. Сталинград» и т.д. и т.п.

² Так в тексте.

³ Между тем в октябре 1942 г. под контролем Красной Армии оставалась примерно одна восьмая часть города.

⁴ Такое положение сохранялось в отдельных частях и после приказа № 227 от 28 июля 1942 г. наркома обороны. Так, в приказе от 1 ноября 1942 г. «войскам Донского фронта о недостатках, выявленных в период наступления войск 66-й армии и мерах по исключению их повторения» командующий Донским фронтом генерал К.К. Рокоссовский с большой тревогой отмечал, что «дисциплина во всех частях продолжает оставаться на крайне низком уровне, вследствие чего командиры оказались не в состоянии в нужный момент поднять и направить в атаку свои части и подразделения».

⁵ Из 34 военных месяцев, занимая должность начальника Генштаба, 12 месяцев А.М. Василевский находился в Москве, в Генштабе, и 22 месяца провел на фронте, в войсках.

В.С. Христофоров

БОИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ГЕНЕРАЛА

(28 ноября — 7 декабря 1942 г.)

Статья подготовлена на основе документальных материалов Центрального архива ФСБ России. В ней реконструированы основные события пребывания союзников, в частности американского генерала Патрика Хэрли, на фронте в районе Сталинграда, показано восприятие ими военной обстановки.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Сталинград; союзники; Сталин; Хэрли Патрик.

V.S. Khristoforov

**The battle of Stalingrad in American general's view
(November 28 — December 7, 1942)**

The article is based on the documents from the Central Archives of the Security Service of the Russian Federation. The main events of the Allies', particularly American general Patrick Hurley, stay at the front near Stalingrad and their war situation perception are showed in the article.

Keywords: World War II; Stalingrad; Allies; Stalin; Patrick Hurley.

Во время Великой Отечественной войны советская контрразведка изучала разведывательные, контрразведывательные и диверсионные органы и школы¹ противника, осуществляла агентурное проникновение в них; выявляла агентов спецслужб Германии и их союзников, вела радиоигры² и оперативный розыск агентов иностранных разведок. Советская контрразведка добывала и анализировала разностороннюю информацию о противнике и внутривойсковой обстановке в СССР и предоставляла ее руководству страны.

На основе документов, подготовленных советской контрразведкой, возможно по-новому рассмотреть некоторые малоизвестные страницы истории Сталинградского сражения. Во-первых, следует сказать об общественных настроениях населения, военнослужащих Красной армии и иностранных дипломатов и иностранцев³, приезжавших в СССР. В материалах контрразведки анализировались высказывания как в связи с масштабными явлениями (активизация боевых действий и неудачи на фронтах; перспективы открытия второго фронта в Европе и т.д.), так и в связи с конкретными событиями (бои в районе Сталинграда и предгорьях Кавказа; совещание глав

правительств стран-союзников СССР по военным и политическим вопросам, публикация коммюнике о переговорах с Черчиллем, ответы Сталина на вопросы американского агентства Ассошиэйтед Пресс и др.)⁴. Порой документы контрразведки предоставляют о некоторых событиях уникальную информацию. Так, на основе архивных документов представилось возможным реконструировать события, связанные с поездкой специального представителя президента США генерала П. Хэрли на Юго-Западный фронт (28 ноября — 7 декабря 1942 г.), т.е. именно в те дни, когда под Сталинградом велось контрнаступление Красной армии.

Сталинградская битва, продолжавшаяся 200 дней и включавшая в себя две стратегически операции — оборонительную (17 июля — 18 ноября 1942 г.) и наступательную (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.), стала одним из крупнейших сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн. В сражении за Сталинград решалась судьба не только России, но и судьбы многих народов европейских стран, оккупированных Германией. Советское руководство надеялось, что союзники откроют второй фронт в Европе, однако в августе 1942 г. советская разведка получила достоверные данные о том, что «военный кабинет Англии 25 июля на своем заседании принял решение второго фронта в этом году не открывать»⁵.

Ставка Верховного Главнокомандования в период с 17 июля по 30 сентября 1942 г. направила на усиление Сталинградского направления 50 стрелковых и кавалерийских дивизий, 33 бригады, в том числе 24 танковые. Главная причина неудачных сражений на подступах к Сталинграду, обусловившая необходимость принятия чрезвычайных мер (создание заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов, репрессии в отношении военнослужащих, которые при отступлении попадали в окружение), состояла в том, что при организации стратегической обороны советское командование повторяло ошибки 1941 г.

В период с 19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г. войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов предприняли наступление, окружив и уничтожив Сталинградскую группировку противника. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов к 23 ноября соединились в районе города Калач и окружили основные силы 6-й полевой германской армии. На внутреннем фронте окружения успешно развивал наступление Донской фронт. В результате советские войска, развернув всеобщее наступление на юге, продвинулись вперед на 400—500 км, и это положило начало коренному перелому в Великой Отечественной войне.

В период Сталинградской битвы НКВД СССР регулярно информировал ГКО и Генеральный штаб Красной армии о положении на

Юго-Восточном, Сталинградском и Донском фронтах, строительстве укрепленных рубежей, обстановке в городе, чрезвычайных происшествиях (стихийные бедствия, аварии, пожары, катастрофы и т.д.), результатах контрразведывательной и разведывательной работы. Кроме того, в НКВД собиралась и обобщалась информация о настроениях и реакции различных слоев мирного населения и военнослужащих.

Так, 17 июня Берия направил Сталину и Молотову информацию об откликах советского населения в связи с подписанием 11 июня в Вашингтоне соглашения между СССР и США⁶. Берия сообщал о том, что подавляющее большинство одобряет факт подписания соглашения и расценивает это как большую победу внешней политики советского правительства. Звучали слова, что союзники помогут восстановить СССР после окончания войны, что помощь будет оказана не только военными материалами, но и открытием второго фронта, который улучшит положение СССР, и война скоро будет закончена. Вместе с тем НКВД зафиксировал отрицательные высказывания о том, что соглашение с США означает «экономическое закабаление СССР»; высказывались сомнения в реальности открытия второго фронта в 1942 г.⁷

Одним из основных источников получения информации об общественных настроениях являлись отделения военной цензуры. Сбор информации о реагировании военнослужащих, а также перлюстрация корреспонденции позволяли военной контрразведке знать реакцию военнослужащих и местного населения на поражения Красной армии и отход ее частей и соединений, на недостатки в снабжении, медицинском обслуживании и других проблемах фронта и тыла. Документальные источники свидетельствуют, что более всего советское партийно-государственное руководство волновали вопросы морально-политического состояния Красной армии, реакция личного состава на издание и выполнение печально знаменитого приказа НКО № 227, а также на принятие указа Президиума Верховного Совета СССР об упразднении института комиссаров⁸.

С первых дней Великой Отечественной войны советская контрразведка собирала информацию о реагировании иностранных дипломатов, находившиеся в СССР, на ход боевых действий на фронте. Например, 23 июня американский посол Штейнгардт⁹, говоря о нападении Германии на СССР, заявил: «Это первая ошибка Гитлера, что он выступил против Советского Союза, и это будет ему конец». Американский военный атташе Эйтон и его помощник Миккела, каждый день отмечая на карте линию фронта, высказывали свои прогнозы о перспективах боевых действий на советско-германском фронте. При этом они называли даты, когда тот или иной город или населенный пункт будет занят немцами. Свои выводы Эйтон и

Миккела делали на основании сообщений германского радио, называя его единственным источником, которому можно доверять. Они ежедневно информировали сотрудников американского посольства о передвижении линии фронта, подчеркивая, что основываются лишь на немецких военных коммюнике, поскольку с советской стороны им «ничего не говорят». Однако примерно через две недели после начала боевых действий Миккела был вынужден признать, что сведения немецкого командования несколько преувеличены¹⁰.

В первые дни после нападения Германии на СССР как в американских военных кругах, так и в обществе в целом заявляли, что не верили в продолжительность советского сопротивления. Было немало тех, кто даже говорил, что Россия сдастся к 1 августа¹¹. В этих условиях Штейнгардт принимает решение провести оптимизацию численности американского посольства в СССР и вернуть в Америку большую часть персонала. 28 июня в американском посольстве стало известно, что советские войска оставили Минск. Американские дипломаты считали, что для Советского Союза положение стало очень серьезным. Штейнгардт был уверен, что германские армии быстро добьются успеха и окажутся в Москве, поэтому он в этот же день дал указание начать уничтожение в котельной посольства архивных документов. С начала июля Штейнгардт разрабатывал различные варианты эвакуации из Москвы. Однако некоторые сотрудники американского посольства считали, что у Штейнгардта в связи с быстрым продвижением германских армий к Москве возникло «паническое настроение». Он опасался, что советское правительство будет спешно эвакуировано, и в американское посольство не успеют сообщить об этом по причине неисправности связи. Штейнгардт некоторыми своими телеграммами вводил в заблуждение Вашингтон, так как в них «не совсем правильно освещалось положение в Москве». Основанием для его панических настроений были недостоверные слухи.

Фактически с первых недель войны между СССР и США по внешнеполитической линии стали поддерживаться постоянные контакты. В конце июля 1941 г. в Москву прибыл личный представитель президента США Гарри Гопкинс¹². Рузвельт во время войны активно использовал институт личных представителей, периодически направляя своих особо доверенных людей в СССР для встреч со Сталиным и получения объективной информации. Задача Гопкинса состояла в том, чтобы дать оценку заявлениям Сталина, выяснить, сможет ли Советский Союз выстоять против нацистов, и если получится, заверить Сталина в том, что вскоре он получит «массированную американскую помощь»¹³. Вечером 30 июля состоялась встреча Гопкинса со Сталиным. Запись этой беседы показывает то особое значение, ко-

торое в Белом доме и Кремле придавали совпадению взглядов о положении в мире и угрозе мировой цивилизации, которую представлял собой германский фашизм¹⁴. По мнению Гопкинса, от Сталина он «получил совершенно откровенную, точную и исчерпывающую информацию о положении на фронте, о сильных и слабых сторонах вермахта, о причинах временных неудач Красной армии, о стратегических планах советского командования и проблемах материально-технического снабжения. Больше всего Гопкинса поразила твердость и убежденность, с которой Сталин говорил о стабилизации фронта в ближайшие два-три месяца»¹⁵. Несмотря на краткость своего пребывания в Москве, у Гопкинса сложилось положительное впечатление о моральном духе советского народа и возможности Красной армии противостоять германскому вермахту, а также убежденность в том, что СССР не будет сломлен во время летней кампании 1941 г. Гопкинс отмечал, что в Москве война особо не чувствовалась, если не считать, что повсюду работали женщины. Он обратил внимание на высокий уровень организованности и планирования деятельности в Москве, на то, как каждую ночь в сторону фронта отправлялись в строгом порядке большие колонны автомашин с военными материалами. Основываясь на личном впечатлении, а также на сведениях, полученных от Сталина, Гопкинс сделал вывод о том, что информация, поступающая в Вашингтон из посольства США и от американского военного атташе о положении на советско-германском фронте и военно-политической обстановке в Москве, мало соответствовала реальной ситуации. У Гопкинса сложилось мнение, что Штейнгардт и американский военный атташе Эйтон были необъективны в оценке обстановки либо не располагали достоверной информацией.

В сентябре 1941 г. в Москву был направлен другой личный представитель президента США — А. Гарриман¹⁶, для того чтобы уточнить объем и виды помощи, которую хотел получить Советский Союз. С целью нейтрализации Штейнгардта с его «сбалансированной политикой» в отношении СССР и безусловного проведения линии Рузвельта — быстрого оказания помощи Советскому Союзу, Гарриману были предоставлены более широкие полномочия, чем имел посол. В первую же встречу Гарриман понял, что в Советском Союзе дело надо иметь только со Сталиным — власть его была тотальной¹⁷.

Посещение Москвы двумя личными представителями Рузвельта решило дальнейшую судьбу американского посла. 5 ноября Рузвельт известил Штейнгардта об окончании его срока службы, подчеркнув, что в Москве нужен человек, имеющий профессиональный опыт решать сложные проблемы технического характера¹⁸. В середине ноября 1941 г. Штейнгардт покинул Советский Союз.

Новым послом США в СССР к удивлению многих американских политиков и дипломатов был назначен адмирал Уильям Стэндли¹⁹. 8 апреля Стэндли созвал американских корреспондентов на пресс-конференцию и проинформировал их о внутреннем положении в США, военных событиях на Тихом океане и о положении на европейском театре военных действий. Часть беседы Стэндли разрешил опубликовать в печати, а некоторые вопросы он назвал конфиденциальными и предназначенными только для личного сведения. Говоря об оказании помощи Англии и СССР, Стэндли отметил, что главный фронт — в Советском Союзе и что США в первую очередь должны и будут снабжать СССР. Помощь Англии Стэндли назвал «академической фазой», так как лучшая помощь Англии — это «дать возможность русским уничтожать немцев». Он подчеркнул, что «вооружение для СССР начинает поступать большими потоками и компенсирует всю задолженность». Стэндли подчеркнул, что хотя и у него нет личного послания Рузвельта Сталину, но он, если представится возможность, подтвердит это в личной беседе с ним. Пресс-конференции, которые устраивал Стэндли для американских корреспондентов, иногда проходили формально, как, например, пресс-конференция 10 августа 1942 г., посвященная возможности открытия второго фронта в Европе. Стэндли говорил уклончиво, на вопросы отвечал неубедительно, его аргументы были вроде того, что «английский флот крайне потрепан». Он так и не ответил на прямой вопрос, сумеет ли СССР продолжать борьбу, если второй фронт не будет открыт в 1942 г., и не стал комментировать слухи о пребывании У. Черчилля в СССР. Наиболее запоминающуюся пресс-конференцию Стэндли провел в Москве 8 марта 1943 г. В ходе этой пресс-конференции он подверг резкой критике советское руководство за нежелание признать получение помощи от США, отсутствие об этом информации в советских газетах, а также в связи с недостатками в обмене разведывательными сведениями.

12 августа 1942 г. в Москву для участия в переговорах между Сталиным и Черчиллем вновь прибыл специальный представитель президента США — А. Гарриман. Рузвельт направил его наблюдать за своими двумя союзниками, но не уполномочил вести переговоры. Британский руководитель известил Сталина, что в 1942 г. второго фронта в Европе не будет. Гарриман не участвовал в решающих встречах Черчилля со Сталиным. В беседах со Сталиным Гарриман поднимал вопрос о возможности открытия авиационных баз для американских самолетов в Сибири. Эти самолеты могли бы активнее участвовать в боевых действиях против Японии. Сталин возразил, сказав, что американские самолеты могли бы взлетать с Аляски²⁰. Стэндли был обижен, что его не пригласили на переговоры Сталина,

Черчилля и Гарримана, в то время как британский посол в них участие принимал. Ему также не нравилось, что он всегда последним узнавал о происходивших событиях. Периодически, но безрезультатно он выражал госсекретарю Хэллу недовольство тем, что его держат в неведении.

В сентябре 1942 г. Рузвельт с посланием для Сталина направил в Советский Союз еще одного личного представителя — Уэнделла Уилки. На этот раз представитель президента подчеркнуто избегал общения со Стэндли, у которого сложилось впечатление, что Уилки негативно относился к деятельности американского посольства в СССР, что подрывает престиж и влияние посольства и подчеркивает недалекновидный характер внешней политики американского руководства. Уилки, в свою очередь, считал, что американское посольство проводит политику, которую не разделяет президент США. Стэндли был противником приездов в СССР представителей президента, говоря, что они приезжают, делают заявления и уезжают, а посол представляет в СССР американское правительство и проводит политику администрации президента. Стэндли считал, что специальные представители вносят сумятицу и путаницу в напряженные и сложные взаимоотношения между США и СССР. Он был раздражен поведением Уилки, его постоянным дистанцированием от посла. Стэндли вначале намеревался направить президенту США объективную информацию об итогах поездки Уилки в СССР, но затем добился разрешения приехать в Вашингтон, чтобы провести важные консультации. Стэндли изложил Рузвельту и Гопкинсу свои рекомендации по предоставлению американской помощи по ленд-лизу, обмену с Советским Союзом разведывательной информацией и допуске на фронт наблюдателей. Он также попросил Рузвельта, чтобы он прекратил посылать специальных представителей в Москву, а опирался бы на него. Он выразил Рузвельту недовольство тем, что такой обход специальными представителями и другими американскими организациями в Москве, не подвластными послу, оказались столь разрушительными для престижа Стэндли, что он начинал сомневаться в эффективности своей миссии. Стэндли утверждал, что в Москве это выглядит так, словно американское правительство не доверяет американскому послу в СССР. Стэндли не нашел понимания у Рузвельта с Гопкинсом. Они общались с ним так, словно он не понимает, что существует более широкий план, чем его власть и должность. Рузвельт сказал Стэндли, что он по-прежнему ему полностью доверяет, но ничего не обещал. Рекомендации Стэндли не были приняты. Он был вторым послом после Штейнгардта, заключившим, что односторонний подход в политике ошибочен²¹.

В Советском Союзе отношение к послу Стэндли было неоднозначным. Но можно с уверенностью говорить, что Стэндли был

убежденным противником Гитлера и желал победы Советского Союза в войне с Германией. Так, в начале августа 1942 г., когда германские армии вели широкомасштабное наступление на Сталинград и Кавказ, советская контрразведка, сообщая о реагировании иностранных дипломатов, отметила, что американский посол был уверен, что германские армии не смогут захватить Сталинград и Баку, Советский Союз располагает громадными людскими резервами, у него большая обученная армия, которая «еще не пришла в движение». По мнению Стэндли, Красная армия отступала в порядке, сохраняя свое вооружение, русские уже скоро нанесут ответный удар в излучине Дона и перейдут в активную фазу обороны²².

В апреле 1943 г. Стэндли был извещен, что в Москву в качестве специального представителя президента США рангом выше посла для организации встречи со Сталиным прибывает Дж. Дэвис. Стэндли, негативно относившийся в целом к поездкам специальных представителей президента, был невысокого мнения о Дэвисе, считая его клоуном. Но если Рузвельт желал сделать именно его своим представителем, то Стэндли не собирался ему мешать и 3 мая подал в отставку.

Отношения с союзниками активно обсуждались населением СССР. 9 октября 1942 г. Л.П. Берия проинформировал ГКО о том, что опубликованные в печати ответы И.В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс вызвали одобрение со стороны разных кругов населения Москвы. Представители интеллигенции, рабочие и служащие считали, что в ответах И.В. Сталина выражены справедливые требования советского народа к союзникам в выполнении ими своих обязательств, уверенность в силах СССР к сопротивлению агрессору. Вместе с тем, ответы И.В. Сталина рассматривались как свидетельство того, что СССР не сможет выдержать борьбу с немцами без помощи Великобритании и США. Поскольку в районе Сталинграда и на юге немцы шли в наступление, а второй фронт отсутствовал, Советский Союз попадал под непосредственную и реальную угрозу. Представители некоторых кругов населения в ответах И.В. Сталина видели ухудшение отношений с союзниками. Были отмечены высказывания о том, что под «агрессивной державой, стремящейся обеспечить себе мировое господство» подразумеваются не только Германия и Япония, но и Великобритания с Америкой²³. После того как советские войска перешли в контр наступление под Сталинградом, общая тональность настроений постепенно стала меняться, люди демонстрировали готовность активнее поддерживать военно-политические и хозяйственные мероприятия, внешнеполитические акции советского руководства. В документах, подготовленных НКВД СССР, анализировались общественные на-

строения, связанные с перспективами открытия второго фронта и взаимоотношений с союзниками по антигитлеровской коалиции после войны²⁴. Особые отделы НКВД и органы военной цензуры стали уделять больше внимания информированию о плохой организации питания и медицинского обслуживания бойцов и командиров²⁵.

В ноябре 1942 г. в Москву в качестве специального представителя президента США Ф.Д. Рузвельта прибыл бригадный генерал американской армии Патрик Хэрли²⁶, имевший при себе рекомендательное письмо от президента²⁷. 5 ноября 1942 г. временный поверенный в делах США в СССР Л. Гендерсон²⁸ и генерал Хэрли встретились с В.М. Молотовым. Запись этой беседы опубликована²⁹.

14 ноября 1942 г. Хэрли был на приеме у Сталина. Беседа продолжалась почти полтора часа. В послании президенту Рузвельту Сталин сообщил: «С ген. Хэрли имел продолжительную беседу по вопросам стратегии. Мне кажется, что он понял меня и убедился в правильности проводимой ныне союзниками стратегии. Он просил о возможности посетить один из наших фронтов и, в частности, побывать на Кавказе. Эта возможность будет ему обеспечена. На советско-германском фронте за последнюю неделю не произошло каких-либо серьезных изменений. В ближайшее время думаем начать нашу зимнюю кампанию. Сейчас идет подготовка к ней. О ходе кампании буду извещать Вас»³⁰.

Хэрли так сформулировал цель своей поездки на фронт: получить свежую информацию о стратегии, боевых операциях и штабной службе, а также о мощи и эффективности живой силы Красной армии, для того чтобы проинформировать непосредственно президента Рузвельта. Оценка генерала Хэрли — бывшего военного министра, а в это время посланника США в Новой Зеландии — была очень важна для Рузвельта. Он хотел, чтобы на основе личных впечатлений Хэрли «смог бы заверить правительства Новой Зеландии и Австралии в том, что наиболее эффективным способом, при помощи которого Объединенные Нации совместно могут нанести поражение Гитлеру, является оказание всей возможной помощи доблестным русским армиям, которые столь блестяще сопротивляются натиску гитлеровских армий» и что нужно «объединиться для обеспечения возможности поражения Гитлера и что это является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии»³¹.

Во время беседы Хэрли просил Сталина организовать ему поездку на важнейшие участки советско-германского фронта. Получив известие о первых успехах контрнаступления Красной армии в районе Сталинграда, Сталин разрешил поездку. С 28 ноября по 7 декабря 1942 г. генерал Хэрли и сопровождавшие его помощник американского военного атташе в СССР подполковник Ричард Парк и майор

Джон С. Генри совершили поездку на Юго-Западный фронт³². Позднее они побывали и на Кавказе. Американцы собирали военную и политическую информацию, которая давала им наглядное представление об обстановке в районе Сталинграда в первые дни контрнаступления, беседовали с советскими солдатами, офицерами и генералами. В докладе Р. Парка, представленном в Комитет начальников штабов США 25 января 1943 г., отмечалось, что «генерал Хэрли, будучи динамичной личностью, уговорил Сталина разрешить американцам посетить какой-либо из активных фронтов. Были выбраны районы реки Дон и Кавказа. Эта поездка, которая продолжалась месяц, была удачной. Было получено хорошее описание, но многие детали отсутствовали. Русские просто не объясняли свои операции в деталях»³³.

В течение всей поездки американцы находились под наблюдением сотрудников НКВД, что было связано, во-первых, с обеспечением их безопасности, так как поездка во фронтовую полосу была сопряжена с различными потенциальными и реальными угрозами, а во-вторых — с необходимостью контроля за иностранцами и анализа их реакции на увиденное и услышанное. В ходе поездки американцы вольно или невольно делились с советскими военнослужащими впечатлениями и систематически вели записи, на основе которых впоследствии подготовили доклад. По завершении поездки о содержании этих записок 31 декабря 1942 г. Л.П. Берия доложил Сталину³⁴.

Оценка американцами отдельных событий и фактов и ситуации на различных участках фронта несколько расходилась с официальными советскими данными. В архивных документах военной контрразведки отмечалось, что подполковник Парк хорошо владеет русским языком, знает устройство Красной армии, ее вооружение, положение и быт в стране. В пути следования американцы вели оживленные беседы по различным вопросам. Причем вопросы ставили неожиданно, чтобы получить ответ быстро, без обдумывания. Так, офицеру штаба 21-й армии³⁵ был задан вопрос: «Скажите от души, правда ли то, что пишут в газетах об издевательствах немцев над русскими или это для агитации?»³⁶. Так же подробно расспрашивали о том, какие именно части участвовали в боях на конкретных участках фронта, которые они осматривали.

Итак, 28 ноября в 11 час. генерал Хэрли на самолете «Дуглас» с советским экипажем из четырех человек вылетел из Москвы в Сталинград. Для сопровождения выделили четыре истребителя, которые должны были предотвратить возможные атаки германских самолетов. Видимость в день перелета в Сталинград была хорошая, небольшая облачность и незначительная метель не мешали американцам вести наблюдение за местностью, над которой пролетал самолет. Маршрут

пролегал над территорией Рязанской области, городами Моршанском, Борисоглебском, Поворином. В 14 час. самолет приземлился на поле-вом аэродроме в районе ст. Новоанненской³⁷. Дальше по запланиро-ванному маршруту Хэрли и сопровождавшие его лица направилась на двух пассажирских машинах «ГАЗ». Примерно в 18 км от Новоаннен-ской американцы обратили внимание на большое двухэтажное здани-е и несколько других построек, в которых располагалась машинно-тракторная станция (МТС). Вокруг каждого строения стояли хорошо замаскированные кустарником армейские грузовики. Американцам объяснили, что практически все МТС, находившиеся в прифронтовой полосе, в военное время были переоборудованы в ремонтные стан-ции, на которых проводился ремонт военной техники и армейского автомобильного транспорта. Интерес у американцев вызвала то, как советские военные водители запускали автомобили в холодную пого-ду: заливали теплую воду в систему охлаждения двигателя, а также ис-пользовали «кривой стартер», если аккумулятор разряжен.

В ходе поездки группа американцев побывала в ст. Кумылжен-ской и г. Серафимович. В г. Серафимович наблюдались следы недав-них бомбардировок: большинство зданий и строений были сильно повреждены, а многие полностью разрушены. В несколько церквей попали бомбы, но они уцелели. По мнению иностранцев, купола церквей представляли собой хорошие ориентиры. В течение 22 дней г. Серафимович был оккупирован румынскими войсками. После нане-сения бомбового удара советской авиации и решительного наступле-ния советских войск Серафимович был освобожден. Американцы за-метили, что «город, расположенный на возвышенности, имел хорошие условия для обороны, если бы его защитники проявили какое-либо сопротивление». Автомобильное движение в городе было сведено до минимума, чтобы затруднить воздушной разведке противника обна-ружение штаба фронта. Во время пребывания в Серафимовиче группе генерала Хэрли предоставили усиленную охрану и сопровождение.

В 14 час. 45 мин. группа выехала из Серафимовича. Проехав около 10 км к югу, пришлось задержаться из-за подрыва на минах двух грузо-виков, двигавшихся навстречу. В результате последовательного взрыва шести мин машины были серьезно повреждены. Эти грузовики воз-вращались в тыл с гражданскими беженцами. Смертельные ранения получили женщина и девочка примерно 14 лет. Майор Генри оказал им первую медицинскую помощь, дав таблетки из неприкосновенно-го запаса. Девочку перевязали американской марлей. Советские сапе-ры провели разминирование дороги, однако лед и снег скрывали мины до тех пор, пока температуры воздуха не повысилась, что и позволило работать саперам. Взрыв образовал «пробку» на дороге, движение в обе

стороны прекратилось. Как раз в этот момент над скоплением людей и транспорта спустился «Хейнкель», но атаку провести не успел, так как подоспел советский истребитель «Як». Оба самолета ушли в западном направлении. Советские офицеры, сопровождавшие группу, посоветовали генералу Хэрли воспользоваться более безопасной дорогой, но тот заявил, что предпочитает следовать по этому, более прямому пути и через подполковника Парка, исполнявшего обязанности переводчика, настоял на том, чтобы дорога была очищена для возобновления по ней движения. Генерал Хэрли и два советских офицера отправились через минированный район пешком, советские и американские офицеры остались на месте до расчистки дороги. Во время этой остановки на дороге мимо американцев, как было отмечено в их записках, «в сторону города Серафимович прошла группа удрученных и испуганных пленных румын. Их неуклюжая походка отражала отсутствие способности или желания воевать. Все они были одеты в пальто, высокие меховые шапки и легкие зеленого цвета брюки. У многих не было ботинок, а ноги завернуты в тряпки. Некоторые из них были ранены. Многим было примерно 30 лет, некоторые казались старше». При дальнейшем движении водители машин старались объезжать оттаявшие места на дороге, так как там могли быть мины. Сопровождавший американцев советский офицер отметил то, что не преминули записать американцы: «немецкие мины имеют стальные верхние пластинки, а потому их легче обнаружить, чем деревянные мины советского производства».

Далее группа генерала Хэрли следовала по пути разбитой и отступающей румынской армии, которая потеряла в Серафимовиче шесть дивизий. После отступления из этого города румыны пытались организовать сопротивление в хут. Басковском, расположенном в 20 км южнее. В этом населенном пункте американцы обратили внимание на разрушительную эффективность советской артиллерии: от каждой постройки остались лишь голые стены. Одно из разрушенных зданий было превращено в склад трофейного вооружения и снаряжения. Здесь американцы увидели большое количество румынских винтовок, касок, штыков, противогазов, эрзац-ботинок. Кроме того, там находились две батареи легкой полевой артиллерии и несколько 25- и 45-мм зенитных орудий типа «Vofors». В ст. Распопинской³⁸ был обнаружен еще один склад с трофейными материалами. В основном это было поставлявшееся в румынскую армию вооружение германского производства устаревших образцов.

Американцы продолжили движение к югу, по направлению к Голубинску, где располагался штаб 21-й армии. Пересекая очередное поле бывшего боя, иностранцы видели разбитые танки, самолеты и другую технику. Здесь снова появился самолет «Хейнкель», но был отогнан

советским истребителем. В Голубинске еще неделю назад размещался штаб 6-й немецкой армии³⁹, а теперь находилась группа советских офицеров, занимавшихся изучением трофейных материалов. Американцев разместили в хате, а затем генерал Хэрли и его спутники были представлены командующему 21-й армией И.М. Чистякову⁴⁰, начальнику штаба В.А. Пеньковскому⁴¹, начальнику артиллерии Д.И. Турбинну⁴², начальнику танковых войск Г.Н. Орлу⁴³, приехавшему инспектору из Москвы генерал-майору И.Д. Векилову⁴⁴ и членам Военного совета. Американцы объяснили цель своей миссии: ознакомиться со стратегией Красной армии, посмотреть, как она ведет боевые действия, а также изучить советскую систему снабжения и транспортные средства. Хэрли сказал, что получил от Сталина «разрешение на поездку на фронт с осмотром всего, чего пожелает, в том числе возможность познакомиться с бойцами и командирами Красной армии».

Генерал Чистяков показал топографические карты с нанесенной обстановкой и вкратце рассказал об участии своей армии в контрнаступлении. 21-я армия наступала к югу от г. Серафимович для соединения с двумя другими армиями, двигавшимися с юго-востока от Сталинграда, для окончательного окружения группировки противника. Армия Чистякова наступала на позиции, занятые румынскими войсками. Во время операции Чистяков получил инструкцию: поддерживать связь с армией генерала П.И. Батова⁴⁵ на своем левом фланге и с армией генерала П.Л. Романенко⁴⁶ — на правом. За четыре дня армия Чистякова продвинулась на 160 км к югу и востоку от рубежа Серафимович — Клетская навстречу наступавшим советским войскам. Соединение произошло в Мариновке и Зеленом, к востоку от Калача. После этого 21-я армия повернула на восток с целью участия в ликвидации окруженной группировки противника. По словам Чистякова, за четыре дня боев его армия потеряла убитыми и ранеными 6 тыс. 300 человек, было выведено из строя 50 танков и 30 орудий.

Утром 1 декабря, когда группа генерала Хэрли покидала штаб Чистякова, американцы отметили, что над Голубинском курсом на восток пролетели 26 «Юнкерсов», вероятно, для снабжения окруженной немецкой группировки. За ними следовал самолет наблюдения для производства фотоснимков советских огневых позиций. В Голубинске по самолетам был открыт огонь, но высота, на которой они летели, делала их недосыгаемыми для зенитных установок. Затем американцы пешком пересекли Дон, так как река промерзла только на 10 дюймов, и толщина льда не позволяла двигаться на машинах.

Дальнейшая остановка была запланирована в штабе 76-й дивизии, которая незадолго до этого была награждена и переименована в 51-ю Гвардейскую дивизию. Штаб дивизии дислоцировался в Со-

карновке, в 15 км от Голубинска. По пути американцы вновь наблюдали свидетельства недавних ожесточенных боев: ооченевшие трупы военнослужащих противника, трофейную технику и т.п.

В штабе 51-й Гвардейской дивизии генерала Хэрли встретил почетный караул — взвод хорошо снаряженных солдат. Американцев ознакомили с результатами боевых действий дивизии, которая осуществила прорыв оборонительных рубежей и нанесла поражение румынам — 13-й⁴⁷ и 15-й⁴⁸ пехотным дивизиям. В районе Мариновка — Зеленый произошло соединение с дивизией П.Ф. Лагутина⁴⁹, входившей в состав 51-й армии⁵⁰ (командующий Н.И. Труфанов⁵¹) Сталинградского фронта. После освобождения ст. Клетской за четыре дня боев врагу было нанесено поражение в ст. Распопинской, румыны были разбиты в ночном бою в Селиванове и во взаимодействии с танками и кавалерией была захвачена армейская артиллерия противника в Верхней Бузиновке и аэродром в Евлампиевском. За эти действия дивизия стала Гвардейской, а ее командиру было присвоено звание генерал-майора. «Его бойцы безрассудно отважны, неутомимы и в хорошей форме, их моральное состояние превосходно, и они жаждут воевать», — отметили в своем докладе американцы.

По оценке генерала Таварткиладзе, потери дивизии незначительны. В течение наступления было уничтожено до 30 тыс. солдат противника, в основном румынских. Захвачено большое количество военнопленных. Командир дивизии провел генерала Хэрли и его группу к передовым позициям. Окопы были вырыты на гребнях оврага и обогревались кострами. Снайперы, вооруженные винтовками с оптическими прицелами, несли дежурство. Эта часть поездки дала американцам возможность судить о качествах советского солдата после продолжительных боев, ознакомиться с его образом жизни в условиях непосредственного соприкосновения с врагом. Американцы особо отметили, что «в дивизии проходят службу военнослужащие более 50 национальностей: татары, казахи, грузины, азербайджанцы, таджики, киргизы, армяне и другие. Более 800 человек награждено, и каждый воин носит на правой стороне груди гвардейский значок». Американцы имели полную возможность дать собственную оценку действиям Красной армии, а также изучить трудности, с которыми приходилось сталкиваться.

Позднее группа генерала Хэрли вернулась в штаб 21-й армии для второй встречи с генералом Чистяковым и его штабом. Там они побеседовали с начальником артиллерии 21-й армии Героем Советского Союза Д.И. Турбиным. Разговор касался артиллерийского вооружения Красной армии, тактики действий артиллерии и ремонта поврежденных орудий. В итоговой записке американцев особо отмечено, что

если орудия нельзя быстро отремонтировать на поле боя или в ближайшем тылу силами передвижных ремонтных мастерских, то их отправляют для ремонта в Саратов или Пензу. Не забыли упомянуть и о том, что снаряды немецкого миномета (60-мм) могут быть использованы в 62-мм советском миномете, но советские мины (62-мм) не подходят к немецким минометам, и что артиллерия Красной армии более чем на 60% моторизована, а минометы в основном имеют конную тягу.

Из разговоров с другими офицерами штаба 21-й армии американцы выяснили, что Красная армия располагает огромными запасами нефти и газолена, а также резины и искусственного шелка, закупленных в США и Японии. Они также сочли важным упомянуть и о том, что в советских войсках не существует отличительных цветов парашютов (они обычно белого цвета, но иногда выдаются парашюты цвета хаки) и что советские войска, находящиеся в окружении, снабжаются посредством специальных самолетов.

2 декабря в 8 час. 30 мин. утра группа генерала Хэрли выехала из Голубинска на аэродром в ст. Новоанненской. По пути встречались войска, двигавшиеся к фронту на машинах и пешим порядком. Как объяснили американцам, это были солдаты, отставшие от своих частей, или пополнение. Американцы сделали записи: «Все они были грубы, жестки и упрямы — крестьяне различных национальностей». Отмечалось более оживленное, чем в предыдущий день, движение автотранспорта. Большинство машин было советского производства, но много было и машин американского производства — «Форд», «Студебеккер», а также немецкие и чешские машины.

Группа американцев пересекла Дон севернее ст. Клетской. На обоих концах узкого временного бревенчатого моста наблюдалось большое скопление транспорта. Это движение слабо контролировалось, никаких зенитных орудий близ моста не было видно, и налет немецких самолетов мог бы обернуться катастрофой. Генерал Хэрли посоветовал сопровождавшему их полковнику Фомченко направить офицера, командовавшего переправой, установить контроль на подступах к мосту и обеспечить противовоздушную оборону. С востока сравнительно низко пролетел немецкий самолет, который сделал круг над переправой и исчез прежде, чем в воздух поднялся советский истребитель. Встречные машины везли к фронту фураж, запасные части, баки с нефтью. Некоторые машины перевозили раненых. Американцы видели танки Т-34, направлявшиеся к фронту. Американских танков в этой поездке ни разу не встретили, из чего сделали вывод, что главной силой советских танковых войск является танк Т-34, который подходит к зимним условиям гораздо лучше американских из-за ширины гусеницы. Группа двигалась «по дороге, заме-

тенной снегом глубиной в 15 дюймов, через абсолютно пустынную местность. Только в одной из деревень оказалась небольшая группа красноармейцев. Были видны следы бомбардировки, некоторые бомбы, сброшенные на дорогу, весили 500 кг. В тыл, в сторону Серафимовича двигалась колонна из более ста румынских военнопленных. Их использовали для постройки дорог, мостов, рытья окопов, работы в колхозах и т.п.». После боев в районе ст. Клетской румынские пленные поступали по 2 тыс. человек в день.

В Серафимовиче генерал Хэрли был представлен командующему фронтом Н.Ф. Ватутину⁵² и офицерам штаба фронта: начальнику авиации С.А. Красовскому⁵³, начальнику артиллерии М.П. Дмитриеву⁵⁴, А.С. Желтову⁵⁵, Г.Д. Стельмаху⁵⁶, В.М. Лайоку⁵⁷. Генерал Ватутин, используя штабные карты, рассказал о развитии боевых действий пяти армий Юго-Западного фронта. Группировка противника в полосе наступления фронта состояла из 3-й румынской армии (9 пехотных, 3 танковых дивизии и кавалерийский корпус), поддерживаемой 22-й⁵⁸ и 24-й⁵⁹ немецкими танковыми дивизиями, которые по большей своей части оставались в резерве. Генерал Ватутин приказал осуществить прорыв и закрепить западный фланг, изгнать немцев из излучины Дона, а затем теснить немцев к Сталинграду. Ватутин заявил, что на своем участке генерал Батов не оставил в живых ни одного вражеского солдата. 19 ноября, в первый день наступления, были окружены 4 румынских дивизии, и линия фронта достигла высот 210, 176, 449, 131, 121 и Клетской; а на второй день — рубежа Коротковский — Головск — Селиваново — высота 640. На третий день наступления 3-й кавалерийский корпус⁶⁰, состоявший из 333-й, 293-й и 277-й дивизий, нанес поражение 2-му румынскому кавалерийскому корпусу, уничтожил румынскую дивизию и достиг рубежа высота 201 — Евсеев — Нижняя Бузиновка. Танковый корпус разгромил 22-ю и 24-ю немецкие дивизии, отеснив их на восток. 21 ноября две немецкие пехотные и одна моторизованная дивизии пытались контратаковать с запада на р. Чир, но были отброшены. На четвертый день наступления, 22 ноября, войска генерала Ватутина соединились с наступавшими с юга войсками в Мариновке и Зеленом. В течение четырех дней войска прошли с боями 160 км, полоса прорыва составила 140 км. Успех, по мнению Ватутина, был достигнут благодаря прекрасной воздушной разведке, тесному взаимодействию пехоты и артиллерии, налаженной радиосвязи (он поддерживал ежечасную связь с каждой дивизией в течение всего четырехдневного наступления). За эти дни противник потерял 234 танка, 977 орудий, 2 тыс. 941 автомашину и другую технику. Было взято в плен 53 тыс. человек. Потери противника убитыми составили 32 тыс. 221 человек.

В итоговом докладе американцев Сталинградская наступательная операция была представлена следующим образом. Началом операции по окружению Сталинградской группировки противника стало форсирование в начале ноября 1942 г. Дона в районе г. Серафимович и освобождение города от румынских войск, которые удерживали его в течение 22 дней. Основной удар был нанесен в течение 4 дней — с 19 по 22 ноября 1942 г. В авангарде наступления находилась 21-я армия, и к 23 ноября 1942 г. она прошла свыше 160 км. С армиями, находящимися на флангах, 21-я армия пробила в немецкой обороне брешь в 140 км, установила связи с двумя другими армиями, продвигавшимися с юга, а затем повернула на восток, сжимая кольцо окружения вокруг Сталинградской группировки немцев. Эта армия проявила себя как мощное соединение, применяющее наиболее современную тактику и использующее в ходе боевых действий концентрированный огонь артиллерии, танки и кавалерию в тесном взаимодействии с пехотой. Нелетная погода не позволила максимально задействовать авиацию, но воздушная разведка, особенно до 19 ноября, сыграла огромную роль в успехе наступления 21-й армии. Пять армий, принимавших участие в наступлении на Дону, находились в составе Юго-Западного фронта. Правый (западный) фланг 21-й армии находился в соприкосновении с 48-й армией, левый (восточный) — с 65-й армией. В самом Сталинграде сражалась 62-я армия генерал-майора В.И. Чуйкова⁶¹.

Во время поездки генерал Хэрли обсуждал вопросы, касающиеся стратегии и боевых операций, с генералами Ватутиным и Чистяковым и работниками их штабов, а также с генерал-майором Таварткиладзе. Генералу Хэрли и его группе были показаны детальные планы боевых операций и карты, им было предложено задавать любые острые вопросы, на которые они получали откровенные ответы, без приукрашивания реальной обстановки. Американцы осматривали как советское, так и трофейное снаряжение, проезжали по путям снабжения наступавших войск, тщательно осматривали транспортные средства. Они оценили эффективность деятельности в донских степях армий Юго-Западного фронта, отметили особенности местности для противоборствующих сторон, побывали на передовых позициях, видели еще не убранные трупы военнослужащих армий противника, психически подавленных пленных.

Из разговоров не только с генералами, но и с младшими офицерами и солдатами американцы вынесли впечатление о растущей мощи Красной армии, сумевшей оправиться от поражений 1941—1942 гг. Генерал Хэрли высказал удовлетворение тем, как была организована поездка, скоростью движения, точностью продвижения по маршруту, хорошим его знанием сопровождавшими лицами. Большое впечатление произвел осмотр трофеев и наиболее важных мест происходивших боев.

Задача, которая поставил перед генералом Хэрли президент Рузвельт, была решена. Теперь посланник США мог уверенно говорить, что русские сражаются храбро и уверены в победе. Ему предстоял длительный вояж по странам Среднего Востока и Азии. В эти дни американский военный обозреватель Макс Вернер писал: «1943 год должен стать годом коалиционной войны. Такая война требует мыслить категориями взаимного планирования, совместного использования ресурсов, вооруженных сил, стратегических позиций, совместных действий союзников. Ее главная предпосылка — отказ от ведения трех параллельных войн — русской, английской и американской, необходим переход к единой войне»⁶².

Выводы, сделанные специальными представителями союзников на основе собственных впечатлений в результате поездки на советско-германский фронт, способствовали упрочению сотрудничества стран Антигитлеровской коалиции в борьбе с нацизмом. Сталинградская битва стала переломным моментом войны не только на советско-германском фронте, она оказала решающее воздействие на всю мировую войну.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что советская разведка и контрразведка с задачей своевременного информирования ГКО и высшего политического руководства СССР о положении в Сталинграде и на различных участках фронта, общественных настроениях населения, военнослужащих Красной армии, а также иностранцев, находившихся в СССР, — справилась.

¹ Уже в 1942 г. советская контрразведка располагала достоверной информацией о Варшавской, Смоленской, Борисовской, Полтавской и других немецких разведывательных школах, разведывательном органе при 16-й немецкой армии, ряде абверкоманд и абвергрупп, дислоцированных на территории СССР. В годы войны советская контрразведка накопила и систематизировала данные о разведчиках и агентах, обучавшихся в разведывательных школах противника, изучила структуру его разведывательных служб, действовавших на советско-германском фронте.

² Радиоигра — комплекс оперативных мероприятий, проводимых отечественными спецслужбами, в ходе которых от имени и при участии захваченных на территории СССР агентов спецслужб противника, с использованием полученных от иностранной разведки средств связи, противнику систематически направлялись дезинформационные отчеты агента с легендированными данными о его деятельности. За период с 1942 по 1945 г. отечественные органы безопасности провели 181 радиоигру со спецслужбами противника. См.: Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). — Д. № 302329.

³ О наблюдении советской контрразведки за иностранцами см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. — М., 2000. — Т. 2, кн. 1. — С. 489—492; кн. 2. — С. 27, 28, 112, 133—135, 275—276, 357—358, 385—387; «За мной по пятам гонится НКВД...» // Независимое военное обозрение. — 1999. — № 2.

- ⁴ См.: ЦА ФСБ России. — Ф. 3-ос. — Оп. 9. — Д. 12. — Л. 294—305; Д. 14. — Л. 199, 205; Д. 15. — Л. 67—73, 230, 239—244.
- ⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. — М., 2003. — Т. 3, кн. 2. — С. 115.
- ⁶ ЦА ФСБ России. — Ф. 3 ос. — Оп. 9. — Д. 11. — Л. 278—288.
- ⁷ Международное положение глазами ленинградцев, 1941—1945. — СПб., 1996. — С. 50, 51.
- ⁸ См.: Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. — М., 2000. — С. 10, 218—231, 242—246, 259—263, 382—387, 395—400.
- ⁹ Лоуренс Адольф Штейнгардт (1892—1950) — американский юрист, финансист, дипломат. Посланник США в Швеции (1933—1937), посол США в Перу (1937—1939), в СССР (1939—1941), в Турции (1941—1944), Чехословакии (1944—1948), Канаде (1948—1950).
- ¹⁰ ЦА ФСБ России. — ПФ-4744. — Ч. 2. — Л. 286, 290.
- ¹¹ *Стеттиниус, Э.* Ленд-лиз — оружие победы // Загадки ленд-лиза. — М., 2000. — С. 122.
- ¹² Гарри Ллойд Гопкинс (1890—1946) — американский государственный деятель. Министр торговли США (1938—1940), руководитель программы ленд-лиза (1941, закон о ленд-лизе был принят в марте 1941 г.), специальный помощник президента США Ф.Д. Рузвельта (1942—1945). Близкий друг президента и один из ближайших советников, фактически его доверенное лицо во время Второй мировой войны.
- ¹³ *Данн, Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. — М., 2004. — С. 198.
- ¹⁴ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: документы и материалы: в 2 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 80—82.
- ¹⁵ *Мальков, В.Л.* Проблемы внутренней политики и дипломатии: историко-документальные очерки. — М.: Мысль, 1988. — С. 217.
- ¹⁶ Уильям Аверелл Гарриман (1891—1986) — американский финансист, политический и государственный деятель, дипломат. В 1934 г. назначен президентом США Рузвельтом в Национальную администрацию восстановления. В 1937—1940 гг. председатель Совещательного совета по бизнесу Министерства торговли. В 1941 г. направлен в Великобританию, чтобы наладить поставки по ленд-лизу. В 1943—1946 гг. посол в СССР. Участник международных конференций и переговоров в Квебеке, Каире и Тегеране в 1943 г. и в Ялте, Сан-Франциско и Потсдаме в 1945 г. Посол США в Великобритании (1946), министр торговли (1947—1948) и специальный представитель США по надзору за выполнением плана Маршалла (1948—1950).
- ¹⁷ *Данн, Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. — С. 202, 203.
- ¹⁸ Там же. — С. 217.
- ¹⁹ Уильям Гаррисон Стэндли (1872—1963) — американский военачальник и политический деятель. Контр-адмирал, начальник штаба ВМС США (1933—1937), посол США в СССР (1942—1943).
- ²⁰ Мировые войны XX века. — М., 2005. — Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. — С. 377—379.
- ²¹ К выводу об ошибочности пришли и видные американские дипломаты — специалисты по России: Гендерсон, Боулен и Кеннан. См.: *Данн, Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. — С. 224—225.
- ²² ЦА ФСБ России. — ПФ-10315. — Т. 1. Ч. 2. — Л. 43—44.
- ²³ Там же. — Ф. 3-ос. — Оп. 9. — Д. 15. — Л. 239—244.
- ²⁴ См.: Там же. — Ф. 14. — Оп. 4. — Д. 913. — Л. 154—157.

- ²⁵ См.: Там же. — Д. 1008. — Л. 67—69, 74—77.
- ²⁶ Патрик Джей Хэрли (Харли, Херли) (Hurley) (1883—1963) — американский военный и государственный деятель, дипломат, бригадный генерал (1941). Участник Первой мировой войны. Военный министр в администрации президента Гувера. В годы Второй мировой войны выполнял личные поручения президента Рузвельта, в т.ч. в Китае, Новой Зеландии, Австралии. Для уточнения обстановки посещал фронты в СССР и на Среднем Востоке.
- ²⁷ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М.: Госполитиздат, 1957. — Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). — С. 32, 33.
- ²⁸ Лой Гендерсон (Хендерсон; Henderson) (1892—1986) — американский государственный деятель. В 1934—1936 гг. секретарь посольства США в СССР. В 1936—1938 гг. временный поверенный в делах США в СССР. В 1938—1942 гг. и 1943 г. зам. заведующего Европейским отделом Госдепартамента. В 1942 г. советник посольства и временный поверенный в делах США в СССР. В 1943—1945 гг. посланник США в Ираке, в 1945—1948 гг. посол США в Индии и Непале.
- ²⁹ См.: Советско-американские отношения. 1939—1945 / под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. — М.: МДФ, 2004. — С. 317, 318.
- ³⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР ... — С. 37.
- ³¹ Там же. — С. 33.
- ³² Юго-Западный фронт второго формирования образован в октябре 1942 г. на стыке Донского и Воронежского фронтов в составе 21-й, 63-й, 5-й танковой и 17-й воздушной армий. В последующем в состав фронта входили также 5-я ударная, 6-я, 12-я, 46-я, 57-я, 62-я армии, 3-я танковая и 2-я воздушная армии. Командующий — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин.
- ³³ Цит. по: Быстрова, И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 396.
- ³⁴ См.: ЦА ФСБ России. — Ф. 3 ос. — Оп. 9. — Д. 18. — Л. 171.
- ³⁵ 21-я армия сформирована в июне 1941 г. в Приволжском военном округе. Во время Сталинградской битвы в составе Сталинградского и Донского фронтов оборонялась по левому берегу р. Дон на участке Серафимович — Клетская; в контрнаступлении действовала в составе главной группировки Юго-Западного и Донского фронтов. В мае 1943 г. преобразована в 6-ю Гвардейскую армию. Командующий — генерал-майор И.М. Чистяков.
- ³⁶ См.: ЦА ФСБ России. — Ф. 14. — Оп. 4. — Д. 944. — Л. 70.
- ³⁷ Станица Новоаннинская — административный центр одноименного района. Население района на начало войны — 33 тыс. 762 чел., райцентра — 15 тыс. 244 чел. Район сельскохозяйственный, зернового направления. В годы войны в армию мобилизовано свыше 18 тыс. призывников (с учетом эвакуированных из западных районов страны), 6 тыс. 542 чел. погибли. Летом 1942 г. на территории прифронтового района размещались штабы Юго-Западного фронта, 3-й армии и 15 эвакуогоспиталей.
- ³⁸ Станица Распопинская — сельское поселение Клетского района Сталинградской области. В ходе контрнаступления под Сталинградом в районе была разгромлена большая часть 4-го и 5-го румынских армейских корпусов. В плен взято свыше 27 тыс. румынских солдат и офицеров, значительное количество трофеев. Это была первая в Великой Отечественной войне капитуляция крупной группировки противника.
- ³⁹ 6-я полевая армия вермахта сформирована в октябре 1939 г. путем переименования 10-й армии. С начала войны — на южном участке советско-германского фронта. В составе группы армий «Б» наступала на Сталинград. В результате совет-

ского контрнаступления блокирована, полностью разбита и капитулировала в феврале 1943 г. Командующий — генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс (пленен).

⁴⁰ Иван Михайлович Чистяков (1900—1979) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918 г. Участник Гражданской войны. С октября 1942 г. и до конца войны — командующий 21-й (с апреля 1943 г. — 6-й Гвардейской) армией. Участник войны с Японией (1945).

⁴¹ Валентин Антонович Пеньковский (1904—1969) — генерал армии (1961). В РККА с 1920 г. В годы Великой Отечественной войны на Юго-Западном, Сталинградском, Донском, Воронежском, Ленинградском, 1-м и 2-м Прибалтийском и 1-м Дальневосточном фронтах. Начальник штаба управления ПВО фронта, начальник ПВО армии, командир стрелковой дивизии (1941—1942), начальник штаба 21-й, 6-й Гвардейской, 25-й армий (1942—1945).

⁴² Дмитрий Иванович Турбин (1903—1944) — генерал-лейтенант артиллерии (1943), Герой Советского Союза (1940). В РККА с 1922 г. Участник советско-финляндской войны. Командующий артиллерией 21-й армии, а затем 4-й Гвардейской армии. В январе 1944 г. во время одной из поездок на фронт смертельно ранен. Похоронен в Киеве в Парке Вечной Славы.

⁴³ Григорий Николаевич Орел (1904—1974) — генерал-лейтенант танковых войск (1943). В РККА с 1924 г. В период Великой Отечественной войны — начальник автобронетанкового отдела 16-й армии, затем командующий бронетанковыми и механизированными войсками Брянского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов.

⁴⁴ Иван Давыдович Векилов (Векилян) (1894—1953) — генерал-лейтенант артиллерии (1943). На военной службе с 1912 г. В годы Великой Отечественной войны — зам. начальника штаба артиллерии Красной армии. С июня 1943 г. начальник управления боевой подготовки артиллерии Красной армии.

⁴⁵ Павел Иванович Батов (1897—1985) — генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской войн, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны. С октября 1942 г. и до конца войны — командующий 65-й армией.

⁴⁶ Прокофий Логвинович Романенко (1897—1949) — генерал-полковник (1944). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской войн, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны. С мая 1942 г. командующий 3-й танковой армией. Затем зам. командующего Брянским фронтом. С ноября 1942 г. командующий 5-й танковой армией.

⁴⁷ 13-я пехотная дивизия входила в состав 4-го корпуса 3-й румынской армии. Разгромлена под Сталинградом.

⁴⁸ 15-я пехотная дивизия входила в состав резерва 3-й румынской армии. Разгромлена под Сталинградом.

⁴⁹ Павел Филиппович Лагутин (1896—1975) — генерал-лейтенант (1944). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С июля 1941 г. командир 293-й стрелковой дивизии. В период Сталинградской битвы под его командованием части 293-й стрелковой дивизии обороняли левый берег р. Дон. В ноябре — декабре 1942 г. дивизия отличилась в контрнаступлении под Сталинградом, за что была переименована в 66-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. С января 1943 г. зам. командующего 21-й армией. В июле — августе 1943 г. командир 23-го Гвардейского стрелкового корпуса. Ранен в бою. С апреля 1944 г. зам. командующего 6-й Гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта. С июля 1945 г. зам. командующего 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта.

⁵⁰ 51-я армия сформирована в Крыму на базе 9-го стрелкового корпуса, выполняла задачи по обороне Крыма. Во время Сталинградской битвы вела оборонительные бои южнее города. В ходе контрнаступления действовала на Котельни-

ковском направлении, где за отличие в боях некоторые соединения армии были переименованы в Гвардейские. Командующий — генерал-майор Н.И. Труфанов.

⁵¹ Николай Иванович Труфанов (1900—1982) — генерал-полковник (1955). В РККА с 1919 г. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. С июля 1942 г. командующий 51-й армией, с июня 1943 г. зам. командующего 69-й армией, с марта 1945 г. командир 25-го стрелкового корпуса.

⁵² Николай Федорович Ватугин (1901—1944), генерал армии (1943), Герой Советского Союза (1965, посмертно). В РККА с 1920 г. С июня 1941 г. начальник штаба Северо-Западного фронта, с мая 1942 г. зам. начальника Генштаба, одновременно командующий войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. 29 февраля 1944 г. тяжело ранен и 15 апреля умер от ран.

⁵³ Степан Акимович Красовский (1897—1983) — маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. С начала Великой Отечественной войны командующий ВВС 56-й армии. С января 1942 г. командующий ВВС Брянского фронта. С мая 1942 г. командующий 2-й воздушной армией. С ноября 1942 г. по март 1943 г. командующий 17-й воздушной армией. С марта 1943 г. и до конца войны командующий 2-й воздушной армией.

⁵⁴ Михаил Петрович Дмитриев (1898—1985) — генерал-полковник (1954). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны. В годы Великой Отечественной войны командующий артиллерией Центрального, Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

⁵⁵ Алексей Сергеевич Желтов (1904—1991) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1978). В РККА с 1924 г. В Сталинградской битве член Военного совета Донского, затем Юго-Западного фронтов.

⁵⁶ Григорий Давидович Стельмах (1900—1942) — генерал-майор (1941). В РККА с 1919 г. Участник Гражданской войны. С октября 1942 г. начальник штаба Юго-Западного фронта. Погиб 21 декабря 1942 г.

⁵⁷ Владимир Макарович Лайок (1904—1966) — генерал-лейтенант интендантской службы (1945). В 1941 г. секретарь Полтавского обкома КП (б) Украины. В годы Великой Отечественной войны член Военных советов 38-й, 1-й танковой, 1-й Гвардейской армий; Юго-Восточного, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов.

⁵⁸ 22-я танковая дивизия вермахта сформирована в октябре 1941 г. В 1942 г. вела бои на Дону и под Сталинградом, в начале 1943 г. на реках Донец и Миус.

⁵⁹ 24-я танковая дивизия вермахта сформирована в ноябре 1941 г. в Восточной Пруссии. На Восточном фронте с июня 1942 г. В январе 1943 г. разгромлена под Сталинградом. Ее командир, генерал-майор фон Ленски, взят в плен. Части дивизии, не окруженные в Сталинградском котле, переброшены во Францию для реорганизации.

⁶⁰ 3-й Гвардейский кавалерийский корпус сформирован в 1934 г. в Ленинградском военном округе как 5-й кавалерийский корпус. За успешные боевые действия в начале войны переименован в 3-й Гвардейский кавалерийский корпус. В октябре 1942 г. вошел в состав 21-й армии, с началом контрнаступления введен в прорыв вражеской обороны южнее ст. Клетской. Затем в составе 5-й ударной армии участвовал в ликвидации плацдарма в районе ст. Нижнечирской. Командир — генерал-майор И.А. Плиев.

⁶¹ Василий Иванович Чуйков (1900—1982) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1918 г. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. С сентября 1942 г. и до конца войны — командующий 62-й армией.

⁶² Цит. по: *Иванов, Р.Ф.* Сталин и союзники, 1941—1945 гг. — Смоленск, 2000. — С. 317.

М. Ю. Мягков

ОПЕРАЦИЯ «МАРС»: ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ХОДЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Статья посвящена значению операции «Марс» (ноябрь — декабрь 1942 г.), проведенной одновременно с контрнаступлением советских войск под Сталинградом. Автор на основе анализа архивных документов считает, что замысел советской операции «Марс» имел двуединую задачу — не только способствовал успешному осуществлению операции «Уран», что само по себе уже огромное достижение, но и объективно устранял угрозу неожиданного вражеского удара в направлении Москвы. Автор также исследует критику этой операции в отечественной и зарубежной историографии за последнее время.

Ключевые слова: стратегические и военно-политические расчеты советского и германского командований в 1942 г.; Сталинградская битва; операция «Марс»; стратегическая дезинформация.

М. Yu. Myagkov

The Operation “MARS”: Its Strategic and Military-Political Importance during the Battle of Stalingrad

The article is devoted to the significance of the operation of “Mars” (November — December 1942), held simultaneously with the counter offensive of the Soviet troops near Stalingrad. On the basis of the analysis of archival documents the author believes that the idea of the Soviet operation of “Mars” had a dual task — not only contributed to the successful implementation of the operation of “Uranium”, and that in itself is a great achievement, but objectively eliminated the threat of unexpected enemy attacks in the direction of Moscow. The author also explores the criticism of the operation in Russian and foreign historiography for the last time.

Keywords: strategic and military-political calculations of the Soviet and German commands in 1942; the battle of Stalingrad; the operation “Mars”; strategic disinformation.

«Самым большим поражением маршала Г.К. Жукова» назвал американский историк Дэвид Глэнтц осуществленную в конце 1942 г. под руководством прославленного полководца операцию «Марс» (или вторую Ржевско-Сычевскую наступательную операцию сил Западного и Калининского фронтов, 25.11—20.12.1942 г.)¹.

Конечно, на маршала, которого уже давно нет в живых, возможно сегодня навесить и не такие ярлыки. Его полководческий

талант подвергался в послевоенное время нападкам не единожды, начиная с обвинений в «бонапартизме» со стороны Сталина и Хрущева и заканчивая современными авторами, утверждающими, что Жуков воевал исключительно кровью своих солдат². Но достаточно много работ выходило и продолжает публиковаться у нас и за рубежом, которые на достоверном архивном материале показывают всю несостоятельность таких обвинений. И в то же время они заостряют внимание на всей сложности (равно как и важности) изучения событий, связанных с Великой войной, которую вел СССР против гитлеровской Германии. В этом ряду отечественных и западных историков следует упомянуть таких исследователей, как Н.Н. Яковлева, М.А. Гареева, В.В. Карпова, А.В. Исаева, Дж. Эриксона, Э. Модсли, Дж. Мэдисона, Д. Робертса³, чья последняя книга «Сталинский генерал: жизнь Георгия Жукова», кстати, уже получила большой резонанс в США и Англии и скоро будет опубликована на русском языке.

Но дело здесь не только в Жукове, как в полководце. Его критика базируется на интерпретации более широкого круга вопросов, касающихся характера войны, правил ее ведения со стороны советского командования, качества реализации его стратегических замыслов, в целом, положительной или отрицательной оценки Советского Союза и его армии в ходе и исходе глобального конфликта. Заронить сомнения в компетентности Жукова означает поставить под вопрос компетентность всего Верховного командования, за которым следует критика широкой палитры нашей народной памяти о войне и, в том числе, такого ее аспекта, как истинно освободительный характер миссии Красной Армии. Ведь не могли же фальшь и некомпетентность принести свободу народам Европы! Операция «Марс» удобна для современного суда истории войны. Но что было на самом деле?

Хрестоматийно известно, что по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) на зимнюю кампанию 1942/43 г. после окружения и уничтожения основных сил группы армий «Б» под Сталинградом (операция «Уран») намечалось расширить фронт стратегического наступления, разгромить гитлеровские войска на Среднем и Верхнем Дону и, развивая главный удар в общем направлении на Ростов (операция «Сатурн»), выйти в тыл немецкой группировки на Северном Кавказе. То есть намечался разгром всего южного крыла Восточного фронта вермахта. В районе же Ржева и Белого готовилось наступление (операция «Марс»), которое имело своей целью не допустить переброску войск вермахта с центрального участка советско-германского фронта на его южное крыло, а затем перейти в

стратегическое наступление против группы армий «Центр». Замысел операции «Марс» предусматривал также ликвидацию ржевского выступа, который враг мог использовать для организации удара в направлении Москвы⁴. В фундаментальном четырехтомнике о Великой Отечественной войне, вышедшем в конце 1990-х годов, отмечается, что контрнаступление под Сталинградом стало ядром общего замысла Ставки ВГК на период кампании 1942/43 г., в ходе которой планировалось последовательно разгромить вражеские группы армий «Юг», «Центр» и «Север». Однако операции «Марс» в труде посвящено всего лишь несколько строк и то почему-то в разделе, повествующем о «Борьбе за Великие Луки»⁵. Практически ничего не сказано о характере развернувшихся тогда сражений и точных потерях советских войск. Более подробную информацию о тех событиях мы ожидаем увидеть в 3-м томе нового многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», готовящегося к выходу в свет.

Глэнтц утверждает, что трактовка операции «Марс» в советской (российской) историографии, — это «образец неискренности и бесстыдной лжи»⁶. Все содержание книги американского исследователя, которая в свое время вызвала споры среди российских историков и послужила причиной проведения достаточно острых дискуссий, направлена на доказательство того, что осенью 1942 г. Ставка ВГК разработала две стратегические наступательные операции: одну на Западном, а другую — на Южном направлении. При чем главной из них, которую намечалось проводить силами Западного фронта под командованием И.С. Конева и Калининского фронта под командованием М.А. Пуркаева, была именно операция «Марс». Координировать действия фронтов было поручено Г.К. Жукову. В ходе наступления советским войскам предстояло окружить и уничтожить 9-ю немецкую армию в районе Ржева, Сычевки, Оленино и Белого. В операции «Марс» были задействованы мощные силы, — не меньшие, с точки зрения Глэнтца, чем в операции «Уран»: 6 армий и 7 подвижных корпусов, а еще 4 советских армии обеспечивали фланги наступающих группировок (непосредственно в операции принимало участие 668 тыс. чел. и 2 тыс. танков, а в операции «Уран» — 700 тыс. чел. и 1400 танков). Эти цифры, по мнению отечественных историков, сильно преувеличены. Советские войска имели 5 подвижных корпусов (1-й и 3-й механизированные, 5-й и 6-й танковые, 2-й гвардейский кавалерийский), 362 тыс. человек личного состава и 1300 танков⁷.

Основными причинами неудачи операции «Марс», больших потерь советских войск — а они, по данным Глэнтца, составили только

погибшими и пропавшими без вести около 100 тыс. человек⁸ — были следующие: глубокоэшелонированная оборона немцев на этом направлении и перенесение сроков операции на более поздний срок. Дата начала наступления была отложена советским командованием почти на полтора месяца, с 12 октября на 25 ноября, что полностью устранило фактор внезапности. Кроме того, советским войскам противостояли под Ржевом и Белым чисто немецкие соединения (считавшиеся более искусственными и опытными); тогда как на южном крыле фронта — под Сталинградом — главный удар пришелся против менее стойких союзных вермахту дивизий румынских и итальянских войск.

О чем говорят архивные документы? С большим основанием можно полагать, что задачи, поставленные перед Западным и Калининским фронтами осенью 1942 г., носили стратегический характер. Так, в отчете штаба Западного фронта говорится, что еще 1 октября 1942 г. 29-я, 30-я, 31-я и 20-я армии получили приказ о проведении операции по уничтожению совместно с силами Калининского фронта Сычевско-Ржевской группировки противника — опасного германского выступа западнее Москвы. Уже к исходу первого дня наступления 20-й армии предстояло выйти на железную дорогу Ржев — Сычевка и овладеть самой Сычевкой. Готовность армий к операции «Марс», согласно директиве штаба Западного фронта № 0289, определялась как 12 октября 1942 г. Однако к указанной дате армии готовы не были, а сроки наступления откладывались до особого распоряжения⁹.

В отчете штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, в частности, говорилось: «Командование Западного фронта наметило удар в октябре месяце, но в виду дождливой погоды, плохой проходимости дорог было принято решение прорыв отложить до заморозков. Больше месяца проходила подготовка... Все это не осталось незамеченным для противника. Кроме того, были случаи, когда изменники Родины, перебежавшие на сторону врага, сообщали о подготовке прорыва. Зная об этом, немецкое командование укрепило свои оборонительные позиции, причем больше всего там, где намечался прорыв»¹⁰. Здесь стоит лишь заметить, что условия погоды (проливные дожди) были также одной из главных причин медленного развития наступления Западного фронта еще в период Первой Ржевско-Сычевской операции, что не раз подчеркивалось штабом Жукова летом 1942 г.

Необходимо добавить, что местность в районе, намеченном для проведения операции «Марс», сильно отличалась от приволжских и донских степей, где к окружению 6-й армии Паулюса готови-

лись силы Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. В районе действия ударных соединений Западного фронта она была пересеченной с многочисленными лощинами и высотами. Населенные пункты были почти все разрушены, что создавало трудности в ориентировке, особенно ночью. В полосе же Калининского фронта, местность изобиловала многочисленными болотами, что служило серьезным препятствием для механизированных соединений. В районе Белого, в некоторых местах почва буквально начинала ходить под ногами у бойцов, как только они сходили с твердого покрытия дорог. Можно себе представить — во что она превратилась в период осенней распутицы. Поэтому перенесение сроков операции было неизбежным следствием погодных условий.

Как сами немцы оценивали значение занимаемого ими плацдарма в квадрате Ржев — Сычевка — Белый — Оленино и как реагировали на появившиеся сведения о готовящемся советском ударе? По показаниям пленных, командование вермахта начало срочно подтягивать дополнительные силы к угрожаемым районам. Здесь вскоре появились свежие подразделения 9-й и 2-й танковых, 129-й, 337-й, 102-й, 52-й, 216-й, 78-й пехотных дивизий. Причем ряд немецких танковых соединений (1-я и 5-я, 19-я танковые дивизии), напротив, были выведены в резерв и заменены пехотными частями. Немецкие танкисты получили задачу нанести, в случае необходимости, контрудары по прорвавшимся советским войскам. «Лихорадочное и поспешное» укрепление своих позиций красноречиво свидетельствовало о том, какое значение немцы придавали этому участку фронта. Военнопленный обер-ефрейтор О. Шрампель признавался, что немецкие командиры требовали от них «обороняться изо всех сил, поскольку иначе ржевская железная дорога будет захвачена русскими, а немецкой армии придется удирать до Смоленска. Тогда русские солдаты наверняка будут в Берлине»¹¹.

К предстоящей зимней кампании немецкое командование было подготовлено несравнимо лучше, чем к прошлогодней. Солдаты имели теплое белье и униформу, получали горячую пищу, в каждом блиндаже имелась печка¹². Покидать выступ группа армий «Центр» не планировала. Тем не менее, советское командование было полно решимости переломить, наконец, ситуацию на Западном направлении. В течение октября и ноября 1942 г. в войска вливались новые стрелковые, артиллерийские и танковые части. Молодое пополнение училось овладевать оружием и боевой техникой. К 25 ноября все соединения, которым предстояло участвовать в операции «Марс», в основном, были пополнены до штатной численности. Так, 20-я армия Западного фронта имела в своем распоряжении 95 557 бойцов,

которым, по советским данным, противостояло 17 800 немцев. Кроме того, армия располагала на один километр фронта 31 орудием, против 9 германских¹³. В состав 6-го танкового корпуса, целью которого было развивать удар в глубине вражеской обороны, входило 166 танков¹⁴.

Здесь мы подходим к ключевому вопросу о значении, которое советское военное руководство придавало операции «Марс». Есть все основания полагать, что фронтовое командование, а значит и сам Жуков, назначенный координировать действия наступающих группировок, ставили перед собой решительные цели. Немецкий нож, застрявший на центральном участке советско-германского фронта — всего в 150 километрах от Москвы, необходимо было, в конце концов, сломать и ликвидировать. Об этом свидетельствуют сами документы фронтов. «В целях ликвидации Ржевского выступа, — говорилось в отчете об операции, — командование фронтом [Западным] в октябре месяце 1942 года наметило операцию, которая во взаимодействии с Калининским фронтом должна была привести к окружению Ржевской группировки противника, взятию Ржева ударами с южных направлений и освобождению железной дороги Москва — Великие Луки»¹⁵. Отметим, что выполнение этой задачи резко улучшало стратегическую обстановку на Западном направлении и окончательно снимала угрозу неожиданного захвата Москвы.

О том, что такая угроза существовала, и о ней хорошо знали в Кремле, говорят и недавно открытые документы советской военной разведки. Речь идет о донесении Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии Сталину и другим высшим государственным и военным деятелям Советского Союза, включая Л. Берия и А. Василевского, о посещении послом Японии в Берлине Х. Осимой одного из участков советско-германского фронта с 1 по 7 августа 1942 г. Все впечатления посла от этой поездки и его мнение о намерениях германского командования стали достоянием спецслужб и легли затем на стол советского руководителя. Ключевыми в этом разведдонесении являются пункты, посвященные замыслам вермахта на ближайшее полугодие.

«...Первоначальный план немцев:

- а) Северная группа (от Валдая на север) — укрепление и оборона;
- б) Центральная группа (от Валдая до Курска) — сковать советскую армию, но при переброске больших сил Красной Армии с центра на юг, начать наступление на Москву;
- в) Южная группа — разгром армий Тимошенко, после захватить Кавказ и Сталинград...

Намерения немцев:

1. Захватить Кавказ, на что потребуется не более месяца. Решающее влияние в этой операции будет иметь 11-я армия (в Крыму), которая будет переведена в Закавказье.

2. Захват Сталинграда.

3. В зависимости от хода этих операций начать наступление на Москву.

4. До начала зимы [немцы] считают возможным в основном уничтожить главные силы Красной Армии и захватить большую часть европейской части СССР...»¹⁶

Разведывательные материалы, безусловно, подтверждали, что первоочередной задачей немцев было захватить Кавказ и Сталинград. Но как быть с Москвой? Обращал на себя внимание пункт, где говорилось, что на овладение Кавказом вермахту потребуется «не более месяца», а вслед за этим должно последовать наступление на столицу. Сталин был ознакомлен с этими данными 19 августа. Что в этой ситуации должен был сделать Главнокомандующий? Оставить все на волю случая и надеяться на то, что жесткая оборона Кавказского хребта и Сталинграда опрокинет все эти далеко идущие немецкие планы? Видимо именно тогда в Ставке возникла идея нанесения по врагу нового мощного превентивного удара на Западном (московском) направлении. Дело в том, что Ржевско-Сычевская операция сил левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронта (30 июля — 23 августа 1942 г.) к тому времени уже практически выдохлась, и организация очередного наступления требовала лучшей подготовки. В создавшихся условиях Ставке ВГК необходима была такая операция, в результате которой противник на ржевском выступе понес бы крупное поражение и не только бы лишился надежды на переброску своих войск на другие участки, но даже и думать перестал о нанесении удара в сторону Москвы. Именно такая цель просматривается в оперативных документах, подготовленных к 12 октября 1942 г. командованием Западного и Калининского фронтов.

Логично напрашивается вывод — в планах зимней кампании РККА на 1942/43 г. обе операции, «Уран» и «Марс», были задуманы как единое целое. То есть в своей совокупности они были призваны резко изменить стратегическую обстановку на советско-германском фронте и, возможно, уже в 1943 г. поставить вопрос о поражении Германии в войне с Советским Союзом. Да, это так. Но, все же, «Уран» и «Марс» не были равнозначными. Наступление на центральном участке должно было содействовать решению главной задачи кампании — окружению немцев на юге.

Следует иметь в виду, что к концу 1942 г. Кремль полностью отдавал себе отчет, что без открытия союзниками второго фронта в Европе говорить о скором тотальном поражении Германии преждевременно. И если полет В.М. Молотова в Великобританию и США в мае — июне 1942 г. еще вызывал серьезные надежды, что высадка во Франции состоится в ближайшем будущем, то визит У. Черчилля в Москву 12—16 августа 1942 г. развалил эти ожидания. Советскому Союзу приходилось пока рассчитывать только на собственные силы, и, соответственно, ставить перед собой реально достижимые цели. Напомним также, что операция «Марс» планировалось начать еще 12 октября 1942 г., но этому помешали погодные условия. На наш взгляд, этот факт свидетельствует в пользу того, что советское командование стремилось как можно скорее сковать германские войска на Западном направлении, но отнюдь не рассматривало операцию «Марс» в качестве равнозначной окружению сил противника под Сталинградом.

Сталинград как магнит притягивал к себе новые контингенты вражеских и советских войск. Для СССР он стал символом отсутствия вариантов в войне — либо погибнуть, либо победить. Здесь и сейчас! Более того, свидетельство того, что именно Сталинградский фронт оставался для Сталина главным в период начала зимней кампании советских войск мы находим в переписке Верховного с премьером Черчиллем и президентом Рузвельтом. Так, 27 ноября 1942 г. он информировал первого об успехах наступления под Сталинградом и, между прочим, сказал, что «Мы думаем на днях предпринять активные операции на Центральном фронте, *чтобы сковать здесь силы противника и не дать ему возможности перебросить часть сил на юг* (выделено нами. — М.М.)»¹⁷. 28 ноября ту же информацию он направил и Рузвельту. Представляется маловероятным, чтобы Сталин вводил своих союзников в заблуждение относительно истинных целей советского наступления в районе Ржева. Слишком велики были ставки в сражениях на юге. Поистине весь мир следил за исходом советско-германского противостояния на берегах Волги. И от того, кто одержит верх именно под Сталинградом — городом, носящим имя самого вождя, — зависело очень многое не только на Восточном фронте, но и в деле сопротивления агрессорам по всему миру. Показательно, что даже мэр Нью-Йорка объявил 8 ноября «Днем Сталинграда», сказав, что главным событием года является эпическая оборона Сталинграда, не имеющая себе равных в истории»¹⁸. Такого же мнения придерживался тогда и президент Рузвельт.

Нетрудно заметить, что в своей переписке с руководителями союзников еще до начала советского контрнаступления под Ста-

линградом Сталин был достаточно откровенным и снабжал их достоверной секретной информацией о советских планах. Так, еще 14 ноября он послал Черчиллю и Рузвельту информацию о том, что Красная Армия удерживает позиции на Северном Кавказе и намеревается в ближайшее время нанести свой удар, хотя его сроки зависят от природного фактора. Сталин — Черчиллю: «В ближайшее время думаем начать зимнюю кампанию. Когда именно удастся начать, это зависит от погоды, которая не в нашей власти. О ходе операций буду осведомлять Вас регулярно»¹⁹. Через день после начала «Урана» он пишет Черчиллю: «Начались наступательные операции в районе Сталинграда, в южном и северо-западном секторах... В северо-западном секторе фронт немецких войск прорван на протяжении 22 километров, в южном секторе — на протяжении 12 километров. Операция идет неплохо»²⁰.

Конечно, следует различать откровенность Сталина в сверхсекретной переписке с союзниками и информацией выданной для внутреннего потребления в советских газетах того времени, где начало советского наступления на Западном направлении было представлено как еще один мощнейший удар по немецко-фашистским захватчикам, происшедшим в координации (наравне) с ударом на юге. Но как бы не повернулись дела под Ржевом в последующем, для Сталина основная задача оставалась прежней — нанести немцам решающие поражения под Сталинградом и на Кавказе. Тем более, что германский враг не должен был заподозрить какого-либо подвоха в советских замыслах, читая советскую прессу.

С военно-политической точки зрения именно крутой поворот на южном театре советско-германского противоборства давал СССР наиболее крупные международные дивиденды, позволял не только поднять мировой престиж Красной Армии, но и устыдить еще раз союзников, донельзя затянувших открытие второго фронта в Европе. Еще совсем недавно, 6 ноября 1942 г., выступая на торжественном заседании Московского городского совета, Верховный специально отметил, что «главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году... отсутствие второго фронта в Европе»²¹. Удар же под Ржевом, при любом исходе, укладывался в следующую формулу: немцы угрожали и продолжают угрожать нашей столице, поэтому наша активность на этом участке, безусловно, оправданна. Недаром в праздничном приказе от 7 ноября 1942 г. вождь заострил внимание на московском направлении, имея в виду, правда, и вторую цель — задним числом (как бы косвенно) оправдать свой собственный просчет в определении вектора главного удара немецких войск летом 1942 г. В документе, в частности, утверждалось, что «не-

мецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград... подступы к Закавказью. Правда, стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы немцев по обходу Москвы с востока и удару с тыла на столицу нашей страны»²².

Такой удар на Москву, несомненно, мог состояться, но только в том случае, если бы немцам удалось разрушить советские оборонительные бастионы под Сталинградом и на Кавказе, которые как волнорезы сокрушали ударную мощь главных сил вермахта, перемалывали переброшенные сюда ресурсы.

Сегодня мы также знаем — для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с Западного направления на Южное советское командование подбросило 4 ноября 1942 г. через агента-двойника «Макса» (А. Демьянова) «информацию» о том, что главный удар по противнику Красная Армия нанесет 15 ноября именно под Ржевом. Об этом пишет один из руководителей советской разведки Павел Судоплатов. Знал ли об этой «дезе» Г. Жуков — остается загадкой. Судоплатов утверждает, что Жуков не подозревал об этом «и заплатил дорогую цену»²³. Маловероятно, однако, что Сталин и Генеральный штаб скрывали от Жукова цели операции, — скажем так.

В исследовании операции «Марс» остаются еще ряд недосказанностей, белых пятен. Одно из них касается уже упомянутой информированности Жукова и, соответственно, его намерений. Например, как должен был действовать полководец, получив информацию от Сталина, что его войска проводят лишь отвлекающую операцию? Проводить лишь демонстрационные атаки? Но тогда враг мог бы быстро вычислить «игру» и начать переброску своих резервов на помощь Паулюсу. Другой вопрос, насколько плотно Жуков участвовал в разработке «Марса»? Ведь известно, что, как заместитель Верховного главнокомандующего, с конца августа он наибольшую часть времени уделял положению на сталинградском направлении. Наконец, мог ли Жуков действительно надеяться на успех операции «Марс» (даже несмотря на ее отвлекающий характер), имея в своем распоряжении значительные силы? Требуют еще более тщательного анализа оперативные и тактические задачи, которые были поставлены перед советскими войсками накануне Второй Ржевско-Сычевской операции. Имелся ли в виду решительный прорыв с последующим наращиванием сил и средств или бои должны были, скорее, связать германские войска на широком фронте, измотать их и не дать им возможности выйти из сражения в ближайшей перспективе? Пока же разбор хода операции «Марс», скорее, указывает на то, что Жуков преследовал самые смелые цели. Стало ли это следствием его

личной инициативы? Возможно, как полководец и лицо ответственное за координацию группы фронтов, он просто не мог действовать иначе, шел на риск больших потерь, но имея перед собой желанную перспективу — разгром того противника, с которым он был хорошо знаком еще со времени осенних боев 1941 г.

В конце ноября 1942 г., под Ржевом и Белым, несмотря на все трудности, войскам Западного и Калининского фронтов все же удалось на ряде участков вклиниться во вражеские позиции и ввести в прорыв подвижные корпуса. Однако их судьба оказалась незавидной. Резервы противника решили исход дела не в пользу советских соединений. Некоторые из них, как например 2-й гвардейский кавкорпус, 6-й танковый корпус и 1-й механизированный корпус оказались отрезанными от основного фронта и были вынуждены прорываться с боями из окружения. Причем большинство боевых машин, у которых кончилось горючее, было оставлено в лесах и болотах, через которые пришлось пробиваться советским войскам. Остатки ударных соединений продолжали выходить из окружения вплоть до начала января 1943 г. Их безвозвратные потери были чрезвычайно велики. По мнению Д. Гланца, общие потери советских войск в операции составили 335 тысяч человек, 1847 танков, 127 самолетов²⁴. Исследователь С.А. Герасимова соглашается с тем, что операция «Марс» фактически провалилась и приводит немецкие подсчеты советских потерь: от 50—80% личного состава и техники²⁵. По советским данным (которые отличаются от данных Глэнца и Герасимовой) безвозвратные потери РККА в ходе наступления составили 70,4 тыс. человек и 1366 танков²⁶.

Однако известно, что чрезвычайно большие потери понесла и 9-я немецкая армия, чьи потери только в танковых дивизиях (1-й и 5-й) достигали 2 тыс. чел. Это было сражение на истощение противников — часть войны на полное уничтожение врага, которая велась на советско-германском фронте уже полтора года. Как отмечает российский исследователь А.В. Исаев, это «истощение» немцев так и не было восполнено к лету 1943 г. и прямым образом повлияло на сроки и силу германской операции «Цитадель», стало одной из причин, по которым наступление на северной стороне Курской дуги быстро выдохлось²⁷. Самым серьезным образом нужно оценить и тот факт, что германскому командованию не удалось перебросить сколько-нибудь значительных сил с центрального участка фронта на юг. По некоторым оценкам, готовилось к передислокации от 12 до 15 дивизий. И можно себе только представить, как развивались бы события в декабре в районе Котельникова — в период попытки немецкого прорыва к окруженной армии Паулюса, если бы командуя-

ший группой «Дон» Э. Манштейн получил долгожданный подарок в виде новых соединений. Но силы группы армий «Центр» в тот период надежно завязли в боях на своем фронте. Как после этих фактов можно называть операцию «Марс» провальной, не совсем понятно? Героизм и самопожертвование советских воинов не пропали даром, они стали важным слагаемым на пути достижения Красной Армии коренного перелома в войне. Причины же неудачи операции и больших потерь советских войск стали предметом анализа уже в ходе войны и продолжают оставаться предметом исследования современных историков. Среди них справедливо выделяется трудности, связанные с условиями местности и качеством подготовки германских частей, находящихся здесь в обороне. Отрицательно сказался перенос сроков операции в связи с погодой, который напрямую повлиял (даже независимо от факта передачи «дезы» немцам в ноябре 1942 г.) на скрытность подготовки удара. Многие ошибки командования советских объединений, продемонстрированные ими в «Марсе», по сути, перекочевали из предыдущих наступательных операций Красной Армии на этом направлении: недостаточная плотность артиллерийского огня, плохая разведка, слабая обученность наземных войск, отсутствие их поддержки со стороны авиации и т.п. Глубже представить себе все грани ошибок помогает, например, приказ командования 4-й ударной армии «об основных недочетах в действиях войск в Ржевско-Сычевской операции» от 10.12.1942 г., в котором обобщался неудачный опыт ряда соединений в предыдущих боях и констатировалась «низкая степень боевой подготовки и тактической выучки» наших дивизий. В документе откровенно говорилось, что «некоторые подразделения пехоты действовали неуправляемой толпой. Боевых порядков на поле боя не было, маневр отсутствовал». Несмотря на то, что противник был основательно подавлен огнем артиллерии, командиры не сумели поднять пехоту «для броска в атаку». Стрелки не умели быстро преодолевать проволочные заграждения, часами лежали под огнем противника, плохо окапывались и несли большие потери. Пехота не давала целеуказаний для артиллерии, проводная связь часто нарушалась, а дублирующая не применялась. Многие подразделения наступали вслепую, тогда как их командиры находились в блиндажах. Все это было свидетельством крайне низкой тактической подготовки, слабой требовательности и настойчивости офицеров при выполнении задач и, как отмечалось, «низкого уровня моральных качеств некоторых командиров... их воли, смелости, решительности и распорядительности в бою»²⁸. Вдобавок ко всему многомесячная оборона понизила мобильность войск, привела к их расхолаживанию. За ошибки фронтовых коман-

дивов боевые части как в середине, так и в конце 1942 г. расплачивались излишней кровью.

Однако на первое место следует поставить все же ошибки высшего — стратегического — звена нашего командования, не сумевшего добиться действенной координации в наступлении тех солидных сил и средств, имевшихся в их распоряжении к ноябрю 1942 г. для того, чтобы нанести противнику наибольший урон.

Возвращаясь к значению операции «Марс», проведенной одновременно с контрнаступлением советских войск под Сталинградом, можно сказать, что к концу ноября 1942 г. она приобрела двудиную задачу — «Марс» не только способствовал успешному осуществлению «Урана», что само по себе уже огромное достижение, но и объективно устранял угрозу неожиданного вражеского удара в направлении Москвы. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что руководство в Кремле имело основания опасаться осенью 1942 г. возобновления немецкого наступления на советскую столицу. В этом отношении операция Западного и Калининского фронтов против Ржевского выступа была не просто оправдана, но и необходима. Даже перспектива победы на юге могла предстать лишь миражем, если бы стратегический центр государства и важнейший узел транспортных коммуникаций вновь оказался в осадном положении. Вопрос же о том, имелись ли у Жукова реальные шансы добиться победы на Западном направлении уже в конце 1942 г. носит, по всей видимости, больше виртуальный характер. Очевидно, что Сталин, несмотря на утверждения историка Д. Глэнтца, сделал ставку именно на операцию «Уран», равно как и то, что операция «Марс» не стала вторым Сталинградом. Однако просматривается и другое — Жуков вместе с командующими фронтами попытался привести в действие самый решительный замысел по окружению и последующему уничтожению мощнейшей вражеской группировки. Но сделать это в то время не удалось по причине указанных выше обстоятельств.

¹ *Glantz, D.M.* Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. — Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 1999.

² *Суворов, В.* Тень победы. — М., 2002; *Соколов, Б.В.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. — Минск, 2000.

³ *Яковлев, Н.Н.* Маршал Жуков: (страницы жизни). — М.: Худож. лит., 1986. — (Роман-газета. № 1 (1031); 1986); *Гареев, М.А.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. — М.; Уфа, 1996; *Карпов, В.В.* Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. — Кн. I. — М.: Худож. лит., 1991. — (Роман-газета. № (1161); 1991); *Исаев, А.В.* Георгий Жуков. Последний довод короля. — М., 2006.; *Erickson, J.* The Road to Berlin. — Лондон: Cassell,

2003; *Mawdsle, E.* World War II: A New History. — Cambridge, U.K.; New York, 2009; *Madison, J.H.* World War II: A History in Documents. — N.Y., 2009; *Roberts, G.* Stalin's General. The Life of Georgy Zhukov. — N.Y., 2012.

⁴ История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1976; — Т. 6. — С. 29, 30; Великая Отечественная народная, 1941—1945: краткий ист. очерк / под. ред. П. Жилина. — М., 1985. — С. 101.

⁵ Великая Отечественная война, 1941—1945: воен.-ист. очерки. — М., 1998. — Т. 2. — С. 37, 213.

⁶ *Glantz, D.M.* Zhukov's Greatest Defeat. — P. 317.

⁷ *Орлов, А.С.* Операция «Марс»: различные трактовки // Мир истории. — 2000. — № 4.

⁸ *Glantz, D.M.* Zhukov's Greatest Defeat. — P. 319.

⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. — Ф. 208. — Оп. 2511. — Д. 1467. — Л. 33, 38—39.

¹⁰ Там же. — Л. 145.

¹¹ Там же. — Л. 45—46, 145.

¹² Там же. — Л. 50.

¹³ Там же. — Л. 52.

¹⁴ *Штромберг, А.* Развитие прорыва танковыми и механизированными соединениями: (по опыту Отечественной войны). — М., 1944.

¹⁵ Там же.

¹⁶ US. — Library of Congress. — Manuscript Division. — “Volkogonov Collection”. — Reel 5.

¹⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — 2-е изд. — М., 1976. — Т. 1. — С. 94, 95.

¹⁸ Правда. — 1942. — 9 нояб.

¹⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. — Т. 1. — С. 91.

²⁰ Там же. — С. 91, 92.

²¹ Правда. — 1942. — 7 нояб.

²² *Сталин, И.В.* Сочинения. — М.: Писатель, 1997. — Т. 15. — С. 129—131.

²³ *Судоплатов, П.[А.]*. Разведка и Кремль. — М., 1996. — С. 187, 188.

²⁴ *Glantz, D.M.* Zhukov's Greatest Defeat. — P. 319.

²⁵ *Герасимова, С.[А.]*. Ржевская бойня: потерянная победа Жукова. — М., 2009.

²⁶ *Орлов, А.С.* Операция «Марс»: различные трактовки.

²⁷ *Глани, Д.* Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г. / пер. с англ. У.В. Сапциной; предисл. А.В. Исаева. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — С. 8—26.

²⁸ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1951. — Вып. 13. — С. 7, 8.

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.Н. Базанов

ВОЕННОПЛЕННЫЕ-СЛАВЯНЕ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье предпринята попытка представить историю создания российскими властями национальных формирований из военнопленных славян германской и австро-венгерской армий — чехов, словаков, поляков, хорватов, сербов и др., так как из более чем 2,2 млн солдат и офицеров противника, взятых русскими войсками в плен, они составляли свыше половины, значительная их часть сдалась в русский плен добровольно.

Ключевые слова: Первая мировая война; военнопленные-славяне в России; лагеря для военнопленных; национальные воинские формирования из военнопленных-славян.

S.N. Bazanov

Slavic prisoners of war in Russia during World War I

In this article the author tries to reconstruct history of creation by Russian authorities of national formations of Slavic prisoners of war from German and Austria-Hungary armies — Czechs, Slovaks, Poles, etc. From 2,2 million of soldiers and officers taken prisoners by Russian troops they consisted more than a half. For all of this, most of them surrendered voluntarily. Such situation was by no means noted by the Tsarist government. It is well-known, that the goal of politics, conducted with respect to Slavic prisoners, was determined by ideological basis for Second Patriotic war — war of liberation, conducted against Austrian and German enslavement of Slavic peoples.

Keywords: World War I; Slavic prisoners in Russia; national formations of prisoners of war; prisoners of war' camps.

В историю Второй мировой войны, а для нашего народа Великой Отечественной, прочно вошло понятие «власовцы» по имени генерал-лейтенанта А.А. Власова, сдавшегося в плен и перешедшего на службу гитлеровской Германии. По его инициативе была создана из советских военнопленных так называемая Русская освободительная армия (РОА), предназначенная для «освобождения народов России от сталинского режима».

В Первую же мировую войну было немыслимо, чтобы российский военнопленный стал воевать в составе германской или австро-

венгерской, а уж тем более турецкой армии против своих соотечественников «с целью борьбы с самодержавием». Наш солдат остался верен присяге. Но его противники — одетые в солдатские шинели славяне армий германского блока — массами сдавались в русский плен. Многие из них, будучи в плену, обращались с просьбой к нашему командованию зачислить их в состав русской армии для участия «в борьбе за освобождение славянских народов от австро-германского порабощения». Почему это произошло?

Первая мировая война стала поворотным событием, радикально изменившим ход и характер исторических процессов в Европе, открыла последующую эпоху войн и социальных катаклизмов. Несомненно, крупным острым кризисом, ускорившим ее развязывание, явились Балканские войны 1912—1913 гг., перекроившие политическую карту Балканского полуострова. Они резко изменили расстановку сил больших и малых государств в этом беспокойном регионе и до крайности углубили их противоречия.

Сербия, отношения которой с Австро-Венгрией еще в начале XX в. были полны конфликтов, значительно увеличила свою территорию. Получив общую границу с Черногорией, Сербия в результате преградила путь для дальнейшей экспансии Австро-Венгрии в глубь Балканского полуострова. Славянское население Боснии, Хорватии и Герцеговины, находившееся под властью Австро-Венгрии, рассчитывало на помощь Сербии в борьбе за свое национальное освобождение.

За балканскими государствами Сербией и Черногорией стояли великие державы. Естественно, любой, даже самый незначительный, конфликт на Балканском полуострове затрагивал их интересы. Выступление Австро-Венгрии против Сербии неизбежно вело к войне с Россией, кровно заинтересованной в упрочении положения братского православного государства на Балканах. Однако в войну между Россией и Австро-Венгрией, если таковая возникнет, не могли не вмешаться их союзники по военным блокам — страны Антанты и Германия.

Таким образом, любой конфликт на Балканском полуострове неизбежно вел к общеевропейскому и мировому. Как известно, поводом для него послужило сараевское убийство 15 (28) июня 1914 г., резко обострившее отношения между Сербией и Австро-Венгрией. Последняя решила использовать этот инцидент для нападения на Сербию и через месяц, подстрекаемая германским императором Вильгельмом II, объявила ей войну. Желая помочь братьям-славянам, российский император Николай II объявил мобилизацию. В ответ на это Германия предъявила России ультиматум, который, как известно, остался без ответа. В результате 19 июля (1 августа) Германия, а 24 июля (6 августа) Австро-Венгрия объявили войну России.

Николай II в знаменитых Высочайших манифестах от 20 и 26 июля (2 и 8 августа) четко обозначил причины вступления нашей страны в войну — защита территории Отечества, его чести, достоинства, положения России среди великих держав, а также защита единокровных и единоверных братьев-славян. Так, первый Высочайший манифест Николая II торжественно провозглашал:

«Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагая все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав».

Второй манифест был более эмоциональным:

«Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица Мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной Мирской славы подняли мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни: вместе с нами встали доблестные союзники наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию.

Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце».

Вскоре в войну были втянуты многие государства, и она приняла мировой характер. Но славянский вопрос на протяжении всей войны был одним из первостепенных факторов, а в конце ее — способствовавшим распаду Австро-Венгерской империи.

По замыслу германо-австрийских правящих кругов начавшаяся Первая мировая война должна была стать «могилой для славянских народов». Не подлежит сомнению, что победа германского блока на многие годы закрепила бы угнетение как славянских народов Австро-Венгрии и Германии, так и вскоре оккупированных ими Сербии и Черногории. Но агрессивным замыслам Австро-Венгрии и Германии не суждено было сбыться. Россия, единственная великая православная держава, сорвала германский план «молниеносной войны».

Начало спровоцированной Германией Первой мировой войны затронуло такие струны национального самосознания нашего народа, что на время царский режим даже получил кредит доверия со стороны российского общества, тем более что только он мог организовать отпор врагу. И это произошло несмотря на то, что не забылись не столь уж давние кровавые события Первой русской революции 1905—1907 гг. Русские солдаты ощущали себя частью славянства. Они шли на защиту братьев-славян и своей земли. Да и отправлялись они на фронт под звуки нового военного марша «Прощание славянки», созданного в 1912 г. русским капельмейстером штабс-капитаном Василием Агапкиным.

Известный военный историк и теоретик генерал-лейтенант профессор Н.Н. Головин, будучи в эмиграции, издал ряд книг, в которых пытался воссоздать подлинную картину начала той войны. Давая характеристику патриотического подъема, ярко вспыхнувшего в те судьбоносные июльские дни 1914 г., он писал:

«Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 г. и в 1914 г.

Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас. Мирнолюбивый тон русского Правительства по отношению к немцам был широко известен, и поэтому нигде не могло зародиться сомнений, подобных тем, какие имели место в Японской войне. Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения.

Другим стимулом борьбы, казавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного Сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того “панславянизма”, о котором любил упоминать Кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников различных походов этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских полтитков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове “братушка”, которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов, и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа»¹.

Уже то обстоятельство, что немцы первыми объявили нам войну, способствовало формированию ее восприятия в народных массах как войны отечественной, направленной на отражение вражеской агрессии и на защиту братьев-славян. Повсюду в стране проходили молебны «о даровании победы над вероломным и коварным врагом», а в городах — шествия и манифестации, особенно мощные в Санкт-Петербурге и Москве.

Ведя в одиночку на своем огромном Восточном фронте боевые действия против Австро-Венгрии, Германии, а с 20 октября (2 ноября) еще и Турции, Россия, тем не менее, уже в первые месяцы войны в Галицийской битве нанесла серьезные поражения войскам Австро-Венгрии, глубоко продвинувшись на ее территорию. Русская армия несла освобождение от австрийского гнета населявшим Галицию славянским народам. А спустя два года после знаменитого Брусиловского прорыва Австро-Венгрия уже была поставлена на грань военной катастрофы.

Успехи русского оружия вселяли надежду поработенным славянским народам. Они надеялись, что Австро-Венгерская империя не выдержит ударов войны, что будут созданы благоприятные условия для создания независимых славянских государств. Поэтому славяне — чехи, словаки, поляки, хорваты, сербы, украинцы, русины, словенцы и др., составлявшие значительную часть населения Австро-Венгрии, начали с первых же дней войны вести борьбу за национальную независимость. Эта борьба принимала различные формы.

Так, чехи и словаки всеми способами старались избежать мобилизации в австро-венгерскую армию, во многих сформированных

из них воинских частях, отправляемых на Восточный фронт, вспыхивали волнения. Естественно, это сильно снижало боеспособность австро-венгерской армии. Напомним: в ее рядах числились 17,5% одних только чехов и словаков, а в целом доля славян составляла 45,2% (10,2% поляков, 7,5% сербов и хорватов, 7,4% русинов, 2,6% словенцев)².

Глубоко символично, что первые братания на Восточном фронте произошли именно между солдатами-славянами противоборствующих армий. Это случилось на самый большой православный праздник — Святую Пасху в апреле 1915 г. Причем русское командование в те дни не слишком этому препятствовало. Эти первые братания, шедшие из глубин славянской души, не имели ничего общего с политизированными братаниями 1917 г., организованными зачастую большевиками и австро-германским командованием и способствовавшими падению дисциплины, а в дальнейшем развалу русской армии.

В то же время на Восточном фронте чешские и словацкие солдаты, не желая воевать за Австро-Венгрию, большими группами сдавались в русский плен. Добровольная сдача в плен приняла настолько массовый характер, что уже весной 1915 г., как известно, дело дошло до перехода на сторону русских целых воинских частей. Так, 3 (17) апреля, в период Карпатской операции добровольно перешел на нашу сторону 28-й Пражский полк. Как отмечалось в донесении, поступившем тогда в Ставку Верховного главнокомандующего, «28-й (Пражский. — С.Б.) не обстрелял направленные начальником штаба во фланг наши части — и сдался целиком, не причинив русским никаких потерь»³.

В мае того же года в районе р. Сан произошла массовая сдача в русский плен свыше 1500 бойцов 36-го Младоболеславского полка. Затем последовал массовый переход на нашу сторону большей части 21-го Чаславского, части 13-го Оломуцкого ополченского полков. Более мелкими группами перебежали к русским солдаты других чешских полков. Это заставило командование австро-венгерской армии переформировать все чешские части и распределить чехов и словаков мелкими партиями по другим полкам.

Напомним: из 2,2—2,3 млн солдат и офицеров противника, взятых русской армией в плен (это, кстати, наиболее устоявшаяся в нашей справочной литературе цифра), немцы, например, составляли всего около 190 тыс., а остальные 2 млн составляли военнотружущие Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Из этого числа австрийцев было около 450 тыс., венгров — свыше полумиллиона, турок — около 63 тыс., остальные военнопленные были славянами⁴. Например,

по подсчетам С.Н. Васильевой, их было 670—830 тыс. человек: 200—250 тыс. чехов и словаков, приблизительно столько же сербов, хорватов и словенцев, 150—200 тыс. поляков, 120—130 тыс. украинцев⁵. Таким образом, каждый третий—четвертый военнопленный являлся славянином. И, как уже отмечалось, довольно значительная их часть сдалась в русский плен добровольно.

Естественно, подобная ситуация, сложившаяся уже в первые месяцы войны, не могла не обратить на себя внимание царского правительства и военных властей. К тому же цель проводимой ими политики по отношению к военнопленным-славянам определялась идеологическим обоснованием Второй Отечественной войны (как она в то время именовалась в официальной пропаганде), т.е. войны освободительной, ведущейся против австрийского и германского порабощения славянства. Для царского правительства было также крайне важно представить Россию в глазах славянских народов Австро-Венгрии и Германии как освободительницу.

Так, поначалу негласно, сложилось столь различное отношение царского правительства, военных властей, да и населения в целом к военнопленным — славянам и неславянам. В связи с этим в первые месяцы войны предполагалось их территориальное размещение по национальному признаку и подданству. Например, военнопленные германской армии должны были отправляться в лагеря Восточной Сибири, а австро-венгерской — Западной Сибири и Средней Азии, где климат мягче. Необходимо отметить, что от этого плана пришлось отказаться ввиду трудностей, возникших с его реализацией. К тому же, как уже отмечалось, пленных австро-венгерской армии было в 10 раз больше, чем германской.

Следует особо подчеркнуть: национальный принцип (славяне и неславяне) неуклонно претворялся в жизнь в течение всей войны. Уже на сборных пунктах военнопленных-славян отделяли от австрийцев, венгров и немцев, эшелоны с которыми следовали в районы европейского, сибирского и дальневосточного Севера. Представителей же славянских национальностей отправляли в европейскую часть страны (в основном в центральные и южные губернии) и в Западную Сибирь. Однако лагерей, где бы содержались исключительно славянские или неславянские военнопленные, не создали. Как показал ряд исследований, в зависимости от местоположения лагеря в нем лишь преобладали представители той или иной национальности. Так, по материалам переписи, проведенной в Омском военном округе в феврале 1915 г., 68% военнопленных составляли славяне, а только около 10% приходилось на немцев, венгров и румын⁶.

К началу 1917 г. в России было создано более 400 лагерей для военнопленных. Территориально они распределялись следующим образом. В пределах Московского военного округа находилось 128 лагерей (где содержалась 321 тыс. человек), Казанского — 113 (285 тыс. человек), Омского — 28 (199 тыс. человек), Туркестанского — 37 (155 тыс. человек), Приамурского — 5 (50 тыс. человек). В лагерях Минского военного округа находилось 78 тыс. военнопленных, Киевского — 406 тыс., Кавказского — 80 тыс., Одесского — 217 тыс., в Области войска Донского — 76 тыс.⁷ При этом в европейской части России находились многочисленные мелкие лагеря, в которых содержались от 2 до 10 тыс. человек, в Сибири — крупные, где одновременно пребывали до 35 тыс. военнопленных⁸.

Как видно из приведенных цифр, размещение военнопленных по территории страны было неравномерным. И если в конце 1914 г. — начале 1915 г. их направляли в основном в Западную Сибирь и на Дальний Восток, то с конца 1915 г. стали размещать в европейской России. Это объяснялось быстрым увеличением числа военнопленных и необходимостью их использования на сельскохозяйственных работах. Отметим, что в течение всей войны лагеря для военнопленных подчинялись одному ведомству — Главному управлению Генерального штаба, находившемуся в Петрограде.

Как уже отмечалось, военнопленные-славяне в отличие от не-славян пользовались значительными льготами. Славян в основном старались размещать в центральных и южных губерниях с благоприятными климатическими условиями, направляли на сельскохозяйственные работы, в то время как неславян — в шахты, на строительство, дорожные работы и т.д. Военнопленным офицерам славянам предоставляли свободное времяпрепровождение, а солдатам — возможность совершать воскресные прогулки. Все они могли также общаться с соотечественниками. Напомним: в те годы в России с разрешения властей активно действовали многочисленные славянские общества, землячества, представители которых часто посещали лагеря для военнопленных, распространяли свои брошюры, газеты и листовки, вели антигерманскую и антиавстрийскую агитацию, а также занимались благотворительной деятельностью.

Все это заметно влияло на отношение военнопленных-славян к войне. Многие из них выражали желание с оружием в руках отстаивать независимость своей родины. Подчеркнем: на такой шаг могли пойти лишь подлинные патриоты. Ведь в случае попадания в плен их ждал не лагерь для военнопленных, а трибунал со всеми вытекающими последствиями. И хотя использование таких добровольцев

на фронте являлось грубым нарушением принципов Гаагской конвенции 1907 г., военные власти шли им навстречу, так как в глазах российского общества это придавало ведущейся войне освободительный характер⁹.

Еще в самом начале войны в составе русской армии начали формировать особые национальные подразделения. Так, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич 14 (27) августа 1914 г., разъясняя цель создания Чешской дружины, писал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от артиллерии Н.Н. Иванову: это «производится главным образом из политических соображений, имея в виду, что при действиях наших войск в пределах Австрии части эти разобьются на отдельные партии, дабы стать во главе чешского движения против Австрии»¹⁰.

Здесь следует пояснить, что первоначально Чешская дружина формировалась из добровольцев чехов и словаков, проживавших в России. По разным подсчетам, чешско-словацкая диаспора в нашей стране к кануну Первой мировой войны составляла от 70 до 100 тыс. человек. Однако это были люди в основном гражданских профессий, а многие были вообще не пригодны к строевой службе. Поэтому уже осенью 1914 г. военным командованием был поднят вопрос о пополнении Чешской дружины военнопленными-добровольцами чешской и словацкой национальностей.

17 (30) сентября из штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии Н.Н. Янушкевичу пришла телеграмма, где подчеркивалось, что, как выяснило фронтовое командование, «со стороны Верховного главнокомандующего возражений против принятия в состав чехов-военнопленных (Чешской дружины. — С.Б.) сообщаю, что Его Императорское Высочество препятствий к означенному приему не видит»¹¹.

Вскоре, 2 (15) декабря, было получено распоряжение Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (Младшего), разрешавшее «поступление [в] Чешскую дружину, сформированную в Киеве, также желающих чехов-военнопленных, причем такой прием признается возможным допустить тотчас по взятии в плен»¹². После этого распоряжения военнопленные-добровольцы чешской и словацкой национальностей стали основным источником пополнения этой воинской части.

Следующий наиболее крупный контингент военнопленных-славян составляли югославы (сербы, хорваты, словенцы и др.) — солдаты и офицеры австро-венгерской армии, захваченные в плен либо

добровольно сдавшиеся русским, так как они не желали, так же как чехи и словаки, воевать за интересы габсбургской монархии.

Военнопленные-югославы оказались разбросанными почти во всей территории Российской империи. В числе других австро-венгерских военнослужащих они находились в лагерях, расположенных как в европейской России, так и в Западной Сибири и Средней Азии. Подчеркнем: довольно большое число военнопленных-югославы оказалось на территории Украины, особенно в районе Одессы, где развернулось формирование сербских добровольческих частей (Сербский отряд). Первоначально запись добровольцев из их числа преследовала цель пополнить поредевшие ряды сербской армии после тяжелых боев с Австро-Венгрией, но уже с конца 1915 г., после разгрома сербской армии и оккупации Сербии австро-венгерскими войсками, началось формирование добровольческих частей из военнопленных югославы с целью их использования в составе русской действующей армии. По просьбе сербского правительства в изгнании эти воинские формирования стали называться сербскими, хотя в их составе были также хорваты, словенцы и представители других югославянских народов¹³.

Следует отметить, что в первые годы войны создание подобных национальных формирований шло довольно медленно. Россия еще не испытывала нужды в людских ресурсах для фронта. Их нехватка начала сказываться после кровопролитных сражений 1915 г., когда германский блок перенес основные усилия на Восточный фронт с целью вывода России из войны.

8 (21) апреля 1916 г. сменивший Н.Н. Янушкевича новый начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев обратился к Николаю II с письменным докладом, где отмечал: правление Союза чешско-словацких обществ ходатайствует перед военными властями об освобождении военнопленных чехов и словаков, «доказавших свою преданность славянской идее и имеющих поручительство чешско-словацкой организации», с целью более широкого и целесообразного использования их, главным образом для нужд действующей армии. По мнению М.В. Алексеева, первоначально следовало освободить бывших военнослужащих 28-го Пражского и 36-го Младобословского полков, добровольно сдавшихся в русский плен, а также славян-беженцев из Австро-Венгрии, ушедших с отступавшими частями русской армии в 1915 г., а также других славян, за лояльность которых поручатся славянские общества и землячества. На все изложенное М.В. Алексеевым царь ответил «принципиальным согласием»¹⁴.

Вскоре, 5 (18) июня того же года, военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев также обратился к Николаю II с письменным докладом, где, ссылаясь на положительную резолюцию монарха на докладе М.В. Алексеева, поднял вопрос об освобождении военнопленных-славян, «за полную лояльность которых в отношении России ручаются легализованные у нас общества славян»¹⁵. Выработанный к тому времени военными властями проект предусматривал их перевод в разряд «трудообязанных», привлечение к работам без права ухода и обязательный надзор за ними. Все эти вопросы были всецело в компетенности военных властей, заработную же плату освобожденным на таких условиях военнопленным-славянам должно было установить царское правительство. Однако всякое участие славянских обществ здесь полностью исключалось¹⁶.

27 июля (9 августа) Николай II вторично выразил согласие с проектом, который передали на рассмотрение «Особому совещанию по объединению всех усилий по снабжению армии и флота и организации тыла», а затем специальному совещанию при Главном управлении Генерального штаба, кому, как уже отмечалось, подчинялись лагеря для военнопленных. Отметим, что этот проект, хотя и постоянно дорабатывался, все же так и не был утвержден.

После Февральской революции пришедшее к власти Временное правительство продолжило политику царских властей по отношению к военнопленным-славянам. 30 июня (13 июля) 1917 г. военный и морской министр Временного правительства А.Ф. Керенский утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков». Правила разрешали переписку с военнопленными в других лагерях, чешско-словацкими и польскими общественными организациями и частными лицами, предоставление работы по специальности, получение литературы на родном языке, создание касс взаимопомощи и библиотек, совместное нахождение в одном лагере братьев и других родственников. Офицерам и вольноопределяющимся даже разрешалось вступать в брак с российскими женщинами и жить на частных квартирах¹⁷.

Временное правительство также весьма активно содействовало созданию национальных воинских формирований из военнопленных-славян, начало которому положили еще, как ранее отмечалось, царские власти. Так, сформированная в 1914 г. вышеупомянутая Чешская дружина в феврале 1916 г. была преобразована в стрелковый полк, затем в бригаду, в июне 1917 г. — в дивизию, а в сентябре — в Отдельный Чешско-Словацкий корпус численностью около 45 тыс. солдат и офицеров. Командиром его в октябре назначили русского генерал-майора В.Н. Шокорова, а комиссаром — замести-

теля председателя российского филиала Чехословацкого национального совета П. Макса.

В январе 1917 г. в Белгороде был сформирован Польский запасный стрелковый полк численностью около 16 тыс. человек. Тогда же на Юго-Западном фронте была создана 1-я Польская стрелковая дивизия. Впоследствии ее пополнили солдаты Польского запасного стрелкового полка. 23 июля (5 августа) Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов назначил генерал-лейтенанта И.Р. Довбор-Мусницкого командиром 1-го Польского корпуса легионеров, основой которого стала 1-я Польская стрелковая дивизия. Штаб корпуса находился в Быхове Могилевской губернии. К октябрю в составе корпуса уже находились три пехотных дивизии, части кавалерии и артиллерия, а общая его численность достигла почти 25 тыс. солдат и офицеров.

В 1915 г. на базе Сербского отряда, о котором говорилось ранее, были сформированы две дивизии из числа военнопленных, сведенные в 1917 г. в Югославянский добровольческий корпус. Штаб его находился в Одессе, командиром был назначен генерал сербской армии М. Живкович. К октябрю 1917 г. корпус уже насчитывал 30 тыс. человек¹⁸, а все вместе три указанных корпуса — не менее 100 тысяч. Создавались также и другие, более мелкие, части и подразделения из военнопленных-славян. Таким образом, каждый седьмой—восьмой военнопленный-славянин добровольно вступил в воинские формирования в составе русской армии, чтобы с оружием в руках бороться за независимость своей Родины.

Идеологическая политика в отношении военнопленных в послеоктябрьский период в корне отличалась от проводимой царским и Временным правительствами. Советская власть не делила их на славян и неславян. Национальную направленность сменила классовая, отвечавшая как внешнеполитическим, так и внутривнутриполитическим целям большевистской партии.

Кроме того, Совет народных комиссаров вскоре запретил дальнейшее создание национальных воинских формирований из военнопленных-славян, а уже созданные должны были подлежать расформированию и демобилизации. Так, в январе 1918 г. командованию Отдельного Чешско-Словацкого корпуса пришлось просить правительство Франции об официальном переходе его военнослужащих на службу во французскую армию, а также договориться с советским правительством о переброске корпуса через Владивосток на Западный (Французский) фронт. Однако, как мы знаем, этим планам не суждено было сбыться: 25 мая 1918 г. произошло вооруженное антибольшевистское выступление частей и соединений корпуса,

эшелоны которого стояли вдоль линии железных дорог от Пензы до Иркутска, сыгравшее огромную роль в Гражданской войне. Только в феврале 1920 г. между правительством РСФСР и командованием корпуса было подписано соглашение о перемирии, гарантирующее эвакуацию чехословацких легионеров из советской России. Последние части корпуса выехали на Родину в сентябре 1920 г. через Владивосток.

Не менее трагично сложилась дальнейшая судьба 1-го Польского корпуса легионеров. Так, за отказ командования корпуса выполнить декрет советской власти о демократизации армии советское командование Западного фронта, в тыловом районе которого располагались части и соединения корпуса, издало в январе 1918 г. приказ о его разоружении, расформировании и демобилизации. Однако командир корпуса генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий не подчинился этому приказу, за что и он, и корпус были объявлены советской властью вне закона. После ряда боев с советскими войсками части корпуса отступили в сторону Минска и 20 февраля заняли город. На следующий день в Минск вступили германские войска. Польским частям по соглашению с германским командованием было разрешено временно остаться на территории Белоруссии, а в мае 1918 г. И.Р. Довбор-Мусницкий под нажимом немцев отдал приказ о расформировании корпуса.

Тяжелые испытания выпали и на долю Югославянского добровольческого корпуса. Осенью 1917 г. его штаб и 1-я дивизия были переброшены из Одессы в Архангельск, откуда частично отправлены на Салоникский фронт, а подразделения, прибывшие в Архангельск позже, находились в нем до конца Гражданской войны. Группа же оставшихся в Одессе солдат корпуса в конце года добровольно вступила в 1-й интернациональный отряд Красной гвардии, и находившийся там же запасный батальон корпуса тоже перешел на сторону советской власти. Тогда же из части солдат и офицеров корпуса в Екатеринославе (Днепропетровск) был создан 1-й Сербский советский революционный полк. Дислоцировавшийся в Киеве югославский ударный батальон в начале 1918 г. был переформирован в 1-й Югославский коммунистический полк. Некоторые части и соединения бывшего корпуса участвовали на стороне антибольшевистских сил в Гражданской войне в различных регионах России (Поволжье, Сибирь, Дальний Восток).

По-разному сложилась судьба военнопленных-славян, не вступивших в национальные воинские формирования. Некоторые из них приняли участие в Гражданской войне в составе национальных частей Красной Армии, другие воевали в различных антисоветских

вооруженных формированиях. Большинство же военнопленных-славян не участвовало в Гражданской войне и ждало возвращения на родину. Этот процесс начался в 1919 г. и продолжался до конца 1922 г.

¹ Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. — М., 2001. — С. 292, 293.

² См., например: Киган, Дж. Первая мировая война: [пер. с англ.]. — М., 2002. — С. 193, 194; Степанов, А.И., Уткин, А.И. Всероссийская империя и СССР в мировых войнах. — М.; Краснодар, 2005. — С. 13.

³ Цит. по: Петров, А.А. Становление чешско-словацких частей в составе Российской армии в 1914—1917 гг. // Забытая война и преданные герои. — М., 2011. — С. 238.

⁴ См., например: Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — [Новосибирск, 1929]. — Т. 1. — Стб. 518; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. — 3-е изд., доп. — М., 1987. — С. 186; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1987. — С. 235; Северная энциклопедия. — М., 2004. — С. 156.

⁵ Васильева, С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. — М., 1999. — С. 86.

⁶ Там же. — С. 87.

⁷ Северная энциклопедия. — С. 156; Васильева, С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России ... — С. 86, 87.

⁸ Клеванский, А.Х. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. — М., 1965. — С. 25.

⁹ Васильева, С.Н. Военнопленные центральных держав ... — С. 86.

¹⁰ Цит. по: Клеванский, А.Х. Военнопленные центральных держав ... — С. 34.

¹¹ Цит. по: Петров, А.А. Становление чешско-словацких частей ... — С. 239.

¹² Цит. по: Там же.

¹³ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: сб. документов и материалов. — М., 1976. — С. 8.

¹⁴ Клеванский, А.Х. Военнопленные центральных держав ... — С. 29.

¹⁵ Там же. — С. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лисецкий, А.М. О положении военнопленных в России после победы Февральской революции // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. — М., 1967. — С. 117.

¹⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. — 3-е изд., доп. — С. 410, 411, 583, 600.

О.М. Вербицкая

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ 1930-Х ГОДОВ*

В статье изучены важнейшие социальные последствия коллективизации как коренной реформы в организации сельскохозяйственного производства. Делается вывод, что складывание мобилизационной экономики в колхозах взамен прежнего единоличного хозяйствования привело к постепенному раскрестьяниванию и массовому исходу населения из деревни. Основываясь на фактическом материале, автор показывает роль сельской миграции в развитии урбанизации и постепенной трансформации СССР из традиционной аграрной страны в современное индустриальное общество.

Ключевые слова: модернизация; индустриализация; насильственная коллективизация и директивно-мобилизационная экономика колхозов; раскрестьянивание; отходничество; миграционная и социальная мобильность; паспортизация; личное подсобное хозяйство; единоличники; налоги.

О.М. Verbitskaya

Mobilization economy farms in the social dimension (1930*)

Article examined the major social consequences of collectivization as fundamental reform in agricultural production. It is concluded that the folding of the mobilization of the economy in the replacement of the sole collective management has led to the gradual raskrest'janivanie and a mass exodus of people from the village. It traces rural seasonal migration — its legal basis and scope, as well as the changes in the social composition of the inhabitants of the village, the differences in the status of the members of the collective and individual farmers, including their duties and taxes. Based on the actual material, the author shows the role of rural migration in the development of urbanization and the gradual transformation of the USSR from a traditional agricultural country into a modern industrial society.

Keywords: modernization; industrialization; forced collectivization and the legal and economic mobilization of collective farms; raskrest'janivanie, seasonal work; migration and social mobility; certification; collective farm; a personal part-time farm; individual farmers; taxes.

Стоявшие во второй половине 1920-х годов перед страной чрезвычайно высокие и трудновыполнимые задачи — индустриализация,

---

* При поддержке РГНФ, проект 10-01-00348а.

укрепление обороноспособности страны и др. вынуждали советское руководство действовать весьма энергично. Безотлагательность решения задачи технологического обновления экономики страны была весьма емко обоснована самим Сталиным: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹. Столь радикальное понимание ситуации не оставляло шансов постепенному развитию с использованием рыночных механизмов, а предполагало мобилизационные стратегии, прежде всего, с опорой на административный ресурс и внеэкономическое принуждение.

Необходимость социалистической индустриализации в СССР не вызывала сомнений, однако ключевой проблемой являлся поиск источников ее финансирования. В эти годы особая роль отводилась процессу «первоначального социалистического накопления» с тем, чтобы государство могло не только восстанавливать экономические связи между отдельными отраслями, но и, как в данном случае, осуществлять весьма масштабные и затратные проекты технической модернизации. Внешние денежные заимствования на тот момент были полностью исключены, и все внимание сосредоточивалось на внутреннем накоплении.

В промышленности, едва восстановленной после разрушительного и затяжного военного периода, накопленный потенциал был невелик; а в сельском хозяйстве он тоже имелся, проблема заключалась в способе его извлечения. Источником накопления там могло стать увеличение товарного производства зерна и другой сельскохозяйственной продукции, что было весьма востребованным и даже стратегическим товаром, если учесть спад производства в странах Запада, приходившийся на этот период.

Вся советская система, включая экономику, с конца 1920-х годов быстро перестраивалась по директивно-мобилизационному типу, в котором аграрному сектору тоже надлежало занять свое особое место. В сельском хозяйстве в качестве основного мобилизационного механизма предполагалось использовать коллективизацию для замены прежней формы единоличного крестьянского землепользования коллективными хозяйствами социалистического типа. Организация колхозного строя должна была существенно упростить решение главной задачи — изъятие нужного объема хлеба и другого продовольствия из деревни, прежде всего, ради скорейшей уплаты внешних долгов и реализации планов по модернизации промышленности. Ситуация крайне осложнялась совпадением во времени проведения коллективизации сельского хозяйства и основного этапа индустриализации. Все это требовало максимальной мобилизации сил и ресурсов страны, в том числе и широкого задействования ры-

чагов внеэкономического принуждения. Не случайно весь контроль за одновременным осуществлением этих кардинальных преобразований государство полностью принимало на себя.

Советское руководство предполагало, что в перспективе коллективизация поможет решить задачу технического обновления в сельском хозяйстве, безусловно, в значительно меньших масштабах, чем в индустрии. Коллективизация сельского хозяйства посредством слияния в единый земельный массив частных земельных наделов крестьян, влившихся в колхоз, создавала необходимые предпосылки к последующему использованию на полях передовой по тем временам сельскохозяйственной техники, что исключалось в условиях единоличного хозяйствования. Одновременно сельскохозяйственное производство, организованное по типу колхозного кооператива, включалось и в общую систему социалистической плановой экономики, полностью подчиненной задачам индустриализации и укрепления обороноспособности страны.

Поскольку для проведения коллективизации отводились весьма краткие сроки, ее осуществление проходило в форсированном темпе. Не удивительно, что при организации колхозов были допущены многочисленные нарушения принципа добровольности, насилие и угрозы. Все это подрывало социальную базу коллективизации, а экспроприация зерна в виде хлебазаготовок сопровождалась актами протеста и серьезным возмущением крестьян. Даже внутри большевистской партии раздавались здравые голоса против такой политики в деревне. Н.И. Бухарин, например, предупреждал, что форсированная коллективизация представляет собой угрозу политической стабильности государства, в связи с чем необходимо прекратить чрезвычайные меры в деревне, восстановить рынок и материально поддержать крестьянское хозяйство².

Сталин и его ближайшее окружение придерживались иного мнения. Именно кризис хлебазаготовок 1927—1928 гг. и острый дефицит средств убедил их в необходимости форсирования коллективизации. У советского государства, как тогда представлялось, просто не было времени и возможностей действовать иначе. Враждебное капиталистическое окружение и постепенное «мирное вращение» деревни в социализм в тех исторических условиях могли погубить не только социалистическую индустриализацию, но и саму идею построения социализма в СССР.

Однако вопреки предварительным планам и расчетам большевиков коллективизация деревни проходила весьма болезненно и трудно. Непременным условием вступления в колхоз для крестьян служил своеобразный членский взнос в виде сдачи основных орудий производства — земельных наделов, рабочего и крупного рогатого

скота, сельскохозяйственного инвентаря и пр., что сразу же становилось материальной основой кооперативного имущества. Кроме того, в новообразованных колхозах крестьяне, вступившие добровольно или загнанные туда насильно, много и тяжело работали, но механизмы организации и оплаты труда в них заработали далеко не сразу. В результате в колхозах они остались без своих традиционных источников существования и фактически без заработка. В большинстве колхозов они находились на грани голода — труд практически не оплачивался, и даже там, где на трудодни что-то выдавалось, полученных продуктов оказывалось недостаточно для пропитания семей. В денежном выражении средняя стоимость колхозного трудодня, например, по Средне-Волжскому краю, равнялась всего 42—47 коп., а в значительной части артелей платили еще меньше³. Переживаемые трудности в колхозах еще больше накаляли обстановку.

Единоличники тоже имели высокие «твердые задания» по поставкам зерна и других продуктов, полностью их разорявшие, вследствие чего зачастую они не видели смысла в дальнейшем ведении хозяйства: «Зачем сеять, все равно отберут, к тому же семян нет, сеять нечем... Опять планы угрожают всех крестьян. Надо все бросать и смыкаться на производство», — писали из деревни Восточно-Сибирского края⁴.

В острых социальных катаклизмах конца 1920-х — начала 1930-х годов советская деревня потеряла значительную часть своего населения. По имеющимся оценкам, только за 1928—1932 гг. сельскую местность по разным причинам добровольно или под конвоем ОГПУ покинуло около 12 млн. человек. В последующие годы отъезд крестьян в города не прекращался — и «деревенский океан», который еще совсем недавно был столь полноводный и мощный, стал стремительно мелеть⁵.

Предпосылкой существенного оттока населения из деревни стала, безусловно, насильственная коллективизация, которая в корне изменила его привычный жизненный уклад. Недовольные новыми порядками и властью, которая своими бесконечными экспроприациями лишала их продовольствия, крестьяне оказывали сопротивление в разной форме. Чтобы как-то прокормить свои семьи, они расхищали урожай, стремясь припрятать какую-то его часть. Поскольку это отражалось на плановых сдачах зерна в отношении колхозов, не справлявшихся с обязательствами по хлебозаготовкам, уже с декабря 1931 г. властями применялись карательные акции в виде принудительного изъятия имеющегося зерна, а также досрочного взыскания кредитов и др.

Однако это была всего лишь прелюдия к дальнейшим стремительным событиям и страшным потерям. Для крестьянства период начала 1930-х годов был наполнен разорительными хлебозаготовками, которые на определенном этапе закономерно вызвали голод и много-

численные страдания. Государство в это время в деревне действовало так же, как в период гражданской войны, — методами «военного коммунизма», вычищая до последнего зернышка не только амбары попавших к нему в зависимость колхозов, но и отнимая все продовольственные запасы у единоличников. Крестьяне возмущались: «У нас забирают последний хлеб, вся политика власти направлена к тому, чтобы мы остались голодными» и т.п. Или еще: «Мы в колхозе второй год. Был недород, и сейчас толпы оборванных, полуголодных людей весь день толпятся и просят одежды и хлеба... У крестьян-бедняков и середняков отнимают последнюю овцу, а потом ее губят. Твердые задания даются беднякам, тащат последнюю телку. Люди дышат огнем, проклинают Сталина, который создал эту скорбь...»⁶.

Советское правительство, стремясь быстрее накопить валюту для обновления индустрии, не переставало посылать в деревню директивы с категорическим требованием все более высоких планов сдачи зерна, но не за счет наращивания производства, а исключительно посредством массовых конфискации. В итоге в 1933 г. из-за нереально завышенных планов государственных заготовок, полностью отнявших у колхозов и единоличников последний хлеб, в стране разразился острый продовольственный кризис, усиленный неурожаем предыдущего года. В главных же центрах зернового производства — на Украине, Кубани, Дону, Южном Урале, в Поволжье и Казахстане дело дошло до массового голода. По данным С.В. Кульчицкого и И.С. Пирожкова, только по Украине от голода и сопутствующих болезней погибло 3,5—4 млн крестьян. Суммарно общие людские потери от голода в СССР, включая наиболее пострадавшие территории — Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ, а также Украину, колеблются в пределах от 7 до 10,8 млн человек⁷.

Никакой борьбы с голодом государство практически не вело, а лишь усиливало различные репрессии в отношении крестьян. Более того, сам факт голода в деревне публично отрицался самим Сталиным. Хотя от голода страдали и жители многих городов, катастрофическими его последствия оказались для сельского населения. В пострадавших районах они были настолько велики, что ощущались еще долгие годы. На Украине их полностью не удалось преодолеть и к концу 1930-х годов, а в пораженных голодом районах Поволжья численность сельского населения в 1937 г. оставалась почти на $\frac{1}{4}$ меньше, чем в 1926 г.⁸ Иными словами, советское крестьянство заплатило за индустриализацию страшную цену — миллионами невинных жертв.

Установление коллективизацией новых порядков в деревне, жизнь и труд в жестком режиме директивно-мобилизационной экономики по курсу, избранному большевистской партией и советским правительством, приветствовались далеко не всеми сельскими жи-

телями. Зажиточная сельская верхушка — так называемое кулачество, заметно разросшееся за годы нэпа, к началу коллективизации обладало значительными земельными наделами и зачастую вполне современной сельскохозяйственной техникой, инвентарем и другим имуществом. Наблюдая тенденции к обобществлению крестьянского добра в колхозах, кулаки понимали, что они не вписываются в создаваемую колхозно-совхозную систему и предчувствовали свою обреченность. Поэтому они ожесточенно, вплоть до организации вооруженных восстаний, сопротивлялись советской власти в деревне.

С ноября 1929 г. в СССР началась политика «ликвидации кулачества как класса». Первоначально она проводилась экономическими мерами — посредством налогового пресса, в результате чего зажиточные хозяйства довольно быстро переходили в разряд середняцких и даже беднейших. В конце декабря 1929 г. по всей стране оставалось менее 600 тыс. крестьянских хозяйств, причисленных к «кулацким», или в 1,5 раза меньше, чем всего два года назад⁹. Примерно 250 тыс. наиболее дальновидных крепких «сельских хозяев» вместе со своими семьями вовремя сумели накануне покинуть деревню. Это были, главным образом, «самораскулаченные» семьи¹⁰. Однако большинство их осталось в деревне, совершив, как оказалось, ужасную ошибку.

Все кулаки были поделены на три категории, в соответствии с чем их ждало разное будущее — от суда и расстрела до ГУЛАГА и «трудового перевоспитания» в ссылке. Первая категория выселяемых объявлялась «наиболее злостными врагами советской власти» — главы таких семей арестовывались и наказывались по суду, т.е. чаще всего подлежали расстрелу. Наиболее многочисленную вторую категорию раскулаченных крестьян государство планировало в принудительном порядке выселить в отдаленные и необжитые районы СССР на спецпоселение. Там бывшим кулакам, умевшим производительно трудиться, предстояло обживать и экономически осваивать богатые природными ископаемыми районы Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальные подпавшие под раскулачивание крестьяне 3-й категории распоряжениями советской власти переселялись в пределах своего района на худшие земли. Всего же в ходе коллективизации, вплоть до 1933 г., было раскулачено (административно-репрессивными мерами) около 1 млн крестьянских хозяйств (семей), общей численностью более 5 млн человек. По мнению Н.А. Ивницкого, среди раскулаченных крестьянских семей только незначительная часть действительно относилась к эксплуататорским слоям деревни, но из-за произвола местных властей в число высланных в отдаленные районы страны попало, кроме действительно зажиточных крестьянских семей, немало середняков и даже бедняков, сельской интеллигенции, религиозных служителей.. Всего же за период 1930—

1933 г. было экономически разорено и в принудительном порядке выслано из родных мест более 1,8 млн крестьян¹¹.

Но состав сельских жителей в 1930-е годы подвергался не только количественной убыли. Серьезные политические катаклизмы — насильственная коллективизация, раскулачивание и депортация наиболее зажиточной части крестьян не могли не привести к серьезным структурным переменам в деревне. Депортация кулачества вырвала из крестьянской среды наиболее производительный социальный слой, представители которого знали секрет экономического успеха и ценой тяжелого труда становились богатыми. Следует подчеркнуть, что именно эти драматические события положили начало первому этапу «раскрестьянивания» деревни — сложному политическому и социально-экономическому процессу, который развивался в нашей стране много десятилетий.

В рассекреченных ныне архивах найдено множество писем тех лет, свидетельствующих о масштабном исходе крестьян из деревни в период раскулачивания и коллективизации. Сельчане писали своим родственникам, что спасаясь от раскулачивания и разорительных хлебозаготовок, многие отказывались от земли: «зимой, в морозы, уезжали с семьями по 7—9 человек на лошадях до железной дороги за 130—180 км, набив детей, как сельдей в бочку, в кибитки. Из 3 тыс. единоличников, не знаю, осталась ли третья часть в районе. В каждом поселке много пустых хат» (Северный Казахстан)¹². Единоличники, которых государство завалило выше головы нереальными «твердыми заданиями», были еще больше недовольны: «Лучше ценится труд на производстве, здесь же власть обобрала налогами и заготовками» (Центрально-Черноземная область) или: «Нужно удирать, пока не поздно, иначе зачислят в кулаки и высылат...» (Северо-Кавказский край)¹³.

Наиболее массовый характер отток крестьян приобрел в районах, где был недород. Так, в Нижне-Волжском крае зимой 1931/1932 г. вышло из колхозов и уехало с семьями в неизвестном направлении более 14 400 хозяйств, в Северо-Кавказском крае — до 100 тыс. человек, Восточной Сибири — только за вторую половину марта 1932 г. — 2267 хозяйств и т.д.¹⁴

Приведенные данные свидетельствуют не только о том, что в экстремальных событиях начала 1930-х годов крестьяне бросали свою землю и жилища, бежали из деревни. По существу непосредственными причинами раскрестьянивания послужили тяжелейшие издержки политики советской власти (игнорирование принципа добровольности при вовлечении крестьян в колхозы, чрезмерный экономический прессинг на единоличника и многое другое), что вызывало острое недовольство крестьян. В сочетании с насильственной депортацией кулачества массовый отъезд из деревни недовольных крестьян не-

гativamente отразился на всей последующей судьбе деревни. Раскулачивание в этом плане стало особо знаковой потерей для крестьянства, поскольку именно оно лишило село самых предприимчивых хозяев, умевших работать весьма производительно. Миграция из села уже на этом этапе со всей убедительностью отразила, прежде всего, неэффективность директивного руководства колхозами и негативные социальные последствия развития колхозной экономики по мобилизационному сценарию, когда материальные факторы практически не работали, а весь упор делался на внеэкономическое принуждение.

Процесс раскрестьянивания деревни дополнялся еще и потоками бежавших из села недавних членов колхозов, возмущенных колхозными порядками, а также недовольных единоличников, задавленных налогами. Вместе с ними село окончательно покидали отходники, кустари и ремесленники, ранее занятые в сельском хозяйстве. Масштабный отток из деревни в город вызвал заметное уменьшение общего числа крестьянских дворов: с 26 млн. (в 1926 г.) до 19 млн (в 1937 г.) в целом по СССР¹⁵.

Среди тех, кто покидал деревню, преобладали молодые, сильные и энергичные мужчины, имевшие активную жизненную позицию, способные легче других адаптироваться в городе. Данное обстоятельство со всей неизбежностью резко понижало не только профессионально-деловой, но и демографический потенциал оставшегося сельского населения. Что касается последующего устройства бывших крестьян в городе, то их массовый приток в условиях бурной индустриализации практически без остатка поглощался заводами и стройками, остро нуждавшимися в дополнительной рабочей силе. Дефицит рабочих рук ставил под угрозу срыва пятилетние планы, и уезжавшие крестьяне практически не сомневались в том, что будут востребованы в городе. На промышленных предприятиях из-за господства примитивного физического труда и почти полного отсутствия механизации к квалификации прибывавших крестьян особых требований не предъявлялось.

Постепенно росла доля крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы, — на 1 июля 1936 г. в колхозах уже было объединено 90,5% крестьян¹⁶, что фактически означало завершение коллективизации. Успехи колхозного строительства обязывали советское правительство наконец позаботиться и о благосостоянии колхозников, тем более, что надо было решать задачу, поставленную Сталиным еще в феврале 1933 г. Тогда он говорил о необходимости «сделать колхозников зажиточными», что в условиях страшного голода было абсолютно нереальным. В действительности же положение крестьян, вступивших в колхозы, оставалось отчаянным, поэтому задача повышения оплаты их труда своей актуальности совсем не потеряла.

Труд в колхозе приобрел принудительный характер — за него практически ничего не платили, но в то же время неявка на работу каралась суровыми санкциями. Все материальные ресурсы колхозов, включая произведенную продукцию, согласно директивным указаниям государственных органов, из аграрной сферы принудительно изымались и уходили, в первую очередь на нужды индустриализации. Поэтому в колхозах на оплату труда просто не оставалось средств, и если колхозники как-то сводили концы с концами, то лишь благодаря оставленному им по закону мизерному приусадебному хозяйству. Престиж сельскохозяйственных занятий обесценивался, как и колхозные порядки вообще.

Ситуация в деревне настоятельно требовала нормализации, и чтобы смягчить недовольство крестьян и притормозить миграционный отток из деревни, советское руководство было вынуждено задуматься об их экономической заинтересованности в колхозном труде. Реализовать это было весьма не просто в условиях, когда рыночные рычаги стимулирования в колхозах не работали, а внеэкономическое принуждение, характерное для советской экономики того времени, уже вполне проявило свою неэффективность.

Выход был найден в обновлении положений действовавшего с 1930 г. Примерного Устава сельскохозяйственной артели, называвшегося «основным законом колхозной жизни». В феврале 1935 г. в Москве проходил II съезд колхозников-ударников, который и принял новую, модернизированную редакцию колхозного Устава, безусловно, согласованную с высшим руководством страны. В новом Уставе было зафиксировано, что земля закрепляется за сельскохозяйственными артелями (прежнее название колхозов) в бессрочное пользование, не подлежит никаким операциям — ни купле, ни продаже, ни сдаче в аренду. Устав также четко сформулировал права и обязанности членов артели. Основной обязанностью провозглашался труд в колхозе, из которого и проистекали права колхозников. Самым важным для них в действительности стало законодательно закрепленное в новой редакции Устава право на подсобное хозяйство, предоставляемое каждому колхозному двору для самообеспечения семьи продуктами питания при условии обязательного труда в общественном хозяйстве. Это хозяйство государство рассматривало как вторичное, подсобное, имевшее вспомогательный характер, рассчитывая на то, что основные свои доходы колхозники будут получать за работу в общественном колхозном производстве. Важное значение имело четкое определение в Уставе размеров приусадебных земель, предоставляемых семьям колхозников. Не считая земли под жилыми постройками, в личном пользовании колхозного двора в за-

висимости от местных условий разрешалось иметь от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ га, а в отдельных районах — и до 1 гектара. Одновременно с этим каждый колхозный двор мог иметь в личном пользовании скот — корову, до 2-х голов молодняка крупного рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом, не более 10 овец и коз, неограниченное число птицы и кроликов, а также до 20 ульев¹⁷.

Относительно оплаты труда колхозный Устав надолго закрепил «остаточный принцип» ее формирования. По решению государственных органов в колхозах устанавливался порядок, согласно которому фонд оплаты по трудодням формировался лишь после того, как колхоз полностью рассчитывается с государством (по принудительным обязательным поставкам и натуроплате МТС), а также обеспечит засыпку зерном семенного, фуражного, страхового и пр. колхозных фондов. Подобный «остаточный» принцип оплаты труда в колхозах был очень выгоден государству, так как позволял без особых проблем изымать весь необходимый ему объем сельскохозяйственной продукции, избавляя при этом от хлопот, связанных с оплатой труда колхозных работников. Одновременно утвержденный порядок начисления доходов в счет оплаты труда был крайне невыгоден самим колхозникам, поскольку заведомо обрекал ее на очень низкий уровень.

И все же главный позитивный итог принятия нового Устава состоял в том, что он предоставлял колхозникам право на ведение приусадебного хозяйства, а также рыночную продажу «излишков» выращенной в нем продукции. По Уставу колхозникам предоставлялась и «кое-какая демократия», т.е. участие в управлении делами артели, при решении вопроса об исключении из колхоза и др.

По сравнению с периодом форсированной коллективизации, когда государство в колхозах действовало вновь методами «военного коммунизма», основные положения колхозного Устава 1935 г. крестьянам давали надежду на спокойную и, возможно, даже «зажиточную» жизнь. Устав обобщил уже накопленный опыт функционирования колхозов, а наиболее насущные проблемы колхозников пытался решать уже с подключением принципа материальной заинтересованности. Позволив членам колхозов заниматься довольно масштабным подсобным хозяйством, власть тем самым впервые за несколько лет сделала огромную уступку. Безусловно, это был определенный компромисс, суть которого заключалась приблизительно в следующем: государство дает колхозникам право на приусадебное хозяйство, естественно, требуя от них выполнения соответствующей нормы трудовой выработки в колхозе. Колхозники же в ответ не предъявляют особых претензий по поводу низких доходов, получаемых за труд в общественном колхозном производстве.

Данный шаг государства оказался дальновидным и целесообразным — надолго примирил колхозников с фактически принудительным характером труда в колхозах. Принцип взаимозависимости права на личное подсобное хозяйство и обязанности трудиться в общественном производстве долгие годы служил своеобразной «несущей конструкцией колхозного устройства», удерживавшей весь комплекс отношений государства и колхозов¹⁸.

В Колхозном Уставе 1935 г. была фактически заложена правовая база для дальнейшего развития в деревне производственных отношений социалистического типа, а созданная им модель землепользования с небольшими изменениями просуществовала многие десятилетия. Его основные положения были законодательно закреплены в Конституции СССР 1936 г., которая квалифицировала колхозно-кооперативную собственность как одну из форм социалистической собственности. Статья 7 Конституции в соответствии с основными принципами колхозного строительства законодательно подтверждала сочетание в сельскохозяйственной артели личных и общественных интересов: «Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь»¹⁹.

Правда, довольно скоро стало очевидно, что многие колхозники в ущерб общественному производству чрезмерное внимание уделяют своим подсобным хозяйствам, превращая их в высокорентабельное производство. Руководство страны не скрывало своего раздражения по поводу установившегося в колхозах несоответствия в общественном и личном, когда доходы от подсобного хозяйства зачастую в разы превосходили полученное на колхозные трудодни. В своей директиве от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» государство строго осудило распространившуюся практику «разбазаривания и расхищения» общественной земли, т.е. отведения части колхозных земель под личные хозяйства колхозников. Одновременно это решение правительства отражало его растерянность по поводу итогов практической реализации основных положений колхозного Устава, а также тех уступок, которые были сделаны колхозникам²⁰.

Крестьяне-единоличники, не желавшие вступать в колхозы, еще довольно долго оставались серьезной головной болью советского руководства. Своим нежеланием вступать в колхоз они затягивали сроки окончательного завершения коллективизации. В то же время, наблюдая полуголодное существование колхозников, многие единоличники вовсе не проявляли стремления вступать в артель.

Несмотря на то, что они платили более высокие налоги, их социальное положение в некоторых отношениях было предпочтительнее. В частности, по закону им разрешалось иметь лошадь, которой не было у колхозников. Лошадь приносила хозяину неплохой доход, и единоличник («индивидуал», по терминологии того времени) широко ее использовал, зарабатывая извозом и на других конно-ручных работах. Колхозники часто обращались к единоличникам с просьбой нанять лошадь для вспашки огорода и т.п.

Кроме того, преимущества единоличников заключались в том, что им разрешалось выходить на рынок и иметь сторонние заработки. В 1934 г. это признавал и Сталин: «Индивидуальное хозяйство нам дает кое-какой хлеб», но наступать надо на него, а не на колхозника: «Надо создать такое положение, при котором бы индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось хуже, чтобы он имел меньше возможностей, чем колхозник». Через налоги ему следует дать понять: «выгоднее быть в колхозе, чем в индивидуалах находиться... Прямо взять и задушить — это глупо»²¹.

Данное высказывание Сталина было буквально понято как призыв к очередному административному нажиму на единоличника — ужесточению налогового пресса. В таком же духе высказался и А.А. Жданов — тогда заведующий Сельхозотделом ЦК ВКП (б). Касаясь проблемы единоличника, он подчеркнул, что «все предложения сходятся на том, что для усиления коллективизации необходимо усилить налоговое обложение единоличника, тогда как ныне существующее наше налоговое законодательство не охватывает доходов единоличника и не подталкивает единоличника к вступлению в колхоз»²².

Что касается налогового обложения, то указания партийных вождей свято выполнялись — по решению правительственных органов налоговый гнет на единоличников ужесточался. Они и до этого выплачивали более тяжелые, чем члены колхозов, налоги (обязательные поставки государству продукции растениеводства и животноводства, самообложение, обязательное окладное страхование и др.). Причем размер их налогов и выплат постоянно пересматривался в сторону повышения. Крестьяне-единоличники были обязаны уплачивать еще и 30%-ный налог от продажи сельхозпродуктов и кустарных промыслов. На всем протяжении 1930-х годов их положение существенно ухудшалось, особенно у тех, кто еще сохранял какие-то средства производства (инвентарь, рабочий скот) и имел связь с рынком. Советские государственные органы постоянно рассылали различные директивы с требованием «единовременного», а в действительности многократного, взимания дополнительных налогов на единоличные крестьянские хозяйства. Вначале требовалось до-

полнительно уплатить от 100% до 175% к ранее внесенным налоговым суммам, затем еще 50% и т.д.²³

Источники дохода в хозяйствах единоличников, «злостно не выполнявших плановых заданий», строго контролировались властью — за невыполнение или отказ от посева к ним применялись различные санкции. Сумма налогов первоначально дифференцировалась социально-экономическому статусу каждого единоличного хозяйства, однако впоследствии из-за разницы в величине повышения налоги практически уравнились для всех категорий. Так, для крестьянских единоличных хозяйств, имевших доходы менее 500 руб., общая сумма налогов за период 1930-х годов была повышена как минимум в 9 раз, с доходом в 1000 руб. — в 3,3 раза, с доходом в 1500 руб. — в 2,7 раза и т.д. Подобного рода изменения в налоговом законодательстве обеспечивали государству постоянное увеличение притока финансовых поступлений. Налоги с единоличников только по Западно-Сибирскому краю в эти годы дали государственной казне, по самым скромным подсчетам, двукратное увеличение денежных сумм²⁴.

Чтобы обеспечить максимально полную собираемость налогов с единоличных крестьянских хозяйств, государство прибегало к самым радикальным средствам. Директива ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г. в отношении хозяйств, «злостно» не выполнявших налоговые обязательства, предусматривала экспроприацию всего имущества, за исключением дома, топлива для него и предметов домашнего обихода²⁵.

Лишение единоличника экономической основы потенциально было невыгодно и самой власти, всеми путями стремившейся привлечь его в колхоз, хотя на практике в отношении единоличников допускался полный произвол. Только за 1934 г. в секретариате М.И. Калинина было рассмотрено 13 657 жалоб по налоговым делам, в которых речь шла о различных нарушениях в практике взимания налогов на местах. Крестьяне жаловались на невыполнимые твердые задания, частые требования повторных платежей, «неправильную чистку» колхозов и т.п. В то же время подобного рода жалобы единоличников своеобразно интерпретировались ЦИК СССР и на этом основании делались выводы о том, что «местные органы власти часто недооценивают возможности с/х налога как стимула к дальнейшему развертыванию коллективизации и недообкладывают единоличников... в ряде районов местные органы совершенно упускают из виду политическое значение налога и применяют его исключительно и только с точки зрения чисто бюджетно-фискального подхода». Такие выводы абсолютно противоречили реальному положению вещей — единоличников не только не «недообкладывали», но наоборот, полностью разорвали. И тому сохранилось

множество доказательств и примеров. Единоличный крестьянин из Воронежской области Е.Г. Лунев писал М.И. Калинину, что он уже дважды полностью уплатил сельскохозяйственный налог и прочие денежные платежи. Однако от него потребовали в третий раз заплатить по налогам еще 1600 руб., чего он уже сделать не смог. Тогда у него изъяли все имущество, выгнали из хаты, забрали корову, сломали амбар²⁶.

Факты подлинного грабежа фискальными органами единоличников видны из очень многих писем. Так, Б.М. Карпов (Курская область) жаловался, что уже заплатил более 720 руб. денежных налогов, выполнил все натуральные поставки, но ему опять предъявили «дополнительные требования» уплатить сумму в 296 руб. 30 коп. — в счет уплаты сельскохозяйственного налога, 309 руб. — как единовременный, затем еще единовременный — 308 руб. 19 коп., а также по самообложению — 296 руб. 30 коп., всего на сумму 1209 руб. 79 коп. Но и этого оказалось мало — и сельсовет отобрал лошадь, сломал амбар и ригу²⁷.

В 1938 г. Верховный Совет СССР, со ссылкой якобы на свидетельства колхозников, что «лошади в единоличных крестьянских хозяйствах обычно используются не для сельхозработ в своем хозяйстве, а в целях спекулятивной наживы», в очередной раз ужесточил административный нажим. На сей раз государство посягнуло на основное преимущество единоличника — и специальной директивой ввело особый налог на лошадей, причем по очень высоким ставкам — от 400 до 700 руб. и более на каждую лошадь в зависимости от ее возраста²⁸.

Кроме налогов единоличников облагали и другими видами платежей: по обязательному окладному страхованию, облигациям госзаимов, акциям Трактороцентра и т.п. Это тоже способствовало заметному увеличению доли их отчислений в пользу государства. Так, например, в Атяшевском районе Мордовии доля средств, выплаченных единоличниками только за II заем индустриализации и по страховым платежам, превышала половину итоговой суммы платежей²⁹.

Опираясь на позицию Сталина и других партийных лидеров о максимально полном налогообложении единоличников, власти на местах явно ускоряли их окончательное экономическое разорение и ликвидацию. Так продолжалось вплоть до 1937 г., пока налогово-штрафная практика была наконец не пересмотрена и отчасти смягчена. Директивой ЦИК и СНК СССР функции взимания налогов с жителей деревни передавались от сельсоветов к специальным финансовым органам. Одновременно запрещались штрафы с единоличников и других налогоплательщиков в административном порядке. Впредь штрафовать их и изымать имущество разрешалось только по решению суда³⁰.

В результате жесткого налогового прессинга многие трудовые единоличные крестьянские хозяйства были полностью разорены, что на деле еще больше отдалило их от колхозов, потому что туда идти им уже было не с чем. Но именно налоговые тиски послужили главным средством экономического принуждения единоличников в колхозы. Давление со стороны государства вытесняло их из экономической жизни деревни, вынуждая вливаться в колхозы, и тем самым повышать общий уровень коллективизации. Однако в колхозы пришли далеко не все единоличники. Большая часть их (2,7 млн), по данным И.Е. Зеленина, в течение 1934—1935 гг. окончательно «раскрестьянилась», т.е. порвала с крестьянским хозяйством и перешла в город, или же была репрессирована³¹.

Уровень коллективизации повышался не только за счет вступления единоличников, но и вследствие их масштабного выбытия из деревни, что определяло соответствующее сокращение общего числа крестьянских хозяйств. Что касается так и не вступивших в колхозы единоличников, то, по данным переписи 1939 г., они стали самой малочисленной группой деревни, насчитывая в целом по СССР чуть более 3 млн человек (вместе с семьями)³².

Это дало И. Сталину право утверждать на XVIII съезде партии (март 1939 г.), что «социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия», в то время как единоличное крестьянское хозяйство уже погибло. Эта оценка была сильно преувеличена, поскольку вне колхозов оставалось еще более 3% единоличных хозяйств³³, или, как отмечалось выше, 3 млн человек. Главы этих хозяйств проявили большую твердость, не вступив в колхозы и продолжая, несмотря на сильное экономическое и политическое давление со стороны государственных органов, вести традиционное единоличное хозяйствование.

Загнанный в колхоз единоличник в известной степени все же был вознагражден. Став членом сельскохозяйственной артели, т.е. колхозником, он наконец перестал ощущать на себе моральное давление, получал законное право вести семейное подсобное хозяйство и платить уже заметно меньше налогов. Однако все эти преимущества действовали при определенных условиях, главным из которых являлся обязательный труд в общественном колхозном хозяйстве и выработка установленной нормы трудодней.

Впоследствии оказалось, что вывод советского вождя относительно гибели единоличных хозяйств в СССР был преждевременен, и это всего через полгода подтвердили дальнейшие исторические события. В соответствии с пактом Риббентропа — Молотова в сентябре 1939 г. территория СССР заметно расширилась за счет при-

соединения западных областей Украины и Белоруссии, а в 1940 г. — еще и Бессарабии, Буковины и республик Прибалтики. Вследствие этого сельское население страны пополнилось на 15,8 млн человек, подавляющее большинство которых (примерно 13,8 млн человек) было связано как раз с единоличным крестьянским укладом. Следовательно, с учетом «своих» и присоединенных крестьян-единоличников, проживавших на вошедших в состав СССР территориях, накануне Великой Отечественной войны данный социальный контингент насчитывал уже более 15 млн человек³⁴.

В силу этого правильнее было бы говорить не о «гибели» единоличного сектора крестьянской экономики, а наоборот, о значительном расширении его доли в сельской экономике уже к концу предвоенного периода. Такое явление, конечно, было временным, поскольку на новых территориях СССР крестьян-единоличников в будущем неизбежно ожидал «дубль-2» массовой коллективизации сельского хозяйства.

В 1930-е годы советская экономика, развивавшаяся по директивно-мобилизационному типу, расставляла свои приоритеты. Прежде всего, это была модернизация промышленности и ускоренное развитие городов. Сельской же экономике отводилась второстепенная роль производителя дешевого продовольствия и сырья, а также поставщика рабочей силы. В соответствии с такой приоритетностью в советском идеологизированном обществе господствовал особый классовый подход, при котором рабочий класс оценивался как ведущая политическая сила (гегемон), а крестьянство — лишь как его союзник и полностью ведомый класс, со второстепенным социальным статусом. Идеологи марксизма-ленинизма вообще рассматривали крестьянство как общность, «отягощенную» первородным грехом собственности (не только крестьянин-труженик, но и крестьянин-собственник). Двойственность и противоречивость крестьянской природы исключала его равенство с рабочим классом. Даже когда коллективизация сельского хозяйства насильно освободила крестьянство от греха собственности, оно и тогда в представлении советского руководства не смогло избавиться от своей социально-ценностной вторичности, поскольку колхозно-кооперативная форма собственности в СССР котирировалась значительно ниже общенародной³⁵. Иными словами, социальный «рейтинг» колхозного крестьянства изначально был значительно ниже, чем у городских рабочих и служащих, а аграрное общество в системе идеологических и экономических ценностей в СССР занимало место, существенно уступающее городскому социуму.

Классовый подход советского общества соответствующим образом постоянно преломлялся во всех важнейших социально-политических

событиях. В декабре 1932 г. в СССР началась паспортизация с одновременной пропиской городского населения. Сперва она затронула лишь Москву, Ленинград вместе со 100-километровой полосой вокруг них, а также тогдашнюю столицу Украины г. Харьков с 50-километровой зоной окружения. На территории этих областей рабочие и служащие крупных предприятий стали получать паспорта, т.е. удостоверения личности нового образца, с обязательной графой для штампа о месте прописки данного гражданина. Позже выдача паспортов была распространена уже на все городское население, за исключением «старорежимных» слоев (бывших дворян, служителей церкви), а также бродяг, тунеядцев и т.п. Формально паспортизация преследовала цель избавления городов от «асоциальных элементов», но, как и в царские времена, она приобрела выраженный антикрестьянский характер, поскольку не затронула колхозников и крестьян-единоличников³⁶. Было очевидно, что введение паспортного режима в основном преследовало цель пресечения их стихийного притока в города.

Безусловно, лишение крестьян важнейшего советского документа — паспорта гражданина страны — фактически послужило серьезной попыткой очередного закрепления их в деревне и колхозах, поскольку без этого документа любое перемещение по стране было не просто ограничено, но абсолютно невозможно. Так, с 1935 г. крестьянам требовался паспорт даже при переезде из одной сельской местности в другую. При необходимости поездки в город закон предписывал сельскому жителю обращаться в правление колхоза или в сельсовет за справкой, разрешавшей временный отпуск. На этом основании крестьянину в городе при определенных условиях (наличие работы) мог быть выдан паспорт или временное удостоверение сроком до 3-х лет. И все же паспортизация 1933 г., несмотря на заметное ограничение миграционных перемещений крестьянства по стране, полностью их перекрыть не смогла. Индустриальное развитие страны постоянно требовало нового притока рабочих из сельской местности. По данным НКВД СССР, с 1933 по 1940 г. приезжавшим из деревни сезонным рабочим в городах было выдано 14,3 млн временных удостоверений личности³⁷.

Советское правительство в 1933 г., стремясь приостановить приток голодных крестьян в города, пересмотрело законодательство о сельском отходничестве и наборе рабочей силы из колхозов. По закону ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов» на этот вид деятельности были наложены существенные ограничения. Отныне обязательным основанием для временного ухода становилось заключение договора колхоза с вербующей хозяйственной организацией, а льготы в колхозе сохранялись отныне лишь за теми отходниками, которые уходили «на

производство» в организованном порядке, т.е. после регистрации в правлении заключенного договора³⁸.

За этим последовала специальная директива — Положение Наркомата Внутренних Дел СССР (1935), предусматривавшая принципиально новый порядок выдачи паспортов для выезжавших крестьян. Отныне этот вопрос должен был решаться не в городе, а по месту постоянного жительства, т.е. в колхозах. Это сразу существенно лимитировало сельскую миграцию, поскольку ставило плотный заслон всем крестьянским отъездам «самотеком». Вопрос о выдаче паспорта члену колхоза решался теперь на уровне сельских властей, совершенно не заинтересованных в отпуске его из колхоза. По этой причине в 1936—1937 гг. отток из деревни сократился почти вдвое по сравнению с началом 1930-х годов³⁹.

Многие правления колхозов и отдельные председатели, используя полученное право на выдачу паспортов отходникам, допускали немало злоупотреблений в работе, исключали из артели даже членов семей отходников, находившихся на временной работе вне села. Такие факты были зафиксированы в Свердловской, Новосибирской, Смоленской, Калининской областях, Алтайском, Орджоникидзевском и Краснодарском краях, а также на Украине и в Казахстане. Между тем, Устав сельскохозяйственной артели (1935) на этот счет гласил, что вопрос об исключении из колхоза должен решаться не местной властью, а общим собранием членов колхоза. Директивный документ СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1938 г. строго осудил и запретил все подобные исключения, допуская их в качестве крайней меры лишь в отношении тех колхозников, которые своими действиями подрывали и дезорганизовали колхоз⁴⁰.

В конце 1930-х годов правительство сумело придать миграционной мобильности крестьянства организованные формы. В это время продолжала действовать государственная система оргнабора рабочей силы, посредством которой только в течение 1938—1940 гг. из сельской местности на промышленные предприятия в целом по СССР перешло около 6,7 млн. человек. Но один только организованный набор рабочей силы уже был не способен обеспечить индустрию трудовыми ресурсами в нужном объеме, и проблема эта требовала решения. Промышленные, строительные, транспортные и другие предприятия страны нуждались во все большем привлечении новых рабочих. Выполнение государственных планов по промышленности настоятельно требовало дополнительного привлечения в 1937 г. 1 млн. рабочих, в 1938 г. — 1,3 млн, а в 1939 г. — еще 1,5 млн⁴¹.

Для колхозной молодежи это был серьезный шанс наряду с высокой миграционной подвижностью проявить и свою социальную мобиль-

ность. В 1940 г. с целью подготовки для промышленности и транспорта кадров рабочих основных индустриальных специальностей было организовано Главное управление трудовых резервов при СНК СССР⁴² и стала создаваться сеть ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения. Сельская молодежь сразу проявила значительный интерес к новой системе профессионального образования, рассматривая его не только как удачный трамплин для получения индустриальной специальности, но и в качестве закрепления в городе. Молодежь и подростки из деревни, главным образом, дети колхозников, быстро заполняли эти новые ученические места. Уже в 1940 г. состав учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ практически на 90% был сформирован именно за счет сельской молодежи, не уменьшился приток в них молодежи из деревни и в 1941 г.⁴³

В 1930-е годы высокая миграционная активность способствовала значительной убыли сельского населения. С 1926 по 1939 г. его общая численность в масштабах СССР снизилась на 6,3 млн. человек (с 120,7 млн. до 114,4 млн. чел.). За это же время городское население выросло более чем на 30 млн. человек⁴⁴, что в несколько раз превосходило его собственный естественный прирост. Иными словами, столь быстрый и значительный прирост горожан не мог быть достигнут без механического притока извне, т.е. из села. Что касается несоответствия в абсолютной убыли сельских жителей и быстрого роста городского населения, то это объясняется высоким объемом естественного прироста сельского населения. За 1926—1939 гг. он составил около 18 млн. человек, благодаря чему деревня смогла восполнить львиную долю своих миграционных потерь за это время⁴⁵.

Одновременно территориальные перемещения сельского населения в город послужили важным фактором развития урбанизации в СССР. Основной вклад в рост городов вносили те союзные республики, где индустриализация развивалась особо высокими темпами. Так, из 30 млн. общего прироста численности городского населения, достигнутого по стране за 1926—1939 гг., более половины, т.е. 18,4 млн., дала РСФСР. Именно ей была свойственна наиболее значительная по масштабам миграция из деревни в город и там же со оружалось основное большинство новых промышленных объектов⁴⁶.

Урбанизация страны на протяжении 1930-х годов сопровождалась интенсивным выбытием населения и трудовых ресурсов из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность и другие отрасли экономики. Тем самым миграционная активность сельских жителей сыграла особо значимую роль в изменении соотношения городского и сельского населения, что само по себе является следствием и одновременно показателем урбанизации. В 1926 г. в городах СССР проживало лишь

18% жителей, а в 1939 г. — уже 33%⁴⁷. В этом плане заметный след оставили 1930-е годы, когда вследствие проявления мобилизационной колхозной экономики многие сельские жители покидали деревню. Именно таким образом СССР — еще недавно типично аграрная страна — довольно быстро превращался в аграрно-индустриальную державу.

¹ *Сталин, И.В.* Сочинения. — М., 1951. — Т. 13. — С. 38.

² См.: *Коэн, С.* Бухарин. Политическая биография, 1888—1938. — М., 1988. — С. 324.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927—1939 гг.: документы и материалы: в 5 т. — М., 2001. — Т. 3: Конец 1930 — 1933 гг. — С. 264.

⁴ Там же. — С. 295, 296.

⁵ *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М., 2001. — С. 96; *Вишневский, А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. — М., 1998. — С. 87.

⁶ *Зеленин, И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930—1939: политика, осуществление, результаты. — М., 2006. — С. 16, 50, 52.

⁷ Население России в XX веке: ист. очерки. — М., 2000. — Т. 1: 1900—1939. — С. 276.

⁸ См. об этом: *Зеленин, И.Е.* Сталинская «революция сверху» ... — С. 104, 105.

⁹ *Ивницкий, Н.А.* Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе.* — Вологда, 2001. — С. 315.

¹⁰ Коллективизация: истоки, сущность, последствия: беседа за «круглым столом» // *История СССР.* — 1989. — № 3. — С. 44.

¹¹ *Ивницкий, Н.А.* Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства ... — С. 318, 319; *Население России в XX веке.* — Т. 1. — С. 277.

¹² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 3. — С. 259.

¹³ Там же. — С. 75.

¹⁴ Там же. — С. 277, 295.

¹⁵ *Вишневский, А.Г.* Серп и рубль. — С. 87.

¹⁶ Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. — М.; Л., 1939. — С. 3.

¹⁷ История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917—1958 гг. — М., 1959. — Т. 1: 1917—1936. — С. 428; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, [1917—1967 гг.: сб. док. за 50 лет]. — М., 1967. — Т. 2: 1929—1940. — С. 519—530.

¹⁸ *Безнин, М.А., Димони, Т.М.* Аграрный строй России в 1930—1980-е годы. — Вологда, 2003. — С. 12.

¹⁹ Конституция Союза ССР и Конституции союзных республик. — М., 1937. — С. 25.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 8-е, доп. и испр. — М., 1971. — Т. 5: 1931—1941. — С. 398, 399.

²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927—1939 гг.: документы и материалы: в 5 т. — М., 2002. — Т. 4: 1934—1936. — С. 190, 191.

²² Там же. — С. 329.

²³ *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.* — 1932. — № 78; 1934. — № 49. — Далее: СЗ СССР.

²⁴ См.: *Еферица, Т.В., Марискин, О.И., Надькин, Т.Д.* Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920—1930-е годы. — Саранск, 1998. — С. 47; *Политика*

раскрестьянивания в Сибири. — Новосибирск, 2000. — Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства, 1930—1940 гг. — С. 15, 68, 70, 74.

²⁵ СЗ СССР. — 1934. — № 48. — Ст. 370; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 4. — С. 545.

²⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 4. — С. 376.

²⁷ Там же. — С. 376, 377.

²⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. — Вып. 1. — С. 68—74.

²⁹ *Еферица, Т.В., Марискин, О.И., Надькин, Т.Д.* Налоговая политика и крестьянское хозяйство ... — С. 47.

³⁰ См.: URL: history.nsc.ru/iva117_2.htm

³¹ *Зеленин, И.Е.* Сталинская «революция сверху» ... — С. 192, 193.

³² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М., 1992. — С. 93.

³³ Там же. — С. 101; *Зеленин, И.Е.* Колхозы и сельское хозяйство СССР в 1933—1935 гг. // История СССР. — 1964. — № 5. — С. 26.

³⁴ История советского крестьянства. — М., 1987. — Т. 3: Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945. — С. 99.

³⁵ *Барулин, В.С.* Русский человек в XX веке. Потери и обретения себя. — СПб., 2000. — С. 148.

³⁶ См. об этом: Правда. — 1933. — 15 янв.

³⁷ СЗ СССР. — 1933. — № 3. — Ст. 22; Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р-9401. — Оп. 1. — Д. 4155. — Л. 200.

³⁸ История колхозного права: сб. законодат. материалов СССР и РСФСР, 1917—1958 гг. — М., 1959. — Т. 1: 1917—1936 гг. — С. 207, 363.

³⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 4. — С. 411.

⁴⁰ История колхозного права: сб. законодат. материалов СССР и РСФСР, 1917—1958 гг. — М., 1958. — Т. 2: 1937—1958 гг. — С. 41, 42.

⁴¹ *Сонин, М.Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. — М., 1959. — С. 143; *Москатов, П.Г.* Государственные трудовые резервы — основной источник пополнения рабочего класса. — М., 1955. — С. 11.

⁴² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 2. — С. 776, 777.

⁴³ *Гущин, Н.Я., Кошелева, Э.В., Чарушин, В.Г.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941). — Новосибирск, 1975. — С. 70.

⁴⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. — СПб., 1999. — С. 20.

⁴⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — М., 2005. — Т. 14: Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — С. 10; *Вылцан, М.А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938—1941 гг.). — М., 1970. — С. 140.

⁴⁶ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. — С. 20; *Верт, Н.* История советского государства, 1900—1991. — М., 1998. — С. 253.

⁴⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — С. 20.

Е.А. Осокина

ТОРГСИН В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье исследована экономическая роль и эффективность торгсинов — государственных магазинов, которые в голодные годы первых пятилеток (1931—1935) продавали продукты и товары населению СССР в обмен на иностранную валюту, золото, серебро, бриллианты и другие ценности. Исследование свидетельствует, что Торгсин был своеобразным философским камнем сталинской индустриализации, обеспечившим скрытую конвертацию советских рублей и нехитрых товаров в жизненно необходимые для государства валюту и золоту. Анализ статистики Торгсина раскрывает его тайны, среди которых — продажа продуктов и товаров голодавшим в СССР по ценам, в несколько раз превышавшим советские экспортные цены, а также парадокс убыточности розничной торговли Торгсина при его высокой валютной рентабельности, которая в период массового голода превзошла рентабельность советского экспорта хлеба, нефти и леса. Автор задается вопросом о том, дорого или дешево было золото Торгсина, сравнивая себестоимость торгсиновского золота с себестоимостью промышленной золотодобычи, в частности в ГУЛАГе, и с мировой рыночной ценой на золото тех лет.

Ключевые слова: советская индустриализация; советская экономика 1930-х годов; советская торговля; Торгсин; золото; валютная независимость; валютные операции в СССР; массовый голод; способы выживания; сталинизм.

Е.А. Osokina

Torgsin's Role in the Soviet Economy of the 1930s

This article explores the economic role of the state stores called "Torgsin" that, in the lean years of Soviet industrialization (1931—1935), sold food and goods to the Soviet people in exchange for family valuables and heirlooms (foreign currency, gold, silver, diamonds, etc.) The study shows that Torgsin became a "sorcerer's stone" for Stalin's industrialization that allowed a hidden conversion of Soviet rubles and basic goods into vitally needed currency and gold. An analysis of Torgsin's statistics reveals its secrets, such as the fact that the Soviet government sold, to the starving Soviet people, food at prices several times higher than their Soviet export prices; the paradox of the unprofitability of Torgsin's retail aspect and its high currency profitability, which surpassed the profitability of Soviet grain, oil and timber exports. To answer the question on whether Torgsin's gold was cheap or expensive to the Soviet state the author compares its cost with the cost of the gold industrially extracted in the GULAG and with world market gold prices of the time.

Keywords: Soviet industrialization; Soviet economy of the 1930s; Soviet trade; Torgsin; gold; currency independence; currency operations in the USSR; mass famine; strategies of survival; Stalinism.

ТОРГСИН

Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, сокращенно Торгсин¹, созданное в июле 1930 г., вначале было маленькой государственной конторой — несколько магазинов в крупных городах, которые продавали антиквариат иностранным туристам. Советским гражданам запрещалось не только покупать в Торгсине, но даже заходить в его магазины.

Ситуация изменилась с началом форсированной индустриализации в СССР. Правительство остро нуждалось в золоте и иностранной валюте для закупки импортного оборудования для строившихся промышленных гигантов. Однако валютные и золотые государственные запасы СССР к концу 1920-х годов были исчерпаны. Советский Союз начал форсированную индустриализацию, не имея валютных резервов. Положение усугубилось тем, что советский сырьевой экспорт, главный источник валютных доходов, в условиях мирового экономического кризиса стал убыточен. Политбюро судорожно искало валюту и золото. Между тем немалые сбережения имелись внутри страны, в кубышках советских граждан. Торгсин должен был получить эти ценности.

Осенью 1931 г. правительство открыло магазины Торгсина для советских покупателей. В обмен на иностранную валюту, золото, а позднее серебро, платину и бриллианты люди получали деньги Торгсина (боны) и могли на них купить товары в его магазинах. После того как советские покупатели получили доступ в Торгсин, его деятельность молниеносно выросла. Торгсиновские конторы открылись во всех регионах СССР — в момент своего расцвета Торгсин насчитывал около 1500 магазинов!

Главной причиной столь стремительного взлета Торгсина был товарный и продовольственный кризис — следствие развала частного рынка в стране. Время существования Торгсина было временем пайкового распределения, при котором государство определяло нормы, ассортимент, магазины и цены для групп населения. Централизованное пайковое снабжение отличалось иерархичностью, избирательностью и общей скудостью. Государство кормило, да и то плохо, только тех, от кого напрямую зависело выполнение планов промышленного производства. Большие группы населения остались без пайков и фактически были брошены на произвол судьбы. Но даже те, кто получал государственный паек, за исключением советской элиты, владели полуголодное существование². Людям не оставалось другого выбора, как нести ценности в Торгсин. Страшный голод 1932—1933 гг. стал звездным часом Торгсина: голодные люди меняли драгоценности и семейные реликвии на хлеб.

Торгсин выполнил свою миссию по добыче валюты для индустриализации. За годы своего существования он собрал ценностей на 287,3 млн золотых рублей³. Они позволили покрыть пятую часть затрат государства на импорт оборудования в первой половине 1930-х годов. Торгсин также представляет удивительную историю выживания советских людей в тяжелые годы первых пятилеток. Торгсин хранит много тайн и головокружительных историй. С улучшением экономической ситуации в стране в середине 1930-х годов магазины Торгсина стали убыточны. Правительство ликвидировало Торгсин в феврале 1936 г.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Торгсин ничего не вывозил за рубеж, но, тем не менее, считался экспортной организацией, потому что, так же как Экспортхлеб, Экспортлес, Экспортнефть и другие советские экспортные объединения, он обращал товарные ресурсы страны в валюту. Условия, в которых работал Торгсин, благоприятствовали его валютному успеху. Во-первых, в отличие от других экспортеров, он экономил на издержках обращения (расходы по перевозке товаров за границу, их страховке, хранению, содержанию экспортного аппарата и пр.)⁴. Во-вторых, цены продажи на товары он назначал, не оглядываясь на мировой экономический кризис и не боясь конкуренции на мировом рынке, ведь продавал Торгсин у себя дома, где царил дефицит и голод, а монополия ценообразования находилась в руках государства. Советский покупатель не привередничал.

Сравнение Торгсина с другими советскими экспортерами раскрывает одну из его главных тайн. Секретный финальный отчет, подготовленный в декабре 1935 г., сообщал: «Если бы проданные Торгином товары были бы экспортированы за границу, то за них можно было выручить *максимум* (курсив мой. — Е.О.) по реализационным ценам “фоб”⁵ 83,3 млн руб.»⁶. Торгсин же продал эти товары покупателям за 275 млн руб. Составители финального отчета, бахваясь тем, что продавали товары в СССР в несколько раз дороже их экспортной цены, по сути признались, что обманули покупателей. В обмен на золото, серебро, платину, бриллианты и валюту, которые по цене скупки стоили 287,2 млн руб., — их реализационная стоимость на мировом рынке была выше — люди получили товаров (в ценах советского экспорта) всего лишь на 83,3 млн руб. Иными словами, за каждые три с половиной золотых рубля⁷ ценностей покупатель в Торгсине получал товаров только на один рубль! Разрыв

не малый. Но даже если бы Торгсин за каждый рубль ценностей отдавал своим клиентам товаров на несколько рублей, государство, все равно, выгадало бы, потому как ни при каких обстоятельствах за эти рубли не могло бы купить за границей горы драгоценностей и валюты: Торгсин, подобно философскому камню, обращавшему в золото неблагородные металлы, превращал в валюту неконвертируемые советские рубли, черный хлеб и селедку, да нехитрый ширпортреб.

Финальный отчет Торгсина также сообщал, что для получения той суммы валютных ценностей, которую собрал Торгсин, потребовалось бы дополнительно продать за границей экспортных товаров на сумму 17,6 млрд руб. (в розничных ценах внутренней советской торговли)⁸. Представьте масштабы возможного вывоза сырья и продовольствия из голодавшей страны. У медали, как всегда, оказалось две стороны: бесспорная валютная заинтересованность и нужда государства в Торгсине, но и, несмотря на хищнический характер сделки, полезность Торгсина для общества — пытайся государство, вместо Торгсина, добывать валюту, выбрасывая за бесценок все больше товаров за границу, то масштабы голодной трагедии оказались бы еще больше.

СКРЫТАЯ КОНВЕРТАЦИЯ РУБЛЯ

Документы позволяют оценить валютную эффективность Торгсина. Для этого сравним рублевые расходы государства на Торгсин с полученным им валютным приходом (таблица 1, п. 6). Как и следовало ожидать, период массового голода стал временем наивысшей рентабельности: в 1933 г., чтобы получить золотой рубль ценностей, государство затрачивало немногим более 4 простых советских рублей⁹. С нормализацией продовольственной ситуации в стране и падением важности Торгсина для населения страны стала снижаться и его валютная рентабельность: чтобы получить один золотой рубль ценностей, в 1934 г. государство затрачивало более 6 руб., а в 1935 г. — около 10 руб. (таблица 1, п. 6)¹⁰. В среднем за период 1932—1935 г. «добыча» одного золотого рубля в Торгсине обходилась государству в 6 руб. затрат.

Для образности проведем еще одно сравнение. Скупочная стоимость ценностей, которые Торгсин купил у населения в 1933 г., после вычета расходов на импорт являлась эквивалентом 86,2 т чистого золота (таблица 1, п. 4в). Исходя из существовавшей в то время мировой цены золота (66,5 цента за грамм чистоты) стоимость этих ценностей составит 57,3 млн долларов США. Сопоставьте эту сумму с рублевыми затратами государства в тот год на Торгсин —

Таблица 1

Рентабельность операций Торгсина

	1932	1933	1934	1935 (9 мес.)	Итого
Расход					
1. Затраты на покупку отечественных товаров (в т.ч. проданных, нереализованный остаток на конец года, пайки, разбронировано, недостачи)					
а) в ценах продажи Торгсина (млн зол. руб.)	87,3*	96,1	57,3	26,3	267,0
б) в ценах промышленности (млн сов. руб.)**	282,8	311,1	262,8	239,2	1095,9
2. Издержки обращения ¹¹ : накладные, торговые, административно-управленческие, орграсходы, потери по таре, расходы по кадрам, плановые накопления для 1935 г. (млн сов. руб.)	40,5	141,7	142,4	78,0	402,6
3. Все затраты без расходов на импорт (млн сов. руб.)	323,3*	452,8	405,2	317,2	1498,5
Приход					
4. Валютный приход					
а) скупочная стоимость ценностей, включая «припек» (млн зол. руб.)	49,3	115,2	65,9	34,6	265,0
б) то же минус расходы на импорт	45,2	111,2	63,0	32,5***	251,9
в) то же (б) в расчете на чистое золото (т)****	35,0	86,2	48,8	25,2	195,2
д) то же (в) в мировых ценах на золото (млн дол. США)*****	23,3	57,3	54,9	28,4	163,9
5. Стоимость проданных товаров, включая импортные					
а) в ценах Торгсина (млн зол. руб.)	51,4	106,5	60,7	32,1	250,7
б) в ценах промышленности (млн сов. руб.)**	166,5	345,0	279,1	292,0	1082,6
Рентабельность					
6. Соврублевые затраты на получение одного золотого рубля, 3: 4б (сов. руб)	7,2*	4,1	6,4	9,8	5,9
7. Получено золотых копеек на советский рубль затрат, 4б: 3	14	25	16	10	17
8. Себестоимость «добычи» золота (3—5б): 4в (сов. руб. за 1 г чистоты)	4,48	1,25	2,58	1,0	2,13

Источник: РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 153. — Л. 24; Д. 175. — Л. 129.

Примечания:

* Отсутствуют данные о пайках, недостачах и разбронированных товарах. С учетом этих затрат рентабельность Торгсина в 1932 г. будет несколько ниже указанной в таблице.

** Перевод цен продажи Торгсина в цены промышленности был сделан экономистами Торгсина на основе определенных ими коэффициентов. Эти коэффициенты высчитывались на основе всей суммы проданных товаров, включая импортные, но ввиду незначительности импорта этой погрешностью можно пренебречь. В 1932 г. Торгсин получал товары от экспортеров по золотым ценам, а в последующие годы от поставщиков — по ценам промышленности. При переводе продажных цен Торгсина 1932 г. в цены промышленности экономисты Торгсина использовали коэффициент перевода 1933 г.

Стоимость проданных товаров по годам (п. 5б) превышает затраты на покупку отечественных товаров (п. 1б), потому что в числе проданных учтены и импортные товары, а также товарные остатки, переходившие с прошлого года.

*** Данные о расходах на закупку импорта за 9 мес. 1935 г. найти не удалось. Однако известно, что в первом полугодии 1935 г. размещенные импортные заказы составили 1,4 млн руб., а за весь год — 2,8 млн руб. Исходя из этих данных, можно предположить, что расходы на импорт первых трех кварталов 1935 г. составили порядка 2,1 млн руб.

**** Исходя из скупочной цены Торгсина 1 руб. 29 коп. за грамм чистоты. Поскольку в числе скупленных ценностей было не только золото, но и серебро, бриллианты, платина, валюта, показатель золотого тоннажа не является показателем золотоскупки и имеет аналитико-сравнительное значение.

***** Из расчета мировой цены золота (за грамм чистоты) 66,5 цента (до 1934 г.) и 1,125 доллара (с 1934 г.).

452,8 млн руб. (таблица 1, п. 3): благодаря Торгсину в 1933 г. советское руководство обратило мало кому нужные на Западе¹² советские рубли в валюту по курсу около 8 руб. за доллар США. Хотя это было выше официального обменного курса, установленного советским правительством «для внутреннего пользования», но кто бы на Западе стал менять Сталину рубли на доллары по этому или другому сколь угодно высокому курсу? Торгсин сделал подобную конвертацию рубля возможной.

Значение Торгсина для индустриализации огромно. Ценности, которые купил Торгсин, покрыли (по их скупочной стоимости) более пятой части затрат на импортные закупки 1932—1935 гг. — решающих лет промышленного скачка (таблица 2). В голодном 1933 г. ценности Торгсина позволили государству оплатить треть, в 1934 г. — более четверти, а в 1935 г. — почти пятую часть советского импорта промышленного оборудования, сырья и технологий. Вклад Торгсина в оплату импортных промышленных поставок на деле был и того больше, так как СССР продавал ценности Торгсина на мировом рынке выше их скупочной стоимости. Торгсин стал огромным подспорьем для буксовавшего советского экспорта: в голодном 1933 г. валюта, добытая Торгсином, равнялась почти трети валютной вы-

Таблица 2

**Сумма привлеченных Торгсином ценностей
к экспорту и импорту СССР (%)***

	1932	1933	1934	1935	В среднем за 1932— 1935
К импорту**	7,0	33,1	28,4	19,8	22,1
К экспорту**	8,6	23,2	15,8	13,0	15,2
К экспорту***	10,0	30,7	17,8	13,6	18,0

Примечания:

* Использованы данные о скупочной стоимости ценностей, включая «припек», без вычета затрат на закупки импортных товаров для Торгсина. Стоимость ценностей по цене их реализации на мировом рынке, а, следовательно, их отношение к советскому импорту и экспорту, будет выше показателей этой таблицы.

** На основе таможенной статистики импорта и экспорта.

*** На основе архивной статистики экспорта.

ручки страны от экспорта хлеба, нефти, леса и другого сырья и продовольствия (таблица 2). К тому же, Торгсин ничего и не вывозил за рубеж, а продал эти товары голодавшему населению в СССР. По признанию финального отчета, «привлеченной» через Торгсин валюты хватило, чтобы покрыть стоимость импортного оборудования для десяти гигантов социалистической промышленности: Горьковского автозавода (43,2 млн руб.), Сталинградского тракторного (35 млн руб.), Автозавода им. Сталина (27,9 млн руб.), Днепростроя (31 млн руб.), Господшипника (22,5 млн руб.), Челябинского тракторного (23 млн руб.), Харьковского тракторного (15,3 млн руб.), Магнитки (44 млн руб.), Кузнецка (25,9 млн руб.) и Уралмаша (15 млн руб.)¹³.

ОБОГНАВ ЭКСПОРТ ХЛЕБА И НЕФТИ

Торгсин был единственным экспортным объединением Наркомвнешторга, от которого руководство страны ожидало получить валютную отдачу существенно выше капитальных вложений¹⁴. В 1932 г. по объемам валютной выручки Торгсин занимал четвертое место среди советских экспортеров, уступая лишь главным статьям советского экспорта — нефти, зерну и лесу (таблица 3). В 1933 г., из-за голода в стране, он вышел на первое место, обогнав и эти, по замыслу творцов, главные валютные источники финансирования индустриализации. Финальный отчет Торгсина утверждал, что в 1934 и 1935 гг. Торгсин стабильно сохранял второе место среди экспорт-

Таблица 3

Выполнение валютного плана экспортными объединениями СССР
(по данным Госбанка), нетто в млн зол. руб.

	1931	1932	1933* 1 полугодие
Экспортхлеб	203,5	88,1	8,7
Экспортнефть	101,9	89,5	41,4
Экспортлес	89,7	71,1	н/д
Торгсин	3,7 (6,9)**	49,3	45,4
Антиквариат	9,4	1,5	1,2

Источник: Ведомости исполнения торговой части валютного плана (документы из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находятся на спецхранении)¹⁵; РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 130 об.

Примечания:

* Цифровые данные за второе полугодие 1933 г. не удалось найти, но финальный отчет Торгсина утверждал, что в течение *всего* 1933 г. по объемам валютной выручки Торгсин занимал первое место, а в 1934—1935 гг. стабильно сохранял второе место среди основных экспортеров страны, уступая только экспорту нефти.

** Расхождение между данными Госбанка и Торгсина. По статистике Торгсина, в 1931 г. он скупил ценностей на сумму 6,9 млн руб.

ных объединений Наркомвнешторга СССР, уступая только экспорту нефти¹⁶.

В 1933 г. Торгсин был впереди всех советских экспортных объединений не только по сумме полученной валюты, но и по «валютной эффективности экспорта» — показателю отношения экспортной цены товаров к их себестоимости¹⁷. В 1933 г. советский экспорт зерна был убыточен, а в Торгсине хлеб среди товаров имел самую высокую валютную рентабельность: в первом полугодии 1933 г. выручка Торгсина по хлебофуражным товарам (39,2 млн зол. руб.) превысила их экспортную цену (7,6 млн руб.) более чем в 5 раз! По остальным продовольственным товарам выручка Торгсина (12 млн руб.) в 4,6 раза превышала их экспортную цену (2,6 млн руб.). Во второй половине 1933 г. с отступлением голода и резким снижением цен на продовольствие в Торгсине разрыв сократился¹⁸, но оставался значительным: в среднем в тот год по хлебофуражным товарам Торгсин выручил 62,6 млн руб. при их экспортной цене 14,2 млн руб., по остальным продовольственным товарам соотношение было (соответственно) 20,6 млн руб. и 6 млн руб. Сопоставление цен на товары в Торгсине с ценами экспорта позволило его экономистам утверждать, что в 1933 г. Торгсин получил на 78 млн зол. руб. больше, чем

могли бы получить за эти товары советские экспортеры, продав их за рубежом¹⁹. Но с улучшением товарной ситуации в стране, падением цен в Торгсине и интереса к его торговле «валютная эффективность» продаж продовольствия в 1934 и 1935 гг. упала²⁰.

Руководство Торгсина утверждало, что в 1933 г. на каждый рубль затрат Торгсин приносил государству валюты больше, чем другие экспортные объединения. Существенно больше!²¹ По данным Валютно-финансового сектора Наркомвнешторга, в 1933 г. советский экспорт (по всем объединениям НКВТ) в среднем приносил не более 15 зол. коп. на рубль затрат, а без нефти — только 13 коп.²² По подсчетам его экономистов, валютная рентабельность операций Торгсина за первые три квартала 1933 г. составила 34 зол. коп., т.е. была более чем в 2 раза выше средней рентабельности советского экспорта. В среднем за 1933 г., по моим расчетам (таблица 1, п. 7), валютная отдача операций Торгсина составила 25 зол. коп., в 1934 г. — 16 зол. коп., а за 9 месяцев 1935 г. — 10 зол. коп. на рубль затрат. Согласно финальному отчету, в среднем за период 1932—1935 гг. на каждый рубль затрат Торгсин принес государству 17,6 зол. коп. валютных ценностей²³. Относительно высокая, в сравнении с другими экспортными объединениями, валютная рентабельность Торгсина служила оправданием его огромных рублевых затрат и позволила руководителям Торгсина в 1933 г. даже требовать от правительства разрешить ему издержки обращения в размере до 420% выручки!²⁴

ПАРАДОКС УБЫТОЧНОСТИ

Несмотря на его относительно высокую валютную рентабельность, Торгсин, как торговое предприятие, был убыточным. В этом — еще одна из его многих тайн. Для понимания феномена убыточности необходимо разграничить «экспортную» валютную и торговую рублевую деятельность Торгсина. Валютная эффективность Торгсина, которую мы обсуждали до сих пор, определялась либо тем, насколько цены на товары в его магазинах превосходили их экспортные цены, либо тем, сколько ценностей — золота, серебра, бриллиантов и иностранной валюты — Торгсин собрал на каждый советский рубль, потраченный на него государством. Но ведь Торгсин был не только организацией, собиравшей валюту, но и предприятием внутренней торговли — он продавал товары населению. Эффективность Торгсина как торгового предприятия определялась соотношением расходов по торговой деятельности и доходов от его торговли.

Будь Торгсин частным предприятием в капиталистическом мире, его владельцы обогатились бы. Скупленного золота, серебра, бриллиантов, валюты с лихвой хватило бы, чтобы покрыть расходы этого торгового предприятия и обеспечить прибыль владельцам. Но советская действительность определялась другими законами. Торгсин работал не на себя, а на государство, на индустриализацию. Он не имел права использовать скупленные ценности на покрытие расходов своей деятельности и свою прибыль как торгового предприятия. Все ценности уходили в Госбанк, т.е. государству. Госбанк начислял на счет Торгсина лишь рублевую стоимость скупленных ценностей, которую Торгсин должен был использовать для закупки товаров у промышленности. На покрытие издержек обращения Торгсина также шла его выручка от продажи товаров населению. Запрет использовать валютные ценности для покрытия расходов его деятельности стал главной причиной торговой нерентабельности Торгсина. Опережая по валютной рентабельности экспортные объединения страны, по торговой эффективности Торгсин отставал от других видов советской торговли.

Анализ статистики свидетельствует, что затраты на Торгсин (таблица 1, п. 3) существенно превышали доходы от его торговли (таблица 1, п. 5). Люди платили за товары в несколько раз больше экспортных цен, и, тем не менее, Торгсин торговал себе в убыток. Это свидетельство того, что советское сырье и продовольствие в условиях мирового экономического кризиса уходило за границу за бесценок. Неслучайно в 1933 г. правительство запретило публиковать в печати сведения о стоимости экспортных товаров²⁵. Торговая убыточность Торгсина была результатом его раздутого аппарата, ограниченного круга покупателей и закрытого характера его торгово-денежного обращения, а также неизбежного в условиях нормализации товарной ситуации в стране снижения цен. Поговорим о каждой из этих причин.

В результате развертывания «глубинной торговой сети» Торгсин стал нести бремя огромных издержек обращения. В I квартале 1933 г. у Торгсина было 684 торговых точки, а к осени — уже 1400. Значительную их часть составляли небольшие магазинчики и лавчонки, разбросанные по огромной стране и отдаленные от центров и железных дорог порой сотнями тысяч километров²⁶. Обороты торговли этих крошечных магазинов оставались низкими, в то время как одна лишь доставка им товаров преобладавшим в то время гужевым транспортом «влетала в копейчку»²⁷. В 1933 г. накладные расходы в Туркмении, например, достигали 57%, а в Западной Сибири — 74% к обороту торгсинов²⁸. Прибавьте сюда расходы на содержание сонма мелких магазинов, хранение товаров и зарплату торговым служащим²⁹. Для борьбы с астрономическими издержками обращения правительство

начало кампанию по переводу контор Торгсина и его магазинов на хозрасчет. Кампания наделала много шума и оставила в архивах тонны переписки и отчетов, но в конечном итоге закончилась без особых положительных результатов: локальная экономическая свобода вряд ли могла выжить в условиях диктата централизованной экономики. С нормализацией товарной ситуации в стране и ослаблением валютной проблемы огромные издержки обращения заставили государство в 1934 г. начать сокращение торгсиновской торговой сети, которое активно продолжалось в 1935 г. и вплоть до ликвидации Торгсина.

Факторами торговой нерентабельности Торгсина также были закрытый характер его денежной системы и ограниченный контингент покупателей³⁰. Сумма денег, которые Торгсин мог вернуть государству, продавая свои товары населению, была ограничена его денежными выплатами «сдатчикам ценностей». Единственным вне-торгсиновским источником пополнения массы торгсиновских денег в обращении была их подделка народными умельцами, но ОГПУ, а затем НКВД боролись с фальшивомонетчиками. Недоплачивая населению за золото, серебро, бриллианты и платину, по сравнению с их мировой ценой и реальным обменным курсом валют, Торгсин сокращал и без того небольшой объем торгсиновских денег в обращении. Ограниченность контингента покупателей замедляла товарооборот в Торгсине по сравнению с другими видами торговли, а замедление товарооборота вело к росту издержек обращения (расходы на складские помещения, персонал и пр.)³¹.

Снижение цен продажи на торгсиновские товары, неизбежное в условиях нормализации продовольственного положения в стране, при одновременном росте массы товаров в обращении, обширной торговой сети и высокой себестоимости товаров, стало еще одним фактором падения рентабельности торгсиновской торговли. Зимой 1933 г. — время наиболее высоких продажных цен в Торгсине — на одного его торгового работника в среднем приходился оборот в 2014 руб., тогда как в IV квартале — после резкого снижения цен и роста торговой сети — 1008 руб.³²

Рублевые убытки от торговой деятельности Торгсина бременем ложились на бюджет страны. Наркомфин СССР оплачивал «разрывы» между соврублевыми ценами промышленности, по которым Торгсин покупал товары, и продажными ценами в Торгсине, выраженными в золотых рублях. Оперативные документы Торгсина свидетельствуют, что при отсутствии средств у Торгсина Наркомфин мог оплачивать не только «разрывы», но и полную стоимость товаров, купленных Торгсином у промышленности³³, так что Торгсину оставалось покрывать доходами от торговли только свои издержки обра-

щения. Такая система финансирования способствовала накоплению товаров и хроническому затовариванию в Торгсине, а значит дальнейшему росту убыточности его рублевой торговой деятельности. Из-за отсутствия противозатратных механизмов в системе финансирования Торгсин превращался в «черную дыру», где исчезали миллионные суммы дотаций. С нормализацией товарной ситуации в стране и падением цен на товары в Торгсине «разрывы» между выручкой (в зол. руб.) от торговой деятельности Торгсина и соврублевой стоимостью товаров по ценам промышленности, которые должен был оплачивать Наркомфин, становились все больше: так, если в 1933 г. соврублевые цены промышленности в среднем были в 3,2 раза выше продажных цен Торгсина, выраженных в золотых рублях, то в 1934 г. они были в 4,6 раза, а в 1935 г. — более чем в 9 раз выше³⁴.

По утверждению Наркомфина, доходов Торгсина от продажи товаров населению не хватало даже для покрытия его издержек обращения, так что приходилось выплачивать Торгсину дотации на восполнение средств³⁵. Дотации были рублевыми, следовательно, государство не расходовало валютные ценности на покрытие убытков Торгсина, но дыра в рублевом бюджете страны становилась еще больше. Наркомфин и Внешторгбанк СССР в 1933 и в 1934 гг. требовали поставить бюджетное финансирование Торгсина в зависимость от результатов его торговой деятельности³⁶, но Торгсин при поддержке Наркомвнешторга успешно отбивался. Руководство страны, видимо, не поддержало Наркомфин³⁷, возможно опасаясь, что резкое изменение порядка работы Торгсина может привести к падению или даже остановке в поступлении валютных ценностей³⁸. Да и к чему изменения? — Торгсин был задуман как чрезвычайное кратковременное предприятие, а как известно, «коней на переправе не меняют».

ДЕШЕВЛЕ ЗОЛОТА ГУЛАГА

До этого момента наш анализ работы Торгсина строился на разделении его валютно-экспортной значимости и его эффективности как предприятия внутренней торговли. Анализ показал парадокс сосуществования относительно высокой валютной рентабельности Торгсина по сравнению с советским экспортом тех лет и его убыточности как торгового предприятия. Настало время свести вместе валютную и торговую деятельность Торгсина и оценить общий эффект его работы. Показателем эффективности выберем не условные золотые рубли или иностранную валюту, а золото.

Во сколько рублей обходился государству грамм чистого золота, «добытого» Торгсином? Для ответа на этот вопрос из соврублевых затрат на Торгсин (таблица 1, п. 3) вычтем его выручку от продажи товаров (табл. 1, п. 5б), которая шла на покрытие издержек обращения его торговли, а затем соотнесем полученный результат с золотым тоннажем скупленных ценностей (таблица 1, п. 4в). Эти расчеты показывают, что на каждый вложенный в Торгсин советский рубль государство получало в 1932 г. 0,2 г чистого золота, в 1933 — 0,8 г, в 1934 г. — 0,4 г, в первые три квартала 1935 г. — 1 г, а в среднем за весь рассмотренный период примерно полграмма (0,47 г) чистого золота.

Согласно этим расчетам, самыми рентабельными в истории Торгсина оказались 1933 и 1935 гг. (таблица 1, п. 8). Грамм чистого золота, «добытого» Торгсином в 1933 г., стоил государству 1 руб. 25 коп., а в первые три квартала 1935 г. — 1 руб., т.е. был дешевле официального рублевого эквивалента мировой цены на золото³⁹. Однако если в 1933 г. высокая рентабельность Торгсина была результатом массового голода и гор сданного драгоценного лома, то в 1935 г. — следствием резкого сокращения его торговой сети и, следовательно, издержек обращения, при скачке цен на товары в Торгсине и росте потребительского ажиотажа «под занавес». На первый взгляд вызывает удивление то, что голодный 1932 г. оказался самым нерентабельным, а «добытое» в тот год золото — самым дорогим (более 4 руб. за грамм чистоты). Относительно низкая рентабельность 1932 г. объясняется тем, что Торгсин только начал разворачивать свою сеть на периферии, он был еще мало известен населению «глубинки» и добытый им «золотой тоннаж» в тот год был не велик, а издержки обращения значительны. Относительно низкая рентабельность 1934 г. — грамм золота обходился государству в 2 руб. 58 коп. — следствие падения интереса населения к Торгсину в условиях улучшения продовольственной ситуации в стране. Торгсин запоздало отреагировал на изменение конъюнктуры рынка: поступление ценностей в Торгсин в 1934 г. по сравнению с прошлым годом упало почти в 2 раза, а издержки обращения остались практически на том же уровне. Исходя из этих расчетов, в период 1932—1935 гг. «добыча» грамма чистого золота в Торгсине обходилась государству в среднем в 2 руб. 13 коп. (таблица 1, п. 8)⁴⁰.

Дорого или дешево было золото Торгсина? Сравним себестоимость торгсиновского золота и промышленной добычи того времени. В соответствии с пятилетним планом золотодобывающей промышленности на 1928/29—1932/33 гг., себестоимость 1 г чистого золота, добытого промышленным механизированным способом, была запроецирована на начало пятилетки в 1 руб. 76 коп., а на конец пя-

тилетки — 1 руб. 42 коп.; для старательского золота проектная себестоимость составила (соответственно) 1 руб. 98 коп. и 2 руб. 05 коп.⁴¹ В действительности себестоимость добычи золота оказалась значительно выше плановой. О том, что государство бралось за разработки любого, даже убыточного месторождения, не считаясь с затратами, писали, в частности, американские инженеры, работавшие в золотодобывающей промышленности 1930-х годов. По материалам Дальстроя, опубликованным А.И. Широковым, средняя себестоимость грамма золота, добытого в период 1932—1937 гг., составляла 4 руб. 57 коп.⁴², в то время как грамм чистого золота, «добытого» Торгсином в 1932—1935 гг., стоил государству в среднем 2 руб. 13 коп. Выходит, что Торгсин по эффективности «побил» золотодобычу ГУЛАГа.

Особо стоит вопрос о том, как соотносилась себестоимость «добычи» золота в Торгсине и себестоимость промышленной золотодобычи в СССР с мировой ценой на золото. Российский ученый А.Н. Пилясов, посвятивший монографию вопросам освоения Северо-Востока России, пришел к заключению, что золотодобыча в Дальстрое (в отличие от добычи других цветных металлов) была экономически эффективной, т.е. себестоимость добычи золота там до 1940 г. была ниже его мировой цены. Это заключение затем повторил и А.И. Широков в своем исследовании Дальстроя⁴³. Вывод Пилясова трудно как принять, так и отвергнуть по причине искусственного валютного курса рубля того времени. Пилясов оперирует директивным обменным курсом рубля второй половины 1930-х годов — более 5 руб. за доллар США⁴⁴. При таком валютном курсе себестоимость добычи грамма чистого золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит порядка 80—86 центов (таблица 4, п. 3а), тогда как его мировая цена, установленная в начале 1934 г. Золотым резервным актом Рузвельта, была 1 доллар 12 центов⁴⁵. При том же валютном курсе рубля себестоимость грамма торгсиновского золота (2 руб. 13 коп.) составила бы всего 37—40 центов, т.е. была бы почти в 3 раза ниже мировой цены и более чем в 2 раза дешевле золота Дальстроя, но Торгсин закрыли в начале 1936 г., он не работал в период нового директивного валютного курса рубля, поэтому эти расчеты имеют аналитико-сравнительный, но не исторический смысл.

Если же исходить из обменного курса рубля первой половины 1930-х годов, то вывод Пилясова и Широкова об эффективности добычи золота в Дальстрое нельзя принять. В то время мировая цена золота составляла 66,5 цента за грамм чистоты, а официальный валютный курс рубля был равен 1 руб. 94 коп. за доллар США (таблица 4). При таком курсе себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит 2,36 доллара и будет в 3,5 раза выше

**Мировая цена и себестоимость добычи золота
в СССР в 1930-е годы**

Показатель	Единица измерения	1930-е годы	
		первая половина	вторая половина
1. Директивный валютный курс	сов. руб. за 1 доллар США	1,94	5,75—5,30*
2. Мировая цена золота**	долларов за 1 г чистоты	0,665	1,125
3. Себестоимость золота:	долларов за 1 г чистоты		
а) Дальстрой***		2,36	0,80 — 0,86
б) Торгсин****		1,10	—

Примечания:

* Советское руководство изменило валютный курс рубля в конце осени 1935 г. В тот момент он составлял 5 руб. 75 коп., а с июля 1937 г. — 5 руб. 30 коп. за доллар США. Изменение валютного курса рубля произошло в момент закрытия Торгсина, поэтому в таблице отсутствует расчет себестоимости добычи золота в Торгсине на базе нового курса рубля.

** Мировая цена золота была изменена Золотым резервным актом США в начале 1934 г.

*** При себестоимости добычи 4 руб. 57 коп. за грамм чистоты в период 1932—1937 гг.

**** При себестоимости «добычи» 2 руб. 13 коп. за грамм чистоты в период 1932—1935 гг.

его мировой цены. Себестоимость «добычи» грамма чистого золота в Торгсине (2 руб. 13 коп.), исходя из валютного курса рубля первой половины 1930-х годов, являлась эквивалентом 1,1 доллара, т.е. «добыча» золота в Торгсине тоже была дороже его мировой цены, хотя торгсиновское золото обходилось государству значительно дешевле дальстроевского (таблица 4).

Но и на этом нельзя поставить точку, ведь, упражняясь в подобных расчетах, не следует забывать об их условности: они основаны на искусственном валютном курсе рубля, который директивно устанавливался советским руководством «для внутреннего пользования». Этот обменный курс не имел ничего общего с действительной покупательной способностью рубля по отношению к доллару. Если принять во внимание оценки иностранцев, живших в то время в СССР, которые считали доллар равным от 10 до 25 советских рублей, то себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое в 1932—1937 гг. будет колебаться от 18 до 46 центов США, а себестоимость «добычи»

грамма золота в Торгсине — от 8,5 до 21 цента. Иными словами, при учете реальной покупательной способности рубля по отношению к доллару себестоимость и золота Торгсина и золота Дальстроя *может оказаться* дешевле его мировой цены.

Острая нужда в драгоценном металле, относительно низкая себестоимость «добычи» торгсиновского золота и слабость нарождавшейся советской золотодобывающей промышленности объясняют, почему государство до поры мирилось с миллионными рублевыми дырами в бюджете от убытков торговой деятельности Торгсина. Однако когда золотодобывающая промышленность страны встала на ноги, заработал и разросся Дальстрой ГУЛАГа, золотая проблема была решена, а сбережения населения изрядно почищены, правительство закрыло Торгсин.

¹ Более подробно о Торгсине см.: *Осокина, Е.[А.]*. Золото для индустриализации: Торгсин. — М.: РОССПЭН, 2009.

² Подробно о продовольственном кризисе, иерархии снабжения и нормах карточной системы первой половины 1930-х годов см.: *Ее же*. За фасадом «сталинского изобилия»: [распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941]. — [2-е изд.] — М., 2008.

³ Торгсин продавал товары внутри СССР, а скупленные ценности сдавал Госбанку. Вывозом ценностей занимались другие экспортные объединения. Так, Коверкустэкспорт продавал бриллианты Торгсина.

⁴ В том числе золота на 127,1, серебра — на 41,1, платины и драгоценных камней — на 30, наличной валюты — на 42,4 и валютных переводов из-за границы — на 46,7 млн золотых рублей (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 133. — Л. 141).

⁵ «Фоб» (FOB — *англ.* free on board) — одно из условий поставок товаров в международной торговле. Согласно этому условию, продавец был обязан за свой счет поставить товар на борт судна и оплатить экспортные пошлины. Покупатель должен был за свой счет зафрахтовать судно, оплатить товар, обеспечить его перевозку после поставки. Цена «фоб» включала цену товара, транспортные и другие расходы, страховку до погрузки на борт судна или другого транспортного средства, цену погрузки.

⁶ Руководители Торгсина в финальном отчете также признались, что 40 млн руб. товаров были неэкспортбельные, т.е. из-за их низкого качества они не могли быть проданы за рубежом: РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 130.

⁷ Поскольку Торгсин считался экспортным валютным предприятием, его цены исчислялись не в простых, а золотых рублях. Золотой рубль нельзя было ни подержать в руках, ни увидеть, он не имел физической формы. Золотой рубль был условной расчетной единицей, аналогом дореволюционного золотого рубля — условной расчетной и основной денежной единицы Российской империи. Советское руководство заимствовало и царский обменный курс золотого рубля по отношению к доллару, существовавший до Первой мировой войны: 1 золотой доллар США равнялся 1,94 золотого рубля. Этот официальный обменный курс просуществовал в СССР до середины 1930-х годов, т.е. фактически весь период работы Торгсина. Стоимостное содержание золотого рубля было выше, чем

простого бумажного. Так, золотой рубль Торгсина официально был равен 6 руб. 60 коп. в «простых» советских денежных знаках. На черном же рынке в период голода за золотой рубль Торгсина давали 60—70 простых советских рублей.

⁸ РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 130.

⁹ Относительно низкая рентабельность Торгсина в то же голодном 1932 г. (таблица 1, п. 6) объясняется тем, что Торгсин переживал организационный период: государство затрачивало огромные средства на развертывание скупочной и торговой сети Торгсина, но из-за того, что Торгсин был пока мало знаком покупателем «глубинки», скупка ценностей в тот год оказалась невелика.

¹⁰ Экономисты Торгсина, в отличие от моих расчетов, определяя его валютную эффективность, включали в затраты стоимость импортного оборудования для Магнитки или других перечисленных предприятий. Ценности, скупленные Торгином, «смешались» с другими валютными доходами советского государства и вместе с ними ушли на оплату индустриальных кредитов. Представляется, что в этом отчете руководство Торгсина «примеряет» валютные достижения Торгсина к стоимости импортного оборудования первенцов советской индустрии.

¹¹ Издержки обращения — совокупность затрат, связанных с процессом обращения товаров, в том числе накладные, торговые, административно-управленческие, организационные расходы, потери по таре, расходы по кадрам и пр.

¹² Советский рубль был востребован в Прибалтике, Иране, Монголии, Китае.

¹³ РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 13 об. Данные отчета не следует понимать буквально, т.е. так, что именно валютой, полученной Торгином, советское государство оплатило стоимость импортного оборудования для Магнитки или других перечисленных предприятий. Ценности, скупленные Торгином, «смешались» с другими валютными доходами советского государства и вместе с ними ушли на оплату индустриальных кредитов. Представляется, что в этом отчете руководство Торгсина «примеряет» валютные достижения Торгсина к стоимости импортного оборудования первенцов советской индустрии.

¹⁴ Разрабатывая перспективный план развития на 1932—1934 гг., Наркомвнешторг рассчитывал, что капитальные вложения в Торгсин всего лишь в размере 3,8 млн руб. принесут к 1935 г. валютной выручки в 11 млн руб. Показательно, что от капитальных затрат на Экспортхлеб в размере 40 млн руб. НКВТ ожидал валютный прирост (в течение того же периода времени) только в размере 8,7 млн руб., а капитальные затраты на Экспортлес в размере 77,3 млн руб. должны были принести только 17 млн руб. валюты. По «Интуристу» капитальные вложения на 1932 г. планировались в размере 60,2 млн руб., а прирост валютной выручки к 1935 г. ожидался только в размере 8,7 млн руб. (Данные из архивных документов спецфонда Госбанка СССР.)

¹⁵ Данные Госбанка и Наркомфина СССР о скупке золота у населения, продажах его населению, золотовалютных запасах страны, валютной выручке экспортных организаций и валютных расходах на импорт, засекреченные еще при ленинском и сталинском руководстве, до сих пор находятся в архивах на спецхранении. Поэтому они приводятся без указания их точных архивных реквизитов. Затянувшуюся секретность этих материалов можно объяснить только бюрократическими причинами. В наши дни правительство России не скрывает сведения о *нынешних* золотовалютных резервах страны, во всеулышание объявляя их в прессе и телевизионных информационных программах. Почему же золотовалютная статистика 1920—1930-х годов до сих пор не доступна исследователям?

¹⁶ Об этом сообщалось в финальном отчете Торгсина (РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 130 об.).

¹⁷ Валютная эффективность экспорта в то время исчислялась двумя путями: как отношение фактически вырученной цены товаров «фоб» либо к себестоимости экспортных товаров, либо к отпускной цене промышленности, которую утверждал Наркомфин для расчета экспортера с производителем. Расчетом ва-

лютной эффективности основных экспортных товаров занимался Институт Монополии Внешней Торговли (РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 30).

¹⁸ Во втором полугодии 1933 г. Торгсин выручил за хлебобулочные товары 23,4 млн руб., при их экспортной цене «фоб» 6,6 млн руб.; по остальному продовольствию соотношение было соответственно 8,5 и 3,4 млн руб. Валютная эффективность непродовольственных товаров в Торгсине тоже была выше их экспортной цены, хотя разрыв здесь не был столь резким. Так, по обувным и меховым товарам (вместе) при выручке от продажи в Торгсине в 1933 г. порядка 3 млн зол. руб., их экспортная цена «фоб» составляла около 2 млн руб., по текстильным товарам показатели были соответственно 9 и 4 млн зол. руб. (Там же. — Д. 132. — Л. 66).

¹⁹ Там же. — Л. 67—68. По подсчетам экономистов Торгсина, в конце 1933 г. каждый выручаемый Торгсином от продажи товаров золотой рубль содержал 63 коп. золотом дополнительного «валютного припека» по сравнению с ценами других экспортных организаций Наркомата внешней торговли. Этот вывод экономисты сделали на основе сопоставления цен продажи в Торгсине в IV квартале 1933 г. по 14 товарам с ценами «фоб» экспортных объединений НКВТ. Для анализа они выбрали из ассортимента Торгсина только «экспортбельные» товары, сравнимые с товарами других экспортеров. Выводы о соотношении цен Торгсина с ценами других экспортных объединений, сделанные на основе выбранных 14 товаров, были затем экстраполированы на всю товарную массу, которая находилась в обращении в Торгсине в IV квартале 1933 г. Из-за экстраполяции данных оценка в 63 зол. коп. «дополнительного валютного припека» может оказаться завышенной (Там же. — Д. 114. — Л. 51).

²⁰ С улучшением товарной обстановки в стране и развитием «сытого спроса» наиболее рентабельными в Торгсине стали модные товары ширпотреба. См., например, расчет рентабельности наиболее ходовых товаров, сделанный в 1935 г. (Там же. — Д. 133. — Л. 68).

²¹ Авторы записки «Эффективность операций Торгсина за 1933 год» на основе сравнения издержек обращения Торгсина с его инвалютными доходами утверждали, что столь высокой валютной отдачи на вложенный советский рубль, какую имел Торгсин в 1933 г., не достигло ни одно экспортное объединение НКВТ (Там же. — Д. 132. — Л. 67—68).

²² В IV квартале 1933 г. средняя рентабельность экспорта НКВТ составляла 11—12 коп. на рубль затрат, в т.ч. по Экспортмаслу она составила всего 5 коп., по Коверкустэкспорту (без бриллиантов) — 4 коп., по Рыбokonсервэкспорту — 8 коп., по Промэкспорту — 13 коп., а по Союзпушнине — 11 коп. (Там же. — Д. 114. — Л. 50, 51).

²³ Поскольку экономисты Торгсина включали в затраты стоимость не всех, а только проданных товаров, их расчет рентабельности Торгсина оказался несколько выше моих расчетов, представленных в табл. 1, где затраты включают стоимость не только проданных товаров, но и нереализованные остатки, пайки, недостачи и др. Экономисты Торгсина прибегали и к другим уловкам, которые несколько завышали показатели его валютной рентабельности. Так, стоимость импортных товаров, которые Торгсин покупал за валюту, не вычиталась из суммы валютных доходов, а включалась, после перевода в цены промышленности, в соврублевые издержки (Там же. — Д. 175. — Л. 129 — 130 об.).

²⁴ Плановая норма издержек обращения в I—III кварталах 1933 г. составляла 70% (Там же. — Д. 114. — Л. 50).

²⁵ См. постановление СНК СССР от 15 мая 1933 г. (Там же. — Д. 132. — Л. 66). Причиной запрета был большой разрыв между себестоимостью товаров и их экспортной ценой, который свидетельствовал об убыточности советского экспорта. Цель запрета состояла не столько в том, чтобы скрыть от умиравших от голода

в СССР, что государство по дешевке и себе в убыток вывозило за рубеж сырье и продовольствие, сколько не дать иностранцам формальные доказательства для обвинения СССР в демпинге товаров на мировой рынок (Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 5446. — Оп. 14а. — Д. 798. — Л. 1).

²⁶ См. «Объяснительную записку к анализу издержек обращения по В/о Торгсина на IV кв. 1933 г.» (РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 53).

²⁷ Материалы Московского Торгсина свидетельствуют, что даже в столице палатки и лавочки были убыточны (Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). — Ф. 3812. — Оп. 2. — Д. 3. — Л. 43—44), что же говорить о магазинчиках, разбросанных по Средней Азии, Сибири или Дальнему Востоку, — издержки по их снабжению складывались в огромные суммы.

²⁸ РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 53.

²⁹ Из-за сложности расчетов по товарным книжкам и количественно-сортового учета товаров, введенного для борьбы с хищениями, Торгсин нуждался в гораздо большем числе контролеров, кассиров, учетчиков, чем другие виды советской торговли, что удорожало работу его аппарата.

³⁰ Если бы для покупки товаров в Торгсине не нужно было бы сдавать ценности, то число его покупателей выросло бы в сотни раз.

³¹ По данным финального отчета Торгсина, в 1932 г. фактическая оборачиваемость его товаров составляла 135 дней при нормативе 90 дней, в 1933 г. — 130 при нормативе 102 дня, в 1934 г. — 192 при нормативе 105 дней: даже в голодном 1933 г. Торгсин не выполнил норматив товарооборотности, с преодолением же голода оборачиваемость его товаров существенно замедлилась. В 1935 г. ожидалось, что средняя товарооборотность в Торгсине составит 95 при нормативе 105 дней (РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 175. — Л. 130 об.).

³² Там же. — Д. 114. — Л. 52, 53.

³³ См. «ведомости разрывов», которые составлял Наркомфин: Там же. — Д. 66. — Л. 101; Д. 160. — Л. 104. Табл. 1 дает представление о размерах «разрывов». На покрытие «разрывов» Торгсин использовал надбавку на розничные цены на импортные товары, но главное финансовое бремя по ликвидации «разрывов» нес Наркомфин.

³⁴ Напомню, что цены продажи товаров в Торгсине не являлись результатом умножения цен промышленности или себестоимости производства товаров на какой-либо *заранее* установленный *стабильный* коэффициент. Факторами, влиявшими на размер продажных цен Торгсина, были спрос и директивное вмешательство правительства. Коэффициент, который показывает соотношение отпускных цен промышленности и продажных цен Торгсина, определялся в аналитических целях путем соотнесения уже сложившихся на практике цен. Нарастание «разрывов» между соврублевыми отпускными ценами промышленности и продажными ценами Торгсина, выраженными в золотых рублях, по отдельным товарам было еще более стремительным, чем тому свидетельствуют приведенные усредненные показатели: в первой половине 1933 г. соотношение цен поставщика и продажных цен Торгсина на животное масло было 4,3; на обувь — 5,8, на текстильные товары — 3,3; в начале 1934 г. цена поставщика на сливочное масло превышала продажную цену Торгсина почти в 11 раз; в конце 1935 г. отпускные цены промышленности превосходили продажные цены Торгсина по хлопчато-бумажным тканям в 10 раз, суконно-шерстяным — 18, по маслу — 30, по мясу — в 47 раз (Там же. — Д. 74. — Л. 66; Д. 114. — Л. 63; Д. 175. — Л. 92, 129). Анализ соотношения цен показывает, что в то время как цены Торгсина падали, особенно по продовольственным товарам, отпускные цены промышленности росли. Нарастание разрыва рублевых и «золотых» цен — свидетельство усиления убыточности торгсинской торговли. Наркомфину

приходилось брать все большие суммы из бюджета страны на покрытие «разрывов» цен.

³⁵ Там же. — Д. 98. — Л. 29. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что утверждение Наркомфина о том, что доходов от торговой деятельности Торгсина было недостаточно для покрытия его издержек, верно лишь в том случае, если стоимость проданных товаров учитывалась в золотых, а издержки в соврублях. Возможно, что Наркомфин имел в виду оперативные моменты нехватки у Торгсина своих собственных оборотных средств, т.е. о временных финансовых прорывах, а не об общих итогах работы Торгсина. Материалы Торгсина за 1935 г. подтверждают, что наряду с финансированием товарных закупок Торгсина Госбанк также финансировал его издержки обращения (Там же. — Д. 153. — Л. 12).

³⁶ По их мнению, бюджетное финансирование Торгсина должно было определяться себестоимостью полученного Торгином инвалютного рубля (коэффициент, который показывает стоимость товаров и издержек обращения, затраченных на получение одного валютного рубля): Там же. — Д. 98. — Л. 29—29 об.

³⁷ Система щедрого бюджетного финансирования существовала в Торгсине в 1933 и в 1934 гг. Материалов, которые бы свидетельствовали о последующем изменении порядка финансирования Торгсина, не удалось найти.

³⁸ Эти опасения имели основания. Если бы финансирование Торгсина было поставлено в зависимость от результатов продажи товаров населению, то при падении оборотов его торговли после отступления голода Торгсин испытывал бы постоянный недостаток денег для закупки товаров у промышленности. Без сомнения, это сделало бы его руководителей более разборчивыми и осторожными в закупке товаров у производителей, но в то же время сузило бы и предложение товаров в его магазинах, а значит, Торгсин потерял бы многих «сдатчиков» ценностей.

³⁹ Напомним, что мировая цена на золото в рублевом эквиваленте составляла в 1933 г. 1 руб. 29 коп., а в 1934 и 1935 гг. — 2 руб. 18 коп. за грамм чистоты.

⁴⁰ Огромные «разрывы» между соврублевой себестоимостью товаров и ценами продажи товаров в золотых рублях (в их номинальном выражении), о которых говорилось ранее, а также огромные дыры в бюджете страны по причине этих «разрывов» — лишнее доказательство никчемности золотого рубля, который был всего лишь условной единицей внутренних расчетов и не обладал реальной золотой ценностью. Золотое содержание торгсиновских денег, как и цен продажи на товары в Торгсине, определялось не ценностью золотых рублей как таковых, а только тем, что люди, чтобы получить деньги Торгсина, сдали драгоценности. Продавая товары, Торгсин возвращал назад государству не золотые рубли, а выданные сдатчикам боны, отрывные талоны и товарные книжки. Никакого реального содержания золота в этих «деньгах Торгсина» не было. Торгсиновские деньги, которые покупатели возвращали в Торгсин, уплачивая за его товары, государство нигде больше не могло использовать, несмотря на их якобы золотое содержание. После погашения эти деньги сжигались. Исходя из сказанного, имеет смысл оценить валютную эффективность Торгсина для советского государства, не принимая в расчет сумму бумажных якобы «золотых» рублей, полученных Торгином от продажи товаров населению. При такой модели расчетов (таблица 1, п. 3, 4в) убыточность торговой деятельности Торгсина для государственного бюджета возрастет, а «добытое» им реальное золото существенно подорожает: стоимость грамма чистоты составит в 1932 г. 9 руб. 24 коп., в 1933 — 5 руб. 25 коп., в 1934 г. — 8 руб. 30 коп., в первые три квартала 1935 г. — 12 руб. 59 коп., а за весь этот период — 7 руб. 68 коп. Таким образом, без учета прихода денег от товарных продаж Торгсина самым рентабельным окажется 1933 г., за ним последуют 1932, 1934, а последним по рентабельности будет 1935 г. Без учета

прихода от продаж товаров населению себестоимость добытого Торгсином золота окажется выше себестоимости золота Дальстроя в период 1932—1937 гг., но вряд ли будет выше себестоимости гражданской капиталоемкой золотодобычи. Решение вопроса о себестоимости добытого Торгсином золота, таким образом, будет зависеть от позиции исследователя — принимать ли в расчет полученную Торгсином рублевую выручку от продажи товаров или нет.

⁴¹ Без расходов правления «Союззолота», которые на начало пятилетки были запланированы в размере 5,8 коп., а на конец пятилетки — 2,5 коп. за грамм чистого золота (РГАЭ. — Ф. 8154. — Оп. 1. — Д. 106. — Л. 127 об.—128).

⁴² *Широков, А.И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. — Магадан, 2000. — С. 103 (со ссылкой на Государственный архив Магаданской области, ф. Р-23сс, оп. 1, д. 5, л. 4). По данным Широкова, себестоимость добычи золота в Дальстрое была бы намного выше, если бы не дешевая рабочая сила ГУЛАГа и хищническое отношение к добыче, при котором отрабатывали в первую очередь наиболее богатые, россыпные, месторождения, требовавшие меньше капитальных затрат по сравнению с рудными. Себестоимость добычи золота в «гражданской» золотодобывающей промышленности, из-за более высокой стоимости рабочей силы и капитальных затрат, может оказаться выше гулаговской.

⁴³ *Пилясов, А.Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). — Магадан, 1996. — С. 80; *Широков, А.И.* Дальстрой ... — С. 103.

⁴⁴ Пилясов использует курс 5 руб. 30 коп. за доллар США, существовавший в период с 19 июля 1937 г. до 28 февраля 1950 г. Председатель правления Торгсина Левенсон в ноябре 1935 г. принимал доллар равным 5 руб. 75 коп. (РГАЭ. — Ф. 4433. — Оп. 1. — Д. 138. — Л. 66).

⁴⁵ Напомним, что до принятия в начале 1934 г. Золотого резервного акта США мировая цена золота составляла 20,67 доллара, а после принятия — 35 долларов за тройскую унцию.

А.Ю. Ермолов

КОНВЕРСИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОЕПРИПАСОВ В 1945 Г.

В этой статье автор описывает начало советской конверсионной программы в промышленности боеприпасов в 1945 г. Он показывает, что конверсия в промышленности боеприпасов фактически началась ранее, в 1944 г., в результате ряда отдельных решений. Эти решения были инициированы экономическим и региональным руководством среднего уровня. Сразу после войны не было единого точного плана проведения конверсии. Ее курс определялся позицией руководителей отраслей промышленности. Особенно сильно на него влияла борьба между ними за индустриальные мощности, которая толкала их к более глубокому и последовательному проведению конверсии.

Ключевые слова: военная промышленность; Великая Отечественная война; промышленность боеприпасов; конверсия; Госплан; наркомат боеприпасов.

A.Y. Ermolov

Conversion in soviet ammunition industry in 1945

In this article author describes beginning of soviet conversion program in ammunition industry in 1945. He shows, that conversion in ammunition industry start in fact in 1944 as result of several individual decisions. These decisions was initiated by economic and regional leaders of the average level. Right after war there was no accurate main plan of carrying out of conversion. The conversion course in 1945 was defined by a position of industrial leaders. Especially strongly it was influenced by struggle between them for industrial capacities. This struggle pushed them to deeper and more consistent carrying out of conversion.

Keywords: military industry; Great Patriotic war; ammunition industry; conversion; Gosplan; Narkomat of ammunition.

В период Великой Отечественной войны промышленность боеприпасов стала одной из ключевых отраслей советской экономики. Всем известна крылатая фраза «Боеприпасы — хлеб войны». Значение этой отрасли для ведения войны трудно переоценить. Без боеприпасов ведение военных действий станет невозможным. Разумеется, другие ключевые отрасли военной промышленности, такие, как самолетостроение, танкостроение, производство артиллерийских орудий, тоже имели огромное значение. Но без достаточного числа снарядов и бомб их продукция не могла принести пользу.

Спецификой промышленности боеприпасов были относительная простота продукции (в сравнении с более высокотехнологичными

отраслями военного производства) и одновременно необходимость в больших объемах производства в период войны. Такие особенности привели к тому, что для расширения этой отрасли в наибольшей степени привлекались производственные мощности других отраслей в рамках мобилизации промышленности. В основном эти привлеченные мощности использовались для производства элементов боеприпасов. Как я покажу ниже, не будет преувеличением утверждение, что большая часть металлообрабатывающих предприятий СССР оказалась в той или иной степени вовлечена в изготовление элементов боеприпасов. Большую роль тут сыграла предвоенная подготовка к мобилизации промышленности, в ходе которой на этих заводах были заложены основы для будущего производства элементов боеприпасов. Благодаря этой подготовке получилось, что цеха по производству элементов боеприпасов появились даже на тех предприятиях, которые в ходе войны специализировались на производстве других видов военной продукции.

После завершения войны неизбежно должен был встать вопрос о будущем использовании этого гигантского производственного потенциала. Переход к их мирному использованию был важнейшей частью послевоенной конверсии советской промышленности. В моей статье я собираюсь рассказать о начальном этапе конверсии промышленности боеприпасов, о том, как принимались решения о конверсии, какие механизмы приводили в движение этот процесс, какими мотивами руководствовались его участники. Хронологические рамки статьи ограничены 1945 г. В 1946 г. в результате начала выполнения плана четвертой пятилетки характер конверсионных процессов в промышленности боеприпасов меняется, а сами эти процессы получают новый толчок. Но к этому моменту уже был принят ряд важных решений, предопределивших судьбу отрасли, и их рассмотрение имеет самостоятельную ценность.

Поскольку промышленность боеприпасов из всех военных отраслей была в наибольших масштабах расширена в процессе мобилизации промышленности, то и последующая конверсия ее должна была быть наиболее радикальной. Это позволяет предположить, что для нее в наибольшей степени должны быть характерны черты и общие тенденции, присущие конверсии в ее советской (социалистической) модели.

Прежде чем перейти к рассмотрению конверсионных процессов, необходимо обрисовать, что представляла собой советская промышленность боеприпасов на завершающем этапе Великой Отечественной войны. В 1944 г. промышленность боеприпасов производила продукции на 26 миллиардов рублей, что составляло 19,9% валовой промышленной продукции СССР¹. В отрасли трудилось 9% про-

мышленных рабочих Советского Союза. Эти данные показывают, что отрасль в этот период действительно занимала ключевое место в советской экономике.

В составе отрасли находилось на конец 1944 г. 983 предприятия, производивших боеприпасы, элементы к ним и спецукупорку. На этих предприятиях использовалось для производства 104 тыс. единиц оборудования. Управлял отраслью Народный комиссариат боеприпасов, созданный в 1939 г. в результате разделения Наркомата оборонной промышленности на четыре ведомства. С 1942 г. отрасль находилась под управлением Бориса Львовича Ванникова. Ванников прошел большой путь, начав с работы инженером на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения, затем пройдя через ряд должностей, в том числе директора Тульского оружейного завода, начальника Главного артиллерийско-танкового управления наркомата оборонной промышленности, народного комиссара вооружений СССР. Накануне войны Ванников был арестован, но через месяц после ее начала выпущен из тюрьмы. Работа Ванникова во время войны подтвердила правильность этого решения. В 1942 г. за свою деятельность на посту наркома боеприпасов он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. После войны Ванников, руководя наркоматом боеприпасов, был также привлечен к работе в советском атомном проекте. Он возглавил Первое главное управление при Совете министров СССР. За работу на этом поприще он еще дважды заслужил звание Героя Социалистического Труда. В целом это был компетентный и опытный руководитель.

Таблица 1

Место НКБ и других ведомств в промышленности боеприпасов

	НКБ	Другие ведомства
Количество предприятий	128	855
Валовый выпуск (млрд. руб.)	14,4	11,6
Количество оборудования	52530	51720

Источник: РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 94. — Д. 313. — Л. 169—165.

Масштабы отрасли и рассредоточенность боеприпасного производства по большому числу предприятий привели к тому, что наркомат боеприпасов управлял только ее частью. Большая часть предприятий и половина производственных мощностей находилась в подчинении других ведомств (см. таблицу 1). В общей сложности предприятиями, занятыми производством боеприпасов, элементов

к ним и спецукупорки руководило помимо наркомата боеприпасов еще 56 наркоматов, комитетов а также не входящих в состав наркоматов главных управлений союзного и республиканского уровня. Из них большинство играло в производстве боеприпасов незначительную роль. Заметными были позиции следующих учреждений: наркомата минометного вооружения, наркомата среднего машиностроения, наркомата танковой промышленности, наркомата черной металлургии, наркомата внутренних дел, наркомата путей сообщения. Остальные ведомства давали каждое менее 2% от валового производства отрасли².

Более подробный анализ статистики изменений в отрасли, происшедших за 1944 г., заставляет задуматься о том, с какого момента начинать отсчет конверсии промышленности боеприпасов. Дело в том, что уже в 1944 г. в отрасли четко просматривается тенденция к перераспределению производственных мощностей на иные, невоенные цели. Сокращается число предприятий, занятых производством боеприпасов. В 1944 г. из их числа выбыло 168 предприятий, а вошло всего 33, в основном на освобожденных от оккупации территориях. Количество оборудования сократилось со 111 тыс. до 104 тыс. единиц. При этом НКБ продолжал наращивать свои производственные мощности, а сокращение произошло за счет предприятий других ведомств. Сократилось также количество рабочих, занятых производством боеприпасов (эта тенденция, как и предыдущая, также не коснулась НКБ). Вместе с тем валовые объемы производства все еще продолжали расти. В целом можно сказать, что в промышленности боеприпасов в 1944 г. действовало две тенденции: с одной стороны, росла эффективность использования труда и производственных мощностей. С другой стороны, началось постепенное сокращение того и другого. До определенного момента эффект от первой тенденции перевешивал вторую, и объемы производства продолжали возрастать. Но это не отменяет второй тенденции и позволяет высказать предположение о том, что конверсионные процессы в промышленности боеприпасов начались уже в 1944 г. Процесс этот протекал в форме освобождения некоторых предприятий, не подчиненных НКБ, от производства элементов боеприпасов. Решения о таком освобождении принимались постановлениями и распоряжениями ГОКО.

Эти процессы продолжились и в первом полугодии 1945 г. Поэтому можно рассмотреть их механизм на примерах из этого временного периода. Что же нам дает анализ переписки, отложившейся в делах Госплана? Рассмотрим, кто были инициаторы конверсионных процессов на этом этапе, каковы были мотивы этих людей и какими механизмами они обеспечивали принятие нужных им решений.

Можно выделить три группы инициаторов конверсионных решений: руководители отраслей, в подчинение которых входили производившие элементы боеприпасов предприятия, региональные руководители (как партийные, так и советские), на территории которых находились эти предприятия, и сами руководители этих предприятий.

Отраслевые руководители обычно обосновывали свои требования освобождения своих предприятий от производства элементов боеприпасов необходимостью выделения оборудования и людей для производства своей основной продукции. Например, нарком нефтяной промышленности Н.К. Байбаков просил освободить свои предприятия от части порученного им производства боеприпасов для того, чтобы иметь ресурсы для развития нефтедобычи в 1945—1946 гг.

Региональные руководители мотивировали свои конверсионные предложения потребностью своих регионов в восстановлении и развитии инфраструктуры, которой с начала войны не уделяли внимания. Например, председатель Мосгорисполкома Попов обратился с предложением освободить от производства элементов боеприпасов в интересах нужд города Москвы ряд предприятий, в том числе мастерские Москультипрома, «Дормехпарк», авторемонтные мастерские, мастерские благоустройства и завод «Водоприбор»³. Уже сами названия этих предприятий указывают нам на то, ради чего Попов поднимал вопрос об их освобождении.

Что касается последней категории инициаторов — руководителей промышленных предприятий, то в делах Госплана исходящие от них документы почти не встречаются. Но, тем не менее, я счел возможным выделить их в отдельную группу, поскольку предполагаю, что в значительной части других случаев конверсионные предложения тоже первоначально выдвигались именно на этом уровне, а затем, поступая в более высокие инстанции, превращались уже в предложения наркомов. Возможно даже, что руководители предприятий стояли за большинством сделанных в то время конверсионных предложений.

Примером конверсионных предложений этого типа может служить письмо Г.М. Маленкову директора Горьковского завода фрезерных станков им. Л.М. Кагановича Д.Я. Мягкова от 21 декабря 1944 г.⁴ В этом письме директор указывает: «Потребность в тяжелых станках, например, для обработки тубингов для Московского метро крупнейших зуборезных станков для восстановления разрушенных шахт в Донбассе, агрегатных станков и др. ежедневно возрастает и отсутствие их становится серьезным тормозом, как для восстановления промышленности, так и для развития ее. Между тем наш самый крупный цех (за исключением Уралмашзавода, почти единственный сохранившийся за время войны) для изготовления тяжелых станков оснащенный первоклассным импортным

мощным оборудованием, с начала войны и в настоящее время занят на весьма малоквалифицированной и очень мелкой, в сравнении с оборудованием, продукции — установки М-8». Далее Мягков просил освободить свой завод от производства этих установок, чтобы иметь возможность использовать свое оборудование по прямому назначению.

По каким-то причинам Мягков счел необходимым обратиться не к своему непосредственному руководству в наркомат станкостроения, а к одному из высших руководителей страны. Поскольку позже наркомат станкостроения поддержал Мягкова, вопрос о том, почему он подал свое предложение именно таким путем, остается неясным. Можно предполагать, что большинство директоров предпочитало подавать свои предложения по более привычным каналам своему непосредственному руководству.

Другой особый случай — проявление инициативы со стороны работников Госплана. Дело в том, что работникам Госплана, в том числе начальникам отделов и даже заместителям председателя, было запрещено выносить в вышестоящие инстанции (СНК, ГОКО) предложения о сокращении производства боеприпасов. Тем не менее, есть пример нарушения таких запретов, о чем свидетельствует письмо заместителя председателя Госплана Н.А. Борисова, адресованное председателю Госплана Н.А. Вознесенскому, с жалобой на действия другого заместителя Вознесенского, А.Д. Панова, отвечавшего за топливную промышленность:

«Тов. Панов внес на рассмотрение Оперативного бюро ГОКО проект постановления об увеличении добычи печорских углей, в котором предусматривается освобождение Кунгурской и Кировской ИТК НКВД от производства боеприпасов. ...

В связи с вышеизложенным, а так же имея в виду, что т. Панов нарушил указание Госплана СССР начальникам отделов и Зам. Председателя Госплана о запрещении входить в Правительство с предложением об освобождении предприятий от изготовления боеприпасов, прошу Вас:

1. Поддержать мое ходатайство перед Оперативным Бюро ГОКО об отклонении предложения т. Панова в части освобождения предприятий НКВД от производства боеприпасов.

2. Обсудить на Госплане действия т. Панова в вопросе производства боеприпасов как неправильные и идущие в разрез с последними указаниями ГОКО по производству боеприпасов. Подобные случаи у т. Панова имели место и раньше»⁵.

Сложно сказать, был ли как-то наказан А.Д. Панов за свои своевольные действия, но свой пост заместителя председателя Госплана он сохранил, а его предложение о сокращении производства боеприпасов в Кунгурской и Кировской ИТК было принято ГОКО.

Инициаторы направляли свои предложения кому-либо из более влиятельных высокопоставленных руководителей СССР. Обычно это были три члена ГОКО, так или иначе связанные с работой тяжелой промышленности: Л.П. Берия, Г.М. Маленков и Н.А. Вознесенский. Дальше, если адресат считал нужным дать делу ход, конверсионные предложения попадали в отдел боеприпасов Госплана, который ставил о них в известность также и наркомат боеприпасов. Эти две инстанции обычно выступали единым фронтом и в большинстве случаев возражали против внесенных предложений либо вносили свои контрпредложения, предполагавшие снижение производства боеприпасов в более ограниченных масштабах. Главными доводами в этой ситуации служили невозможность организовать дополнительное производство элементов боеприпасов на других предприятиях отрасли, чтобы тем самым компенсировать выбытие из нее производственных мощностей, и необходимость в сохранении комплектности при производстве боеприпасов.

Хотя наркомат боеприпасов и отдел боеприпасов Госплана были безусловно заинтересованы в сохранении в отрасли производственных мощностей, далеко не всегда их аргументацию можно отметить как проявления бюрократической изворотливости в попытке защитить интересы своих ведомств. Многие их аргументы кажутся вполне обоснованными. Особенно это касается порождавшего особенно много конфликтов производства реактивных снарядов. Дело в том, что производство реактивных снарядов было развернуто уже в период войны. До войны не существовало «кадровых» военных заводов, которые специализировались бы на этом виде боеприпасов. Поэтому все производство реактивных снарядов велось на мобилизованных производственных мощностях, выпускавших до войны гражданскую продукцию. Реактивные снаряды были разделены на несколько относительно простых деталей, и их производство было распределено по разным заводам. Возникла довольно сложная система кооперации. Значительная часть из входивших в нее предприятий не была подчинена наркомату боеприпасов. Когда контролирующие их ведомства начали выступать с конверсионными предложениями, то тем самым они выдергивали отдельные звенья из производственной цепочки, и Госплану все труднее и труднее становилось компенсировать эти потери, перераспределяя производственные задания. Наркомат боеприпасов, не имея собственного крупного производства реактивных снарядов, где они производились бы комплектно, вынужден был начать строительство нового завода № 318 в городе Азове. Тем самым парадоксальным образом начавшиеся конверсионные процессы породили планы строительства нового военного завода.

Наконец, если инициаторам конверсионных предложений и их высоким покровителям удавалось преодолеть сопротивление наркомата боеприпасов и отдела боеприпасов Госплана, то принималось постановление ГОКО (подписанное председателем ГОКО И.В. Сталиным) либо распоряжение ГОКО (подписанное заместителем председателя ГОКО Л.П. Берией). Казалось бы, на этом в сюжете должна ставиться точка. Но на практике оказывалось совсем не так. Мало было добиться принятия постановления ГОКО — нужно еще было добиться его выполнения. Надо сказать, что порой постановления ГОКО своими формулировками оставляли пространство для новых конфликтов между ведомствами. Часто они ставили условием освобождения предприятия от производства элементов боеприпасов то, что это производственное задание будет передано кому-то другому (обычно не указывалось, кому). Видимо, таким способом И.В. Сталин предполагал лимитировать и тем самым уравновесить начавшиеся конверсионные процессы ростом эффективности производства в промышленности боеприпасов. Но такая методика подразумевала, что если конверсия выйдет за пределы этого ограничения, т.е. начнет опережать рост эффективности производства боеприпасов, то часть уже принятых решений будет на практике отменена или скорректирована.

В качестве примера такого процесса корректировки можно привести уже упомянутый сюжет освобождения от производства боеприпасов Кунгурской и Кировской ИТК (исправительно-трудовых колоний). После того, как 18 января 1945 г. было принято предложенное Пановым постановление ГОКО «О мероприятиях по развитию добычи угля и новом шахтном строительстве в Печорском бассейне в 1945 г.», НКВД в лице заместителя наркома А.П. Завенягина попыталось найти предприятия, которые взяли бы на себя снимаемое с их ИТК производство элементов боеприпасов. Но в данном случае якобы всесильное ведомство потерпело неудачу. В результате через месяц заинтересованные стороны вынуждены были найти между своими интересами компромисс, изложением которого стало письмо Л.П. Берия от Завенягина, Борисова и Панова:

«Постановлением ГОКО № 7346 от 18 января 1945 года “О мероприятиях по развитию добычи угля и новом шахтном строительстве в Печорском бассейне в 1945 г.”, поручено т.т. Завенягину, Борисову и Панову в декадный срок разработать и представить предложение о постепенном освобождении Кунгурской колонии № 3 и Кировской колонии № 4 НКВД от производства боеприпасов с целью перевода их на производство горно-шахтного оборудования после того, как снимаемые с производства количества боеприпасов будут размещены на других предприятиях.

Рассмотрев этот вопрос с заинтересованными наркоматами докладываем:

Увеличить производство корпусов 82мм и 120мм мин на других предприятиях промышленности, в связи с тем, что в плане на I квартал 1945 г. утвержденном ГОКО от 18.1. с.г. производство мин предусмотрено в максимальных количествах, не представляется возможным.

Исходя из утвержденного ГОКО плана производства корпусов 82мм и 120мм мин, задание Кунгурской и Ковровской колониям НКВД по выпуску корпусов этих мин можно сократить с 1 апреля 1945 года до 50% по сравнению с планом I квартала с.г. (Кунгурская колония выпускает — 45 тыс. штук корпусов 120мм мин и Кировская колония — 70 тыс. штук корпусов 82мм мин в месяц).

Просим Вашего согласия на внесение указанных изменений в проект плана производства боеприпасов на II квартал 1945 года»⁶.

Адресат поставил на письме резолюцию: «Согласен».

Таким образом, окончательное решение о форме и степени выполнения постановления, принятого ГОКО, определилось в ходе согласования интересов затронутых им ведомств.

Новый этап конверсии промышленности боеприпасов начался после окончания войны с Германией. Начало ему положило постановление ГОКО от 17 мая 1945 г. № 8650сс «О плане производства и поставки НКО СССР и Наркомвоенфлоту боеприпасов на июнь и июль 1945 года». Это постановление предписывало значительно сократить с июня 1945 г. производство боеприпасов и запрещало перевыполнять план по их производству (см. таблицу 2). Кроме того, оно поручало большой группе высокопоставленных советских руководителей (Вознесенскому Н.А., Швернику Н.М., Косыгину А.Н., Борису Н.А., Ванникову Б.Л., Устинову Д.Ф., Паршину П.И., Первухину М.Г., Тевосяну И.Т., Ломако П.Ф., Кирпичникову П.И. и Александрову А.С.) «в 5-дневный срок разработать и представить в Оперативное Бюро ГОКО мероприятия по перестройке промышленности в связи с сокращением производства боеприпасов»⁷. Складывается впечатление, что у советского руководства не было на тот момент какого-то целостного плана конверсии промышленности боеприпасов, и его приходилось создавать буквально в авральном режиме.

Через 9 дней, 26 мая 1945 г., ГОКО принимает постановление № 8804 «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства боеприпасов»⁸. Это постановление еще больше снижает объемы производства боеприпасов. Кроме того, в нем наконец появляется некая концепция того, что нужно делать с отраслью (планом это назвать все еще нельзя). Постановление предусматривало: «освободить полностью от производства элементов боеприпасов с июня 1945 г. предприятия согласно приложению № 16 и перевести их на выпуск гражданской продукции». Все ведомства, ру-

ководившие освобождаемыми от производства боеприпасов предприятиями, должны были «предоставить в Совнарком СССР и Госплан СССР свои предложения о номенклатуре и размерах производства гражданской продукции на освобождаемых мощностях от производства боеприпасов в пятидневный срок — на III квартал 1945 г., а также графики восстановления и освоения этой продукции».

Таблица 2

Сокращению производства некоторых видов боеприпасов по постановлениям ГОКО № 8650сс и 8804сс, в тыс. штук

Вид боеприпаса	Первоначальный план на июнь	План на июнь по постановлению № 8650сс	План на июнь по постановлению № 8804сс
76-мм снаряды	3330	1020	780
122-мм снаряды	1065	685	450
152-мм снаряды	370	260	203
Реактивные снаряды ⁹	360	10	10
122-мм мины	1850	250	185

Источник: РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 418. — Л. 19—23; Д. 420. — Л. 81—90.

В приложении № 16 было перечислено 739 предприятий и организаций, входящих в состав 53 ведомств¹⁰. Видимо, постановление коснулось всех или почти всех предприятий, не входивших в состав наркомата боеприпасов. ГОКО своим постановлением предоставило руководителям их ведомств возможность решать судьбу этих предприятий самостоятельно (сохранив за собой общий контроль за ситуацией и право вето в тех случаях, когда решения отраслевого руководства покажутся ошибочными). Можно предполагать, что отраслевые руководители имели представление и даже какие-либо проработанные планы по использованию высвобожденных производственных мощностей.

Постановление предусматривало сохранения способности быстро мобилизовать отрасль в случае возникновения новой военной угрозы:

«В целях сохранения мобилизационных мощностей по производству элементов боеприпасов на предприятиях вне системы НКБ и на предприятиях НКБ по производству элементов боеприпасов, временно прекращены производством:

а) обязать Наркомбоеприпасов (т. Ванникова), Наркомминвооружения (т. Паршина), Наркомчермет (т. Тевосяна), Наркомсредмаш

(т. Акопова), Наркомвооружения (т. Устинова), Наркомтекстиль (т. Седина), Наркомтанкопром (т. Малышева), НКВД СССР (т. Чернышева) и Наркомбумпром (т. Орлова) сохранить цехи по производству элементов боеприпасов мощностью на выпуск согласно приложению № 18¹¹.

Предложить указанным наркоматам содержать эти цехи в полной готовности к возобновлению производства элементов боеприпасов, перечисленных в приложении;

б) обязать все наркоматы и ведомства, перечисленные в пункте 2 настоящего постановления, а также директоров предприятий полностью и частично освобождаемых от производства боеприпасов, заложить до 1 июля с.г. в мобрезерв специальное оборудование (операционные станки, пресса для испытания мин, снарядов и др.), приспособления и специальный инструмент, полуфабрикаты, специальные материалы и сырье, пригодное для производства боеприпасов, а также сохранить на освобождаемых предприятиях всю техническую документацию по производству боеприпасов, приведя ее в полное соответствие с действующим технологическим процессом к моменту окончания производства их;

в) предупредить всех директоров предприятий, частично и полностью освобождаемых от производства боеприпасов, об их персональной ответственности за сохранность и содержание в исправном состоянии мобилизационных резервов оборудования и имущества, запретив использование их без специального разрешения правительства»¹².

Принципиально решив вопрос с производственными мощностями вне системы НКБ, постановление оставило без ответа не менее сложную проблему: что делать с самим гигантским наркоматом боеприпасов? Простых решений в этом вопросе не существовало. Казалось бы, логичным в этой ситуации было решение о «возврате к состоянию на 1941 год», но это было бы результатом поверхностного взгляда. На деле такое возвращение было невозможным. Во-первых, произошли значительные территориальные перемещения и организационные перераспределения производственных мощностей. В результате облик многих предприятий изменился, и их возвращение к прежнему профилю производства было не рациональным. Во-вторых, уровень милитаризации предвоенной промышленности был довольно высок, так как страна готовилась к войне. В новых послевоенных условиях необходимости в столь высокой милитаризации не было. В результате не ясно было, что делать с теми предприятиями, которые за свою историю никогда или почти никогда не производили гражданской продукции, а с самого начала были построены как заводы по производству боеприпасов или же перепрофилированы с мирной продукции на военную почти сразу после завершения своего строительства. Фактически эти предприятия оказались в подвешенном состоянии: боеприпасы в прежнем количестве производить нельзя, а что производить вместо них — не понятно.

Это неясное положение производственных мощностей НКБ породило обострение межведомственной борьбы, которую вели другие ведомства с промышленностью боеприпасов. При этом предмет борьбы изменился. Если раньше целью было снять или хотя бы уменьшить нагрузку, падавшую на предприятия своих ведомств, то теперь руководство других отраслей стремилось к перераспределению производственных мощностей отрасли в свою пользу. Ведомства, которые ранее руководили этими предприятиями, требовали их передачи в прежнее подчинение для восстановления там прежнего производства. Фактически они хотели реализации варианта «возврата в 1941 год», что, как было указано выше, было на самом деле невозможно.

Эта борьба разворачивалась в рамках примерно того же самого состава участников и примерно по тем же правилам. Были инициаторы (как и ранее, отраслевые и региональные руководители), которые обращались за поддержкой к влиятельным фигурам в руководстве (все те же Берия, Маленков, Вознесенский). Наркомат боеприпасов и отдел боеприпасов Госплана, как и ранее, пытался отражать эти нападения, подбирая собственные контраргументы. И в итоге этой борьбы принималось (или не принималось) решение о передаче предприятия из состава НКБ в другое ведомство.

Новым в этой, уже изложенной выше совокупности процедур стали некоторые приемы оборонительной аргументации, используемой защитниками отрасли. Поразительным образом они быстро осваивают новую систему защиты. Если раньше их основным доводом была необходимость сохранения комплектной поставки боеприпасов в прежних объемах, то теперь, после постановлений ГОКО, такого рода аргументы более не могли иметь прежней силы. В этих условиях руководство отрасли начало действовать по принципу «если что-то нельзя предотвратить, это надо возглавить». Не имея возможности предотвратить осуществление конверсии и желая сохранить хотя бы отчасти свое прежнее влияние на советскую экономику, руководство отрасли быстро осознало, что добиться этого можно только самому став активным проводником политики конверсии. Тогда в ответ на запросы о передаче предприятий ранее управлявшим ими ведомствам для проведения конверсии можно будет возражать, что на этих предприятиях под руководством НКБ уже началась подготовка к производству гражданской продукции. При этом подобранный наркоматом новый профиль продукции более соответствует изменившейся производственной базе и накопленному предприятием опыту.

С этой точки зрения показательны споры, шедшие вокруг послевоенной судьбы завода № 557 (Московский завод имени Войкова). Это предприятие, производившее до войны отопительные радиато-

ры, во время войны освоило производство 76-мм снарядов. 8 июня 1945 г. нарком промышленности стройматериалов Л. Соснин направил по поводу его судьбы письмо Н.А. Вознесенскому:

«Московский завод им. Войкова выпускал до войны ежегодно 600—700 тыс. кв. м отопительных радиаторов. В 1942 г. этот завод был временно передан в систему Наркомата Боеприпасов СССР. В настоящее время продукция, которую вырабатывал завод, с производства снимается. В связи с резким увеличением потребности в радиаторах для нужд восстановления жилого фонда, прошу СНК СССР вернуть завод им. Войкова из Наркомбоеприпасов в систему Наркомстройматериалов СССР, для восстановления на нем производства радиаторов. Проект распоряжения СНК СССР прилагается»¹³.

В ответ Ванников и поддержавший его заместитель председателя Госплана Борисов направили Вознесенскому свое письмо с возражениями:

«По вашему поручению, в связи с письмом Наркомстройматериалов СССР (т. Соснина) № НВ-11903 от 8/VI-1945 года о возврате завода № 557 НКБ (им. Войкова) в систему НКПСМ для производства отопительных радиаторов, докладываем:

1. Завод № 557 НКБ (им. Войкова) был передан Наркомату боеприпасов в апреле 1942 года для производства корпусов 76 мм снарядов сталистого чугуна. При этом основная часть оборудования для производства радиаторов и 27 чел. мастеров этого производства переданы заводам Наркомстройматериалов. За годы Отечественной войны производство корпусов 76 мм снарядов на заводе № 557 НКБ было усилено за счет переброски специального оборудования и рабочих с других заводов НКБ, дополнительной поставки оборудования по фондам НКБ и дополнительного получения рабочих по планам распределения рабочей силы для НКБ. Производство боеприпасов на этом заводе организовано на основе передовой технологии, механизации потока и всего технологического процесса, что дало возможность довести выпуск снарядов до 200 тыс. штук в месяц готовых корпусов и 150 тыс. штук в месяц поставки литья их на сторону.

В результате этого совершенно изменился профиль завода. Из пяти ранее действовавших литейных цехов — три заняты под механические цеха с большим количеством станочного оборудования.

2. Учитывая, что постановлением ГОКО № 8804 сс от 26/V-1945 года все предприятия других наркоматов освобождены от производства корпусов 76 мм снарядов, считаем целесообразным сохранить завод № 557, как базу для производства корпусов 76 мм снарядов сталистого чугуна, в системе наркомата боеприпасов и обязать НКБ на временно освобождающихся мощностях от производства боеприпасов, не нарушая механизации и потока по ним, организовать выпуск гражданской продукции, в том числе:

	Един. измер.	1945	1946	Фактический выпуск в 1940 г.
Радиаторы отопительные	тыс. м ²	80	250	450
Судовые иллюминаторы	тыс. шт.	2	8	—
Тюбинги замковые для метро	шт.	400	800	—
Цепи Кейстона	тыс. шт.	18	30	—
Литье деталей насосов для НКСС	тыс. шт.	60	100	—
Котлы отопительные	тыс. м ²	—	—	20

Проект постановления СНК СССР по этому вопросу прилагаем для Вашего рассмотрения и утверждения»¹⁴.

Как видим, в этом письме основной упор в аргументации все еще сделан на важности сохранения военного производства. Сами по себе они были довольно уязвимы: дело в том, что боеприпасы из сталистого чугуна производились в качестве вынужденной меры в период войны и необходимость в продолжении их производства в период мирного времени вызывает сомнения. Но наряду с этими старыми аргументами уже появляются новые доводы: Ванников и Борисов пишут о собственных конверсионных планах. Видимо, система аргументов в их письме оказалась все же недостаточно убедительной, и борьба за предприятие продолжилась. В начале августа Борисов и Ванников направили новое письмо, на этот раз его адресатом стал Л.П. Берия:

«В соответствии с поручением ГОКО № 9514 от 12 июля 1945 г. “О восстановлении производства котлов для отопительных целей и о загрузке механических цехов завода им. Войкова Наркомбоеприпасов”, сообщаем, что в результате выезда на место установлено:

Завод № 557 НКБ (им. Войкова) был передан Наркомбоеприпасов в апреле 1942 г. для производства корпусов 76 мм снарядов из сталистого чугуна. При этом оборудование, требующееся для механической обработки частей котлов было передано тульскому заводу “Красный октябрь” НКПСМ.

В течение военного периода завод № 557 НКБ (им. Войкова) полностью переоборудован для массового производства однотипных изделий. Из пяти, ранее действовавших литейных цехов, три заняты под механические цеха с большим количеством оборудования, с установкой транспортеров и организацией производства по поточному методу. Литейные цеха завода оснащены конвейерными установками для машинной формовки, механизированного приготовления и подачи земли и розлива чугуна.

В результате этого совершенно изменился профиль завода им. Войкова.

Почти заново организованы инструментальный и ремонтный цехи, подготовлены кадры высококвалифицированных рабочих и ИТР.

Восстановление на заводе им. Войкова НКБ производства котлов для отопительных систем, требующих больших формовочных площадей, считаем нерациональным, так как это потребует демонтажа конвейерных установок, необходимых для выпуска корпусов снарядов и радиаторов, ликвидации механических цехов, роспуска квалифицированных кадров ИТР и рабочих и по существу приведет к потере завода, располагающего крупными мобилизационными мощностями по массовому выпуску корпусов снарядов сталистого чугуна.

Учитывая, что постановлением ГОКО № 8804сс от 26.V-1945 г. все предприятия других наркоматов освобождены от производства корпусов 76мм снарядов, считаем необходимым завод № 557 сохранить как базу по производству корпусов 76мм снарядов из сталистого чугуна, радиаторов и деталей к ним.

Одновременно, в целях полной загрузки механических цехов и использования высококвалифицированных кадров завода, необходимо организовать во II полугодии 1945 г. на указанном заводе производство дизелей мощностью 80 л.с. для судостроительной промышленности. Проект постановления ГОКО по данному вопросу прилагаем»¹⁵.

По этим документам видно, как постепенно межведомственная борьба приводит к изменению аргументации защитников целостности НКБ. Возникает связь между сохранением предприятия в составе ведомства и проведением на нем конверсионных проектов, позволяющих в наибольшей степени использовать их мощности. Эта связь порождает напряженный поиск новых конверсионных идей. Пока не вполне ясен механизм их возникновения: например, почему в конверсионной программе завода № 557 появляются тьюбинги для московского метро? Кто подсказал эту идею наркому Ванникову? Согласовывал ли он ее с московским руководством (или, возможно, само это предложение исходило от властей Москвы)? Все эти вопросы нуждаются в более глубоких дополнительных исследованиях. Но можно уверенно сделать следующие выводы: межведомственная борьба породила у руководства отраслью заинтересованность в скорейшем проведении конверсии, побуждала его искать и находить новые виды гражданской продукции, которые можно было начать производить на их предприятии. Инициатива среднего звена руководства должна была компенсировать отсутствие централизованно утвержденного плана конверсии.

Следующим важным этапом конверсии стала подготовка плана 4-й пятилетки. Он должен был наконец дать то, чего так не хватало в 1945 г.: единый план конверсии, увязывающий между собой все отрасли. В идеале такой план необходимо было иметь еще весной 1945 г. Но поскольку его тогда не появилось, к концу года возник-

ла новая проблема: как совместить этот план и ту уже начатую конверсионную работу, которую отраслевые руководители проводили на основе собственных концепций. План должен был или мириться с уже принятыми отраслевыми руководителями решениями, или вступить с ними в борьбу. В последнем случае должен был возникнуть конфликт между ведомствами и Госпланом, и далеко не всегда он заканчивался в пользу последнего.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Конверсионные процессы в промышленности боеприпасов начались в 1944 г. Конверсионные процессы инициировались не в рамках общего плана, а в результате предложений, выдвигаемых средним звеном советской системы: отраслевыми и региональными руководителями. Высшее руководство сохраняло определенный контроль над ситуацией, решая, какие из этих предложений поддержать, а какие нет. После принятия решения его дальнейшее выполнение определялось борьбой между заинтересованными ведомствами и порой отличалось от утвержденного верховной властью решения.

Официальным началом конверсии промышленности боеприпасов стали постановления ГОКО, принятые после завершения войны с Германией. Особенностью этих постановлений был их неконкретный характер в той части, которая касалась налаживания на конверсионных предприятиях гражданского производства. Тем самым сохранялась широкая площадка для проявления инициативы среднего звена руководства. Эти постановления показывают, что у советского руководства в этот момент не было комплексного плана конверсии.

Основными силами, заинтересованными в проведении конверсии, были региональные руководители и ведомства, отвечавшие за производство гражданской продукции. Однако в процессе начавшейся конверсии обострившаяся межведомственная борьба за предприятия вынудила руководство наркомата боеприпасов больше уделять внимание конверсии, так как организация гражданского производства на их предприятиях стала рассматриваться как аргумент за сохранения их в системе предприятий наркомата.

Госплан на первом этапе конверсии промышленности боеприпасов оказался не в состоянии руководить процессом и выдвинуть некий единый план. Фактически конверсия проходила как цепочка одобренных верховным руководством инициативных решений, предлагаемых средним звеном советского руководства. К концу 1945 г. руководство Госплана сумело частично перехватить инициативу в свои руки благодаря составлению плана на четвертую пятилетку, который должен был предопределить дальнейший ход конверсии в промышленности боеприпасов. Однако дальнейшее развитие

отрасли к этому моменту уже было predeterminedo принятыми ранее отраслевым руководством решениями. В том случае, если концепции Госплана расходились с их собственными планами, отраслевые руководители могли идти на конфликт с этим органом, отстаивая собственную позицию.

Описанные процессы, шедшие в промышленности боеприпасов, нельзя в полной мере считать присущими всей советской военной промышленности этого периода. Схожее положение, видимо, складывалось в наркомате вооружений и наркомате минометного вооружения, конверсия которых официально началась синхронно с конверсией промышленности боеприпасов. Вместе с тем необходимо учитывать, что в этих отраслях была меньше доля мобилизованных производственных мощностей. Иначе складывалась ситуация в авиационной и в танковой промышленности, чья конверсия была отложена до 1946 г. и в силу этого носила более планомерный характер. Но, тем не менее, и в этом случае процесс конверсии имел много общего с перестройкой промышленности боеприпасов. Особенно это касается межведомственной борьбы за подчиненность предприятий и ее влияния на конверсионную мотивацию руководителей военной промышленности.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 4372. — Оп. 94. — Д. 313. — Л. 165—169.

² Там же.

³ Там же. — Д. 307. — Л. 230.

⁴ Там же. — Л. 8.

⁵ Там же. — Л. 3.

⁶ Там же. — Л. 190.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 418. — Л. 19—23.

⁸ Там же. — Д. 420. — Л. 81—90.

⁹ Любопытно, что сильнее всего было сокращено производство реактивных снарядов. Видимо, причины этому надо искать не в неожиданной переоценке боевой эффективности реактивной артиллерии, а в специфике организации их производства в Советском Союзе, описанной выше. В данном случае новое перспективное оружие было временно принесено в жертву проводимой политике конверсии.

¹⁰ РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 420. — Л. 129.

¹¹ В приложении перечислено 44 предприятия. В целом эта мера носила явно вспомогательный характер и не касалась большей части производственных мощностей отрасли.

¹² РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 420. — Л. 81—90.

¹³ РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 94. — Д. 308. — Л. 35.

¹⁴ Там же. — Л. 38—37.

¹⁵ Там же. — Л. 184—185.

В.Н. Земсков

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В СССР. 1944—1952 ГГ.

В статье рассматриваются различные аспекты непростого и противоречивого процесса репатриации советских перемещенных лиц в последние месяцы Второй мировой войны и в послевоенные годы. За пределами СССР, вследствие войны, оказались около 5 млн советских граждан (угнанные оккупантами на принудительные работы гражданские лица, военнопленные и др.), из них до 4,5 млн было возвращено на родину. Ключевые слова: перемещенные лица; репатриация; репатрианты; возвращенцы; невозвращенцы; военнопленные; «восточные рабочие»; спецконтингент; фильтрация; рабочие батальоны; реинтеграция.

V.N. Zemskov

The returning of Soviet displaced persons to the USSR. 1944—1952

The article is devoted to the destiny of nearly 5 millions of Soviet citizens (so called displaced persons) who appeared out of the USSR borders as a result of war of 1941—1945. These were mainly prisoners of war and civilian persons mobilized for forced works to Germany (“eastern workers”). Those retreated with the occupants and their accomplices were also included. The article reflects processes of returning (repatriation) to the USSR from Germany and other countries of the majority of displaced persons and the formation of so-called “second emigration” from the minority of them. Special attention is devoted to dispelling of some rooted myths.

Keywords: displaced persons; repatriation; repatriates; prisoners of war (POW); returnees; non-returnees; “eastern workers”; refugees; accomplices; filtration; special contingent; working battalions; “second emigration”; amnesty.

Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных, насильно угнанных в Германию граждан СССР и беженцев один из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х годов документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило вокруг него много мифов. Это относится к ряду публикаций, издававшихся как на Западе, так и в нашей стране. Нередко можно встретить тенденциозный подбор фактов и предвзятое их толкование.

В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 г. Управления уполномочен-

ного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Эти материалы и послужили основным источником для автора. Кроме того, использованы документы Государственного Комитета Оборона (ГКО), Управления делами СНК (Совета Министров) СССР, Секретариата НКВД/МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, Отдела спецпоселений НКВД/МВД СССР, 9-го управления МГБ СССР, Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД/МВД СССР.

Первой научной публикацией, основанной на материалах ранее закрытых архивных фондов, стала моя статья в журнале «История СССР» в 1990 г. В последующие годы мной был опубликован еще ряд статей. Активно подключились к изучению этой проблемы и другие исследователи — вышли в свет монография П.М. Поляна, статьи А.А. Шевякова и др.¹ В освещении проблемы репатриации советских перемещенных лиц многое зависит от ее видения самими авторами. Например, А.А. Шевяков и П.М. Полян в концептуальном плане являются антиподами: у первого присутствует апологетика политики руководства СССР, второй, напротив, склонен квалифицировать обязательную репатриацию как гуманитарное преступление. Шевяков рассматривает проблему с позиций советского государственника, а Полян — больше с позиций правозащитника. Оба критически относятся к политике англичан и американцев в этом вопросе, но с диаметрально противоположных позиций: Полян считает, что они передали советским властям слишком много перемещенных лиц, которые не хотели возвращаться в СССР; Шевяков же, наоборот, обвиняет англо-американцев в том, что они не всех таковых выдали и тем самым допустили образование новой антисоветской эмиграции.

С моей же точки зрения, хотя во всей истории с репатриацией советских перемещенных лиц имели место элементы и насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарного преступления, все же во главу угла следует поставить совсем другое. В своей основе, несмотря на все издержки, это была естественная и волнующая эпопея *обретения Родины* миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

Ведомство, возглавляемое Ф.И. Голиковым, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами Родины, из них свыше 3 млн находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн — в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и другие страны).

Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтер»), т.е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны. Уцелело также примерно 1,7 млн военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику. Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами с территории СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями). Всю эту массу людей принято называть «перемещенными лицами».

Ведомство Голикова пыталось установить общее количество советских граждан, оказавшихся за пределами СССР в годы войны (включая умерших и погибших на чужбине). В марте 1946 г. оно оценивало их численность в 6,8 млн человек², в состав которых входили и гражданские лица и военнопленные. Выживших было, как уже говорилось, около 5 млн. Если исходить из этих данных, то до конца войны не дожили примерно 1,8 млн советских перемещенных лиц (6,8 млн — 5,0 млн). Мы склонны расценивать эту статистику как близкую к истине — если в определении общего числа советских граждан, оказавшихся за пределами СССР, и масштабов их смертности до окончания войны и есть какое-то занижение, то оно не может быть очень значительным.

Вопреки распространенному убеждению, в политике руководства СССР не существовало отождествления понятий «пленные» и «предатели». К предателям относили тех, кто именно таковыми и являлись (полицаи, каратели, зондеркомандовцы и т.д.), а на основную массу советских перемещенных лиц (включая военнопленных) такой ярлык не вешался. Приписываемое И.В. Сталину выражение: «у нас нет пленных, у нас есть предатели» — является басней, сочиненной в 1956 г. в писательско-публицистической среде на волне критики культа личности Сталина. Эта басня имеет широкое хождение в публицистике, художественных фильмах и художественной литературе, но в научной литературе по указанной причине, естественно, не используется. Заметим также, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало такое «преступление», как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой». И надо понимать, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» — это далеко не синонимы.

Из документов ведомства Ф.И. Голикова можно заключить, что хотя высшее советское руководство осенью 1944 г. и было обеспокоено сообщениями из англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных будто бы враждебно настроено к Советскому правительству и не желает возвращаться в СССР,

достоверность этой информации подвергалась сильному сомнению. Исходили из того, что советские военнопленные, как правило, являлись лицами не буржуазно-помещичье-кулацкого происхождения, а выходцами из простых рабочих и крестьян, и у них вроде бы не должно было быть серьезных объективных причин для ненависти к Советскому правительству. В дальнейшем из различных источников, в том числе по линии внешней и военной разведок, были получены подтверждения, что основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желает возвратиться на Родину и остается просоветски настроенной. Вот, например, выдержка из письма начальника Главного Разведывательного Управления Красной Армии И.И. Ильичева на имя Ф.И. Голикова от 26 октября 1944 г.: «...Среди английских офицеров, работающих с русскими военнопленными в лагере Кэмптон Парк (пригород Лондона), имеется некий капитан Филипсон — русский белогвардеец, настоящая фамилия которого Солдатенков. Филипсон-Солдатенков производил большое количество допросов советских военнопленных с целью получения сведений о Красной Армии... Филипсон-Солдатенков утверждает, что основная масса русских пленных желает возвратиться в СССР и не является враждебно настроенной к Советскому правительству, хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой»³. Здесь речь идет о тех советских пленниках, которых англичане взяли в плен в бою, в немецкой военной форме.

Коллаборационисты имели сравнительно небольшой удельный вес в составе советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Подавляющее большинство советских граждан составляли лица, находившиеся в концлагерях, лагерях для военнопленных, арбайт-лагерях, штрафлагерях и по месту жительства хозяев. Хотя они и подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, эффект от этого был весьма слабый. Им не удалось привить чувство ненависти ни к советским руководителям, ни к их союзникам — англо-американским «плутократам». В их среде с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этим людям, конечно, беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранине» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. *Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не раз-*

решат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.

Приведем одно свидетельство. В докладной записке сотрудников торгпредства А. Синяка и М. Пашинина от 19 сентября 1944 г. на имя и.о. торгпреда СССР в Великобритании П.И. Соловьева говорилось:

«Будучи в командировке во Франции с 13-го по 17-ое сентября 1944 г., мы были свидетелями большого передвижения по дорогам Франции у Вердена русских людей, угнанных немцами в разное время из СССР. Эта процессия движущихся полузамученных людей в одиночку и группами, мужчин, женщин, детей и стариков представляет исключительно жалкую картину. Полуодетые, в лохмотьях, босые, в случайных головных уборах, до цилиндров включительно, без знания французского языка и Франции — движутся вереницы недавних немецких рабов, а сейчас фактически нищих людей, по направлению к Верденскому лагерю для русских... Из разговоров с отдельными группами людей установлено, что все они направляются американскими властями в город Верден, где для их приема организован специальный лагерь... Однако ни одного русского представителя нет ни в лагере, ни по дорогам... Зная об этом, американские солдаты и офицеры, а также французы задают довольно недвусмысленные вопросы о том, что мы (русские) предполагаем делать со своими людьми, почему нет наших представителей здесь и т.д. А сами пострадавшие, узнав, что мы русские, со слезами радости на глазах спрашивают: “Вы из комиссии приехали, чтобы увезти нас домой?”»⁴.

В дни, когда бушевало пламя войны, освобожденные из фашистской неволи советские граждане, ожидая в транзитных лагерях отправки в СССР, стремились помочь родному государству тем, что было в их силах. Об этом свидетельствовала массовая кампания по сбору валюты и ценностей в фонд Оборона Родины, проведенная по инициативе самих репатриантов. В январе — марте 1945 г. в Италии только в одном лагере (лагерь «Святого Андрея») советские граждане собрали 206 тыс. лир. Во Франции в фонд Оборона Родины поступило от советских перемещенных лиц добровольных пожертвований в размере почти 4 млн франков⁵.

На одном из транспортов с советскими военнопленными, отправленном в СССР союзниками в последние месяцы войны, было составлено коллективное письмо на имя И.В. Сталина. В нем говорилось:

«Оказавшись снова свободными гражданами, находясь в пути на Родину, мы ежедневно, ежечасно повышаем свои военные знания, проводим строевые и тактические занятия. Мы всеми силами стре-

мимся вернуться на Родину хорошо подготовленными красноармейцами, в совершенстве владеющими оружием. Наше единодушное желание — скорее расплатиться с проклятым Гитлером за все перенесенные нами страдания»⁶.

Военнопленные 29-летний В.И. Губарев и 25-летний И.Е. Сидоров, находившиеся в английской зоне оккупации Германии, добровольно вызвались нести охранную службу. Проявив исключительную бдительность, они 21 мая 1945 г. задержали возле местечка Зидорф некую подозрительную личность и передали английским властям. Как вскоре выяснилось, задержанной ими «подозрительной личностью» оказался бывший рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. После репатриации Губарев и Сидоров были призваны в Красную Армию и зачислены на службу в группу репатриации 2-й Ударной армии 2-го Белорусского фронта, где, как говорилось в характеристике, «показали себя дисциплинированными, исполнительными и выдержанными красноармейцами». Относительно дальнейшей судьбы этих двух репатриантов, арестовавших самого Гиммлера, побеспокоилось Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации: в мае 1946 г. за подписью начальника политпросветотдела Логунова в адрес начальника СПП г. Москвы полковника Горячева было направлено письмо, в котором предписывалось красноармейцев И.Е. Сидорова и В.И. Губарева демобилизовать из рядов Красной Армии и направить их «к постоянному месту жительства с соответствующими личными документами»⁷.

Перед советским руководством проблема возвращения больших масс советских граждан, угнанных немцами и по другим причинам оказавшихся за пределами СССР, вплотную встала в августе 1944 г., когда части Красной Армии перешли государственную границу с Польшей. 24 августа 1944 г. вышло постановление ГКО № 6457сс, специально посвященное возвращению на Родину советских граждан, оказавшихся по разным причинам за пограничной линией между СССР и Польшей⁸. Из содержания этого постановления ГКО вытекало, что политика высшего советского руководства в данном вопросе была достаточно ясной и недвусмысленной, а именно: все эти советские граждане, безусловно, должны быть возвращены в СССР. В последние месяцы 1944 г. и в 1945 г. ГКО принял еще ряд постановлений, касавшихся репатриации советских граждан.

Таким образом, опасения находившихся в Германии и других странах перемещенных лиц, что Советское правительство может не разрешить им вернуться на Родину, оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские потери, был остро за-

интересован в их возвращении. Причем политическое руководство СССР задалось целью вернуть их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была обязательной. Впоследствии принцип ее добровольности, в виде исключения, был установлен только для двух категорий лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. подданными СССР: бессарабцев и буковинцев, принявших румынское подданство, и женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей.

4 октября 1944 г. СНК СССР принял постановление о назначении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, его заместителей и помощников, а два дня спустя, 6 октября, — постановление о их деятельности⁹. 23 октября того же года постановлением СНК СССР были утверждены штат Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и штат зарубежных представителей этого нового ведомства¹⁰. Располагалось оно в Москве по адресу: Кропоткинский пер., д. 7.

В начале ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось:

«...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»¹¹.

Интервью Ф.И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение Правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам.

В середине ноября 1944 г. интервью Голикова было распространено среди советских граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзников. Его содержание вызвало вздох облегчения, хотя полностью не сняло всех мучивших людей вопросов. 20 ноября в сводке Управления репатриации отмечалось: «Интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, помещенное в печати 11.11.44 г.,

распространяется по лагерям и имеет благоприятные отзывы со стороны военнопленных и интернированных советских граждан как в Англии, Франции, Румынии, так и в других государствах»¹². В конце 1944 г. представители Управления репатриации сообщали из Франции: «Наши люди смотрят на этот документ как на свое спасение и не хотят с ним расстаться... Основной вопрос, который больше всего мучил большинство наших граждан — “что их ждет по возвращении домой”, — становится теперь для них полностью разрешенным, и сейчас этот вопрос слышать почти не приходится»¹³. В конце 1944 — начале 1945 г. интервью было издано отдельной листовкой (общим тиражом свыше 2 млн экз.) и широко распространялось среди репатрируемых. Эти листовки даже сбрасывались с самолетов над германской территорией в тех районах, где, по данным разведки, наблюдалась значительная концентрация советских военнопленных и «восточных рабочих». Тогда же началась подготовка к выпуску серии брошюр для советских граждан, находившихся в плену или угнанных в Германию. До 1 марта 1946 г. на русском языке было издано 19 названий общим тиражом 1,1 млн экз. Брошюры выходили также на украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В пропагандистской работе широко использовалась и наглядная агитация. Общий тираж специальных плакатов составил 105 тыс. экз.¹⁴

Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы. Подавляющее их большинство избежало каких-либо репрессий. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали.

Приведем характерный пример. Летом 1944 г. при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие советские военнослужащие, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, тем не менее, поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 г. 9907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября¹⁵. Среди них высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные представители объяснили, что

Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Советское руководство беспокоил сам факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан. Еще сильнее оно опасалось того, что англичане и американцы могут предоставить им (или какой-то их части) статус политических беженцев и, хуже того, использовать впоследствии в антисоветских целях. Исходя из этого, а также чтобы перемещенные лица не боялись возвращения в СССР, советское руководство (во многом вразрез со своими прежними принципами) пошло на значительную либерализацию своей политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц, вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику. При этом подразумевалось, что эти последние совершили действия, противные интересам СССР, в результате германского насилия и террора. Это относилось и к упомянутым выше лицам, прибывшим 6 ноября 1944 г. в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в гитлеровских лагерях.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД, часть военнопленных — в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагерь НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужеземными завоевателями и подлежавшие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике они отделялись чаще всего 6-летним спецпоселением и не привлекались к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов¹⁶.

Мы считаем своим долгом развеять имевший хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты», вышедшей в 1977 г. на английском языке (переиздана в 1988 г. в Париже на русском языке)*. Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже видные профессиональные историки М. Геллер и А. Некрич приняли все это за правду и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках»¹⁷. Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того, не соответствующее истине. Нами изучен весьма большой массив источников по проблеме репатриации советских граждан — достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это — миф! Для примера приведем ситуацию с распределением 9907 репатриантов, поступивших 6 ноября 1944 г. в Мурманск: 18 человек арестованы органами СМЕРШ (но не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали, и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам — в Таллиннский спецлагерь (ПФЛ) № 0316 и Зашеекский ПФП в Карело-Финской ССР¹⁸.

Поначалу оставляла желать лучшего организация торжественных встреч возвращающихся на Родину советских граждан. Сцены встреч

---

* *Tolstoi, Nicolai. Victim of Yalta.* — London: Hodder and Stoughton, 1977. — 496 p.

репатриантов в портах, носивших, мягко говоря, неторжественный и непрасудничный характер, происходили на глазах английских и американских матросов. Свидетельства последних были использованы определенными кругами в антирепатриационной пропаганде среди советских людей, оказавшихся в зонах действия союзных войск. Вот что услышал, например, репатриант В. Оболенцев от одного английского моряка о встрече французских военнопленных, привезенных на его судне в Марсель, и встрече советских репатриантов в Одессе.

«Французов встречают с музыкой, цветами и большой радостью... — рассказывал этот английский моряк. — А когда я привозил русских в Одессу, то пароход разгружали с 6 утра до 4 вечера, никто их не приветствовал, только жители Одессы, проходя мимо новоприбывших, бросали на них дикие взгляды. После разгрузки работники НКВД построили всех мужчин и увели куда-то на допросы. Оставшимся женщинам и детям, у которых были тяжелые вещи, пришлось всю ночь просидеть во дворе под открытым небом, ожидая, когда придут машины. Только на следующее утро, в 9 часов, пришли две старые русские машины. Несмотря на просьбу женщин, чтобы мужчины помогли им в погрузке, никакой помощи не было оказано, и женщинам самим пришлось грузить вещи»¹⁹.

Сотрудники советских миссий по репатриации за рубежом находились в сложном положении при ответах на соответствующие вопросы перемещенных советских граждан. По настоянию Управления репатриации с июня 1945 г. были широко организованы торжественные встречи с цветами, музыкой и транспарантами «профильтрованных» и отпущенных к месту жительства репатриантов.

Договоренность об обязательной репатриации советских граждан была достигнута на Ялтинской встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. Во время работы конференции 11 февраля 1945 г. были заключены двухсторонние советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан. Аналогичное соглашение с Францией было заключено 26 июня 1945 г.²⁰

Репатриация была обязательной только для советских граждан. Все прочие лица (белогвардейцы и др.) обязательной репатриации не подлежали. Имели место исключения из этого правила, но в основном оно соблюдалось. Самым значительным исключением из этого правила была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев.

В письме № 597/6 от 26 мая 1945 г. Л.П. Берия информировал И.В. Сталина и В.М. Молотова, что от англичан должно быть при-

нято 40 тыс. человек, имея в виду красновских казаков. Никаких конкретных планов по их репрессированию тогда не существовало — они должны были пройти обычную для «спецконтингента НКВД» процедуру проверки и фильтрации. Планировалось направить их в лагеря, специально созданные в свое время для обслуживания угольной промышленности, в том числе 31 тыс. — в лагеря системы ОПФЛ — Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (Кизеловский ПФЛ № 0302 — 12 тыс., Прокопьевский ПФЛ № 0315 — 12 тыс., Кемеровский ПФЛ № 0314 — 7 тыс.) и 9 тыс. офицеров и немецких инструкторов — в Прокопьевский лагерь № 525 системы ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР). Такое распределение означало, что казачьи офицеры рассматривались как «чужие» наравне со взятыми в плен немцами, венграми, румынами и т. д., а рядовые казаки приравнены к «своим», т. е. к советским гражданам, проходившим в ПФЛ «государственную проверку». Фактически же от англичан было принято 46 тыс. человек (включая членов семей), причем казачьих офицеров и немецких инструкторов оказалось меньше, чем ожидалось. Поэтому в Прокопьевский лагерь № 525 ГУПВИ было направлено только около 5,5 тыс. человек, а в лагеря ОПФЛ — 40,5 тыс., из них в ПФЛ № 0302 — 14 тыс., ПФЛ № 0314 — 9,5 тыс. и ПФЛ № 0315 — 17 тыс.²¹ Сам атаман Краснов и его ближайшее окружение впоследствии были приговорены к смертной казни.

Принцип обязательности репатриации касался не только советских граждан. В соглашениях СССР с США, Великобританией и Францией был зафиксирован принцип *взаимной обязательной репатриации*, т. е. американские, английские и французские граждане, освобожденные из немецкого плена Красной Армией или по иным причинам оказавшиеся в советских оккупационных зонах, подлежали обязательной выдаче США, Великобритании и Франции независимо от того, хотят ли они этого или нет. В 1945—1946 гг. СССР передал 24 544 англичанина и 22 481 американца и в 1945—1951 гг. — 313 368 французов (включая пленных эльзасцев и лотарингцев). Подавляющее их большинство возвращалось на родину с радостью и воодушевлением, но существовала и небольшая прослойка невозвращенцев. В период их нахождения в советских сборных пунктах и лагерях в их среде был выявлен 19 091 коллаборационист (19 021 француз, 52 американца и 18 англичан), которые отнюдь не жаждали встречи с правосудием своих стран. Однако СССР, руководствуясь принципом взаимной обязательной репатриации, передал их всех французским, американским и английским властям²².

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в СССР вопреки их

желанию. Опираясь на многочисленные свидетельства (в частности, на такой массовый источник, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов), можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т. е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации возвратились бы в СССР добровольно. Что касается «западников», т. е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому состоянию, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно значительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех из них, кто сам этого хотел. Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников» — невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября — октября 1945 г. стали распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно перейдя на этот принцип с началом «холодной войны». По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не почти 0,5 млн, а, вероятно, около 1 млн, вряд ли больше.

В 1946—1947 гг. со стороны англо-американцев имели место рецидивы насильственной выдачи людей, не желавших возвращаться в СССР, в духе Ялтинских соглашений. Западные историки располагают конкретными фактами насильственной выдачи советских перемещенных лиц до апреля 1947 г. После этой даты таких фактов не выявлено. Следовательно, апрель 1947 г. является конечной хронологической гранью практического выполнения англо-американцами Ялтинских соглашений об обязательной репатриации советских граждан. По одним параметрам они свои обязательства недовыполнили, по другим — перевыполнили. «Недовыполнение» заключалось в том, что среди перемещенных лиц, не возвращенных в СССР, оказались десятки тысяч людей, являвшихся до 1 сентября 1939 г. советскими подданными, а «перевыполнение» — в том, что бывшие союзники передали советским властям ряд старых эмигрантов, прежде всего казаков-белогвардейцев, которых в соответствии с Ялтинскими соглашениями совсем не обязательно было выдавать. Англо-американцы предельно жестко соблюли свой принцип невыдачи «западников», однако в западной литературе бытует не

подтвержденное бесспорными фактами утверждение, что будто бы Франция выдала СССР прибалтов в обмен на находившихся в советском плену эльзасцев и лотарингцев. По нашим данным, СССР в 1945 г. действительно передал Франции часть пленных эльзасцев и лотарингцев, но в обмен не на прибалтов, а на «власовцев», которых французы поначалу не хотели выдавать, собираясь судить их по своим законам как военных преступников, участвовавших в подавлении Французского Сопротивления.

Это, в частности, отмечено в сводке Управления репатриации от 1 февраля 1945 г.: «Как видно из последней беседы тов. Богомолова (посол СССР во Франции. — В.З.) с французским министром по делам военнопленных Флене, французские власти склонны рассматривать наших людей бывших “власовцев” как военных преступников, подсудных французскому суду»²³. Позднее эта проблема была урегулирована, и «власовцы» в соответствии с принципом обязательной репатриации были переданы СССР. Для самих «власовцев» это являлось подлинным спасением, так как у французского правосудия был настрой пустить их под нож гильотины, а в СССР они в массе своей после соответствующей проверки в ПФЛ или ИТЛ были направлены на спецпоселение сроком на 6 лет.

В зарубежной и отечественной литературе, тем не менее, имеет хождение не подтвержденное бесспорными фактами утверждение, что Франция будто бы насильственно передавала Советскому Союзу прибалтов и других «западников». Мы полагаем, что это заблуждение. У французов политика в этом вопросе была в принципе такой же, как у англичан и американцев, а именно: основополагающим критерием в определении советского гражданства и выявлении круга перемещенных лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты. Так, военный губернатор французской зоны оккупации Австрии в беседе с советскими офицерами по репатриации, состоявшейся 23 ноября 1945 г., сказал: «У меня имеются от французского правительства указания, что советскими подданными считаются только те, кто жил в государственных границах СССР 1939 г.»²⁴.

До мая 1945 г. союзники передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, как правило, привозя их на кораблях в советские морские порты (Мурманск, Одесса и др.). После капитуляции Германии встал вопрос о передаче репатриантов через линию соприкосновения советских и союзных войск в Германии и Австрии. Переговоры об этом велись 16—22 мая 1945 г. в г. Галле (Германия). Делегацию союзников возглавлял американский генерал Р.В. Баркер, советскую делегацию — генерал-лейтенант К.Д. Голубев, один из заместителей

Ф.И. Голикова. 22 мая был подписан «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников»²⁵, и на следующий день, 23 мая, первые партии репатриантов были переправлены через линию соприкосновения войск²⁶.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан — «восточников» отнюдь не означала, что они никого из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа «восточников» вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР²⁷. Это происходило одновременно с насильственной передачей англо-американцами в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и др., которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были неспособны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

18 января 1945 г. Военным Советам фронтов и военных округов была дана директива начальника тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, согласно которой военнопленные и гражданские лица, освобожденные Красной Армией, подлежали направлению:

— военнослужащие Красной Армии (рядовой и сержантский состав), находившиеся в плену, — в армейские СПП, после проверки в них установленным порядком — в армейские и фронтовые запасные части;

— офицерский состав, находившийся в плену, — в спецлагеря НКВД;

— служившие в немецкой армии и специальных строевых немецких формированиях, власовцы, полицейские и другие лица, вызывающие подозрение, — в спецлагеря НКВД;

— гражданское население — во фронтовые СПП и пограничные ПФП НКВД; из них, после проверки, мужчины призывного возраста — в запасные части фронтов или военных округов, остальные — к месту постоянного жительства (с запретом направления в Москву, Ленинград и Киев);

— жители приграничных областей — в ПФП НКВД;

— дети-сироты — в детские учреждения Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик²⁸.

Растущий поток репатриантов требовал ускорять их проверку, хотя бы в отношении «не вызывающих подозрений». В директиве

НКВД—НКГБ СССР, адресованной в феврале 1945 г. НКВД и НКГБ Украины, Белоруссии, Литвы и Молдавии, Главному управлению погранвойск НКВД СССР и Главному управлению НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии, в частности, указывалось:

«В связи с успешным наступлением Красной Армии ожидается наплыв на проверочно-фильтрационные пункты НКВД возвращаемых на Родину советских граждан, находившихся в немецком плену и на каторжных работах в Германии... Разрешаем производить упрощенную проверку в 5-ти дневный срок в отношении стариков, старух и женщин с детьми, с немедленным направлением их к постоянному месту жительства. Мужчин, вызывающих подозрение и требующих более длительной проверки, — немедленно направлять в спецлагеря НКВД»²⁹.

После капитуляции Германии началось массовое возвращение граждан, насильственно оторванных от Родины. Едва советские и союзные войска сомкнули тиски, окончательно раздавив гитлеровский вермахт, советские люди стихийно хлынули по всем дорогам на восток. Большинство их оказалось в зоне действия англо-американских войск, и сразу же после капитуляции Германии началась подготовка к приему советских граждан от союзников. Ее содержание изложено в справке, подготовленной в середине мая 1945 г. в НКВД СССР, которая приведена ниже (с сокращениями):

1. Всего организуется по директиве Ставки (№ 11086 от 11 мая 1945 г.) лагерей для приема репатрируемых советских граждан, освобожденных союзными войсками, — 100 на 10 000 каждый, в том числе:

- 1-й Белорусский фронт — 30;
- 2-й Белорусский фронт — 15;
- 1-й Украинский фронт — 30;
- 2-й Украинский фронт — 10;
- 3-й Украинский фронт — 10;
- 4-й Украинский фронт — 5.

2. Проверка Ставкой возложена:

а) бывших военнослужащих Красной Армии — на органы «СМЕРШ»;

б) гражданских лиц — на проверочные комиссии представителями НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под председательством представителя НКВД.

3. Для приема и проверки гражданских лиц на фронтах в составе 100 лагерей выделяется 30 лагерей, в которые и будут направляться все гражданские лица для проверки, в том числе:

- на 1-м Белорусском фронте — 9;
- на 2-м Белорусском фронте — 5;
- на 1-м Украинском фронте — 8;
- на 2-м Украинском фронте — 3;

- на 3-м Украинском фронте — 3;
- на 4-м Украинском фронте — 2.

На этих же фронтах имеется 46 сборных пунктов для приема советских граждан, освобожденных советскими войсками, в том числе:

- 1-й Белорусский фронт — 10;
- 2-й Белорусский фронт — 6;
- 1-й Украинский фронт — 15;
- 2-й Украинский фронт — 6;
- 3-й Украинский фронт — 5;
- 4-й Украинский фронт — 4.

4. Руководство работой проверочных комиссий возложено приказом НКВД СССР от 14 мая на уполномоченных НКВД СССР по фронтам, а там, где таковых нет, — на начальников войск охраны тылов...

6. Для пропуска репатриантов установлено 9 пунктов, из них 7 — Висмар, Кравлетц, Пархим, Магдебург, Дессау, Торгау и Риза. Остальные два будут назначены позже.

Начало приема советских граждан намечено с 21—22 мая по 3000—5000 на каждом пункте.

7. Товарищ Берия написал в ГОКО (Государственный Комитет Обороны. — В.З.) письмо с предложением не задерживать репатриантов во фронтовых лагерях больше 10 дней. После регистрации все советские граждане подлежат направлению к месту постоянного жительства, где органы НКВД и НКГБ будут обязаны их в последующем проверить. Военные подлежат направлению в запасные части НКО³⁰.

22 мая 1945 г. ГКО принял постановление, устанавливавшее 10-дневный срок регистрации и проверки гражданских репатриантов и отправки их по месту жительства³¹. Практика показала, что этот срок оказался нереальным, и они находились в лагерях и СПП, как правило, 1—2 месяца и даже дольше. К 30 мая 1945 г. общая емкость лагерей и СПП была доведена до 1,3 млн человек³². Никакой разницы между лагерями и СПП не было. В данном случае термин «лагерь» означал не место заключения, а *сборный пункт*, равно как и СПП. Большинство этих сборных пунктов находились за границей (в Германии, Австрии, Польше, Румынии и др.).

Создание сети лагерей и СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц и выявлением в их среде преступных элементов, но и рядом другим причин. Концентрацией в сборных пунктах распыленных чуть ли не по всей Европе масс перемещенных лиц значительно облегчалась задача поставки их на централизованное продовольственное снабжение (репатрианты от момента поступления в лагеря и СПП до прибытия на место жительства получали паек, соответствующий нормам питания личного состава тыловых частей Красной Армии)³³. До августа 1945 г. часть репатриантов проживала на частных квартирах вблизи СПП

и лагерей, но характер их взаимоотношений с местными жителями заставил переместить их в лагерь и СПП, дабы уберечь от соблазна устраивать самосуды над местным немецким, австрийским и другим населением. С медицинской точки зрения предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима, так как в их среде были распространены различные инфекционные заболевания. Укомплектованность лагерей и СПП медицинскими работниками считалась достаточной. Судя по их отчетам, им удалось значительно снизить уровень заболеваемости у репатриантов за время их нахождения в лагерях и СПП; в частности, по сыпному тифу — в 3 раза, по брюшному тифу и дизентерии — в 10 раз, а по венерическим болезням — в 16 раз³⁴.

Организация сети лагерей и сборных пунктов преследовала также цель придать процессу репатриации организованные формы, не допустить анархии в этом деле. Во многом теми же мотивами руководствовались англичане и американцы, организовавшие в своих зонах оккупации широкую сеть лагерей для перемещенных лиц. В любом случае, сосредоточение больших масс людей в указанных лагерях и сборных пунктах не может быть квалифицировано как политическая репрессия.

Что касается побегов из лагерей и СПП, то таковые имели место, но не носили массового характера. Бежали в основном те, кто подлежал отправке в ПФЛ или преданию суду. Часть беглых репатриантов летом и в начале осени 1945 г. объединилась в довольно опасные бандгруппы, терроризировавшие местное (немецкое, австрийское, польское, румынское) население. К октябрю 1945 г. все эти бандгруппы были ликвидированы охранными войсками НКВД³⁵.

Сотрудники органов НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ», проводившие проверку и фильтрацию репатриантов, опасались, что довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей могло серьезно повлиять на их мировоззрение и политические настроения. Однако в процессе общения с репатриантами эти опасения в значительной мере рассеивались. Так, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 г. отмечалось: «Политнастроение репатрируемых советских граждан в подавляющем большинстве здоровое, характеризуется огромным желанием скорее приехать домой — в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства»³⁶. В августе 1945 г. при известии о начавшейся войне с Японией только в одном лагере № 269 репатриантов — 3150 подали заявления с просьбой отправить их на фронт³⁷.

Позднее, когда волна просоветски настроенных репатриантов схлынула, оценки и тональность в отношении вновь прибывших репатриантов существенно изменились. В письме Ф.И. Голикова от 1 октября 1947 г., адресованном министру госбезопасности В.С. Абакумову и министру внутренних дел С.Н. Круглову, отмечалось:

«В настоящее время репатриация советских граждан из английской и американской зон оккупации в Германии имеет совершенно отличительные черты от репатриации, проводимой ранее. Во-первых, в наши лагеря поступают люди, имевшие в большинстве случаев вину перед Родиной; во-вторых, они длительное время находились и находятся на территории английского и американского влияния, подвергались там и подвергаются интенсивному воздействию всевозможных анти-советских организаций и комитетов, свивших себе гнезда в западных зонах Германии и Австрии. Кроме того, из Англии в настоящее время поступают в лагеря советские граждане, служившие в армии Андерса. За 1947 г. принято в лагеря советских граждан из английской и американской зон — 3269 чел. репатриантов и 988 чел., служивших в армии Андерса. Нет сомнения, что среди этих граждан прибывают в СССР подготовленные разведчики, террористы, агитаторы, прошедшие соответствующие школы в капиталистических странах»³⁸.

По статистике ведомства Ф.И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5 352 963 советских гражданина (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных). Однако из этого числа следует вычесть 1 153 475 человек (867 176 гражданских и 286 299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей. Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. 831 951 внутреннее перемещенное лицо (165 644 мужчины, 353 043 женщины и 313 264 детей) было направлено к месту жительства (831 635 гражданских и 316 военнопленных), 254 773 — призвано в армию (26 705 гражданских и 228 068 военнопленных) и 66 751 — спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57 915 военнопленных)³⁹. В таблице 1 представлена динамика поступления в 1944—1952 гг. «репатриантов» (в интерпретации ведомства Голикова) с делением их на настоящих репатриантов и внутренних перемещенных лиц.

Надо сказать, что в период немецкой оккупации внутренние перемещенные лица являлись объектом безжалостной эксплуатации не только со стороны гитлеровцев, но в ряде случаев и со стороны зажиточных слоев местного «западнического» населения. Напри-

Таблица 1

Соотношение репатриантов и внутренних перемещенных лиц

Даты	Всего (чел.)	В том числе:			
		репатрианты		внутренние перемещенные лица	
		чел.	в %	чел.	в %
10.12.1944	601 189	99 159	16,5	502 030	83,5
20.12.1944	869 332	116 464	13,4	752 868	86,6
30.12.1944	1 050 398	162 403	15,5	887 995	84,5
10.01.1945	1 079 500	184 863	17,1	894 637	82,9
20.01.1945	1 144 420	197 841	17,3	946 579	82,7
1.02.1945	1 185 682	226 235	19,1	959 447	80,9
10.02.1945	1 205 447	244 408	20,3	961 039	79,7
20.02.1945	1 232 444	267 825	21,7	964 619	78,3
1.03.1945	1 255 949	287 785	22,9	968 164	77,1
10.03.1945	1 311 359	335 983	25,6	975 376	74,4
20.03.1945	1 373 178	351 397	25,6	1 021 781	74,4
1.04.1945	1 448 933	424 458	29,3	1 024 475	70,7
10.04.1945	1 532 532	503 295	32,8	1 029 237	67,2
1.06.1945	1 946 326	880 732	45,3	1 065 594	54,7
10.06.1945	2 097 738	1 000 805	47,7	1 096 933	52,3
20.06.1945	2 396 154	1 277 413	53,3	1 118 741	46,7
1.07.1945	2 433 520	1 307 004	53,7	1 126 516	46,3
10.07.1945	2 565 129	1 438 049	56,1	1 127 080	43,9
1.03.1946	5 352 963	4 199 488	78,5	1 153 475	21,5
1.01.1952	5 457 856	4 304 381	78,9	1 153 475	21,1

Источник: ГАРФ. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 1, 4, 8, 12, 28, 33, 38, 43, 49, 55, 60, 65, 70, 75, 79, 82, 88; Д. 22. — Л. 1, 7, 9, 13; Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 62, 223; Д. 7. — Л. 157.

мер, в донесении политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 28 ноября 1944 г. на имя Ф.И. Голикова говорилось: «В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. “Хозяева” более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются»⁴⁰. В Литве, Латвии и Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещенных лиц (227 044 гражданских и 56 363 военнопленных), в других западных регионах СССР — 870 068 (соответственно 640 132 и 229 936)⁴¹. Не все они захотели вернуться в родные места, и образовалась специфическая прослойка «внутренних невозвращенцев». Так, по данным на 1 июня 1946 г., в Латвии остались на жительстве 11 947 внутренних перемещенных лиц⁴².

Таблица 2

**Национальный состав репатриированных советских граждан
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)**

Национальность	Всего (чел.)	В том числе:	
		гражданские	военнопленные
Русские	1 631 861	891 747	740 114
Украинцы	1 650 343	1 190 135	460 208
Белорусы	520 672	385 896	134 776
Литовцы	50 396	47 377	3 019
Латыши	35 686	32 230	3 456
Эстонцы	14 980	12 231	2 749
Молдаване	36 692	31 598	5 094
Евреи	11 428	6 666	4 762
Грузины	33 141	7 600	25 541
Армяне	25 063	4 406	20 657
Азербайджанцы	24 333	2 348	21 985
Татары	43 510	11 332	32 178
Узбеки	31 034	1 446	29 588
Казахи	26 903	2 455	24 448
Киргизы	6 249	1 950	4 299
Таджики	4 711	453	4 258
Туркмены	3 968	177	3 791
Калмыки	6 405	2 318	4 087
Башкиры	5 793	1 215	4 578
Поляки	53 185	50 483	2 702
Карелы	3 441	1 247	2 194
Финны	4 705	4 122	583
Ингерманландцы	43 246	43 246	—
Другие:	173 156	138 651	34 505
из них представители коренных народов СССР (удмурты, мордва, осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши и др.)	97 560	65 974	31 586
представители некоренных наро- дов (немцы, греки, болгары, ру- мыны и др.)	75 596	72 677	2 919
ИТОГО	4 440 901	2 871 329	1 569 572

Источник: ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 226—229. В эту статистику вошли все репатрианты (4 199 488), а также 241 413 внутренних перемещенных лиц (211 316 гражданских и 20 097 военнопленных).

**Результаты проверки и фильтрации репатриантов
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)**

Категории репатриантов	Всего		В том числе:			
			гражданские		военнопленные	
	чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %
Направлено по месту жительства*	2 427 906	57,81	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	801 152	19,08	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальонные НКО	608 095	14,48	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272 867	6,50	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89 468	2,13	61 538	2,31	27 930	1,81
ИТОГО	4 199 488		2 660 013		1 539 475	

Источник: ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 3. — Д. 53. — Л. 175; Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 62, 70, 223.

* Включая репатриантов — немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатриированных из Финляндии интегрманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. Репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, сборно-пересыльных, проверочно-фильтрационных и других сборных и проверочных пунктах, включены в число направленных к месту жительства.

Таким образом, в действительности на 1 марта 1946 г. насчитывалось 4 199 488 репатриантов (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступили из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных) и 1 846 802 — из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных). Их национальный состав представлен в таблице 2, а результаты проверки и фильтрации — в таблице 3.

Массовая репатриация фактически завершилась в первой половине 1946 г. В последующие годы репатриация резко пошла на убыль. До 1 июля 1952 г. было репатрировано 4 305 035 советских

граждан, из них 162 403 — в 1944 г., 3 888 721 — в 1945 г., 195 273 — в 1946 г., 30 346 — в 1947 г., 14 272 — в 1948 г., 6542 — в 1949 г., 4527 — в 1950 г., 2297 — в 1951 г. и 654 — в январе — июне 1952 г.⁴³ Из общего числа репатриированных до 1 июля 1952 г. советских граждан 3 222 545 поступило из Германии, 332 792 — из Австрии, 137 856 — Румынии, 123 267 — Франции, 102 278 — Польши, 101 359 — Финляндии, 84 777 — Норвегии, 54 350 — Италии, 42 706 — Чехословакии, 27 967 — Англии, 26 268 — Югославии, 13 614 — Бельгии, 9872 — Швейцарии, 7835 — Дании, 4070 — США, 3806 — Болгарии, 3429 — Венгрии, 3409 — Швеции, 1404 — Греции, 824 — Албании и 544 — из других стран⁴⁴.

Таким образом, к 1952 г. по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн советских граждан. В это число не включены депортированные советские граждане (военнопленные и гражданские), которые во второй половине 1941 — первой половине 1944 г. совершили удачные побеги из-за границы в СССР, а также порядка 150 тыс. потерявших работоспособность «восточных рабочих», которых немцы в 1942—1943 гг. возвратили на оккупированную ими территорию СССР⁴⁵. Репатриация, хоть и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 г. С учетом всего этого, общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, оценивается величиной примерно в 4,5 млн человек.

В статистике репатриированных советских граждан из Германии имеются некоторые противоречия. Если исходить из числа поступивших к 1 июля 1952 г. из всех четырех оккупационных зон Германии (из советской зоны — 886 286, английской — 1 073 545, американской — 1 039 032, французской — 84 416), то в сумме получается не 3 222 545, а 3 083 279 человек. Недостающие 139 266 человек в источнике названы как прибывшие «из СПП и лагерей»⁴⁶ без указания стран, откуда они были репатриированы. Причем из контекста ясно, что это, во-первых, не внутренние перемещенные лица и, во-вторых, не переданные союзниками, т.е. речь идет о людях, находившихся за пределами СССР в странах, где стояли советские войска. Мы включили эти 139 266 человек в число репатриированных из советской зоны оккупации Германии, исходя из того, что значительная их часть, безусловно, поступила из бывших германских территорий (Восточная Пруссия и другие), отошедших к СССР и Польше. В ходе дальнейшего исследования возможна корректировка этой статистики в сторону уменьшения на несколько десятков тысяч человек, поступивших из Германии, и соответствующего увеличения количества репатриированных из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

По данным на 1 января 1952 г., ведомство Ф.И. Голикова определяло численность так называемой «второй эмиграции» в 451 561 человек (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ и Австрии, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие), среди которых было 144 934 украинца, 109 214 латышей, 63 401 литовец, 58 924 эстонец, 31 704 русских, 9856 белорусов и 33 528 прочих. Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. «Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ — из «восточников». В начале 1952 г. расселение «вторых эмигрантов» по странам мира выглядело так: Западная Германия — 84 825, западные зоны Австрии — 18 891, Англия — 100 036, Австралия — 50 307, Канада — 38 681, США — 35 251, Швеция — 27 570, Франция — 19 675, Бельгия — 14 729, Аргентина — 7085, Финляндия — 6961, Бразилия — 3710, Венесуэла — 2804, Голландия — 2723, Норвегия — 2619, другие страны — 36 694 человека⁴⁷.

В октябре 1945 г. в «Правде» была опубликована статья Ф.И. Голикова, в которой называлось число репатриированных к тому времени граждан СССР — 5 236 130 человек (3 104 284 мужчины, 1 498 153 женщины и 633 693 ребенка)⁴⁸. Однако при этом не было сделано никаких пояснений. В результате приведенное Голиковым число репатриантов воспринималось в том смысле, что все они прибыли из-за границы. В действительности же к началу октября 1945 г. из-за границы возвратилось около 4,1 млн человек, остальные же были внутренними перемещенными лицами (см. таблицу 1) и их, следовательно, нельзя считать репатриантами.

В 1965 г. в открытой советской печати были обнародованы официальные данные о количестве репатриированных советских граждан — 5 457 856 человек⁴⁹. Это была суммарная численность репатриантов и внутренних перемещенных лиц по состоянию на 1 января 1952 г. (см. таблицу 1). Однако именно такого пояснения не было сделано, и эта статистика вплоть до 1990 г. вводила исследователей в заблуждение. Во многих трудах эта цифра (5 457 856) представлялась как общее число советских граждан, возвращенных в СССР именно из-за границы (из Германии и других стран).

Историки М. Геллер и А. Некрич, судя по тексту раздела «Репатриация» в их книге «Утопия у власти», вышедшей в 1986 г. в Лондоне на русском языке, явно были озадачены тем обстоятельством, что советских перемещенных лиц в Европе было около 5 млн (из коих почти 0,5 млн не возвратились в СССР), и из этого числа, оказывается, по официальным советским данным, было репатриировано почти 5,5 млн. Для них это оказалось неразрешимым «математическим

ребусом». Они так и не догадались, что их собственные данные об общем числе советских перемещенных лиц в европейских странах — *правильные*, а официальные советские данные о количестве репатриированных в СССР — фактически *фальсифицированные*. Пребывая в уверенности, что в официальных советских данных речь идет только о поступивших в СССР из европейских стран (о существовании приписки в почти 1,2 млн человек они не догадывались), М. Геллер и А. Некрич вынуждены были строить предположения о существовании в Европе дополнительно еще каких-то советских граждан, которые «возвратились или были возвращены в Советский Союз»⁵⁰.

Тем не менее, сомнения относительно достоверности официальной советской статистики и тогда, в 1970—1980-е годы, имели место. Сотрудники Института истории СССР АН СССР В.Е. Полетаев, Ю.К. Стрижков и В.Б. Тельпуховский неоднократно высказывали подозрения, что официальные советские данные являются существенно преувеличенными. Ход их рассуждений сводился к тому, что, по видимому, в западных регионах СССР были выявлены большие массы советских граждан, не являвшихся местными жителями, и их всех включили в общее число «репатриантов». Теперь же документально доказано, что они в своих подозрениях были совершенно правы.

К 1 августа 1946 г. по месту жительства было направлено 3 322 053 человек из числа репатриантов и внутренних перемещенных лиц. Среди них было 3 024 229 гражданских (2 192 594 репатрианта и 831 635 внутренних перемещенных лиц) и 297 824 военнопленных (соответственно 297 508 и 316). На 3 289 672 человек имелись сведения о распределении их по союзным республикам (см. таблицу 4). Разница между общим числом направленных к месту жительства к 1 августа 1946 г. и тем количеством, на которое имелись сведения о распределении по союзным республикам, составляет 32 381 человек (3 322 053 — 3 289 672). По-видимому, эта цифра адекватна числу умерших в период нахождения этих людей в лагерях, СПП, ПФП и других сборных и проверочных пунктах.

Среди возвращавшихся к местам своего прежнего жительства было довольно много киевлян. Однако в постановлении СНК СССР от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» говорилось о запрете направления репатриантов в Москву, Ленинград и Киев⁵¹. Этот же запрет фигурировал и в приведенной выше директиве начальника тыла Красной Армии и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 18 января 1945 г. Несколько позднее проблема с репатриантами-киевлянами была существенно сглажена. По распоряжению СНК СССР от 7 июля 1945 г. разрешалось направлять в Киев репатриированных юношей и девушек при условии, если их родители проживают в Киеве⁵².

Таблица 4

**Распределение по союзным республикам направленных
к месту жительства репатриантов и внутренних перемещенных лиц
(по состоянию на 1 августа 1946 г.)**

Союзные республики	Всего, человек	В том числе:		
		мужчины	женщины	дети
Россия	1 578 570	439 471	688 690	450 409
Украина	1 145 484	408 641	607 015	129 828
Белоруссия	332 301	110 367	153 280	68 654
Литва	48 780	16 900	19 556	12 324
Латвия	54 621	19 775	24 133	10 713
Эстония	14 321	5 336	6 500	2 485
Молдавия	45 945	24 329	14 682	6 934
Грузия	4 679	4 545	107	27
Армения	2 045	2 008	30	7
Азербайджан	4 204	4 119	75	10
Казахстан	43 501	5 969	17 218	20 314
Узбекистан	4 780	4 374	344	62
Таджикистан	8 455	1 306	3 329	3 820
Киргизия	901	680	197	24
Туркмения	723	717	4	2
Карело-Финская ССР	362	194	105	63
ИТОГО	3 289 672	1 048 731	1 535 265	705 676

Источник: ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 3. — Д. 54. — Л. 174—176.

Прибывших к месту жительства репатриантов местные органы внутренних дел и госбезопасности обязаны были проверить на основании приказа НКВД—НКГБ СССР от 16 июня 1945 г. «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвращающихся на родину репатриированных советских граждан». По состоянию на 1 сентября 1947 г., проверка считалась завершённой в отношении 1 981 411 человек (в это число входили более 1924 тыс. репатриантов и около 57 тыс. внутренних перемещенных лиц). На 1 627 590 человек из числа проверенных не было выявлено никаких компрометирующих материалов (82,1%), 21 617 арестовано (1,1%), 202 805 взято в агентурную разработку (10,2%) и еще 129 399 человек (6,6%) значились как «выбывшие по другим причинам». На указанную дату для того, чтобы считать, что приказ от 16 июня 1945 г. полностью выполнен, требовалось завершить проверку в отношении еще 56 761 репатрианта. Таким образом, в списки проверяемых на основании указанного приказа, по состоянию на 1 сентября 1947 г. вошли 2 038 172 человека⁵³. Такое количество было на порядок ниже общего

числа репатриантов и внутренних перемещенных лиц, направленных к месту жительства. Это объяснялось главным образом тем, что, во-первых, проверялись в основном только взрослые и, во-вторых, местные органы МВД—МГБ не считали репатриантами (за исключением «репатриированных из Прибалтики») граждан, которых мы условно называем внутренними перемещенными лицами, и не вносили их в списки на проверку на основании приказа от 16 июня 1945 г.

Из таблицы 3 видно, что к 1 марта 1946 г. к месту жительства было направлено свыше 80% от общего числа гражданских репатриантов и только 18,3% репатриированных военнопленных. Это нельзя расценивать как дискриминацию военнопленных. Деление на гражданских и военнопленных в ходе проверки и фильтрации и при решении судьбы того или иного репатрианта не имело принципиального значения и относилось к категории второстепенных факторов. Главными критериями были поведение в плену и за границей, а также возраст, пол и другие социальные характеристики. В составе гражданских было огромное количество лиц пожилого возраста, женщин, детей, а также мужчин непризывных возрастов, которые не могли быть призваны в армию или зачислены в рабочие батальоны и, естественно, направлялись к месту жительства. Среди же военнопленных совсем не было детей, очень мало женщин, равно как и стариков. Преобладали мужчины призывных возрастов, подлежащие восстановлению на военной службе или зачислению в рабочие батальоны. За счет этого и образовалась диспропорция между гражданскими и военнопленными, направленными к месту жительства. После победы над Германией из Красной Армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и вслед за ними отпущены по домам их ровесники из числа военнопленных. Причем на них полностью распространялись льготы, предусмотренные статьями 3—10 Закона от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии»⁵⁴.

В течение 1944—1948 гг. правительством СССР было принято 67 постановлений, которыми обеспечивались права репатриантов как граждан СССР, из них 14 — о льготах и материальном обеспечении. К числу основных постановлений СНК (Совмина) СССР такого рода можно отнести следующие: «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» (6 января 1945 г.); «О разрешении въезда на территорию Украинской и Белорусской ССР в упрощенном порядке всем гражданам украинцам и белорусам, признавшим себя гражданами СССР» (14 июня 1946 г.); «О порядке назначения и выплаты пенсий военнослужащим, получившим инвалидность во время пребывания на службе в Красной Армии, на

фронте и в плену» (9 июля 1946 г.); «О порядке назначения и выплаты государственных пособий многодетным и одиноким матерям, репатрированным в СССР» (19 сентября 1946 г.) и др. Важное значение имело постановление Президиума Верховного Совета СССР от 1 декабря 1945 г. «О внесении в списки избирателей репатрированных граждан СССР».

В деле защиты прав репатриантов весьма заметна была роль прокурорского надзора. Был спущен на места ряд директив Генеральной прокуратуры СССР, важнейшими из которых являлись следующие: «О возврате домов, принадлежавших репатриантам, возвратившимся на Родину, которые за их отсутствие были переданы в жилфонд городов и поселков» от 21 декабря 1945 г. и «Об охране прав репатрируемых советских граждан» от 24 мая 1948 г.⁵⁵

Репатриантам было объявлено, что они сохраняют все права граждан СССР, включая избирательное право, трудовое законодательство, социальное страхование. Однако по возвращении домой репатрианты часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Например, в Москве выезд по повестке биржи труда на работу в Германию в качестве «восточного рабочего» склонны были интерпретировать как насильственный угон, а местные власти часто трактовали это как граничащий с предательством добровольный выезд во вражескую страну и не стеснялись демонстрировать перед репатриантами свое подозрительное, презрительное и враждебное к ним отношение. От репатриантов пошел поток писем в различные инстанции с соответствующими жалобами.

4 августа 1945 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации политико-просветительной работы с репатрированными советскими гражданами», в котором указывалось: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатрируемым советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни»⁵⁶. Это смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но отнюдь ее не устранило. Высшее руководство, в отличие от местного, действовало более корректно, но тоже не питало доверия к репатриантам. В повседневной жизни они продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения. Военнопленные не считались участниками войны, за исключением тех, кто после освобождения из пле-

на, будучи мобилизованным в Красную Армию, на заключительном этапе войны участвовал в боевых действиях на фронте.

Недоверчивое отношение к репатриантам проистекало из факта их бесконтрольного пребывания в «иностранщине». Миллионы советских военнослужащих — участников похода 1944—1945 гг. в Европу тоже побывали в «иностранщине», но к ним отношение было принципиально иное по причине того, что они воевали за пределами СССР под постоянным и бдительным контролем существовавших при войсках политических и контрразведывательных органов. В ходе репатриации командование партизанских формирований, состоявших из беглых военнопленных и восточных рабочих и действовавших во Франции, Италии, Югославии, Бельгии и других странах, обращалось с просьбами сохранить их в качестве самостоятельных войсковых единиц в Красной Армии, но эти просьбы не удовлетворялись. Основная причина отказа: эти партизанские формирования действовали вне контроля со стороны «компетентных советских органов».

В 1946—1952 гг. из года в год заметно росло подозрительное отношение к репатриантам со стороны политического руководства СССР. Это являлось следствием ведшейся тогда пропаганды по искоренению «низкопоклонства перед Западом» и начавшейся «холодной войны», а с 1948 г. еще и усугубилось развернутой кампанией по борьбе с космополитизмом и иностранщиной. В обществе искусственно нагнетались настроения «шпиономании». Особое недоверие вызывали репатрианты, поступившие из зон действия англо-американских войск.

В ГУЛАГе появилась новая прослойка политических заключенных под названием «падовцы» (производное от ПАД — пропаганда американской демократии). Кроме того, часть репатриантов была обвинена в шпионаже. Органы МГБ и военной контрразведки выявляли среди них лиц, действительно завербованных американскими и английскими спецслужбами, однако имели место и огульные обвинения подобного рода.

Несмотря на возрастание подозрительного отношения к репатриантам, руководство СССР все же воздержалось от крупномасштабных репрессий. Поэтому основная их масса не пострадала даже в этой неблагоприятной для них политической атмосфере. Однако в морально-психологическом плане репатрианты испытывали все больший дискомфорт; сам термин «репатрианты» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл, и их все чаще стали сторониться как прокаженных.

Отдельные группы репатриантов, к которым руководство СССР испытывало особо сильное недоверие, были репрессированы (чаще

всего в форме выселения с отправкой на спецпоселение). Так, в 1951 г. из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы были выселены вместе с семьями репатрианты — бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в СССР в 1946—1949 гг. в основном из Англии. Поляков среди репатриантов-«андерсовцев» было сравнительно немного, и подавляющее их большинство составляли украинцы и белорусы. На спецпоселение в Иркутскую область в 1951 г. поступило более 4,5 тыс. «андерсовцев» (включая членов их семей)⁵⁷. Этот контингент находился на спецпоселении до августа 1958 г.

Во время войны освобожденные из вражеского плена военнослужащие в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав, как правило, — в обычных воинских частях, а офицеры обычно лишались офицерских званий и из них формировались офицерские штурмовые (штрафные) батальоны. В послевоенное время, как отмечалось в мартовском (1946) отчете Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД (“СМЕРШ”)⁵⁸. К 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенанта, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта)⁵⁹.

Во вражеском плену находились 83 советских генерала, из них 15 были казнены гитлеровцами (Д.М. Карбышев, И.С. Никитин, В.Н. Сотенский, Г.И. Тхор, С.А. Шевчук, И.М. Шепетов и др.) и еще 10 умерли от ранений, болезней и по другим причинам. По репатриации прибыло в СССР 57 советских генералов. В ходе следствия отчетливо прослеживалась тенденция свалить на них вину за военные поражения в 1941—1942 гг., сделать своего рода «козлами отпущения». Тем не менее, не все они были репрессированы. По итогам следствия 23 человека были приговорены к смертной казни, пятеро осуждены на сроки от 10 до 25 лет, двое умерли в тюрьме до суда и 27 репатриированных генералов продолжили службу в армии. Однако командовать войсками им уже не доверяли — их использовали, как правило, на преподавательской работе в учебных военных заведениях. Впоследствии большинство репрессированных генералов было реабилитировано. Восемь генералов (Власов, Жиленков, Малышкин и др.) остаются нереабилитированными⁶⁰.

Большинство офицеров-репатриантов после соответствующей проверки были либо восстановлены на военной службе, либо уволены в запас. Офицеры, служившие в немецкой армии, армии Власова и прочих изменнических формированиях, осуждались по 58-й статье за измену Родине. Статья 193 (воинские преступления) не применялась ни к ним, ни к самому генералу Власову (он был приговорен к смертной казни по совокупности политических преступлений по пунктам 1, 8, 9, 10 и 11 статьи 58). Надо отметить, что в ходе проверки применительно к офицерам-репатриантам, на которых не было выявлено серьезного компрометирующего материала, органы госбезопасности и контрразведки, выдерживая принцип неприменения статьи 193, в то же время старались применить к ним статью 58, предъявляя обвинения в шпионаже, антисоветских заговорах и т.п. В 1946—1952 г. была репрессирована и часть тех офицеров, которые в 1945 г. были восстановлены на службе или уволены в запас. Не оставили в покое и офицеров, которым посчастливилось избежать репрессий, и вплоть до 1953 г. они обязаны были регулярно являться на регистрацию в местные органы МГБ.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в немецкой армии или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку — демобилизуемые и недеобилизуемые возраста. В 1945 г. после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которых распространялся приказ о демобилизации, вслед за ними, как уже отмечалось, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недеобилизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»⁶¹ из них были сформированы рабочие батальоны НКО. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недеобилизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 г. уже находился в призывном возрасте; те же, кто в 1941 г. находился в допризывном возрасте, а теперь достиг его, призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка по месту жительства зачисленных в рабочие батальоны НКО ставилась в зависимость от будущей демобилизации из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов.

Хотя рабочие батальоны предназначались только для репатриированных военнопленных и военнообязанных рядового и сержантского состава, фактически же туда было зачислено около 6 тыс. офицеров⁶². В отличие от офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение, эти офицеры не были лишены офицерских званий, а члены их семей — государственных пособий. Это объяснялось тем, что офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, однозначно считались предателями, а на офицеров, зачисленных в рабочие батальоны НКО, такой ярлык не был навешан. Впрочем, последние в рабочих батальонах пробыли недолго. Согласно директиве Главупраформа Красной Армии № 1/737084с от 26 января 1946 г. репатриированные офицеры, зачисленные в рабочие батальоны НКО и переданные в постоянные кадры промышленности, освобождались от работ и направлялись в распоряжение отделов кадров соответствующих военных округов⁶³. Из того, что нам известно о их дальнейшей судьбе, можно заключить, что меньшая их часть была восстановлена на военной службе, а большая часть — уволена в запас (в обоих случаях — с сохранением офицерских званий).

Обозначение «НКО» следует понимать так, что рабочие батальоны входили в систему данного наркомата только в период их формирования, а в дальнейшем направлялись на предприятия и стройки различных других наркоматов (в марте 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства) и ведомств и подчинялись последним. По данным на 6 февраля 1946 г., из 578 616 репатриантов, зачисленных в рабочие батальоны, в Наркомат угольной промышленности было передано 256 300 человек, черную металлургию — 102 706, лесную промышленность — 25 500, нефтяную — 27 800, химическую — 15 440, в различные строительные организации — 37 750, на стройки и предприятия в системе НКВД — 3500, в Наркомат электростанций — 10 тыс., Наркомат путей сообщения — 11 тыс., промышленность стройматериалов — 9070, судостроительную промышленность — 2800, резиновую — 2850, бумажную — 5450, рыбную — 8 тыс., слюдяную — 2200, цветную металлургию — 7 тыс., на заготовку дров для Москвы — 10 тыс., в систему «Главсталинградвосстановление» — 12 тыс. и в распоряжение других наркоматов и ведомств — 29 250 человек⁶⁴.

География их размещения (данные на 618 305 человек, прошедших через рабочие батальоны до 1 ноября 1946 г.) выглядела так: Украинская ССР — 185 337, Московская область — 54 619, Челябинская — 44 820, Свердловская — 32 738, «Дальстрой» — 31 580, Кемеровская область — 29 047, Молотовская область (Пермская) область — 28 260, Ростовская область — 23 128, Сталинградская область — 20 374, Тульская область — 12 605, Приморский край —

11 634, Иркутская область — 10 826, Хабаровский край — 9588, Азербайджанская ССР — 9481, Ленинградская область — 9291, Башкирская АССР — 9220, Краснодарский край — 9128, Казахская ССР — 9117, Горьковская область — 6336, другие регионы — 71 176 человек⁶⁵. Таким образом, эта география была весьма широкой, и поэтому нельзя согласиться с бытующим в литературе утверждением, что рабочие батальоны НКВД направлялись якобы только в «отдаленные районы страны»⁶⁶.

В 1946 г. произошла довольно быстрая трансформация этой категории репатриантов из весьма неясного «арбайтбатальонного» состояния в обычных гражданских рабочих и служащих. По директиве Генерального штаба вооруженных сил СССР от 12 июля 1946 г. рабочие батальоны были расформированы⁶⁷, и к этой категории репатриантов стал применяться термин «переведенные в постоянные кадры промышленности». По постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. «Об упорядочении использования в промышленности, на строительстве и транспорте репатриантов — бывших военнопленных и военнообязанных и распространении на них льгот, предусмотренных для демобилизованных» на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий и строек⁶⁸. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть определенное государством место работы (не установленное место жительства, как у спецпереселенцев, а именно *место работы*). За самовольный уход с работы им грозило заключение в ГУЛАГ на срок от 5 до 8 лет (в мае 1948 г. эта мера наказания была снижена — от 2 до 4 месяцев).

В 1946—1948 гг. из Красной (Советской) Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов, и соответственно их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, пытались получить разрешение вернуться в места, где они жили до войны. И тут-то выяснилось, что с мечтами об освобождении от работ по достижении демобилизуемого возраста следует распрощаться. Политика в отношении этих людей была совсем иная, а именно: оставить их на постоянном жительстве в тех местах, куда они прибыли в свое время в составе рабочих батальонов. Для этого их склоняли к заключению долгосрочных трудовых договоров, агитировали перевозить свои семьи к себе. Часть репатриантов — бывших «арбайтбатальонников» именно так и поступила, но большинство такое положение никак не устраивало. Широкий размах приняли самовольные уходы (побеги) с предприятий и строек. Беглецы, число которых исчислялось многими десятками тысяч, рисковали тем, что их могли привлечь к

уголовной ответственности за самовольный уход с установленного места работы, но практически риск был не так уж велик, поскольку их не объявляли во всесоюзный розыск, а местный розыск результатов обычно не давал. В распространенный способ освобождения от этих работ вылилось невозвращение из отпусков (поскольку репатриантам — бывшим «арбайтбатальонникам» было объявлено, что они обладают всеми правами советских рабочих и служащих, то, следовательно, они имели право на ежегодный отпуск). Легальным образом возвратиться на свою родину можно было в основном только прибалтам и закавказцам. По решениям Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г., 2 октября 1946 г. и 12 июня 1947 г. на свою родину были возвращены зачисленные в рабочие батальоны репатрианты всех возрастов (кроме немцев, турок-месхетинцев, курдов и некоторых других), являвшиеся жителями Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и Азербайджана⁶⁹.

Уже к началу 1948 г. количество репатриантов, числившихся в постоянных кадрах промышленности, сократилось более чем в два раза. В письме заместителя председателя Госплана СССР Г. Косяченко от 9 марта 1948 г. на имя К.Е. Ворошилова отмечалось:

«В настоящее время, по данным министерств, работает на предприятиях и стройках из числа репатриантов в угольной промышленности западных районов около 47 тыс. человек, угольной промышленности восточных районов 69 тыс. человек, черной металлургии 47 тыс. человек, лесной промышленности 12 тыс. человек и в других министерствах в небольших количествах. Госплан СССР считает, что вопрос об освобождении от работы рабочих и служащих из числа репатриированных военнопленных и военнообязанных, переданных для постоянной работы в промышленность и строительство, должен решаться в каждом отдельном случае руководителями предприятий и строек в соответствии с законодательством о труде. Поэтому принимать решение Правительства об освобождении от работы всех бывших репатриантов нет необходимости, тем более, что многие из них заключили трудовые договоры на постоянную работу»⁷⁰.

В литературе прослеживается тенденция расценивать рабочие батальоны НКО как якобы форму репрессии. На самом же деле лица, зачисленные в эти батальоны, вместе с направленными к месту жительства и призванными в Красную Армию составляли одну большую *нерепрессированную* категорию репатриантов. Рабочие батальоны — одна из форм оргнабора рабочей силы, явления в 1940-х годах в СССР обычного и заурядного. Через различные формы оргнабора рабочей силы в эти годы прошли многие миллионы советских людей, а не одни только репатрианты. Причем люди в массе своей

совершенно справедливо воспринимали эти многочисленные мобилизации как суровую необходимость, вызванную обстоятельствами военного и послевоенного времени, а отнюдь не как наказание или репрессии. Задача же сведения части репатриантов в рабочие батальоны и отправки их в организованном порядке на предприятия и стройки состояла не в том, чтобы их якобы наказать, а в том, чтобы удовлетворить запросы промышленных наркоматов, испытывавших острейший дефицит рабочей силы. Поэтому следует признать предвзятым и не соответствующим истине фактическое приравнивание этих лиц к категории репрессированных граждан, данное в оценках двух комиссий — в 1956 г. Комиссией во главе с Г.К. Жуковым, которой Президиум ЦК КПСС поручил разобраться с положением вернувшихся из плена бывших советских военнослужащих, а затем, в 1990-х годах, возглавляемой А.Н. Яковлевым Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий⁷¹.

Репрессированными можно считать тех, кто, после зачисления в рабочие батальоны, впоследствии был арестован. По данным на 20 января 1947 г., органами контрразведки, госбезопасности и внутренних дел был «изъят» 18 761 репатриант из числа ранее прошедших через рабочие батальоны, из них 14 284 направлены в ПФЛ и на 6-летнее спецпоселение и 4477 арестованы⁷². Указанное «изъятие» происходило по мере выявления в рабочих батальонах замаскировавшихся власовцев и им подобных.

Обе указанные комиссии — Г.К. Жукова и А.Н. Яковлева — чрезвычайно исказили и запутали вопрос о численности и составе репатриантов в рабочих батальонах НКО. В действительности до начала 1947 г., т.е. до того момента, когда рабочие батальоны были расформированы и прекратили свое существование, через них прошли около 660 тыс. репатриантов, в том числе примерно 370 тыс. военнопленных и 290 тыс. гражданских лиц (военнообязанных). Однако Комиссия Г.К. Жукова представила дело так, что эти 660 тыс. человек якобы были только бывшими военнопленными, а в такой интерпретации это не просто искажение. Это — фальсификация! Много лет спустя Комиссия А.Н. Яковлева пошла по пути дальнейшего фальсифицирования. Уцепившись за то, что в данных Комиссии Г.К. Жукова говорится только о зачисленных в рабочие батальоны НКО бывших военнопленных, а «число военнообязанных из гражданских репатриантов не указывалось» (на самом деле, как уже отмечено, последние входили в приведенные выше 660 тыс. человек), Комиссия А.Н. Яковлева пустилась в умозрительные подсчеты и, продемонстрировав вопиющую некомпетентность в этом вопросе, совершенно бездоказательно сделала вывод, что всего за 1945—

1953 г. через рабочие батальоны «прошло не менее 1,5 млн советских репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных»⁷³. Эти «статистические открытия» поражают своей нелепостью и абсурдностью: спрашивается, откуда в 1947—1953 гг. могли взять для зачисления в рабочие батальоны еще 840 тыс. новых репатриантов (вдобавок к 660 тыс. зачисленным в 1945—1946 гг.), если в этот период (1947—1953) в СССР было репатрировано лишь около 60 тыс. советских граждан, из них большинство направлено к месту жительства? И каким образом в 1947—1953 гг. людей можно было зачислять в рабочие батальоны, если они к началу 1947 г. были ликвидированы и, следовательно, в этот период не существовали?

Указанным постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. был узаконен перевод на спецпоселение сроком на 6 лет лиц, служивших в армиях противника, изменнических формированиях, полиции и т.п. Это касалось основной массы спецконтингента, содержавшегося в ПФЛ и ИТЛ. Такое решение было для этих людей подлинным спасением, так как согласно статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону врага в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Статья 193 к ним не применялась, и этот коллаборационистский контингент направлялся на 6-летнее спецпоселение без привлечения к уголовной ответственности. Под постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. стоит подпись И.В. Сталина⁷⁴. Следовательно, это было его личное обдуманное решение именно так распорядиться судьбой рядовой «власовской» массы.

Коллаборационистский контингент, направлявшийся на 6-летнее спецпоселение, по учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР условно и коротко назывался — «власовцы». Динамика их направления на поселение выглядела следующим образом: 1945 г. — 4985, 1946 г. — 132 479, 1947 г. — 30 751, 1948 г. — 4575, 1949 г. — 3705, 1950 г. — 2078, январь — июнь 1951 г. — 316 человек, и всего с 1945 г. по 1 июля 1951 г. получается 177 573 человека⁷⁵. Уже на спецпоселении выяснилось, что в этот контингент были включены тысячи людей, которые, строго говоря, не находились на военной или полицейской службе у противника, а именно: лица, работавшие в немецких воинских частях конюхами, истопниками, плотниками и т. п., рядовые участники созданных немцами различных трудовых формирований и др. Причем в директиве МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. «О порядке оформления материалов и направления для расселения на положении спецпереселенцев лиц, служивших в немецкой армии, “власовцев”, легионеров и полицейских» прямо запрещалось направлять этих людей на 6-летнее спецпоселение, и они

подлежали освобождению⁷⁶. До 1 июля 1948 г. из спецпоселения были освобождены 8943 человека как ошибочно причисленные к власовцам и лицам, служившим в немецких строевых формированиях⁷⁷.

В составе спецпоселенцев «власовцев» имела и прослойка офицеров. По нашим оценкам, их было примерно 7—8 тыс., что составляло около 7% офицеров, выявленных среди репатриированных военнопленных. Встает вопрос: если офицеры «власовцы» осуждались по 58-й статье как изменники Родине и отбывали наказание в лагерях и тюрьмах, то как могла образоваться офицерская прослойка в составе лиц, определенных на 6-летнее спецпоселение? Здесь имела место одна тонкость, связанная с разными критериями вынесения решения о предании суду или же о направлении на 6-летнее спецпоселение солдат и офицеров. В специальной инструкции, имевшейся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, относительно солдат, подпадавших для перевода на 6-летнее спецпоселение, было записано следующее: «Лица, служившие в немецкой армии, в специальных немецких строевых формированиях (исключая трудовые), “власовцы”, полицейские и легионеры»⁷⁸. Относительно же офицеров, которых можно было не отдавать под суд по 58-й статье, а ограничиться переводом на 6-летнее спецпоселение, в той же инструкции было сказано: «Служившие в немецких строевых формированиях»⁷⁹. Причем оговорка «исключая трудовые» была снята. Считалось, что эти офицеры добровольно работали в трудовых формированиях за дополнительное питание, сигареты и т.п. (у немцев действительно имел место принцип добровольности участия пленных офицеров на работах, который, правда, соблюдался не всегда), чего нельзя было инкриминировать солдатам, которых, не спрашивая их, немцы в принудительном порядке под конвоем гоняли на всякие работы. По специальному постановлению СНК СССР № 2678-735с от 22 октября 1945 г. эти офицеры были лишены офицерских званий⁸⁰, а по приказу НКО СССР № 1046 от 5 февраля 1946 г. направлялись на 6-летнее спецпоселение в Коми АССР⁸¹.

На спецпоселении численность контингента «власовцы» постоянно снижалась. Часть их уже на спецпоселении была арестована и переведена в лагерь, колонии и тюрьмы. Весьма высоким у них был уровень смертности — за 1946—1952 гг. умерло почти 9 тыс. человек⁸². Тысячи людей были освобождены или бежали. 1 января 1949 г. на учете спецпоселений состояли 135 319 «власовцев», из них в системе «Дальстроя» (Магадан) — 28 366, в Кемеровской области — 19 693, Молотовской области — 15 355, Коми АССР — 8219, Иркутской области — 8064, Красноярском крае — 6233, Карело-Финской ССР — 5925, Таджикской ССР — 5772, Якутской АССР — 4048, Приморском

крае — 3676, Амурской области — 3185, Киргизской ССР — 2974, Хабаровском крае — 2692, Читинской области — 2369, Башкирской АССР — 2263, Бурят-Монгольской АССР — 2142, Мурманской области — 1793 и в других регионах — 12 550 человек⁸³.

В марте 1949 г. национальный состав 112 882 находившихся в наличии спецпоселенцев «власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские — 54 256, украинцы — 20 899, белорусы — 5432, грузины — 3705, армяне — 3678, узбеки — 3457, азербайджанцы — 2932, казахи — 2903, немцы — 2836, татары — 2470, чувашаи — 807, кабардинцы — 640, молдаване — 637, мордва — 635, осетины — 595, таджики — 545, киргизы — 466, башкиры — 449, туркмены — 389, поляки — 381, калмыки — 335, адыгейцы — 201, черкесы — 192, лезгины — 177, евреи — 171, караимы — 170, удмурты — 157, латыши — 150, марийцы — 137, каракалпаки — 123, аварцы — 109, кумыки — 103, греки — 102, болгары — 99, эстонцы — 87, румыны — 62, ногайцы — 59, абхазцы — 58, коми — 49, даргинцы — 48, финны — 46, литовцы — 41 и другие — 2095 человек⁸⁴.

В приведенном национальном составе бросается в глаза одна странность — крайне незначительное количество латышей, эстонцев и литовцев (менее 300 человек), а их, по идее, должны были бы быть десятки тысяч. Но ничего странного в этом нет, так как с прибалтами случилась особая история. По постановлению Совмина СССР от 13 апреля 1946 г. «О возвращении на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев» лица этих национальностей — постоянные жители прибалтийских республик, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, освобождались от перевода на 6-летнее спецпоселение и из ПФЛ и ИТЛ подлежали направлению в Прибалтику⁸⁵. По состоянию на 10 мая 1946 г., в составе спецконтингента, содержавшегося в ПФЛ и ИТЛ, насчитывалось 38 512 прибалтов (в ПФЛ — 20 106, в ИТЛ — 18 406), из них 29 705 латышей, 4815 литовцев и 3992 эстонца. Лиц непризывных возрастов, подлежавших направлению к месту жительства их семей, было 24 659, а лиц призывных возрастов, подлежавших направлению на стройки и в промышленность прибалтийских республик, — 13 853⁸⁶. В общей сложности к 20 января 1947 г. в Прибалтику из ПФЛ, ИТЛ, спецпоселения и рабочих батальонов было возвращено 40 416 латышей, литовцев и эстонцев⁸⁷.

К концу 1952 г. большинство спецпоселенцев «власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. С них брались расписки о том, что им нельзя проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, запретных зонах, пограничной полосе и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстон-

ской, Молдавской ССР, западных областях Украинской и Белорусской ССР⁸⁸. Лица немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымско-татарской национальностей, выявленные среди «власовцев», были переведены на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953—1955 гг. они освобождались из спецпоселения по мере завершения того или иного строительства. Окончательно этот контингент спецпоселенцев перестал существовать осенью 1955 г., когда еще оставшиеся на спецпоселении «власовцы» были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

По нашему мнению, к середине 1950-х годов в основном завершился непростой и противоречивый процесс реинтеграции репатрированных перемещенных лиц в советское общество.

¹ Земсков, В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944—1951 годы // История СССР. — 1990. — № 4; *Его же*. Рождение «второй эмиграции», 1944—1952 // Социологические исследования. — 1991. — № 4; *Его же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.) // Там же. — 1995. — № 5—6; *Его же*. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941—1945. — М., 2004. — Кн. 2; Шевяков, А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. — 1993. — № 8; *Его же*. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. — М., 1994; Полян, П.М. Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М., 1996; Арзамаскин, Ю.Н. Заложники второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944—1953 гг. — М., 2001; и др.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 3, 223.

³ Там же. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 2—3.

⁴ Там же. — Д. 16. — Л. 12—13.

⁵ Там же. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 17.

⁶ Там же. — Л. 16—17.

⁷ Там же. — Оп. 1. — Д. 241. — Л. 171.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 296. — Л. 237—239.

⁹ ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 2. — Л. 118.

¹⁰ Там же. — Д. 1. — Л. 22—23; Ф. 5446. — Оп. 46а. — Д. 51. — Л. 11—20.

¹¹ Правда. — 1944. — 11 нояб.

¹² ГАРФ. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 11.

¹³ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 55—56.

- ¹⁴ Там же. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 127—130.
- ¹⁵ Там же. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 10—11; Д. 22. — Л. 5.
- ¹⁶ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 31—34.
- ¹⁷ *Геллер, М., Некрич, А.* Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. — 2-е изд., испр. и доп. — London, 1986. — С. 498.
- ¹⁸ ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 10—11.
- ¹⁹ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 46.
- ²⁰ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 2. — Л. 19—22. Полный текст соглашения с Францией опубликован в кн.: *Полян, П.М.* Жертвы двух диктатур. — С. 377—379.
- ²¹ ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 1а. — Д. 191. — Л. 125—126; Оп. 2. — Д. 96. — Л. 169.
- ²² Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 229—230; Д. 7. — Л. 135—139.
- ²³ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 51.
- ²⁴ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 38.
- ²⁵ Там же. — Оп. 4а. — Д. 2. — Л. 23—24.
- ²⁶ Там же. — Д. 1. — Л. 22.
- ²⁷ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 23.
- ²⁸ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 63—64.
- ²⁹ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 31.
- ³⁰ Там же. — Д. 15. — Л. 6—8.
- ³¹ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 2. — Л. 121; РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 418.
- ³² ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 28—29.
- ³³ Там же. — Д. 2. — Л. 48, 123—124.
- ³⁴ Там же. — Д. 1. — Л. 111—112.
- ³⁵ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 21.
- ³⁶ Там же. — Л. 22.
- ³⁷ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 1. — Д. 239. — Л. 185.
- ³⁸ Там же. — Ф. 9401. — Оп. 1. — Д. 2828. — Л. 98.
- ³⁹ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 3. — Д. 53. — Л. 175, 270—271; Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 62, 223, 226.
- ⁴⁰ Там же. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 18.
- ⁴¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 53. — Л. 270—271.
- ⁴² Там же. — Д. 54. — Л. 42.
- ⁴³ Там же. — Ф. 5446. — Оп. 86а. — Д. 12345. — Л. 77.
- ⁴⁴ Там же. — Л. 81—82; Ф. 9526. — Оп. 4. — Д. 33. — Л. 120.
- ⁴⁵ *Полян, П.М.* Жертвы двух диктатур. — С. 68.
- ⁴⁶ ГАРФ. — Ф. 5446. — Оп. 86а. — Д. 12345. — Л. 82.
- ⁴⁷ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 7. — Л. 5—6.
- ⁴⁸ Правда. — 1945. — 4 окт.
- ⁴⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — М., 1965. — Т. 6. — С. 107.
- ⁵⁰ *Геллер, М., Некрич, А.* Утопия у власти. — С. 499.
- ⁵¹ ГАРФ. — Ф. 5446. — Оп. 47а. — Д. 23. — Л. 11—12.
- ⁵² Там же. — Д. 10. — Л. 55.
- ⁵³ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 89—90; Ф. 9478. — Оп. 1. — Д. 667. — Л. 215, 251, 254.
- ⁵⁴ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 7. — Д. 44. — Л. 251.
- ⁵⁵ Там же. — Л. 251—252.
- ⁵⁶ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). — М., 1947. — С. 486, 487.
- ⁵⁷ ГАРФ. — Ф. 9479. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 315.
- ⁵⁸ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4а. — Д. 1. — Л. 106.

- ⁵⁹ Там же. — Л. 226—228.
- ⁶⁰ Там же. — Оп. 1. — Д. 241. — Л. 7; Население России в XX веке: ист. очерки. — М., 2001. — Т. 2. — С. 159; Война и общество, 1941—1945. — М., 2004. — Кн. 2. — С. 259.
- ⁶¹ РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 457. — Л. 194—198.
- ⁶² ГАРФ. — Ф. 5446. — Оп. 48а. — Д. 13. — Л. 20.
- ⁶³ Там же. — Ф. 9526. — Оп. 4. — Д. 62. — Л. 225.
- ⁶⁴ Там же. — Ф. 5446. — Оп. 48а. — Д. 13. — Л. 31—34.
- ⁶⁵ Там же. — Ф. 9478. — Оп. 1. — Д. 667. — Л. 208—209.
- ⁶⁶ См., напр.: *Семиряга, М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. — 1995. — № 4. — С. 32.
- ⁶⁷ ГАРФ. — Ф. 9526. — Оп. 7. — Д. 44. — Л. 251.
- ⁶⁸ Там же. — Ф. 5446. — Оп. 50а. — Д. 6723. — Л. 34.
- ⁶⁹ Там же. — Оп. 49а. — Д. 62. — Л. 7.
- ⁷⁰ Там же. — Оп. 50а. — Д. 6723. — Л. 33.
- ⁷¹ См.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. — 1996. — № 2. — С. 108.
- ⁷² ГАРФ. — Ф. 9478. — Оп. 1. — Д. 667. — Л. 256—257.
- ⁷³ Новая и новейшая история. — 1996. — № 2. — С. 108.
- ⁷⁴ РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 457. — Л. 198.
- ⁷⁵ *Дугин, А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: документы и факты. — М., 1999. — С. 96.
- ⁷⁶ ГАРФ. — Ф. 9401. — Оп. 12. — Д. 207. — Б/л.
- ⁷⁷ Там же. — Ф. 9479. — Оп. 1. — Д. 573. — Л. 290.
- ⁷⁸ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 31—33.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ ГАРФ. — Ф. 5446. — Оп. 47а. — Д. 81. — Л. 3, 6.
- ⁸¹ Там же. — Ф. 9408. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 49.
- ⁸² Там же. — Ф. 9479. — Оп. 1. — Д. 436. — Л. 65—67, 106; Д. 642. — Л. 14—15.
- ⁸³ Там же. — Д. 488. — Л. 3—8.
- ⁸⁴ Там же. — Д. 489. — Л. 39, 43.
- ⁸⁵ Там же. — Ф. 7523. — Оп. 65. — Д. 65. — Л. 1—2.
- ⁸⁶ Там же. — Ф. 9414. — Оп. 1. — Д. 1248. — Л. 51.
- ⁸⁷ Там же. — Ф. 9478. — Оп. 1. — Д. 950. — Л. 130—131, 146.
- ⁸⁸ Там же. — Ф. 9479. — Оп. 1. — Д. 614. — Л. 178.

Е.Ю. Зубкова

«БЕДНЫЕ» И «ЧУЖИЕ»: НОРМЫ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С НИЩЕНСТВОМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. 1940—1960-Е ГОДЫ*

Феномен нищенства интересен не столько сам по себе, сколько как угол зрения на ряд социальных проблем и «ключ» к их пониманию. Среди этих проблем — бедность, маргинализация и депривация населения, возможности ресоциализации для аутсайдеров, границы социальной мобильности, качество социальной политики, особенности социального порядка, взаимоотношения «основного» общества и социальной периферии и т.д. Статья посвящена изучению нищенства в СССР в послевоенный период (1945—1961) — от конца войны до издания указов против «паразитов общества». Рассматриваются различные аспекты этой проблемы — мотивы нищенства, масштабы его распространения, социальный состав нищих, реакция центральной и местной властей на существование этой проблемы, государственная политика по отношению к нищим и бродягам. Ключевые слова: Россия/СССР; общество; девиации; включение/исключение; нищенство; социальная политика.

E. Yu. Zubkova

**“Poor” and “alien”: norms and practices of the begging-fight
in the Soviet Union, 1940^s — 1960^s**

The problem of begging is interesting not only in itself, but rather as a focus to several other social problems and as a key for better understanding of them. Among these are poverty, marginalization and deprivation, possibilities of re-socialization for outsiders, social mobility, quality of social politics, relationship between «normals» society and social periphery.

In the recent European historiography there is a separate field which studies practices of inclusion/exclusion of beggars — “alien” and “poor” — in a vast historical (from ancient times till nowadays) and comparative (on examples of different countries) contexts. Russia till recently was near not included in these researches, the academic study of the soviet experience of struggle against the poverty and begging still remains rather fragmentary.

The article explores begging in the post war Russia from 1945 to 1961, i.e. from the end of the war to the introduction of the law against “parasites of society”.

The different perspectives of the begging were examined — the motivation of post war begging, the quantitative dimensions of the problem, social structure of beggars community, the reactions of central and local authorities towards begging, government policies towards beggars.

Keywords: Russia/USSR; society; deviations; inclusion/exclusion; begging; social policy.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Нищенство: российский опыт преодоления социальных аномалий в европейском контексте. 1920—1960 гг.», проект № 11-01-00071а.

1. ИЗУЧЕНИЕ НИЩЕНСТВА И ПРАКТИК БОРЬБЫ С НИМ — ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

1.1. Нищенство как проблема «бедных» и «чужих»

Нищенство, как и иные разновидности социальных девиаций, не знает государственных границ: с этой проблемой сталкивались различные страны и разные политические режимы. Человек с протянутой рукой мог бы стать символом человеческой цивилизации, поскольку существует столько же, сколько она сама. Как и большинство социальных явлений, нищенство многолико, имеет разные мотивации и по-разному воспринимается социальным окружением.

Отношение к нищим менялось, однако общий тренд этих изменений в основном определился в эпоху Возрождения. Именно тогда нищенство постепенно утрачивает ореол религиозной благодати и религиозного служения, перемещается в разряд человеческих пороков, девиаций — хотя образ «блаженного» останется и в дальнейшем востребованным в нищенской среде, а сам акт подачи милостыни до сих пор в известной степени не утратил своего сакрального смысла.

Нищенство — *социальная проблема*, указывающая на наличие людей с пониженным социальным статусом, не имеющих доходов, обеспечивающих прожиточный минимум. Иначе: нищенство — это показатель бедности населения, по крайней мере, его отдельных категорий. Но также известно, что многие нищие, сделавшие этот вид деятельности своей профессией, люди далеко не бедные. Тем не менее, *образ бедного* — нуждающегося, «убогого» — неперенный спутник нищего, его опознавательный знак. *Бедность* (и ее крайняя форма — *нищета*) — смысловой код попрошайничества и одновременно мотив для тех, кто подает милостыню.

Нищенство — особый вид социальной коммуникации. Ее можно назвать *коммуникацией отчуждения*. Нищий находится в ситуации «включенного исключения»¹, он кормится за счет «основного» общества, но это общество для него — всего лишь совокупность клиентов, источник дохода, фактор внешний, чужеродный. Мир профессиональных нищих закрыт для взгляда постороннего и представляет собой социум, специфическую *субкультуру* — со своей иерархией, системой ценностей, нормами корпоративного поведения, культурой тела и даже «рабочей» одеждой. Для контрагента этой коммуникации — человека, подающего милостыню, нищий является представителем тоже другого — *чужого и чуждого* — *мира*, случайно оказавшимся на обочине мира собственного. Нищие нередко тесно связаны с криминальным миром — это усиливает эффект их отчуждения и отторжения от «основ-

ного» общества. По отношению к нему субкультура нищенства, безусловна, *маргинальна, девиантна*, а ее носители воспринимаются со смешанным чувством сострадания-солидарности и угрозы-отчуждения.

Смысловая конструкция «*бедные и чужие*» — это концептуальные рамки, в которых может быть описан феномен нищенства. И не только он. Именно так поступили участники самого масштабного инновационного проекта последних лет, осуществленного на базе университета города Трир (Германия). Проект называется «Чужие и бедные. Изменения форм включения/исключения от античности до наших дней» (авторы идеи и руководители проекта — Andreas Gestrich, Lutz Raphael, Herbert Uerlings). Первоначальная рабочая гипотеза — через двойную перспективу «чужих и бедных», через оптику отношения к ним получить объемное представление об особенностях устройства социального порядка, культурных и религиозных практиках, процессе конструирования идентичностей на европейском пространстве на протяжении нескольких столетий — нашла подтверждение в конкретных исследованиях участников проекта. Результаты этих исследований опубликованы в нескольких томах², один из них специально посвящен нищенству³.

1.2. Современный контекст и социальные вызовы

Обращение к проблематике социальных девиаций, в том числе нищенства, — это своего рода социальный заказ. Возник он не сам по себе, а в контексте более широкой, глобальной для современного мира, его социальных систем проблемы. Речь идет о *структурном конфликте в социальных системах*. Этот конфликт выражается прежде всего в том, что в современном обществе, использующем, казалось бы, мощные механизмы социальной защиты, в обществе, гораздо более сытом и благополучном, чем сто или пятьдесят лет назад, сотни тысяч, миллионы людей «выдавливаются» из «основного» социума или не принимаются им. Результат: эти «*лишние*» (*исключенные*) люди оказываются на обочине жизни.

Происходит это по разным причинам. Но в мире по-прежнему существует вынужденная бедность, бездомность, нищенство, преступность. Такова реальность.

Ситуация в России не стала исключением. Еще в 1980-е годы попрошайки на улицах Москвы (не говоря уже о метро) если и встречались, то воспринимались скорее как экзотика. Теперь — это привычная картина столичной повседневности. Число нищенствующей публики только в одной Москве доходит до 100 тыс. чел. По разным оценкам в столице обитает от 30 до 70 тыс. бродяг. Ежегодно в

Москве органами полиции задерживается до 10 тыс. безнадзорных и беспризорных детей. Десятая часть из них — за попрошайничество. Категория «беспризорник» снова вошла в современный лексикон. Все эти явления — не что иное, как социальные вызовы. И ответы на них неизбежно выводят на исторические параллели, на анализ исторического опыта решения этих проблем.

1.3. Советский проект через оптику «бедных и чужих», «включения/исключения»

Советский проект имеет несколько измерений, несколько фокусов изучения. Социальная периферия — один из них. Обращение к социальным аномалиям, безусловно, открывает новые перспективы изучения и советской повседневности, и отношений в системе *государство — индивид, общество — власть*.

С точки зрения изучения социальных девиаций и девиантных групп нищенство представляет особый интерес: это занятие характерно для *разных групп с отклоняющимся поведением* (бродяг, бездомных, алкоголиков, наркоманов и др.), а также *групп риска* (например, беспризорных детей и подростков, инвалидов).

И все-таки нищенство интересно в первую очередь не само по себе, а как предметный (даже многопредметный) фокус изучения *феномена советского, точнее советской жизни* как способа существования в определенной системе координат — социальных, политико-идеологических, культурных. Взгляд на советскую жизнь через призму отношения к «чужим и бедным» (нищим и нищенству в том числе) со стороны государства и общества позволяет сформировать *единое проблемное пространство для институтов, семантик и практик*, отражающих разные аспекты социального бытия. В их числе: уровень жизни населения, социальная стратификация, социальный порядок и социальная политика, социальная имиджинерия (сфера конструирования идентичностей, властный и общественный дискурсы) и др.

Отношение государства и общества к «чужим» и «бедным» определяется концептуальной дихотомией — *включение/исключение* (inclusion/exclusion). Включение/исключение сегодня одно из базовых понятий для гуманитарных исследований самых разных направлений — ключ к пониманию функционирования социальных систем, устройства социального порядка (Niklas Luhmann, Pierre Bourdieu, Lutz Raphael, Rudolf Stichweh, Cornelia Bohn и др.)⁴. Все известные рецепты лечения социальных болезней, все практики преодоления социально отклоняющегося поведения лежат в русле той же дихотомии: дискриминация или адаптация, изоляция или инкорпорация, принуждение или воспитание, репрессии или профилактика.

Как этот «ключ» работает применительно к советским практикам преодоления бедности и нищенства — особенно в послевоенные годы, во многих аспектах еще только предстоит выяснить.

Уже при первом взгляде на проблему «чужих и бедных» в СССР очевидно *противоречие между реальным положением дел и дискурсивными практиками*. Тезис о том, что в Советском Союзе нет нищеты, голода и безработицы, был одним из базовых концептов построения позитивного имиджа советского государства и советского строя вообще. Образ СССР как государства классовой, а потом и социальной справедливости, «народного благоденствия» подразумевал преодоление социальных аномалий — нищенства, бездомности, проституции, которые пропаганда определила в разряд *пережитков прошлого*, «родимых пятен капитализма».

Официальный дискурс нищенства в послевоенные годы развивался в двух проблемных и, как правило, не пересекающихся полях: 1) война и ее последствия (разруха, падение уровня жизни населения, ослабление механизмов социальной поддержки, массовое сиротство, вынужденная бездомность и т.д.) и 2) отклоняющееся — «антиобщественное», «паразитическое» — поведение.

Уровень бедности стал измеряться экспертами в Советском Союзе только в конце 1950-х — начале 1960-х годов, официально — с 1965 г., когда впервые был установлен прожиточный минимум⁵. Нищий долгое время был фигурой умолчания, вплоть до конца 1950-х годов его образ не оставил визуального следа в публичных источниках (газетах, журналах, кинематографе). Когда этот образ — визуальный и вербальный — наконец, появляется в публичном советском дискурсе, он несет в себе однозначно негативную коннотацию — как один из ряда персонажей, получивших стигму «тунеядец».

Поэтому обращение к проблеме нищенства — это еще и способ заглянуть в *закулисный мир* советского проекта.

2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НИЩЕНСТВА В СССР

Изучение нищенства как одной из наиболее распространенных форм социальных девиаций имеет свою традицию. В западноевропейской историографии в качестве тенденции последних лет можно отметить развитие сравнительных исследований, представляющих проблему в общеевропейском контексте (например, уже упоминавшийся международный «трирский проект»).

Россия пока с трудом вписывается в этот сравнительный контекст, хотя наметились первые позитивные шаги в данном направлении.

В 2010 г. вышла в свет книга Хубертуса Яна «Бедная Россия. Нищие и нуждающиеся в российской истории от Средневековья до наших дней» — первое монографическое исследование феномена нищенства в России, написанное с позиций современного исторического знания (исследование посвящено главным образом периоду XVIII—XIX вв.)⁶.

В одном из томов «трирского проекта» были опубликованы статьи Х. Яна и М. Кудрявцевой, посвященные положению нищих и политике по отношению к ним в Петербурге соответственно до революции и в конце XX в.⁷ Хронологический разрыв между этими публикациями длиной в советский период весьма точно отражает состояние современной историографии.

Первым опытом сравнительного исследования положения нищих и политике по отношению к ним в России и странах Европы стала книга М.Л. Бутовской, И.Ю. Дьяконова, М.А. Ванчатовой⁸, однако она написана, главным образом, на современном материале, советский период представлен в данном исследовании фрагментарно и схематично.

Несмотря на интенсивное изучение советского прошлого с позиций социальной и культурной истории, нищие как социальная категория и нищенство как социальное явление до сих пор попадали в поле интереса историков довольно редко. Подобное игнорирование проблемы представляет собой резкий контраст по сравнению не только с западноевропейской историографией, но и с российской дореволюционной традицией, когда о нищих писали много, особенно во второй половине XIX — начале XX в. (С.В. Максимов, А.И. Свирский, В.В. Крестовский, В.А. Гиляровский и др.)⁹. Первое обстоятельное исследование нищенства в дореволюционной России принадлежит А.А. Левенстиму¹⁰. В дальнейшем традиция изучения нищенства этого периода истории России оказалась прерванной, хотя нищие, бродяги и прочие пауперы эпизодически появлялись на страницах книг, посвященных городской жизни российских столиц конца XVIII — начала XX в. Только у авторов, занимающихся историей благотворительности и призрения бедных, эта тема нашла достойное внимание (А. Линденмейер, Г.Н. Ульянова)¹¹. Началом систематического исследования нищенства в России дореволюционного периода как социального и культурного феномена стали публикации И. Голосенко, Л. Кашпур, Х. Яна¹².

Советскому периоду в этом смысле повезло значительно меньше. После исследований 1920-х годов, посвященных социальным аномалиям и нищенству в том числе (прежде всего исследований А.А. Герцензона¹³), проблема эта специально не изучалась. Только в конце 1980-х она привлекла интерес историков, но рассматривалась в контексте с другими социальными девиациями 1920—1930-х годов

(публикации Г.А. Бордюгова, Н.Б. Лебиной, Ш. Фитцпатрик, Д. Ширера)¹⁴. Среди отдельных категорий населения могут быть отмечены группы риска, представители которых чаще других вынуждены были прибегать к нищенству? — престарелые люди, инвалиды, беспризорные дети. О нищенстве беспризорников и сирот в довоенный период существует несколько исследований, самое обстоятельное из них принадлежит А. Боллу¹⁵. О беспризорности и нищенстве детей в послевоенные годы писали М.Р. Зезина, К. Боекх, Р. Грин¹⁶. В книге В.Ф. Зимы распространение нищенства рассматривается как одно из следствий продовольственного кризиса и голода 1946—1947 гг.¹⁷

Одним из главных инструментов борьбы с нищенством и бродяжничеством в Советском Союзе была паспортная система, особенности функционирования которой рассматриваются в работах В.П. Попова, Н. Муан, Д. Ширера¹⁸.

В 1950-е годы нищие в числе других групп населения стали объектом нового законодательства, направленного против так называемых «паразитов общества». Еще в конце 1950-х и 1960-е годы советские законы о «паразитах» активно комментировались западными историками права¹⁹, однако их комплексный анализ стал возможен только после открытия российских архивов. Политике государства по конструированию асоциальной идентичности в контексте «антипаразитного» законодательства посвящена статья Ш. Фитцпатрик²⁰. Вопрос о том, как советский нормирующий дискурс асоциальности преломлялся в практиках отношения к маргинальным группам населения в восточноевропейских странах, в частности в ГДР, нашел отражение в работах С. Корцилиуса и Т. Линденбергера²¹.

Исторические экскурсы о нищенстве в СССР присутствуют в некоторых работах более общего характера, относящихся главным образом к современному периоду²².

В 2010 г. был опубликован объемный сборник документов, посвященный социальным маргиналам и государственной политике по отношению к ним в послевоенные годы²³. Нищие и бродяги — одни из главных персонажей этого издания, подготовленного исключительно на архивных документах.

3. О ПОНЯТИЯХ И МАРКЕРАХ: «СОЦАНОМАЛИКИ», «АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ», «ПАРАЗИТЫ», «ТУНЕЯДЦЫ»

Нищие относятся к той *sprede*, для обозначения которой существует несколько понятий — *underclass*, *негативная среда* (*das negative Milieu*), *асоциальные элементы* («Asoziale», «Assi»), *пограничные, окра-*

инные группы (*Randgruppen*), социальное «дно»²⁴. Однако ни одно из них не отражает в полной мере адекватно суть предмета и является достаточно условным: не случайно эксперты отмечают их содержательную расплывчатость или выражают сомнение в корректности употребления некоторых понятий²⁵. Обозначение представителей этих групп как «маргиналов» лексически было бы вполне оправданным (от латинского *margo* — край, граница, предел), однако само понятие маргинальности является настолько нечетким и эластичным, что требует каждый раз уточнения предмета²⁶.

Наиболее удачным, хотя и не нашедшим широкого распространения в русскоязычной литературе, представляется понятие «пограничные, окраинные группы» (аналог в немецком языке — *Randgruppen*). Оно отражает как положение представителей этих групп по отношению к «основному» социуму, так и уязвимость их социального статуса. Кроме того, понятие «окраинных групп» может включать в себя и так называемые «группы риска», т.е. социальные категории, которые не относятся к классическим обитателям социального «дна», но вследствие своего материального и общественного положения, иногда культурной традиции находятся под угрозой быть исключенными из «основного» социума. В советских реалиях послевоенных лет в таком положении нередко оказывались инвалиды, беспризорные и безнадзорные дети, люди с судимостью (бывшие осужденные), репатриированные, побывавшие в плену или на оккупированной территории, кочующие цыгане. Конечно, это не означает, что все представители упомянутых категорий принадлежали к «группе риска».

Терминологические проблемы, между тем, имеют не только языковую природу, но и исторические мотивации. Обычно в социологии под окраинными группами понимают тех, кто дистанцирован от так называемого «ядра» — «основного» общества (*Kerngesellschaft*)²⁷. Однако в той системе социальных отношений, которая сложилась в Советском Союзе, порой весьма непросто отделить ядро общества от его пограничных слоев. Советское общество представляло собой довольно неустойчивую, подвижную структуру — *зыбучее общество, quicksand society* (Moshe Lewin). Такое социальное состояние отчасти было связано с объективными процессами — например, с незавершенностью процесса модернизации. Но не в последнюю очередь социальная нестабильность была следствием целенаправленной государственной политики, когда неуверенность граждан в завтрашнем дне, в своем социальном статусе рассматривалась властью как залог их политической лояльности, а значит, и политической стабильности в стране.

Для советского нормотворчества было характерно размывание границ антиобщественных деяний, расширение сферы отклоняю-

щегося поведения. Эту практику, правда, в более широком социальном контексте, Шейла Фицпатрик назвала «приписыванием» (*ascribing*), конструированием идентичности²⁸. В нашем случае речь идет о принудительном формировании (приписывании) асоциальной идентичности, или, по выражению Льва Гудкова, «негативной идентичности»²⁹. Нередко, как считает Наталия Лебина, мы имеем дело с аномалиями, сконструированными самой властью, а граница между «нормой» и «аномалией» каждый раз определяется смыслом, который государственная власть в них вкладывает³⁰.

Таким образом, обращаясь к проблеме социальных аномалий, мы не можем игнорировать властный дискурс и его нормирующую функцию. Наша задача — дифференцировать этот дискурс и выделить в нем сегменты, имеющие отношение к так называемым «соцаномаликам»³¹ — лицам с отклоняющимся поведением, социальным маргиналам.

Советская реальность отмечена целым рядом парадоксов. Один из них состоял в том, что, с одной стороны, советское государство, как и любое другое, было заинтересовано в социальной стабильности. Но — с другой стороны, своей политикой оно расшатывало, разрушало эту стабильность, выталкивая часть граждан из социума, превращая их в социальных маргиналов. Эта ситуация была особенно характерна для 1920—1930-х годов, когда шел процесс массового вытеснения на периферию социальной жизни всех, кто по тем или иным причинам не вписывался в новый социальный порядок. После войны процесс культивирования социальных маргиналов уже не носил массового характера. Вместе с тем в советском обществе всегда существовали *группы риска* — категории населения с пониженным социальным статусом и неустойчивым социальным положением.

Маркирующая функция власти по отношению к людям с отклоняющимся от принятых стандартов поведением нашла отражение в нарративном дискурсе. Для обозначения представителей асоциальных групп в разное время использовались такие понятия, как *бомж* — человек «без определенного места жительства», *паразит* — лицо, ведущее «антиобщественный, паразитический образ жизни», «уклоняющееся от общественно полезного труда», *тунеядец*.

Все приведенные понятия обладают очевидной расплывчатостью, нечеткостью содержательных границ. Среди них труднее всего определить социальную сущность тех, кто попадал под определение «паразит», т.е. считался «лицом, ведущим паразитический образ жизни»³². Это обозначение асоциального поведения более чем какое-либо другое было исторически изменчиво и политически обусловлено. Нечеткость содержательного смысла, а значит, и статуса социальной категории «паразит» позволяло власти каждый раз

выстраивать новую негативную идентичность, трактовать асоциальное или квазиасоциальное поведение, руководствуясь актуальной политической задачей.

Паразит и тунеядец (соответственно *паразитизм* и *тунеядство*) — ключевые слова для советского нормативного дискурса отклоняющегося поведения. Уже в Программе партии 1919 г. ставилась задача вести борьбу «со всякого рода паразитизмом и тунеядством»³³. Проблемы социального паразитизма активно обсуждалась в 1920-е и 1930-е годы, это понятие широко использовалось для обозначения социальных аномалий³⁴. Вместе с тем, ни в одном нормативном документе не было дано внятного определения социального паразитизма и критериев, по которым следовало бы выделять «паразитов» и «тунеядцев».

В практике работы правоохранительных органов и институтов социальной опеки проблема идентификации социального паразитизма решалась по традиции (или по умолчанию), когда в группу «социальных паразитов» включались нищие, проститутки, алкоголики, уголовные элементы. Новшество послереволюционных лет заключалось лишь в том, что к «паразитам» причисляли наряду с уголовниками и прочими асоциальными категориями представителей бывших привилегированных классов. Чтобы все-таки отделять «соцаномаликов» от людей, «классово чуждых», для последних придумали новый ярлык — «бывшие». Таким образом, изначально в советской политической практике и правовом поле трактовки социального паразитизма отличались подвижностью и нечеткостью, что давало власти свободу маневра в процессе конструирования социальных аномалий. Эта традиция сохранялась на протяжении всей советской истории.

В нормативных документах 1940-х — начала 1950-х годов вместо понятия социального паразитизма используется другое, но очень близкое по смыслу — *антиобщественный, паразитический образ жизни* (и соответственно говорится об *антиобщественных, паразитических элементах*, или о *лицах, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни*). Принципом классификации поведения граждан как «антиобщественного», «паразитического» служило одно и то же весьма невнятное с правовой точки зрения определение — *злостное уклонение от общественно-полезного труда*. В 1948 г. под это определение попали колхозники, не выработавшие необходимого минимума трудодней³⁵, в 1951 г. — бродяги и нищие³⁶. Эти два примера весьма показательны для понимания многофункциональной природы осуществляемых властью правовых регламентаций.

Через нормирующие суждения власти определялся не только характер тех или иных поступков как антиобщественный, но и степень их опасности для остального, «правильного» общества. В соответ-

ствии с этими представлениями носители асоциальной идентичности могли маркироваться как элементы *классово чуждые, социально опасные, социально вредные*. В соответствии с этим выбиралась мера «социальной защиты»: представители первых двух категорий, как правило, подлежали изоляции, отношение к «социально вредным элементам» было более амбивалентным и предусматривало наряду с репрессивными практиками использование мер социальной профилактики и воспитания/перевоспитания с целью инкорпорации их в социум.

4. ПОСЛЕВОЕННОЕ НИЩЕНСТВО И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С НИМ В 1940—1960-Е ГОДЫ³⁷

4.1. Послевоенное нищенство: численность, состав, мотивации

Вторая мировая война привела к дезорганизации устоявшегося было социального порядка и к усилению процессов маргинализации в советском социуме. Обнищание населения, бездомность миллионов людей, массовое сиротство, появление целой армии инвалидов — все это служило почвой для возрождения нищенства в массовых масштабах. О том, что это было массовое явление, говорят, прежде всего, свидетельства современников, точной статистики нищенства в первые послевоенные годы не было, сколько-нибудь достоверные, хотя и неполные, учетные данные появились только в 1954 г. Тогда была зафиксирована цифра в 25 500 человек³⁸.

В нормативных документах и административной практике нищенство (попрошайничество) подразделялось на два вида — профессиональное и случайное. Соответственно этому нищенствующая публика делилась на две категории: 1) «профессиональные» нищие, для кого нищенский промысел стал основным источником существования; 2) «случайные» нищие, которых просить подаяние вынудили жизненные обстоятельства (или, выражаясь официальным языком, кто «впал во временную нужду»).

Подавляющее большинство нищих — 70% — были инвалидами, преимущественно инвалидами войны. Так называемые «профессионалы» среди нищих составляли около 10%. Среди профессиональных нищих доля трудоспособных тоже не превышала 3%³⁹.

О характере и мотивах послевоенного нищенства мы можем судить главным образом на основе ведомственных документов — милиции, суда, прокуратуры. Особенность этих материалов состоит в том, что, фиксируя наличие нищенства как проблемы, они практически не содержат рефлексий относительно причин распространения этого яв-

ления. В то же время в документах иногда признается, что нищенство часто носит вынужденный характер и происходит по причине «материальной необеспеченности». Определить степень «достатка», точнее прожиточный минимум, было довольно трудно, поскольку уровень бедности в Советском Союзе стали измерять только с начала 1960-х годов, а такие понятия, как «прожиточный минимум» и «уровень малообеспеченности», появились еще позднее, в начале 1970-х годов.

Милицейская статистика позволяет оценить степень зависимости занятия попрошайничеством от наличия или отсутствия социальной поддержки в виде пенсий, пособий, опеки родственников и т.д. Так, среди занимающихся нищенством только треть получали пенсии или имели другие виды обеспечения. Вместе с тем однозначной зависимости между наличием пенсии и нищенством не существовало. Советская система пенсионного обеспечения до середины 1950-х годов была дифференцированной и слабо ориентированной на реальный прожиточный минимум, поэтому для некоторых категорий граждан носила вообще символический характер.

Минимальная пенсия по старости составляла 50 руб. в месяц, а ее максимум не должен был превышать 300 руб. в месяц. Немногим больше получали военные инвалиды. Так, инвалиды Отечественной войны первой и второй группы, т.е. люди, полностью утратившие трудоспособность или сохранившие ее лишь частично, могли рассчитывать на максимальный размер пенсии в 560 руб. (для рядового, сержантского и старшинского состава). Для сравнения: на содержание одного человека в инвалидном доме государство выделяло 438 руб. в месяц (данные 1951 г.).

Лишенные полноценной государственной поддержки, военные инвалиды пополняли ряды «нищей братии». Именно они, инвалиды войны, стали «лицом» послевоенного нищенства.

Другая примета времени, отголосок войны — нищенство детей. Нищенством занимались, как правило, сироты и беспризорные дети. Однако послевоенная действительность внесла и в эту практику свои коррективы. В 1946 г. среди беспризорников и малолетних нищих стали все чаще встречаться дети, у которых были родители. Это нищенство имело «голодный след». Голод 1946—1947 гг. наряду с войной стал еще одной причиной распространения попрошайничества.

В послевоенные годы можно говорить не только о широком распространении нищенства, но и о *возрождении культуры нищенства*, особенно в его профессиональных формах. Милицейские сводки, как и в конце XIX в. материалы полиции, фиксировали наличие деревень, большинство жителей которых занималось попрошайничеством, — своего рода «нищенских гнезд». На устойчивость традиции

указывал и тот факт, что профессиональное нищенство географически концентрировалось в тех же регионах, что и до революции. В этом смысле была особо отмечена Калужская область (бывшая Калужская губерния). Август Левенстим в своем исследовании профессионального нищенства в конце XIX — начале XX в. отметил Калужскую губернию как один из районов широкого распространения «нищенских гнезд»⁴⁰. Даже в 1954 г., уже после того как были приняты довольно жесткие законы против нищенства, крестьяне в пяти колхозах Калужской области продолжали заниматься этим ремеслом, хотя числились колхозниками; только в одном колхозе имени Кутузова профессиональных нищих насчитывалось 326 чел.⁴¹

Профессиональный нищенский промысел, как и до революции, был делом довольно прибыльным. Так, в 1957 г. работниками милиции города Калинина был задержан за попрошайничество некий гражданин Буксилин, 54 лет. При обыске дома у нищего в подполье были обнаружены следующие «трофеи»: детская ванна, кадка, два ведра и другая посуда, наполненные разменной монетой советской чеканки общим весом 333 килограмма на общую сумму 15 000 рублей⁴².

Масштабы распространения нищенства в послевоенные годы, конечно, не достигали показателей Российской империи (когда нищенствовала почти треть миллиона человек)⁴³ и почти втрое уступали показателям первых лет советской власти: перепись 1923 г. учла 35 тыс. нищенствующих в РСФСР⁴⁴, а по данным учета 1954 г. их в республике было 13 тыс. чел. Но проблема оставалась — и ее надо было решать.

4.2. Государственная политика борьбы с нищенством в послевоенные годы

До 1951 г. не существовало специальных нормативных актов, касающихся нищенства и нищих. Правоохранительные органы при задержании нищих использовали главным образом механизм паспортного контроля: на этом основании «приезжие» нищие удалялись из больших городов, прежде всего режимных, и направлялись к месту постоянного жительства (прописки). Инвалидов и престарелых, а также трудоспособных, но не имеющих работы, передавали на попечение социальных органов, которые должны были заниматься их трудоустройством или направлять под опеку родственникам и в дома инвалидов. Однако эта практика не приносила ожидаемого эффекта и не приводила к заметному сокращению числа нищих. Происходило это прежде всего вследствие слабости социальной политики, для которой трудоустройство инвалидов и качество системы социального призерения были одними из наиболее уязвимых мест.

Между тем нищенство наносило серьезный удар по престижу страны и культивируемому пропагандой образу патерналистского государства, заботящегося о своих гражданах. Если в первое время после окончания войны наличие нищенства можно было объяснить в русле популярной тогда идеологемы «временных трудностей», то чем дальше, тем больше эта неприглядная сторона повседневной жизни портила «фасад» советской действительности.

В 1951 г. была проведена первая после войны *масштабная операция по изъятию нищих из городов*. Первоначально она задумывалась как столичное мероприятие и планировалась прежде всего в Москве. Адресность акции сама по себе говорит о том, что власти были озабочены не столько положением людей, вынужденных просить подавание или занимающихся этим по меркантильным соображениям, сколько стремились «облагородить» облик главного города страны — витрину Советского Союза.

Подготовка решения по этому вопросу была поручена Н.С. Хрущеву, в то время секретарю Московского горкома ВКП (б), фактически первому лицу города. 19 июля 1951 г. появилось постановление Совета Министров СССР № 2590—1264с «О мероприятиях по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами».

Постановление против нищенства от 19 июля 1951 г. носило секретный характер. Лица, занимающиеся попрошайничеством, разделялись на две категории — нетрудоспособные и трудоспособные (полностью или частично). Нетрудоспособных, т.е. инвалидов и стариков, предполагалось передавать на попечение родственникам или, если таковых не окажется, помещать в дома инвалидов и интернаты для престарелых.

Те, кто сохранил трудоспособность, подлежали устройству на работу на предприятия и в колхозы. Нищенство работоспособных граждан теперь преследовалось в уголовном порядке: они подлежали аресту и высылке на спецпоселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 5 лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности по месту поселения.

Дома инвалидов — самое уязвимое звено в этом решении. Их катастрофически не хватало. Например, в Москве до революции было 18 богаделен и домов призрения (2 койко-места на 1 тысячу жителей), к 1951 г. в распоряжении города осталось только 5 домов инвалидов (0,5 койки на 1 тыс.).

В постановлении от 19 июля 1951 г. предусматривалось построить в течение трех лет на территории Московской и соседних областей дома для размещения в них престарелых и инвалидов на 7500 мест

и интернаты для слепых на 1000 мест с учебно-производственными мастерскими, однако это решение было выполнено лишь частично.

Спустя несколько дней появился нормативный акт, распространивший меры по борьбе с нищенством на всю территорию Советского Союза: 23 июля 1951 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»⁴⁵. Указ, как и постановление, являлся секретным.

Несмотря на жесткие санкции против нищенства, указ оказался не слишком эффективным инструментом в борьбе с ним. Согласно инструкции, которую получили сотрудники правоохранительных органов, за попрошайничество могли привлекаться к ответственности лица только в том случае, если они являлись трудоспособными и если было доказано, что они «злостно уклоняются от общественно полезного труда».

Основной контингент нищих состоял из инвалидов и стариков, которых указ не касался. Ресурс социальной помощи оказался совершенно недостаточным для решения проблемы нищенства. Проверка исполнения указа, проведенная МВД СССР, показала, что из числа задержанных за нищенство в Москве, Ленинграде и Ростове в дома инвалидов помещается не более 2—3%⁴⁶.

Происходило это не только в силу недостатка мест в домах инвалидов. Другая проблема организации социального призрения нищенствующих инвалидов заключалась в том, что они сами часто вовсе не стремились в дома инвалидов: одни просто отказывались от направления в эти заведения, другие бежали оттуда при первой же возможности.

Правоохранительные органы видели для себя только один выход из этой ситуации — создание режима принудительного содержания нищенствующих инвалидов в интернатах. С подобной инициативой МВД СССР, МГБ СССР выступали не раз. И такие дома действительно были организованы — подальше от людских глаз. Туда направляли людей с тяжелыми увечьями.

Таким образом, если рассматривать эти решения как практики включения/исключения, то *адаптационные стратегии* (стратегии включения) разрабатывались только по двум сценариям: 1) трудоустройство и 2) передача на попечение — родственников (семья) или государства (дома инвалидов). Если учесть, что основной контингент нищей братии состоял тогда из инвалидов и нетрудоспособных стариков, то стратегия трудоустройства имела очень ограниченное применение. В основном же людям, занимающимся нищенством, была уготована участь *социальных изолянтов*. Инвалидные дома, расположенные в глубинке, имеющие плохую коммуникацию с внешним миром, тоже, по сути, превращались в место изоляции.

Тенденция к *социальной изоляции* и *вытеснению* нищих проявила себя и в позиции местных властей. Нищие воспринимались не как социальная проблема, а как неприятный балласт, от которого лучше всего просто избавиться. Поэтому городские власти стремились прежде всего отправить нищих в другие регионы, действуя по принципу «с глаз — долой». Обычная практика, когда задержанным за нищенство выдавалась единовременное пособие на приобретение железнодорожных билетов для проезда к месту жительства, а сами они должны были дать письменное обязательство больше не заниматься попрошайничеством. В результате нищие просто перемещались по стране, причем за государственный счет.

В конце концов, указ от 23 июля 1951 г. практически перестал применяться.

После смерти Сталина проблема нищенства перешла к его преемникам. Решением Секретариата ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. была образована специальная *Комиссия по борьбе с нищенством* под руководством председателя правительства Российской Федерации А.М. Пузанова⁴⁷.

Сам по себе факт создания комиссии «по нищенству» в 1953 г., как и ее компетенции, свидетельствовали о том, что власть, наконец, собралась заняться нищенством всерьез. Так было в XIX в., когда проблемой нищенства в Российской империи занимались несколько комиссий — сначала при Министерстве внутренних дел, потом при Министерстве юстиции. Аналогичный опыт имела и большевистская власть: в 1920-е годы в Москве, Ленинграде, других городах существовали комиссии по борьбе с нищенством, беспризорностью взрослых и проституцией.

Комиссия А.М. Пузанова начала свою работу с того, что в разные регионы РСФСР, а также на Украину и в Белоруссию отправились специальные инспекторские группы, которые должны были изучить положение на местах. Результаты проверки показали, что главной причиной нищенства является бедность отдельных категорий населения⁴⁸. Поэтому предлагалось в борьбе с этим социальным злом переключить центр тяжести на социальную работу — развитие системы патронажа, опеки, трудоустройства, пенсионного обеспечения. Меры административного воздействия должны были применяться только в отношении профессиональных нищих⁴⁹. В сентябре 1954 г., т.е. спустя год, был подготовлен соответствующий проект постановления по этому вопросу и направлен на утверждение в Совет Министров СССР, заместителю председателя правительства Л.М. Кагановичу.

Л.М. Каганович, ознакомившись с материалами комиссии Пузанова и другими, полученными по линии МВД, решил организовать

дополнительную проверку, поручив ее проведение Министерству государственного контроля СССР. В октябре 1954 г. специальные инспекторские группы в течение 20 дней работали в разных союзных и автономных республиках, областях и крупных городах страны. Одной из целей этой акции являлось выяснение масштабов распространения нищенства и оценка эффективности принимаемых мер по его ликвидации и предупреждению⁵⁰.

Однако и по результатам этой проверки специального решения правительства так и не было принято. Уже в ходе первых обсуждений мероприятий по борьбе с нищенством со всей очевидностью обнаружилось несовершенство существующей законодательной базы. Кроме этого, становилось понятным, что проблему нищенства и бродяжничества необходимо решать в комплексе с другими социальными девиациями — преступностью, хулиганством, алкоголизмом и т.д. Разработка новых нормативных актов сосредотачивается в Генеральной прокуратуре СССР, где этим занимается *комиссия во главе с Р.А. Руденко*.

В центре внимания комиссии находятся проблемы борьбы с *преступностью* в стране, что касается нищих и бродяг — то они рассматриваются скорее как «сопутствующий» развитию преступности фактор. В результате работы комиссии в течение 1955 г. появляются первые *«накетные» решения* — комплекс законопроектов, призванных урегулировать законодательство в сфере борьбы с преступностью и другими «антиобщественными» явлениями. Нищие, которыми адресно занималась комиссия А.М. Пузанова, теперь попадают под общую категорию «антиобщественные элементы» и «лица, ведущие паразитический образ жизни». По умолчанию, в ту же категорию, помимо нищих, включаются бродяги и проститутки. Работая над созданием новых нормативных документов, комиссия изучала опыт Российской империи в этой сфере, а также законы других стран — Франции, США, Великобритании. Это был новый момент в советском законотворческом процессе.

Позднее к разработке законопроекта подключились Комиссии законодательных предположения Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР⁵¹. Таким образом, параллельно работали две комиссии — «прокурорская» и от Верховного Совета. К началу 1957 г. совместными усилиями законопроект был готов.

Его разработчики столкнулись с целым рядом терминологических трудностей, но главная из них заключалась в определении содержательных границ базовых понятий — «антиобщественного образа жизни» и «паразитизма». От этого зависел ответ на вопрос, кого же считать «антиобщественным элементом» и «паразитом». В проекте было дано следующее толкование «антиобщественного, паразитического существования»:

«...Есть еще и такие люди, которые, не выполняя никакой полезной работы ни в обществе, ни в семье, нарушают правила социалистического общежития, занимаются пьянством, бродяжничеством, попрошайничеством и на этой почве нередко совершают уголовные преступления. Имеют место случаи, когда молодые люди, получив за счет государства образование и специальность, отлынивают от работы и никакой пользы обществу не приносят».

Нищие, таким образом, попали в одну «компанию» не только с бродягами и пьяницами, что было бы понятно, но и с представителями молодежи, которые после получения образования не устраивались на работу. Подобная расширительная трактовка «антиобщественных деяний» вызвала довольно бурную дискуссию в комиссиях Верховного Совета.

Мнения участников обсуждения разделились: одни предлагали ограничить круг «паразитов» традиционными социальными категориями с отклоняющимся поведением — нищими, бродягами, проститутками и т.п. Другие настаивали на понимании «антиобщественного, паразитического существования» в широком смысле слова и относили к «паразитам» всех, кто «живет не по средствам» или занимается «извлечением нетрудовых доходов» (как это было предложено в проекте закона)⁵².

Столь же неоднозначную реакцию встретили положения проекта закона, касающиеся наказания за «антиобщественное» поведение. Проект вносил существенные коррективы в практику штрафных санкций, предусмотренных Указом от 23 июля 1951 г. Во-первых, в проекте предусматривалось применение мер принуждения в отношении не только трудоспособных, но и нетрудоспособных лиц, занимающихся попрошайничеством: первые подлежали выселению, вторые — принудительному помещению в дома инвалидов. Во-вторых, изменялась процедура привлечения к ответственности, которая теперь осуществлялась через институт *общественного приговора*.

Большие сомнения, в первую очередь у юристов, вызывала способность общественности выступать в качестве главной инстанции, выносящей решение. Передача дел на суд общественности — это не форма демократии, а нарушение законности, так считали некоторые участники обсуждения. По отношению к нищим и бродягам общественный приговор, который должен был выноситься по месту жительства нарушителя, вообще в целом ряде случаев не мог быть применим⁵³.

В ходе дискуссии высказывались опасения, что такая мера наказания, как выселение, вряд ли окажется эффективной в борьбе с нищенством. «...Мы будем только плодить попрошаек и бродяг», — считал, например, заместитель министра юстиции РСФСР

Г.З. Анашкин⁵⁴. Опыт борьбы с нищенством в Российской империи свидетельствовал о том же. Активным противником выселения нищих был, например, А.А. Левенстим⁵⁵.

Тема социальной опеки, *призрения*, как и проблемы *социальной адаптации* нищих, практически не обсуждались в процессе разработки законодательства против «антиобщественных элементов». Единственный вопрос, который поднимался в этой связи, касался расширения сети домов инвалидов и улучшения их материальной базы.

Игнорирование социальной составляющей произошло не в последнюю очередь вследствие подмены объекта, в роли которого стали выступать не социальные маргиналы, а категории населения, определенные нормирующим дискурсом как «паразитические». К ним стали причислять, в том числе, и тех, кто занимался частнопредпринимательской деятельностью, которая в свою очередь тоже трактовалась очень широко — от теневой экономики до сдачи в наем летних дач. Понятно, что эти люди не нуждались в социальной опеке. Речь, по сути, шла о *приписывании*, конструировании негативной идентичности на основе политического заказа. Нищие и бродяги тут были совершенно не причем.

Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» был вынесен на всеобщее обсуждение: он был опубликован в главных республиканских газетах, в том числе в газете «Советская Россия» 21 августа 1957 г.

По результатам обсуждения первоначального проекта в новый текст были внесены изменения, предполагающие иную юридическую процедуру ответственности за нищенство и бродяжничество: наказание за эти виды социальных девиаций определял не общественный приговор, а *народный суд*. Выселение было заменено ссылкой на срок от двух до пяти лет⁵⁶. Таким образом, нищие и бродяги были выделены из общей категории «лиц, ведущих антиобщественный образ жизни».

Проект закона после широкого обсуждения в печати должен был поступить на утверждение в Верховный Совет РСФСР в начале 1959 г., однако в повестку дня сессии он так и не попал. Этому факту есть свое объяснение. В это время по инициативе Н.С. Хрущева началась работа над законодательством по привлечению населения к борьбе с преступностью и другими «антиобщественными» проявлениями. В этой связи в ЦК КПСС было принято решение, что возвращаться вновь к законопроекту о «паразитах» *«в данный момент нет необходимости»*⁵⁷.

Когда спустя полтора года вновь вернутся к закону о «паразитах», тема «паразитизма» зазвучит уже в ином качестве.

Между тем, проблема нищенства не исчезла из поля зрения правоохранительных органов и законодателей.

Во второй половине 1950-х годов сама проблема нищенства начинает восприниматься в ином социальном контексте. В результате улучшения экономической ситуации в стране, проведения пенсионной реформы, увеличения размера заработной платы уровень жизни населения стал повышаться. Нужда и бедность уже не являлись главным побудительным мотивом к распространению попрошайничества, как это было в первые послевоенные годы. В этих условиях нищенство становится в основном профессиональным. Соответственно меняется отношение к нему. Нищий воспринимается как *«паразит с протянутой рукой»*.

Эта новая ситуация была учтена при работе над *новым уголовным законодательством*. В уголовных кодексах союзных республик появились статьи, предусматривающие ужесточение ответственности за «систематическое занятия бродяжничеством и попрошайничеством» (т.е. фактически за профессиональное нищенство). Согласно статье 209 УК РСФСР бродяжничество и попрошайничество, если они носили систематический характер, наказывались лишением свободы на срок до 2 лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года⁵⁸.

Летом 1960 г. была возобновлена работа над созданием законов против «паразитов». Постановлением Президиума ЦК КПСС 18 августа 1960 г. создается новая комиссия под руководством члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского. Дискурс «паразит» выводится в публичную сферу — в августе 1960 г. в прессе стартует масштабная кампания под лозунгом *«Кто не работает, тот не ест»*.

Для обозначения «антиобщественных элементов» теперь используется новое ключевое слово — «тунеядцы». Нищенство рассматривается как разновидность тунеядства. Примечательно, что само понятие «нищенство» уже не встречается в официальных документах, вместо этого говорится о «попрошайничестве». Попрошайничество трактуется как вид занятий, не связанный с материальным положением (нищотой) и являющийся своего рода добровольным промыслом.

Однако главной мишенью «антипаразитных» законов были снова не нищие или бродяги. Борьба с «тунеядством» являлась частью политического курса по преодолению общественных «аномалий» — в том качестве, как их понимало руководство страны и прежде всего сам Н.С. Хрущев, и одновременно частью кампании по мобилизации трудовых ресурсов. В данном случае *нормой* считалась исключительно работа на государство, а все остальные занятия проходили по разряду *отклонений*, обозначенных как *«уклонения от общественно*

полезного труда». В этой кампании нищие и прочие девианты сначала отошли на второй план, а потом и вовсе растворились в абстрактной категории «лиц, ведущих паразитический образ жизни». Любопытно, что в кампании против «тунеядцев» образца 1960 г. востребованной оказалась риторика нищенства, по-своему отразившая процесс подмены объекта критики. Молодых людей, ведущих праздный образ жизни, теперь называют «*нищими духом*». Фарцовщики, докучающие иностранным туристам в попытках купить у них дефицитные вещи для перепродажи, обвиняются в «попрошайничестве».

В Российской Федерации указ о «паразитах» был принят 4 мая 1961 г. и сразу приобрел не самую лестную известность — как инструмент борьбы с инакомыслием. Случай Иосифа Бродского — самый известный эпизод из этого ряда.

5. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Процесс разработки законодательства против «антиобщественных элементов» претерпел довольно существенные метаморфозы. Этим вопросом последовательно занимались три комиссии — под руководством А.М. Пузанова (1953—1955), Р.А. Руденко (1956—1959), Д.С. Полянского (1960—1961). Начавшись с новой попытки решить проблему нищенства и бродяжничества, нормотворческая деятельность закончилась принятием законов, из которых нищие и бродяги «выпали» вообще. Упоминание в тексте указа от 4 мая 1961 г. о нищих скорее следует рассматривать как дань бюрократической инерции. Подобное упоминание противоречило, кроме того, нормам права, поскольку соответствующие статьи, предусматривающая ответственность за нищенство и бродяжничество, уже были включены в уголовные кодексы союзных республик.

Подобные метаморфозы могут создать впечатление, что власть, поначалу озаботившись проблемой нищенства, потом просто «забыла» о ее существовании. На самом деле произошло то, чего добивались юристы: решение проблемы было переведено в *правовое поле*, в то время как процесс борьбы с «паразитическими элементами» приобрел *политический характер*. Власть не воспринимала социальных девиантов как своих политических противников — в отличие от деятелей теневой экономики или просто людей свободных взглядов, объявленных «тунеядцами».

Обсуждение проблемы нищенства в обществе развивалось примерно в тех же содержательных рамках, что и нормирующий дискурс власти⁵⁹. В процессе обсуждения проекта Закона о борьбе с «антиоб-

шественными, паразитическими элементами» в 1957 г. высказывались мнения о необходимости не только наказывать людей, занимающихся нищенством, но создать систему социальной ответственности вокруг этого вида отклоняющего поведения. Участники обсуждения выступали за то, чтобы распространить ответственность на лиц, заставляющих престарелых людей заниматься нищенством, на детей, которые отказываются от материальной поддержки престарелых родителей, а также на родителей, понуждающих детей к попрошайничеству.

Вместе с тем сравнение обоих дискурсов — официального (в том числе и нормативного) и общественного — показывает, что при общем негативном отношении к самому факту попрошайничества и нищим как категории населения они отличались известным своеобразием. Для обычных людей, сталкивающихся с попрошайничеством в житейских ситуациях, нищие были не абстрактной категорией «лиц, ведущих антиобщественный образ жизни», а вполне конкретной проблемой, которую необходимо было решать. Если нищие кому-то действительно «мешали жить», то прежде всего своим потенциальным «клиентам», то есть социальному окружению.

Несмотря на это, «общество» в большей степени, чем «государство» было настроено в пользу *социальных стратегий* решения проблемы и расширения зоны гражданской ответственности. В нормативном дискурсе присутствовали обе тенденции — социальная и репрессивная, однако в итоге в процессе разработки законов против «тунеядцев и паразитов» развитие нормативной базы пошло по пути ужесточения штрафных санкций за занятие нищенским промыслом.

В середине 1950-х годов в государственной политике состоялся поворот к социальным программам, вместе с тем, в ее рамках развитие системы призрения инвалидов и престарелых осуществлялось на прежних государственно-патерналистских принципах. Возродившаяся была идея частной благотворительности и готовность части граждан собственными средствами участвовать в программах социальной поддержки бедных и инвалидов оказались невостребованными. Разработка адаптационных стратегий вообще осталась за рамками как государственного, так и общественного дискурсов. В лучшем случае речь шла о трудовом обучении инвалидов и трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями. Однако главными условиями их жизнедеятельности оставалась пространственная, а значит, и социальная изоляция от «здорового» общества. В декабре 1991 г. статья 209 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за попрошайничество, была отменена. Профессиональный нищий промысел немедленно возродился вновь — и в масштабах, гораздо более серьезных, чем после войны. А главное — это были уже *другие* нищие.

- ¹ *Bohn, C.* Inklusion, Exklusion und die Person. — Konstanz, 2006. — S. 20.
- ² См., например: *Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart* Gestrich A., Raphael L. (Hrsg.). — Frankfurt am Main ets., 2004; *Zwischen Ausschluss und Solidarität: Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike / Raphael L., Uerlings H.* (Hrsg.). — Frankfurt am Main ets., 2008.
- ³ *Bettler in der europäischen Stadt der Moderne: Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform / Althammer B.* (Hrsg.). — Frankfurt am Main ets., 2007.
- ⁴ Итоги междисциплинарных исследований проблем «чужих и бедных» через оптику включения/исключения подводит Луц Рафаэль: *Raphael, L.* Figurationen von Armut und Fremdheit. Eine Zwischenbilanz interdisziplinärer Forschung // *Zwischen Ausschluss und Solidarität / Raphael L., Uerlings H.* (Hrsg.). — Frankfurt am Main ets., 2008. — S. 13—36.
- ⁵ *Римашевская, Н.М.* Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // Социологические исследования. — 2004. — № 4. — С. 33, 34.
- ⁶ *Jahn, H.F.* Armes Russland. Bettler und Notleidende in der Russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart. — Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010.
- ⁷ *Idem.* Das St. Petersburger Bettlerkomitee, 1837—1917 // *Bettler in der europäischen Stadt der Moderne / Althammer B.* (Hrsg.). — Frankfurt am Main ets., 2007; *Kudryavtseva, M.* Bettler in St. Petersburg am Ende des 20. Jahrhunderts. Einige Porträts // *Ibid.*
- ⁸ *Бутовская, М.Л., Дьяконов, И.Ю., Ванчатова, М.А.* Бредущие среди нас: нищие в России и странах Европы, история и современность. — М.: Научный мир, 2007.
- ⁹ *Максимов, С.В.* Собрание сочинений С.В. Максимова ... — СПб., [1908]. — Т. 5: Бродячая Русь Христа-ради. 2-е изд. Т. 1; *Сверский, А.И.* Погибшие люди: [очерки]: в 3 т. — СПб., 1898. — Т. 3: Мир нищих и пропойц; *Крестовский, В.В.* Петербургские труппы: книга о сытых и голодных. — М., 1990. — Кн. 1—2. (1-е изд.: СПб., 1867. Т. 1—4); *Гиляровский, В.А.* Труппы и люди. — М., 2007. (1-е изд.: М., 1887).
- ¹⁰ *Левенстим, А.А.* Профессиональное нищенство. Его причины и формы (СПб., 1900) // Нищенство. Ретроспектива проблемы. — СПб., 2004. — С. 18—92.
- ¹¹ *Lindenmeyer, A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. — Princeton, 1996; *Ульянова, Г.М.* Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. — М., 2005.
- ¹² *Jahn, H.* Der St. Petersburger Neumarkt im 19. Jahrhundert. Metamorphosen eines Stadtviertels // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* — 1996. — Bd. 44, no 2. — S. 162—177; *Idem.* Bettler in St. Petersburg: Gedanken zur kulturellen Konstruktion sozialer Realität // *Gesellschaft als lokale Veranstaltung.* — Göttingen, 2002. — S. 433—446; *Idem.* Das St. Petersburger Bettlerkomitee, 1837—1917; *Кауцун, Л.* «Мамаха» с поленом: из истории нищенского промысла // *Родина.* — 1996. — № 4. — С. 43—47; *Голосенко, И.А.* Нищенство как социальная проблема: (из истории дореволюционной социологии бедности) // *Социологические исследования.* — 1996. — № 7. — С. 27—35; № 8. — С. 18—25.
- ¹³ *Герцензон, А.А.* Нищенство и борьба с ним в условиях переходного периода // *Нищенство и беспризорность / под ред. Е.К. Краснушкина и др.* — М., 1929. — С. 6—56.
- ¹⁴ *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии?: (из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20—30-е годы) // *История СССР.* — 1989. — № 1. — С. 60—73; *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге. — М., 1994; *Лебина, Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—1930 годы. — СПб., 1999; *Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — New York, 1999; *Shearer, D.* Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // *Cahiers du monde russe.* — 2001. — 42, 2—4. — P. 525—529.

- ¹⁵ *Ball, A.* And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930. — Berkeley, 1994. См. также: *Рожков, А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. — 2000. — № 1. — С. 134—139; *Рябинина, Н.В.* Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья). — Ярославль, 1999.
- ¹⁶ *Зезина, М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 127—136; *Ее же.* Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. — 2001. — № 9. — С. 82—87; *Boeckh, K.* Stalinismus in der Ukraine: Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg. — Wiesbaden, 2007. — S. 451—474; *Green, R.* “There Will Not Be Orphans Among U”: Soviet Orphanages, Foster Care, and Adoption, 1941—1956: Diss. — Chicago, 2006.
- ¹⁷ *Зима, В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. — М., 1996.
- ¹⁸ *Понов, В.П.* Паспортная система в СССР, 1932—1976 // Социологические исследования. — 1995. — № 8, 9; *Moin, N.* Système des passeports, marginaux et marginalisation en URSS, 1932—1953 // Communisme. — 2003. 70/71. — P. 87—108; *Муан, Н.* Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. — М., 2009. — С. 257—276; *Shearer, D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing and Identity in the Stalinist State, 1932—1952 // Journal of Modern History. — 2004, December. — 76, 4. — P. 835—881.
- ¹⁹ *Beermann, R.* The Parasites Law // Soviet Studies. — 1961—1962. — 2. S. 191—205; *Bilinsky, A.* Parasitengesetze in der Sowjetunion // Jahrbuch für Ostrecht. — 1961. — Bd. 2, Hf. 2. — S. 111—146; *Schroeder, F.-Ch.* Verschärfung der «Parasitenbekämpfung» in der DDR. Vergleich zu den übrigen sozialistischen Staaten // Deutschlandarchiv. — 1976. — 9. — S. 834—843; *Idem.* Das Strafrecht des realen Sozialismus: Eine Einführung am Beispiel der DDR. — Opladen, 1983.
- ²⁰ *Fitzpatrick, S.* Social parasites. How tramps, idle youth, and busy entrepreneurs impeded the Soviet march to communism // Cahiers du monde russe. — 2006. — 47/1—2. — P. 377—408; *Фицпатрик, Ш.* «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940—1985. — Москва, 2008. — С. 219—254.
- ²¹ *Korzilius, S.* «Asoziale» und «Parasiten» im Recht der SBZ, DDR: Randgruppen im Sozialismus zwischen Repression und Ausgrenzung. — Köln; Weimar; Wien, 2005; *Lindenberger, T.* «Asoziale Lebensweise». Herrschaftslegitimation, Sozialdisziplinierung und die Konstruktion eines «negativen Milieus» in der SED-Diktatur // Geschichte und Gesellschaft. — 2005. — Bd. 31, Hf. 2. — S. 227—254.
- ²² См., например: *Луходей, О.А.* Профессиональное нищенство и бродяжничество как социальный феномен российского общества. — СПб., 2004; *Braithwait, J.* The Old and New Poor in Russia // Poverty in Russia: public policy and private responses / Klugman J. (Ed.). — Washington, D.C., 1997. — P. 29—64. — (World Bank Publications); *Rimashovskaya, N.* Poverty Trends in Russia: a Russian Perspective // Ibid. — P. 119—132.
- ²³ На «краю» советского общества: социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945—1960-е гг.: документы / Зубкова Е.Ю., Жукова Т.Ю. (сост.). — М.: РОССПЭН, 2010.
- ²⁴ См., например: *Andersen, J., Larsen, J.E.* The Underclass Débat: A Spreading Disease? // Social Integration and Marginalization. — Frederiksberg, 1995; *Ayaß, W.* «Asoziale» im Nationalsozialismus. — Stuttgart, 1995; *Stigmatisierung: zur Produktion gesellschaftlicher Randgruppen* / Brusten M. (Hrs.). — Neuwied Darmstadt; — 1975; *Hagenloh, P.* “Socially Harmful Elements” and the Great Terror // Stalinism: New Di-

rections / Fitzpatrick S. (ed.). — London, 2000. — P. 286—308; *Lindenberger, T.* «Asoziale Lebensweise» ...; *Scherer, K.* «Asozial» im Dritten Reich: die vergessenen Verfolgten. — Münster, 1990; и другие.

²⁵ Больше всего сомнений по поводу корректности употребления вызывает немецкое понятие «Asoziale» (асоциальные), которое использовалось при национал-социализме для маркирования определенных групп, подлежащих преследованию и даже уничтожению. Преследование «асоциальных элементов» стало частью расистской идеологии при гитлеровском режиме.

²⁶ Дискуссии о маргинальности, достоинствах и недостатках этой концепции ведутся в литературе несколько десятилетий. Обзор этих дискуссий см.: *Попова, И.П.* Эволюция понятия маргинальности в истории социологии // Маргинальность в современной России. — М., 2000. — С. 7—45.

²⁷ *Vaskovics, L.* Marginalität // Wörterbuch der Soziologie. — Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1989. — Bd. 2.

²⁸ *Fitzpatrick, S.* Ascribing Class. The Konstruktion of Sozial Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. — 1993. — Vol. 65. — P. 745—770.

²⁹ *Гудков, Л.* Негативная идентичность. — М., 2003.

³⁰ *Лебина, Н.Б.* Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950—1960-е годы // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940—1985. — М., 2008. — С. 255—259.

³¹ Слово «соцаномалики», как называли девиантов в 1930-е годы, приводит Л.Б. Лебина (см.: *Лебина, Н.Б.* Антимирь ... — С. 255).

³² Подробнее о происхождении и бытовании термина «паразит» в контексте кампании борьбы с «антиобщественными элементами» см.: *Фицпатрик, Ш.* «Паразиты общества» ... — С. 232—236.

³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М., 1983. — Т. 2. — С. 92.

³⁴ Подробнее об этом см.: *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм ...

³⁵ Определение характера «антиобщественного, паразитического образа жизни» в указах от 21 февраля и 2 июня 1948 г. идентичны. Так, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» в категорию «паразитов» попали «отдельные лица, которые, прикрываясь своим членством в колхозе, пользуясь льготами, установленными для колхозников, злостно уклоняются от честного труда, ведут антиобщественный, паразитический образ жизни, подрывают трудовую дисциплину в колхозах и, тем самым, наносят ущерб артельному хозяйству и уменьшают доходы честно работающих колхозников».

³⁶ В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» к последним были отнесены лица, «злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и не имеющих определенного местожительства» (в тексте указа уточнялось, что речь идет о лицах, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством).

³⁷ См. подробнее: *Зубкова, Е.Ю.* С протянутой рукой: нищие и нищенство в послевоенном СССР // Cahiers du monde russe. — 2008. Avril—septembre. — 49/2—3. — P. 441—474.

³⁸ Статистические данные Министерства внутренних дел СССР о количестве лиц, занимающихся нищенством на 1 августа 1954 г. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 255. — Л. 256—258).

³⁹ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о результатах применения Указа от 23 июля 1951 г. 20 февраля 1954 г. (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 78. — Л. 41—42).

- ⁴⁰ См.: *Левенстим, А.А.* Профессиональное нищенство ... — С. 57.
- ⁴¹ Записка Совета Министров РСФСР о положении с нищенством в республике, 30 августа 1954 г. (ГА РФ. — Ф. Р-8131. — Оп. 32. — Д. 3288. — Л. 166).
- ⁴² Записка Министерства внутренних дел СССР об изъятии ценностей у гр. Букселина. 13 мая 1957 г. (Там же. — Ф. Р-5446. — Оп. 91. — Д. 264. — Л. 6).
- ⁴³ По данным специальной Комиссии Министерства внутренних дел в 1877 г., общее число просящих подаяния в 71 губерниях, областях, градоначальствах и городах составило 293 445 человек (*Левенстим, А.А.* Профессиональное нищенство ... — С. 19).
- ⁴⁴ *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм ... — С. 61; ГА РФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 256. — Л. 59.
- ⁴⁵ Текст указа опубликован в сборнике: На «краю» советского общества. — С. 61.
- ⁴⁶ Докладная записка МВД СССР о нищенстве и мерах борьбы с ним, 20 февраля 1954 г. // РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 78. — Л. 42.
- ⁴⁷ В составе комиссии вошли: А.М. Пузанов (председатель), С.Н. Круглов, Р.А. Руденко, В.В. Золотухин, П.И. Кудрявцев, А.М. Сафонов, В.А. Маслов, В.А. Аралов (ГА РФ. — Ф. Р-8131. — Оп. 32. — Д. 3282. — Л. 181).
- ⁴⁸ Записка Совета Министров РСФСР о положении с нищенством в республике, 30 августа 1954 г. (Там же. — Л. 166).
- ⁴⁹ Там же. — Л. 166—175.
- ⁵⁰ Приказ министра государственного контроля СССР от 28 сентября 1954 г. «О проведении проверки состояния борьбы с нищенством и антиобщественными паразитическими элементами». (Там же. — Ф. Р-8300. — Оп. 2а. — Д. 92. — Л. 1—6).
- ⁵¹ Подготовка проекта закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» в Комиссиях законодательных предположений обеих палат Верховного Совета была поручена специальной подкомиссии, которую возглавил В.Г. Набиуллин (подкомиссия была создана 30 января 1957 г.).
- ⁵² Стенограммы заседания Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, 10, 15 января 1957 г. (ГА РФ. — Ф. Р-7523. — Оп. 45. — Д. 202. — Л. 3, 15).
- ⁵³ В этой связи вспоминали про «нищенские гнезда». Член комиссии по разработке закона М.В. Барсуков говорил: «Например, гражданин приехал из Калуги и попрошайничает. Кто же его будет судить? Везти его на родину? Но там есть целые села, у которых это вошло в традицию, и его при таких условиях не осудят» (Стенограмма заседания Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, 15 января 1957 г. // Там же. — Л. 19).
- ⁵⁴ Там же. — Л. 14.
- ⁵⁵ Левенстим полагал, что эта мера не уменьшает нищенства, а, напротив, только увеличивает ряды «бродячего пролетариата» и, кроме того, весьма дорого обходится казне. Что касается принудительного труда (например, в рабочих домах), то Левенстим считал эту меру полезной. Но только применительно к профессиональным нищим. Вместе с тем он настаивал на том, что главные усилия по борьбе с нищенством должны быть направлены на развитие системы призерения (*Левенстим, А.А.* Профессиональное нищенство ... — С. 22, 23).
- ⁵⁶ Ссылка — удаление осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности. Высылка — удаление осужденного из места его жительства с запрещением проживания в определенных местах (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. — Л., 1962. — С. 72, 74).
- ⁵⁷ РГАНИ. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 911. — Л. 1.
- ⁵⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. — С. 355.
- ⁵⁹ Подробнее об общественной реакции на проблему нищенства см.: *Зубкова, Е.Ю.* С протянутой рукой ... — С. 469—474.

Н.Ф. Бугай

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ РОССИЙСКИХ ЦЫГАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Одним из приоритетных направлений государственной национальной политики является регулирование процессов, связанных с жизнеустройством этнических меньшинств, к которым принадлежат российские цыгане. Определяющим фактором их положения в государстве выступает трудовая занятость и получение образования, миграционные процессы. В сложных материальных условиях для цыган важно формирование отношений с другими этническими общностями.

Ключевые слова: национальная политика; российские цыган; этническое меньшинство; социальное расслоение; социальная политика; трудовая занятость; межэтнические противоречия; адаптация.

N.F. Bugai

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF RUSSIAN GYPSIES IN THE CONDITIONS OF SOCIAL REFORMS (1990s — beginning of XXI century)

One of the priority directions of the state national policy is the work regulation of the processes associated with life order of ethnic minorities. Russian Gypsies are the one of national minorities. The main factors of their situation in the state are the situation with employment and education. In the new Russia Gypsies were involved in migration processes. In difficult economic conditions it is important for Gypsies the formation of relations with other ethnic communities, the decision of problems of development of culture of interethnic communication. They have some difficulties of adaptation and integration into Russian society.

Keywords: national policy; Russian Roma; ethnic minority; ethnic community; social stratification; social reforms; social policy; employment; ethnic conflict; adaptation.

Содержание¹ и направленность форм национально-культурного самоопределения этнических общностей в России, данное в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), сыграло важную роль в становлении этой этнической общности в 1990-е годы, усилении ее этнической мобильности, преодолении ею многих негативных явлений. Национальное мень-

---

* Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: акад. РАН А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы — чл.-кор. РАН Е.Н. Пивовар, д-р ист. наук Ю.А. Петров).

шинство, каким являются цыгане России, получило возможность решения вопросов сохранения и развития своей самобытности, традиций, родного языка, культуры и образования.

Что представляет собой в количественном отношении цыганская община в России в начале XXI в.? Цыгане проживают дисперсно практически на всей территории страны. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., больше цыган проживало в Москве (1284 чел.), в Санкт-Петербурге (1804 чел.), Тульской (2296 чел.), Пермской (1992 чел.), Новгородской (3066 чел.) и Самарской областях (2582 чел.). Динамика расселения цыган по федеральным округам на 2002 г. выглядела следующим образом: Центральный федеральный округ — 45 893 чел., в Южный федеральный округ — 39 835 чел., Приволжский федеральный округ — 25 682 чел., Северокавказский федеральный округ — 23 956, Северо-Западный федеральный округ — 18 816 чел., Сибирский федеральный округ — 16 251 чел., Уральский федеральный округ — 10 429 чел., Дальневосточный округ — 2390 чел.

На всех этапах истории России цыгане привлекали к себе внимание. Однако, характеризуясь в основном консервативным мышлением, как и особым — кочевым — укладом жизни, они слабо вписывались в российскую этническую картину. Так продолжалось длительное время (до второй половины 1950-х годов). В современных условиях цыганское сообщество в системе межнациональных отношений выделяется своей спецификой.

По данным Всероссийской переписи населения (октябрь 2002 г.), на территории Российской Федерации насчитывалось 182 617 граждан цыганской национальности. Если предположить, что этот показатель отражает истинную численность цыганского населения на территории России, то за период с 1989 г. (в рамках Союза ССР) по 2002 г. прирост составил около 40 тыс. человек.

В России проживает более 50 разных цыганских групп. Русские цыгане — лувари, лахи, сервы, кишенеvцы, келдэрары. Наряду с другими представлены также и синти (5—10 семей). Имеют место смешанные браки.

Анализ информации, поступившей в Департамент взаимодействия с субъектами Российской Федерации Аппарата Правительства Российской Федерации из органов исполнительной власти субъектов России, показывает, что, например, на 2004 г. наибольшая концентрация цыган была отмечена в 60 субъектах из 88. Динамика расселения цыган не остается постоянной. На 2004 г., по данным администрации субъектов федерации, цыгане расселились в Волгоградской обл. (46 000 чел.), в Краснодарском крае (5967 чел.), Омской обл. (4000 чел.), Ростовской обл. (11 125 чел.), Самарской

обл. (4981 чел.), Смоленской обл. (7000 чел.), Ставропольском крае (13 100 чел.), Свердловской обл. (10 000 чел.), Тверской обл. (7000 чел.), в Тюменской обл. (3000 чел.). При этом в 12 субъектах Российской Федерации проживает цыган от 2 до 3 тыс. человек. В остальных из 60 субъектов Российской Федерации, представивших сведения, значатся группы цыганского населения до 2 тыс. чел.²

Общее регулирование развитием процессов в цыганском сообществе наряду с федеральными и местными органами власти осуществляют также институты цыганского гражданского общества, на начало 2010-х годов на территории России действовало 23 таких общественных объединения, под руководством Федеральной национально-культурной автономии российских цыган. Приоритетными направлениями их деятельности являются улучшение материального положения цыганского населения, трудоустройство, сохранение самобытной культуры, традиций и обычаев, развитие родного языка, прессы, пропаганда цыганской культуры, проведение просветительской работы, воспитание культуры межнационального общения, повышение образовательного уровня детей и молодежи, формирование позитивного имиджа цыган, создание идейно-дискуссионных площадок с целью обсуждения и выработки рекомендаций по социально-значимым вопросам интеграции цыганского этнического меньшинства в Российской Федерации.

Почти повсеместно условия проживания цыганского населения остаются трудными, хотя по данным администрации некоторых субъектов Российской Федерации, до 70% проживающих там цыган имеют собственное жилье.

На начало XXI в. у цыган России уровень образования, безусловно, гораздо выше, чем, например, в Восточной Европе, потому что в России было обязательным десятиклассное образование. Цыгане, имеющие высшее образование, проживают в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Краснодаре и других административных центрах страны.

Цыганский язык — один из индоевропейских языков (индийская или индоарийская группа). В России 85% цыган считают цыганский язык родным. Значительная часть цыган владеет русским языком.

Главные трудности, с которыми сталкивается современное российское сообщество, — это адаптация этнических меньшинств к новым условиям проживания, интеграция их в российский социум, взаимодействие с другими этническими общностями, решение сложных социальных проблем, воспитание культуры межнационального общения, а именно: реализации ее как первостепенной государственной задачи. Все вышесказанное в полной мере относится и к российским цыганам.

Постепенно формируется и историография по проблеме национальных меньшинств, в частности, цыган³. Из-за отсутствия обобщающих статистических материалов по многим параметрам жизнеобустройства этнических меньшинств, включая и цыган, решение многих аспектов проблемы затруднено. По той же причине отсутствуют и исследования по вопросам обустройства этнических меньшинств на территории России, их положения.

В последние годы восполнить эту лакуну пытаются всевозможные международные организации, сведения которых об истинном положении российских цыган носят весьма сомнительный характер, отличаются поверхностными оценками и, мягко говоря, далеки от истинного положения дел, всестороннего анализа причин⁴.

Сложнее дело обстоит с выяснением такого параметра, как занятость цыганского населения и состояние общественно-полезной деятельности. Администрация субъектов Российской Федерации представить полные данные не может в связи с отменой в паспорте графы, идентифицирующей «национальность». Поэтому располагать какими бы ни было сведениями в открытой печати не представляется возможным. Подобная ситуация складывается с характеристиками образования и другими параметрами применительно к той или иной этнической общности, включая и российских цыган. Все это следствие необдуманной отмены графы «национальность». Поэтому приходится пользоваться отрывочными сведениями администрации субъектов Российской Федерации, характеризующих этнополитическую обстановку в субъектах и тем или иным образом касающихся проблем цыган. Однако эти сведения позволяют получить хотя бы приближенную картину состояния жизни этнической общности по разным аспектам.

Естественно, возникает вопрос, каким образом государственные органы власти смогут вести такую статистику, как будут определять потребности этнической общности, уровень образования, трудовой занятости и т.д. На наш взгляд, отмена графы «национальность» в идентифицирующем личность документе в многонациональном государстве, каким является Россия, было поспешным и непродуманным шагом, преследовались, вероятно, совершенно иные цели. Поспешно через СМИ в сознание граждан России внедрялось понятие, что отметка о национальной принадлежности в главном документе гражданина страны — паспорте, является чем-то унижительным, оскорбительным и т.д.

По нашему мнению, практика формирования межэтнических отношений в многонациональном государстве, учет особенностей этнокультурного развития проживающих в нем общностей, решение проблемы трудовой занятости этнических общностей путем опреде-

ления государственной ниши занятости вызовет к жизни необходимость исправления этой ошибки.

Продолжительное время одной из главных проблем жизнеобустройства цыганского населения оставалась трудовая занятость. От ее решения во многом зависело и зависит состояние и материальное положение этнической общности, а также решение многих других социальных проблем. Сказывается низкий по стране уровень образования общей массы цыганского населения. Все это во многом определяет и уровень занятости цыганского населения. Наряду с традиционными сферами применения труда российских цыган, в частности, кузнечное ремесло, гадание, торговля, попрошайничество, в последние годы расширилось их участие в производственной сфере, цыгане стали больше вовлекаться в работу в отраслях промышленности и особенно сельского хозяйства.

Так, например, по сообщениям администрации Сахалинской области, в сфере экономики области был занят 31 гражданин цыганской национальности. Однако это были единичные случаи. Информация о трудовой занятости, в частности, цыганского населения, поступающая с мест, свидетельствует о том, что в масштабах государства не определены направления использования труда цыганского населения с учетом его специфики (низкий уровень образования цыганского населения, трудности получения среднего и высшего образования и т.д.). Конечно, это ни в коей мере не распространяется на категорию цыган, имеющих образование, — они легко адаптируются в местный социум.

Нестабильные трудовые отношения или их отсутствие лишают большинство цыганских семей постоянных источников доходов. Таким образом, в цыганской среде заметно низок процент имеющих постоянную работу. «Цыгане практически не представлены в сферах производства, занимаются торговлей, личным приусадебным хозяйством, подрабатывают у частных предпринимателей, фермеров, часть не зарегистрированных цыган занимаются попрошайничеством», — сообщал в январе 2006 г. начальник Управления по взаимодействию с общественными объединениями администрации Краснодарского края Ю.А. Бурлачко⁵.

«Цыгане постоянного места работы не имеют, — констатировалось в информационном материале правительства Кабардино-Балкарской Республики. — Женщины, большей частью, занимаются торговлей на рынках и гаданием. Большинство мужчин не работают, за исключением некоторых, которые занимаются кузнечным ремеслом на сельхозпредприятиях»⁶. Схожая ситуация сложилась и во многих других субъектах Российской Федерации.

В среде цыган идет заметный процесс социального расслоения. Одни семьи выживают только за счет торговли, в том числе и нар-

котиками, другие заняты в более престижных сферах бизнеса. Для групп цыган характерен также процесс разобщения.

Таковы свидетельства разнообразной социальной характеристики цыганской этнической общности в субъектах Российской Федерации.

Решение проблемы трудовой занятости, жизнеобустройства цыганского населения оставалось в числе приоритетных не только в середине 1990-х годов, но и в последующее время. Работа в этом направлении, несомненно, дает свои результаты. Так, например, по сообщениям правительства Кабардино-Балкарской Республики, на начало 2004 г. цыгане в своей большей массе были заняты на сельхозпредприятиях Майского района⁷. Некоторая часть цыган этой республики заняты кузнечным ремеслом также на сельхозпредприятиях. В это же время на предприятиях Брянской области был занят 881 рабочий из цыган⁸, а в Калужской области рабочими на предприятиях были всего лишь 13 цыган.

Обнадеживающие результаты об улучшении ситуации в решении проблемы трудовой занятости поступали и из других субъектов Российской Федерации. В Белгородской области во всех сферах хозяйственной деятельности в 2003—2004 гг. было занято 180 рабочих цыган. Из 180 цыганских семей 18% считались благополучными — взрослые имели место постоянной работы. В этих семьях, по данным на 2003—2004 гг., проживали 224 ребенка в возрасте от 2 до 15 лет. В 2003 г. к занятиям в школе приступили 79% из них. В сообщении администрации Белгородской области указывалось, что «в соответствии с действующим законодательством не предусмотрен учет граждан по национальному признаку»⁹. По названной причине трудно представить исчерпывающие сведения. Идентификация национальной принадлежности занятых на производстве затруднена.

Достаточно полное представление о трудовой занятости цыганского населения в границах современного Пермского края дают материалы Департамента политики правительства Пермской области (председатель Н.А. Яшин), направленные в марте 2006 г. в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России.

По мнению исследователей вопросов жизнеобустройства цыган в Пермском крае, «широкий спектр трудовой занятости, экономическая и предпринимательская мобильность позволяет приспосабливаться цыганам к любым социально-экономическим условиям». Такой вывод, несомненно, вызывает интерес. В большей части, как показывают приведенные выше примеры, он не согласуется с положением в вопросах трудоустройства цыган, сложившимся в других субъектах России, в которых трудности жизнеобустройства цыган как раз и объясняются неспособностью их к адаптации в совершен-

но новых, рыночных условиях развития российской государственности, отсутствием возможности быть конкурентоспособными.

В Пермском крае традиционные сферы занятости по-разному представлены в среде сельских и городских цыган. Сельские цыгане продолжают заниматься разведением лошадей. Практикуется устройство досуга детей в районных центрах (катание на лошадях), что приносит определенный доход в бюджет цыганской семьи. Покупка и продажа лошадей также остается одним из основных занятий цыган в крае (д. Черномясовка Верещагинского района, Краснокамск и др.). Крайне редко встречается попрошайничество. Утрачивает прежнее значение гадание, однако это занятие в ряде мест сохраняется, являясь дополнением к пенсии или выступая в качестве основного вида заработка.

В сельскохозяйственных районах практикуется пастьба скота путем найма на работу в хозяйствах или личного скота. В зимний период представители этих же групп цыган работают скотниками, доярками. Разведение домашнего скота практикуется среди цыганского сельского населения редко. В связи с тем, что каждая семья имеет приусадебные участки, то практикуется работа на приусадебном участке: выращивание картофеля, других овощей.

В Пермском крае встречается и такой вид деятельности, в целом несвойственный для цыганского населения, как собирательство ягод и грибов (Пермь, Верещагино). Там, где механизм деятельности отлажен, хозяйства имеют высокие доходы. По-прежнему практикуется и занятие торговлей: скупка и перепродажа машин. В крае сложились даже торговые группы цыган. Многие заняты в торговле верхней одеждой (Пермь), а также торговле сельхозпродукцией на сельских рынках, практикуется и торговля «в разнос», а также на выезде, что облегчает доступ товаров в отдаленные населенные пункты Пермского края.

Мужское население во многом остается верным традиционной деятельности — лужение и изготовление котлов, поэтому и работа по металлу остается главным занятием мужчин — цыган: изготовление инвентаря, очистка металлической арматуры, сбор цветного металла, покупка и перепродажа металлических изделий. Корпоративные связи по всей стране позволяют достаточно мобильно заниматься покупкой и продажами не только в Пермском крае, но и далеко за его пределами. Отдельные представители мужского населения заняты в строительстве, выполняя кровельные работы.

Отмечены в крае и случаи распространения такого негативного явления, как занятие наркоторговлей (города Пермь, Нытва, Краснокамск и др.). Предупреждением этих антинегативных явлений занимаются правоохранительные органы края.

Аналогично выстраивается трудовая занятость цыган и в соседней Кировской области, на территории которой проживает около 1500 цыган. Как отмечалось в информации правительства Кировской области, «среди цыган постоянно проживает на месте (в области. — *Н.Б.*) около 700 человек, остальные в разъездах, торгуют, разводят лошадей в республиках Татарстан и Башкортостан»¹⁰. Значит, в среде цыганского населения практикуется и отходничество, что остается давно проверенной формой решения вопроса трудовой занятости.

Имеет место нелегальный сбыт ликероводочных изделий, табачной продукции, нередко наркотиков, что, конечно, выступает в качестве альтернативы нормальным трудовым отношениям. Именно эти отношения формируются сложно и зависят в первую очередь от возможностей цивилизованного приложения (использования) труда цыган. Одной из основных проблем цыганской общины, в частности и в названных регионах, является низкий образовательный уровень цыган, что не позволяет им быть востребованными в современных условиях развития государственного сектора экономики.

По сведениям заместителя начальника отдела Департамента межнациональных отношений (Минрегион России) А.Н. Калабанова, знакомившегося с работой администрации Тульской области по решению проблем трудовой занятости цыган, администрация муниципального образования «Ленинский район»¹¹ взяла под свой контроль помощь по трудоустройству цыган. Так как для устройства на постоянную работу у цыган недостаточный уровень образования, то в 2005—2006 гг. удалось временно трудоустроить от 200 до 300 цыган (сезонные сельскохозяйственные работы)¹². В связи с этим глава администрации муниципального образования «Ленинский район» Н.А. Панфилова отмечала: «Администрация готова оказывать помощь цыганам в вопросах определения статуса поселения, трудоустройства (в том числе — за счет развития малого предпринимательства), получения образования»¹³.

Этой проблемой применительно к цыганам озабочено и общественное объединение «Рома-Урал». Председатель «Рома-Урал» А. Торохов в связи с этим отмечал: «одна из самых острых проблем цыган Свердловской области — трудоустройство». Процент занятых цыган в области был очень невелик. Более того, число трудоспособных цыган в рассматриваемый период стремительно сокращалось. Так как основной деятельностью цыган являлась торговля на городских рынках, а большинство рынков закрывались, то «в условиях возрастающей конкуренции рома часто оставались без средств к существованию»¹⁴.

Повсеместно лидеры цыганского движения находились в постоянном поиске выхода из сложной проблемы трудовой занятости цыганского населения. Так, из Воронежской области сообщалось, что

«одной из своих задач местная национально-культурная автономия цыган считает создание рабочих мест для цыган». По инициативе председателя национально-культурной автономии цыган В. Кучеренко была создана фирма «Воронежвторэкоресурс» по заготовке и переработке вторичного сырья. Тем не менее положение цыган оставалось сложным. 15% цыган проживали ниже черты бедности¹⁵. Этот показатель занятости цыган характерен и для всей территории страны.

«Самый тяжелый вопрос — трудоустройство», — констатировали почти все общественные объединения цыган Самарской области (городов Самара, Чапаевск и др.), которые объединяют в своих рядах, по приблизительным данным, более 20 тыс. цыган. Так, в пригороде Чапаевска цыгане традиционно занимались животноводством и торговлей. Однако реформы привнесли существенные изменения, осложнились межнациональные отношения, сказалась возросшая национальная неприязнь. Многие оставляют работу по причине невыплаты заработной платы. Как заметил председатель цыганского культурного центра «Роман Трае» г. Чапаевска В. Карабаненко, в такой ситуации «виновато частично государство, которое борется с последствиями, но не с причиной»¹⁶.

На наш взгляд, оценка сложившейся ситуации объективна. Государственная политика в этом вопросе подчинена ужесточению системы наказания за tuneядство, безработицу, торговлю наркотиками как социальным злом. В данном случае необходима четко продуманная социальная политика, обеспечение трудовой занятости, усиление контрольных функций над каналами наркотиков из-за рубежа. В. Карабаненко предлагал такой путь: «все, что представляет угрозу для здоровья и жизни наших граждан (граждан России. — *Н.Б.*), должно оставаться за границей, а не иметь свободный провоз в Россию».

Следует также отметить, что цыгане проявляют высокую заинтересованность в трудовой занятости, получении профессии. Так, в новых условиях рыночного хозяйствования цыгане Тверской области (пос. Савватеево), установив контакт со строительными фирмами, проявили инициативу по выполнению производственных заказов. Община получает заказы на изготовление арматуры для промышленных предприятий, строящихся объектов, выполняет многие другие задания по металлу. В этой сфере заняты и мужчины, и женщины. Подобным образом поступили и цыгане Республики Татарстан, занявшись изготовлением металлических скоб и их реализацией. Здесь также действует ООО «Ника», занимающееся ремонтом редукторов, моторредукторов, гидротолкателей, электродвигателей¹⁷.

Однако не везде с трудоустройством цыган дело обстоит так благополучно. Заместитель главы администрации Новгородской об-

ласти А.В. Земляк в своей информации от 2 ноября 2007 г. по вопросу трудовой занятости цыганского населения констатировал, что практически все жители «цыганского поселка» (в черте г. Чудово) официально не работают, мужчины занимаются перепродажей, женщины — гаданием на трассе «Россия», часть — уезжает на заработки в Санкт-Петербург. Имеет место незаконный оборот наркотиков и их транзитное перемещение по трассе Москва — Санкт-Петербург¹⁸. Следует отметить, и администрации субъектов не проявляли особой заботы об этнических меньшинствах.

Отличается своими подходами в решении этих сложных проблем работа Министерства национальной политики Республики Карелия. Это стало особенно заметным после создания в республике общества цыганской культуры «Цыганская дорога». На основании Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. в республике был проведен комплекс мероприятий, отслеживалась ситуация с занятостью цыган в конце 2004 и в 2005 г. Потребность в работе испытывали в республике 100 цыганских семей¹⁹. Было поставлено на учет 24 человека, нуждавшихся в работе. Практически были выданы 67 направлений на работу. Заявившие о наличии рабочих вакансий отказали в работе 13 цыганам по причине неграмотности. Была предложена альтернатива в определении сферы применения труда цыган. Проблема остается в числе сложных, но к ее разрешению прилагаются усилия со стороны органов исполнительной власти республики.

Во многом отношение к труду определяется также и непосредственным желанием самих цыган трудиться. Как отмечалось в информации из Курской области, «система рыночных отношений позволяет цыганам самостоятельно решать свои проблемы, не обращаясь в органы государственной власти». Основными видами деятельности в области оставались скупка драгоценных металлов, мобильных телефонов, сбор черного и цветных металлов, одежды, обмен валюты. В сельской местности цыганами отлажена централизованная скупка пуха и пера.

Вместе с тем, как написал в информационной записке от 23 января 2006 г. заместитель губернатора Курской области Н.И. Овчаров, направленной в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России, «нельзя обойти вниманием и наличие криминальной составляющей в деятельности цыганской общины. Негативными тенденциями остаются: распространение наркотических средств, мошенничество, попрошайничество. По данным УФСКН по Курской области, только за 2005 г. было возбуждено в отношении цыган 10 уголовных дел, главным образом за изготовление и сбыт наркотических средств»²⁰.

Администрация Кемеровской области констатировала, что «специальной статистики о трудовой занятости цыган, корейцев, курдов

в области не ведется. Граждане указанных национальностей работают в бюджетной сфере или занимаются частным предпринимательством (торговля, медицина)»²¹.

В информации из Республики Хакасия сообщалось об отсутствии цыган, однако в прошлом, когда в республике существовали крупные колхозы и совхозы, цыгане занимались в основном перегонкой скота. После распада этих крупных скотоводческих хозяйств цыгане покинули республику. Несколько оставшихся семей занимаются «обычной трудовой деятельностью»²².

Дисперсно расселены цыгане и в Астраханской области. Фактически подобное сообщение было получено и от администрации Астраханской области: «Цыгане работают в промышленности, сельскохозяйственном производстве, сфере культуры, занимаются розничной и мелкооптовой торговлей. Не забыто и традиционное для цыган кузнечное ремесло». Цыгане проживают в четырех поселках области компактно. Поселки газифицированы. Частные подворья позволяют им заниматься и на своих приусадебных участках. Здесь цыгане «практически полностью интегрировались в экономическую, социальную и культурную жизнь области»²³.

Отличаются своими трудовыми традициями цыгане, проживающие в Ростовской области. Их характеризует прежде всего добросовестное отношение к труду. Еще в 1930-е годы цыгане закреплялись в области на постоянных рабочих местах. Так, например, в резолюции общегородского совещания по работе среди национальных меньшинств было отмечено, что необходимо обязать дирекцию завода «Ростсельмаш» и «Крайметаллопромсоюз» привлекать на работу цыганское население области. На заводе «Ростсельмаш» работало 60 семей бывших кочевых цыган, на заводе «Красный Аксай» — 10 семейств²⁴.

Как отмечает исследователь В.И. Иващенко, за цыганами оставались и такие виды трудовой деятельности, как кузнечество, изготовление изделий из золота, серебра (ювелирное дело), резьба по дереву, плотницкое дело, изготовление цепей, буравчиков, дрессировка животных, лужение и изготовление посуды. В г. Ростов-на-Дону функционировали две промысловые цыганские артели «Красный бондарь» и «Красный гвоздарь». Создавались из молодежи промартели, которые занимались обработкой металла. Цыгане хутора Крутой были заняты в животноводстве, трудилось в основном на животноводческой ферме колхоза им. Ленина. Одним словом, опыт трудовой занятости цыган имеет историческое прошлое.

Однако в современных условиях положение цыган в Ростовской области остается катастрофическим. Так, в г. Шахты, других населенных пунктах они заняты «собираТЕЛЬСТВОМ». Группы цыган

также заняты сбором металлолома и угля на старых заброшенных шахтах с целью продажи. Занимаются цыгане и продажей собранных фруктов. В цыганских семьях приобщается к этому «бизнесу» и молодежь, главным образом юноши. Тем не менее, цыгане не могут успешно конкурировать с другими производителями, владеющими более современными технологиями и оборудованием.

К сожалению, и в Ростовской области, и в Республике Коми, в Пензенской и других областях Российской Федерации среди цыганского населения уровень безработицы пока остается высоким.

Применительно ко всей территории страны в последние годы отмечается рост обращений цыган в службы занятости населения. Это особенно характерно для Пензенской области и субъектов РФ с компактным проживанием цыган. Только в 2010 г. в Брянской области обратились в соответствующие службы 142 гражданина цыганской национальности. Были трудоустроены 10 чел., 12 чел. открыли собственное дело, 7 чел. прошли профессиональное обучение. В Белгородской области за 2010 г. было 52 таких обращения, из обратившихся были трудоустроены 5 чел., 28 чел. получили субсидии для открытия собственного дела. Субсидии для цыган составили 58 800 руб. В Псковской области на начало 2010 г. состояло на учете 75 граждан цыганской национальности, были трудоустроены 18 чел., 14 открыли собственное дело, 5 цыган прошли профессиональную подготовку²⁵.

Утверждения о каком бы то ни было ущемлении права цыганского населения на оказание социальной помощи, по нашему мнению, беспочвенны. Социальная поддержка цыганских семей осуществляется на основе ст. 7 Федерального Закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ. Информация о материальном положении цыганской общины в субъектах Российской Федерации как раз свидетельствует об оказании социальной помощи отдельным цыганам и многодетным семьям цыган. Например, в Республике Адыгея такую помощь получали 156 семей цыган, в Рязанской области — 242 семьи, 55 матерей-одиночек, в Вологодской области — 402 семьи²⁶. О своевременном предоставлении льгот цыганским семьям сообщалось также из Астраханской, Воронежской, Оренбургской Саратовской областей, республик Коми, Кабардино-Балкарской, а также других субъектов Российской Федерации.

На учете в Министерстве труда и социального развития Кабардино-Балкарской Республики состояли 580 семей российских цыган, пользовавшихся мерами социальной поддержки, различными льготами. В Краснодарском крае учтенные на получение социальной поддержки среди цыган составляли до 47% от численности всего цыганского населения²⁷. По этому вопросу заместитель губернато-

ра Саратовской области В. Пучков констатировал: «В области всем гражданам, независимо от национальности, предоставляются равные права и возможности. Органы социальной защиты населения в соответствии с действующим федеральным законодательством... производят выплаты компенсаций, оказывается денежная и натуральная помощь малообеспеченному населению»²⁸. Подобная работа проводится и органами социальной защиты Ленинградской области, много внимания уделяется социальной адаптации детей из цыганских семей, что является ощутимой помощью для цыган-родителей.

В числе слабо разрешенных по-прежнему остается проблема представительства цыган в органах государственной власти. В значительной части сообщений, поступающих из субъектов Российской Федерации, констатируется, что «представители данной национальности в общественно-политической жизни городских и сельских поселений участия не принимают».

Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что наиболее зримо цыгане представлены в учреждениях сферы культуры и особенно в художественных творческих коллективах: созданы пять художественных коллективов, действующих в Ленинградской области, театр «Ромэн» в Москве, ансамбли «Ромалэ» (Волгоградская обл.), «Черная жемчужина» (Калининградская обл.), «Романэ Шатро» (Кемеровская обл.), «Шатрица» (Республика Коми), студия «Эксперимент» (Курганская обл.), детский ансамбль «Гилори», культурно-просветительское общество «Романо Кхэр» (Московская обл.), шесть культурных центров (Рязанская обл.), инструментальная группа «Комби» (Саратовская обл.), ансамбль «Шатрица» (Смоленская обл.), «Ритмы Ромэн» (Свердловская обл.), ансамбль «Будулай» (Республика Удмуртия), фольклорный коллектив в Тверской области и др.²⁹

Тем не менее, решение многих социальных проблем остается в числе приоритетных в жизни цыганской общины в Российской Федерации и в первом десятилетии XXI века. 7 апреля 2004 г., выступая на состоявшейся в Информационном агентстве «ИТАР-ТАСС» пресс-конференции по случаю Международного дня цыган, председатель Федеральной национально-культурной автономии российских цыган А. Бариев призывал обратить внимание на нужды российских цыган: «Однако сейчас все виды нашей деятельности переживают большие трудности. Основные занятия: работа по металлу, ремесла, мелкая торговля — все пришло в упадок. Даже цыганское искусство оказалось невостребованным, и значительная часть артистов осталась без работы, а многие художественные коллективы распались»³⁰.

По мере стабилизации этнополитической обстановки в субъектах Российской Федерации происходят, хотя и медленно, частичные

изменения в интеграции цыганской этнической общности в новые рыночные отношения. По сведениям, поступившим в 2006 г. из администрации субъектов Российской Федерации, представители цыган все больше занимаются предпринимательской деятельностью в аграрной сфере, в частном подсобном хозяйстве, в сфере услуг, хотя это не исключает значительного их присутствия в сфере торговли.

На 2010 г. известны факты об открытии собственного дела цыганскими семьями в Тульской, Новосибирской, Псковской, Вологодской и других областях. Так, житель Грязовецкого муниципального района Вологодской области А.Б. Оглы получил в 2009 г. субсидию на разведение крупного рогатого скота. Такую же субсидию получила жительница Островского муниципального района Псковской обл. С.В. Клейна³¹.

Правда, следует отметить, что ситуация в субъектах далеко не одинаковая. Об этом свидетельствуют поступившие сообщения администрации тех субъектов Российской Федерации, на территории которых цыганское население расселено компактно. Так, из Смоленской области в начале 2006 г. сообщалось: «Отмечается большое количество лиц цыганской национальности, ведущих асоциальный образ жизни. Крайне низок в цыганской среде процент имеющих постоянную работу. Из тех, кто трудоустроен — большинство занято в сельхозпроизводстве и в сфере торговли. Определенная часть цыган также занята индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица».

«Альтернативой нормальным трудовым отношениям, — говорится далее в сообщении из Смоленской области, — становится нелегальный сбыт ликеро-водочных изделий, табачной продукции, а нередко и наркотиков». И это происходит в тех условиях, когда в области действует зарекомендовавшая себя с положительной стороны общественная организация — «Смоленская “ромская” цыганская диаспора». В тот же период сходная ситуация сложилась и в цыганской среде Курской области.

В Ярославской области на 2006 г. проживали 769 цыган. В информации из области, поступившей в январе 2006 г., читаем, что «цыгане в основной массе трудовой деятельностью не занимаются... участие в культурной жизни не принимают». Такое же сообщение поступило из Республики Коми. В Архангельской области (округ Варавино-Фактория) из 1037 граждан цыганской национальности были заняты постоянной трудовой деятельностью только 20—25 чел.³² Ощущается острая потребность в кардинальном решении цыганской проблемы, притом на государственном уровне. Вряд ли можно рассматривать в качестве приемлемого подход, предложен-

ный в Архангельской области, — решать «цыганский вопрос» путем сбора денежных средств на отселение цыган с территории области.

В Калининградской области, по данным муниципальных образований, на 2006 г. официально трудовой деятельностью на постоянной основе было занято 49 из 1447 проживающих на территории области цыган. Как информировал министр по делам культуры и национальностей М.А. Андреев, органы государственной власти и местного самоуправления области «отслеживают современное положение цыган, курдов и корейцев, проживающих на территории региона, и по мере необходимости оказывают помощь в обустройстве семей и государственную социальную поддержку»³³. Они трудились в основном в сельском хозяйстве.

В тот же период из проживавших в Краснодарском (10 873 чел.) и Ставропольском (18 704 чел.) краях цыган в производительной сфере было занято незначительное количество.

По данным на 2006 г., в Омской области из 2272 цыган в производственной сфере было занято 441 чел., из них в Омске — 342 чел. В то же время цыгане работали в промышленном и сельскохозяйственном производстве в таких субъектах Российской Федерации, как Астраханская область (4331 чел.), Кемеровская область (2503 чел.) и уже упоминавшаяся Смоленская область.

Причиной такого положения оставался низкий образовательный уровень в цыганском сообществе, и как следствие, слабая востребованность в современных экономических условиях в цыганском труде.

Однако федеральный центр не был обеспокоен тяжелым положением цыган, создавшейся напряженной ситуацией в значительной части субъектов Российской Федерации. На эту особенность обращалось внимание во многих материалах, поступавших в 2001—2006 гг. из администрации субъектов Российской Федерации. Первый заместитель губернатора Вологодской области в своем письме в Минрегион России от 24 января 2006 г. выразил озабоченность тем, что «на территории субъектов не определены после ликвидации Минфедерации России структуры, которые занимались бы мониторингом ситуации в этническом цыганском меньшинстве»³⁴.

Одним словом, анализ поступившей в Минрегион России информации о положении цыганской этнической общности (национального меньшинства) в Российской Федерации в первой половине 2006 г. позволяет сформулировать ряд предложений, которые сводятся к следующему. На наш взгляд, учитывая трудности решения проблемы в целом, можно было бы привлечь к исполнению этой задачи Общественную палату Российской Федерации как один из институтов гражданского общества и на основе взаимодействия

совместно разработать комплекс мер по стабилизации ситуации в цыганской этнической общности Российской Федерации, решении проблем трудовой занятости цыганского населения.

Было бы целесообразным, по нашему мнению, детальное изучение имеющегося опыта работы институтов гражданского общества (национально-культурных автономий, национальных общественных организаций, центров национальных культур, ассоциаций, землячеств) с целью распространения и популяризации его в масштабах России. Необходима конкретная программа (план) деятельности Департамента межнациональных отношений Минрегиона России в этом направлении, и в данном случае важной составляющей этой работы было бы возвращение к созданию межведомственной экспертной группы в составе представителей министерств и служб, заинтересованных в решении «цыганского вопроса» в российском государстве.

Разумеется, эта задача не локального характера, она приобретает государственный масштаб и требует кардинального пересмотра проблемы трудовой занятости населения, включая и население регионов компактного поселения цыган, особенно субъектов Южного федерального округа — Волгоградскую, Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края.

В связи с принятием Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996), законов «Об общественных объединениях» (1995, 1998), «О национально-культурной автономии» (1996), повышением внимания к проблемам этнических общностей со стороны государства, стал возможным рост этнической мобильности и цыган, как и представителей других этнических меньшинств, проживающих на территории России.

Поэтому важной была бы инициатива самих субъектов Российской Федерации. Такие примеры уже имеются. В разработанных субъектами Российской Федерации программах поддержки развития национальных культур включены разделы, касающиеся цыганской общины. Так, администрация Краснодарского края, принимая новый документ по проблемам межнациональных отношений — «Совершенствование национальных отношений в Краснодарском крае», проблемам цыганской общины в крае выделила специальный раздел, в котором давалась информация об общине, а в других разделах был разработан механизм реализации мер по улучшению жизни этнических общностей, включая и цыганскую общность.

В Волгоградской области общественной организацией «Ассоциация цыган» (создана в 1999 г.) была разработана программа «Национально-культурное развитие цыганского населения Волгоградской области на 2001—2002 годы». Основная цель ее — активное содей-

ствие развитию культуры, языка и традиций цыганского народа, а также осуществление мер по укреплению межнациональных отношений на территории региона, что позволит администрации области структурировать деятельность, направленную на поддержку этой организации, выделив приоритетные направления работы.

Следует отметить тот факт, что цыгане в целом свободно адаптируются к жизни в местах, куда они поселяются на проживание. Дальнейшее же устройство их жизни обуславливается возможностями и трудностями инфраструктуры специальной трудовой деятельности. Трудовая деятельность в значительной мере зависит от индивидуума, уровня его образованности.

Нестабильные трудовые отношения или их отсутствие лишают большинство цыганских семей постоянных источников доходов. Одной из основных проблем цыганской общины в связи с этим является низкий образовательный уровень цыган, что не позволяет им быть востребованными в современных экономических условиях. Имеет место нелегальный сбыт ликеро-водочных изделий, табачной продукции, нередко наркотиков, что, конечно, выступает в качестве альтернативы нормальным трудовым отношениям, которые формируются с трудом и зависят в первую очередь от возможностей цивилизованного (использования) приложения труда цыган.

Цыганское сообщество Российской Федерации не должно не замечать то, что, несмотря на имеющиеся трудности социально-экономического характера, удалось продвинуться в решении многих проблем, а состояние разных сторон развития сообщества во многом зависит и от волеизъявления самих цыган, их стремлений и целей.

Надо признать и такой негативный фактор, как наличие в цыганской общности социального расслоения от крайней бедности до роскоши. Цыгане в силу своей замкнутости, преобладающего корпоративного сознания, остаются наиболее консервативной этнической общностью в российском социуме. Низкий уровень образования цыганского населения, практически отсутствие интеллигенции, нежелание использовать государственно-правовые институты — основные факторы низкой социализации цыган, и как следствие, зачастую обуславливающие уход некоторых из цыган в криминальный бизнес.

Очевиден и вывод, который сводится к тому, что карательные меры не приемлемы к решению проблем каждой этнической общности. Они не приемлемы также и для преодоления проявлений экстремизма, порожденного трудным экономическим положением, социальной напряженностью в обществе. Необходимы гуманитарные методы борьбы со всяким злом, а эффективность усилий государственной власти существенно возрастает в случае объединения

усилий власти и общества, деятельности государственных органов власти и институтов гражданского общества.

Реализация этих мер может успешно протекать только в условиях совершенствования законодательной системы, пресекающей любые проявления межнациональных противоречий, параллельно с модернизацией национальной государственной политики, составной частью которой остается создание высокоэффективного производства и обеспечение трудовой занятости населения, включая цыганское этническое меньшинство России.

¹ Цыгане — собирательное название около 80 этнических групп, проживающих дисперсно на территории разных стран. В Российской Федерации «цыгане» составляют национальное меньшинство. Большая часть этих людей — этнические рома, и общаются они на ромском языке. Самоназвания ромских групп, разбросанных по всей территории России, — «руска рома», «кэлдерары» или «котляры», «ловари», «крымы», «плашуны» и др. Небольшие по численности группы «синти», которые попали в Восточную Европу через Польшу из Германии в начале XX в., армяноязычных цыган — «боша» (или «лом»), «карачи» из Кавказа, среднеазиатских цыган — «люли» или «мугат», пришедших из Таджикистана и других регионов Средней Азии, нередко встречают в различных регионах России. Они составляют значительную часть сезонных мигрантов.

² Численность цыган за прошедший период, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., несколько изменилась. В Ставропольском крае проживают 19 094 чел., в Краснодарском крае — 10 873 чел., в Волгоградской обл. — 7303 чел., в Самарской обл. — 5244 чел., в остальных 14 субъектах компактного проживания цыган численность их составляет ниже 5 тыс. чел. Общая численность цыган в России колеблется от 500 тыс. до 1200 тыс. чел.

³ См.: *Деметер, Н.Г.* Цыгане: миф и реальность. — М., 1995. (Рец.: *Бессонов, Н.* URL: <http://zigane.pp/ru/retzenzii-08.htm>); Цыгане: сб. ст. — Йошкар-Ола, 1999; *Деметер, Н.Г., Бессонов, Н.В., Кутенков, В.К.* История цыган: новый взгляд. — Воронеж, 2000; *Деметер, Н.Г.* Кочующая ненависть // Лига Наций. — 2000. — 28 апр.; Пресса и этническая терпимость. — М., 2000; *Деметер, Н.Г., Кутенков, В.К.* Судьба цыган в период нацистского террора. URL: http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn15-16/n1504_25.htm; *Бугай, Н.Ф., Мукабенова, А.Б.* Цыганская община России: проблемы этнического развития // Этнопанорама. — Оренбург, 2001. — № 3; *Бугай, Н.Ф.* Это не проблемы разноцветных кибиток // Шунэн Ромалэ: цыганский информационно-культурный журн. — 2002. — № 3; *Кутенков, В.* Москва цыганская // Там же; *Бариев, И.И.* Коснулся ли Холокост цыган России? // Там же; *Суховеров, В.* Цыганский мир. — Волгоград, 2003; *Смирнов, А.Т., Мишин, Б.И., Васнев, В.А.* Основы безопасности жизнедеятельности. 10 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. — М., 2004; *Бугай, Н.Ф.* Цыгане России: начало XXI века // Этнопанорама. — Оренбург, 2003. — № 3—4; *Его же.* Проблемы российских цыган // Этносфера. — М., 2004. — № 4 (67); *Кирей, Н.* Цыгане на путях истории // Кубань. — 1983. — № 4; *Бариев, А.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы. — М., 2005; *Его же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы. — М., 2006; *Его же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. — М., 2007; *Катаниди, Т.Н.* Образ цыганского этноса в кубанских печатных

изданиях // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность), 1906—2006 гг.: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Adler, 7—14 окт. 2006 г. — Краснодар, 2006; *Маргиев, П.* Холокост цыган // Цыгане России. — 2008. — № 1 (3); *Бугай, Н.Ф.* Цыгане в системе межнациональных отношений Черноморья — Кубанской области — Краснодарского края: (к 170-летию появления цыган на Кубани) // Голос минувшего: кубан. ист. журн. — 2009. № 3—4; *Бессонов, Н.В.* Цыганская трагедия, 1941—1945: факты, документы, воспоминания: [в 2 т.]. — Санкт-Петербург, 2010. — Т. 2: Вооруженный отпор; *Кирей, Н.И.* Цыгане Краснодарского края. — Краснодар, 2010; и др.

⁴ «В поисках счастливых цыган (преследование отверженных меньшинств в России)». Доклад Европейского центра по правам цыган. 2006 г.

⁵ Информация Управления по взаимодействию с общественными объединениями администрации Краснодарского края от 24 января 2006 г. № 15-59/06-08 // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. 2006 г.

⁶ Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. — 2006 г.

⁷ Материалы взяты из информационных сообщений, поступавших в Департамент по взаимодействию с субъектами Российской Федерации Правительства Российской Федерации. 2004 г.

⁸ Там же.

⁹ Письмо заместителя губернатора Белгородской области В. Пучкова на имя министра Российской Федерации В.Ю. Зорина от 8 октября 2003 г. // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. — Копия.

¹⁰ Информация правительства Кировской области о положении российских цыган, корейцев, курдов на территории Кировской области за подписью заместителя председателя правительства области Е.А. Клевачкина от 31 января 2006 г. № 04-09-12063, представленная на имя директора Департамента межнациональных отношений Ю.В. Балахнина // Там же.

¹¹ Территория муниципального образования «Ленинский район» опоясывает кольцом областной центр г. Тулу и граничит на севере с Алексинским и Ясногорским районами, на юге — со Шекинским, на Востоке — с Веневским и Киреевским, на западе — с Дубенским районами. Составляет 5,2% территории Тульской области. Численность постоянного населения на апрель 2006 г. достигала 62,5 тыс. чел.

¹² Отчет о служебной командировке заместителя начальника отдела Департамента межнациональных отношений Минрегиона России А.Н. Калабанова от 23 ноября 2006 г. // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России.

¹³ Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. 2006 г.

¹⁴ *Торохов, А.* «Рома-Урал»: диалог с властью стремимся вести на равных // Цыгане России. — 2007. — № 1 (1). — С. 48.

¹⁵ Там же. — С. 53.

¹⁶ *Карabanенко, В.* Самый тяжелый вопрос — трудоустройство // Цыгане России. — 2007. — № 1 (1). — С. 55.

¹⁷ Текущий архив Минрегиона России. 2010 г.

¹⁸ Письмо в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России о положении цыган Новгородской области (г. Чудово) от 2 ноября 2007 г. // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. — Копия.

¹⁹ Республика Карелия. По «цыганской дороге» // Цыгане России. — 2007. — № 1 (1). — С. 56.

²⁰ Информационное письмо зам. губернатора Курской области Н.И. Овчарова на имя директора Департамента межнациональных отношений Ю.В. Балахнина

от 23 января 2006 г. № 03-99/47 // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. — Копия.

²¹ Информация начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Л.Т. Зауэрвайна, поступившая в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России, 10 января 2000 г. // Там же. — Копия.

²² Информация председателя Комитета по информации и национальной политике, связям с общественностью Республики Алтай А.М. Кубашева на имя Министра Российской Федерации В.Ю. Зорина от 8 октября 2003 г. № 313 // Там же. — Копия.

²³ Информация руководителя Администрации губернатора Астраханской области о положении цыган, корейцев и курдов в Астраханской области на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России Ю.В. Балахнина от 23 января 2006 г. № 02-01-10143 // Там же. — Копия.

²⁴ *Иващенко В.И.* Цыгане. URL: <http://www.kavkazonline.ru/tnziklopedia/peoples/articles/C/Cigane.htm>

²⁵ Аналитическая справка «Цыгане», 2010 г., с. 7. (Текущий архив Минрегиона России).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. — С. 6—8.

²⁸ Письмо зам. губернатора Саратовской области В. Пучкова в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегион России. 2010 г.

²⁹ Вообще, если судить о представительстве цыган в государственном аппарате муниципального уровня (региональном, областном, районном) и аппарате сферы культуры, то они составляют мизерный процент. Так, известно, что в Рогнединском районе Брянской области в должности методиста по оркестровой работе трудится Гордиенко Василий Иванович (цыган) (см.: Информация администрации Брянской области на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России от 31 января 2006 г. за подписью заместителя губернатора А.Н. Теребунова // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России). Работу художественным руководителем Славского районного дома культуры совмещает с постом председателя Балтийской писательской организации Н.А. Василевский (издал несколько поэтических сборников). Здесь же, в Калининградской области, в Полесском районе, должность заведующего отделом культуры занята представителем цыганской национальности (см.: Информация губернатора Калининградской области В.Г. Егорова в адрес Министра Российской Федерации В.Ю. Зорина от 14 октября 2003 г. // Там же. — Копия). М.Д. Буров — заместитель директора по оптовой торговле ООО НФН «Трейд» в Республике Коми. Во Владимирской области депутатом Законодательного Собрания был А.С. Антонов (см.: Цыгане России. — 2008 — № 1 (3). — С. 36).

³⁰ Информация агентства «ИТАР-ТАСС» от 7 апреля 2004 г.

³¹ Аналитическая справка «Цыгане», 2010, с. 6 (Текущий архив Минрегиона России).

³² См. подробнее: *Шабаетв, Ю.П.* Архангельская область // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. — М., 2005. — С. 123—133.

³³ Информационное сообщение министра культуры и межнациональных отношений Калининградской области М.А. Андреева на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России Ю.В. Балахнина от 9 февраля 2006 г. № 301 // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России. 2006 г.

³⁴ Письмо первого заместителя губернатора Вологодской области в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России от 24 января 2006 г. // Там же.

М.Ю. Анисимов

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756—1763 ГГ. В ЕВРОПЕ

Статья посвящена борьбе российской дипломатии в турецкой столице за нейтралитет Османской империи в идущей в Европе Семилетней войне, где Россия, Австрия и Франция воевали против Пруссии и поддерживающей ее Англии. Несмотря на неудачу российских намерений воспрепятствовать появлению в Стамбуле постоянного прусского представителя, до конца правления Елизаветы Петровны (начало 1762 г.) Турция так и не предпринимала никаких враждебных России действий. Приход к власти в Петербурге Петра III, известного поклонника Фридриха II, тайно пытавшегося спровоцировать турок на войну против Австрии, заставил русских дипломатов проявить все свое умение для нейтрализации этих планов.

Ключевые слова: Россия и Турция; дипломатия; А.М. Обресков; Семилетняя война.

М. Yu. Anisimov

Russian diplomacy in Constantinople in days of Seven Years' War 1756—1763 in Europe

Article is devoted struggle of the Russian diplomacy in Turkish capital for a neutrality of Ottoman Empire in Seven Years' War going in Europe where Russia, Austria and France were at war against Prussia and England. Despite failure of the Russian intentions to prevent occurrence in Istanbul the constant Prussian representative, till the end of Elizabeth Petrovna's board (the beginning of 1762) Turkey and did not undertake any actions hostile to Russia. Peter III, the known admirer Frederick II, coming to power in Petersburg, secretly trying to provoke the Turk to war against Austria, has forced Russian diplomats to show all ability for neutralisation of these plans.

Key words: Russia and Turkey; diplomacy; Obreskov; Seven Years' War.

Семилетняя война в Европе началась летом 1756 г. В этот год стремительно прекратили свое существование прежние европейские союзы — англо-австро-русский и франко-пруссский. На их место пришли австро-франко-русский и англо-пруссский союзы, которые и вступили

в вооруженную борьбу друг с другом. Боевые действия оттеснили на второй план в европейских столицах дипломатические интриги времен подготовки Семилетней войны. И теперь главным центром противоборства европейской дипломатии стала столица не участвующей в европейской войне Османской империи. Для России Турция всегда была опасным соседом, она постоянно таила угрозу вооруженного выступления против нее и вынуждала Петербург, особенно в условиях начавшейся войны в Европе, очень внимательно относиться к позиции Стамбула (в русских документах — Константинополя).

Русско-турецкие отношения периода 1757—1762 гг., т.е. времени участия России в Семилетней войне, не были объектом исследования специальных работ. Исследование русско-турецких отношений середины XVIII в. болгарского историка Р. Михневой завершается 1756 г.¹ С.М. Соловьев уделяет основное внимание событиям войны в Европе². Также обзорно ситуация в русско-турецких отношениях к началу русско-турецкой войны 1768—1774 гг. рассмотрена в первой главе работы Е.И. Дружининой³. При этом развитие собственно русско-турецких отношений и роль в них русских дипломатов не рассматривалась. В трудах В.А. Уляницкого подробно рассмотрены вопросы русской торговли на Черном море, но также не исследовались вопросы русско-турецких политических отношений на фоне Семилетней войны⁴.

Во время Семилетней войны российские интересы в Стамбуле защищал резидент Алексей Михайлович Обресков, с 1751 г. бывший представителем императрицы Елизаветы Петровны при Османской Порте (правительстве султана). В турецкой столице первое место по влиянию среди европейских дипломатов традиционно, еще с XVI в., принадлежало французским послам. Именно они часто были причиной агрессивных действий Турции против России, но теперь Франция и Россия были союзниками по борьбе с Пруссией. Другими союзниками России уже много лет были австрийцы, имевшие в Стамбуле своего представителя в ранге интернунция, а также шведы. Эти извечные противники России теперь, как и французы, после «дипломатической революции» стали союзниками Петербурга. Единственным представителем противоположного лагеря в Стамбуле был английский посол, прежний союзник Обрескова. Основной задачей русской дипломатии было сохранение статус-кво, т.е. недопущение любых антироссийских действий турецкого правительства. При султани Османе III эта задача была легкой: Турция сама не желала вмешиваться в европейские дела, чему благоприятствовал и сам миролюбивый апатичный султан. Однако в Турции и в ее правительстве было много людей, желавших, опираясь, прежде всего, на людские ресурсы армии, возратить Блистательной Порте ее былой блеск.

В начале Семилетней войны Петербург был озабочен возможной реакцией Порты на проход русской армии к театру боевых действий в Европе через Речь Посполитую. Стамбул считался «протектором» польской республики и в России опасались, что он может выступить с какими-либо протестами и противники России могут воспользоваться этим и спровоцировать осложнения на юге России.

А.М. Обресков доносил в Петербург, что он вручал турецким властям промеморию (памятную записку) о том, что Россия ведет боевые действия во исполнение своего союза с Австрией и Саксонией и во имя возвращения польскому королю его наследственных земель, захваченных в 1756 г. прусским королем Фридрихом II. Поэтому русские войска идут через «северный край» Польши к театру боевых действий. Обресков пояснил в своей реляции в Петербург, что намеренно не указал более точного района прохода войск, так как формулировка «северный край Польши», как писал резидент, «пределов не имеет»⁵, и в случае, если русским войскам понадобится занять даже Варшаву, Порты будет уже заранее предупреждена русскими и не будет возмущаться.

Эту промеморию турецкий реис-эфенди, исполнявший в Турции функции министра иностранных дел, «не токмо с приятностью, но почти с благодарением принял». Великий визирь (первый министр) Мустафа-паша, как сообщали Обрескову его платные информаторы из канцелярии реис-эфенди, тоже с удовлетворением воспринял русскую декларацию⁶. На спокойствие Порты повлияла и позиция Франции, союзной теперь России, — ее посол в Стамбуле Ш. Гравье де Верженн также в это время уговаривал турок индифферентно смотреть на проход русских войск через Польшу⁷.

Султан издал хатт-и-шериф, предписывающий пашам в Северном Причерноморье избегать всего того, что может спровоцировать ухудшение русско-турецких отношений. Схожее предписание было отправлено и к крымскому хану Халим-Гирею (1756—1758). Переводчик (драгоман) Порты, православный грек, по собственной инициативе сообщил Обрескову, что о проходе русских через Польшу Порты «толь спокойна, что более быть не можно»⁸. Обресков резюмировал, что с этой стороны опасности для русских интересов нет никакой, если только ситуация не изменится и война не перекинется на польскую территорию.

На руку русской дипломатии была и смена визиря, последовавшая 31 декабря 1756 г. Новым визирем стал Коджа Мехмед Рагиб-паша. О новом визире Обресков мог сообщить только сведения из его прошлого, по которым для российских интересов на должность визиря «достойнее и угоднее человека изыскать бы не можно». Он был одним из турецких уполномоченных на Немировском конгрессе 1737 г., потом

был назначен реис-эфенди (1741—1744), а после стал трехбунчужным пашой в Азии. В бытность свою реис-эфенди Рагиб-паша отказался заключать союз с Фридрихом II, что было особенно ценно в нынешних обстоятельствах, кроме того, по характеристике Обрескова, новый визирь «честный, добронравный, справедливый, неподкупный»⁹.

9 марта 1757 г. Обресков имел конференцию с Рагибом-пашой, на которой визирь сообщил резиденту, что просит русское правительство не нарушать польские вольности во время прохода русских войск через Речь Посполитую. Обресков заверил Рагиба-пашу, что Россия никоим образом не помышляет об этом. Зная, что визиря подвигли на такие просьбы письма польского гетмана графа Я.К. Браницкого, главы антирусской партии в Польше, Обресков продолжил, что в Польше есть некоторые недовольные проходом русских войск, но в Речи Посполитой всегда есть те, кто будет недоволен всем.

Удовлетворенный общением с новым визирем, Обресков снова уверил Петербург, что Порты относительно прохода русских войск «не токмо не противится, но и сама оный нужным признает»¹⁰. За эти сведения Петербург благодарил Обрескова рескриптом от 25 февраля 1757 г., сообщая, что русская армия двинется в Польшу без всяких опасений¹¹.

Тем временем в Петербурге еще в январе 1757 г., после сообщений Обрескова о заключении в Стамбуле в 1756 г. датским эмиссаром Геллером торгового договора с Турцией, решили воспользоваться этим случаем и попытаться решить многолетнюю проблему, связанную с условиями Белградского мира, запретившем России торговать в Черном море на своих кораблях. Отмена такого запрета интересовала Петербург с 1744 г.¹²

Своему резиденту в Османской империи Петербург предписал предпринять все возможные усилия для убеждения Порты разрешить русским купцам «свободный ход на Черном море», чем русскому «купечеству подастся совершенная вольность, необходимо к тому нужная и потребная». Ничего опасного для Порты «от заведения у нас малого числа мореходных купеческих судов» быть не может¹³. Торговые суда других европейских государств в мирное время вольны посещать все турецкие порты на Средиземном море, а венецианцы могут отправлять туда и вооруженные торговые суда. Русские торговцы все равно будут проходить по узкому Керченскому проливу под жерлами турецких крепостных орудий, а на Черном море у русских нет своих портов, и все перемещения русских купцов будут проходить под контролем турок.

Этими аргументами Обресков подкреплял свои предложения у Порты. Ему поручалось всеми способами склонить на свою сторону влиятельных лиц, пользуясь поводом успешных датских переговоров

с Портой и, приводя их в пример, говорить о том, что Россия, соседняя и дружественная нынешней Турции страна, чувствует свою ущемленность, лишённая тех прав, которые Стамбул предоставляет далеким от Средиземноморья странам. Из-за этого Россия постоянно терпит убытки, так как «подданные наши принуждены нагружать товары свои на турецкие суда за весьма неумеренную цену»¹⁴, корабли эти зачастую ведут неумелые греки, которые губят суда и товары. Второй задачей Обрескова стало получение разрешения Порты на появление в Крыму русского консула, что делалось и из политических видов, и для «приращения вообще здешней коммерции на Черном море и самом Крыму»¹⁵.

8 апреля 1757 г. Обресков, получив эти предписания, отвечал Петербургу по поводу разрешения русской коммерции на Черном море следующим образом. Торговля в акватории Черного моря русским судам запрещалась Белградским мирным договором 1739 г., завершившим русско-австро-турецкую войну, и изменить его в результате обычных переговоров невозможно. Турция вообще очень ревниво относилась к Черному морю, не допуская туда никого, даже своих союзников-французов, которые не знали никаких преград в остальных частях обширной Османской империи — в 1738 г., писал резидент, турки отказали французам, предлагавшим предоставить свои суда для переброски турецких войск к театру боевых действий, несмотря на то, что турецкие армии терпели неудачи в боях с русскими, а у самих турок не хватало транспортов для перевозки подкреплений. И в дальнейшем французской дипломатии так и не удалось получить разрешения на торговое мореплавание в Черном море.

Более перспективным резидент считал переговоры по поводу допущения в Крым российской «ауторизованной персоны». По представлениям Обрескова Порта обращалась к крымскому хану с вопросом о том, что он думает по поводу пребывания у его двора русского официального представителя. Халим-Гирей ответил по-восточному хитро, написав в ответ, что он сам не против, но крымские мурзы, т.е. «крымская старшина никакой в том нужды не признает»¹⁶. Порта Обрескову отказала. Резидент опровергал это мнение консервативностью мурз, которые потом сами будут благодарить Порту за назначение русского дипломата, который сможет на месте регулировать их конфликты с запорожцами и пограничными русскими начальниками.

Видя, что ответ Порты не категоричен, Обресков через третьих лиц предложил реис-эфенди 1000 червонных за содействие в получении разрешения на прибытие в Крым русского консула. Для реис-эфенди Обресков написал новое представление, апеллируя к 9-й статье мирного договора, по которому русские купцы могут пользо-

ваться всеми правами купцов дружественной державы. Поскольку дружественные Порте державы давно имеют консулов во всех интересующих их торговцев местах, будет справедливо, если и русские купцы получат своего консула в Крыму¹⁷.

Реис-эфенди проверил текст мирного договора, убедился в наличии такого пункта и доложил о представлении русского резидента визирю. Опытный Рагиб-паша отметил, что, с одной стороны, русский консул в Крыму будет полезен Порте, а с другой — нет. Кроме того, русские поднимают вопрос о консуле в Крыму уже много лет.

Обресков продолжал уговаривать реис-эфенди, тот — обращаться с представлениями к визирю, и Рагиб-паша все же внес вопрос о консуле в доклад к султану, но указал там на отрицательное мнение крымской верхушки. Султан оставил этот вопрос на усмотрение крымского хана. Тем не менее, Обресков продолжал давление на реис-эфенди, но карты ему спутала очередная смена министров. Был смнен один из чиновников, который был посредником русского резидента по подкупу реис-эфенди, а затем был смещен и сам реис-эфенди. На его место получил назначение тот, кого Обресков считал злонамеренным к России, и, таким образом, как отметил резидент в реляции от 8 апреля, «все мои труды ни во что обратились», и с предложением об учреждении русского консульства в Крыму придется подождать до лучших времен¹⁸.

После мусульманского праздника Байрам Обресков вновь сделал представление, теперь уже новому реис-эфенди, о необходимости русского торгового агента в Крыму, но встретил отказ. В связи с этим он решил не обращаться с этим вопросом к Порте вплоть до новой смены руководителя внешнеполитическими делами Турции.

Со своей стороны Алексей Михайлович предложил российскому правительству меры, которые могли бы изменить отношение крымской элиты к вопросу о русском консуле или хотя бы торговом агенте. Он указал, что в Крыму уже многие годы торгует путивльский купец Алексей Шестаков. Обресков писал, что купец этот прекрасно знал крымские порядки, был вхож к хану, являясь другом одного из его сыновей, отличался спокойным поведением и говорил по-татарски и по-турецки. Резидент предложил наделить Шестакова полномочиями русского торгового агента или стряпчего — хан скорее примет в таком качестве именно его, хорошо ему известного, а не кого-то нового, присланного из России. Для Петербурга также лучше иметь консулом бывалого человека, а не новичка, кроме того, Шестаков все равно будет там находиться по своим торговым делам. В случае положительного ответа на его предложение, Обресков рекомендовал Петербургу получить у хана берат¹⁹, в котором Шестакову предоставлялось бы право

выступать в турецких судах. Шестаков должен был бы представлять только торговые интересы россиян, не вмешиваясь во взаимоотношения татар и запорожцев. Обресков предлагал назначить Шестакову, в случае успеха его миссии, соответствующее жалование и разрешить по-прежнему заниматься торговлей²⁰. К идее назначения в Крым в качестве «авторизованной персоны» именно купца А. Шестакова Коллегия иностранных дел пришла еще в 1754 г., после соответствующего предложения Киевской губернской канцелярии²¹. В итоге после долгих проволочек хан Халим-Гирей согласился принять при своем дворе Шестакова в качестве поверенного, и тот привез в Бахчисарай свои кредитивы в июле 1758 г. При этом на Шестакова, в отличие от других консулов, возлагались и некоторые политические обязанности: «следить за вооружениями крымцев и за их политическими замыслами, за сношениями их с Портою, Пруссией и Польшею»²².

Пока шли эти переговоры, турецкое министерство продолжало следить за событиями в воюющей Европе. Стремление заинтересовать Порту постоянно проявлял английский посол в Стамбуле Джеймс Портер, имевший инструкции из Лондона содействовать сближению Пруссии и Турции. Прусский король Фридрих II тоже пытался уговорить Порту заключить с ним союз. Обресков постоянно сообщал о все новых и новых прусских эмиссарах, прибывавших в Турцию один на смену другому. Пока все их усилия ни к чему не приводили, но русский резидент считал, что «пруссский король никакими отказами не скучит домогателя Оттоманской Порты дружбу себе приобрести» для того, чтобы «с честью выдратца» из войны²³. Задачей англо-прусской дипломатии было создание любых осложнений между Турцией с одной стороны и Россией и Австрией — с другой. Даже простое усиление турецких войск на северных границах уже заставило бы русских и австрийцев отвлечь на юг часть сил, действовавших против Пруссии.

Порта сама опасалась как перекидывания европейской войны на ее территорию, так и того, что после победы над Фридрихом II Австрия и Россия захотят отправить свои опытные войска против турок. На совещании турецких министров некоторые из них советовали на всякий случай отправить к северным границам подкрепления и запасы провианта. Визирь Рагиб-паша отметил, что предложения резонны, но только эти действия невозможно сохранить втайне, а султан предписал Порте избегать любых действий, которые могут быть провокацией в отношении соседних держав. Резюмируя, визирь высказал мнение, с которым согласились остальные, что, пока Россия и Австрия заняты войной против Пруссии, Турции опасаться нечего²⁴.

Обресков считал, что лучшим средством удержать Турцию от сближения с Пруссией будет как можно более быстрая победа анти-

прусской коалиции в войне над Фридрихом II. В противном случае «Порта, увидя, что три наисильнейшие в Европе державы столь великими силами вооружась, смять его не могли», решит, что прусский король очень силен и может быть ей полезен²⁵.

Вести с театров военных действий, приходившие в Стамбул в первой половине 1757 г., казалось, подтверждали слова резидента. Фридрих II, разбив 6 мая австрийскую армию фельдмаршала графа М.У. Брауна под Прагой, заставил говорить о себе в Стамбуле в самых восторженных тонах. Турки даже волновались, что будет, когда прусский король сокрушит Австрию, завоюет Венгрию и станет соседом Османской империи. Даже ожидаемое вторжение пруссаков в Венгрию могло втянуть Стамбул в войну, как когда-то вторжение на российскую Украину армии шведского короля Карла XII закончилось войной России и Турции в 1711 г. Поэтому теперь белградскому паше было приказано следить за ситуацией на другом берегу Дуная, не покидать город и усилить его укрепления.

Турецкие чиновники спрашивали Обрескова о том, что же делает в это время русская армия и почему она стоит без движения. Резидент отвечал, что в северных краях в весеннее время еще холодно и боевые действия в такое время не ведутся. Турки, по словам Обрескова, не верили в это, поскольку знали только теплую средиземноморскую весну. Англичанин Портер, подливая масло в огонь турецкого недоверия, заявлял, что русские не пойдут против Фридриха II — они будут отправлены против самих турок. Позже Портер утверждал, что русские потому не начинают воевать, что Петербург ведет тайные переговоры с Фридрихом II. Союзник Обрескова французский посол в Стамбуле Верженн также просил русских как можно быстрее открыть боевые действия против пруссаков, так как турок беспокоит нахождение русских войск в Польше.

Впрочем, в начале лета ситуация успешно разрешилась в пользу Обрескова: русские войска вступили на территорию Пруссии, русский флот захватил несколько прусских судов и блокировал прусские порты. 28 июня 1757 г. резидент довел эти факты до сведения турецких властей. По сообщению русских агентов в канцелярии реис-эфенди, их шеф, докладывая визирю, сообщил, что русский дипломат обещал в дальнейшем извещать Порту о ходе военных действий. Визирь в ответ просил реис-эфенди передать свои благодарности Обрескову за это любезное обязательство²⁶.

В октябре 1757 г., когда пришли известия о русской победе над пруссаками у Гросс-Егерсдорфа, Обресков отмечал, что новое свидетельство усиления России вызвало в Стамбуле неудовольствие. Зная, что английский посол ранее распространял известия о поражении

русской армии, резидент стал везде рассылать копии присланной ему реляции об этом сражении. Дополнительно Обресков сам сочинил, «с некоторою переменою и небольшою прикрасою», экстракт повествования якобы «от неизвестной особы», которая была свидетелем этого сражения, и также стал распространять его среди турок²⁷.

В августе 1757 г. в очередной раз состоялись перестановки в Порте, и на пост реис-эфенди был назначен Абди-эфенди, который уже был реис-эфенди в 1755 г., а затем был отправлен в ссылку. Обресков тогда описывал его как свирепого и горделивого человека, и своего мнения не изменил. Но, несмотря на это, русский резидент считал Абди-эфенди полезным для России политиком, так как тот всегда строго соблюдал мирные договоры. Обресков даже время от времени делал подарки Абди-эфенди, когда тот находился в ссылке, но сомневался, вспомнит ли турок об этом теперь. Тем не менее, Обресков не ошибся в характеристике нового реис-эфенди. Когда резидент говорил переводчику Порты о своих опасениях усилением турецких приграничных крепостей, тот, по словам Обрескова, «быстро в глаза мои взглянув», уверил его, что это никоим образом не направлено против России и пообещал сообщить о словах Обрескова Порте, и та официально ответила, что это просто починка пограничных укреплений, так как вся Европа воюет. Русские агенты сообщили, что Абди-эфенди, ответив таким образом, распорядился тайно остановить отправку подкреплений на границы²⁸.

Осенью 1757 г. наметились подвижки в деле о разрешении русского мореплавания на Черном море. Обресков установил контакт с языджи-эфенди, т.е. секретарем султана, который знал султана Османа III еще со времен заточения в Серале при его старшем брате. Обресков считал его лучшим кандидатом для решения поставленной задачи — все визири Османа III заискивали перед султанским секретарем, который был умным и осторожным человеком. Языджи-эфенди предложил свои услуги по отмене запрета русского мореплавания на Черном море за 30 тысяч рублей, и резидент запросил решения Петербурга по этому делу²⁹.

Однако через несколько дней смысла ждать ответ из Петербурга уже не было. 19 октября, в 8 часов пополудни, от долгой желудочной болезни скончался бездетный султан Осман III. Естественно, потерял свое влияние его секретарь.

Новым султаном стал Мустафа III (1757—1774), старший сын свергнутого в 1730 г. султана Ахмета III и двоюродный брат султанов Махмуда I и Османа III. С момента свержения своего отца, т.е. с 15 лет, он все время находился в заточении и достиг возраста 41 года. Обресков ничего не знал о нем, кроме того, что турки рассказывали о детских годах нынешнего султана: «здоровья нежного, или лутче сказать слабого,

казался угрюмым и к скупости склонным»³⁰. Позднее резидент писал, что, по его мнению, новый султан «монарх умный, добродетельный и кроткий, так что вся надежда подается государствованию его видеть тихое и миролюбивое»³¹. Эти надежды Обрескова не оправдались — именно султан Мустафа III начнет войну с Россией в 1768 г. и отправит этого русского дипломата в заточение в Семибашенный замок.

Новый султан сохранил прежнего визиря, будучи высокого мнения о его достоинствах, и это мнение разделяли и стамбульские турки, и иностранные дипломаты. Визирь Рагиб-паша, осторожный политик, предоставил свои соображения о внешней политике и о европейских державах, из которых интересен его отзыв о России, доставленный Обрескову его информаторами.

Визирь писал: «Российский двор ныне между христианскими державами состоит в числе великих; но как алчно желает вящее почтение себе приобрести и с наивеличайшими державами считатца, то, стараясь день от дни о приращении достоинства своего, гордо и с малым уважением поступает», но при этом Россия миролюбива, соблюдает договоры и всегда идет навстречу Порте в различных делах³².

Сам Рагиб-паша, видя поддержку султана, снял с поста реис-эфенди Абди-эфенди, «которого потеря мне несколько сожалительна», как отметил Обресков, считая его по-прежнему надежным, приветливым, хоть и суровым человеком³³. На его место визирь определил свою креатуру, и новый реис-эфенди, как доносил русский резидент, действовал робко и без вызова к визирю не ходил. Визирь же, опасаясь, что его могут обвинить в узурпации власти, по сообщениям информаторов Обрескова, пытался через имама ввести султана Мустафу в курс дел. Но султан ответил имаму, что его визирь умен и добр, и сам знает, как управлять страной, а султан лучше вместо политики поговорит с имамом о Коране.

В мае 1758 г. осложнилась обстановка вблизи южных границ России, когда произошли столкновения у города Бендеры между буджакскими татарами, жившими в южной Бессарабии, и эдисанскими татарами, жившими восточнее. Последние возмутились против притеснявшего их правителя Буджака, сераскер-султана буджакского, сына крымского хана Халим-Гирея. Победа в столкновениях осталась за эдисанцами, и крымский хан стал готовиться к карательному походу против них. Это не понравилось Стамбулу, и он стал искать способы смены хана. Одновременно Порта обратилась к Обрескову с призывом к русским отказать в приеме на своей территории эдисанской орды, если та, спасаясь от крымцев, двинется к русским границам. Россия должна была выдавать беглых турецких подданных по 8-й статье Белградского мирного договора с Турцией.

Халим-Гирей донес в Стамбул, что уговорил восставших эдисанцев, исключая только несколько семейств, сложить оружие и примириться с ним. Однако это опровергал в начале августа российский рейтарский вахмистр Егор Харламов, который, сопровождая русских курьеров из Киева, своими глазами видел 10 тысяч эдисанских татар, идущих с семьями просить убежища в Польше³⁴. В августе же русский резидент донес о смене хана Халим-Гирея и назначении на его место прежнего хана, Арслан-Гирея, возвращенного по такому случаю из ссылки, но это сообщение не подтвердилось позже, когда через неделю Обресков отправил новую реляцию. Халим-Гирей был подтвержден в своем статусе, а Арслан-Гирей за происки снова сослан на остров Родос. При этом опять взбунтовавшиеся эдисанцы, переправившись за Днестр, сожгли 4 деревни буджакских татар³⁵.

Ситуация продолжала накаляться, в Северном Причерноморье активно собирались с силами крымские татары, а турки усиливали свои приграничные гарнизоны. Это, как с неудовольствием отмечал Обресков, «в Европе много шума наделает»³⁶.

Однако такие меры вовсе не умиротворили восставших эдисанцев, наоборот, к началу октября 1758 г. они осадили турецкую крепость Бендеры, вторглись в Молдавию, угнали на свою сторону много скота и совершили множество других насилий в отношении турецких же подданных. Турки в Стамбуле, по словам Обрескова, были даже довольны тем, что эдисанцы не начали мятеж зимой, когда замерз бы Дунай, и это позволило бы мятежному народу пройти минимум до Адрианополя.

Тут уж Порта изменила прежнее решение и все-таки сменила и сераскера буджакского, и крымского хана. Из ссылки по такому случаю опять был возвращен Арслан-Гирей. Однако Стамбулу пришлось в третий раз менять свои планы и опять водворять Арслан-Гирея на Родос, но теперь уже под давлением эдисанцев, которые отказались признавать ханом любого другого, кроме находившегося у них Крым-Гирея (Кырым-Гирея), младшего брата Арслан-Гирея. Крым-Гирей специально прибыл к ним из Турции, где уже несколько лет жил, и являлся инициатором антиханской интриги. Порте пришлось вынужденно согласиться с таким решением подданных и назначить ханом Крым-Гирея (первое правление 1758—1764 гг.).

Все это время Обресков постоянно доносил о сменявших друг друга в Турции прусских эмиссарах, пытавшихся заинтересовать Порту сближением с Фридрихом II. До поры их активность не имела никакого результата, несмотря и на поддержку таких действий английско-го посла Дж. Портера, представителя союзного Берлину двора.

И тут 3 апреля 1759 г. Алексей Михайлович сообщил в Петербург об открытом им через своих информаторов факте тайной встречи

великого визиря Рагиба-паши и секретаря английского посольства по поводу прусских представлений. Для этого визирь инкогнито прибыл в один из султанских загородных дворцов, где его ждал английский секретарь и один переводчик. Английский представитель заверил визиря, что прусский эмиссар имеет с собой полномочия от своего короля для заключения с Портой союзного и торгового договора. Обресков писал, что английский посол получил от своего двора 100 тысяч ливров для преклонения визиря к союзу с Берлином. В результате переговоров Рагиб-паша склонился на заключение с Фридрихом II торгового договора по типу того, который Порта недавно заключила с Данией. Попытки англичан настоять на заключении если не наступательного, то хотя бы оборонительного военного союза Пруссии и Турции визирь отклонил. Английская сторона взяла перерыв, чтобы поставить в известность о предложении визиря прусского короля и выяснить, согласен ли он на это³⁷.

Сам русский резидент считал, что англичане могут и не спрашивать мнения Фридриха II, так как и торговый договор станет для прусского короля крупным успехом — он получит право на пребывание своего дипломата при Порте, что даст ему возможность вести интриги в Стамбуле. По мысли Обрескова, такой торговый прусско-турецкий договор мог не устроить и Лондон, так как не приносил ему никаких дивидендов, более того, означал появление нового конкурента англичан в левантской торговле³⁸.

Визирь провел встречу в загородном дворце втайне не только от других иностранных дипломатов, но и от остальных чиновников Порты. Обресков, поставив в известность союзных России дипломатов о состоявшейся тайной встрече визиря и секретаря английского посольства по поводу отношений с Пруссией, вместе с австрийцем Швахгеймом и французом Верженном решил не делать никаких представлений Порте, опасаясь навредить делу. Вместо этого представление визирю должен был вручить шведский резидент Густав Целзинг, так как прусский эмиссар, обретавшийся в английском посольстве, ранее выдавал себя за шведского офицера Карла фон Рексина (настоящее имя пруссака было Готфрид Фабиан Гауде). Целзинг должен был рассказать о том, что этот эмиссар — опытный обманщик, потому не достоин веры (впрочем, как и его монарх — Фридрих II).

Швед вручил такую ноту визирю Рагибу-паше и пожаловался на то, что Швеция, союзная Порте, может в таком случае остаться один на один с Пруссией, и тогда уж точно погибнет. Визирь в ответ заявил, что никакого сближения его страны с Пруссией нет.

Обресков, всюду имевший своих людей, как в канцелярии визиря, так и в английском посольстве, достал копию грамоты Фридриха II,

который поздравлял султана с восшествием на престол и выражал надежду на сближение. Грамота была датирована 15 декабря 1757 г.

В конце апреля слух о тайных переговорах визиря рассеялся по турецкой столице. Рагиб-паша в связи с этим высказался перед Портой в том смысле, что знает о таком слухе, но даже если бы он имел под собой основания, то Турция имеет полное право вести переговоры с кем угодно, так как в Стамбуле знают о договорах христианских государств, намекая на союзный договор России и Австрии, направленный против Турции. Французы же, по словам визиря, ранее сделали столько представлений о пользе прусско-турецкого союза, что ими «не один сундук наполнен», а теперь же их мнение поменялось на прямо противоположное, и чего же тогда стоят советы «сих мнимых друзей» Порты?³⁹

Обресков, комментируя эти слова, отметил, что Рагиб-паша в принципе прав, но такие же слова он мог сказать и об англичанах, с которыми теперь вел переговоры о заключении союза с Пруссией, и которые ранее, до 1756 г., когда они были противниками франко-прусского союза, также категорично выступали против турецкого сближения с Фридрихом II. Русский резидент считал, что визирь, судя по его словам, твердо намерен довести до конца сближение с Пруссией, и его собственные усилия помешать этому могут не принести результата. Он писал императрице Елизавете: «Ежели между тем временем оружие вашего императорского величества и высоких ваших союзников над помянутым прусским королем никакого знатного аванжа не одержат, не можно надежно уповать в желаемом предупеть»⁴⁰.

Но пока таких известий в Стамбул не поступало, и для того, чтобы ослабить желание турок идти навстречу пруссакам, Обресков в июне 1759 г. распустил слухи, что Фридрих II предлагал России мир, и попросил союзных дипломатов подтвердить его. Это свидетельствовало бы во мнении турок о слабости прусского короля и истощении его сил.

Со своей стороны француз Верженн сделал представление Порте о коварстве Фридриха II. Ответ Порты, по словам Обрескова, показывал явное раздражение визиря от того, что его тайные дела стали всем известны. Однако прошло всего 4 дня, и недавно назначенный реис-эфенди Абдулла-эфенди (по словам Обрескова, «человек о делах сведующий, благоразумный и добронравный»⁴¹) значительно смягчил прежнюю ноту в разговоре с французским переводчиком, заявив, что его страна является другом Франции, а слухи о сближении с Пруссией — всего лишь выдумки, а в планах Порты такого нет⁴².

Удивленные союзные дипломаты решили выяснить причины столь быстрой смены настроения в турецких верхах, и оказалось, что первая нота была вызвана уверениями англичан, что русская армия

была полностью разгромлена Фридрихом II. Вторая же нота объяснялась тем, что после этого в Стамбул из Молдавии пришло подлинное известие о победе русской армии фельдмаршала П.С. Салтыкова над прусским корпусом генерала Веделя при Пальциге 12 (23) июля 1759 г., которое тут же было подтверждено и сведениями из Польши. Реис-эфенди после этих новостей сразу вызвал английского переводчика и от имени визиря попросил его больше не заводить речь о заключении прусско-турецкого договора.

Но это было только начало. 1 (12) августа того же года русская армия Салтыкова наголову разгромила армию самого Фридриха II при Кунерсдорфе. Естественно, при таких известиях Порты и вовсе оставила в забвении прусские предложения. Обресков отметил, что в Стамбуле, несмотря на выражение удовольствия русскому резиденту по поводу военных побед армии его императрицы, турецкие официальные лица втайне недовольны этими известиями и желали бы, чтобы пруссаки продолжали бы войну. В этом, как узнал резидент, турок уверил и датский посланник Геллер, сообщив, что Фридрих II, несмотря на поражение, в силах продолжать войну.

Получив временную передышку в противоборстве планам прусско-турецкого союза, Алексей Михайлович Обресков занялся вопросами титулатуры русских императоров.

Еще на рубеже 1758—1759 гг. визирь Рагиб-паша в разговоре с Обресковым сообщил тому, что в Порте ходят разные толки по одному вопросу русско-турецких отношений, а он, как благонамеренный России, решил выяснить в разговоре с русским резидентом, откуда в титуле Елизаветы Петровны слова «государыня кабардинцев», если кабардинцы по русско-турецкому мирному договору 1739 г. являются вольным народом?

Обресков не знал происхождение этого титула, но ответил, что он принадлежит русским царям еще со времен Ивана Грозного. После присоединения к России Астраханского ханства его соседи также попросились под русское покровительство, и такой титул точно указан в русско-турецком договоре 1700 г. Турки проверили это и успокоились⁴³.

В октябре 1759 г. в Стамбул прибыл русский чрезвычайный посланник князь Г.И. Шаховской, вице-президент Ревизион-коллегии, доставивший султану ответную, поздравительную с восшествием на престол, грамоту Елизаветы Петровны. В ее тексте туркам снова не понравились слова в полном титуле императрицы: «государыня Иверской земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинския земли черкасских и горских князей», и Порты потребовала от Обрескова либо вычеркнуть эти слова из титула, либо прислать в Стамбул новую грамоту, где этих слов не будет. По мысли турок,

Елизавета по Белградскому миру не имеет права титуловаться так, так как Большая и Малая Кабарды 6-й статьей этого договора объявлены ничейной землей⁴⁴. Позже русский дипломат узнал, что на этой идее настаивал сам султан и, следовательно, Обрескову предстоял заочный спор с самим Мустафой III.

Обресков резко возражал на требование об изъятии титула, снова упирая на его древность. Именно в таком виде титул закреплён и за императрицей Анной Иоанновной в том же самом Белградском мире, в котором Кабарда провозглашена независимой, утверждал он⁴⁵. В 1747 г. мирный договор был продлен, и тогда никаких претензий по поводу «кабардинского» титула Елизаветы Петровны Турция не выставляла. Если бы Порты имела по этому поводу претензии, их и следовало бы предъявлять при заключении Белградского мира. Сейчас же нет никаких предпосылок менять этот важный для обеих стран трактат. Далее резидент ссылался на общую практику монархов, сохраняющих раз полученный титул: король английский до сих пор именуется в полном титуле королем французским, хотя не имеет ни вершка французской земли, французский — королем наваррским, хотя Наварра принадлежит Испании, сам же турецкий султан титулуется владельцем всей Азии, хотя часть Азии теперь является русским владением.

Обресков шел ва-банк и в разговоре намекнул переводчику Порты, что в турецком правительстве напрасно думают, что Россия связана войной и будет улаживать все турецкие прихоти — ведь Петербург отправил на войну с пруссаками только четверть всей своей армии. Если же Порты твердо намерена вернуть грамоту, то пусть пришлет к русской миссии и подводы, поскольку в таком случае русские дипломаты возвращаются на родину. Это произвело впечатление, и больше по поводу титула Порты с Обресковым не заговаривала. Визирь сообщил султану, что этот титул не нарушает мирный трактат, а в случае, если Порты будет настаивать на его изъятии, то она же и окажется нарушителем договора. Султан согласился с этим.

19 февраля следующего, 1760 г. Петербург отправил рескрипт к Обрескову с благодарностью за его действия по отстаиванию титула Елизаветы Петровны. Помимо прочего, в рескрипте отмечалось, что сам факт того, что на все слова Обрескова Порты промолчала, свидетельствует о том, что Порты войны с Россией в настоящее время не желает⁴⁶.

Но на повестку дня снова выходил вопрос о действиях в Стамбуле прусского эmissара. Посланник России в Стокгольме Н.И. Панин сообщил в Петербург о том, что шведский посланник в Стамбуле Г. Целзинг утверждает, что прусский эmissар уже получил от Порты официальное денежное содержание (какое получали в Турции все аккредитованные европейские дипломаты), и Обрескову,

по-прежнему сообщавшему о том, что представитель Фридриха II продолжает жить тайно, предписывалось все выяснить и проверить. Русский резидент должен был сообщать о прусских делах при Порте особенно подробно: «сие дело надобно вам почитать между важнейшими, которые вы ныне при Порте престоерегать имеете»⁴⁷.

Вторым таким делом были все более ухудшающиеся отношения России с новым крымским ханом Крым-Гиреем, который по прибытии в Бахчисарай отказался рассматривать А. Шестакова в качестве официального представителя русского купечества, мотивируя это тем, что полномочия Шестакова распространялись только на правление предыдущего хана. При этом купцу было позволено по-прежнему жить и торговать в Крыму. Два года Шестаков исправно слал донесения в Россию. В конечном итоге Крым-Гирей в конце 1761 г. поручил Шестакову купить для него большое количество мехов в России и, в случае успеха, все же пообещал ему признание настоящим российским консулом. 7 февраля 1762 г. уже новый император Петр III распорядился дать Шестакову кредитивы и инструкцию, но за день до этого Алексей Шестаков скончался в Киеве⁴⁸.

Сам Крым-Гирей, достаточно молодой для крымских ханов (он родился в 1717 г.), еще до своего воцарения отметился антироссийскими действиями: будучи сераксер-султаном буджакским (при правлении в Крыму своего старшего брата Арслан-Гирея), он отправил к прусскому королю Фридриху II своего эмиссара в 1750 г. Сторонник планомерной антироссийской стратегии, Крым-Гирей и после своего утверждения на престоле в Бахчисарае стремился наладить контакты с прусским королем, снова отправив к нему своего эмиссара⁴⁹, и после приняв с ответным визитом посланца Фридриха II, лейтенанта А. фон дер Гольца. В это же время сам Крым-Гирей постоянно жаловался Порте на Россию и стал размещать татар на Днестре, перекрывая тем самым рыбные промыслы запорожцев. Кроме того, новый хан усилил вмешательство Крыма в дела нейтральной Кабарды⁵⁰.

Петербург уже серьезно рассматривал возможность военного столкновения с Крымом, считая, что тот своими агрессивными действиями собирается довести дело до войны России и Османской империи. Обрескову предписывалось снова представлять Порте о необходимости смены хана (при этом отмечалось, что Порта и сама этого желает), и сообщить ей о том, что Россия создает совместную комиссию для решения взаимных пограничных претензий татар и запорожцев, а также усиливает свои пограничные крепости и вводит на свою самую южную территорию, Новую Сербию, дополнительные воинские части. Резидент должен был объяснить турецким министрам, что это делается не с целью подготовки войны с Турцией.

Также Обресков должен был настаивать при Порте, что Петербург имеет полное право строить на территории той же Новой Сербии крепость Св. Елизаветы, строительство которой ранее было заморожено исключительно из-за уважения к Османской империи. О строительстве крепости Порте доносил крымский хан. В начале марта 1760 г. Алексей Обресков обратился за помощью в решении этого вопроса к шведскому посланнику Целзингу, у которого, как он знал, есть свои люди в ближайшем окружении визиря, передававшие первому министру Турции некоторые шведские сведения. Резидент просил шведского союзника дать знать визирю, что Россия имеет полное право на строительство этой крепости. Целзинг, уже обязанный русскому двору положительными рекомендациями от русского посланника Н.И. Панина в Стокгольме и обещанием содействия в будущем получении в Швеции доходной и необременительной губернаторской должности, добавил от себя, что Турции не стоит думать, что Россия занята войной, так как она «участие приемлет только ауксилиарно» (от фр. *auxiliaire* — вспомогательный), да и действующие против пруссаков русские войска быстро дойдут из Польши к турецкому Хотину, поскольку собственные интересы для русских важнее, чем европейские⁵¹.

Русский резидент имел инструкции от своего двора твердо отстаивать свою позицию по делу крепости Св. Елизаветы, рассеивая турецкие иллюзии, что из-за войны в Европе Россия станет податливой на переговорах, и в случае надобности следует намекать Порте, что Петербург отправил против Фридриха II далеко не все свои войска⁵².

14 мая А.М. Обресков сообщил в Петербург о неудаче шведских внушений туркам по делу крепости Св. Елизаветы. Порта вручила русскому резиденту ноту, в которой, явно основываясь на сведениях крымского хана, протестовала по поводу возобновления строительства крепости, обвиняя Обрескова, что тот обманывал турок, а на самом деле крепость уже укреплена тремя валами и насчитывает 30 тысяч солдат, и что это свидетельствует об агрессивных намерениях Петербурга по отношению к южному соседу. Дипломат отправил Порте ответную ноту, в которой отрицал выдвинутые обвинения, утверждал о праве России на строительство этой крепости на своей территории, и сообщал, что она оставлена в том же состоянии, что и была в 1755 г., когда Россия остановила строительство, и справедливость этого турки могут проверить сами, сравнив описание крепости в 1755 г. и сейчас. Войск в крепости, по словам Обрескова, мало, и никаких 30 тысяч там нет, и Россия является другом Турции и не имеет против нее никаких агрессивных замыслов. Закончил резидент замечанием, что если турецкие войска будут двигаться к русским гра-

ницам, то «легко статься может, что и ваше императорское величество також пристойные меры принять изволите»⁵³ (Обресков писал на имя императрицы, пересказывая свою врученную туркам ноту).

Как и предвидел Обресков, никакого ответа он не получил. Его информаторы в канцеляриях Порты сообщили, что по ноте резидента визирь собрал совет, на который пригласил пять бывших реис-эфенди, в том числе и Абди-эфенди, бывшего реис-эфенди в 1755 г., когда Россия остановила строительство крепости. Прочитав все представления Обрескова о крепости Св. Елизаветы за несколько лет, визирь сообщил, что русский дипломат прав, и никаких противоречий или же обмана в его нотах нет, и Обресков, «яко искусный министр», всегда точно отвечал только на те вопросы, которые задавала ему Порта, не разъясняя их и делая вид, что он не понимает того, что хотят узнать от него турецкие власти. Рагиб-паша продолжил рассуждения и заявил собравшимся чиновникам, что Турции надо было протестовать в 1752 г., когда Россия уведомила Стамбул о начале строительства крепости, но тогда этого сделано не было, и теперь протестовать уже поздно. Все же Порте нужно бы добиться того, чтобы русские оставили строительство и, вероятно, стоит воздействовать на них через их союзника — Вену, чтобы австрийцы убедили Петербург отказаться от своей затеи. Старейший из занимавших пост реис-эфенди, Абди-эфенди, возразил, что Россия и в данном случае может отказать, и будет нанесен серьезный политический ущерб Порте, с которым придется либо смириться, либо начать войну с Россией. Вместо этого он предложил дожидаться официального сообщения России о том, что она решила продолжить строительство крепости, и тогда построить свою крепость у русских границ или просто заявить русским о таком намерении, чтобы они либо испугались и сами остановили строительство своей крепости, либо же вступили в переговоры с Портой о двух крепостях. Предложение было одобрено и визирем и всеми присутствующими на совете.

Обресков доложил в Петербург свое мнение о том, что Россия теперь может возобновить строительство крепости Св. Елизаветы в любой момент, сообщив туркам, что ради них императорское правительство столь долго ждало, чтобы турки смогли убедиться, что ничего враждебного их интересам крепость не представляет. Резидент все же посоветовал возобновить строительство не сейчас, а после завершения европейской войны⁵⁴.

Окончательно решив это дело, Обресков вернулся к борьбе с прусскими эмиссарами в Стамбуле. Ситуация подходила к своей кульминации, но каковой она будет, Обресков знать не мог. В феврале 1760 г. в Стамбуле распространились слухи о том, что у брата без-

детного султана родился сын. Произошли волнения, после подавления которых Порта указом запретила подданным говорить о том, что Турция скоро начнет войну. Русский резидент решил воспользоваться случаем и в разговоре с муфтием заметил, что во избежание подобных слухов следует выслать из столицы прусских эмиссаров. Муфтий согласился с предложением, визирь разговаривал по поводу пруссаков с английским послом Дж. Портером, под покровительством которого они находились, и просил того на время отослать их куда-нибудь. Портер ответил, что не знает, куда их девать, и, если они надоели Порте, он отправит их обратно в Пруссию. Порта, вероятно, на это не ответила, но один из двух прусских эмиссаров из Стамбула уехал, и в городе остался только Рексин-Гауден⁵⁵, впрочем, на место уехавшего вскоре прибыл новый пруссак.

Летом того же года, по сведениям информатора Обрескова из английского посольства, уже сами эмиссары поставили перед визирем вопрос ребром — ждать им согласия Порты или нет? Визирь ответил, что следует пока подождать. На повторный вопрос эмиссаров визирь, «несколько раздражась», ответил, что пока идет война, ответом будет — «нет», после ее завершения — «да». После этого один из эмиссаров опять уехал, оставив Рексина в одиночестве⁵⁶. В феврале нового, 1761 г. Обресков писал, что прусский эмиссар безвыездно сидит в своем доме, его посещает только секретарь английского посла и английский купец, что позволило резиденту сделать вывод, что «смело заключить можно, что оный эмиссар еще весьма далеко от желаемого успеха комиссии его»⁵⁷.

Неожиданностью для русской дипломатии в целом и лично для Алексея Обрескова стали события марта 1761 г. 17 марта резидент, со ссылкой на агентов в канцелярии реис-эфенди, сообщил, что 20 февраля пруссак Рексин по получении новых инструкций опять приступал к Порте по поводу ответа на предложение своего короля и получил в ответ привычную просьбу подождать еще. Казалось, никаких неожиданностей ждать не стоит.

Но через неделю Обресков, не дожидаясь прибытия русских курьеров из Киева для отправки почты в Россию, отправил через Вену письмо к канцлеру Воронцову, в котором признавал, что его сведения недельной давности были ошибочными. Эмиссар Рексин после получения от Порты привычного отказа решить дело заключения прусско-турецкого договора в данное время поставил перед турками фактически ультиматум — если он не получит согласия на предложения своего короля, то тотчас же покидает Турцию навсегда.

Порта заколебалась, и в это же время в Стамбул пришли известия о победе ганноверцев и прусского корпуса над французами, естест-

венно, как положено, приукрашенные, вплоть до того, что Франция настолько разбита, что не сможет проводить в этом году военную кампанию и, следовательно, пруссаки получают перевес в силах над своими противниками.

И 17 марта 1761 г. турки приняли решение. Вечером того же дня Рексину сообщили о том, что Турция согласна заключить договор с его королем. 20 марта пруссак Рексин тайно посетил переводчика Порты и подписал договор от имени своего короля. Впервые Пруссия получила право нахождения своего дипломата в Стамбуле. 22 марта Рексин получил официальную аудиенцию у визиря, где произошел обмен подписанными прусско-турецкими трактатами⁵⁸. Это было серьезным успехом прусской дипломатии, хотя Обресков поначалу и не знал сути заключенного договора, лишь подозревая, что там находятся только статьи о дружбе и коммерции между двумя договаривающимися странами. Виновным в неудаче для антипрусской коалиции Обресков считал «увалчивое поведение австрийских генералов», и пруссаки никогда бы не преуспели в Стамбуле, если бы австрийцы вели войну с «большим жаром».

Для окончательного вступления в действие нового договора оставалось только обменяться ратификациями. У Обрескова был только один шанс на срыв этого договора — попытаться добиться отказа Порты от ратификации. Для решения этой задачи резидент запросил у Петербурга 10 тыс. червонцев (также Обресков сделал предложение австрийцу Швахгейму настоять перед Веной о выделении такой же суммы), которыми он планировал подкупить муфтия и других влиятельных представителей духовенства и турецкой элиты. Резидент сообщал, что, кроме нескольких преданных визирю человек, влиятельные люди в Стамбуле осуждают поспешность с заключением договора с Пруссией во время идущих в Европе военных действий. Турки опасались «огорчения» Австрии и России и ждали от всего этого «печальных следствий»⁵⁹.

Сам текст нового договора Обресков, несмотря на все усилия, долго не мог добыть — он хранился у реис-эфенди под личной печатью визиря. Петербург по предложению резидента действительно собрал деньги на разрыв этого договора и стал готовиться к их отправке в Стамбул через посольство в Вене. К слову, Вена на предложение России совместно выделить деньги на это дело так и не ответила.

К началу июля русский резидент все же сумел получить копию прусско-турецкого договора (судя по всему, списанную и переведенную с прусского экземпляра), который действительно был заключен по образцу датско-турецкого. Договор имел, по словам Обрескова, прелиминарный характер, «но равномерно ж можно [его] именовать

инструментом, обязательством, конвенцией, да и самую капитуляцию»⁶⁰. Отличие от датского текста состояло в том, что была добавлена фраза, что договор никому в предосуждение не будет. Обресков сообщал императрице, что эта конвенция «никаких таких обязательств не постановила, кои бы высочайшим вашим интересам вредствовать могли»⁶¹. Из текста следовало, что он уже действует и попытки разорвать его, как считал Обресков, ничего, кроме ущерба для русских интересов, не дадут. Пруссаки также действовали оперативно, и 16 июля чрезвычайный посланник Пруссии при Османской Порте Карл Людольф фон Рексин вручил туркам прусские ратификации двустороннего договора.

Неудача русской дипломатии, не сумевшей предотвратить прусско-турецкого сближения, пусть и не носящего выраженной антирусской направленности, объяснялась и тем, что посредником на переговорах пруссаков и турок был английский посол Джеймс Портер. До «дипломатической революции» 1755—1756 гг. он и Обресков практически не имели секретов друг от друга, и Портер был в курсе существования русских информаторов в окружении реис-эфенди. Поэтому переговоры проходили лично между визирем и Рексином втайне от остальных чиновников Порты. Обресков, несмотря на неудачу в целом, все же сумел отчасти сгладить остроту отсутствия информации, завербовав информатора в английском посольстве, благодаря чему первым из посторонних дипломатов узнал о тайной встрече визира Рагиба-паши и Рексина.

Смирившись с появлением в Стамбуле прусского посланника, А.М. Обресков продолжал решение еще одной сложной задачи, поставленной перед ним Петербургом. В апреле 1761 г. Россия предписала Обрескову поставить Порту в известность о том, что Петербург решил перенести ранее построенную, как замену Азову, на южных границах страны крепость Святой Анны на новое место, в урочище Богатый Колодезь. Объяснялось это и более здоровым климатом местности, и необходимостью защиты донского Темерниковского порта от степных народов. Строить новую крепость предполагалось из материалов, взятых на месте разрушенных ранее Азова и Таганрога. Резиденту пересылалась и карта, чтоб турки видели, что крепость переносится вглубь русских владений. На всякий случай необходимость вообще проводить переговоры с Портой по этому поводу оставлялась на усмотрение самого Обрескова.

12 августа того же года резидент вручил турецкому реис-эфенди извещение о переносе крепости Святой Анны на новое место и присланную из Петербурга карту ее нового расположения. Реис-эфенди, сравнив карты со своими, на следующий день удивленно спро-

сил Обрескова, почему на русской карте старая и новая крепости находятся далеко друг от друга, а на турецкой — близко? Посмотрев карты, Алексей Михайлович, в свою очередь удивившись про себя уровню компетенции людей, отвечающих в Порте за внешнюю политику, ответил, что все дело в разности масштабов карт — турецкая карта общая, а российская более подробная. Реис-эфенди ответил, что Порта не возражает против переноса крепости⁶².

Обресков решил, что вопрос урегулирован, но, по уже сложившейся странной традиции, через десять дней получил от Порты ноту противоположного содержания, с протестом против переноса крепости, так как Россия уже имеет в тех местах Донецкую крепость, и по договорам Россия не имеет права иметь здесь две крепости и должна остановить строительство до получения известий от крымского хана. Возмущенный русский дипломат отправил ответную ноту Порте, в которой разъяснял, что Донецкая крепость была построена до заключения Белградского мира, во время русско-турецкой войны и, в соответствии с условиями мира, разрушена вместе с Азовом, даже оставшиеся гражданские строения были сожжены⁶³. Порта на эту ноту не ответила, но дело о новой крепости, получившей имя Святого Димитрия Ростовского (будущий Ростов-на-Дону), не оставила.

Тем временем в России при Сенате была учреждена специальная комиссия по коммерции, которую возглавил граф И.Г. Чернышев. В центре внимания комиссии оказались и вопросы возможности русской торговли через Черное море. Член Коммерц-коллегии Дмитрий Лодыгин прислал Обрескову вопросы о распространении русской торговли по Днепру и далее к Турции и Италии. Резидент в Стамбуле ответил, что нынешнее время для прорыва русской торговли в Черное море совершенно неподходящее. Помимо идущей европейской войны, плачевно было и финансовое состояние турецкой торговли. Все больше торговцев разорялось, многие купцы, которые раньше вели дела с Россией, уже умерли, деловые качества остальных Обресков оценивал невысоко. Армянские купцы, дорожившие своей репутацией, в основном торговали с Персией, и торговлей с Россией не интересовались, а в последнее время султан, заботившийся о наполнении казны, стал разорять их налогами⁶⁴.

В начале нового, 1762 г. прусский посланник Рексин снова усилил нажим на Порту с целью заключения союзного договора. В Порте состоялось совещание по вопросу о прибавлении к договору о дружбе с Пруссией новых статей, и турецкие чиновники решили подождать сначала завершения войны. Это не устраивало Фридриха II, и тот уполномочил Рексина предложить Порте до 50 тысяч левков

за заключение союзного трактата. Прусский посланник говорил об этом с визирем, и тот в свое оправдание ссылался на султана, который не хочет заключать союз с Пруссией во время войны. Рексин брал на себя этот вопрос, предлагая действовать через султанских фаворитов, визирь, как сообщали русские агенты, одобрил такую попытку, и Рексин стал дожидаться присылки из Берлина дорогих подарков от Фридриха II для султана и его фаворитов⁶⁵.

Сообщая эти сведения в реляции от 16 января 1762 г., Обресков все же уверил Елизавету Петровну, о смерти которой 25 декабря 1761 г. он еще не знал, что в ближайшее время Порты точно не пойдет на заключение союза с Пруссией, так как в Стамбул пришли известия о взятии русскими Кольберга, важной прусской крепости.

Русская миссия в турецкой столице узнала о смерти Елизаветы и восшествии на престол Петра III вечером 9 февраля 1762 г., когда в Стамбул прибыл курьер с соответствующим рескриптом. Об этом событии Обресков при первой же возможности поставил в известность Порту, продолжая внимательно наблюдать за действиями Рексина.

Прусский посланник, вначале отрицавший падение Кольберга, убедившись в достоверности этих сведений, стал делать представления Порте, что если та не поможет Пруссии, то его страна падет к торжеству и усилению враждебных Турции Австрии и России⁶⁶.

Порта снова решила собрать дополнительные сведения о политике Пруссии, и русские агенты в турецких канцеляриях предупредили Обрескова о возможном зондировании мнения европейских дипломатов агентами Порты. Действительно, русскую миссию посетил один из турецких чиновников, который после маловажных разговоров спросил у Обрескова от своего имени, что он думает о турецко-прусском договоре и возможности сближения Пруссии и Турции. Русский дипломат ответил, что в нынешнем особом внимании Фридриха II к Стамбулу ничего удивительного нет, ведь прусский король планировал завоевать всю Европу, а теперь оказалось, что он может потерять почти все свои владения, вот и ищет тех, кто «его груз разделит», «как обезьяна, бросившая каштаны в огонь, видя разгоревшимися, ищет кошкину лапу оные из огня вытащить». На вопрос посетителя о том, что, по его мнению, Порты ответит Фридриху II на его предложение военного союза, Обресков заявил, что сейчас во главе турецкого правительства такой «презрачный визирь», который, конечно же, не ввергнет свою страну, единственную наслаждающуюся миром, в раздирающую Европу войну⁶⁷.

Это сообщение Обрескова было одним из последних, следовавших прежней, елизаветинской «системе» внешней политики России. Петр III своеобразно повторил события 6-летней давности, когда

Европу потрясла «дипломатическая революция» — он полностью поменял позицию России, тогда бывшей ведущей военной державой Семилетней войны.

Циркулярным рескриптом от 9 февраля 1762 г. А.М. Обресков ставился в известность о желании нового императора выйти из войны с Пруссией: «желая для пользы и благосостояния наших верно-подданных, також и всей Европы видеть конец чрез долгое время продолжающемуся кровопролитию»⁶⁸. Следующим рескриптом резиденту разъяснялись причины стремления Петра III завершить войну. Характерны правки в проекте рескрипта. Первоначальный вариант гласил: «К сему побудило нас настоящее состояние дел, когда по неизвестности военного жребия, ничего точно предвидеть и определить не можно, а империя наша от часу более в деньгах и людях приходила в истощение». Однако, вероятно, данный вариант не понравился Петру III, лично подписывавшему свои первые рескрипты к дипломатам (при Елизавете от ее имени рескрипты подписывали канцлер и вице-канцлер), и вместо прежнего объяснения теперь стояло более благородное: «К сему побудило нас не столько состояние дел и неизвестность военного жребия, как человеколюбие наше видеть прекращение толь многого пролития человеческой крови»⁶⁹. Россия бесславно выходила из Семилетней войны. В марте было подписано перемирие с Фридрихом II, а 24 апреля (5 мая) 1762 г. между Россией и Пруссией был заключен мир, по которому Петр III отказывался от всех завоеваний русской армии.

В Стамбуле поставленный в известность об этом Обресков сообщил ранее союзным европейским дипломатам о новых шагах своего императора. Француз Верженн явно огорчился, но, по словам Обрескова, никаких антироссийских действий не предпринимает. Австриец Швахгейм ничем не выдал Обрескову своих мыслей по поводу заключения Россией мира с общим противником, более того, стал с ним гораздо более приветлив, что русский резидент объяснял инструкциями из Вены, где опасались того, что Турция в новых условиях (возможном русско-австрийском разрыве) может предпринять агрессивные действия против владений Марии Терезии.

Впрочем, собственно русско-турецкие отношения продолжали ухудшаться. Крымский хан, сославшись на своего эмиссара, направленного инспектировать новое место, на которое переносится крепость Святой Анны, заявил о нарушении Россией мирного договора с Турцией. 7 мая 1762 г. Порты прислала Обрескову по поводу переноса крепости «весьма крепкую протестацию», основанную на том, что по договору Россия имеет право на крепость восточнее Безымянного кургана, а не севернее, как собирались строить русские власти. По-

пытка резидента возразить были отвергнуты турками. Агенты Обрескова в канцелярии реис-эфенди сообщили, что султан, получив из Крыма заявление о нарушении Россией договора, приказал визирю потребовать, чтобы русский двор ликвидировал новые постройки крепости, «а в противном случае готовился б ко обороне»⁷⁰. Визирь Рагиб-паша советовался с румелийским кади-аскером⁷¹ Османом-муллой и дефтердаром⁷² Абди-эфенди, и втроем они высказали мнение, что цитированную фразу лучше убрать из требований к России, а Порте предпочтительнее опираться на обвинение в нарушении Россией договора с Турцией и, если Петербург откажется отменить свое решение о переносе крепости, то обратиться за посредничеством других держав. По мысли визиря, опиравшегося на мнение других двух уважаемых и опытных людей, Турция не может быть инициатором нарушения мира между странами, так как это «грех пред Богом». Прошение изменить формулировку визирь поднес султану, и Мустафа III вместе с великим муфтием одобрил его.

Обресков также сообщил, что в мае 1762 г. прусский посланник Рексин вручал письма от Фридриха II визирю и реис-эфенди и позже получил на них ответ. Все это было тайно и шло мимо канцеляристов, потому они ничем не могли помочь Обрескову, но у того уже был свой канал в окружении самого визиря. Информатор сообщил русскому резиденту, что прусский король объяснял Стамбулу причину своего мира с Россией тем, что, не дождавшись военной помощи от Порты, он был вынужден подписать мир с русскими. Несмотря на это, Фридрих II писал туркам, что он по-прежнему предлагает союз Порте и уверяет в своих дружеских чувствах по отношению к ней. Турецкий ответ был составлен в нейтральных выражениях без каких-либо комментариев к прусским предложениям⁷³.

В Петербурге же в конце апреля — начале мая 1762 г. турецкие дела неожиданно вышли на первый план. Петр III принял очень спорное дипломатическое решение, которое до сих пор малоизвестно. 28 апреля император послал к канцлеру М.И. Воронцову своего камергера и генерал-адъютанта А.В. Гудовича с устным указом — предписать резиденту Обрескову, «дабы он Порте внушение сделал, что если она рассудит ныне начать неприятельские действия против австрийского дома, то его императорское величество в войну ее отнюдь мешаться не будет»⁷⁴. Этот указ наглядно демонстрирует не только лукавство прежних официальных заявлений Петра III о его желании даровать всей Европе мир, но и полное пренебрежение нового императора к национальным интересам России, желание в угоду Пруссии пожертвовать своим единственным союзником на южном направлении.

Воронцов, получив указ Петра III, естественно, не мог его не выполнить. Секретный рескрипт Обрескову с таким повелением был написан 2 мая. Резидент в Стамбуле ставился в известность о заключении Россией союза с Пруссией, перемене российской внешнеполитической системы и ненужности теперь союза с Австрией. В связи с тем, что Австрия по-прежнему упорствует в европейской войне, Обрескову повелевалось «искусно внушить», что в возможную турецко-австрийскую войну «мешаться не будем, уничтожая для того принятые с императрицей-королевой обязательства»⁷⁵. Это означало фактический разрыв Петербургом русско-австрийского союза, пережившего с 1726 г. двух российских императоров (Петра II и Иоанна Антоновича) и трех императриц (Екатерину I, Анну Иоанновну и Елизавету Петровну).

Будучи сторонником активной политики России на южном направлении, интересуясь возможностями проникновения русской торговли в Средиземноморье, поддерживая связи с православным населением Османской империи, канцлер М.И. Воронцов прекрасно осознавал необходимость сохранения антитурецкого союза России и Австрии. Отправка рескрипта от 2 мая 1762 г. была отложена почти на 2 недели. В это время, вероятно, Петра III убеждали откорректировать рескрипт № 19. 14 мая был подготовлен рескрипт № 20, который, не отменяя предыдущий, затруднял на практике его выполнение. Обрескову сообщалось, что прямо ставить турок в известность об отказе России от союза с Австрией опасно, так как Турция может атаковать и саму Россию. Поэтому резиденту следовало вначале поговорить с прусским посланником Рексином и узнать, одобряет ли он такие действия России. Если же Рексин заявит Обрескову, что он уверен в том, «что Порта действительно зделает диверсию» (это условие дважды было повторено в рескрипте), тогда русский резидент должен был попросить пруссака поговорить с турками, чтобы те сами спросили Обрескова о позиции его страны относительно возможной войны Турции и Австрии. Когда же турки поинтересуются, Обрескову предписывалось «кратко в ответ сказать», что Россия в эту войну вмешиваться не будет, так как желает пребыть в мире, не упоминая слов о том, что Россия «уничтожает все обязательства с венским двором»⁷⁶. Оба рескрипта были отправлены в Стамбул 15 мая, при этом сопроводительной канцелярской цидулой резиденту предписывалось лично распечатать пакет и самому расшифровать рескрипты, никого не допуская к этому.

Примерно недели через три Обресков получил новые инструкции и 23 июня 1762 г. докладывал в собственноручно зашифрованной реляции о том, что, по его мнению, Порта начать войну с Ав-

стрией совершенно не готова. В переговорах с Рексином опытный резидент вынужден был проявить весь свой дипломатический талант, уверяя пруссака, что Турция не в состоянии в ближайшее время начать войну. Рексин, явно уступавший в дипломатическом мастерстве своему русскому коллеге, слишком торопился помочь своему королю успешно завершить войну втягиванием в нее Турции. К тому же у него самого в Стамбуле также появились затруднения — Порты, узнав о русско-прусском союзе и о том, что русский корпус Чернышева присоединен к прусской армии, на всякий случай отложила переговоры о заключении прусско-турецкого союза.

Поэтому Карл Рексин сразу же заявив, что он призывает Обрескова выполнить то, что тому велено, в ответ на слова Обрескова о невозможности начала Турцией войны заявил, что берет на себя уговоры турецких чиновников атаковать Австрию, а Обрескову остается только внушить туркам, что Россия не будет участвовать в этой войне. На вопрос Рексина о том, сможет ли Обресков представить Порте письменное уверение в этом, Алексей Михайлович твердо ответил, что сделать этого не сможет, так как имеет инструкции только устно и в строжайшей секретности сообщить об этом турецким чиновникам.

14 июня А.М. Обресков получил письмо К. Рексина, который общал ему, что Порты просит именно письменного заявления русского дипломата. Рексин писал, что если резидент этого не сделает, то все его, Рексина, труды будут сведены на нет, что причинит вред общему для России и Пруссии делу, единственной причиной чего окажется именно Обресков.

Сообщая об этом письме пруссака Петру III, резидент в Стамбуле осудил неверные действия Рексина, рассказавшего туркам о тайном деле Пруссии и России, а в ответе Рексину снова вежливо, но твердо заявил о своем отказе делать то, что ему не предписывали инструкции.

17 июня Рексин попросил о личной встрече с Обресковым и получил согласие. В этот день пруссак снова уговаривал русского резидента подать туркам письменную декларацию. Обресков опять сослался на свои инструкции и дальше представил свои логические аргументы против этого. Во-первых, Порты, хотя и является историческим противником Австрии, часто жалела ее, когда Вена находилась в катастрофическом положении, все-таки для нее это был предсказуемый сосед. Во-вторых, турки могут просить письменную русскую декларацию с провокационной целью, чтобы показать ее австрийцам и тем навсегда разрушить направленный против них союз Вены и Петербурга. Если о такой декларации будет известно в европейских столицах, то все решат, что Петр III вовсе не является миротворцем, а наоборот, стремится навлечь на Европу варваров.

А этого допустить никак невозможно. Обресков сослался и на письма Рексину прусского посланника в России Гольца, который, общаясь с Воронцовым, также поддержал идею о том, что русскому резиденту в Стамбуле не следует быть на первых ролях в этом деле, а нужно только поддерживать представления Рексина. В завершение Алексей Михайлович высказал мнение, что к войне Турции нужно готовиться минимум 4 месяца. На это Рексин возразил, что крымский хан находится в Буджаке с 40 тысячами своих татар, и именно этот корпус может в ближайшее время выступить против Австрии. Обресков ответил, что у хана с собой только 3—4 тысячи, а большой корпус свободных татар мало контролируемого Портой хана может и взбунтоваться и пойти куда угодно. Тут же Обресков поинтересовался у Рексина, успел ли он заключить союз с Портой? Ведь иначе турки не начнут похода, так как не имеют для войны против Австрии (с которой у них заключен мир) никаких причин, кроме угодности прусскому королю, а кто же будет помогать самой Турции в этой войне, если у нее не будет подписанного договора с Пруссией?

Тут Рексин сдался и признал правоту своего русского коллеги. Он сообщил Обрескову, что к следующему году сделает все возможное для совместного выступления Турции и Пруссии против Австрии, и будет просить прусского представителя в Петербурге Гольца выхлопотать от русского двора инструкции для Обрескова о письменной декларации о неучастии в возможной войне Австрии и Турции⁷⁷.

Пока курьер с реляцией находился на пути в Россию, в Петербурге 28 июня 1762 г. император Петр III был свергнут, и на российский престол вступила Екатерина II. Еще не зная об этом событии, 24 июля того же года Обресков отправил в Россию новую реляцию, по-прежнему руководствуясь инструкциями Петра III. После разговора с Рексином, изложенного в предыдущей реляции, прусский посланник писал резиденту о том, что в русскую миссию скоро придет переводчик Порты за обещанными устными уверениями о том, что Россия не будет вмешиваться в возможную войну Турции и Австрии. Однако переводчик Порты так и не появился у Обрескова на момент написания рескрипта, т.е. на 24 июля. Вместо него резидент посетил писарь переводчика, чтобы поговорить о делах запорожских казаков. Попутно писарь поинтересовался у Обрескова о том, что он думает о новой системе европейских дел. Резидент спросил в ответ, действует ли писарь по поручению Порты, выясняя этот вопрос. Писарь сказал, что интересуется этим сам. Зная, что писарь «на все стороны бьет», т.е. может сообщить о разговоре не только Порте, но и пруссакам, Обресков заявил, что теперь Россия и Пруссия друзья, и все препятствующие этой дружбе союзы отменены, что Петр III яв-

ляется сторонником мира для России и желал бы примирения враждующих в Европе держав. В реляции Петру III Алексей Михайлович писал, что тем самым он, выполняя инструкции, пока только намекал туркам на то, что Россия не будет вмешиваться в возможную войну Турции и Австрии⁷⁸.

По-видимому, Порта поняла эти слова так же, раз 10 июля Обресков узнал от своих информаторов, что после уверений Фридриха II, переданных Порте Рексином, что Пруссия готова еще 7 лет воевать ради интересов Порты, Стамбул согласился заключить с прусским королем союз. По сведениям резидента, договор уже подписан визирем и Рексином, и дело остается только за ратификациями трактата. При этом трактат распространяет свое действие не на будущее время, а на идущую войну в Европе.

На генеральном совете Порты было принято решение готовиться к войне с Австрией, и ситуацию уже не могло изменить спешное прибытие в Стамбул на смену австрийскому интернунцию Швахгейму опытного в турецких делах барона Генриха Пенклера (работавшего в Стамбуле до Швахгейма) с большой суммой денег.

По сведениям Обрескова, Порта стала подтягивать к Европе конницу из Малой Азии, янычарский корпус также получил приказы готовиться к наступлению. В Белград, Видин и Сараево к местным пашам были отправлены тайные инструкции привести в боеготовность свои войска и ждать приказа о начале вторжения в Австрию. Турецким войсковым начальникам были разосланы указы «стараться расслаблять, что чрез непродолжительное время против немцев война предпринята быть имеет»⁷⁹. Крымский хан с 40 тысячами татар двинулся к Молдавии. К слову, новый русско-пруссский союз вызвал недовольство Крым-Гирея, готового вторгнуться в Россию, но не желавшего воевать с Австрией. Он говорил прусскому эмиссару А. фон дер Гольцу: «Однако мне не совсем нравится, что он (пруссский король. — *М.А.*) так скоро помирился с русскими, и требует теперь и от меня, чтобы я лучше воевал против австрийцев, а ведь они — добродушный, славный народ, и их князь также не причинил мне ни малейшего зла. Русским же никогда не следует доверять, хотя бы они высказали самые приятные и надежные обещания, и ваш народ и ваша страна еще пожалеют, что теперь, когда Крым-Гирей собрался ударить на своего исконного врага, его останавливают и отвлекают от намерения навсегда погубить Россию»⁸⁰.

Комментируя все турецкие распоряжения о подготовке к войне с Австрией, русский резидент считал, что все это делается напоказ, в угоду Фридриху II и для запугивания Вены, для того, чтобы та перед угрозой войны миром передала бы Турции пограничные горо-

да Петроварадин и Темешвар. Мнение Обрескова основывалось на том, что турецкие войсковые магазины не наполнены, и даже еще не было приказов подготовить склады к приему больших запасов для будущей войны⁸¹.

Известия о новой смене правителя России остановили турецкое бряцание оружием. К Обрескову прибыл рескрипт о восшествии на престол Екатерины II, которая предписала резиденту не руководствоваться рескриптами № 19 и № 20 о подталкивании Турции к войне с Австрией. Этот рескрипт был отправлен 29 июля, т.е. сразу на следующий день после ночного переворота, свергнувшего Петра III⁸². Переводчику Порты, пришедшему поздравлять с восшествием новой императрицы и поинтересовавшемуся судьбою русско-австрийского союза, Обресков заявил, что если союз и ослабел, то лишь по личной воле прежнего императора, а теперь восстанавливает свою силу⁸³. Ситуация в русско-турецких отношениях возвращалась в привычное русло времен европейского мира, и, хотя Семилетняя война еще продолжалась, но Екатерина II подтвердила выход России из нее.

В целом русская дипломатия в Стамбуле во время Семилетней войны решала несколько задач. Первой и основной было, как и в прежние годы, недопущение антироссийского вооруженного выступления Турции. Эта задача не была сложной — Османская империя предпочитала сохранять мир. Однако в последние годы Семилетней войны ситуация обострилась, виной чему являлся новый воинственный султан Мустафа III и новый же крымский хан Крым-Гирей, постоянно осложнявший отношения России с Крымом и Турцией. Во внешней политике страны к началу правления Екатерины II все более возрастала роль обострившихся русско-турецких отношений.

Второй по важности задачей, связанной с первой, было предотвращение прусско-турецкого сближения. Стартовые позиции русской дипломатии в этом вопросе были хорошие: в Стамбуле вообще не было прусского официального представителя, и России было достаточно, опираясь на свое влияние в Стамбуле и влияние союзных ей дипломатов препятствовать попыткам Фридриха II прислать в Османскую империю своего посланника. Это удавалось до тех пор, пока в самих турецких верхах не решили наладить отношения с Пруссией — причиной этого было как стремление нового султана найти для Турции новую, активную роль в международных отношениях, так и поиск для Османской империи новых союзников — а Пруссия, несколько лет успешно противостоявшая трем сильнейшим державам Европы и их союзникам, подходила для такой роли лучше всего. Русский резидент в Стамбуле А.М. Обресков осознавал это и в качестве

меры, способной отбить у Турции желание заключать союз с Пруссией, постоянно упоминал о необходимости как можно скорее нанести поражение Фридриху II. Прусский король также стремился любой ценой сблизиться с Турцией — в тяжелой войне ему был нужен любой союзник, а тем более столь опасный для его противников, Австрии и России, способный отвлечь их силы на себя. Он планомерно и упорно засылал в Стамбул одного эмиссара за другим и, в конце концов, добился своего, заключив с Портой торговый договор. Сам по себе договор особой пользы воюющей Пруссии не приносил, но это позволяло иметь в Стамбуле своего дипломата, способного оказывать давление на Порту. Обресков не смог помешать этому, более того, не смог узнать о его подготовке вовремя. Причиной такого отставания были последствия «дипломатической революции» 1755—1756 гг., когда прежний доверенный Обрескова, английский посол в Стамбуле Портер, знавший о русских информаторах среди турецких чиновников, теперь, когда его страна стала союзной Пруссии, постарался исключить все возможные утечки информации. А.М. Обресков сумел все же получить данные о начале официальных контактов Порты и прусских эмиссаров, завербовав одного из сотрудников английской миссии и доверенное лицо визиря.

После заключения торгового договора Пруссии и Турции в Стамбуле на правах посланника Берлина остался Карл Рексин. Борьба русской и прусской дипломатии в Берлине, фактически так и не начавшись, превратилась в союз — на российский престол вступил Петр III, подписавший союз с Фридрихом II. Действия нового императора едва не свели на нет все усилия русской дипломатии на южном направлении на протяжении почти четырех десятков лет. Ради того, чтобы избавить Фридриха II от Австрии, Петр III повелел Обрескову подтолкнуть Турцию к войне против Австрии, сообщив Порте, что русско-австрийский союз о взаимопомощи против Турции больше не действителен. Канцлер М.И. Воронцов сумел смягчить категоричность формулировок императора, а сам Обресков — затянуть исполнение его повеления. Окончательно указ Петра III был отменен сразу же после переворота, возведшего на престол Екатерину II.

В годы Семилетней войны русская дипломатия решала в Турции и другие проблемы, не связанные с боевыми действиями в Европе, — это вопросы получения разрешения от Турции на создание своего торгового флота на Черном море и направление своего консула в Крым. Первая проблема оказалась не решаемой. Третий артикул Белградского мира гласил: «Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море никакой корабельный флот, ниже иных кораблей иметь и построить не могла»⁸⁴, а Девятый артикул

закреплял: «что же касается до российской коммерции по Черному морю, и сия отправлена быть имеет на судах, турецким подданным надлежащих»⁸⁵. Эти статьи можно было отменить только новым договором, а он мог появиться только после новой, успешной войны России против Турции. Проблема появления в Крыму русского консула наталкивалась только на нежелание хана, но к концу Семилетней войны появились предпосылки для успешного разрешения этого вопроса — Порта по представлению Крым-Гирея аккредитовала в Крыму прусского консула (им был бывший купец и авантюрист голландец Боскамп), дав новый повод для России настаивать на прежнем предложении, и уже при Екатерине II оно было принято — в феврале 1763 г. хан согласился принять русского консула⁸⁶, и летом в Крыму в этом статусе появился премьер-майор А.Ф. Никифоров.

В царствование Елизаветы Петровны Россия стремилась сохранить статус-кво в русско-турецких отношениях, добиться спокойствия на юге для обеспечения решения своих европейских дел. Россия успешно решила эти цели, сохранив мирные отношения с Османской империей. В это время русское правительство так и не смогло совершить прорыв на южном направлении своей внешней политики, оставив эту задачу екатерининской эпохе.

¹ *Михнева, Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739—1756). — М., 1985.

² *Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — М.; Харьков, 2003. — Кн. XII: 1749—1761.

³ *Дружинина, Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). — М., 1955.

⁴ *Уляницкий, В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. — М., 1899. — Ч. 1—2; *Его же.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. — М., 1883.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1757 г. — Д. 2. — Л. 11 об.

⁶ Там же. — Л. 11 об.—12.

⁷ *Маркова, О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. — М., 1966. — С. 57.

⁸ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1757 г. — Д. 2. — Л. 13 об.—14.

⁹ Там же. — Л. 16 об.

¹⁰ Там же. — Л. 126.

¹¹ Там же. — Д. 1. — Л. 88.

¹² *Тверитинова, А.С.* К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. — 1949. — № 6. — С. 321.

¹³ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1757 г. — Д. 1. — Л. 25—25 об.

¹⁴ Там же. — Л. 27.

¹⁵ Там же. — Л. 29.

¹⁶ Там же. — Д. 2. — Л. 185.

- ¹⁷ Там же. — Л. 186—186 об.
- ¹⁸ Там же. — Л. 189—189 об.
- ¹⁹ Берат — документ, который именем султана обеспечивал человеку определенные права и привилегии.
- ²⁰ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1757 г. — Д. 3. — Л. 30—32.
- ²¹ *Уляницкий, В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. — М., 1899. — Ч. 1. — С. 423.
- ²² Там же. — С. 439.
- ²³ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1757 г. — Д. 2. — Л. 200—200 об.
- ²⁴ Там же. — Л. 215 об.—216.
- ²⁵ Там же. — Л. 218 об.—219.
- ²⁶ Там же. — Д. 3. — Л. 14 об.
- ²⁷ Там же. — Л. 147 об.
- ²⁸ Там же. — Л. 95 об.
- ²⁹ Там же. — Л. 124 об.
- ³⁰ Там же. — Л. 179.
- ³¹ Там же. — Л. 186 об.
- ³² Там же. — Л. 199 об.—200.
- ³³ Там же. — 1758 г. — Д. 5. — Л. 7.
- ³⁴ Там же. — Д. 6. — Л. 49—50.
- ³⁵ Там же. — Л. 111.
- ³⁶ Там же. — Л. 115.
- ³⁷ Там же. — 1759 г. — Д. 3. — Л. 198 об.—199 об.
- ³⁸ Там же. — Л. 201.
- ³⁹ Там же. — Л. 223.
- ⁴⁰ Там же. — Л. 233 об.
- ⁴¹ Там же. — Д. 4. — Л. 21 об.
- ⁴² Там же. — Л. 92 об.
- ⁴³ Там же. — Д. 3. — Л. 74 об.—75 об.
- ⁴⁴ Там же. — Д. 4. — Л. 217.
- ⁴⁵ Следует отметить, что в тексте Белградского мира полный титул русской императрицы, в отличие от полного титула султана, не приведен. Зато 12-я статья договора гласит: «Что же касается до императорского титула ея всероссийского величества, упомянутого, о том, без дального отложения времени и дружески трактования, и с удовольствием обеих сторон согласенось будет, как того требует потребность и высокое достоинство и держава ея императорского величества» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 1. — Т. X. — С. 903).
- ⁴⁶ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1760 г. — Д. 2. — Л. 8 об.—9.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 7.
- ⁴⁸ *Уляницкий, В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. — Ч. 1. — С. 441.
- ⁴⁹ Интересно, что имя этого эмиссара — Мустафа-ага, как и имя эмиссара Крым-Гирея в Пруссию в 1750 г. Вероятнее всего, это один и тот же человек. В работе немецкого историка Т. Мундта об этом факте не упомянуто, и автор считает, что Фридрих II видел ханского брাদобрёя Мустафу-агу впервые в жизни (*Мундт, Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого: пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1909. — № 43. — С. 1—88).
- ⁵⁰ *Сотавов, Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. — М., 1991. — С. 134.

- ⁵¹ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1760 г. — Д. 3. — Л. 92.
- ⁵² Там же. — Д. 2. — Л. 80—80 об.
- ⁵³ Там же. — Д. 3. — Л. 155—157.
- ⁵⁴ Там же. — Л. 176—181.
- ⁵⁵ Там же. — Л. 65.
- ⁵⁶ Там же. — Д. 4. — Л. 25 об.
- ⁵⁷ Там же. — 1761 г. — Д. 2. — Л. 60.
- ⁵⁸ Там же. — Л. 35—37, 162—162 об.
- ⁵⁹ Там же. — Л. 163 об.—164.
- ⁶⁰ Там же. — Д. 3. — Л. 5 об.—6.
- ⁶¹ Там же. — Л. 7 об.
- ⁶² Там же. — Л. 93 об.—94.
- ⁶³ Там же. — Л. 102.
- ⁶⁴ Там же. — Л. 156.
- ⁶⁵ Там же. — 1762 г. — Д. 3. — Л. 9.
- ⁶⁶ Там же. — Л. 77 об.
- ⁶⁷ Там же. — Л. 79—79 об.
- ⁶⁸ Там же. — Д. 2. — Л. 18.
- ⁶⁹ Там же. — Л. 25.
- ⁷⁰ Там же. — Д. 3. — Л. 173.
- ⁷¹ Кади-аскер — духовная должность, следующая в иерархии непосредственно за великим муфтием (кадиаскеров в Османской империи было два: румелийский и анатолийский).
- ⁷² Дефтердар — казначей.
- ⁷³ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1762 г. — Д. 3. — Л. 186—186 об.
- ⁷⁴ Там же. — Д. 2. — Л. 76.
- ⁷⁵ Там же. — Д. 3. — Л. 78—78 об.
- ⁷⁶ Там же. — Д. 2. — Л. 83—83 об.
- ⁷⁷ Там же. — Д. 3. — Л. 208—213 об.
- ⁷⁸ Там же. — Л. 225—225 об.
- ⁷⁹ Там же. — Л. 234 об.
- ⁸⁰ *Мундт, Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого: пролог столкновений между Россией и Турцией. — С. 45.
- ⁸¹ АВПРИ. — Ф. 89, Сношения России с Турцией. — Оп. 1. 1762 г. — Д. 3. — Л. 234—236 об.
- ⁸² Сборник Императорского русского исторического общества. — СПб. 1885. — Т. 48. — С. 3.
- ⁸³ *Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — М., 1965. — Кн. XIII. — С. 181.
- ⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 1. — Т. X. — С. 900.
- ⁸⁵ Там же. — С. 902.
- ⁸⁶ *Уляницкий, В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. — Ч. 1. — С. 442.

Д.Б. Павлов

РУССКО-ЯПОНСКОЕ ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1904—1905 ГГ.*

Статья посвящена соприкосновению российской и японской сфер как важной составляющей русско-японской войны 1904—1905 гг. Внимание автора сфокусировано на дальневосточной информационной «кухне» — переднем крае идейно-пропагандистской борьбы противоборствовавших сторон, новостном «котле», из которого черпали сведения и оценки местные и иностранные журналисты, представители мировых информационных агентств. Изучены идейное содержание японской и русской пропаганды, организация, методы и результативность работы пропагандистских аппаратов России и Японии. Статья основана на служебной переписке и мемуарах очевидцев и участников изучаемых событий, а также на материалах мировой периодической печати. Ключевые слова: русско-японская война 1904—1905 гг.; дальневосточный регион; идейно-пропагандистское противостояние.

D. B. Pavlov

Russo-Japanese propaganda rivalry in the Far East, 1904—1905

The article explores overlapping of and interactions between the Russian and Japanese hemispheres as important results of the Russo-Japanese war, 1904—1905. The «field» of this confrontation was the newspapers and journals of the Old and New worlds, and those of Japan and Russia. However, the zone of their special propaganda activity and ideological struggle became Korea and especially China. The ideas and estimations expressed in Russo-Japanese published polemics and the stereotypes expressed shaped the mood of world public opinion toward Russia and Japan and defined the whole international public-political climate of the war of 1904—1905. They shaped the mood of world public opinion toward Russia and Japan and defined the whole international public-political climate of the war of 1904—1905. The research is based on the memoirs of eyewitness and participants in the described events, and on the materials of the contemporary press — the main mirror of public opinion, its generator and field of ideological battles.

Keywords: Russo-Japanese war; 1904—1905; the Far Eastern region; ideological-propaganda rivalry.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Русско-японское идейно-пропагандистское противостояние на мировой арене в войне 1904—1905 гг.», проект № 10-01-00502.

Соприкосновение российской и японской семиосфер выступило одной из важных составляющих русско-японской войны 1904—1905 гг., получившим отражение в культурном пространстве также и третьих стран. Историки все активнее обращаются к анализу сопутствовавших этой войне социо-культурных факторов, которые, по выражению Дж. Вествуда, еще недавно представлялись новой «исследовательской территорией»¹. Изучаются отражение войны в русской и японской культуре, ее восприятие в обществе и его исторической памяти, влияние на интеллектуальную, политическую, эстетическую мысль², международный имидж обеих стран³. История русско-японской войны 1904—1905 гг. фактически превращается в «полигон» для изучения культурного соперничества и взаимовлияния в экстремальных условиях военного конфликта.

Наиболее видимым и резонансным проявлением культурного взаимодействия России и Японии военной поры явилось их противостояние в информационно-пропагандистской и идейной сферах, которое было важным в первую очередь для самих воюющих сторон. Специалисты по СМИ давно выяснили значение стереотипов, посредством которых формируется общественное мнение, а также роль повременной печати как (в прошлом) основного канала воздействия на него⁴. Газеты, пишет об общемировой тенденции начала XX в. Луиза Макрейнольдс, «упрочили себя в качестве господствующего фактора политического дискурса»⁵. Идеи и оценки, высказанные в русско-японской заочной печатной полемике, и появившиеся в ее ходе стереотипы не только формировали отношение мировой общественности к России и Японии и определяли весь международный общественно-политический климат войны 1904—1905 гг. Они имели непосредственное отношение к таким утилитарным вопросам, как получение иностранных кредитов, размещение в зарубежных странах военных заказов, помощь в добывании секретных сведений о противнике, время и условия окончания войны.

«Войну идей», как и сами боевые действия, открыла японская сторона — ее первый «выстрел» прозвучал на третий день конфликта, 11 февраля 1904 г.⁶ Темой последнего медийного «залпа» военных лет выступили события начала сентября 1905 г. в Японии — массовые беспорядки, вызванные недовольством условиями Портсмутского мира. Последствия ее военного успеха, отмечают Д. Уэллс и С. Уилсон, «простирались от коренного изменения баланса сил в Азии до недвусмысленного вызова доминировавшему представлению о “белом”, европейском превосходстве в мире»⁷. В японской историографии высказано убеждение, что «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из главных факторов, которые обеспе-

чили Японии победу в войне с Россией⁸. Однако насколько справедлива и универсальна подобная оценка?

Основными участниками идейной борьбы, разумеется, выступали Япония и Россия, но поскольку «борьба за умы» велась, главным образом, на территории «третьих», нейтральных государств, в это противоборство так или иначе оказались вовлечены государственные и общественные деятели, политики и публицисты многих стран мира. «Площадками» этого соперничества были газеты и журналы Старого и Нового Света и самих Японии и России. Однако зоной их особой пропагандистской активности стали Корея и особенно Китай. Военные действия на их территории привлекли в регион сотни журналистов со всего света. Влияние на мировое общественное мнение оказывали материалы и самой дальневосточной периодической печати, которые публиковались за рубежом. Поэтому соперничество России и Японии на информационно-пропагандистском пространстве стран Дальнего Востока фактически явилось схваткой за умы не только азиатского, но, по существу, и мирового сообщества.

Создание Россией и Японией собственного благоприятного образа на Западе уже не раз становилось объектом исследования⁹. Настоящая статья изучает их деятельность того же рода на дальневосточной информационной «кухне» — в том новостном «котле», из которого черпали сведения, а порой и оценки местные и иностранные журналисты, представители мировых информационных агентств. Работа основана на служебной переписке и мемуарах очевидцев и участников описываемых событий, а также на материалах периодической печати — главного зеркала общественного мнения, его генератора и поля идейных баталий.

В решении стратегической задачи манипулирования общественным мнением посредством печатного слова Япония и Россия следовали сходной тактике, но использовали различные приемы. Тактика предусматривала, во-первых, издание собственной печатной продукции в дальневосточном регионе, во-вторых, негласное субсидирование туземной и иноязычной, формально независимой, прессы и, наконец, в-третьих — отслеживание иностранной периодики и соразмерное ее настроениям воздействие на журналистов, которые освещали и комментировали ход войны. Алгоритмы реализации этих трех составляющих в агитационно-пропагандистской практике Японии и России были различны. Разными были и целеполагания.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ РОССИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ПРОПАГАНДИСТСКОГО АППАРАТОВ

«Новости не появляются из ниоткуда.

Их кто-то создает.

В области международных отношений этот
“кто-то” чаще всего — правительство».

профессор Колумбийского университета

Джон Хохенберг (1967)

«Унция организации равноценна фунту пропаганды».

(политическая максима)

Япония, приступив к подготовке тотальной, по выражению А.В. Игнатьева¹⁰, войны с Россией запуском масштабной военно-судостроительной программы в декабре 1895 г., вскоре целенаправленно занялась созданием и собственного благоприятного имиджа в мире¹¹. В рамках решения этой задачи в 1898 г. в токийском «доме в Касумигасэки» (МИДе) под руководством его главы было создано «Бюро по политическим делам». В качестве экспертов и советников к его работе были привлечены представители японского генералитета (Нагаока, Усагава и др.), а также особо доверенные западные журналисты во главе с британцем Фрэнком Бринкли. Начав с систематического изучения зарубежной прессы, в широких масштабах продолженного и в годы войны с Россией, Бюро стало «мозгом» и дирижерским пультом пропагандистской деятельности империи микадо, распространенной и на соседние страны — Китай и Корею. Судя по составу, Бюро информировалось по дипломатическим, военным и частным каналам. По описанию русского разведчика Л.В. фон Гойера, техника повседневной работы этого учреждения выглядела следующим образом: «Всякое известие с театра войны или же относившееся к внутренней жизни России или Японии сперва поступало в это Пресс-бюро. Там оно цензуровалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в Агентство Рейтер и Associated Press, а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: “*from our own correspondent*” или “*special to the*” (имя газеты)»¹² — независимо от того, где именно данное издание имело своих корреспондентов и имело ли их вообще.

Непосредственное общение с прессой, равно — открытое и конфиденциальное, было отдано на откуп дипломатических представительств Японии. По наблюдению британского публициста Альфреда Стэда, в годы русско-японской войны они стали повсеместно выпол-

нять несвойственные для себя функции «центров по распространению военных новостей»¹³. На Дальнем Востоке одну из ключевых в этом смысле ролей играло Генеральное консульство Японии в Шанхае, тогда — всекитайском центре издательского дела¹⁴. По данным русской разведки, к началу войны консульство негласно дотировало не менее десяти из 14-ти выходивших здесь периодических изданий: пять из шести китайских газет (три с китайскими названиями: “Sin’-Van’-Pao”, “Tun-Van-Hu-Pao”, “Nan-Fang-Pao” и две с английскими: “Universal Gazette” и “Eastern Times”) и все имевшиеся англоязычные, общим числом тоже пять: “North China Daily News» (субсидия — 5 тыс. долларов в месяц), “Shanghai Mercury” (2 тыс. долларов), “Shanghai Daily Press” (1,5—2 тыс.), “China Gazette” (1 тыс.) и “Shanghai Times”, размер секретной субсидии которой российским спецслужбам остался не известен. Ежемесячно тратя на подкуп периодической печати порядка 30 тыс. долларов США, японское генконсульство, таким образом, установило негласный контроль над прессой Среднего и Южного Китая. В других крупных городах Поднебесной — в Пекине, Тяньцзине, Гонконге — японцы тем же способом воздействовали на десятки китайских газет и многие англоязычные: “Hong-Kong Telegraph”, “China Mail”, “Hong-Kong Daily Press”, “China Times”, “Peking and Tientsin Times”, “Tientsin Daily News” и др.

Региональная пресса, не охваченная японской «опекой», по свидетельству очевидца, «была всегда без известий, блуждала во тьме». Полосы же подконтрольных Японии изданий украшали «целые колонны телеграмм из Токио, Осака, Сеула, Ньючанга», конфиденциально полученные от токийского Пресс-бюро; «публика, жаждавшая известий, предпочитала поэтому чтение прояпонских газет»¹⁵. Попытки некоторых изданий привлечь альтернативные источники информации и тем ослабить японский контроль пресекались распространением слухов, порочивших «взбунтовавшегося» редактора. Так, намерение издателя “Peking and Tientsin Times” А.М. Вогам-Смит «насколько возможно непредвзято» познакомить читателей с официальными сообщениями не только Японии, но и России было нейтрализовано ее обвинением японской газетой “Ji-Ji” в получении мифической русской дотации. Оправдываться Вогам-Смит пришлось со страниц токийской “Japan Times”¹⁶, однако с тех пор в местных журналистских кругах за ее газетой утвердилась репутация «бесспорно прорусской»¹⁷.

В России понимание необходимости воздействовать на общественное мнение Китая в благоприятном для себя направлении появилось в середине 1890-х годов — одновременно с осознанием Маньчжурии зоной своего влияния. Однако дальше издания в 1895—1896 гг. в Тяньцзине очевидно пророссийской и потому маловлия-

тельной газеты “Go-Ven’-Pao” первоначально дело не пошло. Ее титульным редактором выступил бежавший из Сеула от преследований японцев русский моряк и архитектор А.И. Середин-Сабатин, а фактическим издателем — военный атташе в Китае полковник К.И. Вогак. «Как бы [мы] материально ни обеспечили свою казенную газету в Китае, — объяснял позднее Середин-Сабатин фиаско “Go-Ven’-Pao”, — она не имела бы никакого влияния уже потому одному, что была бы казенная, что скрыть нельзя ни в каком случае»¹⁸. Между тем, с каждым годом потребность в иноязычном прорусском органе на Востоке приобретала все большую остроту. «Этот вопрос не может не зародиться, — писал в 1903 г. дипломат Н.А. Распопов на страницах “Нового Времени”, — когда русскому человеку приходится присутствовать при той возмутительной травле, которой англичане и японцы подвергают на Востоке все русское ... выставляют дикарями, обманщиками, смутьянами, насильниками и т.д. И не только в политике, а решительно во всем: в международных отношениях, во внутренней государственной жизни, в промышленности и торговле, даже в домашнем быту.. Эта ложь и глупость никогда и никем не опровергается и приобретает потому значение непреложной истины. Эти ложь, злоба и глупость создают общественное мнение невежественной, грубой и увлекающейся массы. Она мешает естественному развитию нашей экономической жизни ... она создает нам, наконец, вечные политические осложнения»¹⁹.

Несмотря на это, накануне русско-японской войны дружественной России периодической печати (не считая семи малотиражных русскоязычных газет в зоне КВЖД) на Дальнем Востоке по-прежнему не существовало. Вся имевшаяся оказалась пронизана русофобством, «подогретым» прояпонски настроенной прессой Великобритании и США и затем «ре-экспортированным» (по выражению Наоко Симадзу²⁰) в ту же западную печать, равно — официальную и неправительственную. С момента заключения англо-японского союза в начале 1902 г. руководители лондонской “Times” «поощряли Японию выступать против русских», видя «свою задачу в привлечении симпатий британцев к Японии вплоть до оказания ей военной помощи, — констатируют историки этой газеты; — в годы войны “The Times” оказывала японцам столь горячую поддержку, что газету даже считали исходной виновницей этой войны»²¹. В подоплеке такого курса лондонского официоза лежало убеждение консервативного кабинета А. Бальфура, что русско-японский конфликт выгоден Британии тем, что, во-первых, ослабляет Россию и, во-вторых, делает ее более сговорчивой в других внешнеполитических вопросах²². В результате в России многие были убеждены, что ответственной за вооруженное столкновение с Япони-

ей являлась единственно русофобская пресса. «Исключительно только газетный поход на Россию с восхвалением прогресса и силы Японии, подбадриваемый не скупой на то же английской прессой, он только и создал войну», — писал в 1904 г. очевидец, православный миссионер²³. «Японские победы одержаны были в редакциях лондонских газет и телеграфных агентств», — язвил петербургское «Новое Время»²⁴.

В 1900 г. изучением публикаций дальневосточной периодической печати по собственному почину занялась группа студентов Восточного института во главе с профессором-японистом Е.Г. Спальвиным. Наиболее качественные обзоры печатались в приложении к «Известиям Восточного института» под названием «Летопись Дальнего Востока». «Летопись» была замечена в Петербурге. На аудиенции в июне 1902 г. директор института А.М. Позднеев удостоился лестного отзыва императора о работе его подчиненных по ознакомлению России с текущими событиями жизни дальневосточных стран. Тут же Николай II спросил «о возможности для Института обратно ознакомлять Восток с событиями жизни русской»²⁵. Подобными возможностями владивостокский институт не располагал, но сама постановка вопроса симптоматична. Практическим последствием «высочайшего» внимания явилось то, что с 1902 г. институтская библиотека вместо ранее поступавших 17-ти центральных японских газет стала получать уже 135 периодических изданий, либо выходивших в странах Дальнего Востока, либо тематически посвященных ему, на английском, французском, немецком, китайском, японском и корейском языках. Вместе с тем, тираж институтской «Летописи» (700 экземпляров), которая печаталась вплоть до 1905 г.²⁶, не предполагал знакомства с ней широкого читателя. В годы войны русские штабы в Маньчжурии анализировали туземную и иноязычную дальневосточную прессу самостоятельно, но в значительно меньшем объеме, нежели студенты Восточного института.

С началом войны с Японией проблему воздействия на зарубежную периодику стали активно разбирать в русских дипломатических кругах. Глядя на «большую радость» англичан по поводу военных успехов Японии, консул в Гонконге К.Ф. Бологовский уже в середине февраля 1904 г. предлагал МИДу тотчас и «не жалея денег, купить американскую прессу — по вопросу о желтой опасности Антильским островам и германскую — по вопросу о желтой опасности Шантуну»; Николай II, прочитав депешу Бологовского, не возражал²⁷. Вскоре вопрос о создании собственной газеты на Востоке рассматривался уже на самом высоком уровне. Министры финансов, иностранных и внутренних дел и сам император единодушно высказались в пользу такого издания. В Петербурге надеялись, что будущая газета получит распространение не только в Китае, но (в англо-

язычной версии) и «среди населения Индии, Индокитая и вообще на Дальнем Востоке»²⁸. При этом формирование какого-либо центрального пропагандистского аппарата применительно к Дальнему Востоку и подобного токийскому Пресс-бюро, судя по известным нам документам, не обсуждалось и не планировалось.

Уловив настроения монарха, в феврале 1904 г. наместник Е.И. Алексеев распорядился начать издание в Пекине газеты “Jen-Tu-Pao”. С тех пор наместник и его штаб превратились в главных координаторов российской агитационно-пропагандистской работы в дальневосточном регионе, оставляя решение стратегических вопросов за центральным правительством с императором во главе. Создателем же самой газеты выступил глава пекинского отделения Русско-китайского банка Д.М. Позднеев — младший брат директора Восточного института. К июлю 1904 г. “Jen-Tu-Pao” приобрела штат постоянных китайских корреспондентов, установила связи с другими городами Китая, обзавелась собственной типографией и до 500 подписчиков²⁹. Русской казне это начинание обошлось в 15 тыс. серебряных («мексиканских») долларов. На волне успеха “Jen-Tu-Pao” в штабе наместника родилась идея издания ее аналога в Мукдене. Создание и общее руководство второй синоязычной «русской» газетой наместник возложил на военного комиссара Мукденской провинции полковника М.Ф. Квещинского. Газета, редактировать которую тот сначала поручил студенту-китаисту Восточного института В.И. Николаеву, а затем китайцу Wong-Shih-Shang³⁰, была названа “Shenqing-Pao”. Выход ее восьми месячных номеров, каждый тиражом в 5 тыс. экземпляров, ежемесячно обходился русскому командованию без малого в 500 рублей. Хотя первый номер газеты появился уже 19 апреля 1904 г., ее штатное расписание из 18-ти китайских редакторов, канцелярских и технических служащих главнокомандующий А.Н. Куропаткин утвердил лишь в конце ноября 1904 г.

Тираж первых номеров “Shenqing-Pao” мукденский военный комиссариат разослал русским военным и гражданским властям Гирина, Цицикара, Харбина, Тяньцзиня, Ляояна, Телина и других китайских городов для бесплатной раздачи населению и организации подписки. «Присланные номера распространены от Инкоу до Пекина, — доносил из Шанхайгуана помощник военного атташе капитан А.Е. Едрихин 6 мая 1904 г.; — впечатление хорошее. В тяньцзинской китайской газете был благоприятный отзыв. Вчерашняя присылка разобрана в одно утро ... Много желающих подписаться. Благоволите высылать больше экземпляров»³¹. Управляющий отделением Русско-китайского банка в Цицикаре тогда же известил Квещинского, что присланные экземпляры газеты он направил в Яжэхэ, Бэйлинцзы, Хуланчен,

Мерген и Хайлар. Но закрепить успех “Shenqing-Pao” не удалось. В августе 1904 г., во время битвы за Ляоян, выход газеты в свет был приостановлен, а после Мукденского сражения февраля 1905 г., в ходе которого редактор «Ван» пропал без вести, и вовсе прекращен. Попытка возобновить издание “Shenqing-Pao” в Харбине не увенчалась успехом, хотя на словах новый главнокомандующий Н.П. Линевич придавал «распространению среди местного китайского населения, посредством печати, достоверных и нам благоприятных сведений» столь же «огромное значение»³², что и его предшественник А.Н. Куропаткин.

Наряду с Пекином и Мукденом центрами пропагандистской активности российских дальневосточных властей стали Тяньцзинь и Шанхай. В марте 1904 г. маньчжурское командование начало тайно субсидировать тяньцзиньскую газету “Ji-Pao” в обмен на обязательство ее китайского владельца печатать официальные российские военные сводки (наблюдать за ее публикациями было поручено тому же Д.М. Поздневу, знавшему китайский язык)³³. На аналогичных условиях поддержкой шанхайской газеты “Shen-Pao” на время заручился «второй» военный атташе в Китае генерал К.Н. Дессино. По такому же сценарию в дальнейшем стали выстраиваться взаимоотношения русских властей и с региональной иноязычной прессой. Как показал последующий опыт, это был кратчайший путь к достижению поставленной цели — воздействовать в благоприятном для России смысле на туземное, а опосредованно, — и на мировое общественное мнение. Негласное субсидирование иноязычной повременной печати Дальнего Востока осуществляли «первый» военный агент в Китае полковник Ф.Е. Огородников и сотрудники так называемой «Шанхайской агентуры» — секретной службы, созданной в начале апреля 1904 г. по «высочайшему повелению» и в соответствии с замыслом наместника на Дальнем Востоке. Руководителем этой разведывательной организации был назначен 44-летний посланник в Сеуле А.И. Павлов, действительный статский советник и камергер. В его подчинение были переданы сотрудники миссии в Корее, вместе с ним прибывшие в Шанхай из Сеула, служащие российского генерального консульства в Шанхае, а также здешние представители Министерства финансов — статский советник Л.Ф. Давыдов и его помощник титулярный советник Л.В. фон Гойер³⁴.

В июне 1904 г. наместник одобрил инициативу Павлова «войти в секретное соглашение с надежным редактором одной из шанхайских газет, обязать его за известное вознаграждение работать неуклонно по нашему указанию и оставить всю материальную часть предприятия в руках и на ответственности владельца»³⁵. Таким редактором стал владелец “China Gazette” Генри О’Ши, который, по отзыву Давыдова, считался в Шанхае «наиболее талантливым журналистом».

7 (20) июня 1904 г. тайная сделка между Павловым и О'Ши была заключена. За ежемесячную дотацию в 2500—3000 мексиканских долларов ирландец брал на себя обязательство «представлять на утверждение лица, назначенного русским правительством, все статьи, касающиеся нынешней войны ... и вообще всех военных, политических, финансовых, промышленных вопросов, затрагивающих интересы России» и «исключать все то, что будет признано несогласным с таковыми»³⁶. Повседневное руководство “China Gazette” Павлов возложил на фон Гойера, Давыдов согласился курировать ее финансово-промышленный отдел. По свидетельству последнего, внезапная перемена политической ориентации газеты произвела в английской колонии Шанхая «переполох», а уволенных О'Ши сотрудников-японцев тут же принял на работу британский владелец “North China Daily News”. «Все это, — закономерно заключал русский чиновник, — свидетельствует о сплоченной англо-японской организации»³⁷.

Появление в “China Gazette” «верных сведений с соответствующим правильным освещением более всего будет способствовать поднятию среди публики интереса к ней и обеспечению ее влияния на прочую прессу», — настаивал в письме заместителю Павлов, говоря о способах превращения “China Gazette” в полноценный «противовес вредному для России влиянию прочих английских газет на Дальнем Востоке»³⁸. В результате, вслед за переходом под патронат «Шанхайской агентуры» редакция “China Gazette”, хотя и нерегулярно, стала получать информационную «подпитку» из России — сведения военно-политического характера от МИДа и дальневосточного армейского и морского командования, а по финансово-экономической части — от Министерства финансов. Полученные, таким образом, материалы газета печатала как репортажи своих собственных зарубежных корреспондентов (которых в действительности не имела). Изменение политических симпатий и публикация русских военных сводок, а также материалов о положении в самой России, полученных через Павлова и Давыдова, благоприятно сказались на авторитете “China Gazette” и ее тиражах. Ее статьи, писал фон Гойер, «переводились во многих китайских газетах. Влияние ее на английские и китайские коммерческие классы сказалось ... в антияпонских течениях, охвативших Восток за последнее время и приведших к вполне осязательной реакции против ... необузданной и непонятной “ниппонофилии”»³⁹.

Весной 1905 г. при посредстве того же О'Ши «Шанхайская агентура» заключила секретное соглашение с редактором шанхайской “Sin'-Van'-Pao”, популярной среди китайских коммерсантов и чиновников. Газета принадлежала китайскому банкиру (и японскому

подданному) Sheng'у, ежедневно выходила в 15—17 тысячах копий, тайно субсидировалась японским генконсульством, но при этом, по мнению Середина-Сабатина, оставалась «рептильным, бездарным листком»⁴⁰. Новая «программа», конфиденциально предложенная ее редакции русской стороной в обмен на финансовую поддержку, имела в виду «отнюдь не защищать русскую политику (после мукденского разгрома это было и не вполне уместно. — *Д.П.*), а лишь обнаруживать истинные цели Японии по отношению к Корее, Маньчжурии и Китаю». По словам фон Гойера, китайские сотрудники “Sin'-Van'-Pao” «быстро усвоили себе нашу программу и рботали — конечно, под нашим контролем через переводчиков — весьма успешно в этом направлении»⁴¹. После смены курса, по отзыву Павлова, газета превратилась в «добросовестно и талантливо редактируемый орган», «явно и бесспорно полезный для наших интересов влияния»⁴².

В августе 1904 г. полковник Огородников познакомил Давыдова с издателем англоязычной “Chefoo Daily News” Макдермидом, который как представитель мировых новостных корпораций за ежегодное вознаграждение в 10 тыс. мексиканских долларов выразил готовность распространять известия с театра войны «с благоприятною для нас окраскою» как в своей чифуской газете, так и в западной прессе⁴³. Инициатива Макдермида была доложена Николаю II, получила его одобрение и в дальнейшем была реализована в виде большой серии материалов, опубликованных в самой “Chefoo Daily News” и в повременной печати Запада. По позднему отзыву министра финансов В.Н. Коковцова, Макдермид «весьма добросовестно исполнял принятые на себя обязательства»⁴⁴. Другой британский журналист, отставной подполковник Чарльз Норрис-Ньюман, командированный на Дальний Восток лондонской “Daily Mail”, принял предложение Огородникова выступить титульным издателем газеты “China Review”, которая начала выходить в Тяньцзине в сентябре 1904 г. Ее фактическим, но негласным редактором был сам русский военный атташе. Задача и этого издания заключалась в том, чтобы «опровергать распространяемые японцами слухи», распространять российскую информацию о ходе военных действий на Дальнем Востоке и о положении в самой России⁴⁵. Санкцию и средства на ее издание дал все тот же наместник на Дальнем Востоке.

В Сеуле приобретением «Шанхайской агентуры» явилась “Korea Daily News”, основанная осенью 1904 г. 32-летним Эрнестом Бетеллом, военным корреспондентом лондонской “Daily Chronicle”. Его газета печаталась одновременно на английском и корейском языках, причем тысячу иен «подъемных» Бетелл приватно получил из рук самого корейского императора. Характеризуя этого британского жур-

налиста как «убежденного противника японцев», «безусловно сочувственного России», Павлов предложил поддержать его «нравственно и материально» и тем «обеспечить дальнейшую деятельность газеты в желательном нам направлении». 4 (17) октября 1904 г. наместник санкционировал ежемесячную секретную субсидию редактору “Korea Daily News” в 500 иен⁴⁶. По оценке современного исследователя корейской прессы, в 1904—1905 гг. газета Бетелла имела «наибольшую аудиторию» и, таким образом, «преобладающее влияние» в Корее. Ее статьи, которые часто перепечатывались другими органами региональной прессы, «способствовали росту антияпонских настроений»⁴⁷.

Ту же картину участники событий фиксируют в отношении “China Gazette”, “Chefoo Daily News” и других дальневосточных органов печати, созданных в 1904—1905 гг. российскими властями или тогда же перешедших под их контроль. Говоря о своем детище (“Shenqing-Pao”), полковник Квещинский писал: «Имея своих корреспондентов во всех важных пунктах Маньчжурии и собственного Китая, газета более, чем какое-либо другое учреждение, была в состоянии следить за настроением общества, волнующими его вопросами в данный момент; следя же помимо всего этого за всей прессой Дальнего Востока, китайской и иностранной, она имела полную картину жизни Китая и, само собою, своевременно отзывалась в желательном для нас духе на все вопросы в области политики, торговли, войны и т.д.»⁴⁸. По свидетельству русских военных комиссаров Мукдена и Гирина, “Shenqing-Pao” «непрерывно цитировалась во всей выдающейся китайской прессе и в переводах некоторыми русскими газетами; японская же пресса немедленно заняла отношение ее боевое положение, усмотрев в лице газеты одного из самых опасных соперников, могущих сильно подорвать ее авторитет»⁴⁹.

К осени 1904 г. в распоряжении российских властей в Китае и Корее имелось четыре синоязычных газеты (“Jen-Tu-Pao”, “Shenqing-Pao”, “Ji-Pao” и “Shen-Pao”) и шесть иноязычных (“China Gazette”, “China Review”, “Echo de Chine”⁵⁰, “Shanghai Times”, “Chefoo Daily News” и “Korea Daily News”). Две из числа последних (“China Gazette” и “Shanghai Times”) были «отвоены» у японцев. В начале 1905 г., воспользовавшись упадком прояпонской “Shanghai Daily Press”, «Шанхайская агентура» добилась санкции императора на приобретение и ее (снова через О’Ши). Но по горячим следам сделка не состоялась, а с июня 1905 г. газета снова начала получать тайную дотацию Токио⁵¹. На место прекратившейся мукденской “Shenqing-Pao” весной 1905 г. пришла шанхайская “Sin’-Van’-Pao”, также «отыгранная» у японцев. Таким образом, до конца русско-японской войны под русским контролем находилось порядка десяти органов региональной периодики. «Китайцы верят печатному слову, — по-

дытожил опыт своей работы в Китае полковник М.Ф. Квещинский, — и газета является вернейшим способом проведения в массу нужных по обстоятельствам времени взглядов и идей»⁵².

Негласное субсидирование дальневосточной печати ежемесячно обходилось «Шанхайской агентуре» в 6500—8500 руб.⁵³, или втрое-вчетверо меньше аналогичных трат здешнего японского Генерального консульства. «Русские» газеты печатались в столице Кореи, а также в пяти китайских городах (Пекине, Мукдене, Тяньцзине, Шанхае и Чифу), но их общественное звучание и ареал распространения выходили далеко за рамки этой географии. Опираясь на них, Россия, стартовав с нуля, начала формировать общественное мнение Китая и Кореи в желательном для себя направлении, причем в масштабе, сопоставимом с японским. Достижения «Шанхайской агентуры» в работе с китайской прессой были вынуждены признать даже британская и японская печать. «Заметной чертой активности России в Китае за последний год, — отмечала в феврале 1905 г. лондонская “Times”, — стали попытки противодействовать русофобским тенденциям зарубежной и туземной прессы, находящейся под контролем Японии, путем субсидирования печатных органов в важнейших промышленных центрах ...Теперь взгляды русского правительства регулярно распространяются через англоязычные газеты Шанхая и Тяньцзиня и, хотя они не имеют никакого веса в европейском сообществе, они воздействуют на взгляды местных жителей»⁵⁴. Заметка, опубликованная в апреле 1905 г. токийской “Japan Times”, гласила: «Из Шанхая пишут, что Россия учредила в этом порту штаб своей разведывательной организации, обладающей огромными средствами. Шанхайские туземные журналисты постепенно меняют тон своих публикаций в пользу русских»⁵⁵. В общем, во второй половине 1904 г. прояпонская печать на дальневосточном новостном «рынке» потеряла былую монополию.

Работа с военными корреспондентами

«Время, начиная с Гражданской войны в США и кончая Первой мировой войной, — утверждает историк журналистики Филипп Найтли, — явилось золотым веком для военных корреспондентов»⁵⁶, тогда людей, как правило, известных, популярных и влиятельных. Поэтому важным для обеих конфликтующих сторон каналом распространения информации о ходе военных действий были корреспонденции представителей своих и зарубежных органов повременной печати, командированных на Дальний Восток. В общей сложности их туда явилось

более двухсот — еще ни один вооруженный конфликт в истории человечества не привлекал такого количества зарубежных корреспондентов, отметил ветеран американской военной журналистики⁵⁷. Вместе со своими русскими и японскими коллегами они представляли все мировые новостные корпорации и сотни периодических изданий Европы, Америки и Дальнего Востока, включая крупнейшие. Это неудивительно — мировое сообщество восприняло начало русско-японской войны как важнейшее событие жизни планеты. Мир разделился на сторонников и противников России и Японии⁵⁸.

В русскую маньчжурскую армию к маю 1904 г. прибыло 46 журналистов, 26 русских и 20 иностранных, к концу сентября их здесь собралось уже более 70-ти⁵⁹. За все время войны на полях Маньчжурии в расположении русской армии перебивало более 140 военных корреспондентов — 102 из России и 41 из Великобритании, США, Франции, Германии, Италии и других стран. Каждый третий из них (46) был профессиональным военным⁶⁰, действующим или отставным, многие — с европейскими именами: В.И. Немирович-Данченко (от газеты «Русское Слово»), Ю.Л. Елец («Новое Время» и «Русский Вестник»), писатель Н.Г. Гарин-Михайловский («Петербургские Ведомости»), Д.Г. Янчевецкий («Приамурский Край»), Л. Нодо («Le Journal»), Р. Рекули («Le Temps»), отставной полковник Генштаба Р. Гедке («Berliner Tageblatt»), фотокорреспондент В.К. Булла (от журнала «Нива»).

Представители официальных СМИ — подполковник В.А. Апушкин от «Правительственного Вестника» (органа МВД) и «Journal de St.-Petersburg» (МИД), подъесаул П.Н. Краснов и ротмистр К.К. Агафонов от газеты Военного министерства «Русский Инвалид» и журнала «Военный Сборник», И.С. Левитов от Российского телеграфного агентства и др. — будучи направлены на Дальний Восток руководителями соответствующих ведомств (Апушкин был командирован с «высочайшего соизволения»), оставались там на положении государственных служащих. Конечный смысл своего пребывания в Маньчжурии они видели в борьбе с русофобской пропагандой, направленной на «умаление престижа России» в мире вообще и «в глазах восточных наших соседей», в частности. Заамурский таможенник, коллежский советник С.Н. Латкин, ссылаясь на поручение министра финансов, свое появление при штабе Маньчжурской армии корреспондентом Торгово-телеграфного агентства и журнала «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» мотивировал необходимостью противопоставить заграничной, главным образом британской, «тенденциозно-враждебной пропаганде» «самые точные сведения» о ходе военных действий, «строго проверенные с официальными данными»⁶¹.

Опять-таки имея в виду противодействие русофобской прессе, российские власти старались негласно влиять и на состав иностранных военных корреспондентов на Дальнем Востоке. Сын графа Варвика, лорд Брук от агентства Reuter и брат лорда Ревельстока, бывший дипломат и будущий писатель Морис Бэринг от лондонской «Morning Post» явились весной 1904 г. в штаб главнокомандующего в Ляояне с конфиденциальными поручительствами российского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа; журналист датской правительственной газеты «Berlingine Tiedende» армейский капитан Дэниэл Брунн — с такой же письменной аттестацией посла в Копенгагене А.П. Извольского, а его соотечественник Франц фон Иессен от копенгагенской «National Tiedend» и парижской «Temp» — с личной рекомендацией императрицы Марии Федоровны, матери царя, датчанки по происхождению. За Г. де ла Салля из агентства Navas перед министром иностранных дел хлопотал посол в Париже А.И. Нелидов⁶². Высокие русские поручители свидетельствовали профессионализм и симпатии к России своих протеже, их готовность к «опровержению всяких ложных касающихся нас известий» и к «распространению лишь истины о нас и наших войсках»⁶³. Фон Иессен вдобавок представил русскому командованию «программу борьбы с враждебной нам европейской прессой» собственного изготовления, предварительно одобренную Николаем II⁶⁴, вдовствующей императрицей и министром иностранных дел. Главнокомандующий Куропаткин, со своей стороны, распорядился предоставить протежируемым иностранцам некоторые преимущества⁶⁵, не слишком, однако, их афишируя («оказать внимание, но в пределах, не обидных для других»⁶⁶).

Деятельность всех журналистов, независимо от их подданства, статуса и личных связей, была поставлена под цензурный контроль, допуск на передовые позиции русских неправительственных репортеров был обусловлен предъявлением удостоверения от владельца издания в политической благонадежности. Предварительную цензуру корреспондентских телеграмм осуществляли офицеры цензурного отделения при штабе главнокомандующего и цензурных отделов при штабах армий. По требованию императора, статьи русских журналистов, высланные по почте, направлялись на предварительный просмотр в цензурные комиссии военно-окружных штабов самой империи⁶⁷. «Помимо предварительной цензуры, — сообщает военная энциклопедия, — свобода корреспондирования была донельзя стеснена и ограничена еще постоянными замечаниями по поводу тех или иных корреспонденций, уже пропущенных в [русскую] печать, со стороны Главного штаба»⁶⁸. Наиболее суровая критика петербургских штабистов пришлось на долю старейшего и самого титулованного из русских

военных журналистов — 56-летнего Василия Немировича-Данченко, старшего брата известного театрального деятеля. Летом 1904 г. временно исполнявший обязанности начальника Генштаба П.А. Фролов за «систематическое восхваление противника и порицание порядков нашей армии» даже поставил перед штабом главнокомандующего вопрос об удалении его из действующей армии⁶⁹, но тщетно.

В свою очередь, у владельцев неправительственных органов печати имелись серьезные претензии к внешнеполитическому ведомству. «Вы твердо уверены, что одна дипломатия заботится о русских интересах во всех частях света. А по-моему, о них заботится усердно русская печать. Дипломатия при этом только ставит в ее колеса палки, не защищает ее корреспондентов, не дает ей сведений, приносит жалобы на статьи, запрещает телеграммы, получаемые газетами из-за границы и т.д.», — выговаривал в письме директору I-го («азиатского») департамента МИД Н.Г. Гартвигу издатель «Нового Времени» А.С. Суворин в марте 1904 г.⁷⁰ Руководство МИДа отвечало неправительственной прессе той же монетой — весной 1904 г. британский посол в Петербург Чарльз Скотт конфиденциально информировал Форин Офис о «крайнем раздражении» министра графа В.Н. Ламздорфа оценками петербургской печатью британской политики на Востоке⁷¹. Вскоре советник английского посольства сообщил в Лондон о последовавшем под давлением Ламздорфа «высочайшем» указании министру внутренних дел приказать русской прессе впредь воздерживаться от критики зарубежных стран, особенно Великобритании⁷².

В Маньчжурии информационную деятельность всего журналистского корпуса регулировал «Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих пропуску в печать», «по высочайшему повелению» разработанный Генштабом в апреле 1904 г. Помимо ограничений в освещении состояния русской армии, ее дислокации и планов, «Перечень» делал акцент на необходимости «правдивого изложения фактов» (пункт 1-й) и нераспространения «непроверенных сведений, могущих возбудить в публике излишнее беспокойство» (пункт 14-й)⁷³. Прежде, чем получить аккредитацию, каждый военный репортер давал подписку о неразглашении военных секретов и с обязательством не допускать «какой-либо критики распоряжений и действий начальствующих лиц, ограничиваясь лишь правдивым изложением самих фактов»⁷⁴. На практике неоправданно, по мнению командования, резкий отзыв зарубежного журналиста о русской армии, как правило, влек лишь отеческое «внушение всей неблаговидности его поступка» (по указанию наместника, подобную беседу штабные офицеры провели, например, с корреспондентом “New York Herald” Ф. Маккулохом за его печатные выпады против русского фло-

та). Вместе с тем, главнокомандующий, а равно командиры корпусов и начальники отрядов имели право в любое время и без объяснения причин удалить всякого журналиста, если его присутствие «по военным соображениям» они признавали «неудобным». В мае — сентябре 1904 г. «в виду крайне предосудительного поведения» из действующей армии были высланы корреспондент «Нового Времени» М.А. Ростовцев, итальянец Гвидо Пардо («La Tribuna») и американец Эдвин Эмерсон (“Collier’s Weekly” и «Illustrierte Zeitung»). Нововременец в привокзальном ресторане Харбина неосмотрительно разразился бранью в адрес русской армии, а американский журналист, не позаботившись об аккредитации, попытался самовольно пробраться в Пекин.

На период сосредоточения русской армии в Ляояне Куропаткин распорядился не пускать иностранных корреспондентов далее Мукдена и Харбина. На передний край они получили разрешение отправиться лишь в конце мая — начале июня 1904 г. — с санкции командования, но с учетом указаний своих редакций и собственных предпочтений. Как и выехавшие ранее их русские коллеги, по позициям иностранцы передвигались верхом и вооруженными, в сопровождении одной лишь прислуги; ночевали полевыми бивуаками в палатках, для безопасности увенчанных флагами своих государств. Вскоре главнокомандующий приказал еще более «смягчить все или многие ограничения» для представителей прессы⁷⁵. После девяти-месячного пребывания на русских позициях лорд Брук с ностальгией вспоминал «свободу и независимость, которыми я пользовался в Маньчжурии»⁷⁶. Датчанин фон Иессен, в соответствии со своей «программой», телеграфировал репортажи не только в редакции пославших его газет, но и жене в Копенгаген, а та, в свою очередь, переправляла их в другие европейские органы печати — датские, норвежские, шведские, австрийские, французские («Altenposten», «Neue Freie Presse», «Petit Parisien» и др.). Если верить Ф. Найтли, Морис Бэринг посылал в “Morning Post” настолько обстоятельные и пространные депеши, что редактор газеты в конце концов его отозвал и переквалифицировал в театральные критики⁷⁷.

Некоторые «охотники за новостями» на наемных джонках или небольших пароходах решались совершать круизы по Желтому и Японскому морям — представители одного агентства Associated Press имели для этой цели пять малых судов, совокупные затраты за первые же дни войны на фрахт и содержание которых превысили 300 тыс. долларов⁷⁸. Самые отчаянные делали попытки проникнуть в блокированный японцами Порт-Артур. Одним из немногих иностранцев, которому удалось просочиться сквозь японские кордоны и невредимым добраться до осажденной крепости морем, стал коррес-

понтент “Indianapolis News” Гектор Фуллер. Хотя зарубежным корреспондентам было воспрещено находиться в Порт-Артуре, Фуллер получил возможность осмотреть крепость и побеседовать с генералом А.М. Стесселем, начальником обороны Квантунского полуострова. Американский журналист вынес благоприятное впечатление об организации обороны Порт-Артура и боеспособности его гарнизона. Его статью под характерным названием «Переменив мнение» оперативно перепечатала пророссийская “China Gazette”⁷⁹ в пику дальневосточной, а за ней и мировой русофобской прессе, которая уже тогда, в начале лета 1904 г., предрекала падение русской крепости буквально со дня на день — за полгода до фактической сдачи (подконтрольная Японии печать с марта 1904 г. распускала слухи о уже будто бы состоявшемся захвате Порт-Артура японцами⁸⁰).

Русская и японская разведки стремились использовать этих бесстрашных, с примесью авантюризма, людей не только в информационно-пропагандистских целях, но и в качестве «почталыонов» собственной корреспонденции или для сбора сведений о противнике. Секретные поручения руководителя «Шанхайской агентуры» А.И. Павлова и военного атташе полковника Ф.Е. Огородникова с разной степенью успеха выполняли капитан Джеймс Арчибальд (“Collier’s Weekly”, Нью-Йорк), Беннет Берлей⁸¹ (“Daily Telegraph”, Лондон), барон Томас Вард (Associated Press и “Chicago Daily News”), Макдермид (агентства Reuter и Associated Press) — в Китае; Жан Бале («L’Illustration» и «Figaro», Париж) — в Японии и Корее. Некоторые сведения о состоянии японской действующей армии, добытые Бале в высших токийских военных кругах, О’Ши, по указанию Павлова, направлял в редакции лондонских газет под видом телеграмм, полученных “China Gazette” «из собственных источников»⁸². В свою очередь, постоянные сотрудники «Шанхайской агентуры» (коллежский ассессор Х.П. Кристи, лейтенант флота Н.Ф. Мисников и др.) отслеживали перемещения японских военных судов в восточных морях под видом французских военных корреспондентов. Услуги японской разведке на своем наемном пароходе оказывал репортер “Times” Лайонел Джеймс⁸³. «Шпионы и журналисты одинаково падки до сколько-нибудь стоящей информации», — заметил между прочим один из его современников и коллег⁸⁴.

Выполнение секретных заданий было смертельно опасно, но и сама профессиональная деятельность военных журналистов была сопряжена с нешуточным риском. В ходе войны некоторые из них получили серьезные ранения (в битве у Ляояна были тяжело ранены корреспондент газеты «Русь» И.Е. Ножин и два репортера агентства Associated Press), другие убиты (корреспондент “Daily Telegraph” Льюис Этцель — в июне 1904 г. китайскими

разбойниками-«хунхузами»; военный журналист отставной полковник Е.Я. Максимов — в сражении при Шахэ; там же, но уже с японской стороны, смертельное ранение получил Дзюнкити Кавасима из газеты “Shinano Nippo”) или скончались от болезней (корреспондент «Московских Ведомостей» отставной полковник И. Ладыженский и представитель Associated Press Генри Миддлтон). По итогам войны несколько русских журналистов, кстати, включая и В.И. Немировича-Данченко, получили русские боевые награды, а некоторые иностранцы (Бале, фон Иессен) — высокие гражданские ордена.

С началом войны проблема воздействия на свою и зарубежную периодическую печать во весь рост встала и перед японскими властями. Предпочтительные, в интересах национальной безопасности, способы освещения военных событий в записке премьеру графу Таро Кацура изложил редактор газеты “Kokumin” Токутоми Сохо. Дабы «утаить фактическую ситуацию от публики», правительству, по мнению этого официального журналиста, следовало обнародовать лишь «примеры героизма и жертвенности японских солдат, стратегических успехов Японии, а также слабости России. Новости же относительно слабости самой Японии, ее потерь, экономических проблем, общие оценки военной ситуации, примеры силы России и ее успехов необходимо замалчивать»⁸⁵. На этих далеких от беспристрастности принципах в военные годы оказалась построена вся информационная политика Токио. Понятно, что для их успешного осуществления требовалось ужесточить предварительную цензуру, что и было сделано, причем еще до открытия военных действий⁸⁶. В журналистском сообществе Японии введение суровых цензурных ограничений не вызвало протеста, благо прецедент был создан совсем недавно — в годы японо-китайской войны 1894—1895 гг. К тому же, как вместе с иностранными наблюдателями тех лет утверждают современные японские историки, в Японии идея войны с Россией пользовалась почти всенародной поддержкой⁸⁷, а ведущие здешние газеты преисполнились воинственности уже в апреле 1903 г., когда истек срок так до конца и не осуществленного вывода русских войск из Маньчжурии. Малотиражный социалистический еженедельник “Heimin Shimbun” оставался едва ли не единственной японской газетой, которая выступала с пацифистских позиций, но вслед за чередой запретов в январе 1905 г. был закрыт и он.

Открытие военных действий превратило Японию в «мекку» зарубежных репортеров. Уже к концу февраля — началу марта 1904 г. в японскую столицу съехалось около пятидесяти иностранных корреспондентов, представителей, главным образом, британской (около 30 журналистов) и американской (порядка 20) прессы⁸⁸; вскоре их количество приблизилось к двумстам⁸⁹. Японские власти радуш-

но приняли заморских гостей. Их разместили в лучших гостиницах Токио, устраивали для них экзотические экскурсии, банкеты и представления с гейшами, проводили пресс-конференции, организовывали интервью с членами кабинета министров. Но на театр войны категорически не пускали (лишь двум представителям Associated Press удалось добиться разрешения на поездку в Корею) и все время держали на голодном информационном пайке, «очень любезно» отказываясь сообщать что-либо о военных приготовлениях и передвижениях войск⁹⁰. Однако и добытые вопреки всем препонам сведения переправлять в свои редакции иностранцам было мудрено. Американский посланник в Токио вспоминал о жестокой цензуре, которой подвергалась вся их переписка, отмечая, что «раньше никто даже не слышал о таких строгих ограничениях»⁹¹. «Все идет по плану», — вот единственное, что японский цензор обычно соглашался пропустить, негодовал его соотечественник журналист Фредерик Палмер.

Чрезмерная самостоятельность и любознательность иностранцев тоже не приветствовались. Во время пребывания в Токио, рассказывал позже военный репортер “Daily Telegraph”, он сам и его коллеги «были под постоянным надзором японских властей», им «неоднократно угрожали арестом»⁹². Писатель Джек Лондон, который прибыл в Японию в качестве военного корреспондента Hearst group, за попытку сфотографировать прибрежные укрепления Внутреннего моря и вовсе попал за решетку. Позднее близкий к правительству японский правовед довольно неуклюже оправдывал эти стеснения «небезосновательными» подозрениями властей некоторых иностранных журналистов «в действиях в интересах России»⁹³. В общем, первоначальное очарование Японией быстро покинуло зарубежных репортеров, но их протесты и запросы в токийские МИД и военное ведомство оставались без ответа. К концу марта 1904 г. их недовольство докатилось до японских представителей в Западной Европе. 31 марта посланник в Лондоне Тадасу Хаяси, ссылаясь на жалобы «многих крупных английских газет», ходатайствовал перед министром Дзютаро Комура о скорейшей отправке военных корреспондентов на фронт и максимальном снятии для них цензурных ограничений в самой Японии⁹⁴.

После долгих проволочек японское правительство разбило репортеров на партии, первая из которых в мае 1904 г. смогла, наконец, выехать в Маньчжурию. Однако их информированность от этого не намного улучшилась. Военные власти поселили иностранных журналистов в общей «резиденции» и на поле брани пускали только по окончании сражения (наблюдать за ходом самих боев им разрешали по очереди и поодиночке⁹⁵); не только интервьюировать, но даже приближаться к начальствующему составу и свободно передвигаться

по японским позициям им было строжайше запрещено⁹⁶. Изданные командованием Правила требовали от корреспондентов «озаботиться тем, чтобы не нанести ущерба войскам и ни при каких обстоятельствах не входить в штабные помещения» (статья 5); «вся переписка корреспондентов (включая их репортажи, частные письма, телеграммы и т.д.) предварительно отсылки должна быть просмотрена надзирающими офицерами» (статья 8) и т.д.⁹⁷ Ограничения распространялись и на японских журналистов, которые, замечает Дж. Вествуд, были вынуждены описывать не столько фронтовые будни, сколько «лунные пейзажи» Маньчжурии⁹⁸. Установив не менее жесткую, чем в Токио, цензуру и так же максимально затруднив переписку представителей западной печати, японское командование болезненно реагировало на малейшую критику ими японских вооруженных сил, описание их потерь и тем более — на попытки несанкционированных действий. Корреспонденту лондонской “Daily Mail” Эрнсту Бриндлу указания на недостатки японской армии обернулись запретом заходить в корейские гавани на зафрахтованном его редакцией пароходе⁹⁹, а для Джека Лондона самовольная поездка в оккупированный Японию Сеул закончилась повторным арестом — уже на корейской земле.

Стремление хоть как-то улучшить условия своей профессиональной деятельности толкало интернациональную журналистскую братию на разные ухищрения. Редакции центральных японских газет, каждой из которых было разрешено командировать на театр войны не более двух репортеров, нашли выход в том, чтобы посылать своих представителей в действующую армию под видом корреспондентов других, провинциальных органов печати. Иностранцы же журналисты приноровились переправлять репортажи в свои редакции в обход японской военной цензуры — из телеграфной конторы китайского Чифу (что, в свою очередь, превратило этот портовый городок, ныне Янтай, в их своеобразный корпоративный клуб). Правда, эти уловки не меняли ситуацию по существу. Новостной продукт военных корреспондентов оставался столь скуден и бледен, что редакции западных газет стали активно привлекать посторонние, заведомо предвзятые источники информации. Частота выступлений в западноевропейской прессе японского посланника Т. Хаяси дала повод одному из современников в шутку назвать его их «внештатным сотрудником»¹⁰⁰. Хилый и кастрированный цензурой ручеек новостей с военных полей очевидно не соответствовал затратам редакций на его получение и обесмысливал дальнейшее пребывание их специальных корреспондентов на краю света. По подсчетам Р. Десмонда, на освещение русско-японской войны мировые органы печати в совокупности истратили порядка 10 млн долларов, причем три

четверти этой астрономической суммы выложили редакции американских и британских газет¹⁰¹. Несмотря на то, что общий настрой англоязычной прессы в отношении Японии оставался позитивным, со второй половины 1904 г. хвалебные отзывы о японских гостеприимстве и добросердечии заметно пошли на убыль.

Отправка второй партии журналистов из Японии в Маньчжурию затянулась настолько, что к концу июня потеряла терпение даже “Times”, объявив об отзыве своих представителей из Японии. Корреспондентом в Токио был оставлен один постоянно живший там отставной артиллерийский капитан Ф. Бринкли. Впрочем, читатели “the Paper” (как почтительно называли свою газету сотрудники “Times” даже в частной переписке) об этом не узнали: ее редакция принципиально не печатала статьи своих дальневосточных представителей с упоминанием о строгостях японской цензуры¹⁰². Лишь в середине июля, под угрозой «забастовки» иностранных журналистов¹⁰³ и при поддержке Союза прессы (Press Union) самой Японии, который обратился с соответствующим ходатайством в правительство, еще двадцать из них получили разрешение выехать на фронт. Многие к тому времени пробыли в Японии уже по 4—5 месяцев. Но условия их профессиональной деятельности в Маньчжурии не стали лучше. Новые попытки заступничества со стороны Хаяси и его Вашингтонского коллеги Когоро Такахира (последний ссылался на то, что журналисты Ричард Дэвис и Джон Фокс являлись личными друзьями самого президента Т. Рузвельта), как и очередное вмешательство американского посланника в Токио, который, как всегда, апеллировал к министру Комура, вновь не произвели впечатления на японских военных. Вскоре на годичном собрании британского Института журналистов (Institute of Journalists) в Глазго европейские журналисты заявили и формальный протест по поводу притеснений своих коллег японскими военными властями в Маньчжурии. С таким же протестом выступили и японские журналисты, объединившиеся в Zaiko Press Club.

Так и не получив возможности наблюдать за происходящим на фронте своими глазами и свободно общаться со своими редакциями, иностранные репортеры один за другим начали покидать Японию, и расположение ее маньчжурской армии, проклиная военных бюрократов и грозясь «употребить все свое влияние, чтобы помешать Японии получать займы в США и Великобритании» и «приступить к разоблачениям относительно действий японцев»¹⁰⁴. В августе 1904 г. парижская «Matin» оповестила мир, что «из Японии отправляется судно, на котором выедут в Европу около 30 представителей английской печати, уехавших в Японию в самом начале войны. Японская цензура так строга, что сообщать какие-либо сведения корреспондентам стало

совершенно невозможно»¹⁰⁵. Не пожелавшие покинуть театр войны перешли на русскую сторону. В конце июля десяток представителей Associated Press, “New York Sun”, “New York Herald”, “Times”, “Daily Telegraph”, “Standard”, «Figaro» и других периодических изданий Западной Европы и США, кружным путем добравшись до Тяньцзиня, направили русскому военному атташе своего делегата за разрешением состоять при русской армии. «Отзывы корреспондентов, уехавших от японцев, самые для нас благоприятные, — телеграфировал начальству полковник Огородников по итогам встречи с представителем иностранных «перебежчиков»; — [в] восторге [от] наших войск ... Послали телеграммы [в] свои газеты, [что] не могут оставаться с японцами, которые их грубо третировали, обманывали»¹⁰⁶. «Готовы разоблачать обманы Японии, убийства наших раненых, помешать новому займу», — с удовлетворением констатировал наместник в телеграмме министру иностранных дел, который на запрос Алексеева также высказался всецело за «желательность перехода к нам корреспондентов из японской армии»¹⁰⁷. Таким образом, японская пропагандистская машина дала сбой, а русская получила шанс для перехода в контрнаступление, которым, не мешкая, и воспользовалась.

СОДЕРЖАНИЕ ЯПОНСКОЙ И РУССКОЙ ПРОПАГАНДЫ

«Правда — первая жертва войны». *сенатор Хирам Джонсон (1917)*

Идейная составляющая русско-японской *Kulturkampf* включала интерпретацию таких фундаментальных вопросов, как причины, цели и характер войны для каждой из конфликтующих сторон (часто — исходя из общих рассуждений на тему столкновения «желтого» и «белого» миров, христианской и нехристианской культур), ответственность за ее начало, национальные особенности русских и японцев и степень их «цивилизованности», состояние вооруженных сил противников, ход самих военных действий, взаимоотношения оккупационных войск с местным населением. Уделялось внимание внутреннему положению России и Японии — ходу мобилизации и общественным настроениям, отношению к войне, состоянию промышленности, финансов, экономики в целом, их текущей государственной и общественно-политической жизни.

Содержательно японская пропаганда была явлением крайне противоречивым, зависимым от ее адресата и потребителя. В высказываниях, рассчитанных на западноевропейцев и американцев, она акцентиро-

вала родство «новейшей азиатской» (японской) и западной, христианской, культуры и, исходя из этого, подчеркивала общечеловеческую, цивилизаторскую и, в сущности, прозападную миссию своей страны в дальневосточном конфликте. Барон Кэнтаро Канэко, направленный с аналогичной Суэмацу пропагандистской миссией в США, заявлял в англоязычной прессе, что на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных¹⁰⁸. В справедливости дела Японии и ее «уверенности в конечном торжестве права над силой» в марте 1904 г. убеждал зарубежных корреспондентов заместитель министра иностранных дел Сотэми Тинда¹⁰⁹. Популяризация этих «полуправд», надуманных, а отчасти вымышленных представлений составляла главное содержание японской пропаганды в первой половине 1904 г. в «западном» исполнении¹¹⁰.

Восточной же аудитории, включая свою собственную, внушались в корне иные, паназиатские постулаты. «На наше государство, знаменосца азиатской культуры, весь Восток взирает с надеждой, — говорил в августе 1904 г. президент Палаты пэров японского парламента принц Ацумаро Коноэ, — ...на нас лежит священный долг оказать помощь всем, уповающим на нас: Китаю, Индии, Корее, всякому цивилизованному азиатцу, и освободить их от Европы»¹¹¹. Таким образом, Япония выставлялась защитницей угнетенных народов Востока, лидером их антиколониальной борьбы. И тогда, и позднее на токийском политическом Олимпе были сторонники строительства своей политики в Азии исключительно по расовому признаку — дабы противостоять единому фронту «белых» держав или даже неизбежной «расовой войне» с ними в будущем¹¹². В общем, на Востоке Япония претендовала на такую же мессианскую роль, что и в отношении Запада. В этой связи бывший (и будущий) японский премьер-министр граф Сигэнобу Окума в одном из публичных выступлений назвал свою страну «квинтэссенцией лучших начал Востока и Запада»¹¹³.

Однако эту «Прекрасную Теорию» (используя выражение Герберта Спенсера) «убивает шайка Грубых Фактов» — преследуя в действительности экспансионистские цели, Токио в своих соседях и соплеменниках разжигал в первую очередь антизападную ксенофобию. Подконтрольная Японии синоязычная пресса активно спекулировала на тему неизбежности массовых волнений в Поднебесной, направленных против всей «белой расы»¹¹⁴. Японские солдаты вместе с китайским простонародьем устраивали шествия под антирусскими лозунгами — например, в Шанхайгуане и Цинвандао в августе 1904 г.¹¹⁵ В сентябре 1904 г. в российский МИД поступили сведения об усиленной деятельности японцев в главных центрах Китая «с целью возбудить беспорядки против всех иностранцев без различия нацио-

нальности»¹¹⁶. Летом 1905 г. при участии японских агитаторов в крупнейших китайских портах прошла акция бойкота американских товаров, а в декабре подоспел и «беспрецедентный налет на иностранцев» (по оценке “North China Daily News”) в Шанхае. Для защиты своих консульств и подданных от погромщиков и поджигателей западные державы ввели в европейские кварталы города команды военных моряков, причем главную роль в подавлении возмущения сыграл отряд британских матросов. «Антибелая пропаганда японцев, — комментировал шанхайские события русский военный атташе К.Н. Дессино, — настолько пустила корни в Китае, что недалеко то время, когда вообще всем иностранцам придется очень плохо в Китае»¹¹⁷.

Корейская туземная печать, накануне войны не выказывавшая особых симпатий к Японии, с прибытием японских оккупационных войск, по наблюдению Андрэ Шмида, не только стала выступать «с энергичными призывами к региональному и расовому единению», но и начала освещать войну «как конфликт белой России против желтой Японии», от исхода которого зависит, «выживут ли желтые народы или будут уничтожены»¹¹⁸. Антизападной направленности корейская пресса, контролируемая Японией, продолжала придерживаться и впоследствии. «Сегодня раса борется с расой», писала в сентябре 1907 г. сеульская “Taikan Nippo”, призывая соотечественников верить своим почти единоплеменникам-японцам, а не белым — представителям «враждебной расы»¹¹⁹.

Наряду с воинствующей антизападной риторикой в странах Востока обстоятельства начала дальневосточного конфликта — высадка Японией своих войск в формально независимой и нейтральной Корее и ночная атака ее миноносцами русских судов на рейде Порт-Артура без объявления войны, — заключали в себе большую опасность для образа Японии как миролюбивого государства, выполняющего общечеловеческую цивилизаторскую миссию. Несмотря на это, Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести, и многие американские и западноевропейские журналисты, политические, финансовые и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за начало войны. На англоязычном Западе Япония представлялась «рыцарем в сияющих доспехах, спасающим Запад»; Россия, напротив, выводилась из «клуба» цивилизованных держав¹²⁰. «Американский народ верил, что Япония ведет войну из самозащиты, и ее отважное противостояние могущественной России вызывало огромное восхищение, — констатируют обозреватели американской печати военных

лет. — ...Финансовые и университетские круги Америки были одинаково убеждены, что военные успехи Японии означают прогресс цивилизации... Американская пресса приветствовала Японию как идеал молодой нации, сражающейся за альтруистическое дело»¹²¹.

Стержень такого, внутренне противоречивого, отношения к Японии западного сообщества афористично выразил военный корреспондент “Times” Уильям Гринер: «Японцы — язычники, которые, однако, усвоили себе западную систему моральных ценностей (ethical code)»¹²². Как следствие, ни одна из великих держав официально не поддержала обвинения Россией своего противника в вероломстве и изначальном нарушении норм международного права¹²³. Более того, вслед за своими японскими коллегами ведущие американские и британские правоведы доказывали, что, нападая на Россию без объявления войны, Япония действовала закономерно. Профессор йельской Школы права Теодор Вусли, например, в этой связи заявил, что «в современных условиях объявлять войну необязательно», а потому «в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного»¹²⁴. В итоге правовая оценка действий Японии при развязывании вооруженного конфликта с Россией еще в 1904—1905 гг. увязла в юридических спорах и, взвешенная и общепризнанная, отсутствует по сию пору — каждая сторона продолжает стоять на своем.

Россию японская пропаганда характеризовала как «великого врага гуманности» и «подлинной цивилизации»¹²⁵, как прямую угрозу территориальной целостности Китая, независимости Кореи и существованию японского государства. Такой образ врага, в свою очередь, способствовал тотализации войны для самой Японии. Особенно ярко стремление дегуманизировать противника сказалось на изображении русской действующей армии. Ее оценки были выдержаны в уничижительном тоне и подчас подавались в расистском ключе. «Ни мозгов, ни планов, ни карт, ни подкреплений», «командир в панике», «русская армия деморализована» — обычные газетные ламентации на этот счет¹²⁶. Предметом почти исключительного внимания прессы выступали действительные или мнимые факты неумелого командования, трусости солдат, плохого снабжения и санитарного состояния войск. Газеты писали о пьянстве и кровожадности «вороватого москвитя» (thievish Moscovite), его жестокости в обращении с местным населением и пленными, о демонстративном и циничном попрании им представлений о гуманности и норм международного права. *Mujik*’у, основе армии, подхватывал ту же ноту американец Н. Бэйкон, «недостает грамотности, трезвости, предприимчивости, энергии и честности». «Все это — характерные черты

славянской расы, — заключал публицист, — и мои личные наблюдения позволяют классифицировать их в целом как стоящих на более низкой ступени развития, чем негры наших южных штатов»¹²⁷.

Распространявшиеся прессой домыслы и слухи относились к разным сторонам армейской и флотской жизни. Печать сообщала то о трагедии, сопровождавшей переход «большого подразделения русских» озера Байкал по льду (итог — 600 замерзших насмерть)¹²⁸; то о собственноручном расстреле наместником провинившегося офицера перед строем¹²⁹; то о коварном плане русских отравить реку Ялу, для чего в ее верховья якобы свезено огромное количество «ядовитых медикаментов»¹³⁰. Казаки изображались как «далеко не храбрые» полузвери, предпочитающие спать на голой земле, ловить птиц и живьем их пожирать¹³¹. Русские дальневосточные моряки, в интерпретации русофобских газет, не столько воевали, сколько пиратствовали, захватывая иностранные торговые суда¹³², которые к тому же подрывались на минах, намеренно ими разбросанных¹³³, либо обстреливали мирных японских рыбаков.

В описании боевых действий японские газеты оперировали информацией, тщательно «отфильтрованной» правительством. Их итоговый новостной продукт читатель-неяпонец оценил следующим образом: «Существуют только японские победы, японское геройство, японский военный гений, в противоположность русским непрерывным поражениям и бегствам, русской трусости, русскому варварству и скотству»¹³⁴. По данным официальной японской прессы, уже к августу 1904 г. безвозвратная убыль русской армии составила порядка 50 тысяч человек¹³⁵ — почти столько, сколько в действительности Россия потеряла за все время войны. О собственных потерях печать хранила молчание, хотя к концу ноября 1904 г., по конфиденциальной информации военного министра Масатакэ Тэраути, Япония лишилась не менее 100 тыс. солдат (примерно 60 тыс. убитыми и ранеными и 40 тыс. заболевшими «бери-бери», дизентерией и брюшным тифом)¹³⁶. О потоплении в мае 1904 г. новейшего, британской постройки, броненосца “Yashima” мир узнал из французских газет лишь в конце того же года. Совершенно умалчивались другие потери японского военного флота весьма, в действительности, немалые.

Негативное отображение японской армии не могло попасть в японскую печать не только по цензурным условиям. Сообщения такого рода изымались самими редакциями как «необоснованные», поскольку были несовместимы с представлениями японского журналистского сообщества о патриотизме и лояльности. Вследствие этих внешних и внутренних ограничений, отмечает исследователь японской прессы военных лет, ее продукция оказалась лишена «про-

тяженности во времени, глубины и контекста. В результате, общим местом стал стереотип¹³⁷, отправными пунктами которого были справедливость войны для Японии, чистота и добросердечие ее намерений, имманентная порочность противника. Описание хода военных действий было сведено к казенным победным реляциям в шовинистическом обрамлении, печать всерьез рассуждала об «уникальности» японской нации, которой «по праву принадлежит лидерство в Азии и во всем мире»¹³⁸. Налоговый гнет и обнищание населения, упадок торговли и рост преступности — об этих и других проблемах японского общества, в конечном счете вызванных войной, из японских газет узнать было невозможно. В общем, японская пресса, «характер и новостная энергетика» (news go-aheadness) которой еще недавно восхищали представителей зарубежной печати¹³⁹, в годы войны содержательно деградировала. Это был второй важнейший просчет руководителей японской пропаганды, чреватый потерей ею влияния и авторитета, особенно за пределами Японии.

В схожих идейных рамках действовала прояпонская пресса Китая. Газеты, с одной стороны, писали о бездарности и трусости русских генералов и кровожадной дикости солдат, якобы живущих подавляющим или грабежом местного населения¹⁴⁰, а с другой — восхваляли японских военных, подчеркивая их мужество, благородство, рыцарство и доблесть¹⁴¹. Иллюстрируя высокие патриотические чувства японцев, печать сообщала о полумиллионе добровольцев, якобы готовых немедленно отправиться на театр войны¹⁴², хотя волонтерских формирований в армии Японии не существовало вовсе. «Великая Япония» предстала перед читателем как бескорыстная защитница свободы, территориальной целостности и независимости Китая от России — «государства с привычками тигра и волка». Тот же комплекс оценок развивали листовки, которые японцы и их туземные единомышленники нелегально распространяли в китайских городах¹⁴³. По мере затягивания войны, по свидетельству П.М. Лесара, японцы через подконтрольную себе китайскую печать «отчаянно» стремились под любым предлогом вовлечь в войну китайцев «и чрез них державы»¹⁴⁴. Одновременно японские прокламации предостерегали жителей Поднебесной от какого бы то ни было сотрудничества с русским агрессором: «Придет время, — говорилось в одной из них, — когда мы, японцы, явимся в город и всех их (коллаборационистов. — *Д.П.*) казним. Имущество же их и дома будут розданы нашим войскам в награду»¹⁴⁵. Повседневную жизнь Маньчжурии под русской оккупацией туземная прояпонская печать подавала с обилием неточностей, искажениями фактов, приданием незначительным событиям статуса важнейших¹⁴⁶.

Искусство бульварщины не смогла избежать и более респектабельная иноязычная пресса, региональная и зарубежная. В июле 1904 г. официальная токийская “Japan Times”, например, поведала историю о некоем русском офицере, который живьем скормил тигру дзюльнского зоопарка двух своих служанок-японок, когда те попытались скрыться ввиду приближения японских войск¹⁴⁷. Лондонская “Times” до публикации подобных несуразностей, разумеется, не опускалась. За скудостью информации дальневосточных корреспондентов свои колонки “the Paper” заполняла пространными комментариями военного обозревателя, кабинетного аналитика полковника Чарльза Курт-Репингтона — продуктом его собственных измышлений и «вольного» прочтения европейских газет. Благодаря ему и некоторым из его коллег, представление об отношении русских к японцам в начале XX в. как к «желтым обезьянам», или «макакам»¹⁴⁸ по сей день остается стереотипным. Между тем, исследователи русской повременной печати начала XX в., включая автора этих строк, не находят в ней подобных эпитетов¹⁴⁹. В 1905 г. обзоры Курт-Репингтона были собраны под одной обложкой и сначала изданы в Токио в японском переводе газетой “Ji-Ji” (которую негласно опекал посланник Хаяси), а затем и в Лондоне — на языке оригинала, в виде 600-страничного фолианта, с авторским посвящением микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились.

Русская пропаганда, адресованная Западу и Востоку, также различалась, но не столь полярно, как японская. Своего и западного читателя российская пресса убеждала главным образом в том, что русско-японская война «есть столкновение двух взаимно-непонимающих и подчас даже взаимоисключающих культур»¹⁵⁰, и христианские морально-этические ценности несовместимы с лишь внешне «озападенной» Японией. Адресуясь же восточной аудитории, она акцентировала экспансионистские аппетиты своего оппонента, вынужденный и ответный характер собственного участия в войне. Разрабатывая накануне войны меры, призванные нейтрализовать возможное массовое недовольство китайцев присутствием русской армии в Маньчжурии, начальник дипломатической канцелярии заместителя Г.А. Плансон проектировал популяризацию среди населения Поднебесной представлений о Японии как о захватчике, который помышляет о вероломном захвате китайских, корейских и русских владений, а о России — как о верном своим международным обязательствам, надежном союзнике, который, «будучи связан дружбой с Кореей и Китаем, и обязанный защищать свою землю, видит себя вынужденным вступить в борьбу с Японией»¹⁵¹.

Тайные царско-безобразовские замыслы отторжения Маньчжурии от Китая и установления «господства на своем берегу Тихого

океана» русские пропагандисты не афишировали¹⁵², тему «желтой угрозы» западной цивилизации старались не поднимать. Впрочем, на внутрироссийском информационном «рынке» эта тема также не являлась ни широко востребованным, ни ходовым «товаром». Отчасти по причине отсутствия в русском обществе устойчивого и безусловного неприятия японцев, отмеченного современниками¹⁵³, отчасти же под влиянием рекомендаций Главного управления по делам печати, которое одним из январских 1904 г. циркуляров предписало газетам «воздерживаться» от «шовинистических статей»¹⁵⁴. Расистские демарши обласканных властью публицистов (например, близкого императору издателя «С.-Петербургских Ведомостей» князя Э.Э. Ухтомского¹⁵⁵) по адресу японцев и азиатов вообще в публике встречали безразличное молчание либо насмешки. Как показал исследователь британского общественного мнения Джон Маккензи, возможна ситуация, когда острые внешнеполитические вопросы оставляют большинство общества равнодушным, являясь достоянием лишь горстки «интеллектуалов»¹⁵⁶. После войны выражение «желтая угроза» приобрело в России уже прямо комический оттенок.

По наблюдению Д.А. Седых, наиболее острую реакцию в России вызвала не столько война с Японией, сколько обстоятельства ее начала, особенно атака японцами русской эскадры в Порт-Артуре до объявления войны. Сам этот факт, а равно последующие попытки японских дипломатов оправдать его соображениями военной целесообразности вызвали негодование в русском обществе и серию газетных статей относительно «моральных и расовых недостатков» своего противника, неспособного «усвоить нравственную сторону культуры»¹⁵⁷. Но вне военных сюжетов, о проблемах простых японцев — их бедности и болезненности, высокой продолжительности рабочего дня, бесправии женщин — даже близкая правительству светская печать отзывалась скорее сочувственно. «Мы воюем не с народом, — писало в марте 1904 г. “Новое Время”. — Наш враг — это японская интеллигенция, это юристы, профессора, журналисты, военные и депутаты. Это потомки тех самураев, которые ... оставшись не у дел, занялись политикой»¹⁵⁸.

Дальневосточная российская пропаганда стремилась дискредитировать в глазах западного и восточного сообществ лозунг азиатского единения в его японском исполнении, выдвигая более гуманную, христианскую, альтернативу решению проблемы «Восток — Запад». В типографии “China Gazette” и от лица ее редакции русская «Шанхайская агентура» тиражами в 3—3,5 тыс. экземпляров печатала и рассылала в парламенты, библиотеки, клубы, редакции журналов и газет многих стран мира сборники статей и речей, брошюры и литографии с фотоснимков. На фотографиях были запечат-

лены сцены расстрела японскими солдатами корейских крестьян, распятых на крестах. Подпись под ними гласила: «Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям “желтой угрозы”, против европейской цивилизации и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом в Чемульпо, где их можно купить за несколько центов»¹⁵⁹. В другом издании в английском переводе была напечатана откровенно антиевропейская по смыслу статья тяньцзиньской прояпонской “Takung-Pao”. Ее анонимный автор писал об империализме «тевтонской, латинской и славянской рас», обращенном против «цветных» (coloured races), и во имя «великой мечты о Золотом веке и Всемирной империи» звал всех «монголов» (Mongols) к единению¹⁶⁰. В качестве более действенного и гуманного способа разрешения «глубокого непонимания и антагонизма между Востоком и Западом» в той же брошюре воспроизводился призыв китайского императорского «Общества по распространению христианства среди китайцев» к просвещению и «христианскому милосердию»¹⁶¹. Судя по газетам, секретно сообщал фон Гейер в МИД, наибольший общественный отклик такие материалы получали в Австралии, Калифорнии и в Британской Колумбии — в местах с многочисленной японской колонией, где, по его словам, «характерные особенности этой расы хорошо известны коренным жителям»¹⁶².

Летом 1904 г. наместник направил Павлову «перечень вопросов, которых было бы желательно коснуться в “Чайна Газет” в ближайшем времени». Перечень включал следующие группы тем и сюжетов: (1) «о безупречном обращении русских с населением Маньчжурии», (2) «о появлении в Южной Маньчжурии фальшивых [русских] кредитных билетов по мере прибытия туда японцев», (3) «о недовольстве китайцев скупостью и жестокостью японцев» и (4) «опровержение известия, что война с Японией началась из-за Маньчжурии и что Китай на этом основании имеет право вмешаться»¹⁶³. Этой «программы» “China Gazette” и стала придерживаться в дальнейшем.

“Chefoo Daily News” в течение полугода после заключения в августе 1904 г. секретного контракта с Россией опубликовала несколько сот статей, в которых приводила факты нарушения Японией китайского нейтралитета, указывала на опасность для Запада возможного японо-китайского союза, писала об истязаниях и казнях японцами китайцев и корейцев, заподозренных в шпионаже, сообщала о финансово-экономическом истощении самой Японии, об огромных потерях ее армии в ходе осады Порт-Артура. Состояние же российских дел преподносилось с противоположным «знаком» — одну из рубрик

газеты Давыдов так условно и назвал: «Финансы России находятся в прекрасном состоянии»¹⁶⁴. «Агент Рейтера и другие корреспонденты (“Chefoo Daily News”. — *Д.П.*) сделали свое дело, оправдывая, таким образом, внимание, которое мы оказывали им различными способами, но главным образом, конечно, в виде благодарности, выраженной в мексиканских долларовых банкнотах», — довольно цинично заключал Давыдов в докладе министру финансов¹⁶⁵. «Русская» дальневосточная печать, а вслед за ней — и центральная российская пресса приводили факты сознательного обстрела японцами санитарных поездов и порт-артурских госпиталей, писали о притеснениях русских пленных в лагере Мацуюма. В действительности, обращение с пленными с обеих сторон было очень гуманным, но шельмования и оболгания японцев, Японии и ее вооруженных сил не практиковали и здесь. Равным образом русские «кураторы» китайской печати старались пресекать ее чересчур акцентированное русофильство¹⁶⁶.

В общем, в содержательном плане русская дальневосточная пропаганда по преимуществу «держала оборону», ограничиваясь тем, чтобы возможно доказательнее парировать нападки русофобской прессы¹⁶⁷. В полемике с прояпонской печатью здешние «русские» газеты, хотя и допускали передержки и «фигуры умолчания», все же, как правило, стремились не выходить за рамки фактов, делать ставку на оригинальность и полноту своей информации и избегать домыслов, демагогических и бульварных приемов. Основной разоблачительный акцент был сделан на вероломстве и жестокости японской политики на Азиатском континенте с прицелом не допустить вступления в войну Китая под флагом расового единения с Японией.

Сдвиг в общественных симпатиях Запада

С демонстративным отъездом из японских пределов иностранных журналистов по воле случая совпал инцидент с русским миноносцем, получивший большой общественный резонанс. 10 августа 1904 г. в Чифу из Порт-Артура прибыл миноносец «Решительный», которому удалось вырваться из японской блокады. Согласно международным правилам, китайские власти приступили к его разоружению, а команда сошла на берег. Однако на следующий день японцы, явившись в нейтральный порт, захватили безоружный русский корабль и отбуксировали его, причем действовали столь вызывающе, что китайский адмирал, начальник порта, был вынужден подать в отставку. В те же дни японские военные суда так же самовольно наведались в другую китайскую гавань — Циндао, концессионное вла-

дение Германии. Все это привело в негодование членов чифуского журналистского «клуба», и без того взвинченными отношением к себе японских военных властей. «Дерзкий поступок японцев, — доложил в Петербург посланник Лессар, — крайне раздражил немцев. Как в Цинтао, так и в Чифу теперь замечается небывалое ранее в пользу России настроение. В последнем пункте даже дошло до драки в клубе между консулами Германии и Японии»¹⁶⁸.

Мировая общественность об инциденте с «Решительным» узнала из корреспонденций Макдермида как представителя агентств Reuter и Associated Press. Демонстративное нарушение Токио норм международного права стало поводом для антияпонского похода, который открыли и его «Chefoo Daily News», и тяньцзиньская «China Review», специально для того основанная Огородниковым (первый номер этой газеты был напечатан уже 10 сентября 1904 г.). Благодаря деятельной поддержке других военных корреспондентов, инцидент получил широкую огласку и весьма невыгодное для Японии освещение. Западное общественное мнение было возмущено, официальные «разъяснения» Токио не подействовали (японский консул в Чифу, а за ним и токийское морское ведомство отговаривались тем, что их моряки якобы не знали, что «Решительный» разоружен¹⁶⁹), и даже британские и американские государственные деятели и специалисты-правоведы публично признали, что на этот раз японцы грубо нарушили нейтралитет Китая. По сведениям того же Лессара, вашингтонский кабинет, «встревоженный действиями Японии», провел консультации с Великобританией, Францией и Германией о необходимости настоять на соблюдении Токио «законов и обычаев международного права»; на тот же счет прошли «очень серьезные объяснения» властей США и с официальным японским представителем в Вашингтоне¹⁷⁰. В конечном счете противоправная акция японских моряков в Чифу явилась сильным ударом по международному престижу Токио.

Как и Огородников, «Шанхайская агентура» поспешила воспользоваться сложившейся, таким образом, благоприятной для России конъюнктурой. По инициативе Давыдова, российское Министерство финансов через своих зарубежных представителей развернуло печатную кампанию о финансовой несостоятельности Японии¹⁷¹. Политические известия и комментарии финансовое ведомство, «с высочайшего соизволения», стало распространять в Западной Европе и США по каналам Торгово-телеграфного агентства в соответствии с рекомендациями МИД¹⁷². После некоторой паузы оживилось и российское посольство в Вашингтоне¹⁷³. Западные журналисты, возвратившиеся с Дальнего Востока, эту кампанию подхватили и расширили тематически. С осени 1904 г. в газетах и журналах по обе стороны

Атлантического океана стали появляться критические оценки дальневосточной политики Японии, ее вооруженных сил и внутреннего состояния. Вернувшись на родину, корреспондент “Collier’s Weekly” Арчибальд, по предварительной договоренности с Павловым и Давыдовым (и за ранее санкционированный заместителем ежемесячный гонорар в тысячу «золотых» американских долларов¹⁷⁴), совершил лекционное турне по США для «распространения среди американцев правильных благоприятных для нас представлений о действительном военном и общем положении в Маньчжурии»¹⁷⁵. “Los Angeles Herald”, “Los Angeles Examiner” и другие американские газеты опубликовали статьи Арчибальда о «желтой опасности», заключенной, по его словам, не в Китае или Японии по отдельности, а «в реальной угрозе руководства первого второй»; «американцы совершают огромную ошибку», продолжая слепо доверять Японии, подчеркивал этот американский журналист¹⁷⁶. Критические отзывы о японской политике начали появляться и в британских СМИ (“Times”, “Daily Telegraph”, “Fortnightly Review” и др.), в которых, по свидетельству современника, «до тех пор пелись лишь беспрестанные панегирики Японии». «В Англии начинает охладевать чрезмерное увлечение восточным союзником, — заключила в декабре 1904 г. “Allgemeine Zeitung”. — Теперь прекрасно сознают, что Япония преследует свои собственные политические цели»¹⁷⁷.

Стала заметно меняться тональность оценок и военных событий в Маньчжурии, и самих воюющих сторон. Первую атаку японцами Порт-Артура британская печать в свое время расценила как «блестящую операцию», в которой японские моряки «выказали себя достойными союза с английским флотом»¹⁷⁸. Апрельская (1904) стычка на реке Ялу дала повод “Daily News” рассуждать «о полноте торжества, сопутствующего операциям японцев», и восторгаться «широтой их замысла, энергии и натиска»¹⁷⁹. Зато в сентябре того же года недавний отход русской армии под Ляояном многие газеты расценили уже как ее «образцовый маневр». Тактика русского главнокомандующего, отметила “Daily Telegraph”, «разрушила все планы» японского командования; «Куропаткин выиграл гонку и спас большую часть своей армии»¹⁸⁰. В Лондоне это сражение восприняли как «равносильное поражению Японии, — записал в дневнике немецкий доктор Бэлыц. — ...Возможно, что изменение настроений в Англии происходит благодаря корреспондентам, которые вернулись возмущенными обращением с ними в Японии». Тут же автор дневника зафиксировал «охлаждение британских симпатий к Японии», которое имело следствием нелестную оценку ее экономики и финансов (об этом Бэлыцу приватно сообщил депутат британского парламента финансист Ру-

терфорд Харрис, который явился в Токио специально для выяснения финансовой состоятельности британской союзницы)¹⁸¹.

Свою изданную в 1905 г. книгу лорд Брук посвятил солдатам и офицерам русской армии «в память об их доброте и гостеприимстве и с глубоким восхищением их мужеством и стойкостью». Даже известный симпатиями к Японии и неприязнью к России обозреватель “The Nineteenth Century and After” Отто Эльтцбахер признал, что в Маньчжурии «русские сражались доблестно»¹⁸². И наоборот, в Европе внезапно осознали, что японские солдаты «отнюдь не являются “лучшими пехотинцами в мире”»¹⁸³, а их командиры, как писал другой влиятельный британский журнал “Fortnightly Review”, «пасуют там, где начинается работа созидательной, творческой силы»¹⁸⁴. В таком хоре не прозвучали диссонансом впечатления вернувшихся с Дальнего Востока американских офицеров, напечатанные “New York Herald”: «Японцы дают понять всем и каждому, что их армия и флот непобедимы, и высказывают свои взгляды самым оскорбительным образом»; «среди белых всех наций, имеющих с ними дело, у японцев не найдется теперь ни одного друга»¹⁸⁵. Весной 1905 г. симпатии к России устойчиво выказывали уже не менее десяти американских газет, еще полдюжины приняли участие в антияпонской кампании, развернутой “San Francisco Chronicle” в феврале — марте 1905 г. по проблеме японской иммиграции на западном побережье США¹⁸⁶. В Сан-Франциско прошли антияпонские демонстрации, которые даже сопровождалась нападениями на подданных микадо.

«Общественное мнение и пресса Соединенных Штатов, — сообщал в Петербург посол граф А.П. Кассини в марте 1905 г., — ...начали выражать явное беспокойство при получении последних известий с театра войны. Дальновидные и до некоторой степени влиятельные элементы страны начинают сознавать, к каким последствиям может привести настоящая война, и они задают себе вопрос, не ошиблось ли федеральное правительство, став на сторону державы, еще молодой и малоизвестной, но успевшей, тем не менее, уже проявить явные признаки чрезмерного и заносчивого тщеславия и, очевидно, считающей себя призванной разрешить сложный вопрос Крайнего Востока в ущерб законным интересам Европы и Соединенных Штатов»¹⁸⁷.

Более реалистичные оценки как своей собственной, так и российской армии, а равно вероятных итогов войны стали раздаваться и в самой Японии. Генерал Накамура, тяжело раненный под Порт-Артуром, в декабре 1904 г. в интервью “Kokumin” признал: «Осада Порт-Артура в действительности есть намного более трудное дело, чем кажется несведущей публике. Необходимо преодолевать не только естественные препятствия и рукотворные укрепления, но и сражаться с отчаянно

сопротивляющимся противником, который за родину готов пожертвовать жизнью»¹⁸⁸. «Некоторые военные обозреватели, — говорил тогда же граф Окума своим однопартийцам-прогрессистам, — увлекаются перечислением слабых сторон нашего противника и превознесением нашей мощи ... среди наших соотечественников есть люди, склонные думать, что после сокрушительного поражения Россия потеряет свой международный вес и будет исключена из сообщества европейских наций. Это — поистине абсурдное представление»¹⁸⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Театр русско-японской войны 1904—1905 гг. явился также передним краем идейно-пропагандистской борьбы Японии и России. Важнейшей «площадкой» их культурного соперничества стала туземная и иноязычная печать стран Дальнего Востока. Захватив (вместе с Германией) инициативу в колониальной политике на севере Азии в середине 1890-х годов, Токио приступил к освоению здешнего идейно-пропагандистского пространства. Союзный договор 1902 г. с Великобританией, заключенный, по признанию самих японцев, преимущественно «для противодействия поступательному движению России на Востоке», укрепил позиции Японии на мировой арене и стал краеугольным камнем всей ее внешней политики¹⁹⁰. В результате с первых дней вооруженного конфликта с Россией японская пропаганда рука об руку с британской повела наступление широким фронтом, наряду с негласным субсидированием «независимой» дальневосточной прессы используя методы открытой и активной антирусской агитации. Годовой бюджет ее центрального пропагандистского аппарата, по русской оценке, составлял не менее 10 млн иен, или сумму, кратно превышавшую траты японского Генштаба на разложение своего противника изнутри путем тайного финансирования его революционных партий и военно-технической подготовки вооруженного восстания в России¹⁹¹.

Благодаря всему этому, в первые месяцы войны Япония доминировала на региональном и западном информационном пространстве, убеждая мировое сообщество, что не она, а Россия является подлинной виновницей и инициатором вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Успех Японии в позиционировании себя как миролюбивой, бескорыстной, цивилизационно близкой Западу державы получил в ее дальневосточной пропаганде парадоксальное преломление. Он позволил Токио отбросить первоначальные тревоги относительно возможного вступления в войну на стороне России других

западных стран, движимых опасениями «желтой угрозы», и активизировать паназиатскую пропаганду среди своих ближайших соседей и соплеменников. «Япония стремится сгруппировать вокруг себя все народы Востока, дабы новой коалицией стран желтой расы оказать могущественный противовес всякому влиянию белоллицых», — заключил Л.Ф. Давыдов, воочию наблюдая работу ее пропагандистской машины на Дальнем Востоке¹⁹². В годы русско-японской войны Япония пошла по пути идеологической ассимиляции (по терминологии Альфреда Рибера¹⁹³) азиатских народов — ближайшего объекта своего культурного воздействия. Ее паназиатская пропаганда, с одной стороны, стала ферментом для активизации антиевропейских настроений в Китае и Корее, с другой — выступила частью «лексикона власти» Токио в Азии, явившись идеологическим фундаментом для продолжения экспансии Японии на азиатском материке и ее попыток утвердить там «новый порядок» под своей эгидой четверть века спустя. Культура самой Японии 1890—1945 гг., считает Вера Маки, «была пропитана чертами колониальной и имперской державы, сама японская идентичность являлась идентичностью субъектов империи»¹⁹⁴.

Стеснительные условия, в которые, вопреки предостережениям дипломатов, японские власти поставили своих и зарубежных военных корреспондентов в годы русско-японской войны, способствовали сохранению военных секретов. Однако последовавший массовый отъезд из японских пределов представителей иностранной прессы явился серьезным ударом по возможностям и потенциалу пропагандистской деятельности Токио. Эта коллективная акция протеста изначально дружественной печати сильно уменьшила возможности воздействия на нее японской пропаганды и превратила журналистов при русских войсках в Маньчжурии в монопольных поставщиков дальневосточных известий и комментаторов войны с места ее главных событий. Между тем, как замечает современный исследователь¹⁹⁵, именно характер новостей с театра войны выступал основным фактором в получении Японией займов. Перспектива же потерять кредит на Западе для нее была равносильна военному поражению — по позднейшим подсчетам, заимствованиями в Англии и США было покрыто около 70% прямых военных расходов Токио. К осени 1904 г. доминирующее влияние Японии на дальневосточную печать также было утеряно, а выхолощенная цензурой японская пресса теряла авторитет внутри и вовне («каждая попытка внедрить тотальный контроль подрывает воодушевление общественности», отмечает С. Фёрстер¹⁹⁶). В результате машина японской пропаганды забуксовала, и противная сторона получила возможность для перехода в пропагандистское контрнаступление.

Что касается яростной антирусской риторики Токио времен русско-японской войны, то последующие события, особенно период «исключительной русско-японской дружбы» 1914—1917 гг., доказали ее во многом конъюнктурный характер. В годы Первой мировой войны виновником своего недавнего вооруженного конфликта с Россией японская печать выставяла уже Германию (“Asahi”), а со своим северным соседом призывала установить «долговечные добрососедские отношения», указывая, что такой союз станет «союзом идеальным, союзом, которого требует сама природа» (“Osaka Mainichi”), — правда, при условии признания Петроградом политического и экономического преобладания Японии в Китае. Все-народные торжества лета 1916 г. по случаю заключения военно-политического союза с Россией — банкеты с участием первых лиц государства, многодневные массовые манифестации, нескончаемый улично-газетный «*банзай!*» здоровью и процветанию русского императора, его семье, подданным и вооруженным силам — казалось, вычистили из общественного сознания антироссийские стереотипы времен русско-японской войны. Однако на деле они оставили столь глубокий отпечаток в исторической памяти японцев, что неприязненное отношение к России по сей день является устойчивым «коллективным верованием» почти 80% из них, — груз негативных клише и сегодня продолжает отягощать отношения двух стран¹⁹⁷. «Традиционная враждебность и безразличие» японцев к России давно стали общим местом и в историографии.

Самодержавная бюрократия, не умея, а часто и не желая конструктивно взаимодействовать со своей прессой, в решении внешнеполитических проблем отводила мнению российского общества лишь «эпизодическую роль»¹⁹⁸. В то же время она придавала значение созданию благоприятного образа России на мировой арене, а начало войны с Японией еще больше актуализировало эту задачу. По мнению Майкла Хьюза, Теодора Тарановски и других западных исследователей, учет фактора общественного мнения явился одним из признаков упадка старой, «кабинетной» дипломатии и вступления внешней политики царизма в переходную эпоху, которая в основном завершилась к Первой мировой войне¹⁹⁹. Соответственно этому, Бюро печати в центральном аппарате МИД начало функционировать только в думский период, а решение о создании пресс-служб в составе русских зарубежных представительств «в целях более правильного и широкого осведомления зарубежного мнения о внутренних делах России» было принято уже Временным правительством — в августе 1917 г.²⁰⁰

Вступив в идейно-пропагандистское соперничество с Токио с большим опозданием, Петербург руками своих военных и граждан-

ских представителей на Дальнем Востоке попытался переломить русофобский настрой региональной печати и завоевать симпатии азиатских народов. При сходстве тактики, задачи и организационно-финансовые ресурсы ее пропагандистской деятельности были намного скромнее японских. Отражая идеологические атаки противной стороны, российская пропаганда стремилась не более, чем создать в странах региона то, что сегодня часто именуют “mainstream effect”, или “climate of opinion” — сделать благожелательную в отношении России тенденцию туземных общественных настроений господствующей. Другая цель заключалась в том, чтобы подорвать образ Японии как цивилизованной миролюбивой страны и показать подлинную (экспансионистскую) направленность ее дальневосточного курса.

Осуществить задуманное в полной мере не удалось, призывы доморощенных «востокофилов» решать имперские задачи на Дальнем Востоке «во всеоружии культурного влияния на Китай и китайцев»²⁰¹ остались фигурами речи. Региональные газеты, которые находились под русским контролем, смогли лишь поколебать монополию японского воздействия на дальневосточную аудиторию и снизить «градус» ее прежде «необузданной» японофилии. По признанию М.Ф. Квещинского, на излете русско-японской войны Япония почти так же «бесконтрольно управляла умами китайцев»²⁰², как и в ее начале. «Война и непрерывные победы японцев, — доносил в октябре 1905 г. в Брюссель бельгийский посланник в Пекине, — безусловно произвели огромное впечатление если не на массу, то на образованный класс китайцев. С белой расы снят ореол непобедимости, который обеспечивал ей если не симпатию, то уважение китайцев... В печати, в собраниях воспевается эта победа и из нее выводят заключение, что если 40 миллионов японцев продиктовали свою волю самой грозной европейской державе, то 400 миллионов китайцев, хорошо вооруженных и умело руководимых, могут справиться со всем миром»²⁰³. Исследователи также отмечают отношение китайцев к Японии тех лет как к наставнику, у которого следует поучиться; паназиатская проповедь Токио находила отклик в широком спектре китайского общества, от придворных кругов до революционеров, с последующим «великим исходом» китайцев на учебу в Японию²⁰⁴. Проекты Петербурга распространить свое идейное влияние на остальную Азию провалились — в годы русско-японской войны симпатии крупнейших колониальных народов Востока также оставались на японской стороне²⁰⁵.

Вместе с тем, усилия России по обретению «своей» прессы в Китае и Корее оказались бесполезными. Региональная печать, находившаяся под ее негласным контролем, вместе с зарубежными военными корреспондентами выступила «рычагом» для воздействия на

мировое общественное мнение в выгодном для России, антияпонском духе. В результате их скоординированных шагов с осени 1904 г. прежний «глянец» образа Японии, несмотря на ее продолжавшиеся военные успехи, стал тускнеть (что, однако, не добавило популярности в мире дальневосточной политике Петербурга). Новый всплеск антироссийских настроений на Западе в связи с октябрьским (1904) «гульским инцидентом» уже не имел японофильской подоплеки и тихо сошел на нет в ходе международного расследования действий русской эскадры в Северном море. Мало того, в ходе обсуждения этого инцидента западноевропейские публицисты, вспомнив обстоятельства начала дальневосточной войны, впервые заговорили о Японии, как об агрессоре. К моменту подписания Портсмутского мирного договора мировая печать была настроена уже заметно настороженнее к Японии и благожелательнее к России, нежели в начале дальневосточной войны. Ход портсмутских переговоров, условия мира и особенно массовые протесты в самой Японии против его «унизительных» статей подорвали представление об альтруизме ее политики. Помимо этого в ходе беспорядков 5—6 сентября 1905 г. иностранцам угрожали физической расправой, а в одной японской столице было разгромлено с десятков культовых сооружений неправославных христиан. Не удивительно, что на Западе «токийский бунт» расценили уже как конфликт цивилизационного уровня с неизбежным последующим охлаждением прояпонских симпатий²⁰⁶.

В послевоенные годы противоречия между Японией и ее англо-американскими союзниками продолжали нарастать. Это не замедлило сказаться на состоянии дальневосточного информационно-пропагандистского «поля». По сведениям русского военного атташе, в марте 1906 г. пекинский корреспондент “Times” Дж. Моррисон получил редакционное задание «развить газетную кампанию против Японии, политикой которой, особенно относительно Кореи, Англия недовольна»²⁰⁷. С изобличением японского курса в Корее в печати вскоре выступил и его коллега Ф. Маккензи²⁰⁸. В США десятилетие спустя «рейтинг» Японии оказался столь низок, что ее политическим, общественным и торговым кругам, по словам русского посла в Токио В.Н. Крупенского, потребовалось более года «упорной и планомерной работы», чтобы вновь расположить к себе общественное мнение Америки²⁰⁹. Несмотря на это, в начале 1920-х годов слово «Япония» по-прежнему ассоциировалось в сознании американцев с понятием «желтой угрозы»²¹⁰. Восприятие западным сообществом Страны восходящего солнца оказалось чрезвычайно зависимым от политической конъюнктуры.

- ¹ Slavic Review. — 2001. — 60, 1. — P. 180.
- ² *Mikhailova, Yulia*. Images of Enemy and Self: Russian ‘Popular Prints’ of the Russo-Japanese War // Acta Slavica Iaponica. — 1998. — 16. — P. 54–73; *Седых, В.А.* Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX — начале XX в. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского и др. — Челябинск, 2007; *Barlett, Rosamund*. Japonisme and Japonophilia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. — 2008. — 67, 1. — P. 8–33; *Oleinikov, D.* The War in Russian Historical Memory // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / W. Steinberg et al., eds. — Leiden; Boston, 2005. — Vol. 1. — P. 509–522.
- ³ См.: *Lehman, J.P.* The Image of Japan. From Feudal Isolation to World Power, 1850–1905. — London, 1978; The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad: Selected Proceedings. The University of British Columbia May 8–10 1988 / ed. by Kinya Tsuruta. — Vancouver, [1989]; *Молодяков, В.* «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX — начала XX века. — Москва; Токио, 1996; *Malia, Martin*. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, Mass., 1999; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / под ред. А.В. Голубева. — М., 2006–2007. — Вып. 3–4; Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images / Y. Mikhailova, M.W. Steele eds. — Folkestone: Global Oriental, 2008; и др.
- ⁴ См., напр.: *Ogle, Marbury Bladen, Jr.* Public Opinion and Political Dynamics. — Cambridge, Mass., 1950.
- ⁵ *McReynolds, L.* The News Under Russia’s Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. — P. 7.
- ⁶ Это была речь барона Кэнтё Суэмацу, посланного с пропагандистской миссией в Великобританию, произнесенная по-английски на борту парохода “*Yuotaru*” перед спутниками-иностранцами по случаю Дня японской Конституции (*Matsumura, M.* Introduction // *Suematsu Kenchō*. The Risen Sun. — Folkestone: Global Oriental, 2004. — P. 2. — (Japanese Propaganda: Selected Readings. Series 1: Books 1872–1943 / Peter O’Connor ed.; Vol. 3)).
- ⁷ The Russo-Japanese War in Cultural Perspective / ed. by D. Wells, S. Wilson. — Basingstoke; New York, 1999. — P. IX (Preface).
- ⁸ *Matsumura, M.* Introduction. — P. 8.
- ⁹ *Valliant, R.* The Selling of Japan: Japanese Manipulation of Western Opinion, 1900–1905 // Monumenta Nipponica. — 1974. — 4. — P. 29; *Мацумура, Масаёси*. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. — Владивосток, 2002. — № 4; *Куланов, А., Молодяков, В.* Россия и Япония: имиджевые войны. — М., 2007. — С. 67–141; *Павлов, Д.* Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества: технологии западноориентированного имиджмейкинга // Россия XXI. — 2009. — № 3. — С. 58–91.
- ¹⁰ *Ignat’ev, A.V.* The Foreign Policy of Russia in the Far East at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries // Imperial Russian Foreign Policy / ed. by H. Ragsdale. — Cambridge, U.K.; New York: Woodrow Wilson Center Press: Cambridge University Press, 1993. — P. 253. Говоря о «тотальности» этой войны для Японии, А.В. Игнатьев имел в виду масштаб мобилизации ресурсов страны. В новейшей историографии об истории появления и смысловой нагрузке этого термина см.: *Фёрстер, С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. — Челябинск, 2007. — С. 12–27.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: *Павлов, Д.Б.* Япония на рубеже XIX–XX вв.: технология создания позитивного образа на Западе // Япония, 2009: ежегодник / ИВ РАН. — М., 2009. — С. 235–259.

- ¹² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 143 (Китайский стол). — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 35.
- ¹³ *Stead, Alfred.* Japan's Aspirations and Internationalism // *Fortnightly Review.* — 1904. — August. — P. 314.
- ¹⁴ См.: *Reed, Christopher.* Gutenberg in Shanghai: Chinese Print Capitalism, 1876—1937. — Honolulu: University of Hawaii Press, 2004. — P. 103, 104, 200; *Printing and Book Culture in Late Imperial China* / C.J. Brokaw, Kai-wing Chow eds. — Berkeley; Los Angeles; London, 2005. — P. 32, 33.
- ¹⁵ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 34—35.
- ¹⁶ См.: *The Japan Times.* — 1904. — 8.4 (No 2133).
- ¹⁷ См.: *Greener, W.O.* A Secret Agent in Port Arthur. — London, 1905. — P. 193.
- ¹⁸ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 168 об. — Записка А.И. Середина-Сабатина директору I-го департамента МИД Н.Г. Гартвигу, С.-Петербург, 24 февраля 1906 г.
- ¹⁹ *Стромов, А. (Паснонов, Н.А.).* Письма с Востока. Еще о необходимости русского органа на Востоке // *Новое время.* — 1903. — 7 (20).7 (№ 9819).
- ²⁰ *Naoko Shimazu.* 'Love Thy Enemy': Japanese Perceptions of Russia // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero.* — Leiden; Boston, 2005. — Vol. 1. — P. 366.
- ²¹ *The History of "The Times".* The Twentieth Century Test, 1884—1912. — London, 1947. — P. 387, 388, 392.
- ²² *Hughes, M.* Diplomacy Before the Russian Revolution: Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894—1917. — London: McMillan Press, 2000. — P. 38.
- ²³ *Андроник, архимандрит.* О Японии: воспоминания и впечатления бывшего японского миссионера // *Русский Вестник.* — 1904. — Т 291, май. — С. 68.
- ²⁴ *Новое Время.* — 1904. — 5 (18).2 (№ 10030).
- ²⁵ *Известия Восточного института.* — Владивосток, 1904. — Т. 4—9. Приложение: Протоколы заседаний конференции Восточного института за 1902—1903 академический год. — С. 1. — Протокол заседаний конференции Восточного института. Заседание 2 сентября 1902 г.
- ²⁶ *Стрюченко, И.Г.* Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции. — Владивосток, 1982. — С. 229.
- ²⁷ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 52. — Л. 264. — Секретная телеграмма К.Ф. Бологовского в МИД, Гонконг, 30 января (12 февраля) 1904 г. с отметкой о «высочайшем» прочтении.
- ²⁸ Там же. — Д. 1424. — Л. 3—3 об. — Письмо министра внутренних дел В.К. фон Плеве министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу, Петербург, 23 апреля 1904 г. № 4548.
- ²⁹ Другими словами, газета была убыточной. По оценке русских издателей-современников, рентабельность печатного органа в те годы могли обеспечить не менее тысячи годовых подписчиков — «розница слишком колебалась в зависимости от злобы дня, местных сенсаций и успеха воскресного фельетона» (*Перцов, П.П.* Литературные воспоминания, 1890—1902 гг. — М., 2002. — С. 39).
- ³⁰ В русских документах его чаще именовали Ваном или Хуаном.
- ³¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 846 (Военно-ученый архив (ВУА)). — Оп. 16. — Д. 26626. — Л. 74. — Шифрованная телеграмма капитана А.Е. Едрихина в Мукден полковнику М.Ф. Квевинскому, Шанхайгуан, 6 мая 1904 г. № 103.
- ³² Там же. — Д. 29050. — Л. 1. — Письмо генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего генерал-майора В.А. Орановского полковнику М.Ф. Квевинскому, Годзядянь, 28 марта 1905 г. № 3617.
- ³³ Там же. — Ф. 447 (Коллекция документов «Китай»). — Оп. 1. — Д. 80. — Л. 32, 37, 45.

- ³⁴ Подробнее о «Шанхайской агентуре» см.: Павлов, Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. Секретные операции на суше и на море. — М., 2004. — Гл. 4.
- ³⁵ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 6. — Секретная телеграмма наместника Е.И. Алексеева в Петербург графу В.Н. Ламздорфу, Мукден, 4 (17) июня 1904 г. № 156.
- ³⁶ Там же. — Л. 8. — Секретная телеграмма А.И. Павлова в МИД, Шанхай, 7 (20) июня 1904 г.
- ³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). — Оп. 28. — Д. 288. — Л. 36. — Секретное донесение Л.Ф. Давыдова министру финансов В.Н. Коковцову, Шанхай, 17 (30) июня 1904 г.
- ³⁸ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 57. — Л. 34—35 об. — Секретная телеграмма А.И. Павлова наместнику в Мукден. Шанхай, 8 (21) июня 1904 г.
- ³⁹ Там же. — Д. 1424. — Л. 94.
- ⁴⁰ Там же. — Л. 172 об. — Докладная записка А.И. Середина-Сабатина директору I-го департамента МИД Н.Г. Гартвику, С.-Петербург, 24 февраля 1906 г.
- ⁴¹ Там же. — Л. 96—97.
- ⁴² Там же. — Л. 142. — Секретное письмо А.И. Павлова посланнику в Китае Д.Д. Покотилову, Шанхай, 13 ноября 1905 г.
- ⁴³ РГИА. — Ф. 560. — Оп. 28. — Д. 288. — Л. 56—56 об. — Всеподданнейшая записка министра финансов В.Н. Коковцова «О предложении своих услуг корреспондентами телеграфных агентств Рейтера и Associated Press», С.-Петербург, 13 августа 1904 г.
- ⁴⁴ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 197 об. — Доверительное письмо В.Н. Коковцова министру иностранных дел А.П. Извольскому, С.-Петербург, 14 июня 1906 г.
- ⁴⁵ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 84. — Л. 22. — Рапорт военного агента в Китае полковника Ф.Е. Огородникова генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего, Пекин, 16 февраля 1906 г. № 99.
- ⁴⁶ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 113—113 об.; Д. 2985. — Л. 43. — Секретные телеграммы Г.А. Плансона в МИД (с изложением телеграммы А.И. Павлова из Шанхая от 2 (15) октября 1904 г.) и А.И. Павлову в Шанхай (от 4 (17) октября 1904 г.).
- ⁴⁷ Schmid, A. Korea between Empires, 1895—1910. — New York: Columbia University Press, 2002. — P. 53, 166.
- ⁴⁸ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29090. — Л. 159. — Объяснительная записка комиссаров Мукденской и Гиринской провинций полковников М.Ф. Квещинского и М.А. Соковнина в штаб главнокомандующего, 21 июня 1905 г.
- ⁴⁹ Там же. — Л. 160.
- ⁵⁰ Помимо ежемесячной субсидии от «Шанхайской агентуры» в 500 лан редакция этой газеты получала готовые статьи, написанные помощником Огородникова штабс-капитаном бароном С.В. Ховеном, который одновременно корреспондировал в шанхайскую «Der Ost-Asiatischer Lloyd» и тяньцзиньскую «Courrier de Tien-Tsin».
- ⁵¹ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 2985. — Л. 9.
- ⁵² РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29090. — Л. 160 об. — Объяснительная записка комиссаров Мукденской и Гиринской провинций полковников М.Ф. Квещинского и М.А. Соковнина в штаб главнокомандующего, 21 июня 1905 г.
- ⁵³ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 1424. — Л. 155. — Секретная телеграмма А.И. Павлова в МИД, Шанхай, 19 января 1906 г.; РГВИА. — Ф. 2000. — Оп. 1. — Д. 7014. — Л. 12. — Копия секретной телеграммы А.И. Павлова в МИД, Шанхай, 16 января 1906 г.

- ⁵⁴ Цит. по: *The Japan Times*. — 1905. — 13.4 (No 2440).
- ⁵⁵ *Ibid.* — 23.4 (No 2449).
- ⁵⁶ *Knightley, Ph.* *The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo*. — 2nd ed. — Baltimore; London, 2000. — P. 43.
- ⁵⁷ *Palmer, F.* *With Kuroki in Manchuria*. — New York, 1904. — P. 28.
- ⁵⁸ «Везде, в канцеляриях, в кофейнях, ресторанах, клубах, гостиных, в делегациях, в печати, на конках, везде один и тот же вопрос: за русских или за японцев, — описывал увиденное в феврале 1904 г. в одной из западноевропейских столиц (в Вене) корреспондент «Нового Времени», — ... общество разделилось на два враждебных стана. Одни с жаром доказывают, что Япония — представительница Европы в Азии, Россия — представитель Азии в Европе; другие знают только одно: белая раса, желтая раса, и баста ... если школьники доходят до кулаков, то взрослые устраивают словесные баталии с форменным пеноизвержением» (*Новое Время*. — 1904. — 14 (27).2 (№ 10038)).
- ⁵⁹ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 265—266 об. — Список корреспондентам, состоящим при Маньчжурской армии); Л. 608—610. — Список военным корреспондентам, узаконенным наместником его императорского величества на Дальнем Востоке. Составлен 22 сентября 1904 г.
- ⁶⁰ Военная энциклопедия / изд. И.Д. Сытина. — СПб., 1913. — Т. 13. — С. 200.
- ⁶¹ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 46—46 об. — Рапорт коллежского советника С.Н. Латкина командующему Маньчжурской армией, 17 марта 1904 г.
- ⁶² АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 52. — Л. 267. — Секретная телеграмма А.И. Нелидова в МИД, Париж, 30 января (12 февраля) 1904 г.
- ⁶³ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 320—321. — Письмо А.Н. Куропаткину графа А.К. Бенкендорфа, Лондон, 9 (22) апреля 1904 г.; Л. 335—335 об. — Письмо А.Н. Куропаткину чиновника по дипломатической части А.Н. Грушецкого, Ляоян, 10 июня 1904 г.; Л. 326а—327, 612—613. — Письма А.Н. Куропаткину А.П. Извольского, Копенгаген, 30 марта и 28 апреля 1904 г.; Л. 338—338 об. — Копия с письма наместнику Е.И. Алексееву графа В.Н. Ламздорфа, С.-Петербург, 16 февраля 1904 г.
- ⁶⁴ «Высочайшее» одобрение получило внушительное материальное подкрепление. «На осуществление задуманного им предприятия» Иессену в Петербурге была выдана тысяча рублей одновременно и еще три тысячи на последующие полгода, из расчета 500 руб. в месяц (вероятно, русский император считал, что более полугодом Япония против России не продержится) (АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 70. — Л. 173. — Всеподданнейшая записка графа В.Н. Ламздорфа, С.-Петербург, 19 августа 1905 г.).
- ⁶⁵ Иностранные журналисты могли корреспондировать из расположения армии на французском, немецком и английском языках, которыми владели штабные цензоры. Иессену было позволено телеграфировать свои сообщения по-датски, но лишь после их личного прочтения военным цензорам вслух по-французски. Брунн в виде такого же исключения получил право состоять при штабе главнокомандующего.
- ⁶⁶ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 345. — Записка А.Н. Куропаткина от 24 июня 1904 г.
- ⁶⁷ Циркулярами от 3 (16) февраля 1904 г. (№ 1141 и № 1142) начальник Главного управления по делам печати МВД известил губернаторов и местные цензурные комитеты о состоявшемся «высочайшем повелении» на время военных действий все материалы повременных изданий, касающиеся русской армии и флота, передавать на предварительное рассмотрение «компетентных военных органов» (РГИА. — Ф. 776 (Главное управление по делам печати). — Оп. 34. — Д. 17. — Л. 434, 435).

- ⁶⁸ Военная энциклопедия / изд. И.Д. Сытина. — Т. 13. — С. 201.
- ⁶⁹ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 563—564 об. — Секретное письмо за начальника Генштаба генерал-лейтенанта П.А. Фролова начальнику штаба Маньчжурской армии генерал-лейтенанту В.В. Сахарову, С.-Петербург, 31 июля 1904 г. № 508.
- ⁷⁰ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. — В.И. Nicolaevsky Collection. — № 65. 14 (2). — С. 9. — Письмо А.С. Суворина Н.Г. Гартвигу, С.-Петербург, март 1904 г.
- ⁷¹ Foreign Office. — Russian Correspondence. — 65/1679, 1. 10. — Конфиденциальное письмо Ч. Скотта маркизу Лансдоуну в Лондон, С.-Петербург, 3 марта 1904 г.
- ⁷² Письмо Спринг Райса в Форин Офис, С.-Петербург, 15 (28) марта 1904 г. Цит. по: *Soroka, M.* Britain, Russia and the Road to the First World War: The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903—16). — Farnham, Surrey, UK; Burlington, VT: Ashgate, 2011. — P. 77.
- ⁷³ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 458—458 об. — Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих пропуску в печать.
- ⁷⁴ Там же. — Л. 79.
- ⁷⁵ Там же. — Л. 329. — Записка А.Н. Куропаткина начальнику своего штаба, 23 июня 1904 г.
- ⁷⁶ *Brooke, L. G.F.M.G., Earl.* An Eye-witness in Manchuria. — London, 1905. — P. 309.
- ⁷⁷ *Knightley, Ph.* The First Casualty. — P. 46.
- ⁷⁸ The New York Times. — 1904. — 11.2 (№ 16881).
- ⁷⁹ The China Gazette. — 1904. — 24.6 (№ 3038).
- ⁸⁰ См., напр.: Peking and Tientsin Times. — 1904. — 14.3.
- ⁸¹ Интересно, что этот британский журналист, будучи в Нагасаки, в первые дни войны, в разгар массовых молебнов и светских патриотических манифестаций в России, изумил своих читателей сообщением, будто «в Москве толпа уважаемых граждан атаковала Кремль и разрушила его, а также много церквей». Этим, по ироничному замечанию «Нового Времени», он вполне «обессмертил свое имя» (Новое Время. — 1904. — 15 (28).2 (№ 10039)). Убеждение Берлея в том, что «вскоре Япония превратится в доминирующую силу на Дальнем Востоке» (*Burleigh, B.* Empire of the East, or Japan and Russia at War, 1904—5. — London, 1905. — P. 435), не помешало ему одним из первых переметнуться на русскую сторону.
- ⁸² АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 2980. — Л. 93. — Секретная телеграмма А.И. Павлова в Главную квартиру в Мукден, Шанхай, 18 декабря 1904 г. № 818.
- ⁸³ *Knightley, Ph.* The First Casualty. — P. 65.
- ⁸⁴ *Greener, W.O.* A Secret Agent in Port Arthur. — P. 4.
- ⁸⁵ *Pierson, J.D.* Tokutomi Soho, 1863—1957: A Journalist for Modern Japan. — Princeton: Princeton University Press, 1980. Цит. по: *Macdermid, S.C.* Print Capitalism and the Russo-Japanese War: BA thesis. — [Vancouver, B.C.]: University of British Columbia, 1990. — P. 77, 78.
- ⁸⁶ The Japan Times. — 1904. — 6.1 (№ 2056).
- ⁸⁷ См.: *Oka Yoshihiko.* Prologue // The Emergence of Imperial Japan. Self-Defense or Calculated Aggression? / Ed. by M.J. Mayo. — Lexington, Mass., 1970. — P. 10; *Окамото, С.* Японская олигархия в русско-японской войне. — М., 2003. — С. 60—62. Историк Йоко Като — одна из немногих, кто, ссылаясь на результаты последних предвоенных парламентских выборов, которые принесли победу партии Сэйюкай (противнице увеличения военных расходов), пишет о желании рядовых японцев избежать войны со своим северным соседом (*Kato Yoko.* Japan Justifies War by the 'Open Door': 1903 as Turning Point // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / D. Wolff et al. eds. — Leiden; Boston, 2007. — Vol. 2. — P. 206, 207).
- ⁸⁸ *Valliant, R.* The Selling of Japan. — P. 431.

- ⁸⁹ *Desmond, R.* Windows on the World: The Information Process in a Changing Society, 1900—1920. — Iowa City: University of Iowa Press, 1980. — P. 22.
- ⁹⁰ Peking and Tientsin Times. — 1904. — 22.3. — Перепечатка из “China Mail”.
- ⁹¹ *Griskom, Lloyd C.* Diplomatically Speaking. — New York, 1940. — P. 245, 246, 249.
- ⁹² Приамурские Ведомости. — 1904. — 24.12 (№ 730). — Перепечатка из “China Gazette”. Об этом же см.: *Burleigh, B.* Empire of the East. — P. 78, 79, 114.
- ⁹³ *Sakuye Takahashi.* International Law Applied to the Russo-Japanese War: (With the Decisions of the Japanese Prize Courts). — New York, 1908. — P. 386.
- ⁹⁴ *Valliant, R.* The Selling of Japan. — P. 431.
- ⁹⁵ «Это было то же, что стоять за забором и спрашивать у сидящего на нем, в чьих руках сейчас мяч», — прокомментировал такие порядки Ф. Палмер (*Palmer, F.* With Kuroki in Manchuria. — P. 221).
- ⁹⁶ *Griskom, Lloyd C.* Diplomatically Speaking. — P. 249, 250.
- ⁹⁷ Полный текст этих Правил в своей книге воспроизвел Берлей: *Burleigh, B.* Empire of the East. — P. 80—82.
- ⁹⁸ Slavic Review. — 2001. — 60, 1. — P. 180.
- ⁹⁹ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 456. — Письмо Э. Бриндла главнокомандующему А.Н. Куропаткину, Инкоу, 20 апреля 1904 г.
- ¹⁰⁰ Биограф Хаяси утверждал, что тот «первым из государственных деятелей Японии осознал и использовал силу *фудэ* (кисти для письма)» (The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi / ed. by A.M. Pooley. — New York; London, 1915. — P. 11).
- ¹⁰¹ *Desmond, R.* Windows on the World. — P. 22.
- ¹⁰² Исключение не было сделано даже для старейшего (с 1897 г.) корреспондента в Пекине Джорджа Моррисона, давнего и убежденного сторонника Японии, единомышленника и соратника руководителя международного отдела “Times” Валентина Чирола.
- ¹⁰³ Очевидец, немецкий врач Эрвин Бэльц, сообщает, что они угрожали японским властям одновременно отправить в редакции своих газет просьбы о немедленном отзыве, ссылаясь на «бесполезность своего пребывания в Токио» (Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz / ed. by his son Toku Baelz. — Bloomington; London: Indiana University Press, 1974. — P. 290, 291).
- ¹⁰⁴ Приамурские Ведомости. — 1904. — 24.12 (№ 730). — Перепечатка из “China Gazette”; РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 572. — Телеграмма генерал-квартирмейстера полевого штаба наместника В.Е. Флуга генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего В.И. Харкевичу, 3 (16) сентября 1904 г. № 4844.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Приамурские Ведомости. — 1904. — 3.9 (№ 682).
- ¹⁰⁶ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29293. — Л. 547—547 об. — Телеграмма полковника Ф.Е. Огородникова генералу В.И. Харкевичу, Тяньцзинь, 12 (25) августа 1904 г.; Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 80. — Л. 92. — Телеграмма Огородникова в штабы наместника, главнокомандующего и в Главный штаб, Тяньцзинь, 17 (30) августа 1904 г.
- ¹⁰⁷ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). — Ф. 32 (Е.И. Алексеев). — Оп. 1. — Д. 256. — Л. 2—2 об., 3. — Телеграмма наместника министру иностранных дел, 17 (30) июля 1904 г., и ответ графа Ламздорфа адмиралу Алексею от 18 (31) июля 1904 г.
- ¹⁰⁸ The Japan Times. — 1904. — 26.7 (No 2226).
- ¹⁰⁹ Ibid. — 8.3 (No 2108).
- ¹¹⁰ Подробнее об этом см.: *Павлов, Д.* Китай, 1904—1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica. — 2005. — 22. — P. 56—58; *Его же.* «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством?: (по материалам мировой печати) // Там же. — 2009. — 26. — P. 69—78.

- ¹¹¹ Цит. по: Русь. — 1904. — 9 (22).12 (№ 359).
- ¹¹² *Berton, Peter.* Russo-Japanese Relations, 1905—1917: From Enemies to Allies. — London; New York, 2012. — P. 14, 18, 102.
- ¹¹³ Новое Время. — 1904/1905. — 31.12 (13.1) (№ 10359). — Перепечатка из пекинской «китайско-японской» газеты “Shun’-Tian’-Shi-Pao” от 19 и 22.11.1904.
- ¹¹⁴ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 62. — Л. 292—292 об. — Секретная телеграмма посланника в Китае П.М. Лессара в МИД, Пекин, 29 ноября (12 декабря) 1904 г.
- ¹¹⁵ Там же. — Д. 60. — Л. 9.
- ¹¹⁶ Там же. — Л. 162. — Секретная телеграмма министра В.Н. Ламздорфа посланнику П.М. Лессару в Пекин, С.-Петербург, 26 сентября 1904 г. Лессар в ответ сообщил, что, по его данным, «правильной японской организации для возбуждения волнений нет» и дело пока ограничивается распространением японских прокламаций об «окончательном поражении русской армии» (Там же. — Д. 61. — Л. 22. — Секретная телеграмма П.М. Лессара в МИД, Пекин, 1 (14) октября 1904 г.).
- ¹¹⁷ РГВИА. — Ф. 2000 (Главный штаб). — Оп. 1. — Д. 6998. — Л. 10 об. — Рапорт генерала К.Н. Дессино в Главный штаб, Шанхай, 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.). № 135.
- ¹¹⁸ *Schmid, A.* Korea between Empires. — P. 92.
- ¹¹⁹ Цит. по: *McKenzie, F.A.* The Tragedy of Korea. — London, 1908. — P. 215.
- ¹²⁰ *Naoko Shimazu.* ‘Love the Enemy’: Japanese Perceptions of Russia. — P. 366; *Журавлева, В.И.* Образ русской революции в американской политической карикатуре // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность: материалы междунар. конф. — М., 2007. — С. 159.
- ¹²¹ *Tupper Eleonor, McReynolds, George.* Japan in American Public Opinion. — New York, 1937. — P. 6, 7.
- ¹²² *Greener, W.O.* A Secret Agent in Port. — P. 246, 247.
- ¹²³ 9 (22) февраля 1904 г. министр Ламздорф циркулярно предписал российским представителям за рубежом передать правительству страны пребывания официальный протест относительно «самого возмутительного попорния» Японией «общепринятых постановлений, определяющих взаимные отношения между цивилизованными государствами», которое она, по мнению Петербурга, демонстрировала с самой «минуты разрыва» (АВПРИ. — Ф. 184 (Посольство в Лондоне). — Оп. 520. — Д. 1133. — Л. 87; полный текст ноты см.: Новое Время. — 1904. — 11 (24).2 (№ 10035).
- ¹²⁴ Цит. по: The Japan Times. — 1904. — 10.3 (No 2109).
- ¹²⁵ *Wasuke, J.* Introduction // The Russo-Japanese War. — [Tokyo], 1904—1905. — No 1—10.
- ¹²⁶ The Japan Times. — 1904. — 23.6 (No 2198). — Перепечатка из “Daily Mail”.
- ¹²⁷ Цит. по: Ibid. — 7.8 (No 2237).
- ¹²⁸ The New York Times. — 1904. — 17.2 (No 16886); The Japan Times. — 1904. — 16.3 (No 2113). — Перепечатка из “Tagliche Rundschau”.
- ¹²⁹ North China Herald. — 1904. — 5 (18).3.
- ¹³⁰ The Japan Times. — 1904. — 5.6 (No 2183); 19.7 (No 2220).
- ¹³¹ Ibid. — 13.4. (No 2137).
- ¹³² Ibid. — 6.8 (No 2236). — Перепечатка из “Asahi”. По данным специалиста в военно-морской истории сэра Джулиана Корбетта, за весь период войны японский военный флот захватил или потопил 61 торговое судно, включая не только русские, но норвежские, шведские, китайские, французские, германские и даже британские и американские пароходы, а русский — 58, 22 из которых были японскими. Подсчитано нами по: *Corbett, Julian S.* Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904—1905. — Annapolis, 1994. — Vol. 2. — P. 431—442.
- ¹³³ Одно из сообщения прессы о таком подрыве посланник Лессар в секретной депеше в МИД прокомментировал следующим образом: «О таковых [русских минах]

слухи постоянно идут из столь заведомо ложных источников, как американские и японские газеты. В действительности, джонку, вероятно, потопило японское военное судно. В последнее время это часто делается, причем топят с экипажем и пассажирами, чтобы не было свидетелей, объясняя исчезновение судов русскими плавучими минами» (АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 59. — Л. 199—199 об. — Шифрованная телеграмма П.М. Лессара в МИД, Пекин, 22 августа (4 сентября) 1904 г.).

¹³⁴ *Николай (Касаткин, И.Д.)*. Дневники Святого Николая Японского / сост. Кэнносукэ Накамура. — СПб., 2004. — Т. 5. — С. 110. — Запись от 30 июня (13 июля) 1904 г.

¹³⁵ *The Japan Times*. — 1904. — 10.8 (No 2239).

¹³⁶ *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz*. — P. 329.

¹³⁷ *Macdermid, S.Ch.* Print Capitalism and the Russo-Japanese War. — P. 79, 83, 138.

¹³⁸ *Ibid.* — P. 92.

¹³⁹ *Burleigh, B.* Empire of the East. — P. 68.

¹⁴⁰ РГВИА. — Ф. 869. — Оп. 16. — Д. 29304. — Л. 69—69 об., 437—437 об. — Переводы статей газет “*Tun-Van-Hu-Pao*” и “*North China Daily News*”.

¹⁴¹ См., напр.: *North China Herald*. — 1904. — 27.5 (No 1920).

¹⁴² *Da-Gun-Pao*. — Tientsin, 1904. — 16.5.

¹⁴³ Одна из таких листовок, расклеенных в Гирине в июне 1905 г., начавшись констатацией: «мы глубоко ненавидим русских», далее сообщала, что Россия, издавна «придерживаясь политики поглощения чужих земель», ныне стремится «окончательно поглотить Китай и пожрать, подобно морскому чудовищу, его население ... Русские войска жгут и грабят в наших деревнях без малейшей пощады, насилуют и оскорбляют». Япония же — «дружественное нам государство; она честна и справедлива. Япония... двинула под своими знаменами воинов победоносно наказать русских за их преступления. Из этого видно, что действия японцев направлены к пользе Китая, к устранению его большой печали и к отмщению за пограние его народа ... В японской армии существует строгая дисциплина; там не делают ни малейшего проступка по отношению к [китайским] жителям» (РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 26663. — Л. 1—1 об. — Перевод с китайского языка текста листовки, распространенной в Гирине в середине июня 1905 г.).

¹⁴⁴ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 62. — Л. 272—272 об. — Секретная телеграмма П.М. Лессара в МИД, Пекин, 25 ноября (8 декабря) 1904 г.

¹⁴⁵ РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 26663. — Л. 4. — Перевод на русский язык рукописной прокламации, снятой в городе Чжендзятунь округа Ляо-юань провинции Мукден утром 7 августа 1905 г.

¹⁴⁶ Русская жительница Тяньцзиня ситуацию в местной прессе описала следующим образом: «Из местных газет (их три) усердствует в распространении небывлиц относительно нас “*The China Times*”, иные номера которой наполовину заполнены полуфантастическими сведениями о русско-японском конфликте и рассуждениями по этому поводу. Два казака повздорили с лавочником-китайцем ... и в результате громадная статья в хронике под тройным заголовком, один из которых читается так: “Терроризация русскими солдатами *Takuroad*” (столкновение произошло на улице этого наименования), и еще несколько статей по этому поводу, одна из них передовая. ... Казачья сотня, стоявшая здесь, ушла в Фынхуанчен (в Маньчжурии), оставив только один взвод. И этот уход вызвал несколько статей под громкими заголовками вроде: “Русские войска покидают Китай”» (Новое Время. — 1904. — 12 (25).2 (№ 10036)).

¹⁴⁷ *The Japan Times*. — 1904. — 27.7 (No 2227).

¹⁴⁸ *The War in the Far East, 1904—1905 by the military correspondent of “The Times”*. — London, 1905. — P. 7, 8; *Greener, W.O.* A Secret Agent in Port Arthur. — P. 38.

¹⁴⁹ «В прочитанных мною сотнях статей разных газет о войне я ни разу не обнаружила слова “макаки”», — констатирует Л. Макрейнольдс (*McReynolds, L.*

The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. — P. 193 (note).

¹⁵⁰ Новое Время. — 1905. — 15 (28).1 (№ 10367).

¹⁵¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 818 (Г.А. Плансон). — Оп. 1. — Д. 68. — Л. 7. — Доклад Г.А. Плансона наместнику на Дальнем Востоке Е.И. Алексею, б/д, около 1903 г.

¹⁵² Зарубежные миссии в этой связи получили указание Петербурга избегать суждений относительно будущего образа действий России на Дальнем Востоке. См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: (от русско-французского союза до Октябрьской революции / отв. ред. А.В. Игнатъев. — М., 1997. — С. 164, 171.

¹⁵³ См., напр.: The New York Times. — 1904. — 16.2 (No 16885). По наблюдению литературоведа Барбары Хелдт, в русской изящной словесности тех лет японцы изображались «со смесью уважения, враждебности и восхищения», причем этот стереотип сохранялся и впоследствии (*Heldt, Barbara*. “Japanese” in Russian Literature: Transforming Identities // *The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad*. — Vancouver, 1989. — P. 247, 252.

¹⁵⁴ На этот циркуляр в своем вышеупомянутом письме Гартвику ссылался Суворин. В бумагах Главного управления по делам печати МВД нам его обнаружить не удалось.

¹⁵⁵ См.: The Fortnightly Review. — 1904. — March. — P. 419. — Интервью Э.Э. Ухтомского газете «Frankfurter Zeitung», данное в феврале 1904 г. Подробнее о проблеме «желтой угрозы» в русской публицистике см.: *Сунь Чжинцин*. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века. «Желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. — М., 2008.

¹⁵⁶ *MacKenzie, J.M.* Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880—1960. — Manchester, U.K.; Dover, N.H., USA: Manchester University Press, 1984.

¹⁵⁷ Цит. по: *Седых, Д.А.* Трансформация восприятия войны. — С. 340.

¹⁵⁸ Новое Время. — 1904. — 17 (30).3 (№ 10070).

¹⁵⁹ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 2985. — Л. 25.

¹⁶⁰ Там же. — Л. 23а.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. — Д. 1424. — Л. 95.

¹⁶³ Там же. — Д. 57. — Л. 160—160 об. — Секретная телеграмма дипломатического чиновника при наместнике Г.А. Плансона А.И. Павлову в Шанхай, Мукден, 29 июня 1904 г.

¹⁶⁴ Этот тезис не вполне соответствовал действительности. В конфиденциальном письме министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу министр финансов В.Н. Кокцов признавал «чрезвычайное напряжение всех сил и средств России, вызванное происходящими на Дальнем Востоке событиями» (Там же. — Д. 63. — Л. 189).

¹⁶⁵ РГИА. — Ф. 560. — Оп. 28. — Д. 288. — Л. 61 об. — Секретное донесение Л.Ф. Давыдова министру финансов В.Н. Кокцову в Петербург, Пекин, 2 (15) сентября 1904 г. № 12/356.

¹⁶⁶ Так, публикация «Echo de Chine» репортажа своего «петербургского корреспондента» о сверх-почетной (якобы с коленопреклонением) встрече жителями русской столицы японских военнопленных стала поводом для резкого сокращения ее субсидирования «Шанхайской агентурой».

¹⁶⁷ В воспоминаниях иностранных журналистов, очевидцев военных событий, можно встретить упоминания о воззваниях на китайском языке, которые в начале войны распространялись в Маньчжурии от лица русского наместника. По сообщению Беннета Берлей, одна из таких прокламаций «в грубой форме» и

под угрозой «неизбежной кары» призывала китайцев «довериться России, остерегаться японцев и помогать царю и его подданным» (*Burleigh, B. Empire of the East.* — P. 127). Поскольку в российских источниках нам не встретилось каких-либо упоминаний на этот счет, рискнем предположить, что к наместнику Е.И. Алексееву подобные листовки отношения не имели.

¹⁶⁸ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 59. — Л. 153. — Секретная телеграмма П.М. Лессара в МИД. Пекин, 16 (29) августа 1904 г.

¹⁶⁹ В рапорте об инциденте главнокомандующий японским ВМФ адмирал Хэйхати Того утверждал, будто русский миноносец грузил уголь и, следовательно, готовился к отплытию; здесь же говорилось о потерях японцев при захвате русского судна (один убитый матрос и 14 раненых). Мотив о русском миноносце, как «агрессоре», прозвучал и в официальном заявлении японского МИД от 20 августа 1904 г. (*The Times.* — 1904. — 22.8 (No 37479); *The Japan Times.* — 1904. — 23.8 (No 2250)).

¹⁷⁰ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 60. — Л. 119. — Секретная телеграмма П.М. Лессара в МИД. Пекин, 16 (29) сентября 1904 г.

¹⁷¹ РГИА. — Ф. 560. — Оп. 28. — Д. 311. — Л. 58—60. — Копия донесения Л.Ф. Давыдова главнокомандующему А.Н. Куропаткину, Пекин, 10 (23) декабря 1904 г. № 1171.

¹⁷² АВПРИ. — Ф. 150 (Японский стол). — Оп. 493. — Д. 226. — Л. 19—20 об. — Письмо посланника в Бельгии Н.Н. Гирса в МИД, Брюссель, 15 (28) октября 1904 г. № 757.

¹⁷³ *Журавлева, В.И.* Уартон Баркер — «адвокат» России, или как сформировать общественное мнение в США // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / под ред. А.В. Голубева.* — М., 2007. — Вып. 4. — С. 330, 331.

¹⁷⁴ РГА ВМФ. — Ф. 32. — Оп. 1. — Д. 256. — Л. 7. — Телеграмма наместника Е.И. Алексеева посланнику А.И. Павлову в Шанхай, Харбин, 14 октября 1904 г.

¹⁷⁵ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 2985. — Л. 28. — Секретная телеграмма А.И. Павлова послу графу А.П. Кассини в Вашингтон, Шанхай, 23 октября 1904 г.; РГИА. — Ф. 560. — Оп. 28. — Д. 288. — Л. 108. — Секретная телеграмма Л.Ф. Давыдова министру финансов В.Н. Коковцову, Пекин, 13 (26) ноября 1904 г. № 196.

¹⁷⁶ АВПРИ. — Ф. 143. — Оп. 491. — Д. 2985. — Л. 11—18. — Вырезки из американских газет.

¹⁷⁷ Цит. по: *Русский Вестник.* — 1904. — Декабрь (№ 12). — С. 843.

¹⁷⁸ Цит. по: Там же. — Июль (№ 7). — С. 456.

¹⁷⁹ Цит. по: *Новое Время.* — 1904. — 14 (27).8 (№ 10220).

¹⁸⁰ Цит. по: *The New York Times.* — 1904. — 7.9 (No 17060); *The Japan Times.* — 1904. — 14.9 (No 2269).

¹⁸¹ *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz.* — P. 300, 311, 328.

¹⁸² *Eltzbacher, O.* The Balance of Power in Europe // *The Nineteenth Century and After.* — 1905, May. — Vol. LVII. — P. 793.

¹⁸³ *Burleigh, B.* Empire of the East. — P. 455.

¹⁸⁴ Цит. по: *Русский Вестник.* — 1904. — Декабрь (№ 12). — С. 843.

¹⁸⁵ Цит. по: Там же. — С. 823, 824.

¹⁸⁶ *Tupper, Eleanor, McReynolds, George.* Japan in American Public Opinion. — P. 10, 21, 22.

¹⁸⁷ АВПРИ. — Ф. 150 (Японский стол). — Оп. 493. — Д. 226. — Л. 123 об.—124. — Письмо графа А.П. Кассини в МИД, Вашингтон, 9 (22) марта 1905 г. № 17.

¹⁸⁸ Цит. по: *The Japan Times.* — 1904. — 23.12 (No 2351).

¹⁸⁹ *Ibid.* — 1904. — 29.11 (No 2330).

¹⁹⁰ РГА ВМФ. — Ф. 418 (Морской Генеральный Штаб). — Оп. 1. — Д. 4487. — Л. 15, 17. — Справки Морского Генерального Штаба о Японии, 1910—1917 гг.

- ¹⁹¹ Подробнее об этом см.: *Akashi Motojiro*. Rakka ryūsui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Inaba Chiharu, Olavi Falt and Antti Kujala, eds. — Helsinki, 1988; *Павлов, Д.Б.* Японские деньги и первая русская революция. — М., 2011.
- ¹⁹² РГИА. — Ф. 560. — Оп. 28. — Д. 311. — Л. 59. — Копия донесения Л.Ф. Давыдова генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину, Пекин, 10 (23) декабря 1904 г. № 1171.
- ¹⁹³ *Rieber, A.J.* Persistent Factors in Russian Foreign Policy: an interpretive essay // *Imperial Russian Foreign Policy*. — Washington, D.C.; Cambridge, 1993. — P. 343.
- ¹⁹⁴ *Mackie, V.* Picturing Political Space in 1920s and 1930s Japan // *Nation and Nationalism in Japan* / ed. by Sandra Wilson. — Routledge, 2002. — P. 40.
- ¹⁹⁵ *Miller, E.S.* Japan's Other Victory: Overseas Financing of the Russo-Japanese War // *The Russo-Japanese War in Global Perspective*. World War Zero. — Leiden; Boston, 2005. — Vol. 1. — P. 474.
- ¹⁹⁶ *Фёрстер, С.* Тотальная война. — С. 17.
- ¹⁹⁷ Подробнее об этом см.: *Verbitsky, S., Hasegawa, Ts., Rozman, G.* Misperceptions Between Japan and Russia // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. — 2000. — October. — P. 5; *Разумовский, И.А.* Особенности формирования образа России в Японии // *Восток — Запад, 2007—2008: ист.-лит. альманах / под ред. В.С. Мясникова*. — М., 2008. — С. 219.
- ¹⁹⁸ *McDonald, David MacLaren.* United Government and Foreign Policy in Russia, 1900—1914. — Cambridge, Mass.; London, 1992. — P. 5.
- ¹⁹⁹ *Hughes, M.* Diplomacy Before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894—1917; *Taranovski, Theodore.* Institutions, Political Culture, and Foreign Policy in Late Imperial Russia // *Kazan, Moscow, St.-Petersburg. Multiple Faces of the Russian Empire / Catherine Evtuhov et al. eds.* — Moscow, 1997. — P. 64, 65.
- ²⁰⁰ АВПРИ. — Ф. 133 (Канцелярия министра). — Оп. 470. — Д. 99. — Т. 2. — Л. 419. — Секретная телеграмма МИД послу в Вашингтоне Б.А. Бахметеву, Петроград, 3 (16) августа 1917 г. № 4102.
- ²⁰¹ *Ухтомский, Эспер, кн.* Перед грозным будущим: к русско-японскому столкновению. — СПб., 1904. — С. 12.
- ²⁰² РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 29090. — Л. 160 об.
- ²⁰³ АВПРИ. — Ф. 150 (Японский стол). — Оп. 493. — Д. 226. — Л. 373 об.—374. — Перевод донесений бельгийского посольства в Пекине. Деша от 16 октября 1905 г.
- ²⁰⁴ *Wang, Y.C.* Chinese Intellectuals and the West, 1872—1949. — Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1966. — P. 227—229; *Whiting, Allen S.* China Eyes Japan. — Berkeley: University of California Press, 1989. — P. 31, 32.
- ²⁰⁵ Подробнее см.: *Marks, Steven.* 'Bravo, Brave Tiger of the East!': The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India // *The Russo-Japanese War in Global Perspective*. World War Zero. — Leiden; Boston, 2005. — Vol. 1. — P. 612, 613.
- ²⁰⁶ *Tupper, Eleanor, McReynolds, George.* Japan in American Public Opinion. — P. 16, 17.
- ²⁰⁷ РГВИА. — Ф. 2000. — Оп. 1. — Д. 6998. — Л. 20. — Секретный рапорт генерала К.Н. Дессино в Главный штаб, Шанхай, 26 марта 1906 г. № 361.
- ²⁰⁸ *McKenzie, F.A.* The Tragedy of Korea.
- ²⁰⁹ АВПРИ. — Ф. 133. — Оп. 470. — Д. 95. — Л. 61. — Секретная телеграмма В.Н. Крупенского в МИД, Токио, 25 сентября 1917 г. № 65.
- ²¹⁰ *Lippmann, W.* Public Opinion. — New York, 1954. — P. 68.

И.В. Быстрова

«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА» В 1941—1945 ГГ.: НЕФОРМАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В основе данной статьи лежит проблема личных контактов между советскими, американскими и британскими лидерами и дипломатами в годы войны 1941—1945 гг. Рассматривается процесс становления этих контактов, их формы, специфика, эволюция. Главными источниками являются документы из личного архива И.В. Сталина, фондов В.М. Молотова, И.М. Майского, других документов Наркомата иностранных дел СССР, а также опубликованные мемуары и переписка между лидерами СССР, США и Великобритании. Используются архивные документы с американской стороны, в частности, из коллекции Объединенного комитета начальников штабов, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне.

Ключевые слова: Вторая мировая война; «Большая тройка»; военно-дипломатическое сотрудничество; личный контакт.

I.V. Bystrova

«The Big Three» in 1941—1945: informal pages of military and diplomatic history

The article is devoted to the unique period in relations between the “Big Three” — the USSR, the USA, and Great Britain during their wartime cooperation in 1941—1945. Personal contacts between the Allies were made between the leaders of the “Big Three” (I.V. Stalin, F.D. Roosevelt, W. Churchill); military, political, diplomatic representatives, industrial and cultural visitors the USSR; and in the form of day-to-day contacts of common people. The main sources used are from I.V. Stalin, V.M. Molotov, I.M. Maiskii archives, documents from Communist Party, foreign affairs and security services collections, as well as some sources from the National Archives of the USA.

Keywords: World War II; Big Three; diplomatic and military cooperation; personal contact.

Керр заявляет, что Черчилль просит его передать свои приветствия Маршалу Сталину.

Т. Сталин благодарит.

Керр говорит, что Черчилль был очень доволен тем посланием, которое т. Сталин передал ему через Бенеша*. Бенеш сказал, что Маршал Сталин шлет Черчиллю поцелуей. Черчилль

---

* Эдуард Бенеш (Beneš) (1884—1948) — президент Чехословацкой Республики. — *И.Б.*

просил его, Керра, передать ответный поцелуй Маршалу Сталину. Он, Керр, хотел бы знать, желает ли Маршал Сталин, чтобы это было сделано устно, или он, Керр, действительно должен поцеловать Маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что он хочет равенства. Черчиллю через Бенеша поцелуй был передан устно.

Из беседы И.В. Сталина с английским послом А. Керром, 2 февраля 1943 г.¹

Особую роль во взаимоотношениях между странами «Большой тройки» — СССР, США и Великобритании в годы Великой Отечественной войны играли личные отношения между их представителями, которые формировались в ходе непосредственных контактов (а также особенно в случае Сталина, Рузвельта и Черчилля через переписку). Записи бесед между дипломатами и лидерами показывают, как «диктатор» И.В. Сталин неожиданно становился более «человечным», проявлял искренние эмоции в ответ на блестящий английский юмор посла Великобритании А. Керра, сам нередко шутил. Более неуступчивым и жестким в личном общении казался В.М. Молотов. Он слабее реагировал на юмор, и в целом выглядел более серьезным. В жесткой форме протестовал Молотов против обращения с русскими как с «колониальным народом» (что часто допускали английские моряки, приходившие с конвоями и проживавшие в Мурманске и Архангельске), в его лексиконе встречались довольно крепкие выражения. Как ехидно отметил А. Керр в заключительной беседе со Сталиным 25 января 1946 г., «когда Молотов в хорошем настроении, с ним очень приятно поговорить»² (напрашивается подозрение, что когда Молотов был в дурном настроении, общаться с ним было весьма неприятно). В разговоре с самим Молотовым 24 января британский посол выразился более прямо: «Он, Керр, будет откровенным и скажет Молотову, что Молотов пользуется репутацией трудного человека. Но он, Керр, всегда говорил людям, придерживающимся такого взгляда, что с Молотовым приятно иметь дело, при условии, что партнер Молотова честно подходит к делу. В течение всего своего пребывания в Москве он, Керр, всегда старался быть честным и добросовестным в своих действиях». Молотов заявил в ответ, что «Керр и они в совместной работе всегда стремились найти выход из трудных положений, который удовлетворял бы оба государства. Это было не легкая задача, тем не менее, нельзя отрицать, что были успехи»³.

Первый личный контакт с лидерами Великобритании и США состоялся у В.М. Молотова во время его знаменитого визита в эти страны в мае — июне 1942 г., во время которого были подписаны двусторонние

соглашения о сотрудничестве. Его первое личное впечатление о Черчилле и Рузвельте было довольно благоприятным. Согласно записи беседы с Черчиллем и Иденом от 25 мая 1942 г., сделанной И.М. Майским, Черчилль бурно отреагировал на переданное ему послание Сталина и дал понять, что очень хотел бы лично повстречаться со Сталиным. Когда Молотов сказал, что Сталин был бы тоже рад повидать Черчилля, британский премьер-министр «оживился и воскликнул: “Вот очистим север Норвегии и на завоеванной территории устроим наше свидание, а может быть, и свидание трех — с участием президента Рузвельта”»⁴.

В беседе Молотова с Керром сразу после возвращения британский посол поинтересовался личным впечатлением Молотова от Черчилля, заметив, что он «знал Черчилля, когда еще был мальчиком и питает к нему чувство глубокого восхищения».

Молотов ответил, что он «имел возможность много раз встретиться с Черчиллем и иметь с ним продолжительные и сердечные беседы. Черчилль — это человек ясной мысли и сильной воли. Черчилль является крупной личностью. Он обладает способностью умело подходить к людям и устанавливать с ними отношения. Он, т. Молотов, и Черчилль быстро нашли общий язык... Черчилль ясно ставит деловые вопросы и ясно излагает свою точку зрения. При встречах с Черчиллем легко понять, в каких пределах он готов согласиться, и это имеет весьма положительное значение»⁵.

У Черчилля также остались довольно яркие личные впечатления о визите Молотова. В своих воспоминаниях он отмечал, что во время первой «остановки» советской делегации в Англии он предоставил в распоряжение гостей свое загородное имение Чекерс. Сам он приехал туда на две ночи и «имел возможность долго беседовать в частном порядке с Молотовым и послом Майским, который был замечательным переводчиком». Британский лидер попытался объяснить суть и отличия своей позиции от русской: «При помощи хороших карт я старался объяснить то, что мы предпринимаем, а также пределы и характерные особенности военных возможностей островной державы. Я также подробно говорил о технике десантных операций и описывал опасности и трудности сохранения нашей жизненной артерии через Атлантический океан в условиях угрозы нападения германских подводных лодок. Как мне кажется, на Молотова все это произвело впечатление, и он понял, что стоящая перед нами проблема коренным образом отличается от проблемы, которая стоит перед огромной сухопутной державой. Во всяком случае, мы подошли ближе друг к другу, чем в любое другое время».

Британский премьер обратил особое внимание на характерные национальные черты русских (помноженные, как нам представляет-

ся, на особенности жесткого советского режима и условий военного времени), которые проявлялись в их поведении «в гостях». Черчилль писал об этом присущим ему живым языком:

«Глубоко укоренившаяся подозрительность, с которой русские относились к иностранцам, проявлялась в ряде замечательных инцидентов во время пребывания Молотова в Чекерсе. По прибытии русские немедленно попросили ключи от всех спален. С некоторым трудом эти ключи раздобыли, и в дальнейшем наши гости все время держали свои двери на запоре. Когда обслуживающему персоналу Чекерса удалось забираться в спальни, чтобы убрать постели, люди были смущены, обнаружив под подушками пистолеты. Трех главных членов миссии сопровождали не только их собственные полицейские, но также две женщины, которые заботились об их одежде и убирали их комнаты. Когда советские представители уезжали в Лондон, эти женщины все время сторожили комнаты своих хозяев, спускаясь вниз поодиночке, чтобы поесть. Мы можем, однако, утверждать, что затем они несколько оттаяли и даже болтали с прислугой на ломаном французском языке и при помощи жестов.

Чрезвычайные меры предосторожности принимались для обеспечения личной безопасности Молотова. Его комната была тщательно обыскана его полицейскими, опытные глаза которых самым внимательным образом осматривали до мелочей каждый шкаф, каждый предмет мебели, стены и полы. Объектом особенного внимания была кровать: все матрасы были протупаны на тот случай, не окажется ли там адских машин, а простыни и одеяла были перестеланы русскими так, чтобы ее обитатель мог выскочить в одну секунду, а не оказаться закутанным наглухо. На ночь револьвер клали рядом с его халатом и портфелем. Принимать меры предосторожности на случай опасности всегда правильно, в особенности во время войны, но каждое усилие должно соответствовать реальности этой опасности. Простейший метод проверки — это спросить себя, заинтересована ли другая сторона в убийстве данного лица. Что касается меня, то при моих посещениях Москвы я полностью доверял русскому гостеприимству»⁶.

Во время беседы 10 июня 1942 г., которая состоялась на обратном пути советского наркома из США, Черчилль заявил Молотову, что «хотел бы выпить с ним прощальный бокал шампанского. Произнося при этом тост в честь Молотова, он говорит, что английское правительство с величайшим удовольствием восприняло двукратный визит Молотова в Лондон. Он, Черчилль, выражает Молотову глубокую благодарность за то, что Молотов, приняв на себя риск двукратного путешествия в Великобританию, дважды посетил Лондон. В результате этого визита установлены личные отношения на основе доверия, дружбы и товарищества. Эти отношения будут существовать и в дальнейшем. Мы, говорит Черчилль, все сделаем, чтобы быть хорошими союзниками русских»⁷.

Личный контакт состоялся между Молотовым и Рузвельтом, в том числе во время «узкого завтрака» у президента США 30 мая 1942 г. В своем выступлении Молотов подчеркнул, что «в нашей стране Рузвельт пользуется большой популярностью. Все видят, что Президент показал исключительное понимание и дальновидность в деле защиты интересов своей страны и народа»⁸. В указанной выше беседе с Керром Молотов поделился и впечатлениями о Рузвельте. Он сказал, что «Рузвельт произвел на него весьма хорошее впечатление своим умом, талантом и обходительностью. Рузвельт привлекает к себе. Хотя он, т. Молотов, видел Рузвельта в первый раз и меньше встречался с ним, чем с Черчиллем, он, т. Молотов, и Рузвельт нашли общий язык и много тем для обсуждения и достигли взаимопонимания»⁹.

О благоприятном впечатлении, сложившемся о контакте с Молотовым, Рузвельт писал Черчиллю 31 мая 1942 г.: «Я полагаю, что визит Молотова — это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика»¹⁰.

Первый непосредственный контакт между руководителями «Большой тройки» состоялся во время визита У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. До этого они более года находились в тесной личной переписке, которая сыграла огромную роль в отношениях лидеров «Большой тройки». 22 ноября 1941 г. Черчилль обратился к Сталину с предложением: «В самом начале войны я вступил с Президентом Рузвельтом в личную переписку, которая привела к установлению между нами весьма основательного взаимопонимания и часто помогала решать дела быстро. Моим единственным желанием является сотрудничество с Вами на таких же условиях дружбы и доверия»¹¹. В послании Сталина Черчиллю от 23 ноября советский вождь ответил бывшему заклятому врагу таким образом: «Выраженное в Вашем послании желание сотрудничать со мной путем личной переписки на основе содружества и доверия я искренне приветствую и надеюсь, что это будет во многом содействовать успеху нашего общего дела»¹².

Напомним, что Черчилль долгое время считался в СССР «врагом номер 1», в частности, преподносился в «Кратком курсе истории ВКП (б)» как один из главных врагов Советской Республики, организовавший интервенцию в виде «похода 14 держав Антанты» в 1919 г. Сам британский премьер так вспоминал о своих размышлениях во время полета над СССР на пути в Москву: «Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным

врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: “Не будет второго фронта в 1942 году”. Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее, я был уверен, что обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников. Это, по крайней мере, показывало, что об их судьбе заботятся и понимают, что означает их борьба для войны вообще»¹³.

Впечатления британского лидера об условиях, которые ему создали, были самыми красочными:

«Все было подготовлено с тоталитарной расточительностью. В мое распоряжение был предоставлен в качестве адъютанта огромный офицер, обладавший великолепной внешностью (я думаю, что он принадлежал к княжеской фамилии при царском режиме), который выступал также в роли нашего хозяина и являлся образцом вежливости и внимания. Много опытных слуг в белых куртках и с сияющими улыбками следили за каждым пожеланием или движением гостей. Длинный стол в столовой и различные буфеты были заполнены всякими деликатесами и напитками, какие только может предоставить верховная власть. Меня провели через обширную приемную комнату в спальню и ванную... Яркий, почти ослепительный свет показывал безупречную чистоту... Я с нетерпением ждал горячей ванны после продолжительного путешествия в жаре. Все было приготовлено ментально. Я заметил, что над раковинами не было отдельных кранов для холодной и горячей воды и что в раковинах не было затычек. Горячая и холодная вода вытекала вместе через один кран, смешанная до желательной температуры. Кроме того, не приходилось мыть руки в раковине, а можно было это сделать под струей воды, вытекающей из крана. В скромной форме я применил эту систему у себя дома. Если нет недостатка в воде, то это самая лучшая система.

После всех необходимых погружений и омовений нас угощали в столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Но, кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть».

В тот же день в семь часов вечера состоялась первая встреча в Кремле, как писал Черчилль в мемуарах, «с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и военном, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения»¹⁴.

О первом личном впечатлении У. Черчилля о И.В. Сталине можно судить также из следующей оригинальной записи в дневнике В.М. Молотова.

Из дневника В.М. Молотова:

«Прием В.М. Молотовым А.К. Керра, 19 августа 1942 г. ... Керр говорит, что он вынес впечатление, что в результате последней беседы Черчилля с тов. Сталиным между ними установились хорошие личные отношения. Он, Керр, придает этому особенное значение. Т. Молотов спрашивает, каковы впечатления Черчилля.

Керр отвечает, что он, Керр, был на даче в последний вечер. Черчилль пригласил его на ужин в половине 9-го. Керр считал, что если Черчилль приедет к ужину точно к половине 9-го, то это будет плохим признаком. Но Черчилль опаздывал, и настроение Керра повышалось. Черчилль вернулся домой только в половине 4-го утра. Первое, что сделал Черчилль, когда вернулся — он бросился на один из больших диванов и сказал: “У меня очень сильная головная боль, но, ей богу, это стоило”. Затем Черчилль передал Керру вкратце содержание беседы. Черчиллю казалось, что он достиг очень многого в установлении личных отношений со Сталиным. Он был счастлив. Настроение Черчилля напоминало настроение молодого человека, сделавшего предложение, которое было принято. Керр спрашивает Молотова, является ли такое настроение взаимным.

Т. Молотов отвечает, что, по его впечатлению, взаимность была достигнута.

Керр говорит, что на Черчилля Сталин произвел впечатление не только как государственный человек, но и как человек.

Черчилль говорит, что ему нравится Сталин, и он, в свою очередь, хочет, чтобы он понравился Сталину.

Т. Молотов отвечает, что личные симпатии и взаимопонимание имеют большое значение для совместной работы.

Керр отвечает, что теперь для Черчилля легче будет обращаться непосредственно к т. Сталину, т.к. он знает его стиль.

Т. Молотов отвечает, что как т. Сталин, так и Черчилль имеют сложившийся стиль в работе и в подходе к вопросам, и каждый из них, вероятно, будет писать в своем собственном стиле, но впечатление от встречи будет помогать в нахождении лучшего подхода и взаимопонимания вопросов, которые еще предстоит обсудить в очень сложной обстановке. Переговоры и беседы проходили не всегда гладко, но ему, т. Молотову, кажется, что это скорее плюс, чем минус, т.к. в этих откровенных переговорах выявились мнения сторон.

Керр говорит, что ему кажется, что расхождения во мнениях увеличили уважение Черчилля к Сталину. Ему, Керру, кажется, что Черчилль нашел в Сталине все динамические качества, которыми он обладает сам и это его, Черчилля, поразило. На Черчилля произвела впечатление быстрота, с которой Сталин схватывал отдельные моменты переговоров и быстрота, с которой он указывал на сильные и слабые стороны этих моментов. Поэтому он, Керр, принимавший

небольшое участие в приезде Черчилля, считает, что его поездка была положительным фактором.

Т. Молотов отвечает, что он надеется, что результаты будут хорошими»¹⁵.

Черчилль с первой встречи, которая в целом была, как и ожидалось, довольно трудной, оценил стратегическую дальновидность Сталина. При обсуждении плана союзников по высадке в Средиземноморье (план «Торч») советского вождя пришлось долго убеждать, но, как писал Черчилль, в какой-то момент «Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества “Торч”. Он перечислил четыре основных довода в пользу “Торч”. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»¹⁶.

Комплекс впечатлений Черчилля о первом визите в СССР в августе 1942 г. отражен в воспоминаниях ряда сопровождавших его лиц, которые утверждали, что премьер-министр несколько раз выражал свое неудовольствие ходом переговоров, говорил, что Сталин разговаривает с ним тоном, недопустимым для «представителя крупнейшей империи, которая когда-либо существовала в мире». 14 августа он якобы даже заявил: «Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов»¹⁷.

Тем не менее, к концу пребывания в Москве мнение премьера, видимо, претерпело существенные изменения. По мнению ряда историков, большую роль в установлении более толерантных отношений между Сталиным и Черчиллем имела «неформальная» встреча двух лидеров на квартире Сталина в ночь с 15 на 16 августа. В отчете военному кабинету и президенту Рузвельту премьер-министр писал: «Я справился попроситься с г-ном Сталиным вчера в 7 часов вечера, и мы имели приятную беседу, в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое казалось весьма отрядным... В 8 час. 30 мин. вечера, когда я собирался уходить, он спросил, когда он увидит меня в следующий раз. Я ответил, что уезжаю на рассвете».

В своих воспоминаниях Черчилль писал об этом эпизоде еще более прочувствованно:

«Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: “Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?” Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он мне показал свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью». Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею»¹⁸.

Особо личный эпизод, связанный с разговором двух лидеров о дочерях, отражен также в воспоминаниях переводчика В.Н. Павлова: «Каким-то образом разговор начался с рассказа о дочерях. Черчилль сказал о своей дочери Саре, что у нее рыжие волосы. Сталин заметил, что и его дочь Светлана тоже рыжая и велел позвать ее. Он представил Светлану Черчиллю, который подарил ей маленький сувенир. После этого Сталин велел дочери уйти»¹⁹.

По воспоминаниям Черчилля, Сталин во время этой встречи был расположен к шуткам. В частности, как писал премьер министр, Сталин сказал:

«“Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить”. Тогда я понял, что предстоит обед...

Скоро прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс (*по выражению Черчилля, его “новый и превосходный переводчик”*. — И.Б.) жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 ч 30 мин до 2 ч 30 мин следующего утра, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне...*

“Г-н Сталин спрашивает, — сказал Павлов несколько нерешительно, — разве у английского флота нет чувства гордости?”. Я ответил: “Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне”. — “Это означает — вмешался Сталин, — что я ничего не знаю”. “Россия сухопутный зверь, — сказал я, — англичане морские звери”. Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение. Я перевел разговор на Молотова: “Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной”.

Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: “Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры”.

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась²⁰.

Подводя итоги этой знаменательной личной встречи, в отчете военному кабинету и президенту Рузвельту, Черчилль удовлетворенно отмечал: «Преобладала атмосфера особой доброжелательности, и мы впервые установили непринужденные и дружелюбные отношения. Мне кажется, я установил личные взаимоотношения, которые будут полезны»²¹.

Более того, после возвращения на родину премьер-министр выступил 8 сентября в палате общин с речью, в которой давал самые хвалебные оценки И.В. Сталину. Он, в частности сказал: «Для меня имела исключительное значение встреча со Сталиным. Главная цель моего визита состояла в том, чтобы установить такие отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом. Я думаю, что, несмотря на языковой барьер, который создает многие препятствия, мне в значительной степени это удалось... Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить»²².

Во время второго визита Черчилля в Москву в октябре личные взаимоотношения, казалось, еще улучшились, Сталин вел себя дру-

---

* Имелся в виду конвой «PQ-17». В июле 1942 г. в результате совместных действий германских сил авиации и флота было потоплено 23 судна из 34. — *И.Б.*

желюбно и щедро, предоставив премьеру на выбор два отдельных дома, из которых тот выбрал загородный. Черчилль писал Клементине 13 октября о Сталине в прочувствованно личностном контексте: «Дела идут хорошо... У меня были очень приятные переговоры со “Старым медведем”. Чем больше я его вижу, тем больше он мне нравится. *Теперь* они нас здесь уважают, и я уверен, что они хотят работать с нами».

Через три дня он писал с еще большим энтузиазмом письмо королю Георгу VI (в третьем лице): «Погода здесь в Москве блестящая, но бодрящая, и политическая атмосфера крайне сердечная... Премьер-министр и мистер Иден в различных беседах с маршалом Сталиным и м-ром Молотовым могли иметь дело с самыми деликатными проблемами в откровенной, искренней манере без малейшего намека на причинение какой-либо обиды. Премьер-министр посетил специальное балетное представление, которое было очень хорошим, и удостоился длительной овации от огромной аудитории... Во время или после очень продолжительных празднеств, и очень многочисленных сердечных тостов, стало возможным обсуждать множество мрачных дел в легкой манере. Вечера были очень поздними, длились вплоть до трех или четырех часов; но Премьер-министр тоже задерживается допоздна, и много работы делается, начиная с полудня...»²³.

В дальнейших своих взаимоотношениях Черчилль и Сталин обнаружили, что имели много общего, и не только в желании совместно бороться против Гитлера, но и в весьма циничном и безапелляционном — можно сказать «имперском» — отношении к побежденным народам, желании разделить Европу на сферы влияния. В качестве примера можно привести рассуждения двух лидеров «Большой тройки» по поводу ставшего недавно известным «процентного соглашения».

В беседе со Сталиным во время очередного визита в Москву, 9 октября 1944 г. Черчилль заявил, что «он подготовил одну таблицу. Мысль, которая выражена в этой таблице, может, лучше было бы изложить дипломатическим языком, так как, например, американцы, в том числе Президент, были бы шокированы разделом Европы на сферы влияния».

При этом Сталин сразу поднял вопрос о Рузвельте, который, по его словам, в своем последнем послании заявил о своем желании, «чтобы беседы между Черчиллем и им, тов. Сталиным, происходили при участии посла Гарримана в качестве наблюдателя. Во-вторых, Президент просит о том, чтобы принятые в беседе решения носили предварительный характер». В связи с этим советский лидер поинтересовался, как Черчилль относился к этим пожеланиям Рузвельта. Британский премьер-министр ответил, что «он сообщил Рузвельту, что он приветствовал бы присутствие Гарримана на ряде бесед с

Маршалом Сталиным. Но Черчилль хотел бы, чтобы это не мешало беседам интимного характера между Черчиллем и Сталиным или между Молотовым и Иденом».

Сталин добавил, что последнее послание президента США «ему не понравилось, так как Президент требует слишком много прав для себя и слишком много прав оставляет для Англии и Советского Союза». В заключение он выразил мнение, что Гарриман мог присутствовать «на официальной встрече, не интимного характера», но что они с Черчиллем сами решат, когда им приглашать Гарримана».

Обсуждение предложений Черчилля носило откровенно циничный характер, как и отношение в данном вопросе к третьему члену «Большой тройки» — США. При этом Черчилль не скупился на личные характеристики, сдобренные «черным юмором», и оба собеседника — на пренебрежительные оценки балканских народов. Приведем некоторые выдержки из текста беседы 9 октября:

«Черчилль заявляет, что он подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане. Американцы будут поражены эти документом. Но Маршал Сталин — реалист, он, Черчилль, тоже не отличается сентиментальностью, а Иден — это совсем испорченный человек. Он, Черчилль, не показал этого документа Британскому Кабинету, но Британский Кабинет обыкновенно соглашается с тем, что он, Черчилль, и Иден предлагают..»

Тов. Сталин говорит, что 25%, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы. Он, тов. Сталин, считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90%, а 10% для Англии.

Черчилль заявляет, что англичан болгары сильно оскорбили. В прошлой войне они очень плохо вели себя по отношению к англичанам, напад на Румынию. В нынешней войне болгары были очень жестокими по отношению к югославам и грекам. Он, Черчилль, не может допустить, чтобы после всего этого болгары сидели с союзниками за одним столом.

Тов. Сталин заявляет, что Болгарию, конечно, нужно наказать.

Иден заявляет, что в Румынии англичане являются зрителями, но в Болгарии они хотели бы быть немного больше, чем зрителями»²⁴.

На следующий день, 10 октября, состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств СССР и Великобритании Молотова и Идена, где были в деталях обсуждены основные цифры, предложенные Черчиллем, и договоренность была в целом достигнута.

При этом необходимо отметить, что оба лидера охотно согласились держать их договоренность в секрете от президента Рузвельта,

что можно расценить как своего рода уклонение от союзнических обязательств. В сообщениях Сталина и Черчилля Рузвельту, о «процентном соглашении» конкретно ничего не говорилось, лишь туманно сообщалось о желании лидеров СССР и Англии «достичь общей точки зрения относительно Балкан», «договориться о согласованной политике по отношению к балканским странам»²⁵.

Что касается личных отношений между Сталиным и Черчиллем, то, по мнению ряда историков, в годы войны, несмотря на ряд конфликтов, они оставались весьма доверительными. Черчилль в личных беседах неоднократно заявлял, что «Сталин его никогда не обманывал», они имели много неформальных встреч и застолий²⁶, советское руководство хорошо знало о пристрастии британского премьера к хорошему коньяку и пользовалось этим.

Установление личного контакта между Сталиным и Рузвельтом оказалось более затруднительным из-за «больших расстояний» между странами и состояния здоровья лидеров. Первый контакт был установлен сначала также посредством переписки. В личном послании Рузвельта Сталину, переданном в виде памятной записки через американского посла Штейнгарда Вышинскому от 2 ноября, где президент сообщал о согласии начать поставки вооружений и товаров в СССР на основе принципов ленд-лиза, было довольно официально указано, что «Президент выражает надежду, что г-н Сталин не замедлит войти в контакт непосредственно с ним, если этого потребуют обстоятельства». Ответ Сталина от 4 ноября был более эмоциональным: «Что касается выраженного Вами, г-н Президент, пожелания, чтобы между Вами и мною был бы незамедлительно установлен личный непосредственный контакт, если этого потребуют обстоятельства, то я с удовольствием присоединяюсь к этому Вашему пожеланию и готов со своей стороны сделать все возможное для осуществления этого»²⁷.

На протяжении более чем двух лет войны Сталин и Рузвельт неоднократно поднимали вопрос о необходимости их личной встречи, причем инициатором чаще оказывался президент США. В личном письме Сталину от 12 апреля 1942 г. Рузвельт писал об этом так: «К несчастью, географическое расстояние делает нашу встречу практически невозможной в настоящее время. Такая встреча, дающая возможность личной беседы, была бы чрезвычайно полезна для ведения войны против гитлеризма. Возможно, что, если дела пойдут так хорошо, как мы надеемся, мы с Вами сможем провести несколько дней вместе будущим летом близ нашей общей границы возле Аляски».

К этому вопросу, как мы увидим, постоянно возвращались дипломатические представители США и Великобритании в ходе контактов с советским руководством, и сами лидеры «Большой тройки»

в своей переписке, но состоялась встреча трех лидеров «Большой тройки» только в конце ноября 1943 г. в Тегеране.

Особенностью контактов между союзниками на высшем дипломатическом уровне явилось обсуждение и решение многих вопросов на приемах и во время знаменитых сталинских «застольев». Вопросы гастрономии имели не последнее значение в личных взаимоотношениях лидеров. Один из наиболее ярких эпизодов, связанных с ролью еды и питья в дипломатических дискуссиях, произошел во время Тегеранской конференции лидеров «Большой тройки», проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Если Черчилль был хорошо известен своим пристрастием к хорошему коньяку, который был специально доставлен к обеду в советском посольстве 29 октября 1943 г., по указанию Сталина, то Президент США Рузвельт выразил восхищение русской едой, в частности, лососиной. К слову сказать, первый личный контакт между Сталиным и Рузвельтом состоялся именно на Тегеранской конференции.

Специфика неформального общения между представителями союзников во время застолий заключалась в особом механизме беседы во время «банкета в русском стиле» и была зафиксирована в мемуарах сына Президента США Э. Рузвельта, который также оказался на вышеупомянутом обеде. Он, в частности, писал: «ни один разговор не обходился без бокала, иначе это противоречило бы самому значению слова “разговор”: ведь мы разговаривали только тостами. Такой вид беседы может показаться несколько громоздким, но если у вас достаточно крепкая голова, это даже очень весело. Так, если вы хотите сказать что-нибудь даже на такую скучную тему, как погода, вы заявляете:

— Я хочу предложить тост за прекрасную погоду! — Затем вы встаете, чтобы выпить, и все остальные тоже поднимаются и пьют. Целая система. Тост может быть даже политическим.

— Я хочу предложить тост, — воскликнул один из русских, — за наши будущие поставки по ленд-лизу, которые, я уверен, начнут пребывать вовремя, не запаздывая, как сейчас! — Все встали, осушили бокалы и снова уселись»²⁸.

Эпизод с лососиной был красочно описан в воспоминаниях переводчика И.В. Сталина В.М. Бережкова. По его словам, лидеры СССР и США активно обсуждали во время обеда 29 октября гастрономические темы. В связи с этим, «напомнив Президенту Рузвельту о том, что ему особенно понравилась лососина, Сталин сказал:

— Я распорядился, чтобы сюда доставили одну рыбку, и хочу вам ее теперь презентовать, господин президент.

— Это чудесно, — воскликнул Рузвельт, — очень тронут вашим вниманием. Мне даже неловко, что, похвалив лососину, я невольно причинил вам беспокойство...

— Никакого беспокойства, — возразил Сталин, — напротив, мне было приятно сделать это для вас.

Обращаясь ко мне, он сказал:

— Пойдите в соседнюю комнату, скажите, пусть принесут сюда рыбу, которую сегодня доставили самолетом».

Бережков выполнил указание вождя, беседа с Рузвельтом продолжалась, через некоторое время «в комнату вошел офицер охраны и спросил, можно ли внести посылку. Получив согласие, он исчез за дверью, а Сталин сказал:

— Сейчас принесут рыбку.

Все повернулись в сторону двери, из которой через несколько мгновений появились четыре рослых парня в военной форме. Они несли рыбину метра два длиной и полметра в диаметре. Процессию замыкали два повара-филиппинца и работник американской службы безопасности. Чудо-рыбину поднесли поближе к Рузвельту, и он несколько минут любовался ею. Тем временем американский детектив попросил меня узнать у его советских коллег, какой обработке подверглась рыба, в каких условиях и как долго можно ее хранить, не подвергая риску здоровье президента. Записав все в блокнот, детектив удалился. За ним последовала и вся процессия с лососем, хвост которого, покачиваясь в такт шагам, как бы махнул нам на прощанье».

По некоторым сведениям, лосось был доставлен из Баку, и Сталин лично объяснил сотрудникам своей охраны, «как разделать, как засолить и во что завернуть рыбу, чтобы затем транспортировать ее в Соединенные Штаты»²⁹.

Разумеется, подобный стиль общения во время банкетов приводил к тому, что большинство участников находились в состоянии алкогольного опьянения различной степени, пребывая по этой причине в повышенно возбужденном состоянии. Случались и инциденты на почве обильных возлияний. К примеру, во время праздничных торжеств по случаю годовщины Октябрьской революции в ноябре 1943 г., Молотов устроил большой прием для дипкорпуса в особняке НКВД на Спиридоновке. Ситуация на приеме была описана в книге В.О. Печатнова. Как писала дочь американского посла К. Гарриман, на приеме все советские дипломаты появились в новой парадной форме. «Остальные гости на этом фоне чувствовали себя замарашками, и только британский посол сэр Арчибальд Керр смог составить конкуренцию русским в своем вечернем костюме с рыцарским орденом на красно-голубой ленте через всю грудь.

Впрочем, в обстановке союзного братания сэр Арчибальд недолго сохранял величавый вид: тамада Молотов хорошо знал свое дело и, как продолжила в своем письме Кэтлин, «около полуночи бри-

танский посол, с трудом поднявшись на очередной тост, хотел было опереться на стол, промахнулся и упал навзничь к ногам Молотова, стянув на себя скатерть с множеством блюд и бокалов». «Уходим отсюда подобру-поздорову», — шепнула Кэтлин отцу; и «после еще одного тоста в честь Сталина, Черчилля и президента мы с Авереллом взяли себя в руки и торжественно промаршировали через весь зал и парадную лестницу к нашей машине. Это была еще та вечеринка, и я радуюсь тому, что седьмое ноября бывает только раз в году»³⁰.

Личные вопросы, в частности состояние здоровья самих участников дипломатических приемов и других их общих знакомых, постоянно затрагивались в этих беседах, что объяснялось не только соображениями этикета, но и чисто человеческим любопытством, сочувствием и другими эмоциями.

К примеру, во время встречи И.В. Сталина с британским послом А. Керром и послом США А. Гарриманом 23 сентября 1944 г. Гарриман заявил о том, что «Президент (Ф. Рузвельт. — *И.Б.*) просил генерала Хэрли переговорить также с Маршалом Сталиным о том, что Маршал Сталин думает по поводу возможности встречи с Президентом и Черчиллем в какое-нибудь время в ноябре, т.к. это время года исключает встречу на Аляске, Президент предлагает район Средиземного моря.

Т. Сталин отвечает, что встреча желательна, но дело в том, что за последнее время он, т. Сталин, стал все чаще и чаще болеть. Недавно, вернувшись из поездки на фронт, он заболел. Раньше у него, т. Сталина, грипп продолжался один-два дня, а теперь он длится полторы-две недели. Возраст сказывается.

Гарриман заявляет, что он об этом очень сожалеет, и он уверен, что Президент также будет об этом сожалеть...

Гарриман говорит, что, может быть, все-таки климат Средиземного моря будет полезным для Маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что вообще ему трудно переносить большие поездки. Например, когда он, т. Сталин, летел на высоте 4 тыс. метров из Ирана, у него в течение двух недель болели уши.

Т. Молотов говорит, что т. Сталину нужно беречь свое здоровье. Таково мнение всех коллег т. Сталина.

Т. Сталин говорит, что его вполне может заменить Молотов, который является его первым заместителем»³¹.

Во время встречи Сталина с Гарриманом 14 декабря 1944 г., снова поднимались вопросы здоровья лидеров «Большой тройки». Не увидев обычно присутствовавшего на таких встречах В.М. Молотова, американский посол осведомился, «не болен ли Молотов». Сталин ответил, что «Молотов болен, что у него будет операция». При обсуждении вопроса о личной встрече Сталина с Рузвельтом вскоре

после введения последнего на должность Президента США на новый срок (20 января 1945 г.), советский лидер предложил встретиться где-то на Черном море, предложив Крым, Новороссийск и другие «благоустроенные места». Гарриман сказал, что Президенту будет трудно прибыть на Черное море, предлагал Средиземное море. Сталин ответил, что он «должен будет посоветоваться с врачами»³².

Обсуждению личных проблем, обмена подарками обычно отводилась заключительная часть беседы (при этом не исключено, что эти вопросы затрагивались и в ходе бесед, что не всегда фиксировалось официальными протоколами). В качестве характерного примера можно привести выдержки из записи беседы И.В. Сталина с американским послом У. Стэндли и английским поверенным в делах Баггалеем, 26 января 1943 г.

«Сталин спрашивает, как выглядит президент и как его здоровье.

Стэндли отвечает, что он виделся с президентом и на нем не видно следов напряжения.

Т. Сталин спрашивает, как здоровье Гопкинса*. Полгода назад его считали обреченным.

Стэндли отвечает, что он виделся с Гопкинсом, беседовал с ним. Гопкинс выглядит хорошо. Он недавно женился. Он, Стэндли, видел также Гарримана. Как Гопкинс, так и Гарриман шлют И.В. Сталину свой привет.

Т. Сталин благодарит.

[В заключение беседы] Стэндли говорит, что он хотел бы передать т. Сталину в качестве подарка от американских друзей зажигалку, сделанную в одной из авиационных мастерских в Эритрее из алюминия, который идет на изготовление пропеллеров.

Т. Сталин принимает зажигалку и благодарит Стэндли.

Затем Стэндли говорит, что от американских друзей И.В. Сталина в США он привез в подарок И.В. Сталину табак. Он пошлет этот табак И.В. Сталину через В.М. Молотова.

Т. Сталин спрашивает, действительно ли у него, И.В. Сталина, так много друзей в Америке.

Стэндли отвечает, что И.В. Сталин имеет в Америке много почитателей»³³.

Знаком уважения со стороны советского вождя к «сединам» Стэндли — довольно пожилого человека — явилось особое разрешение на прилет из США в Москву самолета Стэндли (как сообщил американский посол Молотову, это была гражданская двухмоторная

---

* Гарри Ллойд Гопкинс (Hopkins) (1890—1946) — личный представитель Президента США, 30—31 июня 1941 г. вел в Москве переговоры со Сталиным и Молотовым об американских поставках СССР. — *И.Б.*

машина типа «Дуглас») — первого самолета, который прилетел через Аляску в Москву по авиатрассе «Аляска — Сибирь», под управлением американских летчиков (это случилось в июле 1943 г.). В беседе с Молотовым 23 июля Стэндли поблагодарил советские власти за содействие, оказанное новому советнику посольства США Гамильтону, который прилетел в Москву на самолете посла. Стэндли сообщил, что он «уже был на аэродроме и осматривал свой самолет, который ему очень понравился. Самолет прекрасно оборудован и имеет все удобства. Если бы Молотов когда-либо захотел совершить небольшую прогулку, он Стэндли, был бы очень рад предоставить ему свой самолет. Во всяком случае, Стэндли хотел бы, чтобы Молотов, когда найдет время, осмотрел его самолет. Молотов отвечает, что он с удовольствием осмотрит самолет Стэндли, когда будет иметь время».

Попутно состоялся краткий обмен личными вопросами. Так, Молотов спросил Стэндли, «окончательно ли уже поправился посол и не слишком ли рано он принялся за работу». Стэндли ответил, что «сейчас он чувствует себя превосходно, но что, поскольку ему приходится часто бывать на разных завтраках, обедах и т.д., он опасается, как бы он снова не объелся»³⁴ (из чего можно заключить, что предшествующее недомогание посла было связано именно с проблемами питания).

Дипломатические представители США и Великобритании наиболее тесно и непосредственно общались с В.М. Молотовым, А.Я. Вышинским, В.Н. Павловым (переводчиком, представителем Наркомата иностранных дел СССР). Личные отношения сложились у них и с И.В. Сталиным: регулярно шел обмен подарками, послы хорошо знали привычки советского вождя. К примеру, в конце беседы со Сталиным 5 ноября 1942 г. Керр обратился к Сталину с просьбой, которая, по выражению англичанина, «его удивит. Керр просит дать ему в руки на несколько минут трубку И.В. Сталина. Он, Керр, хотел бы начертить контур этой трубки с тем, чтобы заказать для И.В. Сталина трубку в Лондоне у своего очень хорошего мастера.

Т. Сталин благодарит Керра и передает ему для этой цели свою трубку»³⁵.

Во время беседы со Сталиным 28 февраля 1944 г. Керр заявил, что «он пришел сегодня с двумя подарками: один из них от г-на Черчилля — диапозитивы, показывающие разрушения, произведенные английской авиацией в Германии; второй от г-жи Черчилль — карикатура известного английского карикатуриста Лоу.

Т. Сталин, принимая подарки, благодарит Керра, он говорит, что карикатура весьма выразительна»³⁶.

Одним из любимых предметов, которые дарили американцы, были кинофильмы (в частности, во время встречи со Сталиным

23 апреля 1942 г. посол США У. Стэндли предложил прислать Сталину экземпляр кинокартины «Диктатор»³⁷ с участием Ч. Чаплина, сотрудник американского посольства Янг привозил в СССР ряд фильмов американского производства, прежде всего для «развлечения» самих представителей США, подолгу оторванных от родины и жаждавших посмотреть что-либо на английском языке).

Обмен кинокартинами, особенно документальными фильмами о битвах и сражениях, был традиционным для вождей «Большой тройки». Например, в послании от 28 марта 1943 г. Черчилль писал Сталину: «Вчера вечером я видел фильм “Сталинград”. Он прямо-таки грандиозен и производит самое волнующее впечатление на наш народ»³⁸. В ответном послании от 29 марта Сталин писал Черчиллю: «Вчера я смотрел вместе с коллегами присланный Вами фильм “Победа в пустыне”, который производит очень большое впечатление. Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бои, и метко разоблачает тех подлецов — они имеются и в нашей стране, — которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны. Буду с нетерпением ждать такого же Вашего фильма о победе в Тунисе.

Фильм “Победа в пустыне” будет широко распространен по всем нашим армиям на фронте и среди широких масс населения»³⁹.

Во время беседы со Сталиным 4 октября 1944 г. новый посол А. Гарриман преподнес советскому лидеру в подарок «бюст Рузвельта, поясняя, что это работа известного американского скульптора Дж. Дэйвидсона, который в 20-х годах был в Советском Союзе вместе с Лафоллетом»⁴⁰. Во время встречи со Сталиным 9 октября 1944 г. У. Черчилль преподнес советскому вождю свой портрет с надписью⁴¹.

Советский лидер также преподносил подарки лидерам «Большой тройки» при личных контактах. К примеру, во время визита Черчилля в Москву после официального обеда 14 августа 1942 г., «Сталин предложил Черчиллю посмотреть кинокартину “Разгром немцев под Москвой”. Черчилль ответил, что он хотел бы видеть этот фильм, но сегодня уже поздно. Т. Сталин сказал, что в этом случае мы сможем подарить Черчиллю фильм “Разгром немцев под Москвой”. Черчилль поблагодарил и добавил, что он посмотрит картину у себя в Черкесе». В примечании к записи приема говорилось, что кинофильм «Разгром немцев под Москвой» был погружен «в один из самолетов группы Черчилля в день отлета 16 августа 1942 г.»⁴².

Обмен подарками стал регулярным, практически ритуальным действием. К числу обсуждаемых вопросов относились традиционные темы, такие как погода, еда и т.д. Вопросы погоды часто увязывались с обсуждением военных действий. В беседе со Сталиным 2 февраля 1944 г. посол США Гарриман поздравил вождя СССР «с блестящей

победой под Ленинградом, которая была достигнута, несмотря на неблагоприятную погоду». Сталин ответил, что «погода действительно плохая. Эту зиму у нас называют “немецкой” зимой, а не русской»⁴³.

Из дневника И.М. Майского следовало, что в беседе 7 августа 1943 г. А. Керр выразил восхищение последними победами Красной Армии (речь шла, безусловно, о битве на Курской дуге). Британский посол патетически воскликнул: «Они окончательно опрокинули легенду о том, что зима ваша, а лето немецкое. Керр говорит, что такое убеждение до самого последнего времени существовало не только у немцев, но также у большинства английских военных экспертов. СССР еще раз подарил мир сюрпризом; Красная Армия умеет наступать не только зимой, но и летом, тем скорее можно рассчитывать на окончание войны»⁴⁴.

При этом беседы советского вождя и английского посла выделялись из общего ряда официальных встреч, и носили чем дальше, тем более «неформальный характер» (см. эпиграф к настоящей статье).

Уже при первой встрече Сталина с Керром разговор развивался в довольно непринужденной манере. Приведем некоторые выдержки из нее.

Керр заявил, что он «не хочет утомлять т. Сталина пожеланиями, но он хотел бы передать т. Сталину неофициально послание от третьего мира — от своего друга Чан Кайши.

Т. Сталин замечает, что его не так легко утомить.

Керр говорит, что Чан Кайши просил его при встрече со Сталиным передать ему чувства восхищения и пожелания успехов.

Т. Сталин выражает благодарность.

Керр говорит, что он замечает большую разницу между Чан Кайши и Сталиным. Разница состоит в том, что т. Сталин курит трубку, а Чан Кайши нет.

Т. Сталин отвечает, что, кажется, Чан Кайши не курит, но пьет здорово.

Керр отвечает, что Чан Кайши в последнее время не пьет. Затем Керр рассказывает, что в детстве мать говорила ему, что трубку курят все добрые люди. Он, Керр, тоже любит курить трубку не потому, что помнит о словах матери, а потому, что ему это нравится.

Т. Сталин замечает, что в Англии любят курить трубку. Керр отвечает, что это правильно и замечает, что в последнее время приходится испытывать трудности с табаком.

Т. Сталин говорит, что мы доставим Керру табак».

Чуть позже Керр заявил, что «беседа с Молотовым его очень ободрила. Он полагает, что может способствовать улучшению отношений, и обещает стремиться к этому всем своим сердцем, чего обычно в политике не бывает...

Т. Сталин отвечает, что в политике также невозможно работать без сердца»⁴⁵.

В заключительной беседе И.В. Сталина с послом Великобритании А. Керром, 25 января 1946 г., они трогательно вспоминали об их первой встрече:

Англичанин «заявил, что видится с Генералиссимусом Сталиным в последний раз, что он, Керр, хотел бы, чтобы Генералиссимус Сталин побывал как-нибудь в Лондоне.

Керр говорит, что он покидает Москву с печалью в душе. Не хватает всего лишь нескольких недель до четырех лет, в течение которых он пробыл в Москве. Он, Керр, очень хорошо помнит свою первую встречу с Генералиссимусом Сталиным в бомбоубежище Кремля. Он, Керр, был очень благодарен немцам за то, что они устроили тогда налет на Москву потому, что благодаря этому он, Керр, имел возможность беседовать с Генералиссимусом Сталиным в течение 2 ½ часов.

Т. Сталин говорит, что Керр не хотел идти в бомбоубежище и что он, т. Сталин, уговорил его сделать это.

Керр говорит, что он это очень хорошо помнит. Он также помнит, что когда Молотов и он пришли в бомбоубежище, Генералиссимус Сталин уже был там. Как это случилось, для него, Керра, всегда оставалось тайной. Может быть теперь, когда он, Керр, уезжает, Генералиссимус Сталин откроет ему эту тайну.

Т. Сталин отвечает, что он этого сейчас не помнит, но возможно, что он просто пришел в бомбоубежище на две минуты раньше»⁴⁶.

Речь английского посла в его беседах со Сталиным и Молотова изобиловала всплесками английского юмора, даже при обсуждении неприятных, острых вопросов в отношениях союзников. Скажем, в беседе со Сталиным 2 февраля 1944 г., где в очередной раз обсуждался вопрос о польском эмигрантском правительстве в Лондоне, с которым, как выразился Сталин, «нельзя достичь соглашения без изменения в составе правительства», Керр высказался следующим образом: «Он, Керр, полагает, что поляки согласятся на линию Керзона. Он, Керр, провел свое детство в деревне, и будучи мальчиком, занимался ловлей кроликов. Кролики, будучи пойманными, всегда отбивались, несмотря на то, что знали, что попадут в мешок. То же самое можно сказать о теперешнем польском правительстве. Оно знает, что будет в мешке, но тем не менее оно отбивается»⁴⁷.

Своего рода оттенок «черного юмора» сквозил в следующем диалоге между Сталиным и Керром в ходе их беседы 7 мая 1943 г.

С разрешения Сталина, посол завел речь о том, «чтобы Советское Правительство разрешило полякам выехать из СССР. Черчилль поручил ему, Керру, в том случае, если он застанет т. Сталина в добром расположении духа, предложить заключить с ним, Черчиллем,

джентльменское соглашение. Черчилль уверен, что британские, американские и французские войска скоро займут Тунис.

Т. Сталин замечает, что это хорошо.

Керр говорит, что Черчилль надеется при этом захватить в плен большое количество итальянцев и немцев. Черчилль хотел бы обменять одного боеспособного поляка, находящегося в СССР, на одного немца и одну польскую женщину с ребенком — на одного итальянца. Черчилль хотел бы знать, приемлемо ли это предложение Советскому Правительству.

Т. Сталин говорит: «Как бы не прогадать. Иная женщина лучше итальянца». Дело в том, что этого обмена не требуется, т.к. мы не препятствуем выезду польских граждан из СССР»⁴⁸.

Столь же непринужденно проходили и беседы Керра с дипломатическим руководством СССР. В беседе с Молотовым от 4 июля 1942 г., когда шел напряженный разговор о трудностях в открытии второго фронта в Европе, Керр сравнил «Англию с цыплятами, а Советский Союз — с опытной насадкой, умело пересекающей дорогу с сильным автомобильным движением».

В ответ Молотов сказал, что «это не совсем подходящее сравнение, т.к. среди нас нет цыплят, все являются взрослыми».

Керр возразил, что «он мог бы это доказать на примере Ливии, где немцы бьют англичан». Молотов сказал, что «наших людей тоже нередко бьют». Керр заявил, что «советские люди лучше пересекают дорогу, чем английские цыплята». Молотов подвел «дипломатическое» резюме: «мы учимся друг у друга»⁴⁹.

После возвращения Молотова в Москву из поездки в США и Великобританию, в беседе 17 июня 1942 г. Керр иронически поздравил Молотова с тем, что тот вернулся из США «без американского акцента»⁵⁰. В беседе 29 июня 1942 г., где, в частности шла речь о предоставлении виз, Керр, упомянув сотрудника британского внешнеполитического ведомства Денлона, который занимался выдачей виз, пошутил, что Молотов «может и не верить ему, Керру, так как мало его еще знает, но он может верить Денлону. Денлон имеет перед ним, Керром, преимущество в том, что он выглядит честным человеком, а он, Керр, не выглядит честным человеком, но на самом деле является честным человеком».

Молотов ответил, что «Керр хочет, чтобы он, т. Молотов, говорил ему комплименты. Но, как мог заметить Керр, он, т. Молотов, вообще редко говорит комплименты. Мы, говорит т. Молотов, должны еще ближе познакомиться друг с другом, но он должен сказать Керру, что у него остались самые лучшие впечатления о совместной работе с ним за этот период»⁵¹.

Во время беседы 2 сентября 1942 г. Керр заявил, что «он хотел бы выразить тов. Молотову благодарность в связи с организацией

прямой авиалинии между СССР и Великобританией. В настоящее время все уже устроено и остается только, чтобы прилетел первый самолет из СССР в Англию или из Англии в СССР». В своей обычной манере Керр сказал, что он «будет в своем уме называть эту авиалинию авиалинией Молотова», на что советский нарком ответил, что «он воспользовался этой линией до ее создания, а потом принял участие в ее организации только в порядке бюрократического подталкивания людей»⁵².

Довольно непринужденными в выражениях были также беседы Молотова с послом США У. Стэндли. Так, во время встречи 2 августа 1943 г. Стэндли выразил наигранное удивление тем, что «т. Молотов принимает его сегодня вечером, т.к. некоторые газеты распространяют слух о том, что Молотов отправился в Берлин заключать мир с немцами». На это Наркоминдел СССР не без сарказма ответил, что «он надеется поехать в Берлин вместе со Стэндли. Он, т. Молотов, уже ездил в Берлин, но, как известно, из этого ничего не получилось». Теперь он считает, «что будет веселее отправиться в Берлин всем вместе»⁵³.

Во время приема у Молотова 26 июня 1943 г. Стэндли заявил, что он, «пользуясь выражением Керра, хотел бы сказать, что сегодня он пришел к т. Молотову с одной весьма костлявой рыбой»⁵⁴ (речь шла о «дискриминации» американского военного атташе генерала Микелы, которому советские власти не разрешали поездку на фронт).

Во время подготовки первого визита У. Черчилля в Москву, состоялась беседа Керра с Вышинским от 1 августа 1942 г., где обсуждались детали размещения премьер-министра и соблюдения секретности. В заключение беседы Керр, как писал Вышинский в своих записях, поинтересовался, «не приеду ли я в Москву, чтобы познакомиться с гостем. Хотел бы, чтобы гость увидел, с каким тяжелым человеком ему, Керру, приходится работать. Я также шуткой ответил, что он сам гораздо более опасный человек. Быть в Москве я едва ли смогу, хотя был бы очень этому рад. Я сослался, конечно, на свои обязанности по НКВД и по дипломатическому корпусу.

— А Вы пошлите корпус к черту! — воскликнул Керр.

— Это не по протоколу, — ответил я»⁵⁵.

Вопрос о «подарках» подробно обсуждался в шутливой непринужденной манере в заключительных беседах Керра со Сталиным и Молотовым перед отъездом посла.

В беседе от 25 января 1946 г. личным вопросам было уделено особенно много внимания. Советский лидер поздравил Керра с полученным им незадолго до этого титулом лорда.

В ответ на это Керр со свойственным ему юмором отметил, что «во время одного из приемов, — это было уже в 4 часа утра, — Генералиссимус Сталин обещал дать ему, Керру, звание князя и княжество на Кавказе. При этом Генералиссимус Сталин заметил, что к лицу Керра очень пойдет корона. Черчилль помнит об этом и как-то спрашивал его, Керра, не получил ли он уже княжество. Он, Керр, однако не рассматривает это как обязательство со стороны Генералиссимуса, но есть одна вещь, которую он хотел бы получить в подарок перед своим отъездом. Он уже говорил об этом Молотову. Речь идет о выезде из Советского Союза четыре жен британских подданных...

Т. Сталин говорит, что некоторые из жен британских подданных, уехавшие из Советского Союза, снова вернулись в Советский Союз.

Т. Молотов замечает, что из этих жен в Советский Союз вернулась одна, а другая не может найти в Лондоне своего мужа, который ее бросил.

Керр говорит, что мужья иногда убегают от своих жен, и это случается даже в высокопоставленном обществе. Он, Керр, был бы очень благодарен, если бы был разрешен выезд четырем женам, мужья которых постоянно надоедают ему своими письмами.

Т. Сталин отвечает, что это можно устроить»⁵⁶.

Этот диалог свидетельствовал о сложившихся неформальных человеческих отношениях между Сталиным и Керром, которые весьма живо обсуждали житейские проблемы, окрашенные, впрочем, в идеологические тона (Сталин и Молотов подчеркивали факты возвращения советских гражданок, не нашедших счастья в Великобритании, обратно в СССР).

В заключение беседы Сталин спросил Керра, что он хотел бы получить в подарок на память. Далее состоялся обмен репликами, который можно расценить как выражение взаимной привязанности между собеседниками:

«Керр говорит, что он хотел бы получить от Генералиссимуса Сталина фотографию с надписью красным карандашом.

Т. Сталин говорит, что он сделает надпись чернилами.

Керр говорит, что он очень просит Генералиссимуса Сталина сделать надпись красным карандашом, т.к. он очень привык его всегда видеть с красным карандашом в руках.

Т. Сталин спрашивает, не хочет ли Керр получить какое-либо вино в дорогу и если да, то какое именно.

Керр отвечает, что он был бы очень благодарен за это и говорит, что он как серьезный человек предпочитает коньяк.

Керр просит Молотова подарить ему фотографию.

Молотов обещает это сделать.

Прощаясь, т. Сталин говорит, что Керр и он может быть еще когда-нибудь встретятся.

Керр отвечает, что он разделяет эту надежду»⁵⁷.

Далее, согласно записи в дневнике В.Н. Павлова о посещении британского посла А. Керра 26 января 196 г. в 17 часов, «по поручению тов. В.М. Молотова» автор посетил А.К. Керра в британском посольстве и вручил ему портреты тов. И.В. Сталина и тов. В.М. Молотова.

На портрете И.В. Сталина сделана была надпись: «Другу Советского Союза лорду Керру. И. Сталин. 25.1.46 г.», а на портрете тов. В.М. Молотова: «Сэру А.К. Керру с наилучшими дружественными пожеланиями. В. Молотов. 16 января 1946 года»⁵⁸.

Из последующие личных писем Керра в адрес Сталина становится очевидной и судьба таких подарков советского вождя, как коньяк, шкура барса и другие. Письма эти, сохранившиеся в личном архиве Сталина в оригинале, на английском языке, написаны красивым поэтическим языком и носили сугубо персональный характер, возможно, поэтому и попали в личный архив вождя. Первое письмо, датированное 2 февраля 1946 г., пришло из Батавии. Приведем выдержку из него в авторском переводе, довольно близком к тексту, что дает возможность художественно проиллюстрировать наши рассуждения о личных взаимоотношениях между Сталиным и Керром.

«Мой дорогой Генералиссимус,

Они запустили меня, как ракету, в небо, и я прибыл сюда, чтобы отдохнуть, вчера, слава богу, не взорвавшись. Первый взгляд на мою работу говорит мне, что она будет такой же трудной, как вы предвидели, но я надеюсь, что если обе стороны проявят мудрость и добрую волю, то можно будет принять решение...

Вечером накануне моего отъезда из Москвы ко мне пришли подарки, которые вы мне столь любезно сделали. Икру я разделил с Лордом Маунтбаттенем в Сингапуре, потому что он мне нравится. Его глаза вспыхнули, и он разразился громкими похвалами в ваш адрес, и то же самое сделали все присутствовавшие генералы. Боже! Какой шум они подняли вокруг этой икры! Коньяк я оставил себе, чтобы выпить за ваше здоровье в Вашингтоне, куда, как я надеюсь, он уже направляется. Прекрасную шкуру барса я не могу, к счастью, «потребить». Она производит на меня огромное впечатление. Она и фотография (большое спасибо за красный карандаш!) надолго останутся для меня сувенирами на память о человеке, к которому я испытывал настоящее уважение и расположение...

За все эти вещи я хотел бы вас очень искренне поблагодарить, так как я действительно очень благодарен, и еще больше за те дружелюбие и внимание, которые вы неизменно демонстрировали в течение всех четырех лет моего пребывания в Москве. Память об этом всегда будет для меня чем-то очень чистым и драгоценным»⁵⁹.

Несомненно, отношения военных и дипломатических представителей союзников с советской стороной были далеки от идиллии.

Англичане и американцы, работавшие в СССР, находились под постоянным контролем со стороны органов безопасности и были практически лишены возможности вступать в контакты с «простыми» советскими людьми. Это обстоятельство явилось поводом для неоднократных жалоб дипломатов союзников. Обстановка изоляции негативно действовала на дипломатических работников. Во время их вынужденной эвакуации в Куйбышеве представителям дипкорпуса, в особенности союзников, были предоставлены условия наибольшего благоприятствования — выделено жилье, работали спецмагазины и т.д. Однако морально-психологический климат, вероятно, был далек от идеального. В связи с первым визитом Черчилля в СССР Керр был крайне озабочен соблюдением секретности этого визита и рекомендовал, чтобы премьер-министр проследовал из Тегерана без остановки. Он мотивировал это тем, что «если Черчилль сделает остановку в Куйбышеве, то об этом узнают все иностранцы в Куйбышеве, т.к. им нечего делать, кроме как болтать и слушать. Даже если об этом узнает один из коллег в Куйбышеве, то он будет крайне возбужден и не сможет удержаться, чтобы не проговориться»⁶⁰.

Британский посол неоднократно критиковал своих коллег. Во время беседы 29 июля 1942 г. он извинялся перед Молотовым за «ошибки» в выдаче англичанами виз «для лиц, неприемлемых Советскому Правительству». Он объяснил эти ошибки «языковой» проблемой: «Керр говорит, что ошибки происходили от того, что приходилось искать людей, которые говорят по-русски, и английские военные ведомства были иногда не разборчивы в этом отношении. Но этого не будет повторяться впредь...»⁶¹

В беседе с Майским 3 июля 1944 г. Керр выразил удовлетворение тем, что «атмосфера вокруг британского посольства в Москве значительно улучшилась». Он особенно высоко оценил то, что теперь у него появилась возможность «встречаться в своем посольстве и вне его с видными представителями советской общественности — писателями, журналистами, художниками, артистами». Как выразился Керр, «это делает мою жизнь здесь гораздо более интересной и красочной»⁶².

За длительное — в течение нескольких лет — пребывание в Москве — Керр стал знатоком культурной жизни столицы СССР. О настроениях посла говорилось в записи в дневнике И.М. Майского от 4 апреля 1945 г.:

«Этот разговор, собственно, начался вечером 3 апреля в Большом Театре, но закончен он был только 4-го, после завтрака у тов. Молотова и Жемчужиной в честь миссис Черчилль...

Разговор начался с того, что Керр, касаясь постановки [оперы] “Князь Игорь”, на которой мы присутствовали вместе с миссис Черчилль, обнаружил большое знакомство с характерами и качествами наших артистов. Я полушутя заметил:

— Ну, Вы стали совсем москвичом. Кстати, ведь, кажется, недавно исполнилось 3-летие с момента Вашего назначения послом в СССР?

— Да, — отвечал Керр, — я уже 3 года нахожусь в Москве.

И затем, помолчав немного, Керр неожиданно прибавил:

— Пора уходить...

Я удивленно посмотрел на Керра и спросил:

— Почему уходить? Я вот был послом в Англии целых 11 лет... А Вы у нас всего 3 года... Или Вам предельный возраст мешает?..

— Нет, — ответил Керр, — вопрос о предельном возрасте меня не беспокоит, и я просто сильно устал. И потом я перестал многое понимать, — может быть потому, что я устал⁶³.

Далее последовали длительные общие рассуждения британского посла о непредсказуемости и «скачкообразности» советско-английских отношений.

И в целом, несмотря на жалобы «дипломатического корпуса», радикальных изменений в положении представителей союзников в СССР в течение всей войны так и не произошло. Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы, в беседе со Сталиным 25 января 1946 г. Керр так описал положение иностранного посла в Москве:

«Если иностранному послу в Москве не везет в коллегах, то он будет чувствовать себя в Москве очень одиноким. От времени до времени стимулом для него служат визиты к Генералиссимусу Сталину и Молотову. Но в настоящее время иностранный посол в Москве вынужден общаться лишь со своими сотрудниками или своими коллегами, которых он, Керр, за исключением Гарримана*, считает очень нудными людьми. Поэтому в интересах хороших настроений среди послов... он просил бы Генералиссимуса Сталина расширить круг знакомых иностранных послов в Москве, включив в него писателей, врачей, ученых — представителей интеллигенции, с которыми всегда приятно бывает иметь общение.

Т. Сталин спрашивает Керра, что нужно для этого сделать. Может быть, основать клуб?

Керр отвечает, что в этом нет нужды. Ему приходилось встречаться с очень интересными людьми на приемах, устраиваемых Молотовым. Но оказывалось, что люди не хотели посещать посольство. Когда он, Керр, приглашал их к себе, они очень любезно отвечали согласием, но не приходили. Он, К., думает, что если можно было бы намекнуть как-либо, что с послами можно заводить дружбу, возможно советские люди стали бы приходиться в посольство и положение сразу бы резко изменилось.

---

* Уильям Аверелл Гарриман (Harriman) (1891—1986) — посол США в СССР. — *И.Б.*

Т. Сталин говорит, что, следовательно, по мнению Керра, советские люди боятся приходить в посольство.

Керр отвечает утвердительно.

Т. Сталин благодарит Керра за совет и говорит, что это можно будет сделать»⁶⁴.

Однако реально в этом отношении ситуация существенно не изменилась.

В 1941—1945 гг. в условиях войны с общим противником была впервые создана своеобразная модель неформальных отношений между СССР и странами Запада. Своего рода уникальным опытом личных отношений между высшими политическими руководителями можно считать отраженный в личной переписке, записях бесед и решениях совместных конференций «военный альянс» между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, который дал новый опыт решения военно-стратегических, оперативных и общеполитических проблем, сформировал своего рода «клуб» или личную унию трех лидеров, решавших в то время судьбы мира. Каждый из этих лидеров являлся выдающейся личностью, внесшей огромный вклад и историю своей страны. Насколько бы напряженными или даже враждебными ни были отношения между ними до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., они смогли хотя бы на время совместной борьбы против фашистской коалиции преодолеть разногласия. В ходе общения с дипломатами советские лидеры — И.В. Сталин, В.М. Молотов, которые казались в те годы совершенно «закрытыми» в личном плане, также предстают перед нами совершенно с необычной стороны, документы дают нам возможность — с помощью англо-американских послов, представителей политической элиты и бизнеса, а также журналистов — существенно дополнить их портреты как личностей. Одним из наиболее ярких персонажей в этом плане являлся посол Великобритании А. Керр, который в силу особенностей своего характера сумел и установить наиболее тесные и непосредственные отношения с советскими вождями, и наиболее живо рассказать о «жизни иностранного посла в СССР».

В целом в военный период мотив солидарности и сотрудничества преобладал над недовольством и противоречиями, все стороны осознавали огромное значение совместной борьбы против общего врага, в которой были заинтересованы, так или иначе, все союзники.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 284. — Л. 81.

² Там же. — Л. 128.

³ Там же. — Л. 115.

- ⁴ *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941—1945. — М., 2004. — С. 184.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 06. — Оп. 4. — Пор. 129. — Папка 14. — Л. 33.
- ⁶ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. Де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / сост. Е.Я. Трояновская. — М., 1990. — С. 140.
- ⁷ *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 334.
- ⁸ Там же. — С. 229.
- ⁹ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 4. — Пор. 129. — Папка 14. — Л. 36.
- ¹⁰ *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 232.
- ¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изд. 2-е. — М., 1976. — Т. 1. — С. 43, 44.
- ¹² Там же. — С. 45.
- ¹³ Вторая мировая война в воспоминаниях ... — С. 163.
- ¹⁴ Там же. — С. 164.
- ¹⁵ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 4. — Пор. 129. — Папка 14. — Л. 74—75.
- ¹⁶ Вторая мировая война в воспоминаниях ... — С. 168.
- ¹⁷ См.: *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 374.
- ¹⁸ Вторая мировая война в воспоминаниях... — С. 177.
- ¹⁹ Цит по: Застольные речи Сталина: документы и материалы / сост. и предисл. В.А. Неvejeина. — М.; СПб., 2003. — С. 329, 330.
- ²⁰ Вторая мировая война в воспоминаниях ... — С. 178.
- ²¹ Там же. — С. 181.
- ²² Цит. по: *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 375.
- ²³ *Jenkins, R.* Churchill. — London, 2001. — P. 758.
- ²⁴ См.: *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 420, 421, 423.
- ²⁵ Там же. — С. 428.
- ²⁶ Там же. — С. 539. См. также: Застольные речи Сталина.
- ²⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изд. 2-е. — М., 1976. — Т. 2. — С. 9, 10.
- ²⁸ Цит. по: Застольные речи Сталина. — С. 346, 347.
- ²⁹ См.: Там же. — С. 345, 352, 353.
- ³⁰ *Печатнов, В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-е гг.: документ. очерки. — М., 2006. — С. 119, 120.
- ³¹ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 377. — Л. 61.
- ³² Там же. — Л. 83.
- ³³ Там же. — Д. 379. — Л. 37—38.
- ³⁴ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 5. — Пор. 334. — Папка 29. — Л. 36—37.
- ³⁵ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 284. — Л. 21.
- ³⁶ Там же. — Л. 96.
- ³⁷ Там же. — Д. 379. — Л. 10—11.
- ³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР ... — Т. 1. — С. 131.
- ³⁹ Там же. — С. 132.
- ⁴⁰ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 377. — Л. 73.
- ⁴¹ *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 418.
- ⁴² РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 282. — Л. 52.
- ⁴³ Там же. — Д. 377. — Л. 35.
- ⁴⁴ АВП РФ. — Ф. Секретариат И.М. Майского. — Оп. 1. — Пор. 3. — Папка 1. — Л. 16.

- ⁴⁵ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 284. — Л. 2, 15.
⁴⁶ Там же. — Л. 122.
⁴⁷ Там же. — Л. 57.
⁴⁸ Там же. — Л. 66.
⁴⁹ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 4. — Д. 129. — Папка 14. — Л. 70.
⁵⁰ Там же. — Л. 35.
⁵¹ Там же. — Л. 43.
⁵² Там же. — Л. 78.
⁵³ Там же. — Оп. 5. — Пор. 332. — Папка 29. — Л. 42.
⁵⁴ Там же. — Л. 16.
⁵⁵ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 282. — Л. 5.
⁵⁶ Там же. — Д. 284. — Л. 127.
⁵⁷ Там же. — Л. 129.
⁵⁸ Там же. — Л. 132.
⁵⁹ Там же. — Л. 136.
⁶⁰ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 4. — Пор. 129. — Папка 14. — Л. 72.
⁶¹ Там же. — Л. 41.
⁶² Там же. — Секретариат И.М. Майского. — Оп. 2. — Пор. 9. — Папка 1. — Л. 53.
⁶³ Цит. по: *Ржешевский, О.А.* Вопросы истории: Сталин и Черчилль ... — С. 516.
⁶⁴ РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 284. — Л. 128—129.

В.П. Сафронов

ВИЗИТ А. ГАРРИМАНА К И.В. СТАЛИНУ В СОЧИ И ЯПОНСКИЙ ВОПРОС (октябрь 1945 г.)

В статье рассматривается неизвестное в отечественной историографии и не освещавшееся в ней до сих пор важное событие в советско-американских отношениях первых послевоенных месяцев — беседы в Сочи между И.В. Сталиным и американским послом в СССР А. Гарриманом по вопросам оккупационной политики в Японии 24 и 25 октября 1945 г. Это событие явилось поворотным пунктом на пути создания контрольного механизма союзников в Японии. Сталин вынудил США согласиться начать обсуждение этого вопроса не в малозначимой Дальневосточной консультативной комиссии, а непосредственно на межправительственном уровне, где мнению СССР было куда весомее. В результате вскоре открылись переговоры Гарримана с Молотовым в Москве, а затем произошло создание контрольных союзнических органов — Дальневосточной комиссии и Союзного Совета для Японии. В статье на базе американских и российских опубликованных документов и российских архивных материалов освещаются подготовка к встрече Сталина с Гарриманом, а также сами беседы. Известное по давно опубликованным американским документам содержание бесед теперь значительно расширено, дополнено и скорректировано в связи с появлением в печати российских записей бесед.

Ключевые слова: Сталин; Гарриман; Япония; Союзный Контрольный совет; Дальневосточная консультативная комиссия; контрольный механизм; оккупационная политика.

V. P. Safronov

A. Harriman's Visit to J.V. Stalin in Sochi and the Japanese Issue (October 1945)

The article deals with the unknown in the national historiography and still unstudied important event in the Soviet-American relations of the first postwar months — conversations in Sochi, on October 24—25, 1945, between J.V. Stalin and U.S. Ambassador to the USSR A. Harriman on the question of occupation policy in Japan. This event was a turning point in the way of establishing the control mechanism of the Allies for Japan. Stalin forced the U.S.A. to agree to start discussion on this issue not in the Far Eastern Advisory Commission of little significance, but directly at the intergovernmental level, where the opinion of the USSR was much weightier. As a result, soon in Moscow opened the negotiations between Foreign Commissar V.M. Molotov and A. Harriman, and then the Allied control structure, the Far Eastern Commission and the Allied Council for Japan, was created. In the article on the basis of the American and Russian published documents and of Russia's archival materials the preparation for the Stalin — Harriman meeting, as well as the course of conversations themselves are investigated. The content of these conversations, known on the

long ago published American documents, now is greatly expanded and revised in connection with the appearance of the printed Russian records of the conversations.

Keywords: Stalin; Harriman; Japan; Allied Control Council; Far Eastern Advisory Commission; control mechanism; occupation policy.

В сентябре — начале октября 1945 г. в Лондоне состоялась первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) пяти главных союзных держав, посвященная подготовке мирного урегулирования с европейскими сателлитами нацистской Германии, на которой выявились острые разногласия между Москвой и Вашингтоном. На сессии не должен был рассматриваться японский вопрос, но советская делегация неожиданно стала настаивать на его обсуждении, будучи крайне недовольна и обеспокоена единоличным осуществлением американцами оккупационной политики в Японии без учета интересов СССР и консультаций с ним. Советской стороне не удалось добиться желаемого и, в частности, склонить Вашингтон к образованию Контрольного совета из представителей СССР, США, Великобритании и Китая как высшего органа по формулированию союзнической оккупационной политики в Японии взамен института Верховного командующего четырех держав американского генерала Д. Макартура, но она все же получила заверения госсекретаря США Дж. Бирнса в том, что он проинформирует обо всем своего президента Г. Трумэна. А пока Москве предлагалось как можно скорее назначить своего представителя в межсоюзническую Дальневосточную консультативную комиссию для Японии (ДКК), чтобы она могла начать работу. 1 октября 1945 г. глава советской делегации нарком иностранных дел В.М. Молотов в письме Бирнсу указал, что советское правительство решительно настаивает на первоочередном учреждении Контрольного совета по Японии в качестве обязательного условия образования Консультативной комиссии¹.

Несмотря на четко выраженные возражения со стороны Москвы в отношении характера контрольного механизма для Японии, Вашингтон решил реализовывать свой план создания ДКК и идти здесь сугубо формальным путем. По возвращении домой Бирнс, как и обещал, сообщил президенту Трумэну взгляды Молотова, однако глава Белого дома не поддержал их, а согласился с госсекретарем относительно необходимости действовать через Консультативную комиссию, у представителей которой должно быть право, согласно их полномочиям, давать рекомендации своим правительствам по вопросам оккупационной политики. И если будут сделаны предложе-

ния об изменении первоначальных функций и расширении власти комиссии, то они, безусловно, будут рассмотрены, как того заслуживают².

Сойдясь на этой позиции, американское руководство запустило организационный механизм создания ДКК. 6 и 8 октября Госдепартамент США направил приглашение участвовать в работе Консультативной комиссии правительствам «младших» союзников четырех главных держав — Франции, Канады, Австралии, Голландии, Новой Зеландии и Филиппин и спустя несколько дней получил от них согласие³. 6 октября американским посольствам в Чунцине и Москве было указано уведомить китайское и советское правительства о просьбе Лондона допустить в комиссию Индию и узнать их мнения на этот счет⁴. Через три дня американские дипломаты в странах — участницах ДКК получили предписание информировать приглашенные правительства о желании США провести первое заседание комиссии 23 октября в Вашингтоне и о призыве к ним назначить туда своих представителей. При этом сообщалось, что американским представителем назначен отставной генерал Ф. Маккой⁵, выбор которого объяснялся его широкими познаниями в международных и особенно в дальневосточных делах и опытом работы в международных комиссиях, прежде всего в комиссии Лиги Наций по расследованию маньчжурского кризиса в 1932 г. (Комиссия лорда В. Литтона)⁶. В НКВДе оба уведомительных письма от американского посла в СССР А. Гарримана получили 10-го и 11-го числа соответственно⁷.

В то время как остальные заинтересованные правительства положительно откликнулись на вышеупомянутые предложения Вашингтона, советская сторона решила проявить упорство и отстаивать свою позицию, выработанную в период Лондонской сессии СМВД. 12 октября Молотов направил на имя Гарримана краткое ответное письмо, в котором сообщал, что советское правительство по-прежнему придерживается точки зрения, изложенной в лондонском ответе наркома Бирнсу от 1 октября, о том, что образованию ДКК должно предшествовать решение четырех главных союзных держав о создании Контрольного совета по Японии. И ввиду этого СССР «не может согласиться с учреждением Дальневосточной консультативной комиссии впредь до создания Контрольного совета»⁸.

Если для Кремля в это время более важное значение имела обстановка в Японии, поскольку он не мог ее должным образом контролировать, то для Белого дома наоборот — положение дел в Европе, а точнее, ситуация с подготовкой мирных договоров с европейскими сателлитами фашистской Германии, которая зашла в тупик на Лондонской сессии СМВД. Более того, Вашингтон полагал, что и для

Москвы именно этот вопрос является основным и потому она так бескомпромиссно отстаивает свою точку зрения. В попытке разрешить эту проблему американцы готовы были пойти на некоторые уступки СССР, и 12 октября президент Трумэн направил Сталину послание, проект которого был подготовлен Гарриманом и помощником госсекретаря Дж. Данном еще 4-го числа в Лондоне. В нем президент упоминал о возможном компромиссе и предлагал преодолеть разногласия между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Лондоном — с другой, по вопросу процедуры подготовки мирных договоров с бывшими европейскими сателлитами нацистской Германии, чтобы не затруднять дальнейшее сотрудничество союзников и не ставить расхождения выше их «общих интересов ... в деле мира». Президент просил Сталина обсудить эти вопросы с Гарриманом как человеком, полностью знакомым с его, Трумэна, взглядами, и поручил послу лично вручить письмо генералиссимусу⁹, хотя знал, что тот несколькими днями ранее отбыл из Москвы на отдых.

Телеграмму из Вашингтона с текстом президентского послания в американском посольстве в Москве получили с задержкой — лишь утром 14 октября¹⁰. Так как было воскресенье и Молотов находился за городом, Гарриман встретился с ним на следующий день, чтобы обрисовать ему просьбу Трумэна. Когда нарком сообщил об отъезде советского вождя в полуторамесячный отпуск далеко за пределы Москвы и вызвался сам передать послание, американский дипломат отказался от предложения, сославшись на поручение ему от президента, и выразил намерение лично отправиться к месту отдыха Сталина, правильно полагая, что оно находится в Сочи. Нарком, не гарантируя положительного ответа по причине отхода генералиссимуса от государственных дел на период отпуска, пообещал лишь передать просьбу по адресу¹¹.

На следующий день Гарриман получил от Молотова письмо, уведомлявшее об исполнении обещания¹², и немедленно телеграфировал госсекретарю Бирнсу в Вашингтон, что, если ему удастся увидеть Сталина, он уверен, что одним из вопросов, который тот поднимет и который рассматривает как самый важный, будет японский вопрос. Поэтому он, Гарриман, считает крайне полезным, чтобы его заранее безотлагательно поставили в известность об отношении США к участию СССР в контрольном механизме для Японии и к использованию советских войск в оккупации этой страны; о пределах готовности Белого дома консультироваться с Москвой по политическим делам; о любой другой информации, которая была бы полезна «для ослабления подозрений, несомненно, имеющих в его (Сталина. — *В.С.*) голове, насчет нашей политики в отношении

Японии и нашего желания работать вместе с Советским Союзом в этих вопросах»¹³. «Я не имею в виду вести переговоры об урегулировании этих вопросов, — заключал посол свою телеграмму, — но полагаю, это была бы уникальная возможность рассеять неуместные и неоправданные подозрения и попытаться добиться от него расположения к большему сотрудничеству»¹⁴.

Во второй телеграмме Бирнсу от 16 октября, отправленной вдогонку первой, Гарриман дополнил и развил свои размышления о вышесказанном. Предельно точно улавливая основной строй мыслей Сталина и суть его возможных претензий к Вашингтону, он предположил, что тот со своей обычной прямоотой, всегда демонстрировавшейся в разговорах с ним, будет утверждать, что после приглашения Советского Союза вступить в войну против Японии США теперь отстраняют его от надлежащего обсуждения вопроса обращения с нею после ее разгрома. Он не будет считать Консультативный совет (комиссию. — *В.С.*) для Дальнего Востока достаточным проявлением участия СССР и спросит, почему письмо Молотова от 1 октября с требованием создания Контрольного совета проигнорировано и советскому правительству предложено теперь участвовать в заседании Дальневосточной консультативной комиссии после того, как в этом письме было ясно заявлено о том, что прежде следует решить вопрос о контрольном механизме для Японии¹⁵.

Далее Гарриман очень откровенно изложил свое стремление к продолжению сотрудничества США и СССР и в послевоенном урегулировании: «Я, конечно, полностью согласен с решением, что генерал Макартур будет оставаться Верховым командующим с правом окончательного вердикта, но я предполагал, что мы готовы в полной мере консультироваться с нашими союзниками, включая Советский Союз; полностью информировать их о положении дел во всех вопросах, военных и политических, и пытаться достичь с ними соглашения о политическом курсе и что мы предпримем независимые действия, только если соглашение окажется невозможным»¹⁶. И в этой связи Гарриман обратил внимание на возможный инструмент, посредством которого могло бы проводиться подобное межсоюзническое взаимодействие, заметив, что слышал от помощника Бирнса — Дж. Дана о том, что Координационный комитет Госдепартамента, военного и военно-морского министерств (SWNCC) рекомендовал создание военного комитета командующих союзными оккупационными силами в Японии для консультаций с Макартуром по вопросам осуществления условий капитуляции и контроля в Японии¹⁷.

Перейдя к оценке отношения Кремля к ДКК, американский дипломат вновь стопроцентно угадал мысли Сталина, в чем он вскоре

убедится в ходе беседы с ним. Гарриман констатировал: «Кажется, что нынешнее нежелание советского правительства обсуждать вопрос контрольного механизма для Японии на предлагаемом заседании всех союзников в Консультативном совете основано на убеждении, что это такой фундаментальный предмет, который можно обсуждать искренне и полно только в рамках более ограниченной группы»¹⁸.

Гарриман просил Бирнса информировать его о том, намерена ли американская сторона предварительно обсуждать этот вопрос с советским правительством или же она собирается устроить заседание Консультативного совета 23 октября без участия СССР. Считая со своей стороны такое обсуждение необходимым, он предлагал в беседе со Сталиным искренне изложить американскую точку зрения и попытаться добиться его общего согласия, избежав тем самым возникновения тупика. «В последнем случае, — провидчески предупреждал Гарриман, — можно предположить, что советские будут проводить одностороннюю политику в тех районах, где они могут доминировать»¹⁹.

В заключение телеграммы посол еще раз настойчиво подчеркнул, что наилучшим выходом было бы «откровенно информировать Сталина о наших намерениях и планах и таким образом ослабить беспричинные подозрения, которые явно возникают в его сознании»²⁰. В доказательство последнего предположения он напомнил, что во время переговоров с китайской делегацией в августе 1945 г. в Москве Сталин высказал опасения насчет того, что США будут слишком мягко обращаться с Японией и в конечном счете потеряют интерес к уничтожению ее как будущей угрозы²¹.

Резюмируя все сказанное, Гарриман провел четкую взаимосвязь между японской и европейской политикой советского лидера, призывая Вашингтон договориться с ним в ее первой составляющей. «До тех пор, — подчеркивал он, — пока по крайней мере какое-нибудь предварительное понимание не достигнуто с советским правительством относительно Японии, я опасаясь, что мы не сможем урегулировать процедурные вопросы в работе Совета министров иностранных дел по рассмотрению европейских проблем»²².

Таким образом, эта телеграмма ясно свидетельствовала о том, что Гарриман являлся искренним и самым активным среди американских политических деятелей сторонником продолжения сотрудничества США с СССР в послевоенном урегулировании, стремившимся предотвратить постепенно намечавшийся разлад в союзнической коалиции. Более того, большой опыт общения с советским лидером позволил послу глубоко проникнуть в образ его мыслей и с пониманием к нему относиться, хотя при этом отчетливо видеть ис-

каженное восприятие генералиссимусом истинных намерений Вашингтона, основанное на его чрезмерной и неоправданной подозрительности, а также на фундаментальном большевистском недоверии ко всем капиталистическим государствам.

Спустя два дня, 18 октября, Сталин по рекомендации четверки наиболее приближенных к нему членов Политбюро ЦК партии в лице В.М. Молотова, Л.П. Берии, Г.М. Маленкова и А.И. Микояна выразил согласие принять Гарримана и просил их передать ему, что с удовольствием примет его на своей даче в Сочи 24, 25 или 26 числа и готов выслушать его комментарии к посланию Трумэна²³. В тот же день Молотов пригласил Гарримана, чтобы сообщить ему это известие. Посол заявил о своем желании встретиться как можно быстрее, уже 24 октября, и воспользоваться самолетом, предоставляемым для этого советской стороной²⁴.

Получив ожидавшийся ответ Сталина, Гарриман 19-го числа вновь обратился к Бирнсу за указаниями, запрошенными в двух своих телеграммах еще три дня назад, на случай, если советский лидер поднимет животрепещущие вопросы, касающиеся Японии²⁵. Госсекретарь ответил очень быстро, уже следующим вечером, изложив соображения по всем сюжетам, затронутым Гарриманом, — о Дальневосточной консультативной комиссии, Контрольном совете, военном комитете союзных командующих и оккупационных войсках. Относительно ДКК Бирнс дал понять, что и он сам, и президент Трумэн не против усиления ее политической роли, подчеркнув, что если ее члены внесут предложения об изменении изначальных функций и расширении власти комиссии, то они будут надлежащим образом рассмотрены²⁶. По вопросу союзной оккупации Японских островов он информировал Гарримана о разработке Вашингтоном плана, который будет представлен на обсуждение союзникам и согласно которому СССР, Соединенное Королевство и Китай получат возможность разместить там по 30 тыс. своих войск. Причем Москва сможет иметь одну усиленную пехотную дивизию, а все контингенты в оперативном отношении станут подчиняться Макатуру²⁷.

Что касается ключевого вопроса — о Контрольном совете для Японии, поднятого Москвой, то здесь госсекретарь совершенно четко пояснил, что поскольку по условиям капитуляции этой страны, согласованным всеми главными союзниками, ее император и правительство должны подчиняться приказам Верховного командующего союзных держав и поскольку в этих условиях ничего не сказано о Контрольном совете, то США не могут одобрить советское предложение о замене этим органом должности союзного главнокомандующего²⁸. Однако в качестве компенсации Бирнс от своего имени

предложил создать при генерале Макартуре исполнительный орган, о котором упоминал в телеграмме Гарриман, под названием Союзный военный совет, состоящий из командующих оккупационными войсками СССР, США, Соединенного Королевства и Китая и во главе с самим Макартуром, наделенным правом решающего голоса на случай разногласий. При этом в совет должны будут передаваться на рассмотрение и исполнение общие и важные директивы, направляемые американским военным командованием Макартуру²⁹.

Вышеизложенное сообщалось Гарриману для его личной информации и ориентировки. Он мог изложить Сталину общий взгляд американской стороны на данную проблему, но без передачи официального предложения. Дополнительные сведения относительно Военного совета госсекретарь надеялся сообщить послу позднее, поскольку еще не обсуждал этот вопрос с военными³⁰.

Между тем первоначально намеченное на 23 октября открытие в Вашингтоне работы Дальневосточной консультативной комиссии задерживалось из-за транспортных проблем у ряда делегаций, и американское правительство приняло решение перенести его на неделю. 20-го числа Гарриман письмом уведомил об этом наркома Молотова³¹.

В Москве поняли, что, поскольку американцы намерены идти прежним курсом, ее жесткая позиция в отношении контрольного механизма в Японии и бойкот ДКК не приносят успеха, а потому попытались найти компромиссный выход из создавшейся ситуации. Было ясно, что американцев не устраивает перспектива создания в Японии Контрольного совета, предложенного советской стороной в Лондоне, по образцу Германии, где существовал принцип единогласия четырех союзных держав и СССР постоянно использовал право вето для блокирования неугодных ему решений. Поэтому было решено предложить американской стороне более приемлемый вариант по аналогии с контрольными комиссиями в Балканских странах, когда бы право вето отсутствовало и США сохраняли за собой руководящие позиции.

21 октября 1945 г. Молотов в письме Гарриману пояснил, что советское правительство изначально не предполагало создавать в Японии контрольный орган по образцу Контрольного совета по Германии, поскольку в первом случае в стране имеется свое правительство, а во втором — нет. По мнению Москвы, в Японии должна быть образована союзная контрольная комиссия, которая действовала бы на таких же основаниях, как и подобная комиссия в Румынии, члены которой имели бы такие же права и полномочия и во главе которой стоял бы американский представитель. При иной организации контрольного органа, заключал письмо нарком, совет-

ские представители в нем «были бы поставлены в худшее положение, чем представители Соединенных Штатов в союзных контрольных комиссиях в других странах»³².

Это письмо воодушевило и обрадовало Гарримана, поскольку он посчитал его созвучным американским желаниям и намерениям, и он поспешил поделиться своими соображениями с Бирнсом. На следующий день в телеграмме госсекретарю посол отметил, что, на его взгляд, предложение Молотова «в значительной мере соответствует Вашему плану относительно союзного контрольного механизма для Японии»³³. В связи с приближавшейся беседой со Сталиным Гарриман настоятельно просил Бирнса срочно информировать его о своем отношении к этому вопросу, подчеркнув намерение во что бы то ни стало добиться согласия генсека на посылку советского представителя на первое заседание Дальневосточной консультативной комиссии 30 октября. При этом он выражал уверенность в том, что Сталин пойдет на это, если сообщить ему, «что кое-что из предложения Молотова в принципе приемлемо для Вас и оно будет детально обсуждаться не только на заседании совета, но и на неофициальных двусторонних переговорах»³⁴. Имея в виду пристрастие генсека к закулисным методам решения вопросов, посол специально подчеркивал, что, похоже, советские представители «желают избежать вовлечения в публичную ссору с Соединенными Штатами на заседании совета и поэтому также хотели бы провести двусторонние переговоры»³⁵.

Бирнс был озадачен разногласиями с Москвой и, видя, что она пытается найти взаимоприемлемый выход из создавшегося положения, со своей стороны также предпринимал попытки компромиссного решения проблемы, обрисованные им в телеграмме Гарриману от 20 октября. Но на этом пути Госдепартамент столкнулся с затруднениями, будучи вынужденным учитывать мнение Верховного командующего в Японии генерала Макартура и согласовывать с ним свой план. Предложенная генералу идея создания Союзного военного совета командующих под его председательством и с правом решающего голоса у него ему не понравилась, поскольку он увидел в ней покушение на свою власть и забеспокоился, что члены совета могут передавать экономические, финансовые и политические вопросы своим правительствам и таким образом они будут обсуждаться и решаться где-то в другом месте³⁶.

По этому случаю 22-го числа заместитель госсекретаря США Д. Ачесон в трансконтинентальном разговоре по телетайпу со штабом Макартура попытался разъяснить позицию Госдепартамента и снять опасения генерала, но полностью желаемого результата не добился. Ачесон информировал штаб о том, что Москва смягчила

свое первоначальное требование создать Контрольную комиссию в Токио таким образом, что последняя будет обладать лишь совещательными функциями и у американского главнокомандующего останется вся полнота власти. Со своей стороны Госдепартамент очень хочет разрешить разногласия с советским правительством по данному вопросу и предложить ему решение, которое спасло бы его лицо. План Бирнса относительно Военного совета союзных оккупационных командующих как раз и служит этой цели. Бирнс, продолжал Ачесон, полагает, что в нем нет ничего, что в какой-либо мере покушается на полномочия Макартура. План лишь формализует текущий характер взаимодействия держав, позволяя СССР выйти из настоящей ситуации без потери престижа. Ачесон просил токийских собеседников указать генералу на неотложность решения вопроса, поскольку Гарриман должен заявить Сталину об американских попытках найти выход из ситуации, и на желание Госдепартамента не вмешиваться во властные функции Верховного командующего³⁷.

По ходу разговора находившийся в Японии помощник военного министра США генерал Дж. Макклой проконсультировался с Макартуром и от его имени передал Ачесону, что тот возражает против создания какого-либо совета в Токио, который был бы наделен исполнительной властью, независимой от его собственной или равнозначной ей, но хочет иметь рядом с собой политических советников от главных союзных держав. Эти советники обладали бы только консультативными функциями и могли бы свободно сноситься со своими правительствами, но были бы лишены права иметь дело с правительством Японии. Это может быть некий коллектив, с которым бы Макартур советовался и который мог бы выступать с собственными инициативами³⁸. На взгляд штаба главнокомандующего, данное предложение имело преимущества перед Военным советом, ибо отвечало желаниям англичан и китайцев послать своих политических представителей в Токио и в то же время выглядело как конкретный жест в сторону СССР³⁹.

Ачесон отверг это предложение по причине формальных трудностей, создаваемых им, и в противовес пояснил, что Военный совет не будет ставить вопросы, которые должны решаться в Дальневосточной консультативной комиссии на правительственном уровне и которые могут вызвать неразбериху. Он дал понять, что Госдепартамент вынужден реагировать на требования Москвы, но предлагаемых нововведений опасаться не следует, заметив в связи с этим, что Кремль придает важное значение такой организации, как совет, хотя даже в румынской оккупационной администрации, которую Москва приводит в качестве примера, этот орган является всего лишь мес-

том заседания советников⁴⁰. В дополнение к этому помощник госсекретаря Ч. Болен, находившийся на линии в Вашингтоне, подчеркнул фактор престижа, которому СССР придает особое значение и с которым связывает свое членство в совете бок о бок с Макартуром⁴¹.

Однако в ходе дальнейшего разговора обнаружилось, что главнокомандующий именно последней ситуации и хочет избежать, ибо, по мнению штаба Макартура, не может быть членом группы своих консультантов и поэтому скорее всего уступит это место своему заместителю или начальнику штаба. А кроме того, штаб против конститuirования этой группы в качестве совета⁴².

На это Ачесон заметил, что в Балканских странах советские командующие входят в состав контрольных органов, которые выполняют лишь совещательные функции при них. Соединенным Штатам трудно отказать советской стороне в предоставлении такой же символической роли, какую она отводит американцам в своих оккупационных структурах на Балканах, когда она сначала действует, а затем при желании ставит в известность партнеров. Эта роль состоит лишь в праве получать информацию и выражать свое мнение. Поэтому Ачесон убеждал штаб Макартура в целесообразности использования именно такого, знакомого Москве прецедента в решении проблемы, а не какой-то новой концепции, которая вызовет у нее подозрение⁴³. Кроме того, по мнению заместителя госсекретаря, замысел Госдепартамента позволял включить в состав Военного совета только четыре главные оккупирующие державы и отсечь остальных участников Дальневосточной консультативной комиссии, в то время как идея с группой политических советников затрудняла это⁴⁴.

В итоге стороны не пришли к консенсусу и условились продолжать изучение вопроса, сделав вывод, что главная проблема состоит в том, какое содержание вкладывается в устав и название обсуждаемого консультативного четырехстороннего органа, который Госдепартамент предлагал именовать «Военным советом» или «Союзным советом при Верховном командующем», а штаб Макартура — просто «Союзными советниками при Верховном командующем»⁴⁵. Суть основного расхождения сторон заключалась в том, что Макартур не желал модификации своей власти, поскольку она была учреждена союзниками еще в середине августа 1945 г., в момент принятия Токио условий капитуляции, а Госдепартамент, напротив, теперь готов был пойти навстречу Москве и так трансформировать оккупационные структуры в Японии, чтобы они в какой-то степени напоминали союзную администрацию в советских зонах оккупации на Балканах.

Поскольку вопрос о Военном совете еще не был урегулирован между Госдепартаментом и Макартуром и вообще висел на волоске,

Гарриману не было смысла упоминать о нем Сталину. Вечером 22 октября, через несколько часов после разговора Ачесона со штабом главнокомандующего в Токио, госсекретарь Бирнс телеграфировал Гарриману, что, так как его ведомство пытается разрешить с генералом эту проблему и, может быть, этого и не удастся сделать, послу не следует обсуждать ее с советским лидером. Гарриману, однако, позволялось информировать генсека о попытках Бирнса найти решение, которое идет навстречу советской позиции, имеющей отношение к осуществлению политики под руководством Верховного командующего Макартура, и направлено на усиление роли великих держав в оккупации Японии. Это решение связано с созданием некоего нового совета или изменениями в Дальневосточной консультативной комиссии. Гарриману разрешалось сообщить Сталину о намерении госсекретаря в самом ближайшем будущем начать обсуждение этого вопроса на неформальных двусторонних переговорах⁴⁶.

Получив необходимые инструкции из Вашингтона, Гарриман специальным самолетом отправился с посланием Трумэна на Черноморское побережье Кавказа, на дачу Сталина в Сочи, куда последний раз ее хозяин приезжал девять лет назад. Внимательно прочитав в ходе беседы 24 октября русский перевод письма президента, генсек сразу же отметил отсутствие в нем вопроса о Японии. Гарриман, ожидая такую реакцию, тут же ответил в духе полученных указаний, заявив, что данный вопрос все еще обсуждается Госдепартаментом, военным министерством и генералом Макартуром и президент Трумэн надеется получить конкретные предложения на этот счет к 30 октября, дню открытия заседаний Дальневосточной консультативной комиссии. Тем не менее сейчас посол может информировать Сталина о том, «в каком направлении работает мысль советников президента» и самого Трумэна, но это должно считаться неофициальным, поскольку еще не принято окончательного решения и глава Белого дома не хочет возникновения в связи с этим каких-либо недоразумений⁴⁷. На самом деле Гарриман не получал никаких детальных инструкций о позиции президента и руководствовался лишь своими предположениями и информацией от Бирнса, однако всесторонне изложил Сталину точку зрения Вашингтона, как он ее понимал⁴⁸.

Посол объяснил, что сроки создания ДКК не были выдержаны по вине англичан и Бирнс готов обсудить в Вашингтоне и попытаться договориться по вопросу о характере контрольного механизма на двусторонних переговорах с советским представителем в комиссии, если таковой будет послан Москвой. Он, Гарриман, не может расказать точно в деталях о предложениях, которые одобрит Трумэн

после консультаций с советниками, но может обрисовать общие черты того, над чем сейчас работают в Вашингтоне. Он не думает, что это сильно отличается от последних предложений Молотова Гарриману, содержащихся в письме от 21 октября, и, основываясь на информации из Госдепартамента и военного министерства, полагает, что это почти совпадает с указанными предложениями⁴⁹.

Общая схема разрабатываемого в Вашингтоне плана, по словам посла, состояла в том, что первые шаги, такие как капитуляция Японии, принятие контроля над нею и разоружение японской армии на четырех главных островах Японии, осуществляются американские войска, поскольку для этого целесообразно использовать вооруженные силы одной страны, а не нескольких, иначе возникнет множество рисков. И все это почти закончено или будет закончено в ближайшие недели.

Далее предполагалось предложить СССР, Китаю и Великобритании послать некоторое количество войск для участия во второй, оккупационной фазе контроля над Японией. Хотя Бирнс еще 20-го числа информировал Гарримана о рассматриваемой квоте в 30 тыс. войск для каждой из этих держав, посол сослался на отсутствие окончательного решения и отказался назвать Сталину точные цифры и оценить характер взаимоотношений между союзными оккупационными контингентами и генералом Макартуром. Но от своего имени подчеркнул, что союзные войска «должны будут выполнять приказы американского командующего» и отдельных оккупационных зон быть не должно⁵⁰.

Переводчик Сталина В.Н. Павлов исказил последнее предложение, заменив тезис о руководящей роли Макарура словами о взаимопонимании союзников, и они в его устах прозвучали так, что оккупационные войска других держав «будут осуществлять общую политику, согласованную с генералом Макартуром». При этом замечание Гарримана об оккупационных зонах Павлов вообще опустил⁵¹. Между тем Сталину со времени августовского спора с Трумэном из-за о. Хоккайдо, когда президент отказал генсеку в предоставлении Советскому Союзу оккупационного района на острове, и без того было понятно, что никакого раздела Японии на самостоятельные зоны оккупации по примеру Германии США не допустят и союзные войска на японской территории должны будут подчиняться американскому главнокомандующему.

Другая мысль посла, вытекавшая из указаний Бирнса, заключалась в том, что союзные командующие оккупационными войсками должны действовать совместно с Макартуром в качестве Военного совета, располагающего исчерпывающей информацией и обсуждаю-

шего все вопросы, но при условии, что в случае разногласий последнее слово останется за Верховным командующим⁵². Относительно Дальневосточной консультативной комиссии, чтобы успокоить Сталина и повысить ее значимость в его глазах, Гарриман пояснил, что в дальнейшем она будет переведена из Вашингтона в Токио и станет заниматься всеми политическими и экономическими вопросами Японии подобно аналогичной комиссии в Италии⁵³.

Функции Военного совета и ДКК, по словам посла, предполагалось объединить в одном органе — Политическом совете, о чем в данный момент размышляло американское правительство и что подлежало обсуждению между четырьмя державами. Ключевая идея состояла в том, чтобы создать механизм, с помощью которого союзники могли бы обсуждать политические и экономические вопросы по Японии и принимать решения. При этом в случае разногласий окончательное слово опять же принадлежало бы Макартуру⁵⁴.

Сталин поблагодарил Гарримана за информацию и пояснил, что поставил вопрос о контроле над Японией, поскольку он политически связан с вопросами составления мирных договоров для Европы, затронутыми в послании Трумэна к нему. Касаясь существа контроля, генсек повторил замечания, выдвинутые в письме Молотова Гарриману от 21 октября, относительно названия союзного распорядительно-исполнительного органа в Японии. Он подчеркнул, что термин «Контрольная комиссия» в данном случае является более подходящим, чем «Контрольный совет», ибо совет имеется только в Германии, где нет правительства, а в Японии оно есть⁵⁵.

В качестве аналогии Сталин привел примеры с Венгрией и Румынией, где функционируют контрольные комиссии и нет других союзных войск, кроме советских. Там решающее слово тоже принадлежит председателю Контрольной комиссии, хотя и в меньшей степени, чем, согласно изложению Гарримана, получает полномочий генерал Макартур. Советский лидер вновь подтвердил, что председателем предлагаемой Контрольной комиссии должен быть представитель США, то есть Макартур, и ему должно принадлежать решающее слово. При этом он выступил против присутствия в Японии других оккупационных войск, кроме американских, чтобы не ограничивать права Верховного командующего, «чего не хотят США», и сохранить его «преобладающую роль ... как постоянного председателя». «В этом была бы логическая последовательность», — подвел Сталин итог своим замечаниям⁵⁶.

На самом деле его возражение против посылки в Японию советских оккупационных сил, ставшее, очевидно, неожиданным для Гарримана, было вызвано, скорее всего, нежеланием подчинять их

общему руководству со стороны Макартура в условиях, когда об их самостоятельности при отсутствии отдельной советской зоны оккупации не могло быть и речи.

В завершение беседы Гарриман заявил о желании еще раз переговорить о Японии, но уже более подробно и согласился с предложением генсека встретиться на следующий день. При этом Сталин попросил передать Трумэну, что связывает вопрос о Японии с вопросами, содержащимися в президентском послании⁵⁷, что можно было понять как нежелание генсека идти на уступки США в европейском мирном урегулировании без американских уступок в японских делах.

Эти последние слова прошли мимо внимания американского переводчика Э. Пейджа, а следовательно и Гарримана, и не вошли в американскую запись беседы. В результате посол не смог выполнить просьбу советского лидера, но в телеграмме Бирнсу все же отметил особую важность японского вопроса для Москвы, указав, что, по словам Сталина, проблема контроля над Японией требует первоочередного разрешения. В этой связи Гарриман запросил новую информацию об американской политике в этой области⁵⁸.

Его сообщение об особом интересе Сталина к японским делам удивило Бирнса. Он, наконец, понял, что для Москвы данный вопрос вовсе не является тактической игрой, а напротив, вызывает большое раздражение и что он неправильно связывал задиристое поведение Молотова в Лондоне с оценкой Кремлем европейской ситуации⁵⁹.

Быстро передать Гарриману запрашиваемую им информацию у Бирнса не было никакой возможности, и вторую беседу со Сталиным вечером 25 октября посол вынужден был проводить, не получив никаких дополнительных инструкций. По свидетельству Гарримана, на этой встрече советский лидер был уже не столь благожелательно настроен, как на предыдущей, и высказывал жалобы и претензии по поводу игнорирования американцами СССР в японских делах⁶⁰.

Посол сообщил Сталину, что Трумэн надеется, что советское правительство пошлет в Вашингтон своего представителя для участия в работе Дальневосточной консультативной комиссии, где будет обсуждаться контрольный механизм для Японии. При желании с этим представителем можно будет изучить данный вопрос на двусторонних переговорах еще до общего заседания комиссии⁶¹. В ответ генералиссимус пожаловался, что советскому правительству очень трудно будет направить своего представителя в ДКК, так как оно не может «фигурировать в качестве бесплатного приложения, в качестве государства, разделяющего ответственность за политику по отношению к Японии, но не имеющего на нее влияния»⁶².

Стараясь успокоить на этот счет Сталина, Гарриман заверил, что, по мысли Трумэна, японский вопрос должен быть рассмотрен в комиссии всеми союзниками — СССР, Китаем, Англией и США и будет достигнуто соглашение, удовлетворяющее все наиболее заинтересованные государства⁶³. Однако это замечание явно не устроило генсека, уже охладевшего к ДКК. Он повторил слова Молотова, сказанные на Лондонской сессии СМВД, о том, что с момента, когда советским правительством было дано согласие на американское предложение о Дальневосточной консультативной комиссии, обстановка изменилась и ее создание теперь не может его удовлетворить. Этот орган нельзя считать подходящим местом для рассмотрения вопроса о контрольном механизме для Японии. Кроме того, новым моментом является предложение англичан о создании Контрольного совета⁶⁴.

На предложение посла изложить иной метод рассмотрения вопроса о контрольном механизме генсек высказался за его решение на уровне четырех союзных правительств, ибо, по его словам, никто другой не может этого сделать. Но поскольку разногласие существует, главным образом, между американским и советским правительствами, «им придется взять на себя основное бремя»⁶⁵. На это Гарриман заметил, что имеется лишь несущественное разногласие в методе и процедуре обсуждения японских вопросов, когда Молотов хотел сделать это на сессии СМВД в Лондоне, а Бирнс по техническим причинам к этому не был готов или когда США предлагают создать Консультативную комиссию, а СССР с этим не согласен⁶⁶.

Подвергнув снова критике идею ДКК, Сталин указал на неприемлемость копирования в данном случае примера Европейской консультативной комиссии, образованной в годы войны для выработки контрольного механизма для Германии, поскольку она тогда еще не была побеждена, а Япония теперь капитулировала и «союзники опоздали с созданием контрольного механизма» для нее. Генералиссимус обвинил американцев и англичан в затягивании решения этого вопроса на продолжительный срок, когда Вашингтон в течение целого месяца не возвращался к своему предложению о ДКК, госсекретарь Бирнс отказывался обсуждать его в Лондоне и не ответил на письмо Молотова от 1 октября о необходимости первоочередного создания союзного контрольного совета для Японии, а англичане возражали против американского проекта⁶⁷.

Советское правительство, по словам Сталина, не может мириться с таким положением и вынуждено было отозвать своего представителя в Японии генерала К.Н. Деревянко. Оно не может нести ответственности за решения генерала Макартура, которые принимаются и проводятся без ведома и консультации с СССР и о которых он

даже не информируется, оказавшись в результате «в положении не союзника, а посторонней силы». «Советский Союз как государство имеет свой престиж, — подчеркнул генералиссимус. — Может быть, Америке нужны сателлиты, а не союзники? Должен сказать, что Советский Союз не годится для такой роли... Советский Союз был поставлен в такое положение, которое не совместимо с положением уважающего себя союзника». Именно это, подвел итог Сталин, и заставило Молотова поднять в Лондоне вопрос о контрольном механизме для Японии⁶⁸.

Эти претензии явно удивили Гарримана, который начал убеждать своего собеседника в отсутствии у президента Трумэна намерения игнорировать взгляды СССР или не консультироваться с ним в японских делах, но получил в ответ новые обвинения по адресу американцев в ненадлежащем обращении с СССР как союзником. «Если такое положение дел будет продолжаться», резюмировал генсек, «то Советский Союз совсем уйдет из Японии», не желая отвечать за действия, о которых он узнаёт из печати. «Общественное мнение ведь считает, что генерал Макартур представляет Советский Союз. На самом деле это не так, и будет честнее уйти, сказав, что советское правительство не отвечает за политику в Японии, чем сидеть там в качестве ненужной мебели»⁶⁹.

На эти обвинения посол возразил, что в первые дни с момента капитуляции Японии он получал обширные телеграммы о директивах Макаргуру и вообще о всех его действиях в отношении Японии и эта информация передавалась через американскую военную миссию в Москве Генштабу Красной Армии. После прибытия Макаргура в Японию тот снабжал генерала Деревянко всей информацией и обеспечил радиосвязь последнего с главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке маршалом А.М. Василевским. Затем сведения в американское посольство перестали поступать, и он, Гарриман, решил, что теперь всю информацию получает Деревянко и передает ее Василевскому⁷⁰.

Сталин вынужден был опровергнуть последние слова посла, заявив, что Деревянко ничего не получал от Макаргура и что Москва, например, совершенно не была информирована о создании, составе и недавней смене японского правительства, узнавая все из печати. Ему неизвестно, почему почти весь генералитет японского военно-морского флота, сухопутных сил и авиации сохранен, находится на свободе, а не изолирован; почему японским радиостанциям и печати не возбраняется ругать СССР, отчего возникают вопросы, существует ли в стране цензура и является ли Япония покоренным государством или союзником⁷¹.

Генсек выразил уверенность, что Вашингтон даст директивы, направленные на защиту достоинства союзников в Японии, и заметил, что, поскольку «японцы безнаказанно оскорбляют» СССР, Деревянко дважды обращался по этому вопросу к Макартуру, в результате чего антисоветские выпады на время прекратились, но затем снова продолжились «в типично фашистском стиле». В этой связи он указал на прямо противоположную ситуацию в советской оккупационной зоне Германии, а также в Болгарии, Румынии и Венгрии, где, по его словам, Москва не допустит оскорбления американцев или англичан, а если бы это случилось, то против виновного «советскими властями были бы приняты меры». В Японии же, подчеркнул Сталин, этого не делается, и положение советской стороны там создается неловкое. Его можно сравнить с положением «посторонней силы», с каждым днем оно ухудшается, что заставляет его поставить вопрос об организации контрольного механизма⁷².

После этих слов Гарриман выразил желание изложить взгляды президента Трумэна на осуществление капитуляции Японии. Посол охарактеризовал ее «единственным в своем роде событием в истории». Согласно плану Трумэна генерал Макартур со своими войсками должен был высадиться в Японии в качестве представителя союзников, принудить Японию к капитуляции и затем уничтожить ее военную мощь. В этот начальный период он не должен был принимать никаких долговременных решений на будущее, не подлежащих дальнейшему рассмотрению, за исключением ликвидации японской военной машины. Считалось, что первая фаза капитуляции закончится через два месяца, приблизительно к 1 ноября. В этот отрезок времени предполагалось обсуждать политические и экономические вопросы и договариваться о согласованной союзнической политике в Японии в рамках Консультативной комиссии, создать которую предложили американцы. Но созыв комиссии по ряду причин был отложен. Тем не менее, заверил Гарриман, Трумэн намерен консультироваться с союзниками, когда закончится первая фаза капитуляции Японии⁷³.

Возражая по поводу якобы желаний американцев консультироваться с советской стороной, Сталин привел пример с закрытием Макартуром нескольких десятков японских банков, о чем не было опрошено мнение Москвы, и отсутствием информации о судьбе их золотой наличности и иностранной валюты. Посол пообещал предоставить СССР исчерпывающие сведения на этот счет и заметил, что это именно один из тех вопросов, которые могут обсуждаться в Консультативной комиссии, еще раз в этой связи предложив генералиссимусу направить туда своего представителя⁷⁴.

Генсек, однако, остался непреклонен насчет ДКК, указав на отсутствие у нее прав и способности что-либо обсуждать и высказав опасение, что советские представители там будут лишь мешать американцам и отношения между двумя странами еще более ухудшатся. «Может, — сказал он, — было бы лучше Советскому Союзу отойти в сторону, и пусть Америка действует, как хочет. Советский Союз не думает ей мешать... Может быть, Советскому Союзу перейти на точку зрения изоляционизма?»⁷⁵

Стремясь обосновать право на более весомую роль и более достойное отношение к СССР в японских делах со стороны США, Сталин подчеркнул, что в течение 10 лет его страна держала на маньчжурской границе от 25 до 40 дивизий, оттягивая на себя японские вооруженные силы, а на заключительной стадии войны против Японии действовало 70 советских дивизий и тем самым «Советский Союз внес лепту в дело разгрома Японии». А имея в виду операцию Красной Армии в августе 1945 г. в Маньчжурии, объявленной японским владением, и намерение десантироваться на Хоккайдо, добавил: «Нельзя сказать, что советские войска ничего не делали на японской территории... Советское командование было готово помочь силами своих войск американцам и хотело высадить несколько дивизий на японских островах. Но в этом советском командовании было отказано»⁷⁶.

По поводу этих последних слов американский переводчик Пейдж в своей записи беседы отметил: «Когда Сталин делал это замечание, было совершенно ясно по тону его голоса и по выражению его лица, что он все еще очень раздражен нашим отказом разрешить советским войскам высадку на Хоккайдо»⁷⁷. А насчет советских дивизий на маньчжурской границе свое мнение высказал в своих мемуарах в 1947 г. Бирнс, который сделал ряд оговорок относительно сталинских выводов. Он отметил: «...хотя заявление генералиссимуса Сталина было правильным, также верно и то, что 30 или 40 японских дивизий на маньчжурской границе не влияли серьезно на военные усилия японцев. В результате успешных операций флота Соединенных Штатов японцам в начале войны не хватало кораблей для перевозки людей и грузов к местам сражений на Тихом океане. Поскольку их силы были скованы, им точно так же пришлось держать свои дивизии и на маньчжурской границе, и где-то еще. Понятно, что японцы могли бы использовать эти силы в наземных операциях в Китае, но мы теперь знаем, что это не повлияло бы серьезно на окончательный исход войны»⁷⁸.

Завершая разговор, Гарриман заверил Сталина в честных намерениях своего правительства в отношении как Японии, так и советских представителей в этой стране и выразил глубокое сожаление,

если его собеседник видит ситуацию иначе. Он пообещал немедленно по возвращении в Москву полностью информировать Трумэна о своих беседах в Сочи, но при этом выразил уверенность, что президент будет разочарован взглядами генсека⁷⁹.

Заявления Сталина Гарриману обнаружили слишком большое количество претензий к американцам и с очевидностью свидетельствовали о серьезном охлаждении его отношения к США и о неоправданной сверхподозрительности к их политике. Беседуя с послом не просто как с представителем союзной державы, а как со своим личным другом, генералиссимус был предельно откровенен. Однако многие факты, упомянутые им, хотя и имели место, были явно им преувеличены ради доказательства своих постулатов. Становилось очевидно, что его обида на Трумэна за отказ предоставить Советскому Союзу зону оккупации на Хоккайдо не только не забыта, но дает метастазы и распространяет свое негативное влияние на всю атмосферу советско-американских отношений. Чувствовалось, что в них появились первые семена раздора между главными союзниками и они уже начали свое разрушительное действие.

Вместе с тем беседы с Гарриманом явились поворотным пунктом в дискуссиях Москвы и Вашингтона по вопросу создания контрольного механизма для Японии. Они вынуждали Белый дом принять советские условия решения этого вопроса, а именно приступить к переговорам на межправительственном уровне, которые начались уже через несколько дней с участием Молотова и Гарримана.

¹ Советско-американские отношения, 1945—1948: документы. — М., 2004. — С. 54.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. — Wash., 1969. — Vol. 6. — P. 766. — (Далее: FRUS).

³ Ibid. — P. 737.

⁴ Ibid. — P. 738.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. — P. 756, 757.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 06. — Оп. 7. — Д. 748. — Л. 15, 17.

⁸ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 56.

⁹ FRUS. — Wash., 1967. — Vol. 2. — P. 562, 563; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — 2-е изд. — М., 1986. — Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (Авг. 1941 г. — дек. 1945 г.). — С. 294, 295.

¹⁰ FRUS. — Vol. 2. — P. 563.

¹¹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 57, 58; FRUS. — Vol. 6. — P. 754; Vol. 2. — P. 563; *Harriman, W.A., Abel, E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. — N.Y., 1975. — P. 511.

- ¹² Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 58; FRUS. — Vol. 6. — P. 754.
- ¹³ Ibid. — P. 754, 755.
- ¹⁴ Ibid. — P. 755.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid. — P. 755, 756.
- ¹⁸ Ibid. — P. 756.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 97. — Л. 66, 71.
- ²⁴ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 59; FRUS. — Vol. 2. — P. 564, 565.
- ²⁵ Ibid. — Vol. 6. — P. 758.
- ²⁶ Ibid. — P. 766.
- ²⁷ Ibid. — P. 766, 767.
- ²⁸ Ibid. — P. 767.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 7. — Д. 748. — Л. 21.
- ³² Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 67, 68.
- ³³ FRUS. — Vol. 6. — P. 768.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. — P. 773.
- ³⁷ Ibid. — P. 769, 770.
- ³⁸ Ibid. — P. 770.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid. — P. 770—771.
- ⁴¹ Ibid. — P. 771.
- ⁴² Ibid. — P. 771, 772.
- ⁴³ Ibid. — P. 771.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid. — P. 772.
- ⁴⁶ Ibid. — P. 773.
- ⁴⁷ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 68; FRUS. — Vol. 6. — P. 782, 783.
- ⁴⁸ *Harriman, W.A., Abel, E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. — P. 513.
- ⁴⁹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 69; FRUS. — Vol. 6. — P. 783, 784.
- ⁵⁰ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 69; FRUS. — Vol. 6. — P. 784.
- ⁵¹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 69.
- ⁵² Там же; FRUS. — Vol. 6. — P. 784.
- ⁵³ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 70; FRUS. — Vol. 6. — P. 784.
- ⁵⁴ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 70; FRUS. — Vol. 6. — P. 784.

- ⁵⁵ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 70; FRUS. — Vol. 6. — P. 784, 785.
- ⁵⁶ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 70; FRUS. — Vol. 6. — P. 785.
- ⁵⁷ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 77; FRUS. — Vol. 6. — P. 785.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ *Byrnes, J. Speaking Frankly.* — N.Y., 1947. — P. 216.
- ⁶⁰ *Harriman, W.A., Abel, E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946.* — P. 514.
- ⁶¹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 78; FRUS. — Vol. 6. — P. 787.
- ⁶² Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 78; FRUS. — Vol. 6. — P. 787.
- ⁶³ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 78; FRUS. — Vol. 6. — P. 787.
- ⁶⁴ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 78; FRUS. — Vol. 6. — P. 787, 788.
- ⁶⁵ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 78, 79; FRUS. — Vol. 6. — P. 788.
- ⁶⁶ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 79; FRUS. — Vol. 6. — P. 788.
- ⁶⁷ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 79, 80; FRUS. — Vol. 6. — P. 788, 789.
- ⁶⁸ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 80; FRUS. — Vol. 6. — P. 789.
- ⁶⁹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 80; FRUS. — Vol. 6. — P. 789, 790.
- ⁷⁰ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 80; FRUS. — Vol. 6. — P. 790.
- ⁷¹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 80, 81; FRUS. — Vol. 6. — P. 790.
- ⁷² Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 81; FRUS. — Vol. 6. — P. 790, 791.
- ⁷³ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 81, 82; FRUS. — Vol. 6. — P. 791.
- ⁷⁴ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 82; FRUS. — Vol. 6. — P. 791, 792.
- ⁷⁵ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 82; FRUS. — Vol. 6. — P. 792.
- ⁷⁶ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 83; FRUS. — Vol. 6. — P. 792.
- ⁷⁷ FRUS. — Vol. 6. — P. 792.
- ⁷⁸ *Byrnes, J. Speaking Frankly.* — P. 217.
- ⁷⁹ Советско-американские отношения, 1945—1948. — С. 83; FRUS. — Vol. 6. — P. 792.

К.А. Аверьянов

НЁНОКСА — КРАЙ СЕВЕРНЫХ СОЛЕВАРОВ*

Рассматривается история Неноксы — старинного села с богатыми хозяйственными и культурными традициями, связанными с солеваренным промыслом.

Ключевые слова: Поморье; поморы; Двинская земля; Ненокса; соляные промыслы; солепромышленники; варницы.

К.А. Averyanov

Nenoksa — edge of the Northern settlement of concealed Salter

Discusses the history of Nenoksa — an ancient village with rich economic and cultural traditions associated with salt production.

Keywords: Pomorie; Pomors; Dvinskaya zemlya region; Nenoksa; salt pans; salt businessmen; salt factories.

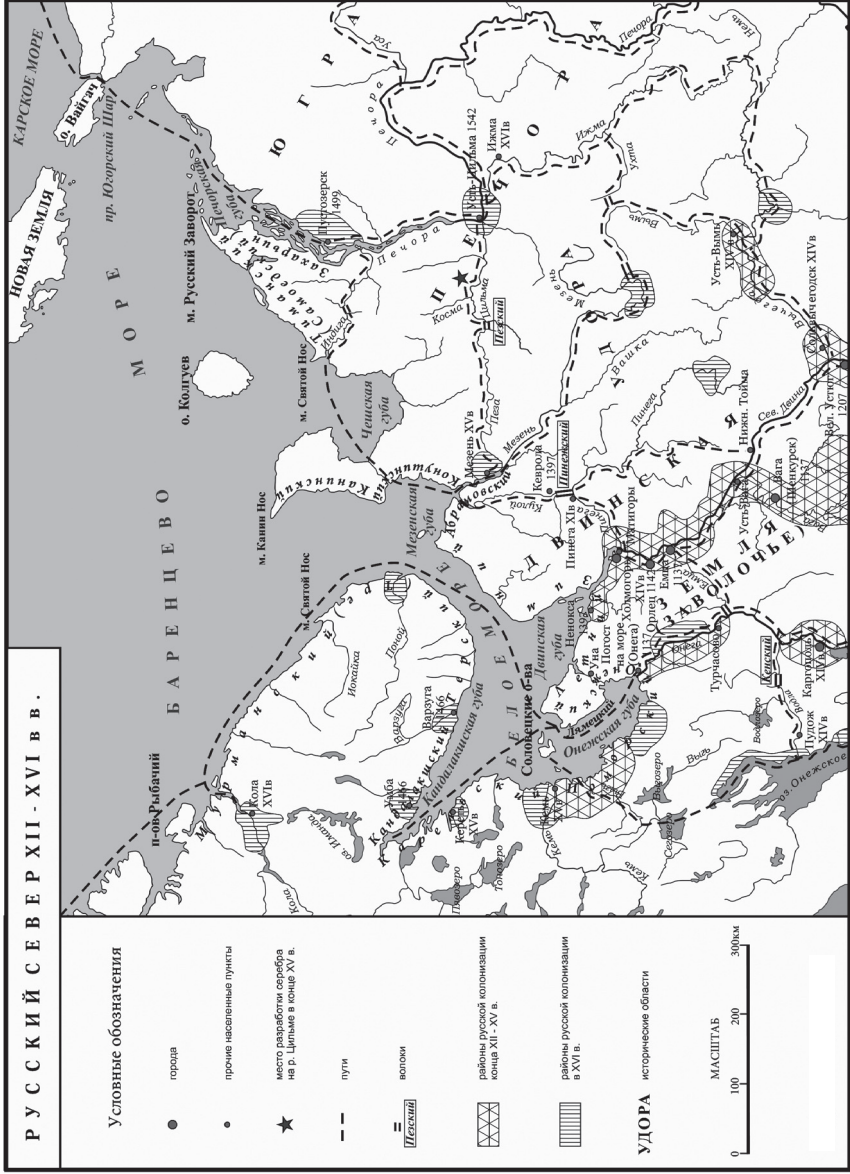

11—12 июня 2009 г. Институт российской истории РАН совместно с автономной некоммерческой организацией «Пудожемское устье» и администрацией села Нёнокса провел краеведческую конференцию, посвященную истории этого села, находящегося в 73 км западнее Архангельска и ныне административно подчиненного г. Северодвинску. Для проведения конференции это село было выбрано не случайно. Нёнокса, расположенная близ Летнего берега Белого моря, является одним из древнейших сел обширного региона, именуемого Поморьем.

К сожалению, у нас крайне мало источников по древнейшей истории этих мест. По скандинавским преданиям IX—XIII вв. на крайнем северо-востоке Европы существовала легендарная страна Биармия или Биармаланд, славившаяся мехами, серебром и мамонтовой костью. Среди исследователей нет единства мнений по поводу ее локализации: некоторые полагали, что Биармия — это скандинав-

---

* Карта «Русский Север XII—XVI вв.» выполнена Андреевой Еленой Игоревной, научным сотрудником ИРИ РАН, аспиранткой Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК), специализирующейся в области исторической картографии.

ские названия берегов Белого моря и позднейшей Двинской земли, другие отождествляли ее с «Пермью Великой».

Во всяком случае, русские летописи Биармии не знают и помещают в этом обширном, но слабо заселенном северном крае лишь племена «чуди заволочской». В Начальной летописи она упоминается лишь единожды в перечне неславянских народов¹. Это название им было дано не случайно и тесно связано с Заволочьем. В новгородских источниках данным термином обозначали обширные северные земли, до которых надо было добираться через многочисленные волоки, главным из которых считался Кенский волок.

Новгородцы появились на Севере сравнительно рано. Судя по всему, первоначальная новгородская колонизация здешних мест заключалась в военных походах для сбора дани с местного населения. Ее начало можно отнести ко второй половине XI в. Так, Первая новгородская летопись, рассказывая о князьях, княживших в Новгороде, называет князя Глеба Святославича, которого новгородцы выгнали из города, после чего он бежал за Волок, где был убит чуждью в 1079 г.² До нас дошла уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1136/37 г. Софийскому собору в Новгороде, в которой находим названия целого ряда погостов в Заволочье³. Перечисляя их, относительно каждого она сообщает, сколько «сорочков» (денежная единица, составленная из 40 «белок») следует епископу. В литературе существуют разногласия по поводу локализации упомянутых в грамоте 27 погостов, поскольку точная географическая привязка дана в тексте документа только для девяти из них. Большинство же названий, перечисленных в уставе Святослава Ольговича, представляет собой личные имена, прозвища и образованные от них ойконимы, а также привязки к мелким местным ориентирам⁴.

Но достаточно скоро новгородцы, которых манили богатства северных морей: дорогая рыба, морской зверь, меха, моржовая кость, ворвань, гагачий пух, обращают свой взор на морские побережья. Следы их первоначальной колонизации можно проследить на карте благодаря тому, что отдельные участки побережья Белого и Баренцева морей издавна носят устойчивые названия «берегов». Их имена, данные местными жителями, бытуют и в настоящее время. Первое четкое определение границ поморских берегов было дано М.Ф. Рейнеке. С его картой в основном согласуются и современные представления.

На северном побережье Кольского полуострова от полуострова Рыбачий до мыса Святой Нос протянулся *Мурманский берег*. Далее, от мыса Святой Нос до р. Варзуги, расположился *Терский берег*. Затем его сменяет *Кандалакшский берег*, идущий до вершины Кандалакшского залива. Побережье от Кандалакши до г. Кеми именуется

Карельским берегом. От Кеми до р. Онеги идет *Поморский берег*. К северу от устья Онеги до мыса Ухт-Наволок находится *Онежский берег*, часть которого от Онеги до мыса Летний Орлов именуется *Лямецким берегом*. Между мысом Ухт-Наволок и устьем Северной Двины берег моря носит название *Летнего*. От устья Северной Двины до мыса Воронов лежит *Зимний берег*. Между мысом Воронов и устьем Мезени протянулся *Абрамовский берег*. Далее на север от этой реки до мыса Конушин находится *Конушинский берег*. Затем от мыса Конушин до мыса Канин Нос тянется *Канинский берег*. К востоку от этих берегов на побережье Малоземельской тундры от Индигской губы до мыса Русский Заворот лежит *Тиманский берег*, к которому с востока примыкает *Захарьин берег*, доходящий до устья Печоры.

Первоначальное освоение беломорского побережья началось, видимо, с низовьев Северной Двины (полагают, что само название реки, встречающееся в скандинавских сагах, русского происхождения), а также Летнего и других южных берегов Белого моря. На всем своем протяжении они покрыты редким еловым лесом, зарослями кустарника и относятся к числу районов, где условия для жизни в целом являются более благоприятными: климат здесь мягче, запасы тепла достаточны для развития некоторых отраслей земледелия, а заливные луга пригодны для разведения молочного скота.

Позднее новгородцы начинают осваивать и другие побережья Белого моря. Первая Новгородская летопись, помещая перечень новгородцев, павших в Липицкой битве 1216 г., упоминает и «Съмьюна Петровица, търскаго даньника», т.е. человека, собиравшего дань на Терском берегу⁵.

Но новгородцы были не единственными из тех, кого манил Север. Начиная с середины XII в. сюда устремляют взоры князья Северо-Восточной Руси. Иногда эти стремления выливались в ожесточенные столкновения. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородский воевода Данислав Лазутинич отправился за Волок со своей дружиной из 400 человек за данью. Навстречу ему великий князь Андрей Боголюбский послал семитысячный отряд войска перехватить его, но Данислав обратил в бегство суздальцев, убив у них 1300 человек, а своих потеряв только 14. После этого он отступил, боясь, вероятно, идти дальше, но потом двинулся опять вперед и благополучно взял всю дань, не преминув собрать ее еще и с суздальских подданных. Следующей зимой Андрей в отместку собрал ростовские и суздальские полки, к которым позднее присоединились смоленские, рязанские и муромские князья, и осадил Новгород⁶.

Под 1196 г. летопись вновь помещает известие о столкновении князя Ярослава Владимировича, выгнанного новгородцами с княже-

ния, который «засел» в Торжке и стал собирать дань по новгородским волостям, в том числе и за Волоком. В это время, помогая свояку, великий князь Всеволод Большое Гнездо перехватывал за Волоком новгородцев и, не пуская домой, отправлял их во Владимир⁷.

Подобные, зачастую хищнические, походы за данью порой вызывали сопротивление местного населения. Под 1187 г. новгородский летописец поместил известие об одном из них: «В то же лето избыиени быша печерьскыи и югорьскыи даньници, а друзии за Волокомъ, и паде головъ о сте кметеи»⁸.

Затем новгородцы приступают к более прочному освоению края, ставя свои поселения вдоль побережья, как правило, в устьях больших и маленьких речек, впадающих в Белое море, а также их притоков. Благодаря особенностям берегового рельефа, эти селения находятся либо совсем на берегу моря, либо на некотором отдалении от него: от 2—3 км (Сорока, Нюхча, Нёнокса) до 12 км (Поной). В настоящее время принято считать, что появление постоянного русского населения на берегах Белого моря относится ко второй половине XIII в. Определенным толчком заселения послужило монгольское нашествие. Спасаясь от гнета татар, крестьяне находили на Севере вольную «отдушину» и возможность заниматься рыбным и зверобойным промыслами⁹.

Судить об этом можно по грамотам, заключавшимся Новгородом с князьями Северо-Восточной Руси. Уже первая из сохранившихся — договорная грамота 1264 г. с тверским великим князем Ярославом Ярославичем среди новгородских волостей упоминает Заволочье и Тре (Терский берег)¹⁰. Перечисление этих волостей в составе новгородских владений встречается в аналогичных грамотах, заключающихся вплоть до падения новгородской независимости¹¹.

Однако уже с середины XIII в. наряду с новгородцами морскими промыслами на Белом и Баренцевом морях занимались и великокняжеские «ватаги». Об этом, в частности, свидетельствует грамота великого князя Андрея Александровича на Двину, датируемая 1294—1304 гг., с сообщением о договоре с Новгородом: «Како есмь докончалъ с Новымъгородомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море: а ватаманъ Ондреи Критцкыи». При этом, во избежание возможных конфликтов, для промысла им был выделен Терский берег: «А какъ пошло при моемъ отце и при моемъ брате не ходити на Терскую сторону ноугородцемъ, и ныне не ходять»¹².

«Печорская сторона» (судя по всему, Захарьин и Тиманский берега), где добывались высоко ценившиеся при тогдашних княжеских дворах соколы и кречеты, для ведения этого промысла была предоставлена в XIV в. московским великим князьям. При этом в согла-

шениях, составленных по данному поводу, оговаривалось число промышленников: «а ходить на море въ дватцати человекъ», или же указывались их имена¹³.

Формирование поморского населения (как и всего северно-русского) происходило на территории, занятой народами финно-угорской и самодийской групп. Характер взаимоотношений между русскими переселенцами и местным населением освещался в литературе многократно, но не однозначно. Большинство дореволюционных историков, занимавшихся историей Севера, игнорировали этническую среду, в которую попадали переселенцы (Н.А. Полевой, С.М. Соловьев). Этой точки зрения придерживались и некоторые советские ученые, в частности, Д.К. Зеленин. Ряд исследователей, наоборот, переоценивали влияние финно-угорских народов на славян (М.Н. Покровский). «Золотой середины» придерживались Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, допускавшие смешение аборигенов с переселенцами, но считавшие, что первые не могли оказать какого-либо заметного влияния на русскую культуру. В советской историографии появлялись и работы, где отмечались многочисленные факты взаимопроникновения культур, их взаимовлияние, ассимиляция в поморскую среду¹⁴. В частности, карелы сыграли определенную (в ряде районов — значительную) роль в сложении населения Зимнего, Летнего, Поморского, Карельского берегов.

В целом же, следует признать, что в процесс формирования поморского населения были вовлечены группы различных народностей. Из них следует выделить наиболее ранний переселенческий поток — новгородский, и верхневолжский, население которого оседало вместе с новгородскими выходцами. Наряду со славянским населением в это время на Север попадало и скандинавское, балтское, финно-угорское население Новгородской земли, Волго-Окского междуречья и, возможно, более южных районов — различные племена води, ижоры, веси, мери и др., подхваченные общим миграционным движением¹⁵.

Центром Заволочья, или Двинской земли (как она именуется в московских источниках), были Холмогоры. Время основания здесь поселения неизвестно. Во всяком случае, эта местность издавна служила торговым центром новгородских и двинских купцов. Удобство места при большой реке, прекрасные заливные луга, близость впадающей в Северную Двину Пинеги и соседство моря — все это способствовало его развитию. Со второй четверти XIV в. «на Колмогорах» упоминаются двинский посадник и двинские бояре¹⁶. К 1342 г. относится известие о возникновении еще одного городка — Орлеца. Под этой датой новгородский летописец рассказывает о новгородце Луке

Варфоломеев, который, «скопив с собою холоповъ збоевъ», поехал за Волок на Двину, поставил г. Орлец, а затем «взя землю Заволочку по Двине, все погосты на щит». Правда, это нападение для него закончилось плачевно. Сын Луки Онцифор отправился на Волгу, Лука с 200 воинами отправился воевать, но заволочане убили его¹⁷.

«Список городов русских дальних и ближних», датированный 1374 г., называет в Двинской земле следующие города: «За Волоком на Колмогорах, в Емце на Ваге, Орлечь»¹⁸. Если местоположение Холмогор и Орлеца хорошо известно, то относительно «Емца на Ваге» в литературе существуют споры. В частности, М.Н. Тихомиров полагал, что речь идет о Шенкурске. Последний, действительно, расположен на Ваге. Но в то же время известен Емецк на реке Емце недалеко от ее впадения в Северную Двину. Возможно, в тексте пропущена запятая, и речь в данном случае идет о двух разных городках — «в Емце» и «на Ваге». Так, в частности, думали первые издатели Новгородской летописи¹⁹. Если это так, то становится вполне понятным возникновение городка «в Емце» — через одноименную реку шел удобный путь с Северной Двины на Онегу и далее на Новгород.

Главным богатством Заволочья являлись морские промыслы. К сожалению, у нас нет документов, подробно описывающих жизнь тогдашних морских промышленников. В определенной мере воссоздать картину их деятельности можно по более поздним документам. По всем побережьям Белого и Баренцева морей были разбросаны десятки становищ, в которых в сезон добычи рыбы и морского зверя промысловая жизнь была ключом. Здесь стояли жилые избы, а также имелись амбары, скеи (погреба) и помещения, где вытапливали рыбий жир и сушили рыбу.

Рыбу ловили с лодок. Преобладающим типом промыслового судна была *шняка* — тяжелая, неуклюжая беспалубная лодка с одной мачтой и одним прямым парусом. В ней обычно находились 4 человека: *корщик*, распорядившийся ловом, *тяглец*, вытягивавший вместе с корщиком рыболовную сеть, *весельщик*, который греб веслами, и *наживляльщик*, насаживавший на крючки наживку. Впрочем, имелись и другие, более мелкие лодки — *тройники*, *карбасы*, на которых промышляли обычно по 2—3 человека.

Главным орудием лова являлся *ярус* — веревка, к которой на расстоянии около 2 аршин привязывались более тонкие веревки с крючками, наживляемыми мелкой рыбой или морскими червями. Длина яруса на шняках достигала нескольких километров, а на меньших судах была короче. Ярус опускали на дно с помощью трех самодельных якорей, к нему прикреплялись веревки с деревянными буйками (*кубасы*). При отливе воды ярус с добычей поднимали на

шняки и снимали с крючков рыбу. Также ставились *завески* — сети, которые опускались под углом друг к другу с отводами-ловушками, из которых рыба не могла выйти.

Преимущество яруса состояло в том, что он нередко давал огромное количество рыбы. Недостатком являлось то, что он требовал продолжительного времени для вынимания, что было неудобно при промысле далеко от берега, так как погода на севере крайне неустойчива и легко было попасть в бурю.

Помимо морской ловли рыбу ловили в реках, куда она шла на нерест. При этом применялись различные приемы. Наиболее эффективным было использование *езов*, представлявших собой забор-изгородь, ставившийся поперек реки, с отверстиями — проходами, где помещались ловушки (верши сетчатые). Но устройство езов было не каждому по силам и нередко их заменяли *гарвами* — ставными сетями, которые ставили на кольях поперек реки. Снизу к сети привязывали грузила, а к верхней кромке поплавки. Позади гарвы ставили вторую сеть с мелкими ячейками, именовавшуюся *тендевицей*. В других случаях пользовались неводом, один конец которого закрепляли на шесте, воткнутом в дно реки, а другой конец крепили на берегу. Наконец, на больших многоводных реках, где устройство езов было невозможно, использовали метод «поезда». Лодки и карбасы ставили в ряд и шли на веслах против течения реки. С каждой двух лодок тянули кошельковую сеть в виде большого мешка. За одно «поездование» выбирали до 10 пудов семги. Этот способ обычно применяли осенью, когда рыба становилась крупной и жирной.

Содержание лодок и снастей, устройство езов являлось достаточно дорогим делом, и отдельный промышленник зачастую не мог позволить себе их иметь. Отсюда становится понятным, что основной формой организации промысла являлся так называемый *покрут*. Хозяин брал на себя все издержки по снаряжению и содержанию промышленников в течение лова, выдавал рабочим задатки, рабочие не отвечали за лодку и снасти и вознаграждались частью улова. Обычная форма покрута («поморский») заключалась в следующем: хозяин получал $\frac{2}{3}$ улова, остальная $\frac{1}{3}$ делилась поровну между 4 рабочими. Такая двенадцатая часть улова составляла «пай». Помимо этого корщик получал от хозяина еще $\frac{1}{2}$ пая и некоторую сумму денег («свершонок»), величина которой зависела от репутации корщика. При другой, менее распространенной форме покрута («кольский») ловцы получали $\frac{1}{2}$ улова. При этом одного из ловцов заменяли две женщины или подростка, именовавшиеся «половинками». Кроме этого промышленников сопровождало много подростков («зуев»), которые распутывали и приводили в порядок ярус, за что получали рыбу.

Но пойманную рыбу важно было сохранить. Рыбопромышленникам при ее заготовке необходима была соль, поскольку из-за погодных условий Крайнего Севера сушить можно было лишь сравнительно небольшую часть улова. Развитию солеварения способствовали два обстоятельства: наличие соляных ключей и огромных пространств еще нетронутых лесов. Позднее, когда соляных ключей стало не хватать, ее начали выпаривать прямо из морской воды. Судя по позднейшим источникам, в XVI в. места соледобычи, или *усоля*, тянулись почти непрерывной линией по всему побережью Белого моря. Из них на Кандалакшском берегу выделялись Варзуга и Умба, на Карельском берегу — Ковда и Кереть, далее в море — Соловки, на Поморском берегу — Вирма, Сумь, Колежма, Нюхча, Унежма, Кушерецкое, на Онежском берегу — Лямца, Пушлахта, Золотица, на Летнем берегу — Уна, Луда, Нёнокса, Сюзма, Солза, Куйское. Между этими крупными усольями располагалась масса мелких, на которых рыбопромышленники добывали соль для своего потребления²⁰.

К сожалению, нельзя сказать точно, когда началось солеварение на берегах Белого моря. Но то, что это произошло очень рано, сомнений нет. Во всяком случае, уже в упомянутой уставной грамоте князя Святослава Ольговича находим упоминание погоста «на мори», т.е. поселения на берегу Белого моря. Относительно последнего уставная грамота сообщает, что основным доходом с него являлась соль: «а на мори от чрена и от салгы по поузу»²¹. Локализовать указанный погост, из-за недостатка данных, невозможно.

Судить о размахе морских промыслов можно по одному летописному свидетельству. В 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович Донской в наказание за нападения новгородских ушкуйников на волжские города возложил на Новгород дань в 8 тыс. рублей, из которых 5 тыс. было собрано с Заволочья, «занеже заволочане быле же на Волге»²². Разумеется, это был экстраординарный сбор. Для сравнения отметим, что на рубеже XIV—XV вв. с Московского княжества собиралась дань от 5 до 7 тыс. рублей²³.

Богатства северного края вызывали у московских князей желание отнять Заволочье у новгородцев. В 1397 г. Василию I удалось уговорить двинских бояр перейти в московское подданство²⁴. К этому времени относится дошедшая до нас уставная грамота великого князя Василия I Двинской земле. Она важна тем, что описывает бытовой уклад местного населения и его взаимоотношения между собой и по отношению к великому князю и его представителям. Для нас любопытным является раздел грамоты, определяющий в белках размеры «хоженого» и «езды» дворянам, вызывавших ответчиков

на суд. С его помощью легко установить границы и основные центры Двинской земли конца XIV в., многие из которых упоминаются впервые в этом источнике: «А на Орлеце дворяномъ хоженного белка; а езды и позовы от Орлеца до Матигоръ две белки езду, до Колмогоръ две белки, до Курьюстрова две белки, до Чюхчелема две белки, до Ухтьострова две белки, до Кургии две белки, до Княжаострова четыре белки, до Лисичаострова семь бель, а до Конечныхъ дворовъ десять бель, до Нонаксы дватцать бель, до Уны тритцать бель; а с Орлеца вверх по Двине до Кривого белка, до Ракулы две белки, до Наволока три белки, до Челмахты четыре белки, до Емци пять бель, до Калеи десять бель, до Кириегоръ семнатцать бель, до Тоимы до Нижние тритцать бель; а на правду вдвое»²⁵.

Москва сумела удержать Двинскую землю только в течение года. В 1398 г. новгородцы собрали рать в 3 тыс. человек и возвратили свои владения²⁶. И хотя летописи содержат упоминания еще о нескольких столкновениях Москвы с Новгородом за Двинскую землю²⁷, последнему удалось сохранять контроль за нею практически до конца новгородской независимости. Московским владением Двинская земля окончательно стала в 1471 г.²⁸

Впрочем, двинянам приходилось воевать не только против войск великого князя. Под 1349 г. новгородский летописец поместил известие о том, что «ходиша новгородци и двиняне на мурманы (норвежцев. — К.А.)»²⁹. Во время шведско-новгородской войны 1411 г. «ходиша изъ Заволочья воиноу на мурмане новгородчкымъ повелениемъ, а воевода Яковъ Степанович, посадникъ двиньскыи, и повоеваша их»³⁰. Ответное нападение норвежцев на беломорское побережье Двинской земли последовало в 1419 г.: «Того же лета, пришед мурмане воиноу въ 500 человекъ, в бусах и в шнеках, и повоеваша въ Арзуги погость Корильскыи и в земле Заволочкой погосты: в Неноксе, в Корельскомъ манастырь святого Николы, Конечный погость, Яковлю кюрю, Ондраяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ манастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризицъ посекле, и заволочане две шнеки мурманъ избиша, а инии избегоша на море»³¹. Еще один набег норвежцев на Нёноксу зафиксирован в 1445 г.: «Того же лета приидоша свья мурмане безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полонъ поведоша. Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша въ Новъгород с четыредесять; а воеводы ихъ, Ивора и Петра и третьего, убиша; иinei же, мало вметавшееся в корабли, отбегоша»³².

Несмотря на это, Нёнокса в XV—XVI вв. благодаря солеварению становится одним из крупнейших промысловых центров Поморья.

Об этом можно судить по жалованной грамоте середины XV в. Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю. Согласно этому источнику, ежегодно в крупнейший из русских монастырей соль доставлялась на 11 ладьях. При этом ссылка в данном источнике на «старую жаловальную грамоту» свидетельствует, что подобные поездки за солью для этого времени не были чем-то новым³³. Судя по грузоподъемности указанных судов, речь в данном случае идет приблизительно о 15—17 тыс. пудов соли.

В монастырских архивах сохранилось несколько десятков актов, донесших до нас живые следы хозяйственного и социального быта нёнокшан XV—XVI вв.

В Нёноксе имелось несколько мест, где концентрировались соляные промыслы: «на Наволоке», «на Великих Местах», «на Чепуре», «на Смердых местах». В середине XVI в. в общей сложности здесь действовало 15 варниц, каждая из которых имела свое собственное название³⁴. Развитию солеварения в Нёноксе способствовало то, что рассол здесь залегал на глубине всего 5—6 сажен. По трубам из скважин он поступал в солеварни, где его заливали в црены — огромные железные сковороды, и в дальнейшем выпаривали под воздействием огня. При этом здешние соляные рассолы выгодно отличались своей «добротностью» (11%). Все это приводило к тому, что в Нёноксе с кубометра сжигаемых дров выходило 68 кг соли, в то время как в солеварнях соседней Уны — 34, а Луды — только 30 кг³⁵. К тому же нёнокская соль («ключевка») считалась лучшей на Севере, поскольку добывалась, в отличие от других беломорских усолій, не из морской воды, а из подземных ключей.

Судя по наиболее ранним из дошедших источников, сезон солеварения обычно начинался в декабре — с Рождества Христова или за неделю до этого праздника, и длился «до распутия», т.е. 4—4½ месяца. Связано это было с тем, что именно на зиму приходилась рубка дров, без которых работа варниц была немислимой. За это время проводилось порядка 120 варок, именовавшихся «ночами», под которыми тогда понималась отдельная затопка или варя, длившаяся обычно сутки и продолжавшаяся до получения соли, или, по выражению северных солеваров, «сугреба»³⁶. Затем готовую соль (обычно 48—50 пудов за одну варю) сгребали с црена, убирали золу, закладывали новую порцию дров, заливали рассол, и варка начиналась снова. Готовую продукцию собирали в огромные коробья (весом в семь пудов), затем складировали в 14 исполинского размера амбарах на берегу Нижнего озера.

Устройство варниц, включавшее трудоемкие работы по бурению почвы, сооружению колодца и соляных труб и т.п. требовало зна-

чительных затрат. По данным XVI—XVII вв., стоимость црена равнялась 20—60 рублям, его капитальная починка, требовавшаяся довольно часто, стоила примерно столько же, перекладка труб — около 30 рублей³⁷. Неудивительно, что варницы, как правило, держали несколько владельцев. На долю каждого из хозяев (они именовались сябрами) приходилось несколько «жеребьев» или «вытей». Можно полагать, что выть обозначала равные доли труда и расходов и равное вознаграждение за них солью. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в начале XVII в. каждая из варниц Нёноксы обычно имела от 6 до 13 совладельцев³⁸.

Торговля солью являлась чрезвычайно прибыльным делом. С открытием навигации ее морем вывозили в Холмогоры. Оттуда она по Северной Двине и Сухоне поступала в Вологду, а затем сухим путем на возах соль доставляли в Москву и другие центральные города. По материалам рубежа XVI—XVII вв. известно, что уже в Вологде ее цена была в три раза выше, чем в Нёноксе. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в начале 90-х годов XVI в. соль в Холмогорах продавали по 3—4 копейки за пуд, тогда как в Москве цена пуда достигала уже 12—13 копеек. Торговые издержки в среднем составляли 3 копейки с пуда. Следовательно, чистый доход составлял 6 копеек с пуда³⁹. При огромных объемах торговли эти цифры складывались в очень значительные суммы.

Не менее выгодной была и торговля рыбой. Судя по данным середины XVII в., пуд семги в местах промыслов скупщики покупали по 16 алтын за один пуд или обменивали пуд рыбы за два пуда муки. В Вологде пуд семги стоил уже 21 алтын, а в Москве его цена достигала рубля⁴⁰.

Понятно, что богатства Поморья достаточно рано стали привлекать предприимчивых людей. Уже в начале XVI в. среди хозяев нёнокских варниц начинает выделяться группа «лучших» крестьян. Особенно заметной была большая семья Кологривовых, целенаправленно скупавших в Нёноксе и по всему Летнему берегу участки земли, рыбные ловли и пожни. Сосредоточив внимание на соляных промыслах, Кологривовы довольно быстро превратились в видных солепромышленников. Из действовавших в середине XVI в. в Нёноксе 15 варниц Кологривовы имели выти (или их части) в 12 варницах. Крупными промышленниками являлись Вепревы, вологжане Кобелевы и представители других фамилий⁴¹. Дж. Флетчер в конце XVI в. упоминает Нёноксу в качестве одного из главных мест соледобычи в России⁴². Примечательно, что в это время она начинает именоваться посадом. В средневековой Руси этим словом обозначали поселение, основным занятием жителей которых являлись промыслы и торговля.

Доходность солеварения привела к тому, что на здешние варницы обращают внимание крупнейшие и влиятельные на Русском Севере монастыри. Первым, уже в первой трети XVI в., сюда проник Соловецкий монастырь. Вслед за ним свою деятельность здесь развивают Кирилло-Белозерский, Антониево-Сийский, Николо-Карельский и Архангельский монастырь в Холмогорах. При этом монастыри стремились в Нёноксу, не заводя новых промыслов, а стараясь заполнить уже готовые и тем самым избежать трудоемких работ и расходов по устройству соляных колодцев и варниц.

Во многом переходу варниц в руки монастырей способствовала их успешная ростовщицкая деятельность. Но было и другое обстоятельство, сильно подрывавшее позиции местных солеваров, — в отличие от них обитатели имели право беспошлинной торговли солью. Известно, что в середине XVI в. Соловецкий монастырь ежегодно мог беспошлинно продавать 6 тыс. пудов соли, к началу XVII в. эта цифра выросла до 100 тыс. пудов, а в 1630-х годах дошла до 130 тыс. пудов. Кирилло-Белозерский монастырь, имея вначале право беспошлинно торговать 10 тыс. пудами соли, позднее довел эту цифру до 40 тыс. пудов. Привилегия Антониево-Сийского монастыря в 10 тыс. пудов беспошлинной торговли, к 1630-м годам возросла до 20 тыс. пудов. Даже небольшому Николо-Карельскому монастырю было позволено беспошлинно торговать 4 тыс. пудов соли⁴³.

Все это в итоге привело к вытеснению из солеваренного промысла местных крестьян. По подсчетам Е.И. Заозерской, опиравшейся на данные писцовых книг 20-х годов XVII в., в этот период они контролировали лишь 27% промысла. Как следствие этого, исчезли и дворы «лучших» крестьян, на базе которых выдвигались крестьяне-промышленники. Все это подготовило переход Нёноксы со всеми ее угодьями и населением в вотчину Кирилло-Белозерского монастыря по царской грамоте от 8 августа 1615 г.⁴⁴

Из других событий этого времени отметим, что в середине XVI в. волею случая Нёнокса стала именно тем местом, куда в 1553 г. впервые причалил к русским берегам английский путешественник Ричард Ченслер. Он был главным штурманом экспедиции Хью Уиллоуби, направленной «Компанией общества купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых» на поиск северо-восточного морского пути. Флотилия экспедиции, состоявшая из трех кораблей, покинула Лондон 20 мая 1553 г. У мыса Нордкап корабли попали в сильный шторм и потеряли друг друга из вида. Ченслер, командовавший одним из них, решил плыть дальше на восток, оказался в Белом море и 24 августа бросил якорь напротив Нёноксы⁴⁵.

Результаты плавания Ченслера имели значительные последствия. Оно привело к установлению дипломатических отношений между двумя странами и началу взаимной торговли. 26 февраля 1555 г. английское правительство утвердило хартию специально учрежденной для торговли с Россией «Московской компании». В том же году Ченслер по уже знакомому маршруту привел вновь английские корабли к устью Северной Двины. С октября 1555 г. по июнь 1556 г. Ченслер находился в Москве⁴⁶. Возвращаясь в Англию, 10 ноября он погиб с сыном в шторме у берегов Шотландии. С ним следовал русский посол Осип Непея, которому удалось спастись во время бури⁴⁷.

Несмотря на то, что в период Смутного времени начала XVII в. Нёнокса пострадала от нашествия «черкас»⁴⁸, именно в этом столетии здешние солеваренные промыслы достигают наибольшего размаха. В это время они являлись важнейшей хозяйственной статьёй северных монастырей. Именно на них базировалось хозяйство Соловецкого монастыря, а у Кирилло-Белозерского монастыря поступления от продажи соли достигали 50% его доходов. Обитатели, желая еще больше их увеличить, шли по пути увеличения числа цренов и количества варей. Если в начале XVI в. сезон варки соли ограничивался зимним временем и 120 варями, то в середине этого столетия их число достигает 160. В XVII в. количество варь в году доходило до 240 и даже до 300.

Такая интенсификация производства в конечном итоге привела к обратному результату. Как известно, варницы потребляли массу дров. В 1560-х годах власти Соловецкого монастыря потребность в дровах для одного црена при 160 варках в год определяли в 600 сажень дров, или иными словами, в 3,75 сажени на одну варку. Заготовка огромного количества дров привела к тому, что леса в окрестностях Нёноксы на 30 км вокруг были практически вырублены. Все более дальняя транспортировка топлива не могла не сказываться на себестоимости соли. Другим негативным фактором резкого роста ее добычи стало засорение и истощение целого ряда соляных источников. Первыми в Нёноксе, еще в XVI в., были заброшены источники «на Смердых местах».

Как следствие этого, когда в середине XVII в. на общероссийский рынок выходит дешевая соль из Нижнего Поволжья, Урала, соль Нёноксы и Поморья оказалась не в состоянии конкурировать на рынках Центральной России. Начинается процесс медленного умирания северного солеварения.

С конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. северное солеварение постепенно приходит в упадок. Во второй половине XIX в. выварка соли еще проводилась на Нёнокском, Унском и Лудском

казенных заводах, однако сильно сократилась по сравнению с предыдущим столетием. К началу XX в. соль в небольших количествах продолжала добываться лишь в Нёноксе. В годы Гражданской войны наблюдалось временное возрождение северного солеварения, но с ее окончанием оно полностью прекратило свое существование⁴⁹.

Все это в итоге привело к постепенному упадку Нёноксы. Она начинает замыкаться в себе, а безмолвными свидетелями ее былого расцвета остаются сохранившиеся до сих пор уникальные деревянные храмы. На рубеже XIX—XX вв. Нёнокса становится даже местом ссылки политзаключенных. В 1904 — 1905 гг. ее здесь отбывала знаменитая Вера Николаевна Фигнер.

¹ Повесть временных лет. — 2-е изд. — СПб., 1999. — С. 7, 8.

² Полное собрание русских летописей. — Т. III. — М., 2000. — С. 161, 201; Т. IV, ч. 1. — С. 134. — (Далее: ПСРЛ).

³ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976. — С. 147, 148.

⁴ *Спиридонов, А.М.* Локализация пунктов устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // Краткие сообщения / Институт археологии. — М., 1989. — Вып. 198: Средневековая археология Восточной Европы. — С. 19.

⁵ ПСРЛ. — Т. III. — С. 57.

⁶ Там же. — С. 221; *Соловьев, С.М.* Сочинения. — М., 1988. — Кн. I. — С. 575, 576.

⁷ ПСРЛ. — Т. III. — С. 236; Т. IV, ч. 1. — С. 177; *Соловьев, С.М.* Сочинения. — Кн. I. — С. 581.

⁸ ПСРЛ. — Т. III. — С. 229.

⁹ *Булгаков, М.Б.* Народы Европейского Севера России в XVII веке: управление и хозяйство. — М., 2008. — С. 8, 9.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — С. 9. — № 1. — (Далее: ГВНП).

¹¹ Там же. — № 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

¹² Там же. — С. 141, 142. — № 83.

¹³ Там же. — С. 142, 143. — № 84, 85.

¹⁴ *Бернштам, Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. — Л., 1978. — С. 54, 55, 59.

¹⁵ Там же. — С. 68, 69.

¹⁶ ГВНП. — С. 142. — № 85.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. III. — С. 355; Т. IV, ч. 1. — С. 271.

¹⁸ Там же. — Т. III. — С. 477.

¹⁹ *Тихомиров, М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. — М., 1952. — Т. 40. — С. 255.

²⁰ *Заозерская, Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв.: к вопросу о генезисе капитализма в России. — М., 1970. — С. 99.

²¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 148.

²² ПСРЛ. — Т. III. — С. 380, 381; Т. IV, ч. 1. — С. 347.

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 13, 16, 17.

²⁴ ПСРЛ. — М., 2004. — Т. XXV. — С. 227; Т. III. — С. 389—390; Т. IV, ч. 1. — С. 382.

²⁵ ГВНП. — С. 145. — № 88.

- ²⁶ ПСРЛ. — Т. III. — С. 391—393; Т. XXV. — С. 228.
- ²⁷ Там же. — Т. III. — С. 396, 407, 408, 415.
- ²⁸ Там же. — Т. XXV. — С. 290.
- ²⁹ Там же. — Т. IV, ч. 1. — С. 279.
- ³⁰ Там же. — Т. III. — С. 403.
- ³¹ Там же. — Т. III. — С. 411, 412; Т. IV, ч. 1. — С. 426.
- ³² Там же. — Т. III. — С. 426.
- ³³ ГВНП. — С. 151. — № 95.
- ³⁴ Приведем некоторые из названий варниц: на Наволоке — Глубокая, Никольская, Скоморошица, Новая и Кобелиха; на Великих Местах — Новая, Григорьевская, Михайловская, Климшинская, Яковлевская (*Заозерская, Е.И.* У истоков крупного производства ... — С. 115, 116).
- ³⁵ *Шульман, Ю.М.* История посада Нёноксы: ист.-краевед. очерк. — М., 1997. — С. 30—31, 40. — К 600-летию первого датированного упоминания о посаде Нёнокса.
- ³⁶ *Заозерская, Е.И.* У истоков крупного производства ... — С. 106.
- ³⁷ Там же. — С. 51.
- ³⁸ Там же. — С. 133.
- ³⁹ Там же. — С. 137, 138.
- ⁴⁰ *Булгаков, М.Б.* Народы Европейского Севера ... — С. 151.
- ⁴¹ *Заозерская, Е.И.* У истоков крупного производства ... — С. 119—125.
- ⁴² *Флетчер, Дж.* О государстве Русском. — М., 2002. — С. 26.
- ⁴³ *Заозерская, Е.И.* У истоков крупного производства ... — С. 128—139.
- ⁴⁴ Там же. — С. 133.
- ⁴⁵ Подробнее о плавании Р. Ченслера: *Чанселлор, Ч.* Записки Чанселлора. Открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай. 1553. — Архангельск, 1998; Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус). — М., 1884. — С. 1—12.
- ⁴⁶ ПСРЛ. — Т. XIII, ч. 1. — С. 262, 270.
- ⁴⁷ Там же. — С. 285.
- ⁴⁸ Там же. — М., 1965. — Т. XIV, вып. 1. — С. 140.
- ⁴⁹ *Климов, А.И., Климова, Е.В.* Здравствуй, Нёнокса!: к 600-летию поморского села Нёноксы. — Архангельск, 1998. — С. 25, 26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Занимается историей русских княжеств XIV в., историей Москвы и Подмосковья.

Анисимов Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Основное направление научных исследований – внешняя политика и деятельность дипломатии России середины XVIII в.

Базанов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: военная история России первой четверти XX в., история Первой мировой войны, история революций 1917 г., история Гражданской войны.

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: проблемы истории России XX–XXI вв.: национальные отношения, советское и национально-государственное строительство, история этнических меньшинств.

Быстрова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: история России XX в., военная история, история антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, история международных отношений, история военно-промышленных комплексов в XX в.

Вербицкая Ольга Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, занимается аграрной историей России, исторической демографией.

Ермолов Арсений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Высшей школы экономики. Занимается историей экономики и военной историей России XX в.

Земсков Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: различные аспекты отечественной истории XX в.

Зубкова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: социальная и политическая история СССР послевоенного времени.

Корелин Авенир Павлович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист в области экономической, политической, социальной истории России XIX – начала XX в.

Куманев Георгий Александрович – академик, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН, занимается освещением научных проблем военной истории Отечества, в первую очередь войн и военных конфликтов XX в. В центре его внимания также вопросы военной экономики, перебазирования производительных сил, транспорта, проблемы историографии, источниковедения и др.

Кучкин Владимир Андреевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по истории Древней Руси, специалист по истории Руси IX–XV вв.

Мягков Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН. Сфера научных интересов: история Великой Отечественной войны, история Второй мировой войны, международные отношения 1930–1940-х годов, особенности боевых действий вермахта на советско-германском фронте, 1941–1945 гг.; история советско-американских отношений, 1939–1945 гг.; причины «холодной войны».

Новохатко Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма. Область научных интересов: теория управления, история государственного управления, приказная система, источниковедение, археография, палеография, история вооруженных сил, история социальных коммуникаций, история архитектуры.

Осокина Елена Александровна – доктор исторических наук, профессор университета Южной Каролины (США). Специалист по социальной и экономической истории России XX в.

Павлов Дмитрий Борисович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Сфера интересов: общественное движение в России первой четверти XX в., русско-японские отношения в конце XIX – начале XX в. (особенно в 1904–1905 и 1914–1918 гг.), историография, источниковедение.

Сафронов Вячеслав Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист в области международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XX в.

Стефанович Петр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Занимается историей России IX–XVII вв.: социальная история, история церкви.

Христофоров Василий Степанович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром публикации источников по истории России XX в. ИРИ РАН. Специалист в области политической, социальной и военной истории России XX в.; политической и военной истории Афганистана XX в.; истории отечественных органов государственной безопасности; по рассекречиванию и введению в научный оборот документов государственных и ведомственных архивов.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 11

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Компьютерная верстка: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 32,1.
Тираж 500 экз. (первый завод 300 экз.)

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru
Заказ № 0000/00

